

АНТОН ИВАНОВИЧ

ДЕНИЖКИН

Очерки русской смуты

Вооруженные силы юга России

Распад Российской империи

Октябрь 1918 – январь 1919

Воспоминания

Мемуары

МИНСК
ХАРВЕСТ
2002

УДК 947
ББК 63.3(2)
Д 33

Серия основана в 2000 году

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Деникин А. И.
Д 33 **Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга Рос-
син. Распад Российской империи. Октябрь 1918 — январь
1919.**— Мн.: Харвест, 2002.— 560 с. (Воспоминания. Ме-
муары).

ISBN 985-13-1145-6.

Автор «Очерков русской смуты» Антон Иванович Деникин (1872—1947), занимая в период с 1917 по 1920 гг. ключевые посты в русской армии, сыграл значительную роль в истории России, став одним из руководителей белого движения.

В данной книге автор рассказывает о событиях Гражданской войны в последние месяцы 1918 — начале 1919 года. Значительное место занимает описание и анализ политических процессов, происходящих в то время на окраинах Российской империи и приведших к ее распаду.

Для широкого круга читателей.

УДК 947
ББК 63.3(2)

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.05.02.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ. Бумага
типографская. Усл. печ. л. 29,4. Тираж 7000 экз.
Заказ 3179.

ISBN 985-13-1145-6

© А. И. Деникин, 2002
© Оформление
Харвест, 2002

ГЛАВА I

КРУШЕНИЕ ГЕРМАНИИ И ЕГО БЛИЖАЙШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ

Эпилог мировой войны вызвал глубокие сдвиги в ходе русской смуты.

Падение центральных держав — неизбежное, намечавшееся давно уже целым рядом зловещих признаков — явилось все же неожиданным по своей стремительности и катастрофическим размерам. Не только реальные последствия его, но и сама грандиозность события ошеломили и победителей, и побежденных, и тех, что стояли уже за сценой мировой трагедии, но были еще связаны прочными цепями с одной из сторон. В ближайшие месяцы после окончания войны мы станем поэтому свидетелями крайней неустойчивости и непонятных на первый взгляд противоречий в политике держав-победительниц. Мы увидим также, как те скрепы, которые в 1914 году искусственно связали мир в два взаимно враждебных лагеря, начали понемногу рушиться, и пути народов стали расходиться вновь. Что, наконец, в нравственный облик человечества конец борьбы не внес умиротворяющего начала, но углубил еще более последствия войны и революций: безбрежную ненависть, разлившуюся по всему свету, и бездонный эгоизм — государственный, классовый и личный.

Изменились «театры», средства и способы, но сама борьба не стихла.

...

Наиболее разительные противоречия в этот период являла собою жизнь Российского государства.

В течение 6—8 месяцев от Балтийского моря до Азовского стояла сплошная стена немецких штыков, отделявшая

19 губерний¹ от советских владений. По одной стороне этого рубежа шло неприкрытое расхищение или балканизация российской территории и тяжелая экономическая эксплуатация ее. Но жизнь и достояние населения находились там под защитой чужеземной власти, поскольку, впрочем... полевая юстиция и широкие реквизиции не попирали права.

По другой стороне бушевала анархия.

Немецкий кордон, создавая тесную блокаду советской России, отрезая ее от морей, житниц и угля, ставил в весьма тяжелое положение всю политико-экономическую жизнь страны. Но он имел и некоторые положительные стороны для советов: присутствие немцев и договорные отношения с ними обеспечивали советские пределы от вторжения с запада какой-либо иной враждебной внешней силы² и вместе с тем в районе оккупации не допускали сколько-нибудь серьезной организации противобольшевистских элементов. Австро-немецкая оккупация давала советам «передышку», столь необходимую ввиду надвигавшейся с Востока и Юга опасности.

Поражение центральных держав должно было в корне изменить это положение.

И по одну, и по другую сторону «стены» возникла продиктованная где надеждой, где страхом уверенность в том, что изменятся лишь внешние декорации; что австро-германцев сменят союзники и военно-экономическая блокада советской России примет отныне характер активной интервенции. Русская общественность видела в такой постановке вопроса естественное продолжение борьбы и морально связывающих союзнических отношений, видела и существенные интересы самих держав Согласия, для которых распространение большевизма представляло прямую и явную угрозу. Так же думали и большевики. «Опасность велика, — говорил Троцкий, — (тем более) что у союзников руки развязаны.. Вся история сейчас, как в од-

¹ Не считая Польши и Финляндии.

² На Западном фронте для наблюдения большевики держали не более 15 тысяч штыков, от Пскова до Минска.

ном комке, сгустилась для нас в этом вопросе»¹. Но не только мотивы чисто умозрительные поддерживали это убеждение: оно основывалось на письменных актах держав Согласия и, как увидим ниже, на официальных заявлениях ответственных их представителей.

29 октября Германия приняла условия перемирия, продиктованные ей победителями. В части, касающейся России, Согласие потребовало: отхода австро-германских войск Восточного фронта на государственную границу 1914 года, не определяя, однако, срока; эвакуации портов Черного моря с выдачей союзникам всех судов и портовых материалов — германских, нейтральных и русских; аннулирования Брест-Литовского договора; возвращения русского золотого запаса²; обеспечения свободного прохода союзного флота через Категат в Балтийское море. Через два дня общие условия перемирия были несколько изменены в пользу Германии, причем очищение областей, «принадлежавших перед войной России», было отложено до того момента, когда союзники признают его возможным сообразно внутреннему положению этих областей. Немцы обязывались лишь прекратить реквизиции и иные принудительные меры, имевшие целью «добыть вспомогательные средства в России» и открыть свободный доступ союзникам на восток через Данциг и Вислу «для обеспечения населения продовольствием и для поддержания порядка».

Насколько серьезны были первоначальные намерения союзников в этом отношении, русская общественность не отдавала себе ясного отчета. Но отовсюду — из западных областей, с Украины, с Юга и из Крыма от правительственных кругов, общественных и политических групп всеми доступными путями текли просьбы к союзникам об интервенции и вместе с тем об оставлении в оккупированных областях германских войск впредь «до смены». Эти пожела-

¹ Доклад в Воронеже 5—18 ноября 1918 года.

² 27 ноября 1918 года 320 миллионов русского золотого запаса поступило в Banque de France. Впоследствии это золото было разделено и удержано англичанами и французами «в обеспечение русского долга».

ния разделялись отчасти и германским командованием на Востоке, хотя бы по техническим соображениям: оно стояло перед стихийным напором солдатской массы, стремившейся вернуться домой, и вместе с тем перед полным расстройством (временами параличом) транспорта: на Востоке — от общего неустройства, социальной и экономической распри, повстанчества и бандитизма; в Германии — от первых потрясений революции и хлынувшей с фронта трехмиллионной армии, затопившей всю железнодорожную сеть страны. В результате главная немецкая квартира в Киеве давала успокоительные заверения делегациям киевского населения, что германская армия «не покинет края, так как явилась она сюда не для завоевания, а по приглашению украинского народа для его защиты». И в то же время в приказе войскам определялся порядок начавшейся уже эвакуации — первоначально Крыма — с требованием сохранения войсками дисциплины и порядка, без чего невозможно благополучное возвращение их на родину. А злополучное украинское правительство, для которого уход немецких войск знаменовал приближение конца, чтобы успокоить возбуждение немецких солдат и вместе с тем снискать расположение союзников, вынуждено было говорить, скрывая свое тяжелое положение: «Слухи, будто правительство преднамеренно задерживает отправку германских войск на родину... настолько бессмысленны, что только злонамеренность могла их придумать. Украинская держава ни в каком отношении не может быть заинтересована в удержании на своей территории германских войск»¹.

Отношения советской власти с официальной Германией долго оставались неопределенными. В октябре берлинская полиция обнаружила в багаже приехавшего советского представителя тюки прокламаций, призывавших немцев к убийствам и террору. Только тогда немецкое правительство решилось, наконец, принять меры в отношении «русского посольства», где под защитой экстерриториальности вел разрушительную работу тесный комплот русских

¹ Официальное сообщение 26. 11. 1918.

большевиков, немецких спартаковцев и «независимых». «Большевистский яд, — говорит Гельферих, — через русское посольство был привит немецкому народному организму. В благодарность за спасительную помощь, оказанную нашим правительством большевизму, он отблагодарил организацией революции в Германии, несомненно способствовавшей нашей катастрофе». Это довольно распространенное мнение страдает, конечно, большой односторонностью: как весной 1917 года *не одно* только немецкое золото послужило причиной распространения в России большевизма, так и в конце 1918 года *не одна* только агитация Иоффе и его сподвижников вызвала восстание спартаковцев.

Отношения с советами были порваны. Германское правительство потребовало отъезда из Германии в 24 часа всех находившихся в Берлине «русских официальных лиц» и одновременно отзывало своих представителей из Москвы. Это выступление побежденной уже Германии все же произвело в Москве известное впечатление, и Чичерин предостерегал «всех военкомов, командиров и советы»¹, что «хотя нет признаков, заставляющих ожидать военного выступления германцев, но следует быть наготове на случай всяких неожиданностей со стороны Германии». В то же время из Москвы по всем направлениям передавались призывы к «немецким товарищам» свергнуть «правительство принцев (Макс Баденский), капиталистов и предателей... Шейдемановцы с Эрцбергером продадут вас. Они договорятся с английскими и французскими капиталистами о разоружении... и тогда обратят вас в рабов. Только с оружием в руках вы захватите власть в свои руки и образуете рабоче-солдатско-матросское правительство с Либкнехтом во главе»².

27 октября разразилась в Берлине революция, и власть в Германии перешла к директории (по 3 члена от социал-демократического большинства и независимых) во главе с Эбертом. По образцам, выработанным русской революцией, повсюду в стране — в городах, гарнизонах, на фрон-

¹ Радиограмма от 24 октября № 1090.

² Радиограмма от 28 октября.

те — возникли советы солдатских и рабочих депутатов. В Берлине образовался Главный совет, выделивший из своего состава Центральный исполнительный комитет из 27 членов. Совет и комитет делали попытки правотворчества и декларирования максималистских принципов, но тем не менее признали исполнительную власть директории.

Немецкая революция возбудила в советском стане безграничные надежды. Волны радио несли из Москвы «восторженные приветствия», «оплакивали жертвы, павшие в священной борьбе» и были полны такой плакатной пошлости и такого неприкрытого эгоистического ликования, что произвели, вероятно, гнетущее впечатление в поверженной стране, пережившей свой национальный траур. Откликнулся берлинский Совет рабочих и солдатских депутатов, но с ним невозможно было технически установить прочную связь. Правительство же Эберта—Гаазе, «стоя на основах нормальных правовых взаимоотношений», явно уклонялось от близкого общения с московской властью под предлогом оскорбления германских консулов Москвы и Петрограда, с которыми совет комиссаров «как с представителями Гогенцоллернов» отказался продолжать сношения. А главное — германское правительство подчеркивало, что оно «не в состоянии устранить те препятствия, которые могло бы встретить на пути своего возвращения русское посольство (Иоффе)»¹.

И московское радио начало мало-помалу менять ликующий тон своих сообщений. Посыпались жалобы «всем, всем, всем», что «русское правительство стремится вступить в связь с товарищами нового германского государства, но тщетно, несмотря на искренне выраженное желание берлинского рабочего народа». Просьбы, встречаемые с недоверием, «установить прямой провод Ковно—Берлин, во избежание кровавых столкновений в оккупированных областях». Щедрые посулы в уплату за возобновление дипломатических отношений: «Два поезда с зерновыми продуктами стоят наготове для трудового немецкого народа...

¹ Радиограмма от 1 ноября.

И это только начало»¹. Пресловутые «два поезда» в советской политике считались, очевидно, золотым ключом к сердцу германского народа, так как о них говорится в нескольких телеграммах Чичерина наряду с предложением другого важного предмета экспорта: Чичерин просил также о пропуске в Берлин «всех представителей московского Совета немецких солдатских депутатов», и беспрепятственном распространении в стране «документов, изготовленных в Москве... немецким революционным солдатством». Нетерпение советского правительства было так велико, что уже на 9-й день германской революции московское радио не могло побороть его: «Скорбь, раздражение усиливаются от доходящих до нас сведений, что немецкие революционные рабочие и революционные солдаты не пытаются вовсе проявить свою солидарность перед лицом этой опасности...². Правительство обращается с призывом к революционным массам в Германии».

В это время германский народ сам, без содействия московских правителей, вернее вопреки ему, разрешал вопрос своего бытия. Группа Либкнехта (спартаковцы), поддерживаемая большевистским золотом, в конце декабря произвела восстание, кроваво подавленное войсками, верными правительству; вожди независимых — Либкнехт и Роза Люксембург — были убиты. Созванное на 6 января 1919 года Национальное собрание установило новую конституцию Германской республики. Первому правительству ее пришлось скоро (в феврале) напрячь большие усилия к подавлению нового восстания спартаковцев, охватившего Баварию, но это была уже последняя серьезная вспышка воинственного коммунизма.

Революция охватила только страны побежденные. Психология победителей оказалась невосприимчивой к проповеди крушения современного государственного строя. Но и там, в стране побежденных, события протекали иначе, чем в России. Германия, за ней Венгрия — в силу инди-

¹ Радиограмма от 12 ноября.

² Начавшиеся столкновения между германскими солдатами и русскими большевиками в оккупационной зоне.

видуальных черт народного характера, особенностей социально-экономического строя и не без влияния наглядных результатов русского опыта — избегли участи, предначертанной судьбою русскому народу.

Это обстоятельство похоронило надолго надежды московских коммунистов на близкую возможность мирового пожара.

•••

Не достигнув желательных результатов в сношениях с центральной германской властью, советское правительство обрушилось всеми средствами агитации и пропаганды на войска Восточного австро-германского фронта. Делегации, воззвания, телеграммы внушали фронту идеологию и практику русского большевизма, в том числе необходимость «расправиться со своими офицерами и генералами, так как только вступление во власть солдат и рабочих вызовет доверие в пролетариате Англии и Франции, и он заставит свои правительства заключить почетный мир». Ставились общие задачи и более активные: «В России, на Украине, на Дону и в Кубанской области есть хлеб для нас и для вас. Поэтому-то англичане спешат, чтобы помочь генералам Скоропадскому, Краснову и Деникину вырвать хлеб у рабочих. Если вы хотите хлеба, то спешите действовать. Германские рабочие и солдатские и матросские советы должны немедленно по радиотелеграфу приказать находящимся на Украине частям напасть на красновские банды, в то время как Красная армия атакует (их) с севера.. Совместно мы можем в две недели раздавить их».

Все эти призывы, влияя на ускорение общего развала австро-германского фронта, бессильны были, однако, побудить к действиям людей, все помыслы которых были направлены на возвращение на родину, объятую пожаром, к своим очагам, затерянным в его пламени и дыме. Этот момент в психологии оккупационных войск на западе России сыграл такую же решающую роль, как и в чехословацком движении на Востоке.

Не достигнув результата в привлечении на свою сторону германских войск, советская власть вскоре изменила тактику: московское радио стало разносить по свету воззвания

новоявленных «рабочих и крестьянских правительств Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии» и проч., возникших на стогнах Москвы и требовавших скорейшего ухода оккупационных войск

Развал разноязычной, разноплеменной австрийской армии с потерей идеи общей государственности проявился немедленно и окончательно. На пространстве от Елизаветграда до Одессы и до Новоселиц распущенные банды австрийцев при содействии темных элементов русского населения, иногда при участии крестьян целых деревень, стекающихся к городам и станциям, жгли, грабили магазины, базисные склады, запасы спирта и в пьяном утаре учиняли погромы. Австрийские офицеры, бросив свой походный скарб, бежали сотнями в зону германской оккупации. Командующий австрийскими войсками в Одессе покончил с собой, не вынеся картины развала. Австрийские оккупационные войска сразу перестали играть роль внешнего военно-политического фактора в «русском вопросе», увеличив лишь собою ряды разбойной вольницы, поддерживавшей в крае анархию.

Германские войска не избежали общей участи, восприняв все внешние формы русской «революционной армии». С разных сторон шли вести о разложении немецких частей, о волнениях, митингах, оскорблениях, убийствах офицеров, самовольном уходе частей из занятых районов и повальном дезертирстве солдат, торопящихся на родину. Одновременно шла широкая спекуляция и распродажа военного имущества, лошадей, оружия и даже пушек.

Все это было.

Но было и другое: в мятущейся солдатской массе шла внутренняя борьба анархического мятежного начала с врожденной дисциплиной немецкого ума и духа, не позволившей переступить ту последнюю грань, за которой начинается самоубийство армии и нации. Германская армия перестала существовать, но осталась все же вооруженная сила, хотя и не желавшая больше воевать, но достаточно еще крепкая и организованная, чтобы в минуту отчаяния проложить себе путь на родину. Правительство Эберта—Гаазе—Шейдемана требовало от армии, чтобы,

«несмотря на все обстоятельства, военная дисциплина и уголовный кодекс сохранялись в неприкосновенности». Из Ковно, Киева и других военных центров, из высших советов солдатских депутатов раздавался трезвый голос о поддержании порядка. «Мы твердо решили удалить из своей среды все элементы, могущие вредить социалистической идее солдатских депутатов, но... энергично протестуем против всякого большевистского движения в нашей среде... Мы не допустим над собой насилия никакого террористического меньшинства», — писал в воззвании-приказе Ковенский совет. Словно по внушению, почти все солдатские комитеты выносили резолюции, сводившиеся к трем основным положениям: 1) сохранить организацию планомерного очищения оккупированной территории и правильной отправки войск в Германию; 2) до своего ухода оказывать противодействие наступлению советских войск; 3) в случае внутренних восстаний держать нейтралитет.

В ноябре начался исход.

Даже в техническом только отношении это была задача огромной трудности. Ибо на территории пылающей России и от Балтийского до Черного морей стояла еще полумиллионная армия — 36 австро-германских дивизий, удаленных от своих государственных границ от 600¹ до 3^{1/2}² тысяч верст.

ГЛАВА II

ВНУТРЕННЕЕ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ К КОНЦУ 1918 ГОДА

К 1919 году положение советской России по мнению не только врагов коммунистической власти, но и правителей ее представлялось глубоко безотрадным. В стране не было свободной печати, но и казенная и подневоль-

¹ Псков—Вержболово.

² Тифлис—Калиш.

ная¹ изо дня в день рисовала картину полного и безнадежного развала всех сторон народной жизни. Советские правители в своих многочисленных выступлениях под маской официального оптимизма не могли скрыть своей жгучей тревоги. Перечитывая теперь, спустя пять лет, все эти поблекшие от времени и «проявленные» в некоторой исторической перспективе страницы — свидетельство наших тогдашних настроений, — видишь, насколько далеки были и мы и они от правильной оценки мощных туков российской почвы, которую не может обесплодить вконец даже самое варварское, истребительное хозяйничанье; от оценки неисчерпаемых богатств, накопленных веками трудом народа и расточаемых трутнями и хищниками смутного времени; от оценки необыкновенной живучести народного организма, противостоящего невзгодам ряда лет войны, голода, мора, морального и физического рабства; наконец, как далеки мы были от понимания того безграничного долготерпения и непротivления русского народа, с которым он несет свое постылое ярмо!..

Все отрасли народной хозяйственной жизни шли к окончательному упадку, ведя к продовольственному и товарному голоду и к параличу транспорта. Государственные финансы держались только мощностью печатных станков² и инерцией общественного доверия к государственным денежным знакам *старого* образца. Достоинно внимания, что с 25 октября 1917 года до апреля 1919 года советское правительство не решалось подвергнуть испытанию доверие страны к «рабоче-крестьянской власти» и печатало фальшивые билеты Временного и царского правительства по старым клише, со старыми годами, дублируя нумерацию, и за подписью «царского» министра и управляющего государственным банком Шипова...

¹ «Правда», «Известия», «Северная Коммуна», «Экономическая жизнь» и т.д.

² До большевистского переворота всех денежных знаков в обращении страны было до 25 миллиардов рублей. В 1917 году большевики выпустили 29 миллиардов.

Немногочисленный правящий класс — коммунисты, составлявшие едва 0,5% населения советской России, — изображали из себя в стране осажденный лагерь. Московская власть кроила по живому телу страны «новые, небывалые формы организации», издавала и отменяла декреты и одновременно вела борьбу против *всех*. Борьбу против самовласти мест, где комиссары, комитеты, советы с их чрезвычайными комиссиями «расхищали власть Центра», проявляя нетерпимый областной (местный) партикуляризм... где, по выражению Ленина, «правила не коммунистическая партия, а просто треххвостка»; откуда с низов общественной иерархии, из волости доносился вопль: «Члены советов губят нас, насилуют нашу волю, над нами издеваются, как над бессмысленными скотами»¹. Борьбу с фабрично-заводскими комитетами, отстаивавшими свои элементарные права против кабальной системы, введенной коммунистической администрацией фабрик и заводов; права на личную свободу, на «вольный труд» и голодный паек, низведенный в первую треть 1919 года до размеров 30% минимальной потребности... Борьбу с кооперацией, которая декретом от 20 марта 1919 года была обращена в государственный аппарат с мертвающей рутинной советского бюрократизма..

Продолжалась борьба — широкая, вооруженная — власти и города против деревни. Вооруженный пролетариат шел походом на деревню не только за хлебом, но и за землей. Удержание в руках государства значительной земельной площади (в совхозах), официально объяснявшееся соображениями государственного порядка, имело обоснованием чисто классовые соображения. «Надо закрепить и поддерживать движение рабочих на землю без разрыва с фабрикой, — комментировал Ларин советский декрет. — Рабочий заинтересован в производительности завода, несущей ему освобождение от невыносимого гнета продовольственной диктатуры деревни». Деревня оборонялась по-своему: пассивно — уменьшением общей запашки до 40% и сокращением посевов технических растений до 75%; активно — «голодными бунтами»

¹ № 15 «Известий» 1919 г.

в уездах северной и центральной России, непрекращавшимися крестьянскими восстаниями, охватившими Московскую, Тамбовскую, Смоленскую, Рязанскую, Костромскую и другие губернии. Наконец, борьба жестокая, истребительная продолжалась против русской буржуазии, интеллигенции, людей науки и литературы, служителей церкви, бывшего офицерства. Словом, «борьба против Бога, человека и природы». Террор «Че-ка» по-прежнему не знал границ в числе своих жертв и в жестокости мучителей.

Не избежали гонения советской власти и социалистические партии, бывшие на полулегальном положении до февраля 1919 года, когда им был нанесен большой удар многочисленными арестами видных членов. С тех пор прекратилась всякая легальная деятельность в советской России социал-революционеров и социал-демократов, и органы их ушли в подполье. Тем более странным представлялся тот поворот в партийных взглядах и тактике этих партий, который привел их к безрезультатным попыткам *соглашательства и к отказу от вооруженной борьбы с большевиками.*

Официально в постановлении московской конференции эсеров, состоявшейся 6—9 февраля 1919 года, мотивы такого решения приведены были следующие¹:

«...4. Все более объединяющаяся буржуазно-помещичья реакция, питаясь методами большевистской власти и опираясь на поддержку союзного империализма, стремится восстановить в России дореволюционные порядки и вернуть страну во власть монархической реставрации. Неприемимая борьба с ней трудящихся классов диктуется их жизненными интересами...»

«...8. Конференция решительно отвергает попытки свержения советской власти путем вооруженной борьбы, которая при распыленности и слабости трудовой демократии и все растущей силе контрреволюции служит только на пользу последней и используется реакционными группами в целях реставрации...»

¹ Позднее, во второй половине июня, подтверждено 9-м советом партии.

Позиция социал-демократов меньшевиков в этом вопросе была более туманной, хотя и приводила к тем же результатам. Лидер меньшевиков Дан говорил обратившемуся к нему представителю Национального Центра: «Мы не считаем возможным сохранить наш прежний нейтралитет по отношению к той или иной части демократии, которая связывает себя с союзниками, потому что объективно эта часть демократии теперь становится врагом революции... Мы стоим за такое Учредительное собрание, которое рождено революционной волей. А чтобы создать такую волю, необходимо прекратить прежде всего гражданскую войну между двумя частями демократии — крестьянством и пролетариатом. Навязать эту волю силой пролетариату нельзя. Поэтому наша тактика должна быть направляема на то, чтобы рабочие-большевики сами пришли бы к необходимости соглашения с другими частями демократии. Вот почему мы являемся решительными противниками свержения большевиков вооруженной силой в союзе с имущими классами».

Без сомнения, такая мотивировка была неискренней. Она прикрывала моральное и политическое бессилие и одиночество революционной демократии. Исторические и социальные процессы привели к созданию на территории России трех разнородных вооруженных сил: Белой, Красной и Зеленой армий. Ни в одной из этих сил революционная демократия не могла создать себе не только политического главенства, но и сколько-нибудь прочного влияния. Ходом событий она была отброшена поэтому в сторону от поля битвы, не переставая, однако, и затем наносить извне удары, направленные по преимуществу в сторону белого движения.

Тяжело было положение советской власти и в области международных отношений. После падения центральных держав изменился состав внешних фронтов, но блокада — политическая, экономическая, моральная и стратегическая — замкнулась окончательно, отрезав советскую Россию от внешнего мира.

В октябре 1919-го, давая отчет о внешней политике советов за два минувших года, Чичерин характеризовал ее как отчаянные попытки *«вырваться из изолированного положения»*. До осени 1918-го, в период полной неналаженности госу-

дарственного аппарата и армии, это было достигнуто ценою Брест-Литовска с использованием противоположения интересов Согласия и центральных держав. С тех пор, как выяснилось близкое крушение Германии, совет комиссаров начал всевозможные попытки сближения с державами Согласия, впоследствии и с западными новообразованиями, ценою даже тяжелых материальных и территориальных компенсаций.

Советская власть отнеслась с серьезным беспокойством к новой военно-политической конъюнктуре. В своем докладе 6-му съезду Советов в конце октября Бронштейн говорил: «В связи с зимним временем на севере нам опасность не грозит, (но) на южном фронте до сих пор дела обстоят плохо... На юге нам грозит объединение немецко-красновских банд «французско-бельгийско-алексеевскими». В начале октября Чичерин опубликовал в московских «Известиях» свою ноту президенту Вильсону, составленную в обычном стиле большевистского лживого пафоса: «Мы готовы... заключить перемирие, если вы намерены удалить войска из Мурманска, Архангельска и Сибири. Мы согласны заключить мир, но ставим следующий вопрос: намерены ли правительства Согласия перестать требовать крови русского народа, если он согласится уплатить и откупиться от них? Если да, то какую дань требуют союзники концессиями, рудниками, приисками и территорией? Если вы не дадите ответа, то народ русский поймет, что условия Согласия столь тяжелы, что вы не желаете даже сообщить их русскому правительству».

Нота эта, предназначенная, очевидно, исключительно для агитации, осталась без ответа.

21 октября Чичерин вновь, уже в более корректных выражениях, обратился по радио к державам Согласия, «желая положить конец враждебным действиям», с запросом — когда и куда должны прибыть советские представители для переговоров...

В то же время (в конце октября) всероссийский ЦИК принял резолюцию об аннулировании Брест-Литовского мира.

Наконец, в ноте от 4 февраля советское правительство пошло на полную капитуляцию: оно предлагало за мир «признать свои финансовые обязательства по отноше-

нию всех кредиторов, как государств, так и отдельных лиц, входящих в состав союзных держав» выражало готовность «предоставить концессии на рудники, леса и т.д. гражданам союзных держав», и даже... «вести переговоры с союзными державами по вопросу о территориальных уступках».

Эти попытки чередовались, впрочем, с резкими призывами московского радио от имени III Интернационала¹, коммунистической партии и отдельных представителей советской власти — призывами к низложению буржуазных правительств Европы, для которых персонально и огульно в большевистском лексиконе находились самые презрительные определения. В то же время между Советом комиссаров и германским правительством (по официальной большевистской терминологии — «социал-предателями и палачами») шли также переговоры: тайно — о политическом и военном соглашении, открыто — о восстановлении экономических отношений обоих государств. Особенности нового «пролетарского» языка и приемов большевиков перестали, по-видимому, смущать реальных политиков Запада, привыкших по традиции облекать в изысканную форму даже тягчайшие акты насилия и теперь искавших безнадежно выхода в игре, небывало запутанной и осложненной грубым политическим и социальным шантажом.

Все эти многократные попытки сближения с державами Согласия оставались без результата, свидетельствуя лишь о том, в каком тяжелом внутреннем и международном положении находилась тогда советская Россия и какие поэтому огромные *объективные* возможности имели союзники для разрешения русского вопроса.

Эти неудачи, по словам Чичерина, поставили перед большевиками вопрос о решении *восточной проблемы* как единственном способе борьбы с сильными империалистическими державами:

«Революция на Западе замедлилась. Мы должны зажечь Восток, поднять бедноту Турции, Персии, Индии, поднять Афганистан!..»².

¹ Образовался на съезде в Москве в марте 1919 года.

² Подвойский.

Тем временем в начале 1919 года завершилась и стратегическая блокада советской России. Намерения противников были совершенно не ясны советской власти, силы их оставались неизвестными. В сохранившемся боевом расписании большевистского Генерального штаба в середине января они определялись следующим образом:

1. *Северный фронт* (от Мурманска до Печоры) — 57 955 штыков.

2. *Финляндский фронт* — 55 800 штыков.

3. *Западный фронт* (от Финского залива до Риги и до Мозыря) — $20\frac{3}{4}$ пехотных дивизий и 1 кавалерийская дивизия, из которых 12 пехотных и 1 кавалерийская — германские, прочие — «белогвардейские».

4. *Германо-украинский фронт* (от Мозыря до Азовского моря) — 17 пехотных дивизий и 4 кавалерийские дивизии.

5. *Донской и Добровольческий фронт* (по советским границам Донской области и между Азовским и Каспийским морями) — 51 пехотная и 32 кавалерийские дивизии.

6. *Восточный фронт* (от Верхотурья до Гурьева) — $35\frac{1}{2}$ пехотных и $17\frac{1}{2}$ кавалерийских дивизий.

Число дивизий у врагов советской власти, как увидим ниже, было фактически меньше. Внушительные названия «дивизия» нередко на русских фронтах носили части не свыше тысячи штыков. Но тем не менее в тесном кольце, сжимавшем со всех сторон советскую Россию, стояло под ружьем до полумиллиона ее врагов; все пять морей и два океана находились во власти флота Согласия, а в портах Белого и Черного морей и Великого океана высаживались международные десанты союзников.

Предстояла борьба тяжелая, борьба за самосохранение и за власть коммунистической партии, роковым образом ставившая на карту судьбу всего русского народа.

...

Одно из могучих средств борьбы — *пропаганда* — велась большевиками в размерах небывало широких. Она проникала всевозможными путями в ряды оккупационных и белых войск и в занятые ими районы. По мнению советских военных авторитетов, эта работа «играла решающую роль в организации победы Красной армии».

«Буржуазию мы не находили нужным привлекать на свою сторону, — говорит советский официоз¹. — Правда, делались попытки разложить буржуазию, вернее, тех, кто находился у нее в услужении: части офицерства делались предложения о переходе на сторону советской власти». Весь центр тяжести агитации и пропаганды был перенесен в рабочую и крестьянскую среду.

Отдавая пальму первенства в технике ведения пропаганды буржуазным государствам, и в частности Франции, перед которой «мы жалкие пигмеи», Бронштейн поясняет: «Дело не в том, что мы выдумали пропаганду... Дело даже не в методах, которые значительно более совершенны у наших противников, а дело в классовом содержании, в той идеологии, которой мы насытили свою пропаганду». И хотя, по словам Ленина, круто менявшего в 1919 году крестьянскую политику, «классы нельзя обмануть», хотя суровая действительность стояла в разительном, вопиющем противоречии с обольстительными посулами большевистской пропаганды, но она имела действительно известный успех, и не только в силу ошибок, проявленных противниками советской власти, но и потому, что не встречала равноценных по демагогической сущности обещаний с другой стороны, потому, что не улеглась еще вырвавшаяся из берегов народная стихия. Народ жил еще миражами, хотел быть обманутым и поддавался соблазну.

Сфера деятельности большевистской пропаганды выходила далеко за пределы России. В марте 1919 года во французских и швейцарских газетах появилась «инструкция» советского правительства представителям и агентам советской республики за границей, выработанная в Кремле в начале ноября 1918 года. Она давала указания для революционной работы в грандиозном мировом масштабе. В области международных отношений предписывалось поддерживать шовинистические движения и национальные конфликты; в области внутренней политики — вызывать противоправительственные движения; в экономической — поддерживать

¹ Официальный сборник Высшего военно-революционного совета.

забастовки, дезорганизовывать транспорт, создавать финансовые затруднения (между прочим, и наводнением рынка фальшивыми деньгами), в военной области — разлагать армии пропагандой и возбуждать солдат против офицеров. Все эти действия должны были способствовать внутренним переворотам и волнениям в «буржуазных империалистических странах», подготавливая почву для пришествия всемирной революции.

Оставляя в стороне вопрос о подлинности этого документа, нельзя не признать *объективной* его правды. Все его положения соответствуют в полной мере заявлениям советских правителей и служебного органа советской власти III Интернационала, соответствуют деятельности их, поглощающей огромные средства — последние финансовые ресурсы обнищавшей страны.

Перед миром встала новая угроза, симптомы которой начали вскоре появляться в самых отдаленных углах земного шара.

...

Принимались чрезвычайные меры и к созданию Красной армии.

В начале 1919 года большевистская власть почти окончательно ликвидировала прежние добровольческую и партизанскую системы комплектования, перейдя повсюду к общеобязательной воинской повинности и к регулярным нормам организации. К октябрю 1918 года призваны были уже «все трудящиеся» в возрасте от 18 до 35 лет. Собранный в декабре 1918 года в Москве «военный конгресс» вынес постановление о «всеобщем военном обучении», которое, по заявлению Подвойского, должно было к весне 1919 года поставить в ряды Красной армии до 3 миллионов бойцов. «Конгресс» призывал Россию «бороться с протягивающимися к ней руками черного Интернационала трудами непобедимой армии пролетариев красного Интернационала». Таким образом, национальный момент в предстоящей борьбе был исключен вовсе. «Наша борьба, — говорит один из советских деятелей, — шла под лозунгом не защиты России как таковой, а защиты власти крестьян и рабочих. Наша борьба была не борьбой про-

тив какого-либо государства как такового; а борьбой против буржуазии, где бы она ни находилась»¹.

Не раз, впрочем, большевики отходили от этого принципа, когда это им было выгодно или необходимо. Так они повели под национальным лозунгом красные *эстонские* и *латышские* полки в Прибалтику; «повстанческую *Украинскую армию*» Антонова-Овсеенко — против немцев и петлюровцев на Украину; наконец, в 1920 году в критический момент войны с поляками трагичным и недоуменным диссонансом прозвучит призыв Брусилова всей нации к патриотизму — призыв, родившийся по инициативе потерявшего почву правительства и командования, «несмотря на борьбу (с этим) руководящей партии»².

Красная армия в значительной степени утратила тот словный характер, который имела Красная гвардия. Но вместе с тем она стала слабее морально. В ней не было *никогда* того пафоса, того энтузиазма, о которых слагают легенды советские историки. Она была скована только силой государственного аппарата, террора и принуждения и до некоторой степени примирена тем привилегированным положением, в котором находился солдат в голодной, нищей стране. Ведь в состав ее входили в огромном числе элементы, чуждые коммунистической идеологии: на верхах — старый генеральный штаб и многочисленные представители царского офицерства, внизу — в преобладающей массе крестьянство, которое, по словам советских авторитетов, было «в громадном большинстве мелкобуржуазным, не имевшим ярко осознанных классовых интересов», крестьянство, которое «без большого труда комплектовало и те массы, которые буржуазия направляла против (советской власти)»³.

Красная армия сделала известные успехи в организации, обучении и устройстве технической и материальной части. Потому ли, что не было времени на приискание новых

¹ Официальный сборник Высшего военно-революционного совета.

² Там же.

³ Там же.

пролетарских форм организации, потому ли, что военная наука таких форм не знает, а во главе армии фактически стоял старый командный состав; Красная армия строилась всецело по образу и подобию армии императорской. Исключение представляли лишь коллегиальная форма верховной военной власти, институт комиссаров и комячейки, в руках которых находился надзор за командным составом и политическое воспитание массы. Во главе вооруженной силы поставлен был «Высший военно-революционный совет» с председателем Бронштейном и членами Подвойским, Антоновым, Сталиным и другими. Фактически, однако, вся власть была в руках Бронштейна. Центральное управление снабжения, созданное в июле 1918 года, имело также коллегиальный состав: во главе стоял «специалист» и при нем два комиссара. В таком виде управление просуществовало до декабря, когда перешло окончательно к единоличному возглавлению.

К началу 1919 года Вооруженные силы советской России сведены были в 12 армий, состоявших из отдельных пехотных и кавалерийских дивизий, насчитывавших вместе с внутренними резервами номинально до 800 тысяч бойцов. Главнокомандующим был офицер генерального штаба латыш Вацетис.

В половине ноября 1918 года на соединенном заседании Совета народных комиссаров и Совета народного хозяйства было выяснено отчаянное экономическое положение страны, отрезанной от источников питания сырьем.

В общих ресурсах государства имелось не более трехмесячной потребности железа, 14% чугуна и почти полностью отсутствовала медь; запасы хлопка на фабриках и заводах определялись к октябрю 1918 года в 777 тысяч пудов, против 3 миллиардов, имевшихся к октябрю 1917-го; нефти было всего 39 миллионов пудов; каменного угля — треть минимальной потребности и т.д. Единственное спасение советской России совещание видело в расширении ее пределов, и главным образом в походе за донецким углем и ташкентским хлопком. Эти основания, наряду с военно-политическими соображениями, в частности — бессилием Украины и стремлением Бронштейна «просунуться меж-

ду уходящим германским милитаризмом и приближающимся англо-французским», легли в основу выработанного тогда же советским командованием *плана зимней кампании 1919 года*.

В феврале¹ и апреле 1919 года я получил два варианта этого плана, несколько различавшихся в деталях, но по существу тождественных. Перед Красной армией ставилась задача:

1. На *Северном* фронте (VI отдельная армия генерала Самойло, 16^{1/2} тысяч)² — активная оборона Архангельского направления.

2. На *подступах к Петрограду* от Олонца, Выборга, Нарвы и Пскова (40—50 тысяч) — также активная оборона.

3. На *Западном* фронте (генерал Снесарев: VII и Западная армии, позднее и XVI, 50—60 тысяч) — захватить важнейшие железнодорожные узлы Валк, Ригу, Двинск, Ковно, Брест-Литовск и другие.

4. На *Украинский* фронт под командой Антонова-Овсеенко были двинуты только небольшие кадры, сведенные в две регулярные дивизии (16 тысяч), пополнявшиеся исключительно местным элементом по мере продвижения и выросшие затем в «Повстанческую Украинскую армию». Назначение дивизий Антонова — поднять Украину и воссоединить ее с советской Россией.

5. На *Южном* фронте (генерал Сытин — группа Кожевникова, позднее XIII армия, VIII, IX, X армии и отряд Терехова, свыше 100 тысяч) указано было первоначально овладеть Донецким каменноугольным бассейном и отбросить Донское войско за Дон, нанеся удар в трех главных направлениях: от Воронежа, Балашова и Царицына.

6. На *Восточном* фронте (полковник Каменев: I, II, III, IV и V армии, свыше 100 тысяч) — активная оборона по Уралу и наступление в Ташкентском направлении.

На Кавказе в начале 1919 года происходила окончательная ликвидация добровольцами XI и XII советских армий, насчитывавших еще до 75 тысяч штыков.

¹ От 17 января.

² Ранее в состав фронта входила и VII армия.

Таким образом, по распределению сил и стратегическим директивам советского командования, главный удар заносился на Южном фронте, над многострадальным войском Донским, волею судеб стоявшим на путях к углю и нефти и преграждавшим связь Центральной России с Северо-Кавказской Красной армией, которой грозила окончательная гибель.

— На Южном фронте, — говорил Бронштейн, — бьется пульс советской республики. Мы кликнули клич Петроградскому и Московскому советам. Последние дни туда посланы сотни новых работников... Все на Южный фронт: работников, автомобили, винтовки, орудия... Нам нужно занять Дон, Северный Кавказ, Каспий, поддержать Украину... В Донской области мы должны разрубить завязывающийся узел контрреволюции¹.

ГЛАВА III

ЭВАКУАЦИЯ АВСТРО-ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК. ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ РОССИИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОТИВОБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ НА ЗАПАДЕ.

ФИНЛЯНДИЯ, СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ОБЛАСТЬ, ЭСТОНИЯ. «СЕВЕРНЫЙ КОРПУС». ГЕНЕРАЛ ЮДЕНИЧ

По требованию держав Согласия германские войска в середине декабря покинули *Финляндию*. Уходили они, провожаемые сожалениями и добрыми пожеланиями. Но создавшаяся в стране обстановка исключала возможность продолжения германофильской политики: английский флот в конце декабря появился в Финском заливе; разрыв с Россией, являвшейся почти основным рынком сбыта финляндской промышленности и вместе с тем хлебным источником Финляндии, вызвал глубокий экономический кризис. Нужны были свободные руки, новые рынки, кредиты и

¹ Из речи в годовщину октябрьской революции.

прежде всего хлеб. И реальные политики нового государства легко переменили ориентацию, получая английские товары, американский хлеб и даже французское вооружение, снаряжение и инструкторов для организации своей армии.

Державы Согласия, имея в этот период неограниченное влияние на финляндское правительство, не оказывали на него давления в смысле направления русской политики. От Финляндии требовались лишь лояльность в отношении Согласия и прекращение всяких обязательств в отношении Германии.

Отделение Финляндии от России, не обеспеченное никакими стратегическими гарантиями, ставило в невыносимое положение нашу сухопутную и морскую государственную оборону. Но новая держава с первых же шагов своих проявила настойчивое стремление к дальнейшему округлению своих границ за счет метрополии по мотивам весьма противоречивым.

Аландские острова, населенные шведами¹ и приобретенные Россией по Фридрихсгамскому миру, требовались Финляндией по условиям... *географическим*, как составляющие естественное продолжение Финского побережья, и *историческим*, как включенные в состав Финляндии актами императора Александра I в 1809 году. Этот архипелаг является ключом к обладанию Ботническим заливом и преграждает все внутренние шхерные пути к побережью Финляндского залива от Петрограда...

*Восточная Карелия*² причисляется к Финляндии по принципу «самоопределения народов», на основании атавистических признаков племенного родства. К тому же захват этой территории вместе с частью Мурманской железной дороги и рекой Свирью отрезал от России единственный выход к незамерзающему порту и лишал ее свободного плавания по северной речной системе.

¹ По переписи 1910 года, лиц, признавших родным языком шведский, было 96% всего населения.

² Часть Олонецкой губернии между Ладожским и Онежским озерами.

... *Печенгская губа*, где еще в XII столетии ходили суда Великого Новгорода и где поселения по преимуществу русские, требовалась финляндцами просто по соображениям *экономическим*, как выход к океану.

Наконец, Финляндия присвоила себе уже без всяких оснований огромное многомиллиардное русское имущество — казенное и общественное, запасы, арсеналы и склады Северного фронта и морских баз, военные и коммерчески суда и т.д., и т.д. Без соглашения, без войны, просто в силу беспомощности, или вернее отсутствия, законной русской власти. Этот вопрос также должен стать неминуемо когда-нибудь на очередь.

Какая же Россия, какое русское правительство могло пойти навстречу всем вождениям финляндцев?

Даже советская власть, так легко поступающаяся и национальным достоинством, и экономическими интересами России, противилась им. Но она, по крайней мере, *признала безоговорочно независимость Финляндии*, дав тем прочную политическую базу для дальнейших переговоров. Организации, представлявшие в то время противобольшевистскую Россию — поборники национальной идеи, — не шли так далеко. Русский посланник в Париже Маклаков выступил с декларацией¹ «от имени русского правительства» (?), в которой, между прочим, обещал Финляндии «восстановление временным правительством конституционных прав (ее) и готовность России идти навстречу стремлениям (Финляндии), при условии соблюдения военных и экономических интересов России». «Русский комитет» в Гельсингфорсе, возглавляемый Карташевым, и военная партия генерала Юденича — эмбрионы будущей гражданской и военной власти на Западе России — «стояли на почве лояльного признания независимости Финляндии», но окончательное решение вопроса ставили в зависимость от Российского Учредительного собрания. Такого же взгляда придерживался Омск, поручавший Сазонову «содействовать установлению дружественных отношений с Финляндией», но вместе с тем

¹ Телеграмма в январе 1919 года № 137.

«дать понять, что признание независимости должно быть отложено до Национального собрания»¹.

Я лично вначале не исключал возможности содействия финляндской армии в противобольшевистской борьбе и вел по этому поводу беседы с полковником Генерального штаба Энкелем, занявшим впоследствии высокий пост в финляндской армии. Но под впечатлением финляндских требований, гонений там на русских людей и более чем двусмысленной политики держав Согласия с конца 1918 года я стал окончательно на точку зрения, что помощь Финляндии была бы куплена нами слишком дорогой ценой и что поэтому вступление финляндских войск на русскую территорию недопустимо.

По поводу признания независимости Финляндии правительствами Англии и Соединенных Штатов я обратился к этим державам с заявлением:

«Россия относится с полным сочувствием к мысли о самостоятельном развитии Финляндии. Однако высшие интересы обоих народов повелительно требуют, чтобы будущие их взаимоотношения были основаны на принципах, способных обеспечить обоюдное их преуспеяние и ограждение жизненных потребностей. С этой точки зрения решение финляндского вопроса, принятое независимо от России и без соображения с ее первостепенными государственными интересами, в первую голову стратегическими, является для русского народа неприемлемым»².

Подобное же официальное заявление в твердой и категорической форме было сделано Парижским совещанием. Неофициально, однако, совещание не было так непримиримо. И когда в мае 1919 года до Парижа дошли слухи, что генерал Юденич ценою безоговорочного признания Финляндии желал купить помощь ее для похода на Петроград, В. А. Маклаков писал на Юг³: «В этом воп-

¹ Телеграмма от начала марта 1919 года.

² Май 1919 года.

³ Из письма В. А. Степанову.

росе у нас здесь (полное) разнообразие мнений... Мы не благословляем Юденича делать подобное заявление, но и не решаемся его властно и грозно остановить. Грубо я бы сказал, что мы предоставляем ему сделать это для нас, а в случае неудачи сломать себе шею одному».

Таким образом, перед финляндским правительством стояла дилемма: *советская власть* и перспектива длящейся смуты и бессилия русского государства, дающая время и возможность новообразованию сложиться и окрепнуть, или *противобольшевистские силы* и вероятность скорого восстановления России. С одной стороны — *безусловное* признание самостоятельного бытия Финляндии, с другой — *условное*, поставленное в зависимость от Всероссийского собрания, ни политический облик, ни решения которого нельзя было предвидеть.

Была еще одна чисто объективная данность — грозная опасность, вытекавшая из длительного соседства с большевистским очагом. Московское радио уверяло в миролюбии советов и настойчиво напоминало финляндцам, что «только союз с советской Россией может гарантировать Финляндии ее самостоятельное существование». Тогда как Колчак и руководимые им правительства собираются уничтожить самостоятельность балтийских государств... Но в то же время существовавшая в Москве Финская коммунистическая партия проявляла оживленную деятельность в деле пропаганды и военной организации. Центральный комитет ее издавал и переправлял через границу две газеты на финском языке, журнал для солдат и агитационную литературу, побуждавшую к вооруженному перевороту в Финляндии и присоединению ее на федеральных началах к советской республике... Но финляндская власть считала, очевидно, свой народ мало податливым к восприятию коммунистических идей, свою армию, составленную из элементов городской и крестьянской буржуазии, вполне надежной, а крайние левые группы, после кровавого подавления большевистского восстания генералом Маннергеймом весной 1918 года, совершенно разгромленными. Настолько, что финляндское правительство сочло возможным дать широкую ам-

ностию находившимся в заключении участникам коммунистического выступления.

Что касается стратегического положения в отношении советской России, оно представлялось финляндцам (и было на самом деле) чрезвычайно благоприятным для них. Финляндия владела укрепленным побережьем и шхерными путями Финского залива. Ее армия состояла из 3—4 дивизий силою в 40—50 тысяч и располагалась передовыми частями в 25 верстах от Петрограда и в 60—80 верстах от Мурманской железной дороги западнее Петрозаводска, составляя прямую угрозу русской столице и тылу большевистской армии; стоявшей против войск генералов Айронсайда и Миллера. Против себя финляндская армия имела парализованный русский балтийский флот и слабые численно красногвардейские части, прикрывавшие столицу и Петрозаводск.

Вся эта совокупность политической и стратегической обстановки предрешала направление русской политики Финляндии: она до конца¹ сохранила «вооруженный нейтралитет», одинаково поддерживаемый и русофобами Свинховудом и Стольбергом, и русофилом Маннергеймом — тремя главами государства, сменившимися в течение 1917—1919 годов. Только однажды, в правление последнего, в мае 1919 года, когда началось наступление русского Северного корпуса Родзянко² на Лугу, с севера ударил по большевикам, не без ведома правительства, финский «партизанский отряд» Эльвенгрейна. Отряд считался «повстанческим» и действовал формально по призыву бутафорской «Карельской делегации»³. От него финляндскому правительству ничего не стоило отказаться при неудаче, и вместе с тем можно было использовать его в случае успеха. Ибо направление удара Эльвенгрейна на Петрозаводск и Лодейное Поле⁴ одинаково соответствовало и отвлечению

¹ До заключения мира с большевиками.

² См. ниже.

³ О прибытии ее в Гельсингфорс была широко оповещена европейская пресса.

⁴ Железнодорожная станция «Мурманск» от железной дороги на берегу Свири.

сил петроградской группы Красной армии, и... оккупации восточной Карелии. При отряде находилось, между прочим, и «временное правительство», имевшее целью, кроме управления занимаемой территорией, подготовить созыв «национального собрания» (!), которое должно было объявить присоединение восточной Карелии к Финляндии.

Достоин внимания тот факт, что все это предприятие готовилось втайне от русских организаций.

Отряд Эльвенгрейна силою не более 1¹/₂ тысячи человек имел вначале успех, но вскоре был разбит большевиками и рассеялся.

...

Период междувластия оказался трагическим для оккупированной немцами *Северо-Западной области*¹.

Так называемая Северная или Псковская армия², к декабрю 1918 года достигнув численно 4¹/₂—5 тысяч человек, не получила дальнейшего развития. В ней не был даже разрешен вопрос о возглавлении. Ненормальность такого положения отзывалась на успехе набора, и поэтому в Пскове временами появлялись плакаты с именами видных генералов в качестве предполагаемых командующих армией, по-видимому без их ведома и согласия. Так, военный представитель армии в Киеве в середине октября телеграфировал в Псков: «Бессмысленно ждать командующим Драгомирова, который находится (в) Добровольческой... Точное имя командующего необходимо для вербовки людей... На этой почве много отказов. Вандам не популярен. Келлер в Киеве. Уполномочиваете ли вступить (с ним) в переговоры?»³.

И военное представительство, и псковские общественные организации в лице Дерюгина обратились к генералу графу Келлеру с просьбой принять на себя командование Северной армией — армией без средств, находившейся в полной зависимости от немцев. Граф Келлер поручил генералу Розеншильд-Паулину отправиться в Яссы просить материальной помощи у союзников. Придавая огромное

¹ Псковская губерния и Белоруссия.

² Об этом я писал в предыдущей книге.

³ Телеграмма Линде от 15 октября.

политическое и стратегическое значение прибалтийскому району и направлениям Ревель—Петроград и Либава—Петроград, он считал необходимыми предпосылками успеха формирования армии и ее операций: 1) занятие союзным флотом Ревеля и Либавы; 2) отпуск широких кредитов; 3) передачу немцами армии богатых русских складов Пскова, Двинска, Вильны и других городов оккупационной зоны.

И в начале ноября, после крушения центральных держав, в период расцвета надежд на союзническую помощь, граф Келлер решился принять командование, поставив Северную армию в зависимость от Екатеринодара. 2 ноября он прислал мне телеграмму:

«Признаете ли Вы меня командующим Северной Псковской монархической армией или мне следует сдать эту должность? Если признаете, то с какими полномочиями? Необходимо разрешение принять меры к охране разграбляемых в Малороссии военных складов, воспользоваться украинскими кадрами и продолжать формирование, для чего необходим немедленный отпуск денег, которые можно добыть в украинском правительстве».

Я ответил принципиальным согласием. Хотя первые шаги нового командующего, политическое окружение и декларативные заявления его вызывали некоторое смущение.

Но прошло всего три дня и обстановка в корне изменилась: граф Келлер телеграфировал¹ мне, что «по настоянию общественных кругов, гетмана Украины и его правительства (он) принял на себя всю полноту военной и гражданской власти на Украине»².

Северная армия осталась без главы³. В силу внутренней распри за несколько дней до ухода немцев оставил свой пост заместитель командующего генерал Вандам, и его место занял полковник Неф. Полувооруженные добровольчес-

¹ 5 ноября, № 1.

² Как увидим ниже, понятие о предоставлении ему «неограниченной власти» составилось у генерала Келлера ошибочно.

³ Совершенно номинально граф Келлер в своих приказах именовал себя «главнокомандующим Украинской и Северной армий».

кие отряды начали стягиваться к железнодорожным узлам и Пскову в надежде при немецкой помощи остановить наступление слабых советских сил. Во Пскове объявлена была мобилизация 12 возрастов (18—30 лет), которая не имела никакого успеха.

В то же время собравшийся вновь в конце ноября в Ревеле Национальный эстонский совет¹, правительство² и «главнокомандующий» полковник Лайдонер приступили, в свою очередь, к формированию вооруженных сил в Ревеле, Пернове, Нарве и других городах; собирали по мобилизации небольшие отряды, преимущественно из бывших эстонских батальонов, которые Лайдонер начал разворачивать в две дивизии.

Южнее, в губерниях Белоруссии, раздавались безнадежно призывы Минской, Виленской и других рад и правительств к формированию «национальной армии для защиты суверенных прав белорусского народа». Члены их частью остались на местах, частью попали в волну всевозможных эвакуаций, создавая затем «полномочные» и «все-народные» органы белорусской власти в Минске (коммунистические), в Вильно, Гродно, Ковно, Киеве, Одессе... Все одинаково немощные, и все враждебных друг другу ориентаций. Одно из таких «правительств» — инженера Бахановича, — обосновавшееся в Одессе, в январе—феврале 1919 года серьезно мистифицировало Екатеринодар. Не зная тогда всех этих деталей и придавая большое значение созданию противобольшевистской организации и вооруженных сил в западной России, я по докладу военного управления согласился поддержать это движение материально и послать туда кадр военного командования. Но вскоре выяснились самозванный и авантюристический характер «правительства» и безнадежность положения в Белоруссии. Кредит был вовремя закрыт, и связь Юга с Западом, в смысле явной или тайной совместной работы, так до конца и не налаживалась.

¹ Совет образовался в 1917 году. 24 февраля 1918 года провозгласил Эстонскую республику.

² Умеренно социалистического состава.

Делегации от всех этих правительств появились в Берлине, в Яссах, Париже, и Сазонов¹ безнадежно добивался ответа от Екатеринодара: кто же является истинным представителем Белоруссии?..

...

Эвакуация германских войск из Эстляндии и Северо-Западной области протекала при совершенно иной обстановке, чем в Финляндии. Немцы уходили, провожаемые сожалением небольшой лишь части немецкой и русской буржуазии, равнодушием широких слоев русского населения и враждебным злорадством эстонцев, одинаково у большевиков и националистов — пасынков немецкого оккупационного режима. Железные дороги были забиты, и потому конница и артиллерия потянулись походным порядком; хлынули беспорядочными толпами и дезертиры. Уходя, германские войска по частной инициативе и организовано, с ведома высших властей и комитетов, увозили «военную добычу», подводя под это понятие не только всякого рода базисные запасы, казенное русское имущество, но и подвижной железнодорожный состав и частное добро русских граждан — частью беспризорное, частью реквизированное. Ограбление Минска, например, достигло таких размеров, что вызвало серьезные волнения в городе, частную забастовку железнодорожников и протест Совета комиссаров. Последний, впрочем, отнес эти события за счет «немецких контрреволюционеров», стремящихся «поссорить между собой революционные народные массы Германии и России»².

Желание уехать домой доминировало над политическими симпатиями. Германцы относились равнодушно и к большевикам, и к русским, и к местным национальным формированиям. Временами у немцев происходили с ними столкновения, чаще, однако, это случилась с большевиками, выступления которых в Ревеле, Клинцах и в других пунктах окончились для последних весьма плачевно. Комитеты отменили официально выдачу средств и боевого

¹ Представитель Екатеринодара и Омска в Париже.

² Нота Чичерина. Радиограмма от 7 декабря 1918 года.

снаряжения противобольшевистским организациям, затруднив до крайности возможность дальнейшего их формирования. Одновременно неофициально происходила широкая распродажа «по вольным ценам» и русского и немецкого военного снаряжения, попадавшего по преимуществу в руки красногвардейцев.

Большевики силами, первоначально не превышавшими 2—3 слабых дивизий, следовали почти беспрепятственно за немецкими войсками, захватывая один за другим западные города, вводя в них советскую власть и жестоко расправляясь с буржуазией. Почти без сопротивления они прошли по Белоруссии, заняв Вильно, Минск, Лиду, Барановичи. 25 ноября, после краткого боя, пал Псков, и Северная армия стала отходить в двух направлениях — на Валк и Юрьев. Большевики, тесня эстонско-русские отряды, к середине января достигли линии Везенберг—Юрьев—Валк, угрожая Ревелю и отрезав сухопутное сообщение между Эстонией и Латвией.

На этом успехи их замерли.

В *Эстонии* борьба приняла скоро характер исключительно национальный — под лозунгом независимости страны от России... В таком политическом аспекте в борьбе приняли участие и внешние силы — Англия и Финляндия по расчету и русская Северная армия в силу роковой необходимости.

Английское правительство проявило большой интерес к прибалтийским новообразованиям. Английский флот появился в Ревеле, английские военные и дипломатические представители приобрели решительное влияние на политику эстонского правительства. Вместе с тем Англия начала оказывать серьезную экономическую помощь Эстонии и доставлять ей военное снабжение. Цена такой дружеской услуги, помимо установившегося в скрытом виде английского протектората над Эстонией, оказалась немалой: Ллойд Джордж вел настойчивые переговоры с эстонским правительством о долгосрочной аренде островов Эзеля и Даго, и только вмешательство французского правительства остановило возникновение нового Гибралтара в Балтийском море.

В то же время, в середине января, по инициативе Финляндии начались переговоры между нею и Эстонией об унии этих двух новообразований как «наилучшей гарантии против русской опасности». Обращенная в разгар взаимных реверансов просьба Эстонии о помощи нашла широкий отклик: финляндские добровольцы потекли в Эстонию, и сформированные из них отряды под начальством финского генерала приняли в январе и феврале видное участие в боях на юрьевском направлении. Но надменность начальников и бесчинства финских добровольцев в крае, на который они смотрели как на покоренный, вызвали вражду между народностями и серьезное столкновение между правительствами. К тому же англо-американская комиссия, имевшая большое влияние на эстонское правительство, отнеслась к проекту унии сдержанно, «не находя в таком соединении достаточно серьезной экономической базы...». Эти причины похоронили надолго планы военного сотрудничества¹ и идею политической унии соседних новообразований. Идею, острием своим направленную всецело в сторону *будущей* России.

Наконец, большую роль в освобождении края от большевиков сыграла Северная армия, переименованная в *Северный корпус*. Попав при отступлении на территорию «независимой» Эстонии, командир его полковник Неф заключил с эстонским правительством договор², в силу которого устанавливались «общие действия, направленные на борьбу с большевиками и анархией». Корпус подчинялся эстонскому именному командованию, поступал на содержание эстонской казны, получал право комплектования неэстонскими гражданами, ограниченное, однако, условием, чтобы численность его не превышала 3¹/₂ тысячи человек.

Таким образом, идея борьбы в государственном масштабе временно падала, русские контингенты обращались в служебное начало для частных целей, в которых поражению большевиков неизменно сопутствовало углубление и зак-

¹ В конце февраля финляндские добровольцы покинули Эстонию.

² 6 декабря 1916 года.

репление разрыва государственной связи окраины с Россией. Естественно, что в психологии командования и офицерства это положение воспринималось только как тягостный этап, на котором за временный приют оно платило честно своею кровью. Борясь за свою *независимость*, эстонцы требовали безоговорочного признания ее. Русское командование не хотело брать на себя такую ответственность. «На одном из заседаний старших чинов в Ревеле, — говорил генерал Родзянко¹, — я заявил, что признание является совершенно необходимым, если русские люди хотят в борьбе своей с большевиками опираться на Эстонию, и предлагал объявить... о признании Северным корпусом независимости Эстонии». Командир корпуса полковник Дзержинский² ответил, что «в принципе он совершенно согласен, но не знает, как посмотрят на это русские люди, и что поэтому он сделает эстонскому правительству такое заявление, какое найдет для себя как для русского офицера более приемлемым»³.

Такая неопределенность вызывала взаимную подозрительность и недоверие, хотя образ действий Северного корпуса оставался строго лояльным и в политическом и в военном отношении за все время пребывания его на территории Эстонии.

Как бы то ни было, соединенными усилиями и русских, и финляндских, и эстонских войск большевики были остановлены и отброшены к Чудскому озеру. К концу февраля они начали новое наступление, более серьезными силами, в общем направлении от Пскова на Валк, но были разбиты вновь. И к весне армия Лайдонера прочно занимала оба берега Нарвы, западный берег Чудского озера и далее по границе Псковской губернии на Мариенбург, прикрывая этнографические пределы Эстонии.

Английский флот имел небольшое столкновение с советской эскадрой в Финском заливе, но от участия в операциях против большевиков решительно уклонился.

¹ Впоследствии четвертый командир Северного корпуса.

² Третий по счету командующий.

³ Родзянко. «Воспоминания о Северо-Западной армии».

А в то же время начиная с весны 1919 года Москва настойчиво предлагала Эстонии мир.

...

Стратегическое значение Северо-западного противобольшевистского фронта было чрезвычайно велико. Близость Петрограда¹, возможность организации обеспеченной союзным флотом базы по Балтийскому побережью и боевого содействия флота; удобство морских сообщений с союзными державами и легкость снабжения ими противобольшевистских армий; богатые склады русских и немецких боевых припасов в прифронтной полосе бывшего театра мировой войны; наконец, огромный запас людского контингента, который представляла собой миллионная армия русских пленных, собранная в концентрационных лагерях Германии и бывшей Австро-Венгрии², — масса, подорванная морально и неустановившаяся в политическом отношении, но могшая все же выделить большое число здоровых, пригодных для армии элементов. Воздействие в этом направлении на правительства Согласия, на печать и общественное мнение Европы велось долго и настойчиво частными и официальными русскими организациями, проявившими в этом вопросе полное единомыслие.

Вопрос о военном возглавлении движения прошел с некоторой внутренней борьбой и впоследствии стал роковым на почве столкновения германской и союзнической ориентаций. Одно время на пост главнокомандующего Северо-западным фронтом выдвигался генерал Василий Иосифович Гурко. С ведома ли английского правительства или по собственной инициативе, с ним вступил в частные переговоры по этому поводу английский военный представитель в Прибалтике. Генерал Гурко поставил весьма решительно три основных вопроса, от правильного разрешения которых, по его убеждению, зависел успех предприятия. 1) Какие политические или экономические цели преследуют союзники в

¹ От Финляндского района — 25 верст, от Нарвского — 136 верст, от Псковского — 256 верст.

² Всех пленных, вместе с рассеянными по средней Европе, было до 3 миллионов.

виде компенсации за помощь? 2) Какие средства — денежные и материальные — намерены они предоставить? 3) Будет ли русский Главнокомандующий облечен полною мочью?

Ответа не последовало, и переговоры прекратились. В дальнейшем на авансцене западно-русских событий фигурировало исключительно имя генерала Юденича. Но по совокупности различных обстоятельств движение на Западе, развиваясь совершенно самостоятельно, было поставлено все же в моральную, позже в официальную зависимость от Востока и Юга. Так относилось к вопросу высшего возглавления офицерство, так гласили заявления составных частей фронта — Северного корпуса, отряда князя Ливена и других. Союзники во время переговоров ставили открытие кредитов в зависимость от согласия Колчака; так же, наконец, смотрели и прибалтийские новообразования, выражая опасение, что как бы «панрусские правительства Колчака и Деникина и русская Северо-Западная армия, сражающаяся под их знаменами, не нарушили бы (нашей) независимости»¹.

21 января 1919 года генерал Юденич послал адмиралу Колчаку телеграфный доклад, рисующий ту первоначальную военно-политическую базу, на которой строился Северо-западный фронт:

«С падением Германии открылась возможность образования нового фронта для действия против большевиков, базируясь на Финляндию и Прибалтийские губернии... Около меня объединились все партии от кадетов и правее. Программа тождественна с Вашей. Представители торгового класса, находящиеся в Финляндии, обещали финансовую поддержку. Реальная сила, которой я располагаю в настоящее время — Северный корпус (3 тысячи)² и 3—4 тысячи офицеров, находящихся в Финляндии и Скандинавии³. Я рассчитываю также на некоторое число — до 30 тысяч — военнопленных офицеров и солдат... Без помощи Антанты обойтись нельзя, и в

¹ Из меморандума эстонского правительства в 1919 году.

² Северный корпус не был еще в то время подчинен генералу Юденичу.

³ Серьезной организации там не существовало.

этом смысле я вел переговоры с союзниками, но положительного ответа еще не имеется. Необходимо воздействие союзников на Финляндию, дабы она не препятствовала нашим начинаниям и вновь открыла границу для русских беженцев, главным образом офицеров. То же в отношении Эстляндии и Латвии... Необходима помощь вооружением, снаряжением, техническими средствами, финансами и продовольствием не только на армию, но и на Петроград... Вооруженная сила не требуется — достаточно флота для обеспечения портов. Но если таковая будет, то это упростит и ускорит решение. Благоволите поддержать мое ходатайство перед Антантой...»¹

Посылая мне копию этой телеграммы, генерал Юденич писал: «Я обращаюсь к Вам с просьбой — помогите мне. Не можете уделить из имеющихся у Вас средств (я знаю, до последнего времени Вы сами во всем нуждались), убедите наших представителей в Париже, убедите союзников. Если моя личность не угодна адмиралу Колчаку, Вам или союзникам, сообщите — я отойду в сторону, передав дело другому, но не губите самое дело»².

Последняя фраза вызвана была, по-видимому, слухами, что южное правительство относится отрицательно к формированиям на Северо-Западе и лично к генералу Юденичу. Английское военное министерство действительно запрашивало мое мнение о генерале Юдениче. Я знал его весьма мало, но, считая, что уклонение от ответа может повредить делу снабжения западных формирований, дал отзыв благожелательный³.

Моральная, дипломатическая помощь и отчасти облегчение прохождения вопросов комплектования и снабжения — это все, что мог сделать и делал Юг непосредственно и через военного представителя в Париже генерала Щербачева.

Время проходило. Прошла зима и весна 1919 года, события шли своим чередом, а генерал Юденич и Русский

¹ Телеграмма 21 января 1919 года, № 65.

² Письмо 30 января 1919 года, № 76.

³ Письмо Британской военной миссии 22 февраля 1919 года и ответ штаба 28 февраля № 02947.

комитет, возглавляемый Карташевым, все еще оставались в Гельсингфорсе, продолжая малорезультативные переговоры с представителями держав Согласия, с правительствами Финляндии и Эстонии.

Пока, таким образом, в Гельсингфорсе находился в потенциальном виде главнокомандующий Северо-Западным фронтом, полупризнанный англичанами, но не проявляющий своей власти и руководства, Северный корпус жил независимо от него своею жизнью. Под командой сначала полковника Дзерожинского, потом, после мирного переворота, учиненного генералом Родзянко¹, корпус в середине мая перешел в наступление в Петроградском направлении, разбил 7-ю армию большевиков и при содействии одной дивизии эстляндцев, занявшей Псков, продвинулся к Красной Горке и к востоку от Пскова, серьезно угрожая Гатчино и Луге. Большевиетские войска целыми полками переходили на сторону белых, и корпус, возросши в числе бойцов, был переименован в Северную, потом в Северо-Западную армию, независимую уже в командном отношении от эстонского главнокомандующего Лайдонера.

Между тем в середине июня последовало утверждение адмиралом Колчаком в звании главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Юденича, которому вместе с тем предоставлено было «осуществлять верховную власть именем Верховного Правителя в губерниях, освобожденных (его) войсками...»².

Ко времени, когда генерал Юденич переехал со штабом в Эстонию (июль), Северо-Западная армия стояла на фронте от Копорского залива (Пейпия) до станции Молосковицы (в полпути между Нарвой и Гатчиной) и оттуда в 40 верстах западнее Луги и в 20 верстах восточнее и южнее Пскова до реки Великой. На этом фронте располагалось два корпуса, общей численностью в 12460 штыков и сабель. Эта армия лишена была самого необходимого, ходила в отрепьях, до

¹ Генерал Родзянко «уговорил» полковника Дзерожинского сдать ему командование, после чего Дзерожинский принял командование бригадой и был произведен Родзянко в генерал-майоры.

² Телеграмма от 14 июня.

осени снабжалась почти исключительно средствами, отбитыми у большевиков, и денежное довольствие, сначала весьма скудное, получала от эстонского правительства, потом, за неимением иных источников, — от перепродажи американской муки, предназначенной для населения Западной России. Щедрые в отношении эстонцев англичане пока ничего не давали армии. А постоянные трения с эстонским правительством и непрекращавшиеся мирные переговоры Эстонии и Латвии с советской Россией ставили весь тыл армии в положение тяжелой и опасной неопределенности.

Большевики решительно не верили в серьезность угрозы своему Западному фронту. Даже майские успехи Родзянко не заставили их переменить свое отношение к нему. Переговоры о мире с эстонцами и латышами, по выражению Бронштейна, «имели характер опиума, поселив уверенность, что война на этом фронте близится к концу.. Мы снимали поэтому с фронта 7-й армии и хорошие части, и лучших работников, и командиров, и опытных военно-политических работников...»¹.

Все шло на Юг!..

Только осеннее наступление генерала Юденича вызовет панику в Петрограде (у Зиновьева и советов) и побудит советское командование «с лихорадочным напряжением» возвращать на Западный фронт и силы, и людей.

ГЛАВА IV

ЛАТВИЯ. ГРУППА ГЕНЕРАЛА ФОН ДЕР ГОЛЬЦА. ЛИТВА. ПОЛЬША. ИДЕЯ ОБЪЕДИНЕННОГО СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Если в северной Прибалтике всецело и безраздельно царило влияние союзников, преимущественно Англии, то в южной оно боролось еще долго с влиянием германским. Эта борьба — нервная, непоследовательная и лишенная какой-

¹ Из речи 6 октября 1919 года в Петроградском совдепе.

либо иной идеи, кроме неприкрытого и грубого соперничества, — наложила свой резкий отпечаток на все военно-политические события в крае.

На основании требований союзников германские войска спешно очищали Прибалтику. За ними следом от Полоцка, Пскова и Орши шли советские полки, численностью до 10—12 тысяч, направляя главные силы через Ригу к немецкой границе. Такая перспектива не без основания встревожила германское командование и правительство, и эвакуация под предлогом закупорки железных дорог несколько замедлилась.

Тем не менее к концу декабря большевики подошли к Риге. Латышский народный совет, возгласивший 18 ноября 1918 года самостоятельность *Латвии*, не имел в своем распоряжении никаких сил и средств для обороны края. Большинство латышских полков находилось на советской службе, и теперь 6—7 из них наступали против Риги. Небольшой добровольческий отряд полковника Замитаниса был отрезан от Риги и находился на службе Эстонии. Другой отряд полковника Колпака не превышал тогда 400 штыков. Русский элемент края, преимущественно офицерство, стал собираться в отряд князя Ливена, к январю представлявший собой только одну роту. В свою очередь немецкое балтийское дворянство приступило к организации Балтийского ландвера, который в силу классового своего состава и неприкрытого максимализма в аграрном вопросе представлялся опасным в глазах латышского народного совета и правительства Ульманиса.

При таких условиях правительство обратилось за помощью к немцам, прося продолжить оккупацию края до создания им собственной армии. Между латвийским правительством и Советом солдатских депутатов 8-й германской армии был заключен договор в Риге 29 декабря 1918 года¹, в силу которого Германия соглашалась формировать для

¹ По другим источникам — 19 декабря. Договор, наличие которого впоследствии оспаривалось латышами, был подписан со стороны Латвии министрами Ульманисом, Паэгле и Залитом, со стороны Германии — политическим комиссаром 8-й армии Вайннигом.

защиты Латвии добровольческие отряды и снабжать латвийское правительство денежными средствами и военным снаряжением для организации собственной армии. За эту услугу «Временное правительство Латвии... (соглашалось) признать, по ходатайству о том, все права гражданства за всеми иностранцами (германцами?), состоящими в армии и прослужившими не менее 4 недель в добровольческих частях, сражающихся за освобождение латвийской территории от большевиков». Это тяжелое обязательство, делавшее германских солдат участниками будущего земельного раздела и впоследствии нарушенное Латвией, одинаково соответствовало планам и курляндских помещиков, и германского правительства, которые совместно с конца 1916 года принимали ряд мер для немецкой колонизации Прибалтийского края. Первым результатом этого договора явилось формирование крупного добровольческого отряда из трех родов оружия под названием «Железной дивизии», во главе которой стал майор Бишоф.

К январю, когда большевики подступили к Риге, все эти силы были еще в стадии формирования. Германские линейные части наотрез отказались сражаться против большевиков. Согласие настойчиво требовало скорейшего очищения Прибалтики, и местные представители его в формах грубых и надменных, возмущавших одинаково и местные правительства, и русский элемент, и германское командование, распорядились на побережье, как в своих колониях.

22 декабря Москва передавала «всем» радио, полученное ею из Берлина: «Накануне нового года (18 декабря старого стиля) Железная дивизия должна была очистить свою позицию у Хинценберга... Когда большевистские войска достигнут позиции Эгеля, очищение Риги станет неизбежным. Английский флот (адмирал Синклер) заявил, что он не может оказать помощи... Решено очистить Ригу в течение этой недели».

После такого более чем странного предупреждения советские войска 2 января заняли Ригу. Расстроенные добровольческие части 8 января отдали и Митаву, задержавшись затем на линии реки Виндавы. Правительство Ульманиса,

германские и добровольческие штабы и организации перешли в Либаву.

К этому времени наступил поворот во взглядах правящих кругов Лондона и Парижа. Быстрое продвижение советских войск к Неману и возможность соединения их с германскими спартакотцами сильно обеспокоили союзников. По инициативе главным образом Клемансо возникла идея *барьера*, предохраняющего Европу от вторжения русского большевизма — идея, воспринятая и использованная в глубочайший вред для России Ллойд Джорджем. Первоначально роль такого барьера должны были в силу необходимости играть германские войска, покуда не организуются *национальные армии* русских окраин.

В этом смысле даны были Соглашением указания германской главной квартире. Эвакуация задержалась, и большевистское наступление на западе было приостановлено к середине января на линии Виндава—Шавли—Ковно—Гродно—Лунинец и по реке Припяти.

В Курляндии и частью в северной Литве в ближайшие два месяца исключительно на германские средства была сформирована сильная добровольческая группа генерала графа *фон дер Гольца*. В состав ее вошли: несколько пополнившийся русский отряд князя Ливена, латышский полк Баллода (до 2 тысяч), Балтийский ландвер, пополненный немецкими офицерами и солдатами и обращенный в чисто германскую часть (2—3 тысячи); наконец, состоявшие исключительно из германских добровольцев Железная дивизия и 6-й резервный корпус. Боевой состав этих войск не превышал вначале 20 тысяч, а к лету достиг 40 тысяч. Номинально группа фон дер Гольца считалась на службе у латвийского правительства, фактически же была совершенно автономна.

В начале марта фон дер Гольц предпринял успешное наступление против большевиков на рижском направлении, отбросил 10—15-тысячную армию красных, захватил Виндаву, Тукум и Митаву. На линии реки Курляндской Аа пришлось, однако, остановиться на целых два месяца: организация корпуса была еще не закончена, а подозрительная и ревнивая политика Соглашения вновь ставила всевозможные препятствия к перенесению «барьера» в глубь страны. К

этим внешним затруднениям присоединились и внутренне-политические: офицерство Балтийского ландвера 16 апреля свергло социалистическое правительство Ульманиса и поставило новый кабинет пастора Недра — германофила, правого. Одновременно части ландвера разоружили и ограбили в Либаве латвийский отряд. Вражда между латышами и немцами еще более усилилась. Представители Согласия не признали правительства Недра. Ульманис бежал в Эстонию и там, опираясь на латышский отряд Замитаниса, при содействии эстонского правительства и представителей Согласия, стал готовить почву для вооруженного вмешательства в дела Латвии.

Только 22 мая после вторичного наступления взята была Рига.

В этом углу России весной 1919 года завязывался узел нитей, исходивших из глубин мировой политики и перепутанных в местной жизни взаимной ненавистью и старыми политическими и социальными счетами. Во всяком случае, курляндские бароны, обладавшие 50% всей земли Латвии, и немецкие добровольцы, мечтавшие о колонизации ее, в роли защитников самостоятельности латышского народа представляли картину весьма своеобразную.

Здесь, на периферии затихавшей европейской бури, боролась политика французская, английская, германская, балтийско-немецкая, латышская. И только русская политика, русские интересы не находили никакого отражения. Ибо не было в крае ни организованной русской общественности, ни сколько-нибудь серьезной военной силы, с которой считались бы союзники и враги.

А между тем территория Латвии летом и осенью 1919 года станет ареной событий, разыгравшихся вокруг имен Гофа, Марча¹, фон дер Гольца, Бермонта — событий, отразившихся роковым образом на судьбе Северо-Западного противобольшевиетского фронта.

•••

Несколько восточнее германские войска, как упоминалось выше, к середине января остановились на линии Ковно—Гродно—Лунинец—Припять, располагаясь на террито-

¹ Английские военные представители.

рии Литвы и Белоруссии и прикрывая западную часть Литвы и Польшу.

Литву оккупировал 7-тысячный отряд вестфальских добровольцев Пфейфера. Германское правительство, стараясь создать противовес Польше, отнеслось с большим вниманием к литовскому правительству, гарантируя самостоятельность государства и доступ к морю под германским контролем, предоставив крупную денежную помощь и обещав вооружение и снаряжение на 50-тысячную армию. Начался набор и формирование литовской армии, проходившие, впрочем, весьма вяло. Согласие, не проявляя большого интереса к Литве, тормозило, однако, германскую помощь, категорически воспрещая вывоз предметов военного снабжения за границу Германии.

Положение новообразования было весьма трудным: давление большевиков, своекорыстная помощь немцев, немильность Согласия и бурно проявлявшиеся захватнические стремления Польши, добивавшейся в Версале присоединения к ней Литвы. Отношение к последней становилось все более враждебным, находя отклик и в столкновениях на общем фронте, и в сношениях правительств, и в постоянных жалобах их Верховному союзному совету. Но, негодуя на алчность польских шовинистов, ковенское правительство руководствовалось также не слишком идеалистическими соображениями. Когда польская армия занимала западно-русские города и области, литовские дипломатические представители обращались с горячим протестом к державам Согласия, претендуя сами на Белосток, Гродно, Лиду, часть Минской губернии и т.д.

Беспризорный Белорусский край становился объектом вожделений всех соседей...

Как бы то ни было, Литовский фронт, в состав которого кроме германской группы входила литовская дивизия полковника Беньяшевича и несколько мелких русских и польских партизанских отрядов под общим польским командованием, успешно отражал наступление большевиков.

Польша в конце 1918 и начале 1919 годов представляла кипящий котел.

Внутри страны шла ожесточенная борьба между правыми и левыми политическими партиями, проявившаяся вначале выступлением образованного в Люблине «Временного народного правительства»¹ против Варшавского регентского совета, потом с особой напряженностью — вокруг выборов в Сейм. Струдом налаживалась внутренняя связь между отдельными частями государства, где сложившиеся течением событий власти — «Ликвидационная комиссия» в Галиции, «Главный народный совет» в Познани, даже такие, как «Народный совет княжества Тешинского», — стремились сохранить некоторую обособленность и в военном и в экономическом отношении. Так же плохо налаживались взаимоотношения между регентским советом и польским парижским комитетом.

По всей русской Польше, Познани, верхней Силезии шли непрерывно кровавые столкновения между германскими гарнизонами и польскими войсками, которые, не дожидаясь решений и санкций Версаля, спешили закончить «odbudowanie ojczyzny» — «ойчизны», охваченной бурным подъемом и подлинного патриотизма, и близорукого, исторически возвращенного шовинизма. Галиция, где еще с конца октября 1918 года польская «ликвидационная комиссия» принимала бразды правления от австрийских властей, была объята всеобщим восстанием, в котором всеукраинское течение соперничало с всероссийским, но оба объединялись в общей ненависти к польскому владычеству². Война сопровождалась неслыханными жестокостями с обеих сторон, отражала веками накопившиеся исторические счета, напоминая времена Сагайдачного и Наливайки. В начале января из-за спорной части Силезии дошло до вооруженного столкновения и с Чехией.

¹ Правительство, возглавлявшееся Дашинским, говорило якобы от имени «народных и социалистических партий Галиции и Польши». В 1918 году распря завершилась передачей обеими сторонами диктаторской власти (14 ноября по новому стилю) генералу Пилсудскому.

² 9 января 1919 года в Киеве был торжественно оглашен акт о соединении Украины с Галицией.

Державы Согласия, обеспокоенные разгорающимся на востоке пожаром, принимали меры воздействия на враждующие стороны дипломатическим путем и посылкой комиссий от Верховного союзного совета в пораженные междуплеменной распрей области. В отношении Галиции эти меры оставались безрезультатными. В польско-германское столкновение они внесли некоторое, внешнее по крайней мере, успокоение: польское правительство умерило свое стремление к насильственному разоружению германских войск и вступало в соглашения относительно обоюдного приемлемых форм эвакуации немцев.

Наиболее легким оказался вопрос «na kresach wschodnich»¹. В феврале между польским и германским командованием состоялось соглашение о передаче Польше оккупированной немцами части Белоруссии и Волыни. Двенадцать русских уездов, в которых польское население едва достигало 5%, были включены в пределы польского государства, составив в военно-административном отношении три округа: Гродненский², Подляско-Палецкий³ и Волынский⁴. Для успокоения общественного мнения Европы, которая, впрочем, относилась к русским делам с большим равнодушием, заграничной печати было сообщено, что *при дальнейшем* продвижении по территории России занимаемые области не поступят в общее управление польского кабинета министров, а через особого комиссара будут подчинены «начальнику государства»⁵.

Этот первый захват, вместе с занятой еще осенью 1918 года Холмской Русью, составлял частичное выполнение плана умереннейшей части польского общества — так называемой «программы minimum», включавшей в польские вождедения кроме перечисленных земель губернию Виленскую и два уезда Подольской. Ибо общественное мнение страны в

¹ Восточная окраина.

² Уезды: Гродненский, Сокольский, Белостокский, Бельский, Волковысский и Слонимский.

³ Уезды: Брест-Литовский, Пружанский и Пинский.

⁴ Уезды: Ковельский, Владимир-Волынский и Луцкий.

⁵ Генерал Пилсудский.

своём представлении национальных задач шло гораздо дальше — вплоть до «границы 1772 года» — плод в равной мере как исторического романтизма, так и национального шовинизма, раздвигавших пределы Польши «od morza (Балтийское) do morza (Черное)», до Двины и Днепра, со включением Курляндии, части Лифляндии, губерний Витебской, Могилевской, Киевской и Подольской. Только судьба Новороссийского края великодушно предоставлялась «третейскому международному суду»...

Генеральный комиссар восточных «кресов» в своём приказе объявил¹, что «правительственным языком (является) язык польский. На этом языке ведут переписку городские органы между собой, с властями и частными лицами. Вне этого все местные языки равноправны». Через день последовало разъяснение: «Какие же языки считаются *местными*? В общественных и самоуправляющихся учреждениях, так же как и в школах, допускаются наряду с польским языком языки литовский, белорусский и малорусский». Звуки *русского* языка, по комментариям тогдашней польской «кресовой» прессы, будут восприниматься «как свидетельство враждебного отношения к польскости».

Версальский высший совет, ввиду остроты пограничных споров и, может быть, стесняясь ещё в ту пору так резко нарушать интересы своего бывшего союзника России, медлил с разрешением вопроса о восточных границах. 5 июля была указана им лишь военная разграничительная линия между Литвой и Польшей по течению Немана и далее параллельно железной дороге Гродно—Вильно—Двинск; а в конце 1919 года² последовало частичное исправление границ суверенной Польши присоединением к ней Белостокского уезда, а к Литве — северной части Сувалкской губернии.

Так начинались новые взаимоотношения между родственными народами. С тех пор пресс полонизации в школе, суде, в религиозной, общественной, даже хозяйственной

¹ 3 марта 1919 года.

² Постановление от 19 ноября 1919 года.

жизни занятых русских окраин стал давить все сильнее и нестерпимее, в стремлении вытравить все, что было связано с представлением о русской культуре и гражданственности. Бесправие, тюрьма, мучения и издевательства стали уделом новых «польских граждан», не хотевших забыть свое русское происхождение. Слепение и ненависть становились основными двигателями польской политики на Востоке.

...

С огромным напряжением польская власть стремилась к организации национальной армии. В командном составе и в обученных контингентах после крушения трех армий — германской, австрийской и русской, в рядах которых сражались поляки, — недостатка не было. Существовали также и кадры, в виде организованных немецким командованием «Wehrmacht», польско-американских формирований Галлера¹, возникших во Франции; австро-польских «легионов» Пилсудского, укомплектованных по преимуществу буржуазной молодежью; стрелковой бригады, сформированной Добровольческой армией в Екатеринодаре, и т.д. Боевое снабжение, вначале крайне разнообразное, составилось из богатых складов трех армий, сражавшихся на территории Польши, и постепенно заменялось доставляемым в большом изобилии французским. Французская помощь вообще, во всех отраслях народно-хозяйственной жизни Польши, была велика², и столь же велико было там политическое влияние Франции. Во всяком случае, французская военная миссия генерала Генри, находившаяся в Варшаве, руководила всецело польским штабом, и, следовательно, если не в политическом, то в стратегическом отношении у нее была полная возможность направлять действия польской армии на Востоке во вред или на пользу России. По крайней мере, когда войскам Галлера французы запретили принимать участие в войне за восточную Галицию, это их требование было исполнено.

¹ Генеральный штаб и командный состав в большом числе — французы.

² Америка снабжала хлебом.

Но французская политика и польская стратегия не считались, к сожалению, с интересами России.

Постепенно развертывая свою армию, к весне 1919 года Польша имела на внешнем фронте кроме войск Познани 8—9 пехотных дивизий и 4 кавалерийские, более или менее организованные, под верховным командованием генерала Пилсудского. Армия располагалась на большом пространстве, разделяясь на отдельные группы: Польско-литовскую (Виленское направление), Белорусскую (Минское и Мозырское), Волынскую и Галицийскую. Опасность с запада все еще висела над страной: Гинденбург не торопился с демобилизацией имперской армии, обнажив совершенно Западный фронт и сосредоточив для прикрытия северных и восточных границ Германии 9 корпусов, личный состав которых понемногу начинал отходить от революционного утара. В силу этих обстоятельств, необходимости организационной работы и условий зимнего времени, военные действия полков против советских войск не отличались вначале большой активностью. Только весной 1919 года поляки совместно с литовцами перешли в наступление на северном направлении, в середине апреля взяли Вильно и подо двинулись к Минску; в начале мая, искусно пользуясь войной советов с директорией, прошли по тылам отступающих украинских войск Петлюры к востоку от Лунина и Луцка.

Ни явным, ни скрытым мотивом польского вторжения в пределы России никогда не была борьба с советской властью. Оно вдохновлялось исключительно тем двуличным лозунгом, который, отражая взгляды польской общественности, провозгласил Пилсудский 10 февраля при открытии Сейма:

«Наши соседи, с которыми мы желали бы жить в дружбе, не хотят забыть временную слабость Польши... Мы не хотим вмешательства во внутренние дела наших соседей... Но мы не отдадим ни одной пяди польской (?) земли и не позволим урезать наши границы, на которые имеем право».

Вопрос объединения всего широкого фронта внешних противобольшевистских сил — от Ботнического залива до

Припяти — в русских кругах никогда серьезно не ставился: слишком противоречивы были интересы окраинных государств и подчас слишком неумеренны их национальные устремления.

Что давала им нарождавшаяся национальная власть в России? Я ограничусь приведением выдержки из ответа адмирала Колчака на обращение Верховного совета союзных держав. Он составлен был позднее, 4 июня 1919 года, но заключал в себе существенные мотивы многократных заявлений — его, моих, Юденича, парижского совещания, — отражал взгляды широких слоев русской общественности самых разнообразных политических оттенков¹, кроме «самостийных»; наконец огромного большинства командного состава и офицеров белых армий.

«...3. Признавая, что естественным и справедливым следствием войны является создание единого Польского государства, русское правительство считает себя вправе подтвердить независимость Польши, объявленную в 1917 году Временным правительством России, все распоряжения и обязательства которого мы приняли на себя. Но окончательная санкция определения границ между Польшей и Россией в соответствии с вышеприведенными основаниями должна быть отложена до Учредительного собрания.

Мы готовы также ныне признать настоящее правительство Финляндии, но окончательное решение финляндского вопроса должно принадлежать Учредительному собранию.

4. Мы готовы теперь же подготовить решение вопросов по отношению к национальностям Эстонии, Латвии, Литвы, кавказских и закаспийских стран. Мы имеем полное основание предполагать, что дело скоро уладится, как только правительство обеспечит различным народностям автономии. Из этого следует, что границы и формы этих автономий будут определены особо для каждой народности. В том же случае, если при разрешении этих разнообразных вопросов возникнут затруднения, то в целях достижения

¹ По крайней мере, в 1919 году.

удовлетворительного решения их правительство готово прибегнуть к содействию и помощи Лиги Народов.

5. Вышеизложенные основания, предусматривающие утверждение Учредительным собранием всех соглашений, очевидно, должны быть применены и к Бессарабии».

Такая постановка вопроса ни одно из новообразований совершенно не удовлетворяла.

Если бы, однако, руководители белого движения, вопреки определенно сложившемуся тогда общественному мнению, от имени России дали свою санкцию всем требованиям новообразований, возникает еще большой вопрос: имело ли бы это самопожертвование непререкаемую ценность в глазах окраинных правительств и побудило ли бы окраинные народности жертвовать своею кровью и рисковать своей судьбой для дела освобождения России? Вся дальнейшая история восточной Европы дает ответ ярко отрицательный¹.

Но и другие внешние факторы далеко не способствовали объединению западных фронтов. *Французское* влияние в Финляндии, *английское* в Эстонии и северной Латвии, *германское* в южной Латвии и Литве, *французское* в Польше — таков пестрый переплет политической жизни окраин. Державы Согласия, в силу давления своей демократии не желавшие и не могшие принять участия в вооруженной борьбе, не оказывавшие в то же время и сколько-нибудь серьезного давления в этом направлении на окраинные правительства, зимою 1918 года требующие ухода немецких войск из Прибалтики, в начале 1919-го, наоборот, требующие усиления их для создания «кордона», и летом из-за опасения все возрастающего влияния Германии разрушающие ее военные организации в Прибалтике — таковы непоследовательные этапы русской политики союзников. Наконец, Германия — в теории, в лице военной партии и даже отчасти социалистического правительства своего в то время допуская возможность

¹ Гинс передает фразу адмирала Колчака, сказанную по этому поводу: «Мы их признаем, а они все-таки не помогут».

выступления в роли спасительницы России в чаянии моральной реабилитации и будущих политических и экономических перспектив, но в корне отвергающая мысль, чтобы эта помощь шла в той или другой форме под флагом Согласия... Германия — на практике развертывающая широко добровольческий корпус фон дер Гольца как предлог обойти стотысячную норму, ограничившую развитие ее военных сил, как способ сохранения баронских латифундий и вместе с ними своего влияния в Прибалтике, как барьер против советской армии и вооруженный кулак, нависший на фланге оперативных путей польской армии в Восточную Пруссию — таковы внутренние мотивы германской частичной интервенции.

«Русско-германское сближение» в течение долгого времени было одним из главных мотивов, которыми английское правительство сдерживало напор оппозиции, требовавшей прекращения вооружений и материальной помощи врагам советской власти. В возрождении России англичане не сомневались. Но с чьей помощью? «Я никак не могу отделаться от мысли, — говорил в парламенте Черчилль, — о страшной опасности, которая произошла бы, если бы ставшая врагом нашим Россия и жаждущая мести Германия пришли бы к убеждению, что все их несчастья произошли оттого, что они друг с другом враждовали и что они могли бы вновь стать могущественными, если бы соединились вместе»¹.

Какими же методами правительство Англии, при непротивлении Клемансо, осуществляло идею приоритета в воссоздании России? Близкий к французскому министерству иностранных дел «Temps» осенью 1919 года в ряде статей, констатируя, что общественное мнение Франции порицает политику держав Согласия, подводил ее итоги.

«В течение 11 месяцев после перемирия что сделали союзники в Балтике? Они поддерживали — и временами эксплуатировали — вождения эстов и латышей, которые они не могут осуществить. Они противодействовали стрем-

¹ Из речи в палате общин 29 июля 1919 года.

лениям русских, которым они не смогут помешать осуществиться.

Нет сомнения, что Ревель — великолепный порт и что лен латышских землевладельцев весьма пригоден для британских ткачей. Но никакие соглашения, никакой флот в мире не в силах помешать России восстановить рано или поздно свое прежнее положение на берегах Балтийского моря. Обещать эстам и латышам, что им будет обеспечена подходящая автономия с децентрализованной Россией, вполне резонно. Со стороны Антанты это было бы обязательством, на выполнение которого союзники могут надеяться. Но идти дальше и заманивать эти мелкие группы людей призраком независимости — значит сеять невозможное; из таких семян вырастают одни лишь разочарования.

Вы желаете более существенных плодов? Тогда нужно смотреть открыто в лицо действительности: в балтийской авантюре — весь русский вопрос.

Два направления политики могут быть приняты по отношению к России. Первое заключается в расчленении российского государства, второе — в его восстановлении. Союзники должны решиться раз навсегда избрать одно из двух направлений, а именно второе, тогда как до сих пор мы колебались между обоими.

Если бы мы хотели расчленения России, то предоставляя ей гноиться в большевизме, то применяя на севере и на юге противоположные методы действия, — и в том и в другом случае все преимущества были бы на стороне Германии. Германия обладает гораздо большими возможностями в технике пользования противоположными крайностями. Она поставляла инструкторов и деньги большевикам. Сегодня она поставляет их сторонникам абсолютного царизма¹. В России, равно как и во всей Европе, во время войны и до ее возникновения она специализировалась в деле разложения, и всякое разложение идет на пользу Германии.

Напротив, наша задача — строить».

¹ Речь шла о Бермонте.

И в то время, когда глава английского правительства Ллойд Джордж проводил настойчиво план расчленения России, другой государственный деятель Англии, член его кабинета Черчилль, всей силой своего слова ополчался против такой близорукой политики. В своем ведомстве он принимал и ряд доступных мер, чтобы путем материальной поддержки белых армий ослабить явную для него опасность опытов Ллойда Джорджа. Как могли сотрудничать эти «две руки» — одна дающая, другая отъемлющая, — это тайна британской политики.

Черчилль говорил¹:

«Война вызвала к жизни целую цепь небольших и слабых государств, которые сами до известной степени проникнуты большевистскими идеями, подавлены гнетом банкротства и голода и лишены дисциплинированных армий. И на этот-то колеблющийся, трескающийся оплот мы здесь рассчитываем для предотвращения наступательного движения на Запад большевистских войск и большевистской анархии; на него же мы рассчитываем и для предотвращения объединения этих войск и этого учения с недовольством могучей германской нации!

Шесть месяцев тому назад никто не верил, чтобы эти новые слабые державы могли удержаться без могущественной поддержки союзнических денег и союзнических войск. Но, к нашему великому облегчению, они удержались без обращения к нам за какой-либо непосредственной поддержкой².

Эстония, Литва, Польша, Чехословакия, Румыния все еще выступают жизненными факторами мировой общественной и национальной жизни, и вся Западная Европа в настоящее время укрывается за их слабым оплотом. Но почему же они оказались способными поддержать свое существование? Потому что никто на них серьезно не нападал. Усилия большевиков захватить их были слабыми, и с ними они справились. Но почему же они были слабы?

¹ Речь на банкете британско-русского клуба 4 июля 1919 года.

² Это, как мы видели, не соответствует действительности.

А по той причине, что по меньшей мере две трети всей большевистской армии, по меньшей мере две трети всех сил были заняты борьбой с силами Колчака и Деникина, которых не существовало совсем год тому назад и которые теперь борются, но с основательной надеждой на победу против трехсот тысяч организованных большевистских боевых войск.

И если бы эти армии были разбиты и уничтожены, и вся Россия со всеми своими ресурсами попала под неоспоримую власть Ленина и Троцкого, то вся сила большевистского войска могла бы обрушиться (и обрушилась бы) на линию елержащихся небольших государств — с последствиями, в которых никто из знакомых с их пожеланиями не может сомневаться».

...

В этом сплетении разнородных, взаимно враждебных интересов рисовалась только одна объективная возможность, грозившая быстрым крушением советской власти, по существу, однако, ирреальная, противоречащая психологии победителя и побежденного в первый острый период расплаты: *примирение держав Согласия с Германией*.

Некоторые политические круги обеих группировок еще с 1917 года выдвигали и такое положение, едва ли не наиболее грозное для судеб России. В нем напрасно было бы искать моральные обоснования или стремление к спасению нашей Родины. Обнаженный национальный эгоизм ставил вопрос гораздо более реально: *мир за счет России...*

ГЛАВА V

ПОЯВЛЕНИЕ СОЮЗНИКОВ НА ЮГЕ РОССИИ ИХ ПЕРВЫЕ ШАГИ. ПЛАНЫ ИНТЕРВЕНЦИИ

- Salut a nos Alliés!
- Welcome dear friends!

Эти возгласы, выражавшие искреннюю, непритворную радость, горячее дружественное чувство и безграничные надежды на скорую перемену злосчастной судьбы, были

неизменными спутниками союзных вымпелов, появлявшихся в Черном море. Никогда еще моральная связь между русской интеллигенцией, южным казачеством и всеми теми широкими слоями, которые связали себя с национальным противобольшевистским движением, и нашими союзниками не была такой крепкой. Никогда еще державам Соглашения не представлялась лучшая возможность закрепить надолго и прочно эти узы со страной нищей, но таящей под спудом неисчерпаемые сокровища; с народом ныне безумным, но в нормальном состоянии своем наиболее честно относящимся к выполнению международных обязательств, великодушным и помнящим добро.

Это радостное настроение по мере удаления от портов Черного моря к северу омрачалось только беспокойными мыслями: «успеют ли прийти»... и «как пережить переходное время, когда могут захлестнуть большевизм и анархия»...

По всему Югу России шла спешная перемена «ориентаций», изменение программ и широкая дифференциация партий, групп, организаций, которые прежде разделяло германофильство. Перестраховывались спешно и правительства. Новые «варяги» стали тем фундаментом, на котором строились политические комбинации и утопии, не раз совершенно противоречивые. Так, польский регентский совет взывал к союзникам о помощи против «украинских банд» — восставшего народа Галицкой Руси, а правительства Галицкой и гетманской Украины просили союзников оградить Галицию от поглощения Польшей. В Киеве гетманское правительство давало союзникам заверения в своей лояльности и дружбе, указывая, что «войска центральных держав были призваны (не им, а) прежним правительством»¹; а прежняя и будущая директория, рожденная Брест-Литовском, еще не выйдя из подполья, оперировала теми же аргументами в пользу своего первородства и против «немецкого ставленника» — гетмана.

Украинская печать того времени обоих лагерей представляет разительные переливы всех тонов политического

¹ Вербальная нота от 2 ноября 1918 года.

спектра по кривой линии от Берлина к Парижу. Донской атаман Краснов, еще недавно писавший о «дружбе, спаянной кровью на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков»¹, устраивал теперь «достойную встречу представителям тех государств, с которыми вместе в продолжение 3¹/₂ лет мы сражались за свободу и счастье Российского государства», «на которых мы и теперь смотрим как на своих союзников»... «Без помощи союзников освободить Россию невозможно», — писал он генералу Франше д'Эспре². И при первых же известиях о проходе союзным флотом Дарданелл обратился уже с воззванием к «красному Вердену» — Царицыну, — требуя сдачи города до 15 ноября и угрожая, что в противном случае по приходе союзников город будет сметен артиллерийским огнем...

Чтобы облегчить и ускорить выход союзного флота в Черное море, которое находилось еще в руках немцев, адмирал Ненюков в середине октября послал из Ясс старшему союзному адмиралу все документы, касавшиеся минных заграждений портов Черного моря, числа и тоннажа военных и коммерческих судов, а также «планы, описания, статистические данные портов и рейсов всего Черного моря, обработанные нашим бывшим морским генеральным штабом»³. Помощь союзному флоту весьма существенная, не знаю только, не были ли при этом, в пылу увлечения альянсом, перейдены пределы осторожности, необходимой даже в отношении друзей...

На фоне разгоравшейся вокруг появления союзников большой и малой политики не обошлось без элемента комического. 29 октября наша радиостанция перехватила телеграмму, адресованную испанскому послу в Софии: «Совет министров Крымского правительства решил просить Вас сообщить представителям Соединенных Штатов, Франции и Британии, что (оно) обязуется соблюдать нейтралитет

¹ Из письма императору Вильгельму 5 июля 1918 года.

² Приказ войску № 1582 и письмо генералу Франше д'Эспре 6 ноября 1918 года.

³ Из доклада генерала Эрдели от 23 октября 1918 года.

при входе в Черное море флота держав Согласия до заключения перемирия между державами Согласия и Германией». Флагман союзного флота мог, следовательно, дерзнуть!

...

10 ноября в новороссийскую бухту вошла эскадра в составе двух миноносцев и двух крейсеров — французского «Эрнест Ренан» и английского «Ливерпуль». Почти одновременно на болгарском пароходе под французским флагом пришел командированный мной на Балканы генерал Эрдели, привезя чрезвычайно ценный для нас груз русских патронов и ружей, и вместе с ним прибыли представители Салоникской французской армии.

Новороссийск, затем Екатеринодар встречали союзников необыкновенно радушно, со всем пылом открытой русской души, со всей страстностью истомленного ожиданием, сомнениями и надеждами сердца. Толпы народа запрудили улицы Екатеринодара, и их шумное ликование не могло не увлечь своей непосредственностью и искренностью западных гостей. 20 ноября приехала английская военная миссия во главе с генералом Пулем, бывшим главнокомандующим союзными войсками на Северном (Архангельском) фронте, и торжества повторились вновь.

Большинство союзных военных представителей всецело разделяли ту психологию, во власти которой находились мы все — Добровольческая армия, белый Юг. В их сознании, как и в нашем, взаимные обязательства оставались непререкаемыми, война еще не кончена, и активная помощь армий несомненна. Оторванные годами войны от политических будней своих стран, они жили еще эмоциями бранной славы и победы, располагавшими к великодушию. Оттого в словах их было более чувства, чем расчета, в обещаниях — более личного убеждения, чем фактической осведомленности...

Застольные речи дышали широким оптимизмом.

Я говорил: «В этот час возрождения русской государственности вновь *самкнулся фронт* и к нам протянулись дружеские руки... Я желаю от души счастья Франции и Англии. Но, если когда-нибудь над Сеной и Темзой сгустятся тучи, знайте, что Россия — не эта лоскутная, беспомощная,

а новая сильная, единая Россия никогда не забудет бескорыстной дружественной помощи и свято исполнит тогда свой долг»...

Генерал Драгомиров вспоминал фразу генерала Пуля, ведавшего в 1917 году снабжением русской армии, сказанную в октябре, накануне большевистского переворота, в ответ на его «мрачные предвидения надвигающегося развала страны»:

— Через десять лет вы будете самой могущественной страной в мире...

Генерал Пуль в медленном, внешне бесстрастном, но согретом внутренней теплотой слове говорил нам:

«...У нас с вами одни и те же стремления, одна и та же цель — воссоздание единой России... Как представитель Великобритании я передаю вам от своей страны: мы ни одной минуты не забывали, что Россия — наш старый и верный союзник; мы радовались вашим успехам в начале войны, мы горевали, когда вы были преданы и русская армия оставила фронты, вынужденно закончив войну; мы не забыли и никогда не забудем, как вы героическими усилиями спасли нас в 1914 году, когда положение было критическим. Мы никогда не забудем, что вы, будучи поставлены в крайне тяжелое положение, не соединились, однако, с немцами, рискуя всем, и остались до конца верными своим союзникам.

Я послан своей страной, чтобы узнать, как и чем вам можно помочь; с большим удовольствием, с большою охотой мы вам эту помощь дадим»¹.

Дипломатический представитель Франции лейтенант Эрлиш, будущий депутат французского парламента, прекрасный и с большим темпераментом оратор, владеющий свободно русским языком, пожинал восторги собрания, затрагивая больные и трепещущие струны словами, тогда еще не захватанными, не опошленными.

— Вы можете рассчитывать безусловно на помощь великой Англии и свободной Франции. Мы с вами. Мы за вас... Я твердо верю, что скоро на высоких башнях святого Крем-

¹ Речь 28 ноября на банкете в Кубанском собрании.

ля красный флаг, забрызганный невинной кровью многочисленных жертв насильников, будет заменен славным трехцветным знаменем Великой, Единой, Неделимой России»¹...

Отзвуки этих событий и этих речей разносились по Югу, по боевым линиям Добровольческой и Донской армий, проникали сквозь большевистские позиции на Терек, повсюду поднимая дух и волю к продолжению борьбы.

... Я должен отдать справедливость этим первым представителям союзников: в генерале Пуле, лейтенанте Эрлише, Гокье² и других мы имели действительных и деятельных друзей России. Но их влияние и вес были недостаточны, чтобы изменить русскую политику держав Согласия.

...

Являлась необходимость выяснить вопрос: на какую же помощь союзников могут рассчитывать армии Юга?

Взаимоотношения союзного командования были неопределенны и осложнялись взаимным соперничеством держав. В Константинополе имел пребывание «главнокомандующий союзной Салоникской армией» французский генерал Франше д'Эспре; там же главная квартира «главнокомандующего британской армией на Балканах» генерала Мильна; им были подчинены первоначально союзные представители в Екатеринодаре. Командированный в Константинополь генерал Эрдели привез оттуда весьма учтливое письмо генерала Франше д'Эспре и неопределенные обещания. В то же время в Бухаресте находился штаб генерала Бертело, именовавшегося «главнокомандующим союзными силами в Румынии, Трансильвании и на Юге России». Вошедший с ним в сношения по моему поручению представитель Добровольческой армии в Яссах генерал Щербачев прислал мне в начале ноября подробную ориентировку³,

¹ Речь 28 ноября на банкете в Кубанском собрании.

² Осенью 1918 года приехал из Киевской французской миссии в качестве «дипломатического представителя при Добровольческой армии» и в середине ноября был отозван в Яссы и заменен Эрлишем.

³ От 3 ноября 1918 года.

бросающую свет на первоначальные предположения союзного командования в русском вопросе:

«Я посетил генерала Бертело в его главной квартире в Бухаресте для предварительных переговоров о своем проезде в главную квартиру генерала Франше д'Эспре и далее в Париж, с целью ускорить прибытие в Россию союзных войск и средств войны.

В Бухаресте мне удалось достигнуть результатов, которые значительно превзошли мои предположения. Путем непосредственного общения и обмена мнениями с генералом Бертело, с коим нас связывала и прежняя общность идей и действий, ныне удалось придать переговорам в Бухаресте форму исчерпывающе решительную настолько, что временно отпала надобность проезда в Париж и к генералу Франше д'Эспре.

Генерал Бертело, имеющий личную идейную сильную поддержку г-на Клемансо — председателя союзных Версальских совещаний, — облечен полною мощью главнокомандующего армиями союзников в Румынии, Трансильвании и на Юге России и в качестве такового лица имеет возможность проектировать и осуществлять все вопросы политические и военные, касающиеся Юга России и спасения его от анархии. Мне удалось подвинуть этот вопрос настолько, что ныне уже едва ли остается желать в этом отношении чего-либо сверх предположенного на совещании моем с генералом Бертело.

Решено нижеследующее:

1. Для оккупации Юга России будет двинуто, настолько быстро, насколько это возможно, 12 дивизий, из коих одна будет в Одессе на этих же днях.

2. Дивизии будут французские и греческие.

3. Я буду состоять, по предложению союзников и генерала Бертело, при последнем и буду участвовать в решении всех вопросов.

4. База союзников — Одесса; Севастополь будет занят также быстро.

5. Союзными войсками Юга России первое время будет командовать генерал д'Ансельм с главной квартирой в Одес-

се, где буду находиться и я с состоящими при мне Вам известными лицами.

6. Генерал Бертело до времени со своей главной квартирой остается в Бухаресте.

7. По прибытии союзных войск кроме Одессы и Севастополя, которые будут несомненно заняты ко времени получения Вами этого письма, союзники займут быстро Киев и Харьков с Криворожским и Донецким бассейнами, Дон и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской армиям прочнее сорганизоваться и быть свободными для более широких активных операций.

8. Под прикрытием союзной оккупации необходимо немедленное формирование русских армий на Юге России, во имя возрождения великой, единой России. С этой целью теперь же должен быть решен и разработан вопрос о способах и районах формирования этих армий по мере продвижения союзников. Только при таком условии будет обеспечено скорейшее наступление всех русских южных армий под единым командованием на Москву.

9. В Одессу, как главную базу союзников, прибудет огромное количество всякого рода военных средств, оружия, боевых огнестрельных запасов, танков, одежды, железнодорожных и дорожных средств, авиации, продовольствия и прочего.

10. Богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении. Для сего осталось сделать лишь небольшие дипломатические усилия, успех коих обеспечен, так как он опирается на все могущество союзников.

11. Относительно финансовой поддержки нам у союзников вырабатывается особый, специальный план».

Это письмо своей определенностью выводило нас наконец из области предположений. Широкая и конкретная постановка вопроса открывала перед нами новые необычайно благоприятные перспективы, ставила новые задачи в борьбе с большевиками. На основании письма и затем предложения французского представителя штаб мой соста-

вил и послал генералам Бертелло и Франше д'Эспре записку о политическом и стратегическом положении Юга России и план совместной с союзниками кампании. Сущность его вкратце сводилась к следующему.

Общей задачей русских армий ставилось: «разбить советские войска, овладеть центром — Москвой — содновременным ударом на Петроград и вдоль правого берега Волги».

Ближайшая стратегическая задача: «1) Не допустить противника занять Украину и западные губернии и, прикрыв их на протяжении прежней германской демаркационной линии, создать плацдарм для будущих формирований и для наступления в глубь России; 2) Использовать фронт Донской и Добровольческой армий с той же целью и для окончательного очищения от большевиков Северного Кавказа».

Линия развертывания русских армий намечалась: Ямбург—Псков—Орша—Рогачев—Белгород—Балашов—Царицын.

Так как сохранение областей, еще оккупированных немцами, от занятия и разгрома их большевиками представлялось крайне необходимым, а задача эта для нас непосильной, то к выполнению ее привлекались союзные войска. Состав их, включая обеспечение черноморских баз союзников и коммуникационных линий, определялся штабом в 18 пехотных и 4 кавалерийские дивизии¹. *«Силы эти, — говорилось в записке, — будут использованы исключительно для прикрытия линии нашего развертывания и для обеспечения наших формирований. Ни в каких активных действиях им участвовать не придется... Нам нужна не столько сила, сколько авторитет дружеской помощи».*

Под прикрытием союзных войск и по окончании своего формирования русские армии должны были начать наступление с запада и юга к Петрограду, Москве и Казани.

¹ Штаб исходил из того, что центральные державы после Брест-Литовска держали на территории России 40 пехотных и 8 кавалерийских дивизий и что в силу совершенно иной моральной и политической обстановки численность союзных войск может быть уменьшена втрое.

Одновременно с планом французскому командованию вручены были перечни необходимых предметов и военного снабжения для армий Юга.

...

Время шло, все хорошие слова были высказаны, а реальная помощь все еще не прибывала. Даже вопрос о возглавлении союзного командования (Франше д'Эспре, Бертело, Мильн?) оставался спорным в течение трех с половиной месяцев, и только 11 марта я получил уведомление от генерала Франше д'Эспре, что «союзные силы, оперирующие на юге России, переходят под его командование»¹. Сообщение, тотчас же и категорически опровергнутое английской миссией.

Целый ряд последующих эпизодов вносил еще большую неясность в общую политическую ситуацию и значительно ухудшал наше настроение.

Прежде всего телеграф принес нам официальное известие о существовании линии, «разграничивающей английскую и французскую зоны действий»². На востоке она проходила от Босфора через Керченский пролив к устью Дона и далее по Дону на Царицын³. Эта странная линия не имела никакого смысла в стратегическом отношении, не считаясь с меридиональными оперативными направлениями к Москве и с идеей единства командования. Разрезая пополам область войска Донского, она не соответствовала также и возможности рационального снабжения южных армий, удовлетворяя скорее интересам *оккупации и эксплуатации*, чем стратегического прикрытия и помощи.

13 ноября союзный флот появился в Севастополе и приступил к принятию от германцев судов русского Черноморского флота. Командированный мною в Севасто-

¹ Телеграмма от 11 марта № 10317.

² «L'accord franco-anglais du 23 Decembre 1917, définissant les zones d'action française et anglaise». Официальное подтверждение французского представителя полковника Корбейля в сношении его на мое имя 27 мая 1919 года № 1926.

³ К востоку — английская, к западу — французская.

поль адмирал Герасимов встретил со стороны союзного морского командования обидное и жестокое отношение к русскому достоянию. На том основании, что русские суда находились в распоряжении германцев, старший адмирал союзного флота (английского) лорд Кольсорн по распоряжению из Константинополя отказался передать их русскому командованию. Лучшие из этих судов заняли иностранные команды и подняли на них флаги — английский, французский, итальянский и даже греческий. Все годные к плаванию корабли приказано было отвести в Измит для интернирования. На просьбу Герасимова отпустить хотя бы два-три миноносца в Новороссийск для охраны и патрулирования внутренних вод района Добровольческой армии сменивший Кольсорна французский адмирал Леже ответил резким отказом: «Союзные правительства не потерпят присутствия вооруженного русского судна на Черном море, так как таковое, будучи отнято большевиками, может наделать державам Согласия многочисленные беды и хлопоты»¹. На том же основании французские и английские команды, по приказанию Леже, топили и взрывали боевые припасы, хранившиеся в Севастопольских складах, рубили топорами аккумуляторы и баки подводных лодок, разрушали приборы управления и увозили замки орудий.

Образ действий союзников походил скорее на ликвидацию, чем на начало противобольшевистской кампании.

В то же время началась перепись и реквизиции союзниками русских торговых судов под тем же фиктивным предлогом, что на них развевался временно германский или австрийский флаг.

Эти обстоятельства вынудили меня с первых же дней соприкосновения с союзниками вступить с ними в длительную, упорную борьбу за сохранение русского достояния и воссоздание Черноморского флота.

Между тем волнения на Украине, поднятые соединенными усилиями Украинского национального комитета и Москвы, разрастались все более, а на северных рубежах ее готовилась уже ко вторжению большевистская «повстанческая

¹ Из доклада адмирала Герасимова 6 декабря 1918 года.

армия», формировавшаяся в «нейтральной зоне»¹... Опираясь на план кампании, выработанный генералом Бертело, я обратился к генералу Франше д'Эспре²: «Чтобы сохранить Юг России, богатый продовольствием и военными запасами, необходимо как можно скорее двинуть хотя бы две дивизии союзных войск в район Харькова и Екатеринослава». Через несколько дней пришел ответ, что одна французская дивизия 5 декабря начнет высаживаться в Одессе, то есть в районе, при создавшихся условиях, второстепенном.

Вступлению французских войск на русскую территорию предшествовало широко распространенное воззвание от имени генерала Бертело «к населению Юга России»³. В нем вспоминались заслуги России в мировой войне и излагались цели интервенции: «Все державы Согласия идут вам навстречу, чтобы снабдить вас всем, в чем вы нуждаетесь, и чтобы дать вам наконец возможность свободно, а не под угрозами злоумышленников, решить, какую форму правления вы желаете... Окажите добрый прием войскам союзников... Они покинут Россию после того, как спокойствие будет восстановлено».

В этом обширном и дурно переведенном с французского возвании обращало на себя внимание полное отсутствие таких понятий, как «большевик», «петлюровец», «украинец», «доброволец». Оно противопоставляло только «злоумышленников» «благонамеренным жителям», давая широкий простор для всевозможных догадок и слухов.

...

В таком же неопределенном положении находился и вопрос о материальной помощи.

Самая вопиющая нужда фронта — в патронах и снарядах — удовлетворялась далеко не в достаточном количестве и с серьезными затруднениями путем доставки из складов бывшего Румынского фронта.

¹ По условиям перемирия между Украиной и советской Россией, туда не имели доступа войска обеих сторон.

² Телеграмма от 24 ноября.

³ Подписано французским консулом в Киеве Энно.

Однажды к генералу Романовскому зашел представитель английской миссии и сказал ему:

— Бросьте вы разговаривать с французами — они только обещают и ничего вам не дадут. Прикажите прислать нам перечни необходимого для армий снаряжения.

О том же писал мне непосредственно генерал Мильн, заявив, что «без промедления приготовит (нам) все, что находится в его власти»¹.

Перечень был послан в английскую миссию — без больших надежд. Прошло два месяца в тяжелых боях, в которых решалась судьба Северного Кавказа. Доблесть и кровь добровольцев по-прежнему искупали недостаток, иногда отсутствие боевых припасов... 3 февраля я был в Новочеркасске, на Донском Кругу, когда получил телеграмму генерала Драгомирова.²

«Прибыл генерал Бриггс, назначенный английским военным министерством начальником миссии при Добровольческой армии. При нем будет штаб из 60 офицеров разных специальностей. За ним идут пароходы с вооружением, снаряжением, одеждой и другим имуществом, по расчету на 250 тысяч человек. Первый пароход уже пришел. Живой силы английскими войсками не обещает, вопрос еще не разрешен Парижской конференцией... Бриггс выражает полное желание работать всеми силами на нашу армию и помогать (ей) делом, а не словами».

Через несколько дней прибыли в Новороссийск одиннадцать английских пароходов с тоннажем до 60 тысяч тонн.

Екатеринодарская английская миссия действительно оправдывала в полной мере свои обещания и свое дружеское отношение к России. Но вскоре мы узнали, что есть якобы «две Англии» и «две английских политики». Что в наличии имелась и свободная английская живая сила, направленная, однако, в то время, когда назревало крушение Украины и Дона, на театр совершенно второстепенный в стратегическом отношении, но имеющий мировое экономическое значение.

¹ Письмо от 18 ноября № 1278.

² 3 февраля, № 197.

В середине ноября войска генерала Томсона вступили в Баку. В своем обращении к населению Азербайджана Томсон говорил: «От имени союзников Баку занимают великобританские войска. Меня сопровождают представители Франции и Соединенных Штатов, и мы здесь находимся с ведома и полного согласия нового русского правительства (?)... Мы не забываем великих услуг, оказанных русским народом делу союзников в первые години мировой войны. Союзники не могут возвратиться к себе домой, пока не восстановят порядок в России и не доставят ей возможность занять свое место в ряду других народов мира...» В своем обращении «К народам Северного Кавказа» Томсон давал обещания еще более конкретные: «Те войска, которые находятся в данный момент под моим командованием в Баку, являются лишь первой частью союзной армии, которая в скором времени займет Кавказ».

Генерал Форестье-Уокер, высадившийся 18 декабря с десантом в Батуме, говорил короче, лапидарнее и без лирических отступлений: «Британские войска заняли Батум во исполнение условий перемирия с Турцией и для того, чтобы обеспечить сохранение порядка в стране. Британское правительство не имеет намерения занимать страну навсегда». Далее следовал перечень назначенных членов «Совета по управлению областью» и угрозы суровыми карами, до смертной казни включительно, всем, кто проявит враждебное отношение к англичанам...

...

Мне необходимо было остановиться на утомительном, быть может, потоке речей, обращений, воззваний союзных представителей, ибо они создали в ту пору настроение на Юге России. Легко было верить в то, во что так сильно хотелось верить. «Слово», всем слышное, часто искреннее, будило подъем, надежды, иллюзии; но «дело», не всем видное, приводило в смущение, в печаль. С первых же дней русская политика держав Согласия приняла характер двойственный, неопределенный и побуждала меня к особой осторожности. Во всяком случае, *никогда за все время моего правления и командования на Юге России я не давал державам Согласия ни письменного, ни устного никаких полити-*

ческих, территориальных и экономических обязательств за счет России. Во всех сношениях с их представителями я проводил тот взгляд, что помощь нам является их моральной обязанностью и вытекает из их же собственных интересов.

Это обстоятельство должно быть учтено в тот день, когда новая Россия будет сводить старые счета со своими кредиторами.

ГЛАВА VI

КУБАНЬ: ПРАВИТЕЛЬСТВО БЫЧА И ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ РАДА

Международное положение Добровольческой армии осложнялось во внутренней жизни непрекращавшимися тягостными трениями между ее командованием и кубанским правительством. Необходимо было во что бы то ни стало установить строго определенные взаимоотношения и государственную связь с Кубанью.

Каждый раз, когда я пишу о Кубани, во мне возникает чувство глубокой грусти. О горестных судьбах этой колыбели ранней славы добровольчества, обильно орошенной его кровью... О кубанском казачестве — храбром, приветливом и чуждом совершенно политиканства своих верхов; казачестве, принесшем такие большие жертвы жизнью, кровью и достоянием в общей нашей борьбе... И о розни между добровольческими и кубанскими правителями, не сумевшими за 1½ года совместной жизни установить терпимые взаимоотношения, что сыграло роковую роль в исходе южнорусского движения.

21 сентября 1918 года был окончательно подготовлен проект конституции, устанавливающей на территории Добровольческой армии единоличную диктатуру с предоставлением особых прав Кубани. «Кубанская область, — гласил раздел VI «Положения»¹, — пользуется правами автономии,

¹ «Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией».

во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства».

Еще в период разработки «Положения» составители его в частном порядке обсуждали основные статьи совместно с некоторыми видными представителями кубанской общности и власти¹, чтобы выяснить их отношение. Впечатление от этих собраний получилось неблагоприятное: кубанцы не удовлетворялись проектируемыми пределами автономии и отстаивали свободу внешних сношений Кубани, самостоятельность ее в области товарообмена и *самостоятельную кубанскую армию*. Они совершенно непримиримо отнеслись к идее единоличной диктатуры, противопоставляя ей коллегиальную. При всем этом в качестве неопровержимого аргумента своих требований кубанцы ссылались обыкновенно на... декларацию Вильсона о самоопределении народов.

В октябре признано было необходимым ранее созыва Чрезвычайной рады вступить в официальные переговоры об организации власти с кубанским правительством. К переговорам в качестве «третьих лиц» были привлечены донские кадеты — председатель Донского круга Харламов, Зелер и Воронков. 16 октября под председательством генерала Драгомирова состоялось предварительное заседание членов «Особого совещания»² с донскими деятелями для установления общности взглядов и, как предпослал генерал Драгомиров, для «выяснения вопроса о возможности принятия нашего проекта в основу переговоров с кубанским правительством». «Быть может, — говорил он, — мы ошибаемся, и власть должна быть сконструирована на каких-то иных началах»³. Совещание имело интимный и откровенный характер, сосредоточившись главным образом вокруг центрального вопроса — о диктатуре. Большинство членов совещания высказывались за *единоличную диктатуру*, причем все сошлись в необходимости организации

¹ Каплин, Скобцов, Сушков, Д. Филимонов, Калабухов и другие.

² Генералы Лукомский, Романовский и Макаренко, г-да Лебедев, Степанов, Гейман, Нератов, Шульгин.

³ Протокол совещания 16 октября 1918 года.

власти путем *соглашения*. Зеелер так формулировал это положение:

— Диктатура возникает не путем соглашения, а просто путем объявления. В нормальное время этот образ правления недопустим, но сейчас, в условиях небывалой гражданской войны, иначе конструировать власть не следует. Если имеется власть и сила, то нечего спрашивать, а нужно делать то, что является необходимым. Ну, а если (есть) колебания и нет уверенности в том, что все пройдет гладко, тогда давайте разговаривать...

Только два члена совещания — Степанов и Харламов — склонялись к коллегиальной диктатуре, но и то не по принципиальным, а по тактическим соображениям. Первый, признавая эту форму власти «наиболее уродливой», все же останавливался на ней потому, что «насилие нежелательно, к соглашению мы не придем, а коллегиальная диктатура сама выльется... в форму единоличной... если реальная сила будет находиться в руках Главнокомандующего». Второй добавил, что соглашение надо искать не с главами правительств, а с представительными учреждениями, и что соглашение с Донским атаманом недопустимо.

26 октября состоялось второе совещание уже совместно с кубанскими представителями¹, под председательством генерала Лукомского. Лица, более одиозные для кубанских деятелей — генерал Драгомиров и Шульгин, — участия в нем не приняли.

Председатель во вступительной речи указал, что взаимные трения не только в области гражданского управления, но и чисто в военных вопросах достигли такого напряжения, что «жить стало невозможно». Что и другой фактор — вероятность скорого окончания войны и появления союзников в Черном море — повелительно требует создания

¹От Добровольческой армии: Лукомский, Романовский, Нератов и Степанов;

от кубанского правительства: Быч, Намитоков, Савицкий и Скобцов;

от войскового атамана: полковник Успенский;

особо приглашенные: Харламов, Зеелер, Воронков.

такого представительства, которое могло бы говорить авторитетно от имени Юга России... По крайней мере того, который «не запятнал себя связью с неприятелем». После этого был оглашен проект Положения, и начался диспут, в котором все участники совещания объединились против кубанской группы¹, вернее — против ее руководителя Быча.

Я остановлюсь только на основных мотивах взаимного расхождения.

Одна сторона рассматривала Добровольческую армию как фактор общегосударственного значения, взявший на себя задачу государственного строительства, к чему, по признанию Харламова, «местные власти стремились очень мало»... Другая видела в Добровольческой армии лишь «представительницу Ставропольской и Черноморской губерний», которая «не должна являться фактором политическим, управляющим страной».

Генерал Лукомский, не считая возможным в силу соображений внешней политики теперь же вступать в соглашение с новообразованиями, союзными Германии, находил, однако, естественным, что в общую схему управления войдут неизбежно и эти, и другие районы России, «по мере того как они будут освобождаться от большевизма и отказываться от немецкой ориентации». Во всяком случае, он считал необходимым, не дожидаясь создания «широкого фронта», теперь же, безотлагательно урегулировать отношения Кубани с армией. Быч протестовал: «Кубань и Ставропольская губерния, которую представляет Добровольческая армия, слишком ничтожны; удельный вес их слишком мал. В настоящий момент речь должна идти о широком фронте от Закавказья до Белоруссии... Большая ошибка винить земли, «запятнавшие себя немецкой ориентацией»... И Дон и Грузия сделали это, спасая свой народ от физического истребления».

Одна сторона видела спасение страны только в военной диктатуре, хотя и ограниченной местными автономиями,

¹ Полковник Н. Успенский — сторонник Добровольческой армии и будущий атаман — воздержался от прений.

но допускающей наибольшую концентрацию власти в интересах вооруженной борьбы. Быч, отвергая диктатуру и признавая нецелесообразным парламентаризм, предлагал в качестве верховной власти сложную комбинацию. «Представители договаривающихся государств должны образовать орган с решающим значением, и этот орган выделит другой орган исполнительного значения... назначит командование и определит организацию армии. Мы должны, — говорил он, — заключить соглашение на таких основаниях, при которых можно рассчитывать на присоединение без насилия других государственных образований. Власть должна быть организована путем сложения местных властей». Словом, на то «подчинение» Добровольческой армии, которое проектируется Положением, не пойдет ни Грузия, ни Азербайджан, ни Украина, ни Дон. Не пойдет и Кубань, так как на это не согласятся прежде всего ее войска (?).

Ни Быч, ни его противники ни одним словом не касались самого главного мотива, препятствовавшего объединению и предрешенного уже главенствующей на Кубани черноморской группой, — принципа *суверенности* края, и не временной только, а вовеки.

Бычу возражал Харламов: «Установление общегосударственной власти путем сложения местных — путь очень сложный и длительный, а жизнь требует быстрого решения... Мне кажется, что Дон пойдет на предоставление (командованию) *полноты власти в области военных и дипломатических вопросов*, а в отдел о местной автономии придется внести поправки»...

Это последнее предложение и было повторено председателем, который в заключительном слове предъявил его как *conditio sine qua non* Добровольческой армии.

Кубанская группа обещала подготовить и представить до созыва Рады свой контрпроект, и совещание было закрыто. Контрпроекта мы не увидели, а вопрос о построении государственной власти был поставлен кубанским правительством впоследствии неожиданно на повестку Чрезвычайной рады.

...

Деловые заседания Чрезвычайной рады открылись 28 октября. Ее классовый состав определялся в 89% казаков и гор-

цев и 11% иногородних¹. По общественному положению — 25% офицеров, 15% прочей казачьей и иногородней интеллигенции и 60% рядовых казаков и крестьян. Политической физиономии Рада в массе своей не имела никакой; отношение ее к армии было вполне благоприятным, но преобладающее политическое течение среди кубанских вожаков определилось с первых же шагов Рады: избранием в председатели Рябовола² — лидера черноморцев, социалиста (в казачьем смысле слова), украинофила, самостийника и явного недоброжелателя Добровольческой армии.

В первый же день Рада обратилась с «горячим приветствием к славной Добровольческой армии и родным сынам Кубани, льющим свою кровь в едином и совместном подвиге тяжелой борьбы». А 30 октября, «осведомившись о полном изгнании из пределов Кубанского края полчищ большевиков», обратилась и лично к главнокомандующему: «Президиум с гордостью свидетельствует, что Вы до конца довели принятое решение освободить Кубанский край. Никакие невзгоды не поколебали этой решимости. Ваше твердое и непоколебимое стремление к намеченной цели, завершившееся освобождением Кубани, внушает полную веру в Вас и беспредельную надежду на доблестную армию».

1 ноября происходило торжественное открытие Рады. После молебна в войсковом соборе мы отправились в здание городского театра, заполненное до верхов, кроме официальных участников торжества, многочисленными посетителями — кубанцами и «русскими людьми».

Атаман во вступительном слове приветствовал Добровольческую армию, которая вместе с «Законодательной радой бережно, благоговейно разобрали (некогда) стяг власти и блюли его, чтобы в этот радостный день передать его хозяевам кубанского края»... После этого слово было пре-

¹ Последние — представители городов. В состав Рады входили также 4 представителя Добровольческой армии по моему назначению: генералы Лукомский и Харитонов, полковники Тунненберг и Науменко, нынешний кубанский атаман (1924 год).

² 255-ю голосами против 5, при 88 воздержавшихся.

доставлено мне, и я произнес речь, являвшуюся вместе с тем декларацией Добровольческой власти¹:

«С полей Ставрополя, где много дней идет кровопролитное сражение, я приехал к вам на несколько часов, чтобы приветствовать Кубанскую Краевую раду и высказать, чем живет, во что верит, на что надеется Добровольческая армия.

Завтра годовщина зарождения армии. 2 ноября приехал в Новочеркасск генерал Алексеев, собрал вокруг себя 200 офицеров — бездомных, изгнанных, голодных, получив от России первый взнос в количестве 400 рублей на формирование армии...

В феврале, видя полную невозможность оставаться и бороться на Дону, Добровольческая армия, предводимая генералом Корниловым, двинулась на Кубань. С тех пор судьбы ее тесно переплелись с судьбами Кубани и в боевом содружестве, и в перенесенных страданиях, и в тысячах братских могил, и в радости ратных побед.

Добровольцы шли в жару и стужу, переносили невероятные лишения, гибли тысячами... Шли бескорыстно: деревянный крест или жизнь калеки были уделом большинства.

И только одна заветная мысль, одна яркая надежда, одно желание одухотворяло всех — спасти Россию.

В такой небывало трудной обстановке прошел весь Первый Кубанский поход.

Когда в мае принято было твердое решение в первую очередь приступить к освобождению Задонья и Кубани, командование Добровольческой армии встретило осуждение со всех сторон. Все настойчиво требовали нашего движения на север — и донское правительство, и киевские военные и политические круги, и московские центры, и кадетские лидеры, и целый ряд общественных политических деятелей всех оттенков.

Но решение наше осталось неизменным. Добровольческая армия начала операцию, которая увенчалась освобож-

¹ Речь составлена была лично мною, но отражала всецело и взгляды Особого совещания.

дением Задонья, Кубани, Черноморской и большей части Ставропольской губернии от власти большевиков.

Это не было «частным предприятием», а велением совести и сознанием государственной необходимости. Командование Добровольческой армии взяло на себя за этот шаг нравственную ответственность перед Родиной, глубоко веря, что на Кубани нет предателей, что, когда придет час освобождения, вольная Кубань не порвет связи с Добровольческой армией и пошлет своих сынов в рядах ее в глубь России, в смертном томлении ждущей избавления.

Этого повелительно требует не только долг перед Родиной, не только честь, но прямые интересы Кубани. Разве возможна мирная жизнь на Кубани, разве будут обеспечены ваши многострадальные станицы от нового, еще горшего нашествия большевиков, когда красная власть, прочно засев в Москве, отбросит своими полчищами Поволжский фронт, сдавит с севера и востока Донскую область и хлынет к нам? Разве могут жить спокойно кавказские и линейные станицы, когда у Ставрополя, Св. Креста и Минеральных Вод собираются десятки тысяч красных? А грозная опасность уже близка. Имеются достоверные сведения о скоплении масс большевиков на огромном фронте от Белгорода до Царицына. На Украине при участии немцев готовится совместное выступление большевиков и самостоятельных украинских социалистов, грозящее и этот край превратить в Совдепию.

...

При таком положении может ли Кубань успокоиться и заняться только своими внутренними делами?

Нет! Пора бросить споры, интриги, местничество. Все для борьбы. Большевизм должен быть раздавлен. Россия должна быть освобождена. Иначе не пойдет впрок ваше собственное благополучие, которое станет игрушкой в руках своих и чужих врагов России и народа русского.

Добровольческая армия, в рядах которой доблестно сражается множество кубанских казаков, явилась сюда не для завоевания, а для освобождения. И то освобождение, которое другим досталось ценою национального унижения, потери политической самостоятельности и экономическо-

го рабства, Кубань получила без цепей, без ярма, ценою лишь святой крови добровольцев, слетевшихся со всех концов России, и славных кубанских казаков.

А стоило это крови немалой. Добровольческая армия за два похода на Кубань потеряла своих вождей, великих русских патриотов генералов Корнилова и Алексеева, доблестного генерала Маркова, потеряла до 30 тысяч добровольцев и казаков. Особенно тяжкие потери легли на старые Добровольческие части — 1-й Офицерский генерала Маркова полк и Корниловский полк. Известно ли вам, господа, что Корниловский полк, насчитывающий сегодня едва 500 бойцов, провел через свои ряды свыше 5 тысяч?

В этих потоках крови, в этих длинных списках павших на поле брани наиболее почетное место принадлежит великим страстотерпцам — русскому офицерству.

Я предлагаю Краевой раде, еще раз поднявшись, почтить тихим молитвенным молчанием светлую память тех, кто душу свою положил за спасение России и за счастье Кубани...

По мере роста сил Добровольческой армии и боевых успехов растет число друзей и крепнет злоба врагов.

Я с полным удовлетворением должен признать, что повсюду по Кубанскому краю, среди родного нам по крови и по духу славного, приветливого, храброго кубанского казачества Добровольческая армия встречала и встречает радушный, сердечный прием и гостеприимный кров. Но в последнее время идет широкая агитация, отчасти оплачиваемая иноземными деньгами, отчасти подогреваемая людьми, которые жадными руками тянутся к власти, не разбирая способов и средств. Хотят поселить рознь в рядах армии и особенно между кубанскими казаками и добровольцами. Хотят привести армию в то жалкое состояние, в каком она была зимою 1917 года. Это те самые люди, которые смиренно кланялись большевикам, скрывались в подполье или прятались за добровольческие штыки.

И это делается тогда, когда Добровольческая армия, не зная дня отдыха, в кровавых боях напрягает огромные усилия, чтобы сломить все еще сильное сопротивление врага, когда изо дня в день льется кровь и гибнет цвет русской молодежи.

Мне хочется сказать этим господам: вы думаете, что опасность более не угрожает вашей драгоценной жизни? Напрасно. Борьба с большевизмом далеко еще не окончена. Идет самый сильный, самый страшный девятый вал... И потому не трогайте армию. Не играйте с огнем. Пока огонь в железных стенах, он греет. Но когда вырвется наружу, произойдет пожар. И кто знает, не на ваши ли головы обрушатся расшатанные вами подгоревшие балки?

России нужна сильная, могучая армия.

В кровавой жестокой борьбе, близкого конца которой еще не видно, нельзя идти врозь. Иначе, если все-таки несомненна конечная победа, праздновать ее мы будем только разве тризной на трупах бесконечного числа загубленных людей, на развалинах русского народного достоинства и русской государственности.

Не должно быть армии Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должна быть единая Русская армия, с единым фронтом, единым командованием, облеченным полной мощностью и ответственным лишь перед русским народом в лице его будущей законной верховной власти.

И теперь, когда близится час окончания мировой войны, когда все государства в лице лучших своих «мужей совета», облеченных доверием народов, будут решать судьбу мира, кем будет представлена Россия? Теми ли, что надругались над всем святым нашим, которые плюнули в душу русского человека и грязным большевистским сапогом растоптали ее? Теми ли, что предательски отвернулись от своей Родины и вражескими штыками создали себе временное и призрачное благополучие? Теми ли, наконец, кто честно и беззаветно борются за спасение Родины, но говорят на разных языках и до сих пор не могут никак столкнуться друг с другом?

За шесть с лишним лет двух войн, за время русской революции я достаточно часто смотрел в глаза смерти и перенес достаточно тяжелые нравственные пытки. Но когда я подумаю о том позоре, о том страшном несчастье, когда поверженную в прах и раздерганную в клочья Родину нашу на предстоящем судбище народов некому даже защитить, мне хочется рыдать от тяжкой, невыносимой боли...

Ее — родную нашу, любимую, больную — мы должны поднять на свои плечи, должны довести до международного судбища, чтобы там она могла хотя тихим и слабым голосом сказать, что требует русский народ.

Да, требует!

Ибо я верую и исповедую, что великий русский народ, оправившись от болезни; стряхнув наваждение, станет вновь страшною силою, которая никогда не забудет ни тех держав, что в дни его несчастья любовно, бескорыстно поддерживали его, ни тех, что с небывалой жестокостью и эгоизмом высасывали из него последние соки и толкали в бездну анархии.

Но для этого нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть.

Добровольческая армия, собирая вокруг себя и вооруженные силы, и людей государственного опыта, приглашает все части русского государства, признающие единую неделимую Россию, сомкнуться вокруг нас для совместного государственного строительства, для общей борьбы с врагами России, для единого представительства и защиты русских интересов на будущем мирном конгрессе.

Такое единение всех государственных образований и всех государственно мыслящих русских людей тем более возможно, что Добровольческая армия, ведя борьбу за самое бытие России, не преследует никаких реакционных целей и не предрешает ни формы будущего образа правления, ни даже тех путей, какими русский народ объявит свою волю. От нас требуют партийного флага. Но разве трехцветное знамя великодержавной России не выше всех партийных флагов? Разве вы не видите, как в кровавых боях изо дня в день под этим знаменем самоотверженно борются «за Русь святую», умирают и побеждают доблестные воины Добровольческой армии? Единение возможно и потому, что Добровольческая армия признает необходимость и теперь, и в будущем самой широкой автономии составных частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта.

И с чувством внутреннего удовлетворения я могу сказать, что теперь уже, невзирая на некоторое расхождение, выяснилась возможность единения нашего с Доном, Крымом, Тереком, Арменией, Закаспийской областью... Возможно единение и с Украиной, когда, быть может, ценою тяжких внутренних потрясений она сбросит с себя иноземное иго и вспомнит о сыновних обязанностях перед общей Родиной. Возможно и с мирным грузинским народом, когда изменится политика его правительства, которое воздвигнуло гонение на русских людей, присвоило себе русское государственное имущество, захватило в свое незаконное и несправедливое управление Сочинский округ и толпами красноармейцев угрожает русской Добровольческой армии.

Наконец, в последние дни появилось новое государственное образование в Сибири, правительство которого объявило себя всероссийской государственной властью. Добровольческая армия не имеет решительно никаких оснований признавать Уфимское правительство всероссийской властью. Тем более, что, судя по известиям, проникшим в печать, это правительство ответственно и направляется Учредительным собранием первого созыва, возникшим в дни народного помешательства, составленным наполовину из анархических элементов и не пользующимся в стране ни малейшим нравственным авторитетом.

Но наряду с этим Добровольческая армия от души приветствует мысль собирания земли Русской, положенную в основание Сибирского объединения, признает его исключительно важное значение и находит не только возможным, но и необходимым, путем взаимных соглашений, направить русские силы востока и юга к одной общей цели возрождения великодержавной России.

Проходя свой крестный путь, считая себя преемницей Русской армии, Добровольческая армия в самых тяжелых, казалось, безвыходных обстоятельствах своей жизни оставалась верной договорам с союзными державами и ни на одну минуту не запятнала себя предательством. События последних дней доказали, что прямая и честная политика

вернее... И мы с открытой душой шлем свои сердечные пожелания доблестным войскам наших союзников.

В предвидении близких переговоров о перемирии представителю Добровольческой армии при союзных посольствах предложено было еще 12 октября предъявить им следующие основания:

1. Единство представительства России на мирной конференции, с исключением из него делегатов большевистских и тех территориальных образований, которые в своих основных принципах расходятся с целями Добровольческой армии, то есть по вопросу об единой, неделимой России.

2. Упразднение договоров, заключенных с Германией или ее союзниками. Восстановление нарушенных такими договорами прав, возмещение причиненных этим путем убытков (возврат золота, военного и торгового флота, предметов вооружения, подвижного состава железных дорог и прочего) и прекращение вывоза из России продовольствия и имущества.

3. Очищение Германией и ее союзниками русской территории в пределах границ 1914 года, включая и Финляндию. Такое же требование признается необходимым и в отношении Польши.

4. Занятие на русской территории, оккупированной ныне германо-австро-турецкими войсками, главнейших стратегических пунктов русскими частями или же временно войсками держав Согласия до момента формирования достаточно сильных русских отрядов.

5. Немедленный обмен военнопленными.

6. Обязательство Германии и ее союзников не препятствовать каким бы то ни было способом водворению в России единого прочного строя.

В такое исключительное, полное огромной исторической важности время собралась Кубанская Краевая рада строить жизнь Кубани. Собрались русские люди — кубанские казаки, умудренные горьким опытом и тяжелыми испытаниями. Среди вас я вижу много моих боевых соратников по славным походам нашим, своими подвигами и кровью добывавших свободу Кубани.

Позвольте же выразить вам от имени Добровольческой Армии самый искренний, самый горячий привет.

Дай Бог счастья Кубанскому краю, дорогому для всех нас по тем душевным переживаниям — и тяжким, и радостным, — которые связаны с безбрежными его степями, гостеприимными станицами и родными могилами».

Осведомительное бюро кубанского правительства, описывая торжество открытия Рады, между прочим сообщало: «Речь Деникина... вызвала бурные аплодисменты членов Рады, но такие же аплодисменты вызвала и речь представителя Украинского национального союза — безусловного самостийника».

Быч, впрочем, умерил горячий пыл седовласого «батюшки Левицкого», выразив в своей ответной речи уверенность, что Украина и Кубань «побачат свит сонца, спокой и сщастя под великою Всероссийскою хведеративною кришею»...

...

После взаимного обмена любезностями Рада приступила к работе. 11 ноября Быч внес проект декларации, определявший основные вехи кубанской политики:

«1. Образование на территории бывшего государства Российского самостоятельных государственных образований и принятие ими на себя верховной власти было актом неизбежным и в то же время актом самосохранения.

2. Основной задачей всех этих государственных образований является борьба с большевизмом, далеко еще не изжившим себя в Центральной и Северной России.

3. Для успешной борьбы необходимо в самое ближайшее время образование единого боевого фронта и единого командования¹.

4. Необходима организация единого представительства от южнорусских государственных образований на предсто-

¹ В Раде Быч формулировал это положение подробно: «Каждым членом союза организуются свои армии, из которых выделяются по особому распоряжению войсковые части, всецело подчиненные верховному командованию».

ящей мирной конференции. Необходимо немедленно, не ожидая образования федеративной власти в освобожденных от анархии областях, принять меры к организации общего международного представительства.

5. Для достижения целей, поставленных в пп. 3 и 4, необходимо образование Южнорусского союза на федеративных началах.

6. Воссоздание России возможно в форме Всероссийской федеративной республики.

7. Кубанский край должен войти в состав Российской федерации как член федерации»¹.

8. Кубанская Краевая рада, ставя своей задачей борьбу с большевизмом, стремится к проведению в жизнь принципов широкого народовластия.

9. Восстановление будущей формы правления в государстве Российском население Кубанского края ставит в зависимость от волеизъявления народа во Всероссийском Учредительном собрании нового созыва.

В заключительном своем слове Быч повторил, что у Украины, Дона, Кубани, Грузии и т.д. одна дорога и противоположности интересов нет. Что в этом объединении должна участвовать и Добровольческая армия как «носительница государственной идеи»².

Напрасно генерал Лукомский в закрытой части заседания доказывал, что «таким путем создастся коллегиальное, многоголовое собрание, которому будет всецело подчинено командование и которое будет вмешиваться в военные дела»; напрасно, признавая необходимость автономии Кубани, просил повременить только с решением вопроса об организации государственной власти до соглашения с Добровольческой армией... Рада, отвергнув необходимость государственной связи с армией и не сделав никакой попытки к соглашению, почти единогласно приняла «тезисы Быча».

Ждать соглашения столь разнородных элементов, как Украина, Дон, Кубань, Терек, Азербайджан, Грузия, Союз гор-

¹ Из стенограммы заседания.

² Заседание 11 ноября 1918 года.

ских народов, из которых некоторые были еще под властью большевиков, другие порвали совершенно с русской государственностью (Грузия, Азербайджан), значило отложить дело объединения на долгое время, если не навсегда. Вручить судьбу национального противобольшевистского движения и Русской армии в руки Петлюры, Быча, хана Хойского, Ноя Жордания и Топы Чермоева представлялось злой и неуместной шуткой. Я не говорю уже о том впечатлении, которое должно было произвести в армии одностороннее предрешение государственного строя России, от чего так долго и с таким трудом мы предохраняли ее идеологию.

- В тот же день, переговорив со мною, генерал Лукомский сделал в Раде от моего имени заявление об отозвании представителей армии, указав, что «в дальнейших своих работах главнокомандующий не может быть связан решением Рады».

Это заявление, принятое Радой, казачеством и русской общественностью как разрыв, произвело большое впечатление. В самой Раде начались бурные прения, в особенности после горячей речи полковника Шкуро, который говорил «о недовольстве и брожении, глухо растущем среди строевого казачества и лиц высшего и низшего командования» и предостерегал: «Знайте, если Добровольческая армия уйдет от нас, то мы погибнем»¹.

Это была несомненная правда.

Черноморские лидеры пришли в большое волнение. С кафедры Чрезвычайной рады Быч убеждал присутствующих не верить «злонамеренным слухам о разрыве», утверждая, что «разрыва нет и его быть не может», что все вопросы должны быть разрешены «по взаимному соглашению». Лидер самостийников И. Макаренко приписывал эти «слухи» «толпе, жадной до сенсаций и разнесшей эту весть по базарам, городам и селам».

Тревожные события, однако, назревали не на шутку. В один из ближайших дней генерал Романовский доложил мне, что генерал Покровский и полковник Шкуро, введя в

¹ Заседание 16 ноября.

Екатеринодар свои конвойные сотни, решили произвести переворот, предполагая расправиться с черноморскими лидерами и понудить атамана полковника Филимонова принять на себя всю полноту власти. Филимонов, к которому они обратились с этим предложением, пришел в большое смущение и наотрез отказался.

Я приказал начальнику штаба вызвать генерала Покровского и передать ему, что категорически воспрещаю выступление.

Кубанские правители считали тем не менее несомненным участие в предполагавшемся перевороте и добровольческих частей. Позднее в мои руки попала «диспозиция на случай тревоги», составленная кубанским комендантом Екатеринодара полковником Ледовским и кубанским «военным министром» полковником Савицким. В ней указывалось подробно занятие городских кварталов «верными правительству» кубанскими запасными частями, которым вменялось в обязанность встречать пулеметами всякую воинскую часть, показавшуюся на улицах города. Таким образом, случайный выход на ученье ничего не ведавшего Корниловского полка, расположенного тогда в Екатеринбургe, мог вызвать последствия роковые (или, может быть, спасительные?) для взаимоотношений Добровольческой армии с Кубанью и, следовательно, отразиться весьма на судьбах движения.

Доверие к «верным» частям было, однако, невелико. 14-го или 15 ноября меня посетили Кубанский атаман Быч и Рябовол и в присутствии генералов Драгомирова и Лукомского изложили волнующие их сведения, прося защиты. Кубанским правителям пришлось выслушать много горьких слов по поводу их работы во вред армии; особенно от генерала Драгомирова, который с этого дня стал пользоваться особой ненавистью черноморских кругов.

В заключение я требовал изменения кубанской политики в отношении армии и заверил, что насильственных мер допущено не будет.

В тот же день состоялось бурное заседание кубанского правительства. Представители оппозиции обрушились на Быча, обвиняя его в неискренности и самочинных действи-

ях: вместо поддержки армии он выступил со своими «тезисами», «не обсудив своей речи с членами правительства» (Скобцов); благодаря такому отношению его не так давно «мы едва не сделались подданными Украины» (Сушков); «в наших действиях не было искренности в отношении армии, которая нам братская; на всех заседаниях у нас была только ругань ее» (Воробьев) и т.д. Быч оправдывался: он «не предполагал, что представители армии могут уйти из Рады», его «ошибка, что он не представил «им» контрпроекта, недоразумение можно уладить»... Быч «беседовал с президиумом Рады. Решено создать согласительную комиссию... Рада встретит овациями все «их» заявления»¹.

В результате переговоров начались заседания согласительной комиссии в составе 16 членов с каждой стороны во главе с И. Макаренко от кубанцев и генералом Лукомским от Добровольческой армии. Вопрос о «тезисах Быча» осложнился принятой уже Радой статьей «Положения об управлении кубанским краем» об особом кубанском гражданстве, обращавшем всех нас в иностранцев, проживание которых на территории Кубани и юридические права зависели всецело от усмотрения кубанской власти. Комиссия не привела ни к каким существенным результатам, подтвердив лишь непримиримое внутреннее расхождение сторон. Прикрывая эту пропасть и свое бессилие перекинуть через нее мост, она внесла в Раду явно беспомощное предложение, принятое 24 ноября единогласно, без прений: «Первые два пункта постановления Рады 11 ноября («тезисы Быча») должны рассматриваться как удостоверение существующего политического положения, а последние 7 пунктов — (только) как выражение мнений и пожеланий Рады»...

Непосредственные переговоры, однако, кубанское правительство более не возобновляло. Рада позднейшими постановлениями подтвердила «тезисы Быча».

В этом направлении кубанская власть получила большую моральную поддержку от Донского атамана генерала Краснова, который в то время, когда еще не назрела окончательная катастрофа на Северном фронте Дона, проявлял пол-

¹ Секретный отчет о заседании 15 ноября 1918 года.

ную солидарность с Кубанью во всех спорных вопросах ее с командованием Добровольческой армии и обещал поддержку кубанскому правительству¹. «Нужно, чтобы Добровольческая армия смотрела более жизненно на эти вопросы (о создании общей власти), — писал он между прочим кубанскому послу П. Макаренко², — и не требовала от донских и кубанских казаков невозможных жертв. Торговаться мы не умеем и торговать кровью донских, да, думаю, и кубанских казаков не будем. Надо, чтобы Добровольческая армия стала на практический путь работы с казаками, а не за счет казаков»...

Эта тирада в отношении добровольцев, приносивших несчетное число жизней в борьбе за Россию, за Кубань, за Дон, была глубоко оскорбительна.

Кубанские самостийники относились, впрочем, к атаману Краснову с большим недоверием и осторожностью («самовластие и реакционность»); но в борьбе с Добровольческой армией видели в нем естественного своего союзника. И то не до конца: Донской атаман ведь все время призывал нас бросить Кубань и идти на север...

Все осталось по-прежнему: двоевластие, две взаимно исключаящих друг друга конституции (края и армии) и в качестве единственного источника права — принятое Добровольческой армией и оспариваемое кубанцами «Положение о полевом управлении войск».

Итак, во второй³ раз я спасал «кубанское народоправство».

В своем решении я не был одинок. Однажды на докладе генералов Драгомирова и Лукомского зашел разговор о том, что общественное мнение обвиняет командование в попустительстве воинствующему сепаратизму «черноморской группы». Я сказал:

¹ Телеграфный разговор кубанского посла на Дону И. Макаренко с Бычом 26 ноября и стенограмма заседания Рады 30 ноября 1918 года.

² № 074.

³ Первый раз в Мечетинской 30 мая 1918 года.

— Дело не в степени решимости, а в холодном учете таких факторов, как военно-политическое положение и состав армии. Быть может, однако, я ошибаюсь. И если вы скажете мне сейчас, что насильственные меры приведут к положительным результатам, я завтра же Корниловским полком разгромяю кубанское правительство...

Оба ответили «нет».

Были, однако, группы, задавшиеся целью вызвать настолько серьезный разрыв между кубанской и добровольческой властью, чтобы принудить командование к решительным шагам. Одним из результатов их деятельности, без сомнения, было последовавшее позднее убийство Рябовола. Цели своей эти группы не достигли. Но то, что не удалось им, к концу 1919 года будет сделано руками самих кубанских самостийников, поставивших в совершенно невыносимые условия жизнь и деятельность армии.

ГЛАВА VII

КУБАНЬ: АТАМАН ФИЛИМОНОВ, ПРАВИТЕЛЬСТВО СУШКОВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РАДА

5 декабря Рада утвердила кубанскую конституцию¹, предпослав ей следующую декларацию.

«Мысля себя неразрывно связанным с Россией, единой и свободной, население Кубани твердо стоит на прежней своей позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань — отдельной составной ее частью.

Ныне же Кубанский край, стоя на пути государственного строительства, сохраняет за собой всю полноту государственной власти в пределах края и управляется органами, поставленными его населением».

Носителями законодательной власти в Кубанском крае признаны были Краевая и Законодательная рада, а носителями исполнительной — безвластный атаман и ответ-

¹ «Временное положение об управлении Кубанским краем».

ственное перед Законодательной радой правительство. При обсуждении текста присяги для атамана и членов Рад в заседании правительства Быча произошло разногласие: часть членов настаивала на оставлении употребленной в проекте фразы «нося в сердце своем любовь к матери России» (вариант — «к Родине»). Быч и большинство других требовали исключения приведенных слов на том основании, что «присяга имеет целью связать человека в отношении честного исполнения возложенных на него *определенных* обязанностей; обязать же кого-либо чувством любви к матери России или к Родине нельзя»¹...

В результате оба понятия были из текста изъяты, и кубанские правители обязывались направить свой путь к «пользе Государственной и к величию Кубанского края».

Атаманский вопрос составлял главное событие, вокруг которого сосредоточились усилия борющихся групп. Наиболее сильной по организованности и численности была «черноморская» группа, тем более что весь административный аппарат, денежные средства, казенная печать и «осведомительный отдел» находились в руках правительства Быча и направлены были всецело в интересах его единомышленников. Оппозиция, по преимуществу депутаты линейных отделов, была раздроблена, группируясь вокруг отдельных членов Рады, разбивая свои голоса в пользу нескольких кандидатов — полковника Филимонова, Ляхова, Покровского и других генералов², тогда как «черноморцы» единодушно проводили в атаманы Быча. Только перед самыми выборами по инициативе полковника Чекалова образовалась более сильная организация, по преимуществу линейцев, принявшая название «Казачий круг», основавшая газету и поставившая своей задачей «борьбу с сепаратизмом и демагогией правитель-

¹ Протокол № 94 заседания совета кубанского правительства 30 октября 1918 года.

² Одно время по инициативе покойного Н. Успенского «для согласования деятельности Кубани и Добровольческой армии» выдвигалась моя кандидатура в атаманы. Я решительно отклонил эту комбинацию, не веря в ее целесообразность.

ственной группы и полное соглашение с командным составом Добровольческой армии».

К декабрю в Раде шло состязание из-за атаманской булавы уже только между Бычом и Филимоновым — средствами весьма неразборчивыми, практикуемыми, впрочем, во всех парламентах мира. В числе интимных деталей этой борьбы можно отметить небезынтересный случай: лицо, близкое к Бычу и ведавшее официально политической работой в его кабинете, вело кампанию за Филимонова, освещая и ему и председателю Особого совещания всю игру противной стороны.

Командование приняло также участие в атаманских выборах, но вполне лояльное, оказав моральное содействие полковнику Филимонову; заинтересованные круги были осведомлены, что избрание Филимонова даст прочное основание для соглашения Кубани с Добровольческой армией. Мне указывали настоятельно еще на другую возможность — поддержать кандидатуру генерала Покровского. Покровский сумел бы, вероятно, мерами суровыми и кровавыми подавить кубанскую оппозицию, но пошла ли бы за ним казачья масса и куда повел бы он ее — этого никто предугадать не мог.

В разгаре предвыборной борьбы по распоряжению кубанского военного прокурора Лукина был арестован помощник Быча по управлению ведомством продовольствия генерал Букретов по обвинению в ряде злоупотреблений. Оппозиция выдвинула и прямые обвинения против Быча — в заключении им заведомо убыточных для края договоров. Атмосфера обострялась до крайности, и в Раде ораторы не жалели черных красок для опозорения противных кандидатов. Под влиянием всех этих обстоятельств Быч снял свою кандидатуру в атаманы; Рада не приняла отказа. 5 декабря состоялась баллотировка, и полковник Филимонов 275-ю голосами был переизбран Кубанским атаманом.

Председателем правительства стал Сушков, членами — такие же умеренные представители бывшей оппозиции, в том числе большие доброжелатели армии полковники Н. Успенский (управление внутренних дел) и Науменко (военное уп-

равление). Создавалась, таким образом, как будто благоприятная обстановка для урегулирования наших взаимоотношений.

Но над правительством довлела Законодательная рада, впитавшая в себя наиболее активные элементы «черноморской группы». Еще в последние дни Краевой рады (13 февраля) новая оппозиция — прежняя правительственная партия — показала, что она далеко не бессильна... Под ее ударами по вопросу о «недостаточно настойчивом и энергичном осуществлении постановлений Рады» 13 марта Сушков и весь состав правительства сочли себя вынужденными подать в отставку. Подвпечатлением этого правительственного кризиса через два дня состоялось закрытие Краевой рады, которую атаман напутствовал словами: «Я расстаюсь с вами, господа, с чувством неудовлетворения... Смысл и ценность (ваших решений) заключается в том, чтобы вносить спокойствие, порядок, единение... И вот мне думается, что этого единения нет. Следующее наше свидание поэтому будет скорее, чем вы желали бы».

Рада обласкала всех: атамана Филимонова — линейца и автономиста — из полковников произвела через чин в генерал-лейтенанты; выразила желание о производстве в генерал-майоры полковника Шкуро — инициатора предполагавшегося переворота, приверженца Добровольческой армии — «за выдающиеся военные подвиги»; и бывшего управляющего военным ведомством полковника Савицкого — шовиниста и самостийника — «за самоотверженную защиту прав и идей Кубанского казачьего войска и Краевой рады перед высшим командованием»¹.

Всех почтила, и всем искренно рукоплескала.

С 13 февраля в продолжение почти трех месяцев длился перманентный кризис правительства. Все усилия атамана сформировать новое правительство оказались безрезультатными, и у власти оставалось «временно» старое. Не выражая формально недоверия правительству Сушкова, Законодательная рада подвергала его, как и командование, поношению в каждом своем заседании, в каждом номере

¹ Заседание 30 ноября.

своего официоза «Кубанский край», издававшегося к тому же в краевой типографии за счет казны.. Газета в политическом задоре, пороча всемерно кубанское правительство и Добровольческую армию, дошла даже до восхваления большевизма и призыва к отказу исполнять распоряжения командования¹. Против Рады в формах более сдержанных выступали правительственный орган «Вольная Кубань» и листовки «культурно-просветительного отдела» и с большой резкостью — «российская печать».

Создавалось положение, напомилавшее в миниатюре взаимоотношения Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов, — положение, которое Сушков не без основания так определил в последней своей речи: «Вы хотите свалить правительство до войскового атамана включительно, но взять власть вы боитесь. Вы протягиваете к власти дрожащие руки. Действуйте прямо, не прикрываясь красивыми покровами. Берите власть, от которой правительство отказывалось открыто»².

5 мая, после резолюции недоверия, вынесенной наконец Законодательной радой, правительство Сушкова ушло в отставку. Его сменило правительство Курганского, составленное из лиц «черноморской группы» и враждебное армии.

Эта внутренняя рознь, поражавшая территорию войны и ближайшего тыла, отражалась чрезвычайно вредно на интересах борьбы. Она накопляла горючий материал в тылу и на фронте, понижала воодушевление кубанских войск и казачества, парализовала деятельность правительства, чувствовавшего себя непрочным, и тем вносила большое расстройство в хозяйственно-экономическую жизнь края.

...

Междоусобная борьба кубанских деятелей имела характер чисто политический. Борьба за власть. Если не считать

¹ 7 марта «Кубанский край» был закрыт полковником Успенским одновременно с газетами противного лагеря «Единая Русь» и «Кубанец», закрытыми за поношение «избранников народа и Законодательной рады».

² Стенограмма заседания Законодательной рады 2 мая.

небольшой группы крупной кубанской буржуазии (Бабкин, Маймулин и другие), преследовавшей интересы своего класса и выдвигавшей своим орудием генерала Покровского, то вне рамок общероссийского вопроса, в области социального уклада и своеобразного казачьего демократизма, оба сектора кубанской общественности существенно не расходились. Главнейшие обвинения, которые предъявляли Рябовол и Законодательная рада правительству Сушкова, сводились к тому, что оно не проводит немедленного объединения новообразований Юга и выделения Кубанской армии и не ведет борьбы, а, наоборот, поддерживает дружбу с Добровольческой армией¹.

Командование и Особое совещание, в свою очередь, совершенно не вмешивались во внутренние дела Кубани, поскольку они не затрагивали общенациональной идеи, единства армии и вопроса ее снабжения. Но и эти вопросы оказались почти неразрешимыми, ставя правительство Сушкова между молотом и наковальней, вызывая гнев оппозиции и неудовольствие командования, не всегда считавшегося с исключительной трудностью положения и с фактом подневольного бытия атамана и правительства. Не считая возможным передать власть в крае всецело в руки самостийников и вместе с тем избегая неизбежно кровавого переворота, мы — и я, и Филимонов — выходили, естественно, на скользкий и зыбкий путь компромиссов.

13 февраля Рада постановила «не позже марта созвать в Екатеринодаре конференцию из представителей Дона, Кубани, Терека, Дагестана, Крыма, Армении, Азербайджана и т.д.² на предмет составления и принятия Союзного договора и конституции». Сушков во исполнение этого постановления решил обратиться к правительствам этих территорий с приглашением прислать своих представителей на конференцию к 5 мая. Такое же приглашение прислано

¹ Заседание Законодательной рады 27 февраля 1919 года и др.

² Добровольческая армия не была упомянута. На вопрос, где же она, председатель Рады Рябовол пояснил: «Сказано «и т.д.» — всех не перечислишь»...

было и мне¹. Председатель Особого совещания генерал Драгомиров ответил от моего имени отказом², мотивируя его следующими положениями: 1) командование может участвовать только в такой конференции, которая приняла бы принцип «воссоздания единой и неделимой России с предоставлением самоуправления отдельным ее областям»; 2) командование отказывается входить в соглашение с теми новообразованиями, «которые строят свое благополучие на отторжении от России»; 3) в частности, Грузия находится в состоянии войны с Добровольческой армией, и приезд грузинских представителей поэтому недопустим; 4) горские народы Северного Кавказа и Дагестана «находятся под верховным управлением главнокомандующего, а потому посылка им приглашений, минуя Главнокомандующего, будет рассматриваться как действие явно враждебное».

Конференция не состоялась. Я считаю своей ошибкой воспрепятствование ее осуществлению. Опасения наши в отношении усиления таким путем центробежных течений были, вероятно, преувеличены. Между тем картина, которую представила бы екатеринодарская конференция, преломив в горниле словопрений все вождения окраин, — я убежден в том — была бы достаточно внушительна, чтобы разрушить вконец легенду о спасительности в то время лозунга *общей* «федерации» или «конфедерации» в борьбе Юга за освобождение России.

В перечне «держав», которые приглашались на конференцию, на этот раз отсутствовала Украина. Атаман Петлюра, потеряв Киев, вел в это время неудачную борьбу за последний клочок украинской земли возле Шепетовки. Официально Кубань с начала выступления Петлюры «сохраняла нейтралитет в борьбе между правительством гетмана и организациями Петлюры и Винниченко». Тайная связь кубанских самостийников с петлюровским штабом, начавшаяся задолго до переворота, не прекращалась, буду-

¹ 5 апреля, № 14.

² 12 апреля, № 523.

чи направлена острием своим против Добровольческой армии. Петлюра несомненно имел основание тотчас по вступлении в Киев обратиться с приветом в лице Рябовола «к братьям по крови, украинскому, кубанскому лыцарству»...¹ и говорить об «объяднани украинского нарида вид Кубани по Сян...» На заседании 15 ноября председатель первого правительства Быч по поводу предполагавшегося мною выдвижения дивизии Май-Маевского в Донецкий район для прикрытия левого фланга Донской армии и Ростовского направления от вторжения большевиков сделал заявление²: «Добровольческая армия бросает войска на Украину. И если она поддержит германское правительство, то нам, казакам, это будет тяжело. *Я это буржуазное правительство поддерживать не могу*».

Таким образом, государственные по внешнему своему впечатлению речи Быча и «черноморцев» о «широком фронте», о «союзе от Закавказья до Белоруссии» оказались только тактическим приемом. Всего месяцем раньше, когда Украина твердо блюла идею суверенности, Кубанский атаман и правительство «приветствовали его светлость (пана гетмана) и правительство державы украинской» и писали им: «Буде на то воспоследует согласие Вашей Светлости, (мы решили) поставить вопрос о заключении в ближайшее время соглашения... Питая уверенность, что, исстари связанные... полной ярких примеров борьбой за независимость Украины и Кубани, (обе страны) вновь явят пример могучего братского союза»³... Но когда 1 ноября гетман объявил грамоту о федерации с Россией и вскоре после этого у Белой Церкви зашевелился Петлюра, отношения изменились: в кубанской политике произошел крупный сдвиг, как раз обратный тому, который повернул добровольчество в сторону единения с Украиной. Кубанские самостийники строили «широкий фронт» не для этой цели. Это был фронт *центробежных* сил, на

¹ Радиограмма 9 декабря 1918 года.

² Из секретного отчета о заседании 15 ноября.

³ Из послания гетману, прочитанного ему чрезвычайной кубанской миссией на приеме 8 октября 1918 года.

котором, естественно, Добровольческой армии места не находилось.

Осенью 1918 года в Екатеринодаре появился «министр-резидент» гетманского правительства барон Боржинский, оказавшийся тайным сподвижником директории, а в конце года и другой агент (по иронии судьбы «горячо рекомендованный гетманом Рябоволу»¹) — полковник Блохин (псевдоним Здобутволя), с несколькими спутниками. В январе 1919 года чинами нашей контрразведки был задержан курьер Блохина, ехавший в Киев с большой корреспонденцией, в том числе с докладами на имя Петлюры и Грекова. Возникшее следственное дело обнаружило большую агитационную работу украинцев на Кубани и тесный контакт членов директории, при посредстве Боржинского и Блохина, с кубанскими самостийниками — Бычом, Рябоволом, Макаренко и другими.

По захваченным письмам обрисовалась и колоритная фигура Блохина. В 1915 году он попал в плен к австрийцам, был начальником солдатского лагеря в Зальцведене и затем командовал сформированной австрийцами дивизией «синежупанников». Появившись в Киеве во времена гетмана, он, поддерживая связь с Украинским национальным комитетом, вошел в доверие к гетману и командовал у него Черноморским полком, вскоре расформированным за большевистские настроения. При выступлении Петлюры Блохин был командирован последним «подымать Кубань». Мрачная ненависть Блохина к России сквозит в каждом письме². «Готовься, — пишет он в одном месте, — к кровавой борьбе с проклятым москалем, представителем великой Руси. Пускай в последний раз умоется в крови бедная наша мать Украина».

В докладе Блохина Петлюре была подробно описана его деятельность³. По дороге на Кубань Блохин «раздавал призывы уважаемой директории, а приехав в Екатеринодар,

¹ В бытность последнего с первым посольством в Киеве. Заявление Рябовола в Раде 2 марта.

² Все выдержки приведены в переводе с украинского.

³ Доклад от 10 января.

немедленно явился к Луке Лаврентьевичу Бычу (мой родственник¹) и передал от Вас (Петлюры) поклон. Информировал Л. Л. о требованиях и домоганиях украинского народа и передал призыв директории, который я с великой опасностью довез до места»... Пользуясь своими связями, Блохин получил в командование запасный кубанский батальон на Тамани, но это не удовлетворило его: он желал попасть в члены Рады: «Лука Лаврентьевич имеет меня в виду, Рябовол говорит, что все будет отлично»... Мечтает о назначении «на великий пост — атамана Черноморского отдела, если не перебьют добровольцы-черносотенцы».

Одновременно Блохин со своими спутниками вел широкую пропаганду против Добровольческой армии и распространял брошюры по станицам и по отделениям «Центральной Просвиты», во главе которой стоял один из лидеров самостийников — Безкровный, а в числе членов были видные представители Законодательной рады. Эти брошюры (издания М. Грушевского, «катехизис украинца» и прочие) проповедовали единство «украинской нации» от Сана до Кавказа, ненависть к России и «изгнание чужеземцев-угнетателей».

Когда в газете «Кубанец» и на армавирском «Съезде уполномоченных казачьего Круга» поднято было это дело и упомянуты фамилии членов Рады Шахим-Гирея, Рябовола и других, Законодательная рада выразила доверие своему председателю и его единомышленникам и потребовала от правительства решительных мер против «клеветы и провокации «Кубанца»...

Блохин исчез. В своем последнем докладе украинскому военному министру — докладе, носящем признаки истерии и хлестаковщины, — он явно преувеличивал результаты своей краткой работы, когда писал: «Казачи симпатизируют, склоняются к Украине; вот-вот будет страшное восстание». Но кое-что было сделано действительно... 23 января пришедший из Керчи к Перекопу для действий против скопившихся в северной Таврии большевистских и маховских банд 9-й пластунский батальон (Таманский)

¹ То есть родственник Блохина.

отказался выполнить приказ, бросил фронт и самовольно двинулся на Кубань. Представители батальона заявили, что этот фронт — против Украины и что до получения указания Краевой рады пластуны драться с «петлюровцами» не будут. Это был *первый случай* в Добровольческой армии невыполнения целой частью боевого приказа — случай, явившийся грозным предостережением не только для армии, но и для кубанских властителей... Насколько мало значения имел при этом элемент национально-украинский, видно из того, что тот же батальон, переброшенный в феврале на царицынское направление, только в пути дал 50% дезертиров... Вообще Таманский округ на почве петлюровщины и ее всегдашнего спутника — повторного большевизма — представлял собой опасный очаг брожения, проявлявшегося пока сплошными разбоями и массовым дезертирством таманцев из рядов Добровольческой армии. Кубанский военный министр полковник Науменко стремился подавить таманские бесчинства суровыми мерами, а Законодательная рада, под предлогом злоупотреблений карательных отрядов, бурно протестовала и сваливала министерство¹...

Вообще украинский вопрос, в особенности в краткий период второй директории, создавал чрезвычайно острую, напряженную атмосферу вокруг отношений между Кубанью и командованием. Происходило какое-то сплошное «недоразумение»... Директория объявляет грамоту гетмана о *федерации* с Россией² «зрадничким актом Скоропадського про скасувани самостійности Української Держави», а кубанские *федералисты* официально приветствуют директорию, и их официоз по поводу акта воссоединения Галиции с Украиной с пафосом восклицает: «Прекрасная сестра своего *замученного* брата-кубанца возвратилась к своей горячо любимой матери-Украине»³... Петлюровские войска избивают русских офицеров, петлюровский универсал⁴ призывает казаков «не служить продавцам, кото-

¹ Заседание 3—4 мая 1919 года.

² 2 ноября 1918 года.

³ «Кубанский край». 3 января 1919 года.

⁴ 15 ноября 1918 года.

рые сами продались и хотят Украину продать, — недобитым царским министрам России и ее буржуазии, ленивому русскому офицерству, паразитам народным, собравшимся в контрреволюционное гнездо на Дону»... А секретарь украинской миссии Поливан при содействии председателя правительства Быча в то же время ведет разговоры по прямому проводу с повстанческими украинскими отрядами, сообщая им сведения о положении на территории Добровольческой армии¹... Посол гетмана Боржинский, сбросив маску, в заседании Чрезвычайной рады сообщал полученные им известия об успехах Петлюры на Украине и даже привет от никому неизвестного «командующего войсками Екатеринославщины Горобця»: «Вид имени украинских республиканских вийск, що повстали зараз за незалежність и кращу будучину Матери України на боротьбу з виковичними ворогами, котрих репрезентуе на Кубани (?) Киивський черносотонец Шульгин»...

И Рада бурно рукоплескала²...

Искушенные политики знают цену всем этим патетическим фразам воззваний, деклараций и переменчивому настроению толпы, аудитории, парламента. Но рядовая русская общественность, и в частности добровольческое офицерство, принимали все украинофильские проявления горячо и непосредственно. Между ними и украинофилами-самостийниками выростала острая ненависть. В печати, в собраниях, в повседневном обиходе установились вульгаризованные приемы отношений и ходячие эпитеты, из которых «предатели» для одной стороны и «черное воронье» для другой были не наилучшими.

После ухода правительства Быча официальные отношения с украинской директорией и Петлюрой прекратились; неофициально же связь их с самостийной кубанской группой продолжалась все время при посредстве украинской миссии в Константинополе. При этом мы имели сведения, что Екатеринодар снабжал Петлюру де-

¹ Официальное сообщение штаба от 22 ноября 1918 года.

² Отчет о заседании 20 ноября 1918 года.

нежными средствами и в период борьбы его с Добровольческой армией летом 1919 года.

...

Так же тяжело проходил вопрос о выделении Кубанской армии.

Желая дать нравственное удовлетворение кубанцам, я после поворота на север предполагал армию, предназначенную на Царицынское направление, назвать «Кубанской» без изменения существовавшего порядка подчинения. Но под давлением Рады атаман Филимонов, после освобождения северного Кавказа, без соглашения со мною отдал приказ по войску: «Ныне настало время и является возможность выполнить постановление Чрезвычайной Краевой рады — образовать свою Кубанскую армию... С этого дня все вооруженные силы, выставяемые Кубанским краем, объединяются в Кубанскую армию, под начальством походного атамана (генерала Науменко), подчиненного непосредственно мне... Для дальнейшей борьбы с большевиками Кубанская армия будет выделять части войск, сведенные в Кубанский корпус, ... а остальные части армии будут заканчивать очищение, обеспечение и умиротворение края»¹...

Борьба требовала не ослабления сил, а полного их напряжения и полного единства. Поэтому приказ остался мертвой буквой. При молчаливом непротивлении атамана полковник Науменко ведал только тыловыми, учебными и гарнизонными частями, не вмешиваясь в командование, добросовестно боролся с дезертирством, пополнял фронт и формировал для него новые части.

В этом вопросе атаман лично разделял пожелания Рады, закрывая глаза на политические последствия выделения самостоятельной армии при условии безвластия атамана, непрочности правительственного курса и враждебности к армии главенствующей политической партии. Во всех речах ее членов, в самостийной печати — цель овладения армией как орудием политики ставилась совершенно открыто.

¹ Приказ от 1 февраля 1919 года, № 172.

«Невыполнением этой претензии всех искренно расположенных и преданных делу Добровольческой армии кубанских казаков, — писал он однажды, — дается пища для самой вредной агитации и отнимается всякая почва у кубанцев — доброжелателей армии... Существование Кубанской армии не будет грозить интересам общего дела и не может вызвать никаких дурных последствий для русского оружия»¹.

Оптимизм атамана не разделяла вовсе сама армия в лице ее командного состава и офицерства. В один из последующих острых периодов домогательств Рады генерал Науменко послал запрос четырнадцати старшим кубанским начальникам о возможности выделения особой Кубанской армии и от 13 из них получил ответ резко отрицательный². Мотивы были разнообразны: организационные, стратегические, бедность кубанского войска в командном составе и технике, наконец главный — опасение, что «армия окажется орудием в руках самостийников и крайних федералистов»³.

Что же касается рядового казачества, то оно с полным равнодушием относилось к этому вопросу почти до осени, когда общее утомление и начавшиеся неудачи создали более восприимчивую почву для разрушительной пропаганды, исходившей от правительства Курганского и Законодательной рады и с особенной силой обрушившейся на армию.

Наконец, крупный вопрос единства снабжения также не получил разрешения. 12 и 13 марта под моим председательством состоялось совещание представителей Добровольческой армии, Дона, Крыма, Терека и Кубани по вопросу об объединении дела продовольствия и товарообмена на Юге России в одном коллегиальном органе при Главнокоман-

¹ Письмо генералу Лукомскому 20 июня 1919 года, № 27.

² Генералы Врангель, Улагай, Покровский, Шкуро, Топорков, Крыжановский, Бабиев и другие. За выделение высказался один генерал Гейман.

³ Из секретного отчета о заседании кубанского правительства в начале сентября 1919 года.

дующем¹. Все представители пришли к соглашению, кубанцы отказались. «Вопрос затрагивает самую суть нашей экономической жизни, — говорил в Раде Рябовол. — Они ничего не могут дать. Только мы можем дать». Действительно, Кубань имела в своих руках огромную силу: невзирая на большевистское разорение, в ее закромах к весне 1919 года оставалось все же до 30 миллионов пудов хлеба четырех урожаев, богатые запасы растительного масла и табака — для товарообмена. Без кубанского хлеба было бы до крайности затруднительным существование армии и потребительских районов.

* 26 марта было утверждено мною положение о «Совете по продовольствию», фактически не осуществленное из-за противодействия кубанцев. Между тем с весны 1919 года на Дону и на Тереке создалось тяжелое положение в отношении продовольствия, и главному командованию приходилось путем длительных переговоров, преодолевая сопротивление кубанского ведомства, производить наряд туда для армий и населения кубанского и ставропольского хлеба².

...

Таким образом, ни один из важнейших вопросов взаимоотношений Кубани с Добровольческой армией разрешен не был. Весь наш совместный путь был усеян крупными и мелкими столкновениями, расчищался бесконечными компромиссами и вел к неизбежному разрыву.

Причины, как мы видели, многообразны и питались источниками с обеих сторон. Оставим обвинение в личном, своекорыстном стремлении к власти, которое печать и общество взводили на кубанских деятелей-самостийников. Это область больше психологии, чем истории, и трудно поддается анализу. Остановимся на положениях чисто объективных.

¹ В орган этот должны были входить на равных началах представители Дона, Кубани, Терека, Крыма и Особого совещания.

² В июне, например, для нужд армий Дона, Терека и Донецкого района потребовалось более 1½ миллиона пудов привозного хлеба, который был разверстан между Кубанью (60%) и Ставропольской губернией (40%).

Кубанская революционная демократия, хотя и лишила в своей державе политических и земельных прав иногородних (половину населения области), но в отношении России блюла демократические заветы и не доверяла добровольческой власти, считая ее реакционной, реставрационной, монархической. Неудачное управление первоначальной территорией нашей — Ставропольской и Черноморской губерниями — подрывало доверие к государственному творчеству этой власти. Безвременье открывало соблазнительные перспективы округления границ области за счет всей Черноморской и части Ставропольской губерний. Главное — это обладание черноморскими портами, ибо, пока они в «чужих руках (командования, потом России), невозможно свободное развитие торговых отношений»¹. Стремление к максимальной самостоятельности естественно толкало Кубань к союзу с единомышленными образованиями, а не к Добровольческой армии, которая исповедывала Единую и Неделимую Россию и говорила только о «широкой автономии» и о «крайне бережном отношении к вековому укладу казачьего быта»...

Кубань хотела быть полным хозяином в своем доме, а в нем распорядился также некто другой, и невыясненность правовых взаимоотношений породила с обеих сторон в повседневной жизни, в практике войск и администрации целый ряд злоупотреблений, превышения власти, столкновений и обид.

Кубань хотела быть полным хозяином своих несметных богатств и вывозить их в Грузию — за равноценный товарный эквивалент, за границу — за доллары и франки, а командование ограничивало экспорт и требовало направления хлеба, жиров и прочего в армию и в нуждающиеся районы вооруженных сил Юга в обмен на малоценные знаки ростовской экспедиции. Известное утомление и видимая безопасность самой Кубани вызывали у многих близо-

¹ Поднимавшиеся не раз в Раде прения и «Меморандум 4 государственных образований» (Дона, Кубани, Украины и Белоруссии), поданный державам Согласия и подписанный от Кубани Бычом. Январь 1919 года.

рукий взгляд на возможность отдохнуть и перейти к мирному порядку, а командование требовало новых призывов, новых жертв для продолжения борьбы за *Россию* — борьбы, конца которой не видно было.

Но над всеми этими причинами доминировала одна главнейшая.

Официальный лозунг, выброшенный «черноморской» группой для успокоения казачьей массы, гласил: через федерацию к *единой России*.

Мы этому не верили. И неверие наше получило компетентное и исчерпывающее подтверждение; правда, несколько поздно — в 1921 году. Вся соль кубанской революционной демократии, все те лица — Быч, Тимошенко, Воронинов, Намитоков, П. Макаренко и прочие, и прочие, которые в течение 1917—1920 годов держали в своих руках власть на Кубани, теперь, после крушения всех фронтов, не связанные более «тактическими соображениями», открыли нам свой символ веры в прошлом, настоящем и будущем¹.

«Ровно 4 года тому назад *народ кубанский*² ясно и твердо выразил свою волю к государственной самостоятельности... Законодательная рада на основании этого решения в январе 1918 года провозгласила землю кубанскую Кубанской народной республикой...

С того времени Краевая рада... неоднократно подтверждала государственную независимость земли кубанской...

Эти страшные 4 года прошли для населения Кубани в непрерывной, истощающей ее силы *борьбе за свою независимость*... В течение трех лет Кубань боролась и против советской России, и против военных организаций, пытавшихся представлять собою Россию антисоветскую и вобравших в себя весь цвет великодержавной российской контрреволюции...

¹ Декларация «Конференции кубанских политических и общественных деятелей в Праге 11—20 октября 1921 года».

² По теории П. Макаренко, «кубанцы есть самостоятельная ветвь славянского племени».

Борьба за независимость Кубани есть наш основной долг, наша первая задача».

На какие внешние силы опиралась эта борьба?

«Успех борьбы за независимость Кубани нам мыслится возможным не только в зависимости от усилий нашего народа, но в значительной мере и от тех отношений, которые будут установлены между Кубанью и ее естественными союзниками. Их нам указала Краевая рада в ноябре 1918 года: на севере — суверенный Дон, Украина, Белоруссия; на юге — Горская Республика, Грузия, Азербайджан, Армения. С ними мы намерены установить или укрепить не только отношения добрососедства и дружбы, но считаем необходимым войти с ними в самые тесные договорные отношения на базе взаимного признания суверенности каждого из этих государств и взаимной помощи военной, дипломатической, экономической и финансовой».

Какая же роль предназначается при этом русским людям и России?

«Мы будем искать себе союзников также и в среде демократических русских политических групп и течений, при условии, если эти группы вполне определенно и совершенно искренно будут признавать право Кубани, как и других территорий и национальностей бывшей Российской империи, на полное самоопределение и политическую независимость. Со своей стороны, мы будем считать себя обязанными дать гарантии, обеспечивающие законные экономические интересы России, при условии ненанесения этим ущерба суверенным правам Кубани».

При такой политической идеологии вопросы о личности Главнокомандующего¹, «реакционности» его правительства,

¹ Я имею основание считать, что личность Главнокомандующего не вызывала в свое время особенного недоверия кубанских правителей.

о формах верховного возглавления (диктатура или директория), наконец о путях сложения власти (октроирование сверху или стговор снизу) и тд, и тд, значения иметь не могли.

Кубанский сепаратизм, по существу, ополчался против национальной России.

ГЛАВА VIII

ДОН: СОБЫТИЯ НА ДОНСКОМ ФРОНТЕ В КОНЦЕ 1918 И В НАЧАЛЕ 1919 ГОДА. БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО ВОЕННОГО КОМАНДОВАНИЯ НА ЮГЕ

Падение Германии поставило в весьма затруднительное положение Донское войско. Во второй половине ноября германские части очистили территорию области, открыв опаснейшее и кратчайшее направление к ее столице — воронежское. В то же время немцы, занимавшие Украину, объявили нейтралитет, и в «пограничных» районах Харьковской и Екатеринославской губерний появились петлюровские атаманы, ниспровергая власть гетмана, прервав снабжение Дона боевыми припасами с Украины и неизбежно подготавливая вторжение большевиков с не менее грозного направления — харьковского.

К началу ноября фронт Донской армии шел от Кантемировки на Таловую и далее, приблизительно по северной и восточной границе области, подходя к Камышину на 20—30 и к Царицыну на 30—40 верст; на юго-востоке фронт шел через станцию Житово по большому Царицынскому шляху до Маньча, где он входил в соприкосновение с левым флангом Добровольческой армии. На этом фронте Дон располагал 52 тысячами против 100 с лишним тысяч войск советского Южного фронта.

Задача, данная армии донским командованием, заключалась в обороне на юго-востоке и овладении важнейшими железнодорожными магистралями путем занятия станций Лиски—Поворино—Елань—Камышин—Царицын.

Затихшие было в октябре военные действия на воронежском направлении в начале ноября возобновились с

новой силой, начавшись блестящим делом генерала Гусельщикова в районе Таловой и развившись затем в большую операцию, завершившуюся поражением 8-й советской армии и занятием донцами линии Лиски—Таловая—Новохоперск. В районе Луганска небольшой отряд «молодой» Донской армии стоял прочно и отбивал все атаки противника.

В середине ноября усилившиеся советские армии вновь перешли в наступление, нанося концентрический удар на воронежском направлении и с северо-востока на фронт Урюпинская—Усть-Медведицкая. 9-я советская армия имела вначале успех, проникнув глубоко в Хоперский округ, но благодаря подошедшему к донцам с Царицынского и Воронежского фронтов подкреплению была опрокинута, и донские полки, преследуя ее, доходили до Елани и Камышина. Это наступление, прервав железнодорожную связь между Поворином и Царицыном, поставило в критическое положение советскую 10-ю армию, вследствие прекращения навигации по Волге оставшуюся без подвоза. Точно так же успешно отражались все настойчивые атаки красных на царицынском направлении, и войска генерала Мамонтова, с конца ноября сами перейдя в наступление, к 5 января подошли вплотную к городу Царицыну на линию Сарепта—Воропоново—Гумрак.

Весь ноябрь и декабрь на огромном фронте от Луганска до Царицына, от Царицына до Маньча в мороз и стужу, поставив в строй поголовно всех казаков, способных носить оружие, изнемогая от потерь и лишений, Дон доблестно отстаивал свое существование против вдвое сильнейшего врага. Донская армия неизменно одерживала верх, брала тысячи пленных и богатую военную добычу. По существу стратегически победа была уже на стороне донцов: зимняя операция красных расстроилась, потеряла свой планомерный характер и продолжалась лишь по инерции, без внутренней идейной связи.

Но в гражданской войне моральный элемент более чем где бы то ни было властвует над всеми прочими слагаемыми успеха. То, что было выиграно в течение многих месяцев моральным подъемом и оружием, в один миг было потеряно упадком духа. В казачьем настроении опять на-

ступил перелом, который умело использовала советская пропаганда. Наиболее чувствительным ее аргументом были обещания советской власти сохранить казачий уклад и уверения в тщетности надежд на иностранную помощь, о которой так часто и неосторожно говорил атаман колеблющемуся фронту.

Уже в ноябре, невзирая на успехи, в армии чувствовалась некоторая моральная неустойчивость. В конце декабря сначала один донской полк предался на сторону красных, потом несколько станиц, и войска Верхне-Донского округа заключили мир с большевиками и начали расходиться по домам. Пораженческое настроение ширилось по фронту, и одновременно ширились прорывы, в которые беспрепятственно вливались волны красных, выходя в тыл и угрожая окружением еще боровшимся войскам Хоперского округа.

В то же время большевики прилагали большие усилия, посылая для вразумления войск 8-й и 9-й армий карательные отряды, усилив Южный фронт четырьмя новыми дивизиями и направив из Харькова на линию Бахмут—Луганск армейскую группу Кожевникова.

И к концу января Донская армия на Северном и Северо-Восточном фронте отхлынула за Дон. «Прекрасно вооруженные, снабженные пулеметами и пушками отряды наши, — говорил атаман Краснов на Круге¹, — уходят без боя в глубь страны, оставляя хутора и станицы на поругание врагу. Теперь сдаются на милость красной сволочи целыми сотнями и с нею вместе идут избивать своих отцов и братьев. Теперь арестовывают офицеров и старших начальников, выдают их на расстрел красным и тем подрывают в них веру в казаков и лишают их необходимого мужества...»

Чем же объяснялся такой резкий перелом в настроении казачества и такой глубокий, ничем не оправдываемый развал армии?

Общество, армия, Круг искали прежде всего «виновных». Их назвал Круг, собравшийся в феврале, осудил и удалил.

¹ Стенограмма заседания Круга 1 февраля 1919 года.

Виновными сочтены были командующий Донской армией и начальник штаба ее генералы Денисов и Поляков. Круг поставил им в вину, косвенно и атаману, «недостаточную осведомленность о фронте... легковесную самоуверенность... трения с Добровольческой армией... убеждение в период успехов, что справятся собственными силами, и делить победу с кем бы то ни было не хотелось... оповещение фронта о скором прибытии (неприбывшей) союзной помощи»... Наконец, непосещение фронта командующим, «невнимание к нуждам фронта, злоупотребление реквизициями, особенно в Южной армии»¹ и т.д. Генерал Денисов указывал причины иные: 1) утомление казачества; 2) гибель веры в союзников; 3) возрастание сил противника; 4) лютая зима при недостатке одежды и теплых вещей; 5) агитация большевиков; 6) агитация «общественных деятелей» против атамана и против командующего; 7) развал тыла². В сущности, обе стороны в своих обвинениях исследовали только нездоровую почву, на которой могло произрасти то явление чисто психологического характера, которое Краснов и Денисов определяли согласно «заболеванием фронта большевизмом». Определение, верное только в отношении *симптомов* той болезни, которая поражала временами не одно донское, но и другие казачества, русскую интеллигенцию и русский народ, — болезни *воли и духа*. Ибо донское казачество, органически чуждое коммунистическому укладу, приняв внешние формы и даже практику большевизма как личину, как средство кого-то провести и от кого-то спастись, на другой же день вступало с ним в глухую борьбу всем своим нутром, всем бытовым укладом, в свою очередь встречая со стороны советской власти полное недоверие и прямое посягательство на жизнь казачью, быт и достояние.

Эта двойственность казачьих настроений чрезвычайно ярко проявилась в красочной истории донского казака, войскового старшины Миронова. Демагог и честолюбец, мечтавший об атаманском перначе, он с самого

¹ Краткое сообщение о заседании 1—8 февраля 1919 года.

² Отчет о вечернем закрытом заседании Круга 1 февраля.

начала гражданской войны поступил на службу к большевикам и, командуя бригадой, потом дивизией, дрался весьма усердно на их Донском фронте. Но после большевистского вторжения на Дон в начале 1919 года зверства большевиков пробудили совесть в нем и в его казаках. Миронов стал на защиту разоряемых станиц, был обвинен в демагогии и отправлен на Западный фронт. Летом, однако, ввиду тяжелого положения на Юге его переводят обратно на Донской фронт и ставят во главе вновь сформированного Донского корпуса, ядром которого служили казаки северных округов. В августе Миронов поднял восстание, к которому примкнули несколько донских советских полков. В приказе-воззвании от 9 августа он говорил казакам:

«Что остается делать казаку, объявленному вне закона и подлежащему беспощадному истреблению? Только умирать с ожесточением.

Что остается делать казаку, когда он знает, что его хата передана другому, его хозяйство захватывается чужими людьми, а скотина выгнана в степь в загон? Только сжигать свои станицы и хутора. Таким образом, в лице всего казачества мы видим жестоких мстителей коммунистам за поруганную справедливость, что в связи с общим недовольством трудящегося крестьянства России, вызванным коммунистами, грозит окончательной гибелью революционным завоеваниям и новым тяжким рабством народу. Чтобы спасти революционные завоевания, остается единственный путь — свалить партию коммунистов».

Восстание было подавлено в несколько дней полуказачьими войсками Буденного. Миронов и его соучастники были преданы суду и приговорены к смертной казни. Но все они «выразили чистосердечное раскаяние» и просили взять их опять на службу в Красную армию... Миронова большевики помиловали, и в 1920 году мы видим его вновь командующим 2-й Конной армией, сражавшейся против крымских войск генерала Врангеля. Зимой 1921 года он снова принял участие в организации восстания в Донской

области и, не будучи более нужен большевикам, использовавшим его популярность до конца, был предан снова суду и кончил свою жизнь под расстрелом.

...

Взаимоотношения наши с донской властью с мая и до конца 1918 года определялись непримиримой позицией генерала Краснова в вопросе об *едином командовании*.

Если огромный вред, приносимый отсутствием общего плана и разрозненностью действий белых армий во все-российском масштабе (Север, Восток, Юг и Запад), не всеми сознавался достаточно отчетливо, то на общем по существу Доно-Кавказском театре эти тягчайшие нарушения основ военного искусства сказывались ясно и разительно на каждом шагу. Вопрос этот раздирал Юг, отражаясь крайне неблагоприятно на ведении военных операций, вовлекая в борьбу вокруг него общественность, печать, офицерство, политические организации, даже правительства Согласия. Генерал Краснов суживает теперь весь этот вопрос больного прошлого до размеров «екатеринодарской интриги» и «борьбы Краснова с Деникиным», которого он «не хотел признать», отрицательно относясь к его личным качествам как государственного деятеля и стратега... Наши взаимные характеристики могут быть несколько пристрастными. Но ясно одно: личная незаинтересованность и государственные побуждения Донского атамана в этом вопросе теряют значительно свою цену, если принять во внимание, что одним из «наиболее желательных вождей для объединенного командования» он называл... генерала Н. И. Иванова¹, на котором — по его же, Краснова, словам — отозвались «пережитые потрясения и немолодые уже годы и несколько расстроили его умственные способности».

Отбросим личности. За ними стояло явление несравненно более крупного масштаба: вопрос шел о признании военного центра в борьбе Юга — Дон или Добровольческая армия? В глазах огромного большинства русской обще-

¹ Письмо к генералу Франше д'Эспре 6 ноября 1918 года.

ственности первый представлялся началом областным, вторая — *общегосударственным*; в глазах правительств и командования держав Согласия Дон был недавним союзником немцев — пусть даже невольным, — а Добровольческая армия «сохранила верность Согласию до конца». Эти две предпосылки имели решающее значение в спорном вопросе.

Были, очевидно, объективные причины — не только «интриги Екатеринодара», которые задолго до образования мощной организации — Вооруженных сил Юга — привлекали в орбиту Добровольческой армии спутников из самых отдаленных краев разваленной России. Мы видели стремление к объединению с нами Волжской армии Чечека и даже армии Учредительного собрания... К нам тянулись Псковская армия, балтийские отряды и Терек. Крым просил о присылке добровольческих войск.. Подложный приказ от имени главнокомандующего Добровольческой армией о подчинении ему украинских войск достаточно выяснил отношение к нам русской общественности и офицерства Украины... Уральское войско сообщало, что «ожидает с большим нетерпением» подхода к Волге Добровольческой армии, «имея желание в общих интересах объединиться с нами»¹. Оренбургский атаман Дутов писал мне²: «Наше войско сепаратистских стремлений не имеет и борется за всю Россию. На вашу армию мы возлагаем большие надежды и полагаем, что только вы и решите окончательно судьбу России. Ваша армия находится на юге и имеет все под рукой. В ваших руках уголь, железо, нефть, лучшие пути сообщения, сравнительно короткое расстояние до Москвы. Кроме того, вы имеете возможность, владея Черным морем, получить всевозможные пополнения и припасы».

Расходясь, подчас серьезно, в вопросах государственного устройства, с большим единодушием относилась к *военному* верховенству Добровольческой армии и организованная русская общественность (кроме крайне правой) до

¹ 16 октября 1918 года, № 200, и письмо от января 1919 года.

² 11 января 1919 года, № 1328.

«Союза возрождения» включительно. Даже весьма демократический «Съезд земских и городских самоуправлений Юга»¹, представленный такими столпами революционной демократии, как Руднев, Гоц, Вишняк, Гвоздев и другие, возлагал на Добровольческую армию «ответственную роль служить на Юге России ядром для воссоздания российской народной армии».

Только самостийные круги смотрели иначе... «Меморандум 4 государственных образований»², представленный французскому командованию, отрицал саму идею необходимости *единства армии*, допуская лишь создание «общего генерального штаба для руководства всеми операциями на основе соглашения государственных новообразований... Защита своего дома, своего очага, своей семьи, своего народа — таковы должны быть лозунги, к которым следует апеллировать для искоренения большевизма». Составитель «меморандума» Марголин рассказывает, что «настроение у всех (собравшихся для обсуждения этого «акта») было торжественное»; и единственный военный представитель совещания, внесший сей новый вклад в военную науку, донской генерал Черячукин «осенил себя даже крестным знаменем перед подписанием»³.

Молил, должно быть, у Господа прощения...

В этом отношении соединенное заседание Донской законодательной комиссии и кубанских делегатов выказало большую широту взглядов. Требуя автономности Донской и Кубанской армий, оно считало, однако, необходимым «скорейшее подчинение Донской, Кубанской, Добровольческой и других армий.. в пределах России единому командованию» и допускало возможность борьбы с большевизмом, «выходящей за пределы охраны Донской и Кубанской области».

¹ Симферополь, 30 ноября—8 декабря 1918 года. Резолюция.

² «Меморандум» Дона, Кубани, Украины и Белоруссии, подписанный Черячукиным, Бычом, Марголиным, Галипом, Бохановичем 5 февраля 1919 года в Одессе.

³ «Украина и политика Антанты».

Интересно, что такая же борьба за единство командования, вызванная мотивами другого рода — боязнь бонапартизма, — велась и в советской России между Бронштейном, проникшимся идеями «военспецов», с одной стороны, и большинством Коммунистической партии — с другой. Только после поражений, понесенных большевиками на Востоке и Юге летом 1918 года, советская власть создала Революционный военный совет республики¹ с единым Главнокомандующим (Вацетис, потом Каменев) на всех фронтах. Это единство командования, по словам Бронштейна², спасло Красную армию, дав наконец возможность переброски, сосредоточения и вообще использования центрального положения армии для действия по внутренним операционным линиям. «Только после установления общего оперативного руководства и строгого исполнения боевых приказов, идущего сверху вниз, все почувствовали на деле... огромное преимущество централизованной армии над партизанством и кустарничеством».

В вопросе единого командования, и притом возглавляемого Главнокомандующим Добровольческой армией, сошлись и союзные представители.

В начале ноября вернулся из Румынии командированный туда Донским атаманом за снабжением генерал барон Майдель и представил доклад³:

«Со 2 по 12 ноября (по новому стилю) я находился в подном контакте с представителями Согласия... Меня уполномочили уведомить: а) что Согласие верит лояльности Дона, но требует полного объединения командования всей русской армии в лице генерала Деникина; б) генерал Краснов скомпрометирован все-таки своей деятельностью, письмом Вильгельму и речами на Круге... Поэтому,

¹ Учрежден 2 сентября 1918 года. Объединение органов снабжения произошло значительно позже — свыходом декрета от 9 июля 1919 года.

² Из доклада 24 февраля 1919 года.

³ Выдержки из доклада генералу Богаевскому от 4 ноября 1919 года.

если общественное мнение, генерал Деникин и Вы¹ укажете, что Краснов, согласившись на полное подчинение Главнокомандующему генералу Деникину, может остаться, то пусть остается; а если нет, желательно, чтобы он добровольно ушел; в) если объединение произойдет и Дон войдет в русскую армию, то союзники обеспечат помощь войсками, деньгами, всем. Мои требовательные ведомости (на снабжение) вручены румынам при вербальной ноте послов Согласия».

6 ноября Донской атаман, очевидно встревоженный этими сведениями, послал в Яссы и Бухарест посольство в составе генералов Сазонова и Янова и дипломатического чиновника Карасева. Посольству вменено было в обязанность, кроме проверки доклада Майделя, ознакомить союзников с положением на Дону, убедить их в неприемлемости подчинения мне Донской армии, указать наиболее желательных вождей для объединенного командования на Юге (генералы Н. И. Иванов и Щербачев) и просить непосредственной помощи боевым снабжением, деньгами и войсками.

Донское посольство, посетив генерала Бертело, русско-го посланника Поклевского-Козелл и генерала Щербачева, выяснило, что вопрос об едином командовании решен окончательно в пользу Главнокомандующего Добровольческой армией. Генерал Янов — человек крайне невоздержанный, по природе демагог, ненавистник Добровольческой армии — не жалел красок, чтобы очернить армию и ее командование в глазах союзников, доказывал невозможность подчинения генерала Краснова мне и счел даже уместным «запугивать их (союзников) возможностью соглашения казаков с большевиками, если будут настаивать на подчинении Краснова»².

Русская распря произвела тяжелое впечатление и в русских, и в союзных кругах и вызвала отповедь генерала Бертело Янову:

¹ То есть генерал Богаевский.

² Доклад К. Карасева от 16 августа 1919 года.

«Нехорошо бросать упрек в сторону родственной нам армии. Вы на первых же порах затрудняете работу союзников своими раздорами... Донская армия многочисленнее Добровольческой? Но если бы у генерала Деникина был даже один солдат, то и тогда симпатии наши будут все-таки на его стороне: он был одним из немногих генералов, который при невероятно трудных условиях остался верным идее союза».

В результате Бертело остался при первоначальном решении, сообщив его письмом атаману Краснову, а генерал Щербачев категорически отказался участвовать в этой сомнительной игре.

Представители Согласия, прибывшие в Екатеринодар, — Пуль, Эрлиш, Фуке — также единодушно поддерживали идею объединения русских армий в лице добровольческого командования. В виде протеста против политики Краснова они ответили отказом на его приглашение посетить Новочеркасск... Пышными речами и приказами население и фронт были уже оповещены широко о союзниках, спешивших на помощь Дону, и отсутствие представителей их наносило большой урон атаманскому престижу. С большим трудом генералу Краснову удалось устроить непосредственным обращением к командовавшему союзными морскими силами в Севастополе адмиралу прибытие в Таганрог двух миноносцев — английского и французского, шедших в Мариуполь за углем, — и затем визит их экипажей в Новочеркасск. С большой торжественностью были встречены в Новочеркасске иностранные гости, рекою лилось вино и вдохновенные патриотические речи. Но среди них диссонансом для недоброжелателей Добровольческой армии прозвучало ответное слово французского гостя¹:

«Пусть будет дозволено солдату Франции сказать вам: все достоинства и доблесть не привели бы к положительным результатам, если бы не существовало самого тесного единения между всеми союзными армиями в лице славного маршала Фоша и такого же единого командования

¹ Из речи капитана Кошена 25 ноября.

на море под славным английским флагом... Благородная и великолепная армия казаков и неустрашимая героическая Добровольческая армия станут (так же) непобедимыми, тесно соединившись и образовав из себя гранитную скалу, страшную для врагов».

Ни в вопросах политики, ни в вопросах войны мы не могли понять, какие, собственно, конкретные цели преследует атаман Краснов. Его перо, его слово были полны такими внутренними противоречиями, в них так художественно переплеталась правда с вымыслом, что мы оказывались в полнейшем недоумении.

8 сентября 1918 года он писал генералу Алексееву:

«Я не думаю о будущем России. Это не мое дело, это решит Учредительное собрание, Земский собор; вернее — Господь Бог. Но я мечтаю об одном — освободить Россию от большевиков...»

А в октябре (без даты, № 02) он писал генералу Драгомирову:

«Приближается время мирной конференции народов... И думается мне, что время Добровольческой армии, Дону, Украине, Кубани, Грузии и другим свободным от большевистского террора частям России собраться и сговориться... по следующим вопросам:

1. Что будет представлять собой бывшая Российская империя в политическом отношении: монархию, республику, федерацию, и если федерацию, то какого типа?

2. Какие части бывшей Российской империи войдут в это новое государственное образование и какие станут вне его (Финляндия, Прибалтийский край, Белоруссия, Польша, Украина, Крым, Закавказье)?

3. Кто поможет объединиться тем частям России, которые не заражены самостийностью?.. Помогут в этом отношении союзники, которые кругом должны нам за 1914, 1915 и 1916 годы, или центральные державы как соседи?»

Решение в то время вопроса о будущем государственном устройстве России добровольческим командованием, Скоропадским, Красновым, Бычом и Жордания представ-

лялось мне несвоевременным и недостаточно компетентным¹.

«Выдвигать (этот вопрос) на первый план теперь же, — отвечал генерал Драгомиров², — это значило бы вносить раздор чрезвычайно острого характера в ту минуту, когда для спасения Родины нужно прежде всего единение всех сил... Что же касается выбора ориентации, то является совершенно невозможным, чтобы в ту минуту, когда союзники наши со дня на день могут прибыть в Новороссийск и пожелают опереться на Добровольческую армию, последняя стала бы на путь колебания — на кого опираться».

А еще через 2—3 дня глава Донского правительства по поручению атамана обратился ко мне с предложением³ созвать совещание в Екатеринодаре по вопросу об едином представительстве на мирной конференции, на которой, «конечно, должны быть представители настоящей России, желающие ее восстановления в прежних пределах и мощи».

Я ответил полным согласием, прибавив, что общность наших задач властно требует объединения всего дела внешних сношений и полного взаимодействия всех вооруженных сил путем объединения командования. «Если... исходя из самого искреннего желания найти пути к полному единству, нам удастся сговориться по (этим) кардинальным вопросам, — писал я⁴, — то в недалеком будущем можно было бы выдвинуть на очередь объединение и в тех отраслях государственного устройства, которые Донской атаман перечислил в своем письме от 3 сентября. № 679»⁵: финансовых,

¹ Любопытно, что 18 декабря генерал Краснов по аналогичному поводу писал кубанскому депутату Макаренко: «Будущая Россия — федеративное или унитарное государство — праздный вопрос... Гадание о будущем явится лишь пустыми разговорами, для чего у меня нет ни свободных людей, ни времени».

² 13 октября, № 149.

³ Письмо 12 октября 1918 года, № 1145.

⁴ Письмо генералу Богаевскому 25 октября 1918 года, № 318.

⁵ Письмо генералу Алексееву.

юстиции, продовольственного дела и торгово-промышленной политики, путей сообщения и телеграфа...

8 ноября¹ генерал Драгомиров вызвал в Екатеринодар представителей Дона на совещание по следующим вопросам:

«Первое — единое представительство на предстоящем мирном конгрессе, второе — объединение командования всеми Вооруженными силами Юго-Восточной России *в оперативном отношении* и вместе с этим объединение всего дела военного снабжения всех фронтов этого района в руках главного начальника снабжения Добровольческой армии, в распоряжение которого от союзников в ближайшее время поступят громадные запасы».

Совещание под председательством генерала Драгомирова состоялось 13 ноября². Вопрос о представительстве на мирном конгрессе был разрешен легко возложением миссии персонально на бывшего министра иностранных дел Сазонова «с тем, чтобы в состав технических советников делегации вошел бы представитель от Дона». Прочие вопросы были донцами сорваны. Генерал Поляков от имени Донского атамана заявил, что «для осуществления единого фронта и единого командования Дон может дать гвардейскую стрелковую бригаду (не казачью), конную казачью дивизию, 4—6 броневых поездов, 4 броневые машины и... Южную армию»³. И то только при условии движения Добровольческой армии на север. Донская же армия оставалась вне подчинения. Такую постановку вопроса генерал Лукомский назвал «с военной точки зрения безграмотной», а генерал Драгомиров — «насмешкой над идеей единого командования»⁴. Она находилась, однако, в полном соответствии с теми взглядами, которые атаман внушал войску относительно будущего характера борьбы: казаки скоро отдохнут от

¹ Телеграмма № 517.

² Участники со стороны Добровольческой армии: генералы Драгомиров, Лукомский, Санников, Романовский, Тихменев, Сазонов и Нератов. Со стороны Дона: генералы Поляков, Греков и Свечин.

³ Разлагающаяся организация.

⁴ Из протокола заседания.

трудов бранных, а их *сменят* на севере Народная и Добровольческая армии... Внушение, психологически опасное для стойкости Донского фронта и производившее тягостное впечатление на добровольчество, разрушая идею *общей борьбы за Россию*.

Замечательно, что по возвращении в Новочеркасск генерал Поляков по поручению атамана, чтобы сгладить впечатление от совещания, тотчас же вызвал к аппарату донского посла в Екатеринодаре генерала Смагина и приказал ему передать союзным представителям, что атаман не отказывается от единого командования, но ставит, между прочим, «непременным условием, чтобы армия имела определенную борьбу против большевиков (?) и чтобы Войско Донское сохранило свою самостоятельность до образования единой России»¹. Первое глубоко оскорбило нас и вызвало горячий письменный протест генерала Драгомирова, второе письмо удивляло, так как вопрос шел только об армии, а о Войске (области) ни на совещании, ни в разговорах с союзниками не поднимался вовсе.

...

Из Новочеркаска обильно текли письма, речи, заявления, в которых крупница правды была переплетена с вымыслом.

Донской фронт начинал морально колебаться и ввиду закрытия границ с Украиной терпел крайнюю нужду в снабжении².

Генерал Краснов писал горячие послания союзным представителям, прося о помощи, без которой считал невозможным дальнейшее сопротивление Дона, и в то же время заявлял горделиво полковнику Кизу: «Передайте генералу Пулю, что я являюсь выборным главою свободного пятимиллион-

¹ Копия ленты разговора Смагина и Полякова.

² 21 октября атаман Краснов писал генералу Лукомскому: «У меня (в армии) две трети не имеют сносных сапог, одна треть совсем не имеет сапог, обута в лапти, даже офицеры. Не только полушубков, не только телогреек, но даже шинелей далеко не хватает. Патронов осталось только 13 миллионов. А война идет страшно жестокая».

ного народа, который для себя ни в чем не нуждается. Ему не нужны ни ваши пушки, ни ружья, ни амуниция — он имеет все свое, и он убрал от себя большевиков. Завтра он заключит мир с большевиками и будет жить отлично (!). Но нам нужно спасти Россию, и вот для этого-то нам нужна помощь союзников»¹.

Я требовал нормального подчинения армий, чтобы иметь возможность дивизии и корпуса и Донской и Добровольческой армий перебрасывать на тот фронт, где это вызывается стратегической обстановкой. В художественном переложении атамана это требование преподносится казачеству в таком виде: «Полное подчинение Вооруженных сил Дона с получением конницы казачьей с фронта и перемещиванием казачьих частей с частями добровольческими; иными словами — нарушение образа служения войска, толикою славою покрытого».

Замечательно, что в то же время генерал Краснов, не боясь перемещивания, настойчиво просил о переброске добровольческих частей на Донской фронт, справедливо видя в этом единственное спасение Дона.

«Общерусские» войска были желательным гостем в противоположность «общерусским учреждениям». 9 января 1919 года (№ 092) по поводу размещения в Ростове отдела пропаганды атаман Краснов писал генералу Драгомирову: «На земле Войска Донского не может и не должно помещаться ни одно из учреждений общерусских. Это требование автономии Войска».

«Старшие начальники и офицеры, — говорил он генералу Щербачеву и внушал, без сомнения, эту мысль армии, — будут бояться, что от них отнимут все высшие командные должности и заменят их лицами, угодными Деникину, и не казаками; и это может вызвать упадок их энергии в решительные минуты борьбы»².

¹ Со слов генерала Краснова «Всевеликое войско Донское»:// Архив русской революции. Т. 5.

² Я должен заметить, что эти мысли не прививались донскому офицерству, и отношение его к Добровольческой армии и ко мне оставалось доброжелательным.

Я добивался сосредоточения всего военного снабжения в одних руках для правильного распределения снабжения, доставляемого союзниками, для учета и регулирования потребности фронтов в хлебе, а стратегических железнодорожных линий — в нефти и угле. Это мое требование, проявившееся реально в снабжении Дона английскими запасами и в довольствии края и армии кубанским и ставропольским хлебом, в стилизованном изложении атамана формулируется словами: «Снабжение, находящееся в распоряжении Войска Донского: хлеб и уголь передаются в распоряжение Добровольческой армии (?) — выгоды и угодыя (Войска), утвержденные грамотами императрицы Екатерины Великой, от него отходят».

Я писал Богаевскому о желательности объединения некоторых отраслей государственного управления, предложенного некогда самим генералом Красновым. Это предложение превращалось в «полное подчинение всего Войска Донского с его населением и армией генералу Деникину». Мои помощники, ведшие непосредственно переписку с атаманом, нервничали и положительно терялись от изумительных оборотов в посланиях атамана, извращавших самую элементарную сущность всяких вопросов.

Атмосфера между тем сгущалась все более и более. Ширился круг лиц, принимавших участие во взаимной распре военачальников, осложняя своим вмешательством и без того тяжелое положение. Печать принимала все более резкий, нервный тон. Атаманский официоз «Часовой» возбуждал казачество против Добровольческой армии. Кубанские самостоятельные органы, сохраняя в отношении генерала Краснова «вооруженный нейтралитет», травили меня и Добровольческую армию... Все екатеринодарские «русские» газеты, не исключая и социалистических, и кубанские — «линейные» — травили атамана Краснова... И атаман жаловался на них моему представителю в Новочеркасске, принимал у себя, на Дону, ряд драконовских цензурных мер в отношении екатеринодарской прессы и относил все это всецело к работе своих недругов — Харламова, Парамонова, Сидорина и других, «под крылом добровольческого командования ведущих кампанию против него». Председатель Особого совещания генерал Драгомиров,

поставленный в очень щекотливое положение в отношении поддерживавшей армию печати, писал редакциям письма, прося их воздержаться от выступлений против донского командования и «использовать (свое) влияние для упрочения хороших отношений с Доном, начало которым уже положено»¹.

Содействие союзников принимало иногда недопустимые формы, ставя меня в чрезвычайно тягостное положение. Так, при посредстве телеграфного агентства 20 ноября в газетах появилось сообщение «из достоверных источников», что груз, привезенный первым транспортом и предназначенный совместно для Добровольческой и Донской армий, по распоряжению французского командования передан только генералу Деникину для Добровольческой армии.. что «Донская армия ничего не получит из транспортов, которые находятся уже в пути или будут отправлены в будущем.. до тех пор, пока Дон не признает генерала Деникина Верховным главнокомандующим». Генерал Драгомиров сделал серьезное внушение газетам, поместившим это ложное известие, и произвел расследование, которое выяснило, что сведение было прислано агентству непосредственно из... французской военной миссии..

О ходе переговоров с генералом Красновым генерал Драгомиров осведомлял председателя Донского круга Харламова и при его посредстве — законодательную комиссию Круга и донскую общественность; иногда союзников и прессу. Содержание этих переговоров было таково, что без всякого злого умысла давало агитационный материал против генерала Краснова донской и «российской» оппозиции. Харламов и комиссия в вопросе об едином командовании были на нашей стороне. Они ставили вопрос этот «вне связи с вопросом о помощи извне Донской армии, руководствуясь прежде всего стратегической целесообразностью»². Это единомыслие, естественно, сближало нас с донской оппозицией, причем во взаимоотношения ее с атаманом и во внутренние дела мы, конечно, совершенно не вмешивались. Комиссия не раз пыталась устранить трения с Добро-

¹ Циркуляр 14 декабря 1918 года, № 1161.

² Из стенограммы заседания Круга 4 февраля.

вольческой армией, но совершенно безуспешно. Прибывшей 12 ноября делегации комиссии генерал Краснов заявил категорически, что «признание генерала Деникина для него является неприемлемым и что Донская армия ни в чем, кроме разве танков, не нуждается».

Лично для меня эта борьба за приоритет Добровольческой армии, веденная вокруг моего имени, была до крайности тягостна. И в душе я готов был не раз помириться со всеми недостатками разъединенного фронта, лишь бы окончилось это прискорбное соревнование, возбуждавшее общественные страсти, отзывавшееся на фронте и ронявшее нас в глазах союзников. Положение мое было тем более трудным, что ни одна из известных мне русских общественных групп, ни одна область, ни одна армия, не исключая даже Донской, не выдвигали генерала Краснова на пост главнокомандующего соединенными силами Юга.

А других претендентов на главнокомандование в ту пору еще не было.

ГЛАВА IX

ДОН: ТРАГЕДИЯ ДОНСКОГО ФРОНТА. ОБЪЕДИНЕНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ. УХОД АТАМАНА КРАСНОВА

В начале декабря генерал Пуль обратился ко мне со словами:

— Считаете ли вы необходимым в интересах дела, чтобы мы свалили Краснова?

Я ответил:

— Нет. Я просил бы только повлиять на изменение его отношения к Добровольческой армии.

— Хорошо, тогда будем разговаривать.

Через день-другой Пуль прислал генералу Драгомирову копию своего ответа генералу Краснову¹ на письмо, полученное от него 7 декабря.

¹ Оставляю без изменения русский перевод письма, полученный из английской миссии.

«Я должен благодарить Вас за помощь и откровенное выражение Вашей точки зрения, хотя, к сожалению, я нашёл, что Ваше мнение несогласно с моим по вопросу о назначении генералиссимуса для командования всеми русскими армиями, действующими против большевиков.

Я также намерен ответить совершенно откровенно.

Я должен указать Вашему Превосходительству, что я полагаю по вопросу о назначении главнокомандующего необходимым предварительно ознакомиться с мнением союзников, ибо, как я понимаю из Вашего письма, Вы считаете, что только при условии содействия союзников и получения от них снабжения будете в состоянии двигаться вперед или даже только обороняться.

В полученных мною инструкциях моего правительства мне указано было войти в сношение с генералом Деникиным как с представителем, согласно английскому мнению, русских армий, действующих против большевиков. Я сожалею поэтому, что для меня является невозможным даже рассмотрение вопроса о признании какого-либо иного офицера в качестве такого представителя.

Я вполне сознаю ту великолепную работу, которую Ваше Превосходительство так искусно выполняли с донскими казаками, и я смею поздравить Ваше Превосходительство со славными походами.

Я бы желал надеяться, что Ваше Превосходительство проявите себя не только выдающимся воином, но и великим патриотом.

Если я принужден буду возвратиться и донести своему правительству, что между русскими генералами существует зависть и недоверие, это произведет очень тяжелое впечатление и, наверно, уменьшит вероятность оказания помощи союзниками. Я бы предпочел донести, что Ваше Превосходительство проявили себя столь великим патриотом, что готовы поступиться собственными желаниями для блага России и согласиться служить под начальством генерала Деникина.

Как я уже словесно изложил князю Тундутову, я был бы рад встретиться с Вашим Превосходительством неофициально и обсудить все это дело, если бы Вы этого пожелали;

и я мало сомневаюсь в том, что мы могли бы прийти к удовлетворительному решению.

В случае этой встречи меня сопровождал бы генерал Драгомиров — помощник главнокомандующего Добровольческой армией».

Свидание состоялось 13 декабря на границе двух областей, в Кущевке. После встречи двух поездов и длительного, довольно оригинального вступления, когда между «суверенным главой пятимиллионного народа» и «представителем великобританского правительства» шел спор о первом визите, состоялся наконец обмен мнениями и намечены были общие основания возможного соглашения:

1. Не объявлять об этом подчинении в приказе до той поры, пока, по заявлению атамана, мысль о необходимости подчинения Донской армии генералу Деникину не войдет в сознание казаков.

2. Избегать на первых порах отдачи категорических приказов, касающихся донских казаков, а заменять их «указаниями» о желательном направлении операции, с предоставлением права Донскому атаману представлять на нем свои соображения.

3. Невмешательство высшего командования Добровольческой армии во внутреннее управление Донской армии, то есть в назначение командного состава, производства в чины, призыва казаков и т.п.

Эти условия, в сущности, сводили на нет единство командования, но, во всяком случае, признавали идею его, сдвигали вопрос с мертвой точки и давали основания для дальнейших переговоров. Они состоялись на станции Торговой 26 декабря¹. Их описал впоследствии генерал Краснов²,

¹ Участники: 1) со стороны Добровольческой армии — я, генералы Драгомиров, Щербачев (приехал из Румынии), Романовский и другие; 2) со стороны Дона — атаман Краснов, генералы Денисов, Поляков и другие.

² Всевеликое Войско Донское. // Архив русской революции. Т. 5.

переплетая правду с вымыслом и внося в рассказ обычные особенности своего стиля: высокую самооценку себя лично и своих помощников — мудрых, красноречивых и государственно мыслящих, — в прямую противоположность противникам, которым приписываются наивные по форме и содержанию речи, циничные взгляды и побуждения.

Нет надобности повторять те положения и доводы, которые сводились, с одной стороны, к определению нормальных форм единого командования, с другой — к полному отрицанию их на том главнейшем основании, что казачество с недоверием относится к «солдатским» (не казачьим) генералам и офицерам и что «гласное признание подчинения разложит Дон».

— Отчего же вы мне предлагали пост Главнокомандующего? — задал недоуменный вопрос генерал Щербачев.

Собеседование открыло такую бездну накопившейся ненависти к нам со стороны донского командования, что дальнейшие прения казались бесполезными. Дважды я прекращал переговоры, и дважды атаман и генерал Щербачев просили меня продолжить их: положение Донского фронта становилось трагичным, донская оппозиция росла в числе и в силе, и весть о разрыве могла отразиться действительно печально на судьбе фронта и атамана. Меня также заботила немало участь Донского фронта и одолевало искреннее желание прекратить это постыдное единоборство какую угодно ценою.

В силу этих побуждений появились на свет два акта:

1. Мой приказ (26 декабря 1918 года, № 1):

«По соглашению с атаманами Всевеликого войска Донского и Кубанского, сего числа я вступил в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России».

2. Приказ Донского атамана, отданный «во избежание кривотолков»:

«Объявляя этот приказ (мой, № 1) донским армиям, подтверждаю, что по соглашению моему с Главнокоман-

дующим Вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенантом Деникиным конституция Войска Донского, Большим войсковым Кругом 15 сентября сего года утвержденная, нарушена не будет. Достояние донских казаков, их земли и недра земельные, условия быта и службы донских армий затронуты не будут. Единое командование есть своевременная и необходимая ныне мера для достижения полной и быстрой победы в борьбе с большевиками».

Эти акты не определяли совершенно правовых взаимоотношений между главным командованием и Донской армией.

Их должна была установить жизнь.

Пока происходили все эти события, Добровольческая армия кровавыми боями приступала к финальному акту освобождения Северного Кавказа и разгрома большевистских сил. Как только улучшилось положение под Ставрополем, я перебросил оттуда 6 декабря 3-ю дивизию генерала Май-Маевского с бронепоездами, броневиками и авиационными отрядами в район Юзовки для прикрытия Каменноугольного района и обеспечения левого фланга Донской армии¹. Май-Маевский попал в чрезвычайно сложную военную и политическую обстановку в районе, где перемещались повстанческие отряды Махно, Зубкова, Иванько и другие, петлюровские атаманы, советские войска группы Кожевникова и, наконец, застрывшие немецкие эшелоны. Кубанские самостийники поднимали сильную агитацию против «вторжения на территорию Украины»; Донской атаман настойчиво добивался наступления отряда на Харьков, взятый большевиками 21 декабря, и «занятия северных границ Украины»; а Май-Маевский в течение двух месяцев со своими 2¹/₂, потом 4¹/₂ тысячами штыков, с огромным напряжением и упорством

¹ Стратегическая задача — «обеспечение линии Юзовка— Мариуполь, а затем... распространение на Бердянск—Синельниково—Нырково с прочным закреплением занятого района».

едва отбивался от Махно, петлюровцев и двух дивизий большевиков.

Вместе с тем с ноября я непрестанно напоминал союзникам о необходимости скорейшего направления вооруженных сил прежде всего на Дон, где помощь эта имела бы колоссальное значение для морального подъема уставшего духом казачества. «Целым рядом телеграмм я просил оказать содействие союзными войсками на Донском фронте... Донские казаки в течение года героически сражались и сопротивлялись превосходящим силам врага, но теперь, усталые, начинают терять веру в поддержку союзников... Если союзным командованием решено помочь нам в борьбе с большевиками, то эту помощь надо дать теперь же, чтобы поддержать дух казаков и сохранить Донскую область»¹.

Был один момент (21 ноября), когда французская миссия сообщила нам о подходе двух дивизий к Новороссийску, и штаб мой отдавал уже спешно распоряжение о подготовке поездных составов для перевозки головной французской дивизии на Дон... Твердой уверенности, однако, в ее прибытии у меня не было. Поэтому об ожидаемом событии штаб никаких объявлений не делал, а переписка о перевозке велась в «весьма секретном» порядке. Действительно, десант в Новороссийске не появился, а взамен того вскоре начали высаживаться небольшие части союзников в Одессе, Севастополе и Батуме.

На мои телеграммы генералу Франше д'Эспре ответов не поступило.

Англичане были положительнее и откровеннее: на мою телеграфную просьбу в Батум генералу Уоккеру о необходимости оказать «немедленную моральную помощь Дону, которая могла бы выразиться в присылке на Донской фронт (хотя бы) двух-трех английских батальонов»², генерал Мильн выразил «крайнее сожаление, что указания, полученные (им) от великобританского правительства, не дают (ему) права выслать (мне) войска»³.

¹ Из телеграммы моей генералу Франше д'Эспре.

² Телеграмма от 13 января 1919 года, № 0735.

³ Телеграмма от 24 января 1919 года.

А советские прокламации, разбрасываемые во множестве по Донскому фронту, злорадно утверждали, что никакой союзной помощи и не будет...

Французская военная миссия между тем продолжала поддерживать иллюзии. К несчастью, во главе ее стоял некто капитан генерального штаба Фуке — человек, мало соответствовавший трудной роли представителя Франции. И начал он свою карьеру на Юге как-то странно — представлением мне на подпись дифирамба своим заслугам для ходатайства перед Франше д'Эспре о производстве его в следующий чин. Окончил же совсем печально.

30 января я получил письмо генерала Краснова¹, весьма поразившее. 27 числа к нему явился капитан Фуке, заявив, что он действует по поручению генерала Франше д'Эспре. Фуке сообщил, что немедленно же будет послана французская дивизия из Севастополя на помощь Дону в район Луганска, если атаман подпишет два «соглашения». Первое из них, заключавшееся от имени французского правительства, гласило:

«1. События, происшедшие в районе Донецкого бассейна, позволили советским войскам его занять и совершенно дезорганизовать и разрушить промышленную жизнь. Эти события были вызваны недостатком средств защиты и охраны, так как донские войска, которые были бы необходимы, охваченные большевистской пропагандой, изменили или не выполнили всего того, что при иных обстоятельствах они могли бы сделать.

«2. Донское правительство, признавая, что, не будучи в состоянии обеспечить охрану и защиту заводов, рудников и других промышленных учреждений; считает обязательным справедливое удовлетворение как за погибшие человеческие жизни, так и — для полного возмещения причиненных убытков — восстановление, вознаграждение за бездействующие предприятия и тд.

«3. Атаман Краснов и донские власти, выше перечисленные; настоящим принимают на себя обязательство, как вы-

¹ От 29 января, № 0109.

борные и признанные представители настоящего донского правительства, а также как представители одной из будущих частей великой России, удовлетворить лиц и общества французских и союзных подданных Донецкого бассейна (как на территории в пределах Донского войска, так и соседних районов, куда могли распространиться волнения) вследствие материальных затруднений Дона. Право взыскания убытков с украинских и других властей предоставляется Войску Донскому.

4. Возмещение убытков так же, как и 5% доходов (проторей) со дня прекращения работы вследствие событий, будут уплачены потерпевшим в 10 сроков, считая со дня решения комиссии. Способ и правила уплаты будут совершенно те же, как принятые для оплаты купонов русской 5%-й ренты 1906 года».

Другое соглашение, заключаемое от имени французского Главнокомандующего генерала Франше д'Эспре, состояло в следующем:

«1. Соглашение, подписанное 26 декабря между генералом Деникиным, Главнокомандующим армиями Юга России, и генералом Красновым, Донским атаманом и Всевеликой Донской армией, с сегодняшнего дня будет иметь полное применение.

2. Генерал Краснов, Донской атаман, заявляет о признании полной власти генерала Деникина, а как высшего командования и власти по вопросам военным, политическим и общего порядка, обусловленным обстоятельствами, — генерала Франше д'Эспре, командующего армиями союзников, все инструкции которого будут исполнены немедленно по передаче их французской миссией».

«Вы знаете, Ваше Превосходительство, — писал мне генерал Краснов, — в каком критическом, почти безвыходном положении находится Донское войско. Но при всем этом я не считаю возможным взять на себя подписать такие документы. Я прошу Ваших, как Главнокомандующего,

указаний. Можете Вы помочь Донскому войску — послать сейчас две или три дивизии в район Звереве, Морозовской, Царицына для выпрямления фронта?»

Я ответил в тот же день телеграммой¹:

«Письмо Ваше 109 получил. Вполне разделяю Ваше негодование по поводу предложения капитана Фуке и одобряю Ваш отказ подписать соглашение. Со своей стороны заявляю следующее: 1) Какие бы ни бывали между нами несогласия и различия во взглядах, я никогда не позволял себе какого-либо действия, направленного во вред интересам донского казачества и могущего затруднить героическую борьбу казаков против нашего общего врага. Еще до нашего соглашения об едином командовании я настойчиво требовал от союзников помощи живой силой и всегда совершенно определенно указывал, что таковая должна быть дана прежде всего Дону, выдерживающему главный напор большевиков; 2) Поэтому предложение капитана Фуке оказать Вам помощь только при условии подписания особого соглашения сделано не только без моего ведома, но я считаю верхом цинизма подобное ультимативное требование в ту тяжелую минуту, которую переживает доблестное донское казачество. Считаю также верхом бестактности предъявление капитаном Фуке подобного требования Вам без предварительного испрошения на то моего согласия; 3) При всех требованиях помощи союзными войсками я всегда совершенно определенно и настойчиво подчеркивал, что таковая ни под каким видом не должна носить характера оккупации, что никакое устранение или даже ограничение власти военной и гражданской не будет допущено. Между тем предложенное Вам соглашение предусматривает подчинение генералу Франше д'Эспре по вопросам военным, политическим и общего порядка. На подобное подчинение я сам никогда не пойду и не допущу, чтобы таковое было признано какою-либо из подчиненных общему командованию частей; 4) Равным образом никогда не допущу никакого вмешательства в

¹ 30 января, № 157.

наши внутренние дела и считаю, что вопросы общего порядка, равно как и политического, должны решаться только нами, русскими, по нашему усмотрению, как мы их понимаем, и никакие чужеземные власти не смеют даже претендовать на какое-либо руководство в этом направлении; 5) На Ваш вопрос отвечаю: Донской атаман не может подписывать подобных соглашений, и Добровольческая армия всецело станет на защиту достоинства и чести донских казаков, если бы то потребовалось как последствие отказа дать подпись под такими позорными для русского имени документами; 6) Мною принимаются все меры переброски частей Кавказской Добровольческой армии на помощь донским армиям, и последним в скором времени будет оказана всяческая поддержка, которая, не сомневаюсь, скоро поможет остановить продвижение красных и с Божьей помощью и верой в наше правое дело позволит обратить временный успех противника в полное его поражение».

Вместе с тем я сообщил генералу Франше д'Эспре¹ о действиях капитана Фуке, выразив свою уверенность, что «эти не соответствующие достоинству русского имени документы... не были присланы французским командованием, а явились результатом неправильного понимания капитаном Фуке всей ответственности сделанного им по личной инициативе выступления».

Фуке был отозван, но на вопрос мой ответа не последовало.

...

Донская армия откатывалась, и депутаты северных округов, собиравшиеся на Круг, который должен был открыться 1 февраля, приносили тяжелые вести о том полном развале, который охватил Северный фронт. Росли растерянность, уныние и вместе с тем недовольство властью и особенно командованием.

Генерал Краснов в ряде писем сообщал об отчаянном положении Дона и просил помощи.

¹ Телеграмма от 3 февраля, № 188.

Еще до открытия Круга по постановлению частного заседания его прибыла ко мне в Екатеринодар делегация членов Круга во главе с генералом Поповым узнать, правда ли, что из-за нежелания Донского атамана подчиниться фактически единому командованию Дону не будет оказана помощь. Я ответил:

— Это вздор. Наши личные отношения ни в малейшей степени не могут повлиять на отношение к Дону. Снабжение, которое мне дадут союзники, будет посылаться и Дону; все иноземные силы, которые пришлют мне, будут отправлены исключительно на Дон. Все, что можно будет извлечь с кавказского театра, я перебрасываю на помощь Дону:

Не закончить операции на Северном Кавказе — значит бы свести на нет все огромные наши усилия, допустить вновь занять многострадальную Кубань красной гвардией, лишиться себя и Дон открытого во внешний мир окна (Черное море, Новороссийск) и поставить саму Донскую область под угрозу окружения.

Только к январю 1919 года обозначился решительный перелом операции в нашу пользу. И в январе была переброшена на усиление Май-Маевского еще одна добровольческая дивизия (1-я), жестоко пострадавшая в боях под Ставрополем и не имевшая отдыха. 23 января мы взяли Грозный, 29-го — Владикавказ, а уже 2 февраля генерал Попов телеграфировал Кругу, что кубанские дивизии для переброски на Дон готовы, но мало подвижного состава, застрявшего после перевозки добровольцев на Дон, и необходимо... избрать членов Круга для сопровождения поездов...

Ибо тот прием, который практиковался Донским атаманом для «успокоения умов казаков» — объявление в приказах и речах о необходимости «заняться строительством своей разоренной родины» и о невыводе их поэтому за пределы Дона, — вызвал подражание на Кубани: кубанцы также не хотели удаляться «от родных хат» и не понимали, почему донцы могут не оставлять свои пределы, а они должны «бросать Кубань».

Поэтому кроме непосредственного воздействия на кубанцев мне пришлось просить Донской круг выслать на

Кавказ своих делегатов уговаривать кубанских казаков во что бы то ни стало желавших побывать в своих станицах, ехать на помощь старшему брату.

В связи с предстоящим открытием Донского круга часть екатеринодарской прессы вновь ополчилась в чрезвычайно резком тоне против генерала Краснова. Я приказал закрыть газету «Истина», и в официальном сообщении штаба (28 января) это распоряжение мотивировано было недопустимостью «подрывать доверие к атаману, под руководством которого доблестная Донская армия прилагает величайшие усилия к спасению своей области». Надо было окончательно рассеять недоразумения, поддержать донцов морально и заверить их в помощи. И я решил поехать на Круг, о чем уведомил атамана.

Атаман, чувствуя неблагоприятное для себя настроение съезжавшихся членов Круга, 20 января запрашивал меня, не считаю ли я «своевременным, чтобы в февральскую сессию он просил Круг освободить его от должности атамана». Я ответил, что вмешиваться в его отношения с Кругом не буду.

Генерал Краснов считал, что я в союзе с генералом Богаевским и Харламовым готовлю его свержение, и не верил в искренность моего «невмешательства»¹. Письма этих лиц ко мне, относящиеся к концу января, должны значительно ослабить возводимое обвинение. «Страшная усталость, — писал мне Богаевский 26 января 1919 года, — падение духа, измена — все соединилось против нас... Надежды на союзников нет... Верьте тому, что пишет Вам атаман. Я не завидую его положению: он готов пасть духом под ударами судьбы... Блестящие успехи Добровольческой армии дают всем надежду на быструю помощь. Ваш приезд всех радует». То же писал и Харламов (26 января 1919 года): «С чувством большой радости я услышал о Вашем желании посетить Дон и быть на Войсковом круге... Узнал об этом от атамана Краснова... Проникавшие на фронт сведения о трениях по вопросу об едином командовании вселили в казаков тревогу, что Вы из-за этих трений не дадите помо-

¹ Всевеликое Войско Донское. // Архив русской революции. Т. 5.

щи и что наше командование не сделало всего, чтобы устранить эти трения... Сейчас Ваш приезд психологически необходим».

К февралю Донской фронт на севере представлял собой неопределенную прерывистую линию, шедшую от Луганска через Миллерово в общем направлении на Царицын. Еще в середине января насчитывавшая до 40 тысяч Донская армия таяла с каждым днем. У Луганска отбивал успешно наступление противника генерал Коновалов с 1½ дивизии «молодой» Донской армии. У Миллерово медленно отходил вдоль железной дороги на юг 8—10-тысячный отряд генерала Фицхелаурова. Далее на расстоянии 100—150 верст фронта не было, и только где-то у поселка Петровского храбрый генерал Гусельщиков, потерянный с тысячным отрядом среди мятущихся или переходивших на сторону врага станиц, атаковал еще и бил большевиков, брал пленных и оружие. За Чиром поспешно отходили на юго-запад растаявшие отряды Саватеева, Сутулова, Старикова и к февралю приблизились на полперехода к железнодорожной линии Лихая—Царицын, поставив тем под угрозу коммуникационную линию генерала Мамонтова, который все еще дрался под самым Царицыном.

В такое тревожное время собрался 1 февраля Войсковой круг.

Донской атаман в длинной волнующей речи нарисовал историю 10-месячной борьбы Дона, его героических подвигов и падения. Очертил без утайки тяжелое, но не безвыходное положение фронта и призывал донцов бросить колебания и робость и воспрянуть духом. Помощь близка. «Мы живем в сказке великой... Царевна с нами, господа. Русская красавица. Это Добровольческая армия. Покончив покорение Кавказа, освободивши Терское войско, помогши кубанцам, она пришла к павшему духом донскому богатырю и вспрыснула его живой водой... А левее, уступом, медленно и грозно поднимается французская армия генерала Бертело. Она заняла Раздельную и идет дальше на север от Одессы... Великая борьба за Россию вступила в новый и

последний период. Единое командование осуществлено. И вашими болями, вашими неудачами болеет вся Россия и спешит вам на помощь».

Круг отнесся отзывчиво к речи атамана, но в тот же день в вечернем заседании встретил враждебно доклад командующего армией генерала Денисова. В заседании 2 февраля все округа выразили единодушно недоверие ему и начальнику штаба армии генералу Полякову. Три округа (Черкасский, Таганрогский и Ростовский) предоставили решение вопроса об их замене Главнокомандующему Вооруженными силами Юга России. Атаман Краснов заявил¹: «Недоверие, выраженное генералам Денисову и Полякову, принимаю на себя как верховный вождь Донской армии. Да, я знаю — горе побежденным! Мы побеждены болезнью, которая разъела нашу армию... Вы теперь отрубаете у меня сразу и правую и левую руку... Я прошу... выбрать мне заместителя». После баллотировки отставка атамана была принята, и по донской конституции временная власть перешла к председателю правительства генералу Богаевскому.

Если в востуме Круга в отношении генерала Краснова можно было видеть прежде всего осуждение его общей политики, то враждебность, проявленная всем Кругом чрезвычайно остро и ярко к Денисову, была основана в значительной мере на личных его качествах: этот человек обладал исключительной злобностью и самомнением, вооружавшими против него людей. Даже несколько лет спустя, после жестоких уроков, заставляющих, казалось бы, осторожнее относиться к прошлому, он остался неизменным и в таких словах свидетельствует перед лицом истории о самом себе в третьем лице: «Под его командованием Донская армия не видала поражений, а военное управление не ведало разрухи». И противопоставляет «правлению донской власти, воцарившейся со 2 февраля 1919 года, выдающийся по мудрости, красоте и деятельности период их предшественников»².

¹ Из отчета о заседании.

² Генерал Денисов. «Записки».

Рано утром 3 февраля мой поезд подходил к Кущевке. Здесь на границе Донской области встретил меня бывший атаман генерал Краснов, предупредивший лидеров донской оппозиции, также желавших побеседовать со мной до выступления моего на Круге... В третий раз за время борьбы на Юге я встречался с человеком, с которым судьба так резко столкнула меня на широкой, казалось, русской дороге. Передо мной был уже не гордый своими и донского казачества заслугами атаман, а человек, жестоко придавленный судьбой за свои и чужие вины. Человек несомненно одаренный, но не владевший своим словом и чувствами, создавший себе повсюду противников и врагов и нерасчетливо расточавший свои силы на борьбу с ними. И никакой горечи против него в душе моей тогда не было. Я выразил Краснову сожаление об его уходе. Он ответил: «Круг подчинится всякому вашему слову».

После приветствий Круга в мой адрес я сказал:

«Господа члены Войскового круга, я так взволнован вашим приемом, так овеян вашей лаской, что вряд ли сумею сказать все, что хотел сказать, и сказать так, как хотел...

С чувством душевного волнения, после года отсутствия, я вновь приехал в Новочеркасск. В тот город, где с огромным трудом, окруженные слепую стеной злобы, предательства и непонимания, три великих русских патриота — Каледин, Корнилов и Алексеев — начали строить заново русскую государственность.

Я приехал исполнить свой долг: поклониться праху мертвых и приветствовать живых, чьими трудами и подвигами держится донская земля. Я приехал приветствовать Войсковой круг, олицетворяющий разум, совесть и волю Всеволодского войска Донского.

Перенеся вместе с Добровольческой армией через ее крестный путь неугасшую и непоколебленную веру в великое будущее единой и неделимой России, я не отделяю от блага и пользы России интересов Дона. Я знаю, что силы, благоденствие и процветание Донского войска служат залогом спасения России.

Вот почему год тому назад, защищая подступы к Таганрогу и Ростову, я болел душой, видя полное наше одиноче-

ство. В феврале я с тяжелым чувством покидал донскую землю; в апреле я с великой радостью узнал, что Дон очнулся от наваждения и встал на защиту поруганной свободы своей. Летом соединенными силами добровольцев, кубанцев и донцов боролся в Задонье. И в героической борьбе Дона, вместе с Добровольческой и Кубанской армиями, радовался вашим успехам и скорбел при ваших неудачах.

То, что сделано Доном в беспрецедентной борьбе его с разрушителями Родины, никогда ею не будет забыто.

Теперь опять стряслась беда над Доном. Неужели же вся огромная созидательная работа целого года должна пропасть даром? Нет. Донское свободолюбивое войско не может пойти в кабалу к грязному, безумному, проклятому большевизму. А те, кто предал Дон, забыв честь и совесть; пусть знают, что «отдыхать» им не придется. Если «новоявленные друзья» — красноармейцы — не пошлют их на восток проливать братскую кровь сибирских, оренбургских и уральских казаков, то здесь они встретятся в смертном беспощадном бою с нами.

В помощь Дону я развернул уже самый крепкий корпус добровольцев и посылаю все, что можно оттянуть с Кавказского фронта и что могут перевезти расстроенные несколько железные дороги.

Доблестные кубанские казаки, которым посчастливилось освободить уже всю землю и которые, самоотверженно сражаясь в Терско-Дагестанском крае, dokonчили его освобождение, поспешат на помощь Дону — я в этом глубоко уверен. Идут и терцы. Союзники пока не пришли к нам. Трудно сказать, какие технические и политические условия тормозят прибытие союзных войск, но, очевидно, имеются на это свои причины. Во всяком случае, живая сила, которую пошлют они мне в помощь, будет направлена на Донской фронт.

В конечной победе не сомневаюсь, ибо дело наше правое.

Я знаю, что Дон может колебаться, что от перенесенных лишений, невзгод, тяжких потерь у малодушных упало сердце. Положение грозное — нет сомнения. И не потому, что

враг силен, а от усталости, уныния и, может быть, предательства некоторых станиц и донских частей. Но ведь было еще хуже. Ведь год тому назад весь Дон заполнен был большевиками, которые нагло издевались над всем укладом казачьей жизни, над вашими вольностями, которые завладели казачьим добром, убивали лучших людей ваших.

Однако Дон встал. Встал во весь рост. Так же будет и теперь.

Не могут же донцы допустить, чтобы наглые пришельцы — красноармейцы — сели на их землю, лишили их свободы, обобрали их до нитки и посылали в братоубийственный бой против своих же казаков, как это делают уже в северных округах.

Я верю в здоровый разум, русское сердце и любовь к Родине донского казака.

Верю, что ваша внутренняя распря, в которой я не могу и не хочу быть судьей, не отразится на борьбе с врагами Дона и России, на общей дружной работе.

И Дон будет спасен.

Но на этом путь наш не кончится. Путь тяжкий, но славный. Настанет день, когда, устроив родной край, обеспечив его в полной мере вооруженной силой и всем необходимым, казаки и горцы вместе с добровольцами пойдут на север — спасти Россию от распада и гибели. Ибо не может быть ни счастья, ни мира, ни сколько-нибудь сносного человеческого существования на Дону и на Кавказе, если рядом с ними будут гибнуть прочие русские земли. Пойдем мы туда не для того, чтобы вернуться к старым порядкам, не для защиты сословных и классовых интересов, а чтобы создать новую, светлую жизнь всем: и правым, и левым, и казаку, и крестьянину, и рабочему...

Много терний на этом пути. Но при добром желании, при общем и искреннем стремлении всех новых образований к государственному объединению он приведет нас к желанной цели — к счастью Родины.

И я от души желаю сил, мужества и удачи Кругу, атаману и правительству в их непомерно тяжелой, но благодарной работе. В тесном единении с Добровольческой армией, с кубанцами, терцами и горцами Северного Кавказа, опира-

ясь на все государственно мыслящие круги, донская власть примирит интересы разнородного населения, внесет начала справедливости и внутреннего мира, даст победу над врагом и счастье родной области. В этом залог нашего общего благополучия, в этом — важный этап в строительстве Великодержавной России, которой мы без сомнений, без колебаний отдадим все свои желания, все помыслы и даже жизнь».

Речь отвечала тому, чего хотел Круг, и, по свидетельству официального отчета¹, «влила бодрость в удрученные сомнениями души членов Круга, дала им уверенность, что Дон не будет одинок в борьбе».

Но того слова, которое хотел услышать генерал Краснов, я по совести сказать не мог.

«В вашей внутренней распре я не могу и не хочу быть судьей».

Вот все, что я считал себя вправе сказать атаману и Кругу накануне атаманских выборов, решивших судьбу генерала Краснова. «Невмешательство» мое пошло несколько далее: я не считал возможным в эти тяжелые для Дона дни предъявлять Кругу требования, которые обеспечивали бы реальное содержание «договора» в Торговой и реальную власть Главнокомандующему — требования, которые были бы выполнены несомненно.

Кавказская Добровольческая армия, овеянная столькими победами, была уже свободна, и эшелон за эшелонам текли на север без всяких кондиций, просто для спасения Дона и общерусского противобольшевистского фронта.

...

Ввиду ухода Денисова и Полякова донское правительство в выборе командующего остановилось на генерале Абрамове и в качестве начальника штаба армии — на генерале Райском. Я согласился на эти назначения, уехал на фронт, а через три дня телеграф принес известие об избрании атаманом генерала А.П. Богаевского и одновременно ходатайство нового атамана о назначении коман-

¹ Краткое сообщение о заседаниях 1—8 февраля 1919 года.

дующим армией генерала Сидорина и начальником штаба — генерала Кельчевского. Первого, очевидно, по соображениям политическим (видный член оппозиции), второго — по военным. Так как военные познания и опыт Кельчевского компенсировали отсутствие командного стажа у Сидорина, я согласился и на эти назначения.

Обращение ко мне по этому вопросу нового атамана было большим шагом вперед, ибо «договор» в Торговой не предусматривал даже такого «вмешательства» моего в управление автономной Донской армией.

Новая донская власть вступала в исполнение своих обязанностей в момент исключительно тяжелый. Кроме восстановления разложившегося фронта ей предстояла задача умиротворения сильно замутившейся внутренней жизни Дона.

ГЛАВА X

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ И ФЛОТ. СИЛЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ И СНАБЖЕНИЕ

Добровольческая армия к началу 1919 года имела в своем составе: 5 дивизий пехоты (из них две в периоде формирования), 4 пластунские бригады, 6 конных дивизий, 2 отдельные конные бригады, армейскую группу артиллерии, запасные, технические части и гарнизоны городов. Численность армии простиралась до 40 тысяч штыков и сабель при 193 орудиях, 621 пулемете, 8 броневых автомобилях, 7 бронепоездах и 29 самолетах.

Главная масса войск сведена была в пять корпусов: 1-й, 2-й и 3-й армейские, Крымско-Азовский и 1-й Конный, в феврале переименованный в 1-й Кубанский (генералы Казанович, Май-Маевский, Ляхов, Боровский и барон Врангель); позднее, в феврале, был сформирован и 2-й Кубанский корпус генерала Улагая. В состав 1-го и 2-го корпусов в феврале вошли переданные Донским атаманом части бывших Астраханской и Южной армий, на которые возлагалось столько надежд германофильскими кру-

гами и которые были тогда уже, к сожалению, в стадии полного развала.

В начале декабря 1918 года Добровольческая действующая армия располагалась в четырех главных группах¹.

1. *Кавказская группа* (1-й, 3-й, 1-й Конный, позднее 2-й Конный корпуса с приданными частями), силами в 25 тысяч и 75 орудий, располагалась между Манычем и Кавказскими предгорьями у Минеральных Вод. Она имела общей задачей окончательное освобождение Северного Кавказа до Кавказского хребта, овладение западным берегом Каспийского моря и низовьев Волги, что давало возможность войти в связь с англичанами у Энзели и с уральцами у Гурьева и отрезать советскую Россию от бакинской и грозненской нефти.

2. *Донецкий отряд* (генерала *Май-Маевского*), силою в 2¹/₂—3¹/₂ тысячи и 13 орудий, в районе Юзовки прикрывал Донецкий каменноугольный район и ростовское направление.

3. *Крымский отряд* генерала барона *Бодэ* (потом *Боровского*), первоначально только 1¹/₂—2 тысячи и 3—10 орудий, прикрывал Перекоп и Крым, базы и стоянки Черноморского флота; он должен был служить кадром для формирования на месте Крымского корпуса.

4. *Туапсинский отряд* генерала *Черепова* (2-я дивизия с приданными частями), силою в 3 тысячи и 4 орудия, имел задачей прикрывать нашу главную базу Новороссийск со стороны Грузии.

Таким образом, всех действующих сил мы имели 32—34 тысячи и около 100 орудий, из которых на главном театре сосредоточено было 76 процентов.

Против нас противник располагал следующими силами:

1. На *Северокавказском театре* — 11-я и 12-я (формирующаяся) советские армии, насчитывающие до 72 тысяч и около 100 орудий.

2. На *ростовском и крымском* направлениях в течение декабря действовали объединенные шайки «батьки» Мах-

¹ Кроме гарнизонов городов, запасных, учебных и формирующихся частей, составлявших в общем еще 13—14 тысяч.

но силою в 5—6 тысяч и в низовьях Днепра 2—3 тысячи передавшегося на сторону советов петлюровского атамана Григорьева. Кроме того, вся Северная Таврия была наводнена неорганизованными, «аполитичными» шайками, занимавшимися грабежом и разбоями. Только с конца декабря после овладения Харьковом большевики направили через Лозовую на юго-восток против Май-Маевского и на юг в направлении Александровска первые регулярные дивизии из группы Кожевникова.

3. На *сочинском* направлении стояло, эшелонируясь от Лазаревки до Сухума, 3—4 тысячи грузинских войск под начальством генерала Кониева.

Всего, следовательно, на фронтах Добровольческой армии в соприкосновении с нами советских войск было около 80 тысяч и грузин — 3—4 тысячи.

Когда 26 декабря 1918 года состоялось объединение Добровольческой и Донской армий и театр войны расширился новыми обширными территориями, явилась необходимость выделения Добровольческой армии и создания при мне объединяющего штабного органа. Я принял звание главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России. Прежний армейский штаб стал штабом главнокомандующего, а для Добровольческой армии приступили к формированию нового штаба.

Предстоял весьма важный вопрос о назначении командующего Добровольческой армией.

Я считал наиболее достойным кандидатом на этот пост — по широте военного кругозора и по личной доблести — участника добровольческого движения с первых же шагов его генерала Романовского. Однажды после очередного доклада я предложил ему на выбор — армию или штаб Главнокомандующего. Не скрыл, что его уход будет тяжел для меня: нет подходящего заместителя, придется назначить случайного человека, и я останусь в своей большой работе и в своих переживаниях одиноким. С другой стороны (перед глазами у нас был пример незабвенного Маркова), я не сомневался, что и Романовский, став в строй, выйдет из удушливой атмосферы политики, быстро приобретет признание войск, развернет свои боевые способности и покроет славой себя и армию.

Иван Павлович думал день и на другое утро сказал, что останется со мной... Принес в жертву нашей дружбе свое будущее.

Непроницаемым покровом завешены от глаз наших пути Господни. Кто знает, как сложилась бы тогда судьба армии и Романовского — вынесла ли бы она его на гребень волны или похоронила в пучине... Мы знаем только одно: это решение стоило ему впоследствии жизни.

Обсудив вместе с начальником штаба вопрос о командующем, остановились на генерале бароне Врангеле. Он был моложе других корпусных командиров и только недавно вступил в ряды Добровольческой армии. Это могло вызвать обиды. Но в последних славных боях на Урупе, Кубани, под Ставрополем он проявил большую энергию, порыв и искусство маневра. Назначение барона Врангеля состоялось¹. Один из достойных корпусных командиров, первопоходник генерал Казанович после этого ушел в отставку²; другие поворчали, но подчинились. Начальником штаба армии стал генерал Юзефович.

Ввиду последующего развертывания Крымско-Азовского корпуса в армию подчиненные генералу Врангелю войска получили наименование *Кавказской Добровольческой армии*. С 27 декабря по 10 января, чтобы дать закончить генералу Врангелю операцию 1-го Конного корпуса на пути от Петровского до линии Святой Крест—Минеральные Воды, армией временно командовал генерал Романовский.

1 января 1919 года я отдал приказ (№ 7):

«Четырнадцать месяцев тяжелой борьбы. Четырнадцать месяцев высокого подвига Добровольческой армии. Начав борьбу одиноко — тогда, когда рушилась государственность и все кругом бессильное, безвольное спряталось и опустило руки, — горсть смелых людей бросила вызов разрушителям родной земли.

¹ На его место командиром 1-го Конного корпуса был назначен генерал Покровский.

² Заменен черноморским военным губернатором генералом Кутеповым.

С тех пор льется кровь, гибнут вожди и рядовые добровольцы, усеяв своими могилами поля Ставрополя, Дона и Кубани.

Но сквозь ужасы войны, сквозь злобу и недоверие ничему не научившихся тайных врагов своих армия пронесла чистой и незапятнанной идею единой великодержавной России.

Подвиги армии безмерны.

И я, деливший с нею долгие тяжкие дни, и горе, и радость, горжусь тем, что стоял во главе ее.

Я не имею возможности теперь непосредственно руководить Добровольческой армией, но до конца дней моих она останется родной и близкой моему сердцу.

Сердечно благодарю всех моих дорогих соратников, чьими беспримерными подвигами живет и крепнет надежда на спасение России».

Название «добровольческих» армии сохраняли уже только по традиции, ибо к правильной мобилизации приступили в кубанских казачьих частях с весны, а в регулярных — со 2 августа 1918 года. Три последовательные мобилизации этого года подняли на Северном Кавказе десять возрастных классов (призывной возраст 1910—1920 годов), в Приазовском крае — пока два (1917, 1918 и частью 1915, 1916 годов), в Крыму — один (1918). Ввиду того, что революция повсеместно разгромила органы учета, установить точно процент уклонившихся штаб мой не мог. По приблизительным его подсчетам, цифра эта для Северного Кавказа определялась в 20—30 процентов. Мобилизованные поступали в запасные части, где проходили краткое обучение, или — в силу самоуправления войсковых частей — в большом числе направлялись непосредственно в их ряды. Число прошедших через армейский приемник в 1918 году определялось в 33 тысячи человек. К концу 1918 года был использован широко другой источник пополнения — пленные красноармейцы, уже многими тысячами начавшие поступать в армию обоими этими путями.

Весь этот новый элемент, вливавшийся в добровольческие кадры, давал им и силу и слабость. Увеличивались ряды,

но тускнел облик и расслаивались монолитные ряды старого добровольчества. Лихорадочно быстрый темп событий среди непрекращавшегося пожара общей гражданской войны если и допускал поверхностное обучение, то исключал возможность воспитания. Масса мобилизованных во время пребывания в тылу, в мирной обстановке, запасных батальонов была совершенно пассивной и послушной. За вторую половину 1918 года из запасных батальонов дезертировало только 5%. Однако, выйдя на фронт, они попадали в крайне сложную психологическую обстановку: сражаясь в рядах добровольцев, они имели против себя своих односельчан, отцов и братьев, взятых так же по мобилизации Красной армией; боевое счастье менялось, их села переходили из рук в руки, меняя вместе с властью свое настроение. И дезертирство на фронте значительно увеличивалось.

Тем не менее основные добровольческие части умели переплавить весь разнородный элемент в горниле своих боевых традиций, и, по общему отзыву начальников, мобилизованные солдаты *вне своих губерний* в большинстве дрались доблестно.

Что касается кубанского казачества, оно несло тяготы значительно большие: выставляло десять возрастных классов в состав действующей армии и во время борьбы на территории Кубани почти поголовно становилось в ряды в качестве гарнизонов станиц и отдельных, партизанского типа отрядов. Природные конники, кубанцы неохотно шли в пластунские батальоны; пехота их была поэтому слаба и малочисленна, но конные дивизии по-прежнему составляли всю массу добровольческой конницы, оказывая неоценимые услуги армии.

В отношении старых добровольцев мы были связаны еще формально четырехмесячным «контрактом». Первый период для главной массы кончился в мае, второй — в сентябре, третий кончался в декабре. Еще в августе я хотел покончить с этим пережитком первых дней добровольчества, но начальники дали заключение, что психологически это *преждевременно*... Мне кажется, что и тогда уже они ошибались. 25 октября я отдал приказ (№ 64) о призыве в ряды

всех офицеров до 40 лет, предоставив тем из них, кто освобожден из армии, или покинуть территорию ее в семидневный срок, или подвергнуться вновь обязательному уже призыву... А через полтора месяца состоялся приказ¹ об отмене четырехмесячных сроков службы, которая стала окончательно *общеобязательной*. К чести нашего добровольческого офицерства надо сказать, что приказы эти не только не встретили какого-либо протеста, но даже не привлекли к себе в армии внимания — так твердо сложилось убеждение в необходимости и обязательности службы.

Итак, с конца 1918 года институт добровольчества окончательно уходил в область истории, и добровольческие армии Юга становились *народными*, поскольку интеллектуальное преобладание казачьего и служилого офицерского элемента не наложило на них *внешне* классового отпечатка.

...

С января 1919 года в штабе учрежден был отдел, ведавший формированиями. Войска специальных родов оружия организовывались обыкновенно в тылу и уже готовыми поступали на фронт; так же было и с кубанскими полками, которые комплектовались территориально в своих округах. С формированием пехоты дело обстояло иначе. Необыкновенно трудно было поставить материальную часть полков средствами нашего немогущего армейского интендантства, и штаб мирился с формированием на фронте, где заинтересованные непосредственно в своем усилении начальники находили возможности с грехом пополам обути, одеть, вооружить и снарядить новые части. Но бои кипели непрерывно, фронт ввиду большого неравенства сил всегда нуждался в подкреплениях, резервов в тылу не было, и новые части бросались в бой задолго до своей готовности. Противник не давал нам времени на организацию. У нас не было такой предохранительной завесы, которую для Украины представлял немецкий кордон, для Сибири — фронт Народной армии, для Грузии —

¹ 7 декабря. № 246.

Добровольческая армия. Добровольческие части формировались, вооружались, учились, воспитывались, таяли и вновь пополнялись под огнем, в непрерывных боях. Тем не менее войсковые части, рожденные и воспитанные на фронте при такой обстановке, иногда за счет ослабления кадровых полков, являлись более боеспособными, чем тыловые формирования.

Другим крупным злом в организации армии было стихийное стремление к формированиям под лозунгом «возрождения исторических частей российской армии». «Ячейки» старых полков, в особенности в кавалерии, возникали, обособлялись, стремились к отделению, обращая боевую единицу — полк — в мозаичный коллектив десятков старых полков, ослабляя ряды, единство и силу его. Такие формирования возникали и в тылу, существовали негласно по целым месяцам, добывая частные средства или пользуясь попустительством властей разных рангов, ослабляя фронт и превращая иной раз идейный лозунг «под родные штандарты» в прикрытие шкурничества.

Так же велико было стремление начальников к формированию частей «особого назначения». Таков, например, «Летучий отряд особого назначения Кавказской Добровольческой армии» (у генерала Врангеля) во главе с ротмистром Барановым, имевший довольно темное назначение — борьбы с крамолой... «Волчьи сотни «генерала Шкуро — его личная гвардия, постепенно терявшая боевое значение, обремененная добычей... «Карательные отряды», формировавшиеся ставропольским военным губернатором генералом Глазенапом, превратившиеся в лейб-охрану богатых местных овцеводов, и т.д.

Со всеми этими бытовыми явлениями мы боролись, но, очевидно, недостаточно сурово, так как, меняя внешние формы, они продолжали существовать.

На Севастопольском рейде ко времени прихода союзников находились остатки нашего Черноморского флота, уцелевшие после новороссийской катастрофы¹. Среди них

¹ Потопление половины флота весной 1918 года.

линейный корабль (дредноут) «Воля»¹, крейсер «Кагул», более десятка миноносцев, несколько подводных лодок, старые линейные корабли и много мелких судов вспомогательного назначения. Большинство боевых судов требовали капитального ремонта.

Как я уже говорил, с приходом в Севастополь союзники подняли на наших судах свои флаги и заняли их своими командами. Только на «Кагуле», на трех находившихся в ремонте миноносцах и на старых линейных кораблях оставались еще русские флаги.

Необходимо было кому-нибудь взять на себя охрану андреевского флага и беспризорного русского достоинства. Центрами притяжения были только Украинская держава и Добровольческая армия. Первая обосновывала свое право на русское наследство «историческими границами Великой Украины», включающими весь северный черноморский берег, и обещанием германцев передать Украине к ноябрю весь Черноморский флот. Вторая выступала как общерусский военный центр Юга. Основания Украины к тому времени были настолько одиозны в глазах русской общественности и морского офицерства, что вопрос о подчинении флота был предрешен и не потребовал ни малейшей борьбы.

Вся трудность заключалась в выборе лица, которое могло бы возглавить флот и успешно повести дело его возрождения. Я совершенно не имел никаких знакомств в морских кругах и вынужден был руководствоваться мнением моряков, находившихся в сношениях со ставкой. Получалась картина полного безлюдья. Мне называли только два имени: одно — контр-адмирал князь Черкасский, который оставался где-то в советской России и которого нам так и не удалось разыскать; другое — вице-адмирал Саблин. Деятельность последнего в качестве командующего советским флотом перед новороссийской катастрофой требовала еще выяснения, и сам он жил тогда за границей. Пришлось остановиться на адмирале Канине, который пользовался известной популярностью в морской среде и авторитетом в

¹ Бывший «Император Александр III».

морских вопросах, но не отличался качествами боевого вождя.

13 ноября я отдал приказ о назначении адмирала Канина исполняющим должность командующего Черноморским флотом. Канин под влиянием «украинских» адмиралов Покровского, Клочковского и других некоторое время колебался, потом вступил в должность, и присоединение Черноморского флота к Добровольческой армии совершилось автоматически и безболезненно. Присоединение номинальное, так как был командный состав, но не было в его распоряжении боевых судов. Началась длительная, нелепая и глубоко обидная борьба с союзным морским командованием за право существования русского флота.

Только в начале января старший в то время французский адмирал Амет предложил Канину укомплектовать два находившихся еще в ремонте миноносца; в то же время союзным командованием дано было разрешение подготовить крейсер «Кагул» для отправки в Новороссийск с целью... поднятия затопленного парохода «Эльборуса».

А между тем вскоре по побережью Черного и Азовского морей начались бои, и помощь флота стала необходимой. Снова, как в первые дни добровольчества, в дни деревянных бронепоездов и краденых пушек, офицерская молодежь снаряжала старые пароходы и баржи с тихим ходом и неисправным механизмом, вооружала их орудиями и ходила вдоль берегов, вступая в бой с большевиками, рискуя ежечасно стать жертвой стихии или попасть в руки врага.

А боевые суда наши в это время томились в плену у союзников..

Между тем штаты морских учреждений росли непомерно, собравшееся в большом числе в Севастополе морское офицерство томилось бездельем, а боевая готовность даже ничтожного числа судов, которые были предоставлены нам, подвигалась плохо. В марте приехал Саблин и сменил Канина. Саблину пришлось уже попасть в волну первой эвакуации Крыма и быть свидетелем тяжелой картины, как союзники при общем паническом настроении топили

лучшие наши подводные лодки, взрывали цилиндры машин на оставляемых в Севастополе судах, топили и увозили запасы. Было невыразимо больно видеть, как рос синодик остатков русского флота, избегнувших гибели от рук немцев, большевиков и матросской опричнины... «Кагул»¹, подводную лодку «Тюлень» и еще 5 миноносцев и 2 подводные лодки на буксирах удалось с огромным трудом вывести в Новороссийск, где приступили к их ремонту, вооружению и укомплектованию. Наши решительные протесты, возмущение, с которым русская общественность отнеслась к факту бездеятельности войск и флота союзников в трагических одесских и крымских событиях, а может быть, и возросшее доверие к силам Юга, заставили союзников прекратить противодействие: летом 1919 года во время операции по вторичному овладению Крымом и Новоросси-ей в составе флота числился уже 1 крейсер, 5 миноносцев, 4 подводные лодки и десятка два вооруженных пароходов, лодок и барж.

К осени союзники возвратили нам все остальные захваченные суда, в том числе дредноут «Воля», получивший имя «Генерал Алексеев».

...

Снабжение армий находилось в руках главного начальника снабжений², непосредственно подчиненного начальнику Военного управления³.

Главным источником снабжения до февраля 1919 года были захватываемые нами большевистские запасы. При этом войска, не доверяя реквизиционным комиссиям, старались использовать захваченное для своих нужд без плана и системы. Часть запасов получалась с бывшего Румынского фронта. Все это было случайно и крайне недостаточно. В ноябре, к приходу союзников, официальный отчет штаба рисовал такую картину нашего снабжения.

Недостаток ружейных патронов принимал не раз катастрофические размеры. «Бывали периоды, когда на всю ар-

¹ Переименован в «Генерал Корнилов».

² Генерал Санников; с января 1919 года генерал Картаци.

³ Генерал Лукомский.

мию оставалось несколько десятков тысяч патронов, и если пулемет в начале боя имел 2—3 ленты, то это считалось очень и очень благополучным». Такое же положение было с артиллерийскими патронами. «К 1 ноября весь запас армейского склада состоял из 7200 легких, 1520 горных, 2770 гаубичных и 220 тяжелых снарядов. Обмундирование — одни обноски». Санитарное снабжение... «можно считать несуществующим. Нет медикаментов, нет перевязочных средств, нет белья. Имеются только врачи, которые бессильны бороться с болезнями. Индивидуальных пакетов не имеется вовсе. Часто бывают случаи, когда полное отсутствие перевязочных материалов заставляет применять грязное белье самих же раненых». Наше положение было угрожающим, потому что к весне из-за непрерывных кровопролитных боев и эпидемий число раненых и больных в лечебных заведениях армий доходило до 25 тысяч.

С начала 1919 года, после ухода немцев из Закавказья, нам удалось получить несколько транспортов артиллерийских и инженерных грузов из складов Батума, Карса, Трапезунда. А с февраля начался подвоз английского снабжения. Недостаток в боевом снабжении с тех пор мы испытывали редко¹. Санитарная часть улучшилась. Обмундирование же и снаряжение поступало в размерах больших, но далеко не удовлетворявших потребности фронтов². Оно, кроме того, понемногу расхищалось на базе, невзирая на установление смертной казни «за кражу предметов казенного вооружения и обмундирования». Таяло в пути и, поступив наконец на фронт, пропадало во множестве, уносимое больными, ранеными, пленными, дезертирами... Замечательно, что всякого рода хищения военного имущества и распродажа его на сторону встречали в обществе безразличное, часто покровительственное отношение. Рынок имеет свои законы: предельное сжатие его вызывает противодействие, чуждое мораль-

¹ С марта по сентябрь 1919 года мы получили от англичан 558 орудий, 12 танков, 1 685 522 снаряда и 160 миллионов ружейных патронов.

² В тот же период мы получили 250 тысяч комплектов.

ным побуждениям. Обмундирование, поступавшее на Дон, после раздачи казакам отправлялось обыкновенно в станицы и пряталось на дно все еще не опустошенных казачьих скрынь.

Собственным попечением наши органы снабжения заготавливали совершенно ничтожную часть потребности. Причин много. Были и общие, вытекавшие из финансовых затруднений армии, недостаточного развития в промышленном отношении Северного Кавказа, общего развала торговли и промышленности. Были и частные — шаблоны *нормальной* войны и *нормального* полевого положения, отсутствие у нас системы и творчества, властно требуемых обстановкой, совершенно новой и исключительной; наконец — всеобщая деморализация нравов.

Один из видных армейских интендантов по поводу гонения, воздвигаемого обществом и печатью на интендантство, писал в то время:

«Промышленность разрушена; сырья в армии нет, технических и транспортных средств почти нет, опытных специалистов мало, конъюнктура рынка, не регулируемая никакими финансово-промышленными органами, своевольно стремится в беспредельную высь. Тыл, органы снабжения должны напрячь все свои творческие, административные и изобретательные способности, чтобы при таких условиях дать армии хотя бы малое, необходимое. Условия работы неизмеримо труднее, чем во время австро-германской войны, и требуют исключительных специальных знаний, опыта и энергии.

Между тем вместо компетентных работников, специалистов, подготовленных школой и большим опытом к работе снабжения армии, хорошо знакомых с организацией снабжения, промышленным миром и рынком, дело снабжения находится в руках исключительно офицеров Генерального штаба, не знакомых ни с рынком, ни с торгово-промышленным миром, ни с политической экономией, ни с классификацией товаров и продуктов.

Законы и нормы отстали от жизни, а новых еще не создано. Каждый активный исполнитель-заготовитель вынуж-

ден на свой риск и страх во много раз превышать те права, которые даны ему законом. События совершаются с невероятной быстротой, и жизнь не терпит промедления. Чтобы не отставать от жизни, приходится отбрасывать в сторону всякие бумажные нормы и преступать всякие законы, для чего нужны компетентные, честные исполнители, свобода действий и полное доверие».

«Честные исполнители, полное доверие» — конечно, это первооснова успеха работы. Но где их взять! Когда на Дону, на Кубани, не переставая, одна за другой выплывали на свет «панамы»... Когда несколько месяцев главное интендантство вооруженных сил находилось под воздействием назначенной мною сенаторской ревизии Таганцева... Ревизия добросовестно искала «виновных», привлекала к ответственности крупных и мелких нарушителей закона, но не умела найти грехи системы, не умела и не могла изменить общих условий, питавших преступность.

От общественности, так дружно отозвавшейся на нужды армии в 1916 году, мы в этом отношении помощи видели мало: Военно-промышленный комитет, Земгор, Красный Крест были разрушены и только начинали проявлять свою деятельность. От «демократии»? Один из органов Шрейдера «Родная земля», описывая вопиющие нужды армии, говорил: «Нуждалась ли бы армия в чем-нибудь, если бы была окружена горячей и любовной заботливостью русской демократии? Конечно, нет: русский народ умеет самоотверженно отдавать последнюю свою рубаху, последний свой кусок хлеба тому, кому он верит, в ком он видит борца за святое и правое народное дело. Очевидно, есть что-то в атмосфере, окружающей Добровольческую армию, что расхолаживает нашу демократию»¹. Русский народ и демократия господина Шрейдера — это далеко не одно и то же. Народ отверг эту «демократию» на Волге, на Востоке, на Юге, по всей России. Но он не усыновил также в родительской любви своей ни красной, ни белой армии: не нес им в жертву добровольно ни достатка своего, ни жизни.

¹ Октябрь 1918 года.

Пресловутый частный торговый аппарат претерпел, очевидно, с революцией серьезное перерождение: я не помню крупных сделок наших органов снабжения с солидными торговыми фирмами, но зато в памяти моей запечатлелись ярко типы спекулянтов-хищников, развращавших администрацию, обиравших население и казну и наживавших миллионы: М. — на Кубани, Ч. — на Дону и в Крыму, Т. Ш. — в Черноморье, и прочие, и прочие.

Но все это были партизаны, рожденные безвременьем и чуждые традициям промышленного класса.

Крупная торгово-промышленная знать появилась на территории армии главным образом после падения Одессы и Харькова в начале 1919 года. Многие лица из ее рядов успели вынести с пожарами русской хранины часть своих достатков, сохранили еще кредит, а главное — организационный опыт в широком государственном масштабе. Мы ожидали от них помощи, и прежде всего в отношении армий. Эта помощь была предложена действительно, но в такой своеобразной форме, что на ней стоит остановиться.

14 сентября 1919 года между донским правительством в лице начальника отдела торговли и промышленности Бондырева и «Товариществом Мопит»¹ был заключен договор на поставку Донской армии и населению заграничной мануфактуры. «Мопит» являлся *комиссионером* казны, взяв на себя «при всемерном содействии Войска Донского»² на территории Дона и без ведома командования на территории Добровольческой армии (§ 2) скупку сырья, отправку и продажу его за границей, покупку там и доставку на Дон мануфактуры. Основной капитал для оборота, в общем до миллиарда рублей, должен был выдаваться донской казной по частям авансом. Все решительно расходы, как-то: провоз, хранение, пошлины и т.п., ложились на казну. «Мопит»

¹ «Товарищество московской объединенной промышленности и торговли». Во главе стояли братья Рябушинские. Председатель совета — А. В. Кривошеин.

² В том числе причисление предприятия к работающим на оборону (§ 10).

за услугу Донской армии брал себе в качестве «организационных расходов» и предпринимательской прибыли за покупку сырья 19% и за операцию с мануфактурой 18%. Весь договор был полон неясностей и недомолвок, позволявших при желании значительно расширять размеры прибыли. Но самое странное было то, что статьи договора ставили выполнение его в зависимость от доброй воли «Мопита», предоставляя ему возможность воспользоваться самому всеми выгодами реализации драгоценного и купленного сравнительно за бесценок донского сырья. Статья 9-я гласила:

«Если полученные товариществом авансы не будут после вывоза сырья за границу и его реализации покрыты поставками товаров или вырученной от продажи сырья валютой в обусловленный срок, то товарищество обязуется возвратить Войску полученные авансы с начислением процентов со дня просрочки в размерах, взимаемых Государственным банком по учету векселей».

И только.

С договором этим я ознакомился из газет. Я не имел права вмешиваться во внутренние дела суверенного Дона, но так как весь экспорт регулировался Особым совещанием и выполнение поставок на Донскую армию договором обеспечено не было, я приказал прекратить выдачу «Товариществу» разрешения на вывоз сырья и хлеба за границу. Особая комиссия рассмотрела затем договор, и после разъяснений его статей учредителями и видоизменения Особое совещание сочло возможным допустить деятельность «Мопита».

А. В. Кривошеин, объясняя свое участие в «Мопите», жаловался мне¹ на «газетные инсинуации» и утверждал, что учредители его преследовали цели исключительно государственные, а лично он «с содержанием злополучного договора познакомился впервые, когда начался уже газетный поход». «Учредители Мопита, — писал он, — обширная группа издавна пользующихся уважением и всероссийской известностью москвичей, обратилась ко мне с предложе-

¹ Письмо от 4 декабря 1919 года.

нием избрать меня председателем совета, придавая этому политическое значение как лишней возможности объединить их на общей платформе сейчас и особенно ввиду предстоящего прихода в Москву. Мысль основать здесь крупное московское дело и таким образом теснее сплотить черноземный Юг с промышленной Москвой казалась правильной и своевременной...»

Но общество, взволнованное этим делом, видело в нем только коммерцию, а не политику. Часть прессы чрезвычайно резко ополчилась против «мопитян», вину которых наиболее умеренный в своих заключениях «Приазовский край» (от 24 ноября 1919 года) определял такими словами: «В договоре нет элементов заведомого обмана или заведомого введения в невыгодную сделку... Тяжелая сторона его заключается в том, что и именитые москвичи также входят в число многих, наживающихся на армии, на гражданской войне».

Как бы то ни было, и печать, и общество, и армия постепенно пришли к одинаковому заключению: нет больше Мининых! И армия дралась в условиях тяжелых и роптала только тогда, когда враг одолевал и приходилось отступать.

Казна наша пустовала по-прежнему, и содержание добровольцев поэтому было положительно нищенским. Установленное еще в феврале 1918 года, оно составляло в месяц для солдат (мобилизованных) 30 рублей, для офицеров от прапорщика до Главнокомандующего — в пределах от 270 до 1000 рублей¹. Для того чтобы представить себе реальную ценность этих цифр, нужно принять во внимание, что прожиточный минимум для рабочего в ноябре 1918 года был определен советом екатеринодарских профессиональных союзов в 660—780 рублей. Дважды потом (в конце 1918 и в конце 1919 года) путем крайнего напряжения шкала основного офицерского содержания поднималась соответственно на 450—3000 рублей и 700—5000 рублей, никогда не достигая соответствия с быстро

¹ Кроме пайка, общего для всех рангов.

растущей дороговизной жизни. Каждый раз, когда отдавался приказ об увеличении содержания¹, на другой же день рынок отвечал таким повышением цен, которое поглощало все прибавки. Одинокий офицер и солдат на фронте ели из общего котла и хоть плохо, но были одеты. Все же офицерские семьи и большая нефронтовая часть офицерства штабов и учреждений бедствовали. Рядом приказов устраивались прибавки на семью и дороговизну, но все это были лишь паллиативы. Единственным радикальным средством помочь семьям и тем поднять моральное состояние их глав на фронте был бы переход на натуральное довольствие. Но то, что могла сделать советская власть большевистскими приемами социализации, продразверстки и повальных реквизиций, было для нас невозможно, тем более в областях автономных.

Только в мае 1919 года удалось провести пенсионное обеспечение чинов военного ведомства и семейств умерших и убитых офицеров и солдат. До этого выдавалось лишь ничтожное единовременное пособие в 1¹/₂ тысячи рублей...

От союзников, вопреки установившемуся мнению, мы не получили ни копейки.

Богатая Кубань и владевший печатным станком Дон были несколько в лучших условиях.

«По политическим соображениям», без сношения с главным командованием они устанавливали содержание своих военнослужащих всегда по нормам выше наших, вызывая тем неудовольствие добровольцев². При этом донцы и кубанцы были у себя дома, связанные с ним тысячью нитей — кровно, морально, материально, хозяйственно. Российские же добровольцы, покидая пределы советской досягаемости, в большинстве становились бездомными и нищими.

¹ Шкала основного содержания была одинакова в военном ведомстве и во всех правительственных учреждениях.

² К декабрю 1918 года высшие чины получали содержание в месяц: главнокомандующий — 1000 рублей, Кубанский атаман — 4000, члены «Особого совещания» — 800 рублей, члены кубанского правительства — 2000. Донцы получали больше кубанцев.

ГЛАВА XI

МОРАЛЬНЫЙ ОБЛИК АРМИИ. «ЧЕРНЫЕ СТРАНИЦЫ»

Ряды старых добровольцев редели от постоянных боев, от сыпного тифа, косившего нещадно. Каждый день росли новые могилы у безвестных станций и поселков Кавказа; каждый день под звуки похоронного марша на екатеринодарском кладбище опускали в могилу по несколько гробов с телами павших воинов... Пал в бою командир 1-го артиллерийского дивизиона полковник Миончинский, известный всей армии своим искусством и доблестью... Умер от тифа начальник 1-й дивизии генерал Станкевич, выдержавший во главе сборного отряда всю тяжесть борьбы на степном Манычском фронте, и много, много других.

В начале января мы похоронили умершего от заражения крови из-за раны, полученной под Ставрополем, генерала Дроздовского — одного из основоположников армии, человека высокого патриотизма и твердого духом. Два месяца длилась борьба между его жизнью и смертью. Навещая Дроздовского в лазарете, я видел, как томился он своим вынужденным покоем, как весь он уходил в интересы армии и своей дивизии и как рвался к ней. Судьба не сулила ему повести опять в бой свои полки. Для увековечения памяти почившего его именем назван был созданный им 2-й Офицерский полк, впоследствии дивизия, развернутая из этого полка. Приказ, сообщавший армии о смерти генерала Дроздовского, заканчивался словами:

«Высокое бескорыстие, преданность идее, полное презрение к опасности по отношению к себе соединились в нем с сердечной заботой о подчиненных, жизнь которых всегда он ставил выше своей.

Мир праху твоему, рыцарь без страха и упрека».

...

Состав добровольческих армий становился все более пестрым. Ряд эвакуаций, вызванных петлюровскими и со-

ветскими успехами (Украина), и занятие нами новых территорий (Крым, Одесса, Терек) дали приток офицерских пополнений. Многие шли по убеждению, но еще больше — по принуждению. Они вливались в коренные добровольческие части или шли на формирование новых дивизий. Коренные части¹ ревниво относились к своему первородству и несколько пренебрежительно к последующим формированиям. Это было нескромно, но имело основания: редко какие новые части могли соперничать в доблести с ними. Это обстоятельство побудило меня развернуть впоследствии, к лету 1919 года, четыре именных полка² в трехполковые дивизии.

Вливание в части младшего офицерства других армий и нового призыва и их ассимиляция происходили быстро и безболезненно. Но со старшими чинами было гораздо труднее. Предубеждение против Украинской, Южной армий, озлобление против начальников, в первый период революции проявивших чрезмерный оппортунизм и искательство или только обвиненных в этих грехах по недоразумению, — все это заставляло меня осторожно относиться к назначениям, чтобы не вызвать крупных нарушений дисциплины. Трудно было винить офицерство, когда оно не желало подчиниться храбрейшему генералу, который, командуя армией в 1917 году, бросил морально офицерство в тяжелые дни, ушел к буйной солдатчине и искал популярности демагогией... Или генералу, который некогда, не веря в белое движение, отдал приказ о роспуске добровольческого отряда, а впоследствии получил по недоразумению в командование тот же отряд, выросший в крупную добровольческую часть. Или генералу, безобиднейшему человеку, который имел слабость и несчастье на украинской службе подписать приказ, задевавший достоинство русского офицера. И т.д., и т.д.

Для приема старших чинов на службу была учреждена особая комиссия под председательством генерала Доро-

¹ «Цветные войска», как их называли острословы по пестроте красок форменных отличий.

² Корниловский, Марковский, Дроздовский, Алексеевский с соответствующими артиллерийскими дивизионами.

шевского, позднее — Болотова. Эта комиссия, прозванная в обществе «генеральской чрезвычайкой», выясняла *cursiculum vitae*¹ послереволюционного периода старших чинов и определяла возможность или невозможность приема на службу данного лица или необходимость следствия над ним. Процедура эта была обидной для генералитета, бюрократическая волокита озлобляла его, создавая легкую фронду. Но я не мог поступить иначе: ввиду тогдашнего настроения фронтового офицерства эта очистительная жертва предохраняла от многих нравственных испытаний, некоторых — от более серьезных последствий. Вообще же «старые» части весьма неохотно мирились с назначениями начальников со стороны, выдвигая своих молодых, всегда высокодобрлестных командиров, но часто малоопытных в руководстве боем и в хозяйстве и плохих воспитателей части. Тем не менее жизнь понемногу стирала острые грани, и на всех ступенях служебной иерархии появились лица с самым разнообразным служебным прошлым...

Труднее обстоял вопрос с военными, состоявшими ранее на советской службе.

К осени 1918 года жестокий период гражданской войны «на истребление» был уже изжит. Самочинные расстрелы пленных красноармейцев были исключением и преследовались начальниками. Пленные многими тысячами поступали в ряды Добровольческой армии. Борьбу, и притом не всегда успешную, приходилось вести против варварского приема раздевания пленных. Наша пехота вскоре перестала грешить в этом отношении, заинтересованная постановкой пленных в строй. Казаки же долго не могли отрешиться от этого жестокого приема, отталкивавшего от нас многих желавших перейти на нашу сторону. Помню, какое тяжелое впечатление произвело на меня поле под Армавиром в холодный октябрьский день после урупских боев, все усеянное белыми фигурами пленных (раздели до белья), взятых 1-й Конной и 1-й Кубанской дивизиями.

¹ Жизненный путь (лат.). — *Прим. ред.*

В ноябре я отдал приказ, обращенный к офицерству, оставшемуся на службе у большевиков, осуждая их непротивление и заканчивая угрозой: «Всех, кто не оставит безотлагательно ряды Красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд Русской армии — суровый и беспощадный». Приказ был широко распространен по советской России нами и еще шире — советской властью, послужив темой для агитации против Добровольческой армии. Он произвел гнетущее впечатление на тех, кто, служа в рядах красных, был душою с нами. Отражая настроение добровольчества, приказ не считался с тем, что самопожертвование, героизм есть удел лишь отдельных личностей, а не массы. Что мы идем не мстителями, а освободителями. Приказ был только угрозой для понуждения офицеров оставить ряды Красной армии и не соответствовал фактическому положению вещей: той же бологовской комиссии было указано мною не вменять в вину службу в войсках советской России, «если данное лицо не имело возможности вступить в противобольшевистские армии или если направляло свою деятельность во вред советской власти»¹. Такой же осторожности в обвинении, такой же гуманности и забвения требовали все приказы добровольческим войскам, распоряжения, беседы с ними.

В отношении генералов, дела которых доходили до Главнокомандующего, цифровые данные дают следующую картину: за период с сентября 1918 года по март 1920-го суду было предано около 25 лиц. Суд присудил одного к смертной казни, четырех к аресту на гауптвахте и 10 оправдал. О трех-четыре справки не имею. По моей конфирмации смертной казни, каторжным работам и арестантским отделениям не был подвергнут никто из них. Наказание заменялось арестом на гауптвахте и в важных случаях — разжалованием в рядовые, причем к декабрю 1919 года все разжалованные были восстановлены в чинах.

Судьба младшего офицерства разрешалась в инстанциях низших. Я приведу здесь результат маленькой анкеты, рисующей и психологию, и практику разрешения этого вопроса самими войсками.

¹ Приказ 16 апреля 1919 года, № 693.

«Не будучи долго поддержаны другими, первые добровольцы вместе с тяжкими испытаниями, выпавшими на их долю, впитывали в себя презрение и ненависть ко всем тем, кто не шел рука об руку с ними.

В Кубанских походах поэтому как постоянное явление имели место расстрелы офицеров, служивших ранее в Красной армии.

С развитием наступления к центру России изменились условия борьбы. Обширность театра, рост наших сил, ослабление сопротивления противника, ослабление его жестокости в отношении добровольцев, необходимость пополнять редеющие офицерские ряды — все это изменило и отношение: расстрелы стали редкими и распространялись лишь на офицеров-коммунистов.

Поступление в полки офицеров, ранее служивших в Красной армии, никакими особенными формальностями не сопровождалось. Офицеры, переходившие фронт, большей частью отправлялись в высшие штабы для дачи показаний. Таких офицеров было не так много. Главное пополнение шло в больших городах. Часть офицеров являлась добровольно и сразу, а часть — после объявленного призыва офицеров. Большинство и тех и других имели документы о том, что они в Красной армии не служили. Все они зачислялись в строй, преимущественно в офицерские роты, без всяких разбирательств, кроме тех редких случаев, когда о тех или иных поступали определенные сведения. Часть «запаздывающих» офицеров, главным образом высших чинов, проходила через особо учрежденные следственные комиссии (судные).

Отношение к офицерам, назначенным в офицерские роты, было довольно ровное. Многие из этих офицеров быстро выделялись из массы и назначались даже на командные должности, что в частях Дроздовской дивизии было явлением довольно частым. В Корниловской дивизии пленные направлялись в запасные батальоны, где офицеры отделялись от солдат. Пробыв там несколько месяцев, эти офицеры назначались в строй также в офицерские роты. Иногда ввиду больших потерь процент пленных в строю доходил до 60. Большая часть из них (до 70%) сражались хо-

рошо, 10% пользовались первыми же боями, чтобы перейти к большевикам, и 20% составляли элемент, под разными предложениями уклоняющийся от боев. При формировании 2-го и 3-го Корниловских полков состав их состоял главным образом из пленнх. Во 2-м полку был офицерский батальон в 700 штыков, который по своей доблести выделялся в боях и всегда составлял последний резерв командира полка.

В частях Дроздовской дивизии пленные офицеры большею частью также миловались, частично подвергались худшей участи — расстрелу. Бывали случаи, что пленные офицеры перебежали обратно на сторону красных.

Что касается отношения к красному молодому офицерству, то есть к командирам из красных курсантов, то они знали, что ожидает их, и боялись попасть в плен, предпочитая ожесточенную борьбу до последнего патрона или самоубийство. Взятых в плен, нередко по просьбе самих же красноармейцев, расстреливали».

Этот больной вопрос возник и в Красной армии и был разрешен как раз в обратном направлении.

Для агитации среди белых Бронштейн составил лично и выпустил воззвание:

«Милосердие по отношению к врагу, который повержен и просит пощады. Именем высшей военной власти в Советской республике заявляю: каждый офицер, который в одиночку или во главе своей части добровольно придет к нам, будет освобожден от наказания. Если он делом докажет, что готов честно служить народу на гражданском или военном поприще, он найдет место в наших рядах...»

Для Красной армии приказ Бронштейна звучал уже иначе:

«Под страхом строжайшего наказания запрещаю расстрелы пленнх *рядовых казаков* и *неприятельских солдат*. Близок час, когда трудовое казачество, *расправившись* со своими контрреволюционными офицерами, объединится под знаменем советской власти...»¹

¹ 24 ноября 1918 года, № 64.

Мы грозили, но были гуманнее. Они звали, но были жестоки.

Советская пропаганда имела успех не одинаковый: во время наших боевых удач — никакого; во время перелома боевого счастья ей поддавались казаки и добровольческие солдаты, но офицерская среда почти вся оставалась совершенно недоступной советскому влиянию.

...

Армии преодолевали невероятные препятствия, героически сражались, безропотно несли тягчайшие потери и освобождали шаг за шагом от власти советов огромные территории. Это была лицевая сторона борьбы, ее героический эпос.

Армии понемногу погрязали в больших и малых грехах, набросивших густую тень на светлый лик освободительного движения. Это была обратная сторона борьбы, ее трагедия. Некоторые явления разъедали душу армии и подтачивали ее мощь. На них я должен остановиться.

Войска были плохо обеспечены снабжением и деньгами. Отсюда — стихийное стремление к *самоснабжению*, к использованию *военной добычи*. Неприятельские склады, магазины, обозы, имущество красноармейцев разбирались беспорядочно, без системы. Армии скрывали свои запасы от центрального органа снабжений, корпуса — от армий, дивизии — от корпусов, полки — от дивизий... Тыл не мог подвезти фронту необходимое довольствие, и фронт должен был применять широко реквизиции в прифронтовой полосе — способ естественный и практикуемый всеми армиями всех времен, но требующий строжайшей регламентации и дисциплины.

Пределы удовлетворения жизненных потребностей армий, юридические нормы, определяющие понятие «военная добыча», законные приемы реквизиций — все это раздвигалось, получало скользкие очертания, преломлялось в сознании военной массы, тронутой общенародными недугами. Все это извращалось в горниле гражданской войны, превосходящей во вражде и жестокости всякую *войну международную*.

Военная добыча стала для некоторых снизу одним из двигателей, для других сверху — одним из демагогических способов привести в движение иногда инертную, колеблющуюся массу.

О войсках, сформированных из горцев Кавказа, не хочется и говорить. Десятки лет культурной работы нужны еще для того, чтобы изменить их бытовые навыки.. Если для регулярных частей погоня за добычей была явлением благоприобретенным, то для казачьих войск — исторической традицией, восходящей ко временам Дикого поля и Запорожья, прошедшей красной нитью через последующую историю войн и модернизованную временем в формах, но не в духе. Знаменательно, что в самом начале противобольшевистской борьбы представители «Юго-Восточного союза» казачьих войск в числе условий помощи, предложенной Временному правительству, включили и оставление за казаками всей «военной добычи» (!), которая будет взята в предстоящей междоусобной войне¹.

Соблазну сыграть на этой струнке поддавались и люди, лично бескорыстные. Так, атаман Краснов в одном из своих воззваний-приказов, учитывая психологию войск, атаковавших Царицын, недвусмысленно говорил о богатой добыче, которая их ждет там... Его прием повторил впоследствии, в июне 1919 года, генерал Врангель. При нашей встрече после взятия Царицына он предупредил мой вопрос по этому поводу:

— Надо было подбодрить кубанцев. Но я в последний момент принял надлежащие меры...

Победитель большевиков под Харьковом генерал Май-Маевский широким жестом «дарил» добровольческому полку, ворвавшемуся в город, поезд с каменным углем и оправдывался потом:

— Виноват! Но такое радостное настроение охватило тогда...

Можно было сказать а priori, что этот печальный ингредиент «обычного права» — военная добыча — неминуемо

¹ Осень 1917 года. Миссия Молдавского и подполковника Грузинова.

перейдет от коллективного начала к индивидуальному и не ограничится пределами жизненно необходимого.

После славных побед под Харьковом и Курском 1-го Добровольческого корпуса тылы его были забиты составами поездов, которые полки нагрузили всяким скарбом, до предметов городского комфорта включительно...

... Когда в феврале 1919 года кубанские эшелоны текли на помощь Дону, то задержка их обуславливалась не только расстройством транспорта и желанием ограничить борьбу в пределах «защиты родных хат». На попутных станциях останавливались перегруженные эшелоны и занимались отправкой в свои станицы «заводных лошадок и всякого барахла».

Я помню рассказ председателя Терского Круга Губарева, который в перерыве сессии ушел в полк рядовым казаком, чтобы ознакомиться с подлинной боевой жизнью Терской дивизии.

— Конечно, посылать обмундирование не стоит. Они десять раз уже переоделись. Возвращается казак с похода нагруженный так, что ни его, ни лошади не видать. А на другой день идет в поход опять в одной рваной черкеске...

И совсем уже похоронным звоном прозвучала вызвавшая на Дону ликование телеграмма генерала Мамонтова, возвратившегося из тамбовского рейда:

«Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки, донской казне 60 миллионов рублей, на украшение церквей — дорогие иконы и церковную утварь».

...

За гранью, где кончается «военная добыча» и «реквизиция», открывается мрачная бездна морального падения: *насилие и грабежи*.

Они пронеслись по Северному Кавказу, по всему Югу, по всему российскому театру гражданской войны, творимые красными, белыми, зелеными, наполняя новыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все «цвета» военно-политического спектра и не раз стирая черты, отделяющие образ спасителя от врага.

Много написано, еще больше напишут об этой язве, разъедавшей армию гражданской войны всех противников на всех фронтах. Правды и лжи.

И жалки оправдания, что там, у красных, было несравненно хуже. Но ведь мы, белые, вступали на борьбу именно против насилия и насильников!.. Что многие тяжелые эксцессы являлись неизбежной реакцией на поругание страны и семьи, на растление души народа, на разорение имуществ, на кровь родных и близких — это не удивительно. Да, месть — чувство страшное, аморальное, но понятное, по крайней мере. Но была и корысть. Корысть же — только гнусность. Пусть правда вскрывает наши зловонные раны, не давая заснуть совести, и тем побудит нас к раскаянию более глубокому и к внутреннему перерождению, более полному и искреннему.

Боролись ли с недугом?

Мы писали суровые законы, в которых смертная казнь была обычным наказанием. Мы посылали вслед за армиями генералов, облеченных чрезвычайными полномочиями, с комиссиями для разбора на месте совершаемых войсками преступлений.

Мы — и я, и военачальники — отдавали приказы о борьбе с насилиями, грабежами, обиранием пленных и т.д. Но эти законы и приказы встречали иной раз упорное сопротивление среды, не воспринявшей их духа, их вопиющей необходимости. Надо было начинать рубить с голов, а мы били по хвостам. А Рада, Круги, казначейство, общество, печать в то же время поднимали не раз на головокружительную высоту начальников храбрых и удачливых, но далеких от моральной чистоты риз, создавая им ореол и иммунитет народных героев.

...

За войсками следом шла контрразведка. Никогда еще этот институт не получал такого широкого применения, как в минувший период гражданской войны. Его создавали у себя не только высшие штабы, военные губернаторы, почти каждая воинская часть, политические организации, донское, кубанское и терское правительства, наконец, даже... отдел пропаганды... Это было какое-то поветрие, болезненная мания, созданная разлитым по стране взаимным недоверием и подозрительностью.

Я не хотел бы обидеть многих праведников, изнывавших морально в тяжелой атмосфере контрразведывательных

учреждений, но должен сказать, что эти органы, покрыв густою сетью территорию Юга, были иногда очагами провокации и организованного грабежа. Особенно прославились в этом отношении контрразведки Киева, Харькова, Одессы, Ростова (донская). Борьба с ними шла одновременно по двум направлениям — против самозванных учреждений и против отдельных лиц. Последняя была малорезультативна, тем более что они умели скрывать свои преступления и зачастую пользовались защитой своих, доверявших им начальников. Надо было или упразднить весь институт, оставив власть слепой и беззащитной в атмосфере, насыщенной шпионством, брожением, изменой, большевистской агитацией и организованной работой разложения, или же совершенно изменить бытовой материал, комплектовавший контрразведку. Генерал-квартирмейстер штаба, ведавший в порядке надзора контрразведывательными органами армий, настоятельно советовал привлечь на эту службу бывший жандармский корпус. Я на это не пошел и решил оздоровить больной институт, влив в него новую струю в лице чинов судебного ведомства. К сожалению, практически это можно было осуществить только тогда, когда отступление армий подняло волны беженства и вызвало наплыв «безработных» юристов. Тогда, когда было уже поздно...

Наконец, огромные расстояния, на которых были разбросаны армии — от Орла до Владикавказа, от Царицына до Киева, — и разобщенность театра войны в значительной мере ослабляли влияние центра на быт и всю службу войск.

...

Я прочел эти черные страницы летописи и чувствую, что общая картина не закончена, что она нуждается в некоторых существенных деталях. В разные периоды борьбы Вооруженных сил Юга моральное состояние войск было различным. Различна была также степень греховности отдельных войсковых частей. Десятки тысяч офицеров и солдат — павших и уцелевших — сохраняли незапятнанную совесть. Многие тысячи даже и грешников, не будучи в состоянии устоять против искушения и соблазнов раз-

вратного времени, умели все же жертвовать другим — они отдавали свою жизнь. Боролись и умирали. Быть может, за это суд Божий и приговор истории будет менее суров:

— Виновны, но заслуживают снисхождения!

Черные страницы армии, как и светлые, принадлежат уже истории. История подведет итоги нашим деяниям. В своем обвинительном акте она исследует причины стихийные, вытекавшие из разорения, обнищания страны и общего упадка нравов, и укажет вины: правительства, не сумевшего обеспечить армию; командования, не справившегося с иными начальниками; начальников, не смогших (одни) или не хотевших (другие) обуздать войска; войск, не устоявших против соблазна; общества, не хотевшего жертвовать своим трудом и достоянием; ханжей и лицемеров, цинично смаковавших остроумие армейской фразы «от благодарного населения» и потом забросавших Армию камнями.

Поистине нужен был гром небесный, чтобы заставить всех оглянуться на себя и свои пути.

ГЛАВА XII

БОРЬБА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ 1918 ГОДА

Добровольческая Армия по мере своего продвижения в глубь Кавказа попадала в обстановку сложных и запутанных взаимоотношений.

Нрезвычайно разнообразны те исторические, национальные, социальные, религиозные и бытовые условия, которые создали удивительную кавказскую мозаику и приводили в движение события там в первый год революции.

Мы видели, что конец 1917 и начало 1918 годов ознаменованы были расслоением русского элемента в крае (иногородние, казаки), разложением терского казачества и обособлением в этнографических пределах мелких народностей Северного Кавказа — обособлением, болезненно отозвавшимся на судьбах казачества.

С весны 1918 года эти процессы углубляются, и кавказские народы в большей или меньшей степени подпадают под

влияние советской власти. Оно оспаривается, впрочем, Турцией, с конца 1917 года усиленно привлекавшей горцев, при посредстве своих и туземных эмиссаров, пантюркистской и панисламистской пропагандой. Вначале эти два влияния были резко враждебными, потом, после заключения мира, они временно потеряли свою остроту. Эти внешние воздействия запутали еще больше внутривременную рознь, которая сдерживалась некогда сильной властью, а теперь положительно раздирает кавказские народы, давая возможность ничтожной советской силе утвердиться на Северном Кавказе.

Состав населения Терской области определялся в 1917 году следующей примерной таблицей:

Все население — 1 450 712

В том числе русских:

а) казаков 20%

б) иногородних 20%

Итого 40%

Горцев:

а) осетин 17%

б) чеченцев 16%

в) кабардинцев 12%

г) ингушей 4%

Итого 49%

Кочевников 4¹/₂%

Прочих (армяне, грузины, персы, немцы и др.) 6¹/₂%

Участие этих народов в политической жизни края далеко не соответствовало их численному составу.

Ингуши — наименьший по численности и наиболее спаянный и сильный военной организацией народ оказался, по существу, вершителем судеб Северного Кавказа. Моральный его облик определен был давно уже учебниками географии: «Главный род занятий — скотоводство и грабеж». Последнее занятие здесь достигло особого искусства. Политические стремления исходили из той же тенденции. Ингуши стали ландскнехтами советской власти, ее опорой, не допуская, однако же, проявления ее в своем

крае. Одновременно они старались завязать сношения с Турцией и искали турецкой помощи из Елисаветполя, а немецкой из Тифлиса. В августе, когда казаки и осетины овладели Владикавказом, ингуши своим вмешательством спасли терский совет комиссаров, но при этом жестоко разграбили город и захватили государственный банк и монетный двор. Они грабили всех соседей: казаков и осетин во имя «исправления исторических ошибок», своего малоземелья и чересполосицы; большевиков — в уплату за свои труды и службу; кабардинцев — просто по привычке, а владикавказских граждан — за их беспомощность и непротивление.

Их ненавидели все, а они занимались своим «ремеслом» дружно, широко, организовано, с большим размахом, став наиболее богатым племенем на всем Кавказе.

Осетины помимо многих частных взаимно враждебных подразделений представляли два основных лагеря — православных и мусульман. Первые дружили с казаками, вторые с ингушами. Командование в лице генерала Фидарова¹ тянуло к объединению с Турцией и к ингушам, национальный совет и большая часть интеллигенции поддерживали советскую власть. Народ же, ненавидя большевиков, оставался пассивным и не следовал ни за своими правителями, ни за командованием; официально признавал советскую власть и тайно, неорганизованно входил во все комбинации для ее свержения.

В конце июня две-три сотни осетин приняли участие в нападении на Владикавказ. После неудачи этого выступления собравшийся Ардонский совет, под влиянием оплачиваемой большевиками партии «Кермен», вновь признал единоголосно власть народных комиссаров и даже высказался за вооруженную поддержку ее. Но народ не откликнулся и тогда на постановление своих представителей. Большинство осталось пассивным, часть же осетин поступала в ряды терцев или в дерущиеся на их стороне отряды полковников Хабаева и Кибирова. Эта приверженность Осетии к старым государственным связям и полная несклонность ни к

¹ Бывший начальник Туркестанской казачьей дивизии.

большевизму, ни к крайним формам национальной независимости послужили источником многих бед: и ингуши, и в особенности большевики разорили и уничтожили много осетинских аулов и хуторов на Курпе, в Моздокском отделе, возле Владикавказа и на Военно-Грузинской дороге.

Кабарда, занятая большевистскими гарнизонами и управляемая большевистскими комиссарами, смирилась сразу. Отношение края к советской власти определялось просто географическим положением его: Малая Кабарда, сдавленная между большевиками и ингушами, признала всецело советскую власть, а Большая Кабарда (Нальчикский округ), примыкая к фронту восставших терских казаков (Прохладненскому), выставила против большевиков отряд сначала в две сотни, потом разросшийся до бригады конницы под начальством ротмистра Серебрякова — представителя кабардинских узденей (дворянства). В то же время представитель «кабардинского пролетариата» пастух Катоханов на советские средства сформировал отряд из кабардинцев-большевиков, потерпев вскоре поражение в бою с Серебряковым.

Чеченцы, помимо сложной внутренней своей распри, разделились и по признакам внешней политики, образовав одновременно два национальных совета: Грозненский округ, имевший старые счеты с терцами, по постановлению Гойтинского съезда шел с большевиками и получал от них деньги, оружие и боевые припасы. Другая часть чеченцев — Веденский округ, — подчиняясь решению Атагинского съезда, стоял на стороне казаков, хотя и не оказывал им непосредственной помощи, и был против большевиков. Первые были связаны поэтому теснее с Ингушетией, вторые с Дагестаном. Между обеими группами разгоралась сильнейшая вражда, приводившая иногда к многодневным кровопролитным боям, чем до некоторой степени смягчалась опасность положения терских казаков.

Осенью 1918 года Чечня установила близкие сношения с турецким командованием в Баку, которое через Дагестан оказывало чеченцам помощь оружием.

Наиболее стойкою в борьбе с большевиками оказалась *Дагестанская область*. Вся весна и лето 1918 года прошли в

мелких стычках дагестанцев с красногвардейскими отрядами, стремившимися проникнуть по астраханскому тракту в Баку, и с плоскостными кумыками (на севере области), примкнувшими всецело к большевикам. Исход борьбы был неблагоприятен для дагестанцев: Петровск, Темирхан-Шура, Дербент были заняты местными и пришлыми красногвардейцами, овладевшими железнодорожной линией и приморской дорогой. Борьба в нагорной части, однако, продолжалась. Турецкая пропаганда в Дагестане раздувала всемерно религиозный фанатизм и возбуждала туркофильские настроения; в край ввозилось в довольно большом количестве оружие и боевые припасы, и с середины мая в него проникали турецкие инструкторы и аскеры. Со 2 сентября 1918 года, когда турки заняли Баку, эта связь значительно упрочилась, в Дагестане появились турецкие отряды, и в результате соглашения турки обещали двинуть туда дивизию.

«Все дороги, ведущие из России в Азербайджан и Анатолию, проходят через Северный Кавказ, который должен поэтому находиться в надежных руках» — таков был лозунг пантурецкого движения, воспринятый по преимуществу местной политиканствующей интеллигенцией. Но в народе это движение, по-видимому, не имело глубоких корней — потому ли, что турецкая оккупация Азербайджана наглядно показала свою темную изнанку, потому ли, что связь с Россией была еще достаточно сильна. Дагестанцы расценивали приходящие извне разноплеменные войска прежде всего как помощь против большевиков, как средство водворения порядка. Кинематографическая лента прикаспийской жизни в 1918 году меняла поэтому быстро и почти безболезненно свои картины. Летом турецкие инструкторы и отряды.. В начале сентября — появление войск Л. Бичерахова, в состав которых входило много ненавистных мусульманам армян; Бичерахов занял Петровск и заключил договор с полковником князем Тарковским¹, «командующим дагестанскими войсками», о выводе турок в

¹ Одновременно князь Тарковский, бывший членом Дагестанского правительства, принял диктаторскую власть.

двухдневный срок в Гуниб и об удалении их затем в двухнедельный срок из пределов Дагестана... В октябре к Петровску подошла турецкая бригада, Бичерахов на судах ушел в море, турки совместно с дагестанцами устроили резню несчастных армян и восстановили взаимный альянс... В ноябре турецкие эшелоны спешно ушли на Баку и Тифлис. Их сменил полковник Роуленсон и небольшой английский отряд. Туркофильское настроение быстро ослабело, а имам Дагестана Нажмудин Гойтинский вместо газавата стал проповедовать связь с единой Россией..

Такова была та национально-политическая канва, на которой кавказская советская власть, не блиставшая ни умом, ни талантами, рисовала свои кровавые узоры, не заглядывая в будущее, не стесняясь государственными интересами, ей чуждыми, исходя только из чувства самосохранения.

...

9 марта 1918 года, после добровольного устранения «Терско-Дагестанского правительства»¹, на Тереке установилась советская власть. Номинально Терская область объявлена была составной частью Российской советской республики, связь с которой поддерживалась, впрочем, лишь присутствием во Владикавказе представителя всероссийского ЦИК «чрезвычайного комиссара» Орджоникидзе. Верховной властью края считался «Терский народный съезд»², органом управления и законодательства — выделенный им «Народный совет»³ и, как власть исполнительная, «Совет народных комиссаров». Эта трехстепенная власть имела соответственные подразделения в казачьих отделах и горских округах. Независимо от этих органов в крае продолжали свое существование полунезависимые мест-

¹ «Терско-Дагестанское правительство» возникло в декабре 1917 года в результате соглашения Терского казачьего правительства, Союза горцев Кавказа и Союза городов Терской и Дагестанской областей.

²Собрание представителей советов и всех социалистических партий, от эсеров до большевиков включительно.

³ В нем участвовали горская и казачья фракции.

ные советы и исполнительные комитеты рабочих и солдатских депутатов, сохранившиеся в Кизлярском и Моздокском отделах органы терского казачьего самоуправления, а во Владикавказе, Моздоке и других городах некоторое время и социалистические городские думы. Такое нагромождение властей усиливало лишь безвластие и анархию¹.

Во главе совета народных комиссаров стал эмигрант Ной-Мойше Баучидзе² — грузинский еврей, начавший свою революционную деятельность еще в 1905 году ограблением Квирильского казначейства; в состав совета вошли люди по преимуществу с уголовным прошлым: Пашковский (земледелия), Фигатнер (внутренних дел), Бутырин (военных дел) и другие; почти все совершенно чуждые краю.

Новая власть не имела надежной опоры в крае, в котором почти не было промышленности и, следовательно, фабричного пролетариата — основной ее силы. Красногвардейские отряды, формировавшиеся из солдатчины и местных иногородних, обслуживали преимущественно местные совдепы, плохо подчинявшиеся центру. Поэтому, наряду с попытками создания собственной армии из подонков владикавказских окраин и пришлого бездомного, бродячего люда, вся политика власти, все декреты, постановления съездов, агитация направлены были к разделению местных элементов и к привлечению благоприятствующей военной силы, связанной с советами если не идеологией, то материальными обоюдными выгодами.

Поперек пути Совета стояло терское казачество, хотя и сильно тронутое внешними проявлениями большевизма, но цепко державшееся еще за свои привилегии, преимущественно экономического характера. Совет считал поэтому необходимым разрушить военную и экономическую силу

¹ В одном селении бывало до 30 правивших «народных избранников», получавших содержание в 15—20 тысяч.

² Убит 20 июля 1918 года. Его сменил Пашковский, вернувшийся по амнистии с каторжных работ, к которым был приговорен за грабеж.

казачества. Это решение было обосновано первоначально не столько реальным противодействием терцев, сколько инстинктивным страхом нового правящего класса перед «страшной силой казачества» и его «реакционной ролью» в прошлом. Об этом большевистские ораторы говорили на всех съездах, сопровождая свои речи личными красочными воспоминаниями о «казачьей плети». Происходило большое недоразумение, так как казаки наиболее склонны были опереться на советскую власть в своей борьбе против чеченцев, ингушей и притеснявших их непокорных центров местных совдепов.

Насаждая и поддерживая материально горские национальные советы, большевики начали тщательно вытравлять остатки казачьего самоуправления. Особым декретом все существовавшие до того времени войсковые части объявлены были распущенными, но исполнение декрета последовало только в отношении казачьих частей, так как в то же время по предложению комиссара военных дел Бутырина собрание горских фракций Народного совета постановляло организовать сводный отряд «для борьбы с контрреволюцией». Совдепами снаряжались целые экспедиции для поголовного разоружения станиц. За разоружением следовало полное истощение реквизициями и грабежом, насилиями и убийствами. Весьма примитивный «аграрный закон», принятый на 3-м Терском народном съезде, отнимал у казаков земли в пользу крестьян и «исправлял исторические ошибки» в пользу чеченцев и ингушей мерами, крайне элементарными по замыслу и крайне жестокими по выполнению. Так, например, соединенными силами ингушей и Красной гвардии были разгромлены 4 станицы Сунженской линии, стоявшие поперек пути между горной и плоскостной Чечней¹; казаки из них были выселены поголовно (до 10 тысяч) и с остатками своего добра безоружные потянулись на север без каких-либо определенных перспектив; они гибли и мерзли по дороге, подвергаясь вновь нападению и ограблению со стороны горцев. Положение этих острых чересполосных клиньев

¹ Сунженская, Аки-Юртовская, Тарская и Тарский хутор.

исторического казачьего расселения по Тереку и Сунже было особенно тяжелым.

Под ударами со всех сторон воля к сопротивлению начала падать в казачестве. Многие станицы Волжского и Сунженского отделов разоружались по первому окрику большевиков и выдавали небольшим красногвардейским частям и ингушам припрятанное оружие, пушки, боевые припасы. Ибо вопрос шел уже не о сохранении «вольностей», а только о самосохранении.

На 7-м казачьем съезде, под давлением Совета комиссаров и большевистствующих казаков, терцы постановили отказаться от всех своих привилегий и «вольностей». Но и это самоотречение не изменило положения, и преследование казачества продолжалось с прежней силой.

•••

Политика и практика советской власти на Кавказе неизбежно должна была привести к восстанию наиболее угнетаемых элементов, какими являлось русское офицерство вообще и терское казачество.

По Кавказу, и особенно на минераловодской группе, сосредоточилось много тысяч офицеров (на одной группе не менее десятка тысяч), проживавших остатки своего достояния или бедствовавших, обезоруженных совдепами и находившихся под их моральным гнетом и усиленным надзором. Под влиянием требований Москвы Совет Владикавказских комиссаров в апреле решил приступить к формированию Красной армии, для чего обратился к офицерам с патриотическим воззванием помочь родине, которой угрожает немецко-турецкое нашествие. Вместе с тем Совет обратился с предложением стать во главе формирования «Народной армии» к генералам Рузскому, Радко-Дмитриеву и Мадритову. Первые два отклонили предложение и были убиты; генерал Мадритов вошел в сношения с Ноем Баучидзе. По распоряжению советской власти в мае состоялся офицерский митинг в Пятигорске с участием не менее тысячи человек, который после долгих прений вынес резолюцию: «Принимая во внимание крайне тяжелое положение Родины, необходимо создать для борьбы с внешним врагом Народную армию, построенную на самой су-

ровой дисциплине, принятой в одной из лучших республиканских армий. При этом все боеспособные офицеры обязаны вступить в таковую, не сводя личных счетов и не предъявляя никаких личных требований. Что касается поступления офицеров в Красную гвардию, то это предоставляется доброй воле каждого». Эта резолюция, по-видимому, удовлетворила Совет комиссаров, который в начале июня обратился к выделенной митингом комиссии с предложением рекомендовать ему генерала в качестве командующего войсками Терской области. Предназначен был генерал Мадритов, который, сформировав себе штаб, переехал во Владикавказ в распоряжение Совета комиссаров.

Руководители всей этой сложной комбинации уверяли, что целью их было «сформировать Терскую армию, совершить переворот и присоединиться к Добровольческой армии...»¹. Вероятно, такие иллюзии поддерживали многих офицеров в советской России, успокаивали совесть и оправдывали бездеятельность. Фактически у кавказского офицерства² ни желания, ни смелости, ни малейшей работы мы не видели. Штаб Мадритова не проявлял никаких признаков жизни, а вскоре всякая связь его с минераловодской группой порвалась: в июне временно захватил Кисловодск партизан полковник Шкуро и оставил его, а из Петрограда вернулся на Кавказ жестокий пятигорский сатрап Анджиевский³; всякие местные организации распались, начались казни... Офицерство беспомощно подставляло свои головы под удары большевистских палачей или расплялось по станицам и аулам; очень немногие ушли со Шкуро и в последовавшей летом и осенью 1918 года вооруженной борьбе из, по крайней мере, двух десятков тысяч офицеров приняли участие лишь отдельные лица, небольшой отряд в 300—500 человек полковника Литвинова и два-три более мелких.

Общерусский белый центр на Кавказе так и не создался; терские же казаки в этот период жили еще фронтовыми

¹ Из записки генерала Мадритова.

² То есть живших в то время на Кавказе.

³ Председатель Пятигорского совета.

настроениями и относились холодно к своему офицерству и недружелюбно к пришлому. По крайней мере, отряд Литвинова, ставши на Владикавказский фронт, испытывал большую нужду: «Продовольствие от казаков было самое недостаточное, даже воду офицеры возили себе сами — в станицах не нашлось для этого быков или лошадей. При этом... никакого содержания офицеры не получали, были совершенно раздеты и босы». Элемент этот был, однако, наиболее послушным и боеспособным, и терское командование охотно использовало его на опаснейших участках фронта, где многие «пришельцы» сложили свои головы, защищая терские станицы...

Подготовка Терского казачества к восстанию велась с конца мая в Минеральной группе, в Моздоке, в Кизляре и Владикавказе (казачья фракция Народного совета). Выступление предполагалось в августе, после окончания полевых работ, но захват полковником Шкуро Кисловодска в середине июня дал сигнал к преждевременному восстанию Волжского отдела, наиболее пострадавшего (Минеральная группа), быстро перекинувшись и в отдел Моздокский, который большевики не успели обезоружить. Большевики спешно направили против восставших отряды Красной гвардии из Пятигорска, Владикавказа и Минеральных Вод. Георгиевск был скоро ими взят, но под Прохладной казаки нанесли большевикам тяжелое поражение. С тех пор в течение пяти месяцев шла упорная борьба восставших терцев, заключенных в тесном районе между Прохладной и Кизляром и окруженных со всех сторон врагами.

Военно-политическим центром стал Моздок. Туда же переехала казачья фракция Народного совета из Владикавказа. 20 июня в Моздоке состоялся съезд казаков и крестьян (юртовых) Терского войска, который избрал в качестве исполнительного органа «Казацко-крестьянский совет» во главе с эсером, инженером Бичераховым¹. Этот совет и стал во главе движения, признав командующим войсками вмес-

¹ Брат партизана.

то генерала Мистулова, раненного под Прохладной, полковника Федюшкина.

Политическое возглавление наложило отпечаток на весь ход борьбы. В течение июля шли длительные переговоры между Казацко-крестьянским советом и комиссарами, потом между советом и 4-м Съездом трудовых народов, собравшимся во Владикавказе. Казацко-крестьянский совет, признавая советскую власть, требовал только изменения политики советов комиссаров в отношении терцев, прекращения репрессий, возвращения вооружения и отставки наиболее одиозных комиссаров. «Съезд народов» требовал «полного подчинения и выдачи зачинщиков мятежа». Переговоры прервались неожиданно восстанием во Владикавказе, поднятым полковниками Беликовым и Соколовым, которые опирались на несколько осетинских сотен, стоявших в пригородной слободе, на городскую самооборону и на казаков трех ближайших сунженских станиц. В ночь на 25 июля полковник Соколов с 80-ю казаками ворвался в центр города, завладел Апшеронскими казармами и разоружил часть красноармейцев, но никем поддержан не был. Сотни то подходили к городу и вступали в бой с засевшими в нем большевиками, то вновь расходились по домам, не проявляя никакого подъема, никакой связи с организацией.

Тем временем часть комиссаров во главе с Пашковским была схвачена, но отпущена на свободу по просьбе «Народного съезда». Сам «съезд» вскоре разбежался, а оставшиеся члены его, преимущественно эсеры, ввиду падения «совнаркома», выделили из своего состава «Исполнительный комитет», который возглавил «Терскую республику» и владикавказское восстание и назначил «командующим всеми вооруженными силами республики» генерала Мадритова¹. Однако поскольку ближайшие «вооруженные силы» драться не хотели, ввиду угрозы от ингушей их станицам, то на 12-й день полной и беспросветной путаницы комитет и командующий покинули Владикавказ.

¹ Предписание 1 (14) августа, подписанное председателем комитета И. Семеновым.

Злополучный город грабили сначала уходящие осетины, потом оставшиеся красноармейцы и, наконец, вошедшие в него ингуши. Совнарком был восстановлен, а исполнительный комитет, прибыв в Моздок, при содействии Бичерахова объявил себя там «Временным народным правительством Терского края», подчинив своей власти Казацко-крестьянский совет и восставших терцев¹. Одновременно в Моздоке открыл действия «областной комитет социал-революционеров», став фактически третьей надстройкой многостепенной и чужеродной казачеству власти.

Все эти сцены политической чехарды сильно напомнили бы сатиры Щедрина или пародии Вампуки, если бы не были густо окрашены человеческой кровью, если бы не ставили на карту судьбы Терского войска, Кавказа и белого движения.

В середине сентября в Моздоке созван был новый казацко-крестьянский съезд Терского края (края — в пределах полосы Прохладная—Кизляр!), который должен был разрешить капитальнейшие вопросы: о построении власти в Терской республике, о том месте, которое должна занять она в федеративной России, и об отношении к надвигающейся на большевиков с севера Добровольческой армии...² В то время, когда фронт изнывал уже от боевых тягот и неустройства, недуг словоблудия поистине поразил глубоко российских граждан, извратив масштаб и перспективы, отвлекая их от простых и ясных целей борьбы.

Связь с Добровольческой армией установилась только в сентябре посылкой аэропланов через фронт XI советской

¹ Оригинально «происхождение» членов этого правительства: председатель Семенов — представитель городского населения Владикавказа; Орлов — от самоуправления Пятиторска; Полесюк — от слобожан Грозного, то есть от тех групп, которые были в борьбе нейтральны или даже выступали за большевиков.. В состав правительства входил и «военный министр» Овчаренко, имевший свой особый штаб.

² На съезде правительство было частично переизбрано. Председателем стал Бичерахов, а в должности председателя Казацко-крестьянского совета его заменил Букановский.

армии. 9 сентября на аэроплане был послан на Терек генерал Колесников и небольшая сумма денег для офицерских формирований, в распоряжение генерала Левшина¹, которому вместе с тем предписано было добиваться установления на Терекке единоличной атаманской власти. Штаб мой послал терцам общую ориентировку и сообщил ближайшие задачи и цели Добровольческой армии, а именно: движение к пределам Терека и освобождение от большевиков Северного Кавказа. Это известие о близкой помощи подняло значительно настроение командного состава и казаков, но колодно было встречено революционной демократией. Бичерахов по этому поводу говорил генералу Мадритову: «Неизвестно, что нам несет Добровольческая армия; быть может, нам (терцам) придется и с ней сражаться»².

В результате на Терекке образовались две влиятельные группы. Одна в Проходной — вокруг командующего войсками полковника Федюшкина, бывшего председателя Войскового круга Губарева и Левшина. Другая в Моздоке — вокруг Бичерахова, Семенова и социал-революционного комитета.

Все начинания терского командования разбивались о противодействие правительства. Командование желало ввести всеобщую мобилизацию, полковую организацию и нормальную дисциплину. Правительство объявляло о формировании «добровольческих отрядов имени Учредительного собрания, на основах добровольной сознательной дисциплины», с митингами, часто с выборами начальников. Командование стремилось на запад, чтобы через Пятигорск войти в боевую связь с Добровольческой армией... Правительство тянуло на восток, к Петровску, где обосновалось социал-революционное Каспийское правительство Бичерахова-брата, мечтавшее также подчинить своему влиянию весь Северный Кавказ, Черноморье,

¹ Раньше никакой связи с ним у нас не было.

² Такое же отношение к армии Бичерахов проявил на «Народном съезде», но он и его единомышленники встретили бурный протест собрания (бюллетень заседания 14 сентября).

Кубань¹, и где сосредоточился в начале сентября его отряд. А казачество не разбиралось, конечно, в стратегии, не имело большого желания идти ни на восток, ни на запад, наивно думая побороть большевиков *обороной* родных станиц и зная определенно, что ослабление их гарнизонов повлечет неминуемо чеченское или ингушское нашествие... «Родные хаты» — стимул большого морального значения, но почти всегда гибельный для стратегии.

Армия так и не сложилась. Бились отдельные отряды, чисто ополченского характера. Казаки служили *посменно*, появляясь на фронте на основании «сознательной дисциплины» на одну, потом на две недели, и не раз, не дожидаясь запаздывающей смены, расходились по станицам, обнажая фронт. Боевые припасы были на исходе, помощь ниоткуда не приходила...

Под влиянием всех этих условий, при содействии большевистской агитации и более чем странной правительственной пропаганды падал дух казачий. Некоторые станицы целиком или частью приняли сторону большевиков. «Происходила невиданная война, — говорит Е. Бунаковский. — Население делилось на части и неделями сражалось друг с другом на улицах родной станицы. Сторонникам советской власти помогали красноармейцы. И когда борьба делалась невозможной, не желавшие подчиняться большевикам уходили в сторону Грозного. Образовался новый казачко-казачий фронт...»

Достоин удивления, как при этих условиях — без дисциплины, без денег, без боевых припасов, почти в полном окружении — в течение пяти месяцев командный состав и лучшая часть казачества находили силы продолжать борьбу. Дрались и умирали, не теряя веры в свое дело и в конечный его успех.

Ведя бой с переменным успехом, казачьи отряды постоянно меняли свой состав, доходивший в среднем до 12 тысяч человек при 40 орудиях, и к осени 1918 года занимали

¹ От него получена была помощь в 2 миллиона рублей и боевые припасы.

следующее расположение: полковник Агоев стоял у станицы Зольской в переходе от Пятигорска; полковник Вдовенко — в переходе к юго-востоку от Георгиевска. Это были лучшие по стойкости и дисциплине войска. Отдельные терские отряды прикрывали казачий «остров» с севера у Курской, с юга от Владикавказа — у Котляревской. Бои шли и у Грозного — с местными большевиками, и у Кизляра, к которому подошли красноармейские части из Астрахани; при этом оба города переходили из рук в руки.

Большую Кабарду и город Нальчик занимали осетинские и кабардинские отряды Кибирова и Серебрякова, а против Владикавказа стояли осетинские сотни полковника Хабаева.

Под давлением Добровольческой армии положение северокавказского фронта большевиков становилось все более угрожающим, так как он имел в своем распоряжении только одну коммуникационную линию — безводный Астраханский тракт. Очевидно, с целью пробить себе путь через Моздок и Кизляр, большевики предприняли в начале ноября серьезную операцию в этом направлении, поведя наступление двумя главными колоннами: от Георгиевска на Моздок и от Пятигорска на Прохладную.

21 октября большевики заняли станицу Зольскую и 28-го — Прохладную. Одновременно сильная колонна их подошла к Моздоку. Терцы отступали без серьезного сопротивления... Пал Грозный из-за отсутствия подкреплений, отвлеченных к Моздоку, и самовольного оставления казаками важнейшего участка позиции. Снята была блокада Кизляра, и казаки, атаковавшие город, разошлись по станицам, где началась уже веселая пора давки винограда.

Командующий войсками полковник Федюшкин был к тому времени смещен правительством и на его место назначен выздоровевший от ран генерал Мистулов — человек высокодоблестный и честный, но еще менее самостоятельный. На соединенном заседании Временного правительства и Казачко-крестьянского съезда решено было «объявить всеобщую мобилизацию и командировать особую комиссию в отделы для ознакомления населения с критическим положением всего казачества, необходимостью новых жертв».

Но было уже поздно.

На важнейших направлениях выбыли из строя начальники: полковник Агоев был ранен, Вдовенко заболел. Боевых припасов почти не оставалось. Все чаще стали происходить случаи самовольного оставления позиций и митинги. На всех направлениях шло полное отступление, и генерал Мистулов под влиянием непрекращавшихся ссор и интриг в правительстве и совете, не будучи в состоянии остановить развал фронта, покончил жизнь самоубийством.

Еще одна искупительная жертва за чужие грехи.

Между тем большевики заняли и Моздок, разделив терские отряды, действовавшие к западу и востоку от него. Правительства передали власть «триумvirату» из Бичерахова, Букановского и вновь избранного командующего войсками генерала Колесникова и рассеялись. Терский фронт рухнул. Часть войск (тысячи две) с командующим, новым правительством и эсеровским комитетом направилась к Петровску; отряды Литвинова, Агоева, Серебрякова и Кибирова (общим числом около 4 тысяч человек) кружным путем, через горы южнее Пятигорска, вышли к Баталпашинску на соединение с Добровольческой армией; часть казаков «Владикавказского фронта» вместе с отрядами Хабаева пробилась к Военно-Осетинской дороге... Остальные казаки разошлись по станицам.

Весь Терский край вновь попал под власть большевиков, начавших кровавую расправу.

ГЛАВА XIII

СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

После поражения, понесенного 7 ноября под Ставрополем, XI советская армия отступала в двух главных направлениях: Таманская группа — на северо-восток, к селу Петровскому, и группа Гудкова — на восток к Бещпагиру. 11 ноября 1-й Конный корпус генерала Врангеля, форсировав реку Каулаус и преодолев сопротивление Таманской группы, соеди-

нившейся уже с частями красных, действовавших севернее, взял село Петровское, узел дорог, ближайшую базу противника. В течение четырех дней в этом районе происходили тяжелые бои, и село дважды переходило из рук в руки. Корпус понес большие потери, особенно в офицерском составе, причем едва не попал в руки противника штаб корпуса, расположившийся в селе Константиновке. Только 15-го генерал Врангель овладел окончательно Петровским. Измотанные до последней степени многомесячными непрерывными боями кони отказывались уже работать, и кубанцы преследовали противника шагом, атаковали рысью. Большевики несколько раз переходили в контрнаступление против села Петровского, но были оттеснены с большим уроном.

1-й армейский корпус генерала Казановича, преследовавший Гудкова, встретил также серьезное сопротивление на линии реки Бешпагирки и в течение девяти дней дрался с переменным успехом в районе Бешпагира. Только 20 ноября обозначился успех и на этом направлении: генерал Врангель, оставив небольшой заслон у Петровского, бросил 1-ю Конную дивизию к юго-западу на Спицевку, в тыл войскам Гудкова. Застигнутая врасплох этим неожиданным ударом, атакованная одновременно с фронта 1-й дивизией и обойденная кубанцами полковника Науменко по долине реки Горькой с юга, группа Гудкова была смята и, теряя пленных (более 3 тысяч) и орудия, бросилась на восток. Генерал Казанович преследовал большевиков за Калаус на расстояние двух переходов и только к 24-му был остановлен ими на параллели села Медведского. В то же время генерал Врангель, искусно действуя по внутренним операционным линиям, к вечеру 21-го спешно сосредоточил свои силы вновь к Петровскому, и на другой день таманские и ставропольские полки, успевшие обложить село с севера и юга и даже ворваться в южную его окраину, были разбиты и спешно отошли к востоку.

...

К концу ноября общее стратегическое положение на Северокавказском фронте было таково:

1. На крайнем правом крыле в направлении Минеральных Вод действовал третий армейский корпус генерала Ля-

хова¹, силою в 10 тысяч при 30 орудиях и 4 бронепоездах. Он занимал фронт по обе стороны Владикавказской железной дороги против станции Курсавки, а правым флангом своим подходил на переход к железной дороге линии Кисловодск—Минеральные Воды. Корпус был недавно сформирован, и главную массу его составляли войска ополченско-го типа.

2. В центре, в районе Ставрополя, расположено было два корпуса: а) 1-й армейский генерала Казановича² — силою в 6800 штыков и сабель, 21 орудие — стоял у Сергиевки, выдвинув передовые части против Медведского и Александровского; б) 1-й Конный корпус генерала барона Врангеля³ — силою до 6200 сабель и штыков, 20 орудий — стоял в районе Петровского.

3. В Приманычских степях действовал отряд генерала Станкевича⁴ — 2—3 тысячи штыков и сабель, 4 орудия, — держа связь с Донской армией и прикрывая левый фланг нашего расположения.

Всего в Кавказской группе Добровольческой армии было около 25000 людей при 75 орудиях.

Против наших войск располагалась XI армия красных, под командой немца Крузе. Состав, командование и организация ее непрестанно менялись как менялась, и человеческая волна, переливавшаяся через ее кадры. В состав ее входило 12 пехотных дивизий 3—5-полкового состава и 7¹/₂ кавалерийских дивизий. В рядах их числилось огромное количество людей, не менее 150 тысяч, из которых около половины действи-

¹ 1-я (генерала Слащева) и 2-я (генерала Геймана) пластунские бригады, 1-я Кавказская казачья дивизия (генерала Шкуро), Черкесская дивизия (генерала Султан-Келеч-Гирея), Терский отряд и Баталпашинские ополчения.

² 1-я дивизия (временно генерала Колосовского) и 1-я Кубанская (генерала Покровского, временно генерала Науменко).

³ 1-я Конная дивизия (генерала Шатилова), 2-я Кубанская казачья дивизия (генерала Улагая), Сводная конная бригада (генерала Чайковского), 3-я пластунская бригада (генерала Ходкевича).

⁴ Сборные части 3-й Кубанской дивизии, 3 пластунские бригады, 1-й дивизии и др.

тельно сражавшихся. В течение декабря предполагалось произвести полную реорганизацию армии, очистив ее от небоевого элемента и сведя многочисленные колонны, отряды в 5 стрелковых и 5 конных дивизий. В ноябре армия усилилась частями, освободившимися после падения Терского фронта, в том числе Терской дивизией и Кабардинской бригадой.

К концу ноября войска XI армии располагались следующим образом:

1. *Манычская группа* («ставропольские» дивизии), 15 тысяч, против генерала Станкевича и к востоку от Петровска, между Манычем и селом Овоци.

2. *Благодарненская группа* («таманские» дивизии), 10 тысяч против правого фланга генерала Врангеля и против левого крыла генерала Казановича, впереди Благодарного.

3. *Александровская группа* (бывшая Гудкова), 10 тысяч против правого крыла генерала Казановича, впереди села Александровского.

4. *Терская группа*, до 25 тысяч против генерала Ляхова, от Курсавки до Кисловодска.

Ближайшим резервом этим силам могла служить XII армия под командой Дьякова, силою до 12 тысяч человек, образовавшаяся после падения Терского фронта в районе Кизляр—Моздок—Грозный из трех красных полков сильного состава, пришедших из Астрахани, и местных формирований.

Всего против нашей Северокавказской группы стояло 72 тысяч при 80—100 орудиях. Войска эти базировались на Астрахань, а передовой базой для XI армии служил обильно снабженный всякими запасами Св. Крест.

...

24 ноября части Добровольческой армии получили ближайшую задачу:

Генералу Врангелю с подчинением ему отряда Станкевича — разбить группу противника, сосредоточившегося к северу от Петровского¹, теснившую донцов (по Манычу) и Станкевича и угрожавшую выдвинутому вперед положению 1-го Конного корпуса.

¹ Район Предтече-Софиевский—Старый Бурукшун.

Генералу Казановичу — наступлением на Благодарное обеспечить операцию Врангеля.

Генералу Ляхову — перейти в наступление на фронт Кисловодск—Минеральные Воды для овладения Минераловодской группой.

Во исполнение этой директивы с 25 ноября по 20 декабря шли тяжелые бои с переменным успехом, изнурительные для обеих сторон.

Генерал Врангель, наступая главными силами по обоим берегам Калауса на север и отрядом Станкевича на восток, на Старый Бурукшун, в течение 26 ноября—1 декабря рядом удачных боев очистил северный район. Большевики, неся большие потери, бежали на Рагули. Мелкие бои, однако, в этом районе не прекращались. 5 декабря большевики атаковали вновь на фронте Кистенское—Дербетовское, но были отброшены. Атаки противника повторились 11-го от Овоци на Камбулат бригадой пехоты и кавалерии и 13-го более крупными силами — всей Манычской группой, до 15 тысяч — на фронт Кистенское—Предтеча в охват Петровского с севера. Направленный генералом Врангелем во фланг наступающих генерал Улагай к вечеру того же дня разбил южный отряд большевиков в районе Барханчака и затем, действуя быстро и искусно, в течение трех дней нанес ряд сильных ударов и средней колонне у Винодельного, Дербетовского, отбросив большевиков далеко за Дивное.

Но упорство большевиков сломлено не было. Новые мобилизации и подкрепления, прибывшие из Астрахани и с Терека, усилили XI армию, которая не только стойко оборонялась, но временами переходила в общее наступление по всему фронту (10—11 декабря).

Был сильный мороз. Бушевала страшная вьюга. И люди и кони работали из последних сил.

Наступление генерала Казановича, имевшего против себя в центре наиболее сильную Таманскую группу, подвигалось медленно. Только на его правом фланге 1-я дивизия генерала Колосовского имела успех, разбив 6-го у Александровского две бригады большевиков. Все усилия свои Казанович направлял для фронтального прорыва в направлении на Медведское, которое после перегруппировки атаковал и

взял 15-го. Но уже через два дня таманцы перешли большими силами в контрнаступление со стороны Благодарного, и генерал Казанович, неся большие потери, стал отходить к реке Калаус.

Когда было взято Медведское, я полагал использовать успех Казановича движением с севера во фланг и тыл противнику частей 1-го Конного корпуса.

Людской и конный состав его, однако, был измотан до крайности, и генерал Врангель считал необходимым для восстановления боеспособности корпуса дать ему по крайней мере двухнедельный отдых. Но через несколько дней, ввиду серьезного положения группы Казановича, он сам предложил ударить по тылам противника на фронт Медведское—Шишкино. На крайнем левом фланге группы отряд генерала Станкевича утвердился в Б.-Джалге, одна бригада прикрывала Петровское с востока; прочие силы 1-го Конного корпуса начали сосредоточение в районе к юго-востоку от Петровского.

На Минераловодском направлении гололедица, большие морозы и снежные бураны, свирепствовавшие с особой силой в предгорьях Кавказа, до крайности затрудняли операции. 28 ноября генерал Ляхов занял станицу Барсуки; к 3 декабря дивизия генерала Шкуро, следуя на соединение с корпусом, вышла на фронт его севернее станции Курсавка, которая и была взята 14-го, после горячего боя, соединенными усилиями бронированных поездов, пластунов и ударом в тыл дивизии Шкуро. На всем фронте корпуса изо дня в день шли бои, типичные для «малой войны», причем оперативные сводки отмечали перемежающиеся успехи и неудачи — переход из рук в руки станиц Боргустанской, Суворовской, Воровсколеской, станции Курсавки... 16-го и 17-го одновременно с наступлением в центре на войска Казановича Терская группа красных повела общее наступление и на корпус Ляхова, развивая небывалой силы артиллерийский огонь. В направлении Владикавказской железной дороги наступление это было сдержано бронепоездами и атаками кубанцев Шкуро и горцев Бековича Черкасского¹. На

¹ Черкесы и кабардинцы.

правом фланге нашем противник имел, однако, успех и, сбив Черкесскую дивизию, быстро двигался к Баталпашинску. Генерал Шкуро направился туда, чтобы личным своим влиянием на казаков Баталпашинского отдела поднять там поголовное ополчение.

Наступление в центре Северокавказского добровольческого фронта назначено было на 21 декабря. В этот день на рассвете я с Романовским и английским представителем генералом Пулем прибыли на сборный пункт конницы генерала Врангеля, верстах в 20 к юго-востоку от Петровского. На наших глазах происходило развертывание и движение в атаку славных полков 1-го Конного корпуса, сыгравших решительную роль в последовавшем генеральном сражении.

Для прикрытия левого фланга от Маныча (Киевское) до Овоци оставлены были отряды генерала Станкевича и генерала Бабиева. Остальные войска корпуса генерал Врангель бросил на фронт Медведское—Шишкино в тыл Таманской группе противника. Стремительной атакой кубанцев большевики, занимавшие этот район, были разбиты, и главные силы Таманской группы, потеряв пути отхода на Св. Крест, в беспорядке бросились на юг и юго-восток. В то же время войска Казановича, наступая с фронта, на левом своем фланге взяли 21-го Ореховку и Высоцкое, а на правом в ближайшие дни овладели последовательно Грушевской, Калиновкой и Александровским.

Вслед за тем, 24-го, генерал Врангель овладел Благодарным, ведя преследование на юг и восток, после чего сосредоточил свой корпус в районе этого села. Дважды еще большевики переходили в контрнаступление — 25-го на Благодарное и 26-го против Казановича, но были обращены в бегство. Число пленных, оружия, обозов, попадавших в наши руки, все более увеличивалось. И 27 декабря штаб имел основание сообщить печати, что «Таманская армия противника приведена в полное расстройство, и управление ею потеряно».

Ввиду общности фронта и задачи, я объединил командование над войсками генералов Казановича и Врангеля в

руках последнего. Эта армейская группа должна докончить поражение центра XI советской армии, наступая на Св. Крест—Георгиевск, в то время как корпус Ляхова выполнял прежнюю задачу — овладеть линией Кисловодск—Минеральные Воды.

24 декабря сборный отряд генерала Шкуро отразил противника, обстреливавшего уже орудийным огнем Баталпащинскую, и погнал его в направлении Ессентуков; к 29-му наши части атаковали Курсавку, Ессентуки и Кисловодск.

Генерал Врангель между тем направил дивизию Улагая на Св. Крест, главными же силами продолжал теснить Таманскую и Александровскую группы противника на юге. Шаг за шагом, разбивая еще сопротивлявшиеся отряды, забирая много пленных и орудий, войска его в начале января продвинулись в район Новоселицы—Александровское.

К этому времени расстроенная и деморализованная XI армия красных, насчитывавшая еще в своих рядах до 40 тысяч при 50—80 орудиях, сбилась в две группы: в районе ст. Нагутская—Кисловодск—Минеральные Воды (около 20—25 тысяч) и в районе Св. Креста (до 10 тысяч). Оторванная от главных сил Манычская группа противника (Ставропольский корпус), силою до 10 тысяч, делала попытки облегчить положение всей армии наступлением в охват нашего левого крыла. Но в боях в долине Маныча и в районе Овоци и Рагули генерал Станкевич и полковник Бабиев нанесли ей ряд поражений и вскоре вытеснили большевиков в Астраханские степи.

К вечеру 4 декабря дивизия генерала Улагая, наступая по Благодарненской дороге, после жестокого боя овладела Св. Крестом, и одновременно другая колонна генерала Топоркова, направленная Врангелем из главных сил, взяла Преображенское (южнее), прервала там железнодорожное сообщение, не допустив эвакуации Св. Креста.

Овладение нами Св. Крестом, помимо огромной военной добычи, которую представляла эта передовая база всего Северокавказского советского фронта, окончательно лишило остатки XI армии северо-восточных путей отступления.

Перед нею лежало две дороги: одна через Владикавказ на Грузию, другая — на Моздок—Кизляр к Астрахани. Первая сулила ей темное будущее в стране, враждебной большевизму, вторая — спасение, но была она страшно длинной и трудной, и огромному большинству принесла гибель.

6 января, продолжая наступление по всему фронту, войска генерала Врангеля заняли Георгиевск и тем предрешили участь Минеральной группы. Корпус Ляхова на другой день овладел Ессентуками, Кисловодском и Минеральными водами, а 8-го Пятигорском. 12 января генерал Шкуро после горячего боя взял Нальчик и, бросившись затем на север, 14-го занял Прохладненский узел¹, отрезав тем большевикам путь к отступлению на Владикавказ. Безостановочно преследуя противника, наши войска к 14 января вышли на линию Нальчик—Прохладная—Эдессия—Правокумское—Арзгир—Дивное.

Это был полный разгром противника — тактический и моральный, требовавший лишь неотступного преследования, невзирая на страшное утомление добровольческих войск. Эта сводившаяся к освобождению Терской области и к выходу к Каспийскому морю задача возложена была мною на генерала Врангеля, сыгравшего такую блестящую роль в истекшей операции. 10 января он стал фактически во главе Кавказской Добровольческой армии, в состав которой я включил все войска, стоявшие на фронте от Дивного до Нальчика².

В конце января генерал Врангель заболел сыпным тифом и не мог руководить операцией. Это обстоятельство поставило меня в большое затруднение, так как передавать командование старшему (генералу Ляхову) я не хотел — его стратегия не разделялась мною, а начальник штаба армии генерал Юзефович только что поступил в наши ряды и не мог поэтому еще приобрести авторитет в глазах доблестных, но своенравных начальников Кавказской армии. Ре-

¹ Там же захвачен весь спасавшийся Кисловодский совдеп.

² В командование 1-м Конным корпусом вступил генерал Покровский.

шено было официального приказа о замещении не отдавать, а генералу Юзефовичу руководить армией от имени ее командующего.

К середине января Северокавказского советского фронта уже не существовало. Оставались только разрозненные отряды. Остатки разбитой XI армии (до 20 тысяч) группировались в районе Прохладной и вдоль путей от нее — часть к Владикавказу, преимущественно же к Моздоку. Другая группа (около 5 тысяч), оторванная от главных сил и стремившаяся соединиться с X армией, сосредоточилась у Приютного, севернее озера Манычского. На всем огромном протяжении между этими пунктами (по воздушной линии свыше 250 верст) только в Кумском районе собирались остатки до 3 тысяч красных, разбитых у Св. Креста. Восточнее XII армия силою около 12 тысяч занимала Грозный, Кизляр и Старотеречную, прикрывая единственный путь отхода — прикаспийский Астраханский тракт. Наконец, в районе Владикавказа сосредоточились крупные местные отряды «Северокавказской республики» и войска Ингушетии, неизвестно — дружественные или враждебные.

Таким образом, Кавказская Добровольческая армия имела перед собой еще до 50 тысяч советских войск, хотя и разрозненных, лишенных управления и деморализованных.

14 января командующий армией, оставив для прикрытия астраханских направлений и Ставропольской губернии отряд генерала Станкевича на Маныче и дивизию генерала Улагая у Св. Креста, двинул для преследования противника два корпуса: генерала Ляхова (3-й армейский корпус) — на Владикавказ и Грозный, генерала Покровского (1-й Конный корпус) на Моздок—Гудермес—Кизляр к Каспийскому морю.

Человеческая волна катилась бурно и неудержимо на восток, покрывая все дороги на много десятков верст, запрудив их обломками повозок, брошенным скарбом, трупами людей и животных. Кому удавалось спастись от пули и шашечного удара, тот находил смерть от сыпного тифа, косившего нещадно. Многие участники похода, свыкшиеся, казалось, с ужасами войны, не могли потом без содрога-

ния вспоминать эти кошмарные картины: мечущиеся толпы, брошенные на произвол судьбы поезда с больными и ранеными, тысячи изнемогающих людей, в жару и бреду ползущих по рельсам и откосам полотна и давимых немилосердно уходящими поездами...

Иногда толпы большевиков останавливались и, побуждаемые страхом и чувством самосохранения, принимали вновь облик воинской силы и вступали в бой с преследовавшими — бой жестокий, упорный, безнадежный...

Генерал Покровский двигался несколькими колоннами с северо-запада к Моздоку наперерез противнику, отходившему левым берегом Терека. На рассвете 15-го Покровский обрушился на большевиков на широком 25-верстном фронте, прижал их к реке и в упорном бою, в котором со стороны большевиков принимало участие и 8 бронированных поездов, разбил их наголову, взял до 10 тысяч пленных и занял Моздок. Бегущие пытались переправиться на правый берег, но единственный деревянный мост рухнул, и много людей, спасаясь вплавь, утонули в Тереке.

Еще раз у станицы Мекенской корпус встретил сопротивление, но после двухдневного боя опрокинул противника и, сбивая его короткими ударами, шел безостановочно вперед, заняв 24 января Кизляр, достигнув разъездами Брянской пристани и войдя в связь у Хасавюрта с Терским отрядом генерала Колесникова, стоявшего в Петровске. Остатки большевистских войск частью рассеялись по Чечне, частью (3—4 тысячи) были настигнуты и порублены севернее Кизляра. Весьма немногим удалось уйти на Астрахань.

Этот беспримерный марш — 350 верст с боями — 1-й Конный корпус генерала Покровского совершил в 14 дней!

Генерал Ляхов, оставив часть сил для обеспечения Прохладненского узла, двинул войска генералов Шкуро и Геймана обоими берегами Терека к Владикавказу, а Черкесскую дивизию генерала Келеч-Гирея — в долину Сунжи на Грозный.

Пройдя до Ахлово, черкесы встретили неожиданное сопротивление со стороны ингушей, которые, выставив хорошо вооруженный двухтысячный конный отряд, прикрыли отступление большевиков и отказались пропустить наши войска до решения ингушского Национального со-

вета, заседавшего в Назране. Генерал Келеч-Гирей вступил в бой с ингушами, но потерпел неудачу и, не рассчитывая на свои силы, свернул кружным путем на станицу Слепцовскую и взял ее с боем. Но попал в трудное тактическое положение между ингушами и большевиками. Генерал Ляхов направил крупные части из своего резерва в Прохладной для ликвидации сопротивления непокорных аулов и одновременно предъявил ингушскому народу ультимативное требование сдать оружие, очистить Владикавказ и окрестные селения, восстановить снесенные терские станицы. Переговоры намеренно затягивались ингушами, и наступление Черкесской дивизии на Грозный задержалось. Между тем до сведения моего дошло, что какие-то сборные отряды под английским командованием направлены из Петровска к Грозному¹... Во избежание нежелательных последствий иностранной оккупации огромной важности нефтеносного района я приказал возложить задачу овладения Грозным на генерала Покровского. С левого берега Терека он свернул от станицы Калиновской на юг части 1-й Конной дивизии генерала Шатилова, и 23-го, после двухдневного жестокого боя, город был взят.

На Владикавказском направлении шло наступление отрядов Шкуро и Геймана, которые, преодолев сопротивление противника на линии Ардон—Эльхотово, к 19 января подошли к станице Беслан, в двухдневном бою опрокинули большевиков, беспорядочно отступивших к Владикавказу, и 21-го генерал Шкуро ворвался уже в заречную часть города, заняв кадетский корпус; 24-го в его руках было северное предместье Курская слобода, а южнее города — гора Лысая, чем отрезан был противнику путь отхода и по Военно-Грузинской дороге. Многие комиссары и совдепы кавказских городов успели, однако, бежать в первые дни осады в гостеприимную Грузию.

Большевики совместно с ингушами оборонялись с большим ожесточением². Части генерала Геймана, наступавшие

¹ Некоторое основание было.

² Город обороняли Владикавказский полк, дружина самообороны, отряды коммунистов и ингуши — с сильной артиллерией и броневиками.

с севера, находились под ударом с фланга и тыла со стороны ингушских аулов; с населением поголовно вооруженным, поднявшимся в защиту большевиков. Потребовалось 6 дней упорной борьбы, ряд последовательных ударов по ингушским аулам, в которых большевики совместно с ингушами отчаянно защищали каждую саклю. И только 27-го ингушский Национальный совет выразил от имени народа полную покорность, приняв все наши условия, а 28-го, после 10-часового уличного боя, наши войска овладели Владикавказом.

В последующие дни происходила только ликвидация остатков противника, рассеявшегося в окрестностях Владикавказа и зажатого нашими войсками в тесном районе Сунженской долины между Владикавказом и Грозным. В Грузию бежало свыше 3 тысяч красноармейцев, которых, по моему настоянию перед английским командованием, грузинское правительство обязалось интернировать в Мцхете¹.

Северокавказская операция закончилась. Вся Ставропольская губерния и Терская область были освобождены от советской власти. В пределах Северного Кавказа не оставалось более ни одной организованной большевистской части. Много крови, много жизней стоила и огромных усилий потребовала эта борьба, вписавшая чудесные страницы в добровольческий эпос, богатая яркими примерами высокой доблести и искусства многих вождей и воинов.

Стотысячная армия Северокавказского большевистского фронта перестала существовать. Она оставила в наших руках 50 000 пленных, не считая больных и раненых, 150 орудий, 350 пулеметов и огромное количество всякого военного имущества. Она усеяла своими трупами Ставропольские поля и предгорья Кавказа во имя чуждых ей идей и непонятных целей. В течение 7¹/₂ месяцев она отвлекала на себя

¹ Это исполнено не было. Многие большевики появились в Тифлисе. Они поступали в Грузинскую национальную гвардию или выпускались к нам на Черноморское побережье. О неисполнении грузинами условий сообщало моему штабу и английское командование (23 марта, № 77).

почти все добровольческие силы Юга и хоть за это должна бы получить некоторое признание со стороны московских правителей. Но они вбили в могилу ее осиновый кол и написали на нем бранную надпись. И мне — врагу — приходится заступаться за память погибшей армии перед историей.

Бронштейн о причинах неудач на Южном фронте говорил¹:

«За спиной Краснова на юге стояли деникинские белогвардейские войска. Знали мы о них? Конечно, знали. Но за спиной деникинских войск стояли северокавказские советские армии. Эти две армии насчитывали чуть не 150 000 или даже 200 000 человек. По крайней мере, снабжение они требовали на такое число. Но это не были правильно организованные войска, а партизанские отряды, за которыми тащилось много беженцев и просто дармоедов и мародеров. Никакой правильной организации снабжения, управления и командования не было и в помине. Самодельные командиры не желали никому подчиняться и боролись друг с другом. Как всегда водится у партизан, они страшно преувеличивали свои силы, с презрением относились ко всем предостережениям центра, а потом, после первого серьезного удара со стороны деникинцев, стали рассыпаться на части. При этом сдали врагу множество военного имущества и погубили при отступлении неисчислимое количество человеческих сил. Нигде, может быть, партизанщина не обошлась так дорого рабочим и крестьянам, как на Северном Кавказе.

Таким образом, основной причиной наших южных неудач являются не недостатки организации армий Южного фронта, а предательская, в полном смысле слова, роль пережившей себя партизанщины».

Нет сомнения, что много язв разъедало Северокавказскую армию — вероятно, не в меньшей степени, чем прочие Красные армии. Но, очевидно, невзирая на отсутствие непосредственного управления центра и плодотворного влияния «московских и петроградских сознательных това-

¹ 8 июня 1919 года, город Козлов.

рищей», влитых во множество на другие фронты (или, быть может, благодаря отсутствию этого влияния?), воинский дух ее был неизмеримо выше, чем в других Красных армиях. Потому что справляться с нею нам было труднее, чем с другими, потому что борьба с нею стоила нам относительно больших потерь. И не раз, разбитая, казалось, до основания, она возрождалась вновь и вновь, давая твердый отпор добровольцам.

...

В начале февраля Кавказская Добровольческая армия, имея обеспеченный и относительно замиренный тыл, получила, наконец, возможность повернуть на север для выполнения своей основной задачи.

ГЛАВА XIV ТЕРЕК В 1919 ГОДУ.

Когда войска Добровольческой армии овладели Минеральной группой и определился ясно исход операции, я назначил командира 3-го армейского корпуса генерала Ляхова «главноначальствующим и командующим войсками Терско-Дагестанского края». Одновременно письмом на имя начальника края я определял общие основания той политики, которой надлежало придерживаться русской власти.

«Милостивый государь Владимир Платонович!

Героическими подвигами Кавказской Добровольческой армии, в которой слились в одном беззаветном порыве славные кубанские казаки, добровольцы, терцы и горские воины, освобождается весь Северный Кавказ от власти большевиков.

Кончаются дни беспросветной тьмы, хулиганского разгула и бесправия. Народная жизнь потрясена до основания, тем более что смута еще более обострила взаимоотношения, существовавшие между народностями Северного Кавказа.

Вам предстоит тяжелая, но благодарная задача умиротворить Терско-Дагестанский край. Ввести начала законно-

сти и порядка. С высокой справедливостью и беспристрастием примирить интересы подчас враждующих соседних народностей. Восстановить правильную экономическую жизнь, чему всемерно будут содействовать органы управления, при мне состоящие. Помочь свободному развитию местных установлений. Создать вооруженные силы для защиты очагов и для участия в борьбе за освобождение России. Наконец, вновь приобщить край к русской государственности.

От всей души желаю скорейшего прекращения междоусобий, счастья и мира многострадальному краю.

Уважающий Вас А. Деникин».

Вместе с тем, «в целях воссоздания Терского казачьего войска», генералу Ляхову приказано было собрать Круг для выбора войскового атамана, поручив эту работу находившемуся в районе Добровольческой армии бывшему председателю Терского округа И. Д. Губареву.

Если во взаимоотношениях с Доном и Кубанью вопрос о необходимости единой государственной власти ставился нами как необходимость подчинения общим интересам частных, то для Терека, при его крайней чересполосности, при страшно запутанных межплеменных отношениях, острой вражде к нему чеченцев и ингушей и далеко не соразмерных силах сторон, установление общероссийской власти являлось вопросом физического существования казачества — вопросом жизни и смерти. Только такая власть, чуждая областных интересов, могла иметь известный авторитет в глазах горцев, примирить враждующие элементы и остановить или, по крайней мере, не дать разгореться на Северном Кавказе новому пожару, открывающему путь для новой волны большевизма, — пожару, в пламени которого прежде всего сгорело бы Терское войско. Наконец, только русская власть могла обеспечить Северный Кавказ как тыл наступающих на север противобольшевистских армий и, ослабив развитие панисламистских и центробежных течений, сохранить край для России. Это сознавала ясно российская общественность Юга, так думали тогда в период начальной

борьбы терские деятели — будущие законодатели и правители, в том числе генерал Вдовенко¹ и Губарев. Понимание положения не чуждо было и горской интеллигенции. Представители наиболее культурного племени — осетины — имели смелость высказать его открыто²: «Не располагая умственными и материальными силами даже для совместной автономности, не говоря уже о государственной независимости, горцы по пути к своей независимости стали добычей как авантюристов из своей собственной среды, так и большевиков. Это было неизбежно. Ведь в прошлом Кавказ представлял собой арену непрерывной войны его народов, и только сильная русская власть в состоянии была отчасти умиротворить их, отчасти заставить их приступить к мирным видам труда».

Даже ярый проповедник горской независимости, председатель горского правительства Коцев, на одном из заседаний в порыве интимной откровенности заявил: «Слабые наши стороны нам не давали жить. Это грабежи и разбои, кои не дают нам ходу. Вот почему нас хотят умиротворять, вот почему хотят назначить генерал-губернаторов... Это и есть наше слабое место. «Если хотите самоопределяться, то обеспечьте свободное проживание гражданам» — вот что нам могут сказать»³.

Ляхову даны были указания относительно организации местной власти, и он стал осуществлять их практически с середины января. Само же «Положение» очень долго выработывалось детально в недрах комиссий. Особого совещания, претерпевало частичные видоизменения, и только к концу мая появился официально его проект.

В общем система управления намечалась следующая.

Высшая гражданская и военная власть в крае принадлежит главноначальствующему и командующему войсками, который по второй своей должности подчинялся непосредственно главнокомандующему Вооруженными силами Юга России, а по первой — Особому совещанию. При главно-

¹ Будущий атаман.

² «Протест Осетии», подписанный правителем Хабаевым и 9-ю членами совета. Осень 1919 года.

³ Из протокола заседания. Февраль 1919 г.

начальствующем состояли помощники, из которых один — по горским делам, выбираемый, как и члены Совета при нем, на общем горском съезде.

Территорию края составляют области Терского войска и Дагестанская, четыре горских округа — Кабарда, Осетия, Ингушетия, Чечня — и выделенные в особые административные единицы градоначальства: Владикавказское¹, Грозненское² и Минераловодский район³.

Терек получал широкую автономию, аналогичную той, которая была составлена для Кубани. «Терское войско, — говорилось в «Основных положениях», — пользуется правами автономии во внутренних своих делах и управляется в этом отношении на основании законодательных постановлений, издаваемых Войсковым кругом, при посредстве Круга, выборного войскового атамана, правительства и других органов, которые будут учреждены Войсковым кругом... Дела общегосударственные (перечень тот же, что для Кубани) разрешаются в порядке законодательства и верховного управления главнокомандующим Вооруженными силами Юга России; в порядке же подчиненного управления ведаются главноначальствующим Терско-Дагестанского края и иными подлежащими органами... В порядке военного управления Терское войско и его войсковое начальство подчиняются главнокомандующему Вооруженными силами Юга России. Распоряжения главнокомандующего приводятся в исполнение через командующего войсками в крае...»

Во главе каждой горской народности стоит правитель по выбору народа и при нем Совет, также из выборных. Они ведают делами местного управления, хозяйства и вопросами культурно-бытовыми. Сохраняются и шариатские суды. Правители подчиняются непосредственно главноначальствующему.

¹ Владикавказ — спорный пункт между тремя племенами.

² Общегосударственное значение нефтеносного района, находящегося в пределах Терека и Чечни.

³ Общероссийская здравница, созданная на государственные средства.

Круг деятельности этих органов точно установлен не был, и фактически горские племена пользовались полной самостоятельностью. Единственной государственной тяготой была для них платная поставка продовольствия расположенным в их районах войскам и обязанность выставить в действующую армию боевые части сообразно численности своего населения. Требование это диктовалось мотивами не военными, а исключительно политическими: не было иных средств, чтобы выкачать из аулов массу накопленного там оружия и беспокойные элементы и тем хоть до некоторой степени обеспечить общий внутренний мир в крае, и в частности Терское войско, ослабленное посылкой своих полков на север. Численность всех горских контингентов в рядах армии до конца мая не превышала 3—4 тысяч.

...

Терский Большой войсковой круг открылся 22 февраля.

Круг выслушал доклад генерала Ляхова о конструкции власти в Терско-Дагестанском крае, решения по этому вопросу не вынес, но выказал готовность всемерно поддерживать Добровольческую армию. Признал необходимым тесное объединение с Кубанью; избрал Малый круг в качестве «Комиссии законодательных предположений» для будущей сессии Войскового круга; утвердил временную конституцию края; избрал атаманом генерала Вдовенко, вручив ему полную военную и исполнительную власть, обязав лишь атамана и поставленное последним правительством «по вопросам законодательного характера, не терпящим отлагательств (займы, налоги и т. п.), обращаться за утверждением к Малому кругу». Вслед за сим, через 9 дней, Большой круг разошелся на неопределенное время, предоставив инициативу своего созыва Малому кругу и атаману.

При таких условиях началось соуправление двух властей — казачьей и добровольческой, обосновавшихся в Пятигорске. Недоговоренность взаимоотношений, ряд спорных вопросов, восходивших еще к периоду дореволюционному, происки кубанских самостийников, чрезвычайно чуткое, прямо болезненное отношение новых терс-

ких властей к своему престижу, чтобы он не был ничем ума-лен «против старших братьев — Дона и Кубани» — все это не могло не породить трений. К тому же генерал Ляхов был человек властный, крутой, с характером тяжелым и обращением резким, обламывавший, а не сглаживавший острые углы взаимных отношений. В результате после двухмесячного управления главноначальствующий в своем отчете¹ свидетельствовал:

«Приходится отметить постоянные неофициальные сношения (моего) управления с новой образовавшейся в крае властью в лице войскового правительства Терского казачьего войска. Непрерывно возникающие трения на почве резких выступлений указанного правительства по предметам, явно не подлежащим его компетенции (как, например, распоряжения в пределах Минераловодского района в области государственных финансов, передвижения грузов, закрытия границ Терской области; попытки захватить учреждения бывшего правительственного продовольственного аппарата), постоянно заставляют управление относиться с особой бдительностью к распоряжениям войскового правительства. Причем до последнего времени удавалось полуофициальным путем и переговорами с войсковым атаманом и его правительством улаживать все недоразумения. При этом войсковым правительством отменены все изданные им распоряжения, несогласные с общей конституцией власти, установленной Добровольческой армией.

Управление, однако, отмечает, что трения увеличиваются и могут быть весьма серьезными, в особенности в области земельного вопроса, который, по-видимому, предполагается казачеством к разрешению в благоприятном только для казаков смысле».

Ляхов правил этнографической мозаикой Северного Кавказа с большой энергией, в условиях крайне трудных. Восстановил суд, администрацию, правительственные учреждения. Создавал примирительные комиссии, форми-

¹ От 31 марта 1919 года, № 1276.

ровал войска и с февраля вел самостоятельно операции против большевиков и горцев¹. Центр наш медлил, отставая от быстро текущей жизни, и главноначальствующий вводил по собственной инициативе законодательные новеллы в области земельных отношений, акциза и т.д., иногда расходившиеся с политикой Центра. Так, управление его взяло на себя самочинно разрешение в административном порядке ходатайств о восстановлении владельцев земли и движимых имуществ в их правах — мера, создавшая почву для недовольства и обвинений против власти.

Правление генерала Ляхова продолжалось только три месяца, так как в марте произошел печальный случай, прервавший его служебную деятельность. Начальником конвоя главноначальствующего (или комендантом его штаб-квартиры), лицом, пользовавшимся его неограниченным доверием, был некто капитан Чайдоянц, состоявший ранее комендантским адъютантом штаба армии и удаленный с этой должности. Ляхова предупреждали не раз о сомнительной репутации Чайдоянца, но он не обращал на это внимания. Противодействовал даже задержанию Чайдоянца, когда тот был уже обличен. Следствие раскрыло такие картины провокации, арестов и садистских убийств с корыстной целью, связанных с деятельностью Чайдоянца, что косвенно репутация самого главноначальствующего была скомпрометирована, и он вынужден был оставить пост. Генерал Ляхов удалился от всякой деятельности и жил в глухом углу в окрестностях Батума, где было крайне неспокойно. Человек лично мужественный, Ляхов пренебрегал опасностью, не принимал никаких мер и при вторичном покушении на его жизнь был убит злоумышленниками.

...

На должность главноначальствующего 16 апреля был назначен генерал Эрдели.

Хотя новый главноначальствующий отличался большим тактом и известными дипломатическими способностями, но

¹ Кавказская Добровольческая армия перебрасывалась на север.

трения с терскими властями продолжались и у него; в особенности после того как в мае донское правительство односторонним распоряжением отпустило из ростовской экспедиции 80 миллионов Терску и тем уменьшило зависимость терского правительства от командования. Проект организации Терско-Дагестанского края, данный генералом Эрдели на заключение терскому правительству в середине мая, вызвал решительный протест последнего даже по основному вопросу о самом бытии «Терско-Дагестанской власти»... В «чрезвычайном» заседании по этому поводу терское правительство вынесло резолюцию¹:

«Область Войска Терского должна быть исключена из состава Терско-Дагестанского края с непосредственным подчинением войскового атамана Терского войска главнокомандующему Вооруженных сил Юга России генералу Деникину на равных основаниях с атаманами Донским и Кубанским. Поэтому проект закона об управлении Терско-Дагестанским краем к управлению территорией Терского казачьего войска не должен относиться. Это и должно лечь в основу переработки означенного закона во всей его совокупности, о чем и следует представить главноначальствующему Терско-Дагестанского края».

Терские правители и Круг желали, чтобы общерусская власть железным обручем сковала горские народы, и требовали особенно решительных военных мер против ингушей и чеченцев, угрожавших пределам области. Но вместе с тем настаивали, чтобы эта власть отнюдь не вмещивалась в суверенное существование Терека. В этом отношении они нашли полную поддержку в кубанских политических кругах, и первое чествование терских правителей в Екатеринодаре (27 мая) было ознаменовано речами, направленными против Добровольческой армии — «врага казачества», — против командования и в особенности против Особого совещания...

Такое одностороннее решение вопроса о построении кавказской власти было и несправедливо и неосуществимо. В

¹ Письмо председателя правительства от 13 мая 1919 года, № 2757.

записке, приложенной к приведенной выше резолюции и составленной по предложению Эрдели, терцы сообщали и ряд конкретных пожеланий: отдачу им Минераловодской группы, потому что с ней «политически тесно связаны казачьи станицы»; упразднение грозненского градоначальства, существование которого «со включением туда нефтяных казачьих земель создает у широких казачьих масс впечатление, что казачье достояние — промыслы — власть хочет оттянуть у Войска»; передачу «всего горного дела, в частности нефтяного, на территории Войска, как со стороны горнотехнического надзора, так и с хозяйственной... исключительно в ведение терского правительства»¹. К этим чисто экономическим требованиям присоединялось и военное — чтобы атаман являлся «прямым начальником всех терских войсковых частей, вне зависимости от места их нахождения, и ему принадлежало право инспектирования и всех назначений».

Терское правительство обосновывало свои «претензии на некоторую долю государственной власти... революционной неустойчивостью момента» и выражало даже некоторую угрозу: «Если этого не учитывать и не считаться с этими взглядами широких казачьих демократических и обще-

¹ В нашем проекте «Основных положений» вопрос о недрах трактовался следующим образом:

«IV. Недра земли в пределах Терского казачьего войска принадлежат их собственникам на основании прежде изданных по сему предмету законов. Пользование доходами с нефтеносных земель, принадлежащих Войску Терскому, сохраняется за ним на существующих основаниях.

V. Управление Грозненскими нефтяными, а также всеми другими горными промыслами на территории Войска Терского в техническом отношении, независимо от того, кто состоит владельцем их, принадлежит общегосударственной власти и осуществляется местным горным надзором, а через его посредство — центральным горным ведомством.

VI. Регулирование добычи нефти и правильного распределения ее в соответствии с интересами всей страны принадлежит общегосударственной власти».

ственных слоев Войска, то возможно серьезное коренное расхождение во взглядах и пагубный для обеих сторон разрыв... Дело в том, что процесс революционного строительства еще продолжается».

Если отбросить всю обязательную в то время «революционную» терминологию, камень преткновения лежал главным образом в некоторых экономических вопросах, к которым я и Особое совещание, оберегая общерусские интересы, относились, быть может, слишком ригористически. Все остальное было только декорацией. Угроза была неуместна по адресу армии-освободительницы и бессильна по существу. Ибо частичный даже увод весною частей армии с Кавказа на север для отражения большевиков, обрушившихся на нас с Царицынского направления, вызвал совместное представление и атамана, и главноначальствующего¹, рисовавшее такую картину:

«При наличии восстания «керменитов» в Осетии, при взаимной кровной ненависти терцев, с одной стороны, и чеченцев и ингушей — с другой, (при) ясно обнаруженных намерениях (большевиков) наступать на Кизляр и Св. Крест, увод 1-й Конной дивизии неизбежно приведет к сдаче (большевикам) Владикавказа, Грозного и Кизляра, что вызовет восстание всех горских народов и полный распад всего Терского казачьего войска, которое разбредется по станицам защищать свои пепелища».

Трения создавала, в сущности, только небольшая, но влиятельная часть псевдорадикальной и самостийной терской интеллигенции в правительстве и Круте², тогда как казачество было совершенно инертно, глубоко чуждо политической борьбе и сердечно расположено к Добровольческой армии. Города же всемерно вырывались из подчинения отдельской

¹ Телеграфный доклад по поводу переброски 1-й Конной дивизии.

² Немалую роль играл в этом деле и известный генерал Комиссаров, приписавшийся к одной из станиц и выбранный казаками членом Круга. В это время Комиссаров носил личину крайне правого и пользовался поддержкой этих кругов, враждебных одновременно и самостийности и командованию Добровольческой армии.

(уездной) казачьей власти, и городские самоуправления в конечном результате настояли на проведении выборного производства на основании закона Особого совещания. Даже революционная демократия, в образе «Севкагора»¹, в поисках выхода между «стремлением сословно-казачьих кругов растворить город в сельской казачьей массе, враждебной городской культуре», и «недоверием власть имущих кругов к Особому совещанию, установившему опеку над целесообразностью действий городских самоуправлений»², — склонялась явно на сторону второй комбинации.

Терский круг, собравшийся на вторую сессию в конце июня, просил меня прибыть на свое совещание, встретил и принимал чрезвычайно тепло. Говорили, что мой приезд уравновесил влияние кубанской делегации, работавшей весьма энергично против объединения Терека с командованием Добровольческой армии. Но в постановлении Круга о построении власти это отношение не проявилось. Круг стал на точку зрения правительства и отнесся отрицательно к предъявленной ему конституции Терско-Дагестанского края, подчеркнув особенно свое несогласие по вопросу о Грозном, Минеральной группе и о правах на недра. Территория Терской области управлялась поэтому до конца двумя властями (генерал Эрдели правил на основании положения о Терско-Дагестанском крае, атаман Вдовенко — применительно к Терской конституции) со всеми отрицательными последствиями такой сепаратной деятельности.

Было бы долго и затруднительно перечислять все те разногласия, которые возникали между терским правительством и командованием. Я приведу один лишь эпизод, характеризующий трагикомическое положение Владикавказской железной дороги, имевшей несчастье пересекать одиннадцать раз суверенные государства. В этом эпизоде, как в кривом зеркале, отражается вся лоскутная государственность Юга.

В июне—августе 1919 года имела место следующая переписка:

¹ Северокавказский союз городов.

² Резолюция пленума Севкагора Май 1917 года.

1. От начальника управления торговли и промышленности Терского войска — Управлению Владикавказской железной дороги, телеграмма 29 июня:

«Терское войсковое правительство, являясь высшим органом правления в Терской области, сохраняет за собой всю полноту власти и вместе с нею неотъемлемое законное право как такового в издании законов и распоряжений в области. Отмена и запрет на провоз товаров как по области, так и за пределы ее по разрешениям на то терского правительства лицами, не имеющими к нему никакого касательства¹, является незаконной, претендующей ограничить власть войскового правительства. А потому терское правительство требует в пределах Терской области исполнять распоряжения только войскового правительства. Производить отправки грузов за пределы области — по разрешениям на то правительства, а по области — без всяких разрешений. 806.

Уторгпром Орлушин».

2. От правителя Кабарды — Управлению Владикавказской дороги, сношение 3 июля, № 3799:

«Управлением дороги сделано распоряжение начальникам станций Нальчик, Докшукино, Котляревская, Прохладная, Солдатская и Муртазово, находящихся на территории Кабарды, не принимать никаких грузов без разрешительных свидетельств терского правительства.

... Настоящим ставлю Вас в известность, что... Кабарда есть самостоятельное административное управление, в своих правах равное терскому правительству, и одно лишь может запрещать или разрешать ввоз и вывоз в пределы и за пределы Кабарды. А потому означенное распоряжение прошу отменить; поставив в известность г-д начальников вышеупомянутых станций, и предписать им принимать товары к отправлению лишь по моим разрешениям и окружных Нальчикских управлений.

Генерал-майор князь Бекович Черкасский».

¹ Надо понимать — органы Особого совещания.

3. От помощника правителя Кабарды — Управлению Владикавказской железной дороги, сношение 10 июля, № 4999.

«Советом при правителе Кабарды установлен самый минимальный налог вывозимых из Нальчикского округа и ввозимых в таковой разных грузов... Вследствие этого прошу сделать распоряжение, чтобы вывозимые из Нальчикского округа и ввозимые грузы принимались для отправки и выдавались получателям по разрешениям Нальчикской окружной администрации.

За помощника по гражданской части N. N».

4. От генерала Эрдели — председателю Особого совещания, телеграмма 5 августа, № 4648, с просьбой:

«Сделать распоряжение и указать управлению Владикавказской железной дороги, что оно должно исполнять приказания общегосударственных властей, каковым терское войсковое правительство не является».

5. Главному начальнику военных сообщений отправлена предыдущая телеграмма с резолюцией генерала Лукомского:

«Что это за безобразие? Срочно прошу расследовать, отменить распоряжение и доложить. 7/VII.

6. От председателя Особого совещания — главноначальствующему Терско-Дагестанского края, сношение 8 августа, № 1011:

«Мною сего числа сделано соответствующее распоряжение главному начальнику военных сообщений.

Препровождая в копиях всю относящуюся к делу переписку, прошу распоряжений о беспрепятственном следовании грузов в пределах и из пределов вверенного Вам края.

Генерал Лукомский».

Так жили и правили власти Юга.

И только благодаря сознанию смертельной опасности в случае разрыва, отсутствию в массе терского казачества всяких самостийных тенденций, личным отношениям генера-

ла Эрдели с некоторыми терскими деятелями, в том числе с атаманом Вдовенко и председателем Круга Губаревым, наконец умеренности и общероссийским тенденциям атамана, государственный механизм на Кавказе мог работать в течение года; правда, с перебоями, но без потрясений, которые имели место на Кубани.

Но, стремясь к возможной независимости от власти Вооруженных сил Юга, Терек считал себя всегда неразрывной частью единой России, не вел, по крайней мере, с нею заблаговременно торга о пределах своих вольностей и не обеспечивал их требованием «федерации» или «конфедерации» — понятий столь ярко выдвинутых русской смутой и столь чуждых в устах коренной русской области по отношению к своей стране. Это значительно умеряло остроту терской фронды. А терское правительство, пройдя несколько месяцев горьким, тернистым путем власти, пришло к заключению:

«При такой обстановке (большевизма и восстания горцев) мысль о создании новых форм государственной и общественной жизни, в соответствии с выдвинутыми идеями местного самоуправления, замирает, так как приходится думать больше не о гражданском устроении жизни, а о защите свободы и физической безопасности граждан. Правильная сознательная работа возможна только в нормальных условиях спокойной мирной жизни»¹.

ГЛАВА XV

ТЕРСКО-ДАГЕСТАНСКИЙ КРАЙ В 1919 ГОДУ. МЕЖДОУСОБНАЯ БОРЬБА. МЕДЖИЛИС И АНГЛИЧАНЕ

Умиротворение горских народов шло своим чередом, встречая большие трудности.

Еще в мирное время жизнь на Кавказе местами была неспокойной, и кавказские пути сообщения требовали усиленной военной охраны. С выводом войск на фронт мировой войны, потом с началом революции и ослаблением

¹ «Программа Терского правительства» 10 ноября 1919 года.

центральной и местной властей положение стало еще хуже. Наконец, гражданская война, бесчисленные фронты, разрушение железных дорог, общее разорение и кровавые счета — все это произвело в крае небывалый хаос. Грабеж как занятие, пользовавшееся почетом на Кавказе, стал теперь обычным ремеслом, значительно усовершенствованным в приемах и «орудиях производства» — до пулеметов включительно. Грабили все «народы», на всех дорогах и всех путников — без различия происхождения, верований и политических убеждений. Иногда сквозь внешний облик религиозного или национального подъема хищным оскалом проглядывало все то же обнаженное стремление. Дороги в крае стали доступными только для вооруженных отрядов, сообщение замерло, и жизнь замкнулась в порочном круге страха, подозрительности и злобы.

Осетия и Кабарда присоединились к нам сразу и добровольно, созвали вскоре национальные съезды, избрали правителей и советы, установили вполне благоприятные отношения с главноначальствующим и Особым совещанием. Роль последнего в первое время ограничивалась почти исключительно денежными ассигнованиями на многообразные нужды этих округов и поддержку их культурно-просветительных начинаний. Внутренний мир и в них наладился не скоро: пришлось им подавлять оружием, подчас весьма жестоко, вспышки экстремистов¹, не утративших еще связей и симпатий к большевикам, и бороться с разбоями. В Осетии, по-видимому, самоуправление налаживалось и устанавливалось хорошее отношение к местной выборной власти. А из Кабарды не раз приходили жалобы на произвол старшин, взяточничество аульской администрации и самовольные взыскания с населения узденями убытков, понесенных во время господства большевиков.

Подчинившаяся официально Ингушетия жила фактически почти вне связи с русской властью. Не проявляясь активно, не прекращалось в ней брожение, подогреваемое

¹ Балкарцы — в Кабарде, керменисты — в Осетии.

извне постоянными сношениями с так называемым «горским правительством» и укрытыми в аулах после падения Владикавказа коммунистами, комиссарами, среди которых называли и «чрезвычайного комиссара» московского совнаркома Орджоникидзе. Формирование ингушских полков для Добровольческой армии не подвигалось, а вместо этого шло тайное формирование местных отрядов. Ингушетия по-прежнему представляла собой враждебный вооруженный стан, который считался с одним лишь аргументом — силой.

Иначе обстояло дело в Чечне и Дагестане, где мы встретили неожиданно противодействие со стороны одного из кочующих правительств (характерное порождение русской революции) — «Республики горских народов Кавказа» и... англичан. Избранный на 2-м горском съезде «Центральный комитет союза горцев» имел вначале узкую задачу — отстаивание общегорских интересов. Но после падения российского Временного правительства «горский союз, под влиянием фанатизма одних и честолюбивых замыслов других перешел сначала к чисто горской автономности, а позже — к независимому государственному образованию, требуя от всех признания своего суверенитета над территорией и над народами, населяющими во многих местах чересполосно с русскими и казаками Северный Кавказ. Эти политические стремления дали горским народам только междуплеменную вражду и иго большевиков в Терском крае». Так определяли впоследствии правитель и совет Осетии роль горского правительства, протестуя против домогательств последнего на власть¹.

После январских событий во Владикавказе горское правительство бежало в Тифлис и, оторванное от событий на Кавказе, частью рассеялось, частью — в лице кабардинца Пшемаха Коцева², чеченца Топы Чермоева³ и других — про-

¹ Цитированный выше «Протест Осетии».

² Человек с университетским образованием. Находился при кубанском правительстве во время Первого Кубанского похода.

³ Ротмистр конвоя Его Величества, владелец нефтяных промыслов в Грозном.

должало еще выступать в центрах восточной политики. Они побывали в Константинополе, призывая единоверных турок помочь им освободиться от «русского владычества»¹; они, явившись на Батумскую мирную конференцию в качестве «полномочных» представителей Северного Кавказа, всемерно поддерживали германо-турецкую дипломатию в ее захватных стремлениях против закавказской делегации... В Тифлисе они добивались у германского командования помощи ингушам (?), но осторожные немцы, кроме посылки во Владикавказ грузовиков с миллионом патронов и 3 тысяч винтовок, воздержались от прямого вмешательства в горские дела.

Вся дипломатическая, декларативная, публицистическая деятельность этого кружка носит следы специфической восточной хитрости и наивной хлестаковщины, производившей, однако, известное впечатление на несведущих иностранных представителей. Все, например, сложные эпизоды борьбы в Чечне и Дагестане, осложненные соревнованием советской власти, турок и англичан и их вооруженным воздействием, изображались горским правительством в таком виде: «К осени 1918 года правительством горским были очищены от большевиков вся Дагестанская область, Хасавюртовский и Чеченский районы Терской области, кроме Грозного. Правительство обосновалось тогда в Темирхан-Шуре»².

В середине ноября пала Турция, на Каспии появились англичане, и роль горского правительства, крепко связавшего свою судьбу с Турцией — без средств, без армии и без влияния, — казалось, должна была закончиться. Но 26 ноября горская делегация посетила в Баку английского генерала Томсона, обратилась к нему за помощью, и Томсон счел полезным для английских интересов поддержать существо-

¹ При председателе Чермоеве секретарем состоял турецкий офицер Терик-Джерил-Сазар, получавший инструкции из Константинополя.

² То есть после занятия Дагестана турками. Из официального «заявления», обращенного ко мне горской делегацией 10 февраля 1919 года.

вание горского правительства. Вот как об этом повествует Пшемах Коцев¹:

... «Когда анархия и развал коснулись и нашей окраины, то для меня стало ясно, что собственными силами и авторитетом мы не можем водворить у себя порядка. И вот все это время прошло в хлопотах за поисками этой внешней силы.

Хотя эти внешние силы были заняты собственными делами, все же они нам помогли как могли и снабдили военным снаряжением. Но одни силы ушли, а другие пришли. В тот самый момент, когда я собирался пробраться в залитую кровью Кабарду, я был приглашен в Баку главным английским командованием для переговоров.

Английское командование, признав впредь до всемирной конференции существование Горской республики и правительства, предложило мне организовать новое коалиционное правительство, которое действовало бы в единении с союзниками.

Согласившись в принципе, я отказался сделать это без народного доверия горских племен. С 18 по 22 (нового стиля) декабря происходил в Темирхан-Шуре съезд представителей Дагестана, Чечни, Осетии и нескольких кабардинцев. Это совещание вручило мне *всю полноту власти*, как от горского, так и от казацко-русского населения (!). После этого английское главное командование назначило при моем правительстве военную миссию во главе с полковником Роулинсоном, который уже приехал в Темирхан-Шуру».

Этими фактами определяется генезис новой власти «всего Северного Кавказа», восходящей, следовательно, к генералу Томсону и собранию случайных людей, проживающих вблизи Дагестана, так как в начале декабря вся Кабарда, Осетия, Ингушетия и половина Чечни находились во власти советов и фактически были отрезаны от

¹ Из послания Коцева Кабардинскому национальному совету от 10 декабря 1918 года.

Дагестана. Распространение этой власти на Терек обуславливалось договором, заключенным горским правительством с беженцами с Терека, проживавшими в Петровске и именовавшимися еще «Временным военным правительством казаков и крестьян Терского края». В силу договора область Терского войска должна была войти в состав Союза горских народов, причем «командование вооруженными силами договаривающихся сторон вверялось представителю держав Согласия на все время операции против большевиков»¹.

В письме своем к «горскому правительству Северного Кавказа», посланном 27 ноября и подтверждавшем данное горцам обещание признания *de facto*, Томсон говорил: «Вас больше всего интересует стать самостоятельной республикой... Эти вопросы будут разрешены мирной конференцией союзников... До этого времени у Вас есть полная возможность проявить Вашу способность к самоуправлению». В числе предъявленных Томсоном требований, между прочим, были: удалить турок с территории республики, устранить турецкую и германскую пропаганду и помочь союзникам в установлении связи «с армией генерала Деникина». Со своей стороны Томсон обещал «помочь всеми средствами народам Кавказа в их стараниях превозмочь те трудности, которые стоят перед ними».

Пока горское правительство, организовав бесчисленные министерства, заключало международные соглашения и собирало силы, на Северном Кавказе наступили известные события, и войска Кавказской Добровольческой армии 23 января овладели Грозным и 28-го — Владикавказом. После этих событий 10 февраля генерала Томсона посетила делегация в составе горского министра Малачиха-

¹ Договор, заключенный 10 декабря 1918 года и подписанный Чермоевым, Коцевым, Сапроновым, Киреевым. Подобный же договор по военной части был заключен и подписан 14 января бывшим диктатором Дагестана и военным министром Горской республики полковником князем Тарковским и командующим Терским отрядом генералом Колесниковым.

на и «представителя ингушского народа» Плиева, сообщила официально «о взятии *горскими войсками* Владикавказа и Грозного» и просила «содействия в прекращении наступательной операции Добровольческих частей»¹. Генерал Томсон выразил живейшую радость по поводу таких успехов горского правительства в борьбе с большевиками и особенно трогательно по адресу ингушей: «Я был весьма рад, — писал он Плиеву², — встретить сегодня и поздравить Вас как представителя ингушей с теми большими успехами, которые достигнуты последними в очищении своей родины от большевиков. Ингуши были очень лояльными друзьями союзников...»(!) Томсон выражал также уверенность, что у ингушей не будет никаких затруднений с войсками генерала Деникина... Одновременно Коцев обратился через генерала Эрдели, находившегося в то время по моему поручению в командировке в Закавказье (Баку), с ультимативным требованием «отвода частей Добровольческой армии с Владикавказского и других горских районов... В противном случае горское правительство снимает с себя ответственность за могущие произойти тяжелые последствия».

Пока происходила вся эта буффонада, горское правительство приступило и к прямым действиям. В Грозный, занятый войсками генерала Шатилова, 1 февраля явились «губернатор» и «командующий войсками», назначенные меджлисом, и пожелали вступить в управление городом и краем. Им было отвечено, что горское правительство не признано ни Добровольческой армией, ни большинством горских народов и что весь Терский край находится под управлением главноначальствующего генерала Ляхова. После того горское правительство вступило с нами в длительные и безрезультатные переговоры, послав делегацию во главе с «председателем союзного совета» Темирхановым в Екатеринодар³ и председателя пра-

¹ Официоз «Азербайджан», № 32.

² Письмо от 10 февраля (нового стиля) 1919 года.

³ Делегация демонстративно отказалась беседовать с генералом Ляховым, которому поручены были все сношения с горскими народами, потому и не была мною принята.

вительства Коцева — в Пятигорск к генералу Ляхову. Вопрос стоял на мертвой точке, так как обе стороны ставили непримиримые условия: меджлис добивался очищения Добровольческой армией «территории союза горцев Северного Кавказа»¹, причем Коцев предполагал созвать общегорский съезд, который должен был определить дальнейшую судьбу края... Командование во избежание кровопролития через генерала Ляхова требовало прекращения агитации и сложения с себя власти горским правительством, после чего будет созван генералом Ляховым съезд, перед которым членам «правительства» будет предоставлена возможность дать отчет в своей деятельности. Съезд изберет помощника главноначальствующего по горским делам и членов совета, и горским племенам будет предоставлено широкое внутреннее самоуправление.

Все послания горского правительства кончались неизменно угрозами, подкрепленными ссылками на единomyслие с ними Англии и на ее помощь, а также на содействие Азербайджана. Коцев прислал нам и копию ноты «союзного» правительства Азербайджана, адресованной Томсону².

«Народы Кавказа имеют полное основание думать, что целью и задачей Добрармии является борьба с анархией и большевизмом в России, а не дерзкие посягательства на стремление народов к свободе и попрание их прав на самоопределение, признанных за ними всеми великими державами в Европе и Америке. С этой точки зрения вышеуказанные акты вопиющего насилия над волей и суверенными правами дружественных Азербайджану горских народов Кавказа не могут не вызывать самого горячего протеста со стороны азербайджанского правительства... Правительство, конечно, сочтет себя обязанным всеми

¹ Теоретически в нее входили этнографические пределы Абхазии (Сухумский округ, занятый Грузией), земля черкесов (Кубанской области), Осетия, Кабарда, Чечня, Ингушетия и Дагестан.

² Нота от 6 марта 1919 года, подписанная «министром-председателем ханом Хойским».

доступными ему средствами прийти на помощь горским народам».

Нота заканчивалась настоятельной просьбой «принять решительные меры к быстрейшему удалению войск Добровольческой армии из пределов республики».

Одновременно послана была специальная миссия в Грузию, и первым результатом ее была нота Гегечкори английскому командованию, в которой также был выражен «категорический протест» против нарушения Добровольческой армией «принципа самоопределения народов и покушения на независимость Горской республики; признание или непризнание коей всецело зависит от решения всемирного конгресса».

По примеру других potentatov и коцевское правительство послало «делегацию на мирную конференцию»¹, и вскоре в европейской прессе появились удивительные рассказы «из официальных источников» об истории кавказской борьбы и жизни горских народов.

Тем временем горское правительство продолжало развивать на Северном Кавказе сильнейшую агитацию, нашедшую отклик в сопредельной с Дагестаном Чечне и отчасти в Ингушетии.

Не имея своей вооруженной силы (дагестанские формирования были ничтожны), правительство обратилось к системе подкупа шейхов и главарей Чечни сообразно их влиятельности; снабжало деньгами, оружием и боевыми припасами чеченские аулы, в которых начали организовываться и красногвардейские отряды (аулы Гойты и Шали) из большевиков, укрывшихся в Чечне после разгрома фронта. В союзном совете (парламенте) в Темирхан-Шуре раздавались речи, дышавшие ненавистью к России («под гнетом которой изнывали горские народы»), к Добровольческой армии (история, цели и образ действий которой подвергались полному искажению), и в частности — к «генералам, бывшим царским сатрапам, которые

¹ В составе Парижской делегации (март) были Чермоев, Гайдаров, Хадзаров и Баммат («министр иностранных дел»).

будут скоро разбиты и будут валяться в прахе»¹. Эти речи распространялись по Чечне и Ингушетии вместе с личными призывами членов совета и правительства, посещавших аулы и чеченские съезды и обещавших вооруженную помощь Дагестана и Азербайджана.

Интересно, что стремления горского правительства всецело поддерживались кубанскими самостийниками. И однажды в органе кубанского краевого правительства «Вольной Кубани»² мы прочли обстоятельную статью о том, как большевистская анархия была занесена на Терек «самим терским казачеством еще в 1918 году с Моздокского народного съезда, устроенного некоторыми безответственными кругами терского казачества с явной целью борьбы с ингушами и чеченцами». И как это нехорошо, что Добровольческая армия, «не ограничиваясь своей задачей наказания казацко-осетинских большевистских элементов, внесших разруху в Терскую область, повела борьбу в сторону уничтожения Горского союза и горской объединенности...»

Такое отношение не мешало, однако, кубанским самостийникам пользоваться влиянием среди терского правительства и Круга.

Дважды назначенный в Грозном съезд чеченских представителей не состоялся ввиду отказа большевистских органов прислать своих поверенных. Чечня волновалась, район Грозного становился непроезжим, повсеместно участились нападения и обстрелы; вместе с тем чеченцы прервали железнодорожное сообщение с Петровском, произведя крушение двух рабочих поездов. Начиналось серьезное восстание, центром которого стал аул Гойты, верстах в 25 от Грозного.

Наше почти двухмесячное выжидание было понято горцами как слабость. Между тем стратегическая обстановка на Дону и Маныче требовала спешной переброски возможно больших сил на север. Медлить дольше не представлялось возможным. Переговоры были прерваны, и решение вопроса предоставлено силе оружия.

¹ Из речи председателя совета Темирханова.

² 20 июня 1919 года, № 133.

16—23 марта сильный отряд, в составе кубанских и терских казаков, под начальством генерала Драценко, нанес особенно тяжелое поражение чеченцам у аула Алхан-Юрта, где они потеряли до 1000 человек. Бои сопровождались жестокостями с обеих сторон и разрушением нескольких аулов. Потрясенные этой неудачей чеченцы грозненского округа начали присылать со всех сторон делегации с изъявлением покорности, и генерал Ляхов в третий раз назначил на 28 марта чеченский съезд, пригласив присутствовать на нем и Коцеву. К назначенному дню я приехал в Грозный совместно с английским представителем генералом Бриггсом. Коцев не приехал. По-видимому, он считался в своей среде слишком умеренным. Горский совет командировал в Грозный трех лиц во главе с ярким русофобом и полубольшевиком своим председателем Каплановым для переговоров с командованием. Но делегация, узнав о событиях в Чечне, задержалась в ауле Шали, не решаясь проехать в Грозный. Из Шали Капланов сообщил мне в Грозный, что «никакие переговоры с отдельными племенами или селениями не имеют в глазах Горского союза никакой определенной силы». Не признавая вовсе прав горского правительства, командование, в свою очередь, не могло входить с ним в обсуждение участи кавказских племен. Да и дальнейшие разговоры, как оказалось, были бы совершенно бесполезными, ибо инструкция, данная делегации на секретном заседании совета, гласила: «1) Потребовать от Добровольческой армии очищения всей горской территории; 2) никакого сотрудничества с армией генерала Деникина; 3) роспуск всех мобилизованных горцев»¹.

Среди народных избранников — вероятно, лучших представителей аулов² — царила беспросветная тьма. Никакими ни политическими, ни религиозными побуждениями нельзя было объяснить народное брожение. Оно питалось исключительно самыми нелепыми слухами, извращениями фактов. Чеченцы с одинаковым недоверием относились и к меджи-

¹ Это мы прочли позднее в официозе «Вестник Горской республики» от 12—16 апреля (нового стиля) 1919 года.

² Собрались уполномоченные всего Грозненского округа и пяти аулов Веденского.

лису, и к добровольческой власти, и совершенно не шли дальше прикладных интересов своих аулов. Пожалуй, большую симпатию они питали к большевикам, которых укрывали в своих саклях и которые не препятствовали, когда были в силе, их расправам с местным русским населением и терскими казачками. Они боялись мести. И теперь, когда в разосланном по аулам отгиске речи Коцева они прочли, что «в Терскую область назначается генерал-губернатор из казаков»¹, — это известие повлияло на них больше, нежели призывы меджлиса к построению Горской республики. Велика вина крайне немногочисленной туземной интеллигенции, которая в большинстве своем на всех стадиях русской смуты не работала в реальных интересах своего народа, а превратила этот народ — темный, совершенно инертный в политическом смысле, не вышедший из рамок средневековья по культуре, — в орудие своих политических или личных честолюбивых целей.

Я говорил чеченцам о мире, о том, что никто не посягает на их земли и промыслы. И если порвать с Россией и допустить, что все народы Кавказа будут жить своей собственной жизнью, не считаясь со своими соседями, то кроме резни ничего не выйдет. Повторил требования, предъявленные генералом Ляховым, невыполнение которых вызвало тяжелые репрессии². Генерал Бриггс говорил о содействии, оказываемом Англией Добро-

¹ Этот пункт Коцев прибавил от себя в перечне ультимативных требований, предъявленных генералом Гейманом ингушскому народу. Ни Ляхов, ни Эрдели не принадлежали к казачьему сословию.

² 1. Подчиниться управлению Добрармии, сохраняя внутреннее самоуправление.

2. Выдать красноармейцев — главарей большевиков и абреков.

3. Выдать артиллерию и пулеметы.

4. Выдать все награбленное и увезенное в Чечню красноармейцами. Возвратить все похищенные железнодорожные материалы.

5. Доставить в ближайшие станции и в аул Алды продовольствие для войск за справедливую плату.

6. Возвратить разграбленное имущество НовоГрозненских промыслов.

7. Возвратить жителям Грозного все свезенное в Чечню на хранение их собственное имущество.

вольческой армии; и советовал «дать возможность исправить железную дорогу, прекратить междоусобицу и помочь генералу Деникину в борьбе против большевиков».

Собрание после краткого совещания вынесло постановление выполнить предъявленные условия.

Но мир долго еще не устанавливался.

Под влиянием темных слухов и не раз благодаря насилиям, чинимым казачьими отрядами во время усмирений, началось усиленное движение чеченцев с семьями и имуществом из плоскостной Чечни на юг в горы. Там собрался весь беспокойный элемент, образовались крупные шайки абреков, державшие под постоянной угрозой наши малочисленные гарнизоны. Горское правительство продолжало агитацию и посылало в нагорную Чечню мелкие дагестанские отряды и азербайджанских добровольцев. Правда, окончились эти попытки неудачно: аул Шали, где собрались дагестанцы, был обложен нами, и жителям было предложено разоружиться и удалить иноплеменную помощь под угрозой разрушения аула. Требование было выполнено. А возле Гудермеса 13 апреля произошло даже кровавое столкновение между чеченцами и их непрошеными защитниками, когда дагестанский отряд отказался покинуть чеченский аул. Не раз происходили также междоусобные бои между самими чеченцами; одними — желавшими мира, и другими — насильственно поднимающими аулы к восстанию.

Восстания сменялись усмирениями, усмирения восстаниями, все эти события сопровождались неизбежными актами жестокости и произвола, поддерживая психологию мести и раздражения. Борьба с произволом можно было только поборов сопротивление и достигнув искреннего примирения.

А его не было.

...

На пути нашем к Каспийскому морю лежал *Дагестан* — край наиболее бедный по природным условиям, наиболее мирный по характеру своего населения (лезгины) и почти не имеющий своей интеллигенции¹. В крае, лишенном со-

¹ Одно время на должность областного комиссара был приглашен осетин Шаханов.

вершенно экономических предпосылок отдельного существования, наступил экономический кризис и полное бюджетное банкротство — обстоятельства, осложненные воинствующей и беспочвенной политикой меджлиса.

Положение меджлиса становилось все более безнадежным. Горское правительство меняло своих министров, писало отчаянные ноты «своим народам», союзникам и англичанам и объявляло всеобщую мобилизацию (18—30-летних) для борьбы против Добровольческой армии, «посягающей на нашу свободу и завоевания революции». Но создание серьезной вооруженной силы решительно не удавалось¹. Англичане принимали участие в командовании «союзными силами республики», но свои силы считали совершенно нейтральными, призванными только «охранять порядок». Терский отряд Колесникова, расположенный в Петровске, при первом же соприкосновении с частями Добровольческой армии был двинут на соединение с нею в направлении Кизляра. «Союзники» дали денег (Азербайджан, 12 миллионов), боевые припасы (Грузия), но войск прислать не могли. Мобилизация не прошла совершенно; формирование красноармейских частей из большевиков, осевших в Чечне и Дагестане, и вообще широкое покровительство большевикам восстановило против горского правительства всю буржуазию и туземное офицерство. В конце апреля местная военная партия произвела аресты в Темирхан-Шуре 36 видных большевиков и препроводила их в тюрьмы Петровска при бессильных протестах правительства и совета.

...

В Петровске находился еще в весьма оригинальном положении отряд из трех родов оружия генерала Пржевальского, числившийся в Добровольческой армии. История его интересна для характеристики англо-русских отношений.

Командующий английским флотом Черного моря адмирал Сеймур, признавая русские силы в Баку подчиненными

¹ Под командованием полковника Хабаева — Дагестанский конный полк, Чеченский и Кумыкский дивизионы.

командованию Юга, в начале января обратился ко мне с просьбой «отдать генералу Бичерахову приказ снять с судов Каспийского моря русские команды сплошь зараженные большевизмом и угрожающие связи англичан с Петровском». Я послал телеграмму генералу Эрдели, бывшему тогда в Закавказье, на месте ознакомиться с положением дела и принять надлежащие меры. Связь с Баку (через Грузию) была очень затруднительна, и только 6 марта, *post-factum*, мы узнали о происшедших там событиях.

Приехав в Баку 22 января, генерал Эрдели застал следующее положение. Томсон, ввиду полного разложения отряда Бичерахова и тех осложнений, которые вызывала его деятельность, полупринудительно заставил его покинуть Баку под предлогом почетной командировки в Англию и назначил его заместителем генерала Пржевальского. Одновременно Томсон закрыл кредиты на содержание отряда, обходившегося англичанам в $1/2$ миллиона рублей в день, отпустив только 3 миллиона на его ликвидацию. Эрдели, считая желательным сохранение на Каспии хоть небольшой русской силы, решил использовать этот отряд, приняв его в состав Добровольческой армии, и утвердил генерала Пржевальского в должности начальника войск Прикаспийского района с подчинением его Ляхову.

Но вместе с тем Томсон заявил, что ни стоянка, ни формирование русских добровольческих частей в зоне оккупации англичан не допускаются. Эрдели протестовал, и вопрос поступил на разрешение генерала Мильна.

Тем временем генерал Пржевальский приступил к реорганизации отряда. Большая часть его числилась только на бумаге (10 тысяч) и фактически дезертировала; негодный элемент был уволен; часть была направлена на службу в Закаспий. Из остального состава начаты формирования в Баку и Петровске.

Труднее обстояло дело с флотилией¹, которая после ликвидации «каспийского правительства» и отказа подчиниться Пржевальскому оказалась фактически никому не подчиненной, не имеющей ни средств, ни кредитов. Комитет

¹ Две канонерки, «Карс» и «Ардаган», и 5 вооруженных пароходов.

флотилии «Центрокаспий» после долгих переговоров с генералом Эрдели заявил, что флот согласен подчиниться добровольческому командованию, но лишь в тактическом отношении, оставляя свой внутренний распорядок — с советами, комитетами и прочими атрибутами «революционной дисциплины». Генерал Эрдели требовал полного подчинения и полной реорганизации личного состава. Поэтому неизбежно предстояла насильственная ликвидация строптивной флотилии тем или иным путем.

Бакинский революционный пролетариат, находившийся в полном единении с судовыми командами, волновался. На заседании бакинской рабочей конференции при обсуждении судьбы флотилии поставлен был вопрос: «Деникину, в Астрахань или в Азербайджан?». Первое невозможно потому, что «Деникин борется с демократией всей России и есть зло во всероссийском масштабе»; второе невозможно технически, так как все каспийские порты в руках англичан, а астраханский рейд замерз... И конференция склонилась к третьему решению, полагая, что «Азербайджан — болезнь местная, в нем может взять власть в свои руки демократия... и добиться признания необходимости воссоединения с Россией и согласия на нейтрализацию флота»¹.

Англичане, однако, думали иначе. Томсон требовал от Эрдели скорейшего разоружения флотилии русскими руками, чтобы отвести от себя одиум этого мероприятия. Но вместе с тем предупреждал, что суда после спуска команд, оставаясь русской собственностью, укомплектованы не будут «до более благоприятного времени» ввиду отсутствия гарантии благонадежности нового состава.

Эрдели для сохранения за нами судов до присылки укомплектования от Черноморского флота решился на насильственное разоружение; но встретил неодобрение со стороны всех войсковых начальников, указывавших на неспособность своих частей, невыполнимость задачи без участия англичан и бесполезность этого шага ввиду полученных от разведки сведений, что англичане по настоя-

¹ Отчет из газеты социал-демократов «Искра».

нию азербайджанского правительства решили безотлагательно удалить из Баку русские войска.

После ряда бесплодных переговоров был получен от Томсона ультиматум¹: «К 12 часам следующего дня разоружить флот; в противном случае всем русским добровольческим частям к 16 часам того же дня покинуть г. Баку, а к 24 часам — и пределы Бакинского генерал-губернаторства».

Генералы Эрдели и Пржевальский сочли себя вынужденными подчиниться последнему требованию, заявив протест против самого факта вывода русских войск и ничем не оправдываемой краткости срока, указывая, что «такие действия принесут неисчислимый моральный и материальный ущерб делу борьбы Вооруженных сил Юга России против большевиков».

Генерал Пржевальский с войсковыми частями перешел в Петровск, не успев захватить все войсковое имущество и обозы, большинство которых попало в руки азербайджанских властей. А 16 марта от генерала Томсона последовало новое требование: петровскому отряду в кратчайший срок покинуть Дагестанскую область. Генерал Пржевальский ответил решительным отказом, заявив, что он исполнит приказ только своего начальства.

Каспийская флотилия между тем была разоружена англичанами без кровопролития, одной лишь угрозой потопления судов английскими истребителями. И в то время, когда уходили из Баку русские войска и уже покорно разоружались буйные матросские команды, к генералу Томсону обратились делегаты революционной демократии² с изъявлением своего запоздалого патриотизма. «Всякое действие, — говорили они, — против российской армии, хотя бы и Добровольческой, и Каспийского флота бакинским пролетариатом рассматривается как действие против России». Делегаты, предполагая, что флот стоит еще в боевом порядке, по словам отчета, «го-

¹ № 474.

² Президиумы рабочей конференции, профессиональных союзов и социалистических партий. Из отчета газеты социал-демократов «Искра».

ворили с Томсоном твердым революционным языком», а он в ответ им «улыбался»...

Все эти события произвели в Екатеринодаре удручающее впечатление. Дело было уже непоправимо. Я предписал генералу Пржевальскому отнюдь не уводить войск из Петровска, обратился с протестом к английскому правительству, указав, что «отдача распоряжения, касающегося вооруженных сил, находящихся в моем ведении, без моего согласия является актом, враждебным Добровольческой армии». Вместе с тем я стал еще более настойчиво добиваться воссоздания русской каспийской флотилии, что при содействии генерала Бриггса и личного воздействия на адмирала Сеймура удалось выполнить только в июне...

Таким образом, в Петровске, на территории враждебного нам горского правительства, при молчаливом непротивлении англичан, находился русский отряд, непосредственно подчиненный полковнику Плотникову¹, силою до 2¹/₂ тысяч, имевший задачей восстановление железнодорожного сообщения по линии Петровск—Грозный.

...

В апреле положение горского правительства окончательно пошатнулось. Началась железнодорожная забастовка на экономической почве, с предъявлением требования к правительству об уплате 12 миллионов рублей. Участились крупные трения, интриги, борьба самолюбий и честолюбий внутри самого правительства и союза, особенно с дагестанской фракцией его, тяготившейся все больше пришедшей и слишком дорого обходившейся народу властью. По существу власть эта не распространялась далее Темирхан-Шуры. Дагестан жил своей жизнью, объединяясь вокруг своих шейхов и мулл, попадая не раз под влияние натур неуравновешенных, фанатиков и авантюристов. И тем не менее население Дагестана не теряло тяготения к русской власти.

¹ Генерал Пржевальский объединял командование над отрядами генерала Колесникова, полковника Плотникова, и даже, до полного разрыва с меджилисом, ему подчинялся горский отряд Хабаева.

В поисках выхода горский парламент стал стремиться к политическому объединению с Азербайджаном «во имя защиты религии и самобытности Дагестана».

К маю сознание невозможности продолжать такое существование стало всеобщим. 26 апреля в селе Ишкары собрались старшины и судьи Верхнего Дагестана для обсуждения вопроса о помощи чеченцам и объявления гавата. На бурном заседании этом была вынесена резолюция: «1) Не объявлять войны Добровольческой армии; 2) войска, города и берег моря передать Добровольческой армии, с тем, чтобы дагестанцам остался их закон; 3) послать в Шуру представителей от беков и духовенства и предложить правительству присоединиться к (этому) постановлению или сложить власть, передав ее новым выборным лицам».

Под влиянием всех этих обстоятельств горское правительство 2 мая в полном составе вышло в отставку. Формирование нового было поручено генералу Халилову¹, который и приступил к составлению «военного кабинета».

...

Все эти события находили весьма серьезное отражение в дипломатических сношениях наших с Англией.

В Екатеринодаре пребывал представитель при Добровольческой армии генерал Пуль; в Тифлисе — генерал Форестье-Уоккер, начальник экспедиционного корпуса (27-я и части 13-й и 89-й дивизий), оккупировавшего Закавказье и Закаспий и насчитывавшего в своих рядах 15—20 тысяч. В подчинении Уоккера находились начальники войск генералы Моллисон², Томсон и Коллис — в Закаспии, Баку и Батуме. Над Пулем и Уоккером стоял генерал Мильн — главнокомандующий английскими войсками на Востоке, пребывавший в Константинополе. Сменивший Пуля генерал Бриггс, находившийся в известной связи с генералом Мильном, подчинялся непосредствен-

¹ Принадлежал к группе, проводившей идею самостоятельности Дагестана.

² Летом 1919 года части Моллисона находились в Мешедде, Асхабаде и Красноводске.

но английскому военному министру Черчиллю. В этой сложной схеме явно различались две совершенно несхожие линии английской политики — екатеринодарская и тифлисская, русофильская и русофобская. Несомненно, это расхождение инсценировано было Лондоном для проведения двойственной политики: задачи преграждения большевистского потока, угрожающего Европе, и закрепления британского экономического влияния в Закавказье. Для меня, однако, также несомненно, что те лица, которые последовательно представляли Англию в Екатеринодаре. — генералы Пуль, Бриггс и Хольман, люди большого благородства и солдатской прямоты, не были причастны к кривым путям дипломатии, и деятельность их вытекала из искреннего доброжелательства к России, находясь в то же время в полном соответствии с правильно понимаемыми интересами их отечества.

Расхождение началось с первых же дней. Генерал Томсон издавал обращение «К народам Северного Кавказа», обещая им вооруженную помощь от Англии и устроение судьбы от союзной конференции¹; возрождал из пепла горское правительство, на знамени которого написано было «самостоятельная республика»; назначил полковника Роулинсона командующим горско-терскими формированиями и от имени своего правительства устанавливал зону английского влияния к югу от линии, проходящей через Петровск по северо-западной границе Дагестана и далее по Кавказскому хребту. Назначение поэтому Ляхова главноначальствующим Терско-Дагестанского края он считал вмешательством в сферу английского влияния...² Я протестовал, и Пуль, всецело поддерживая меня, «просил пересмотреть решение о поддержке искусственного образования, предоставив формирования в Дагестане единому командованию Добровольческой армии», и тд.³

3 февраля приехал в Екатеринодар генерал Бриггс, сменивший Пуля, и привез ответ, что командировка генерала

¹ Прокламация от 8 декабря 1918 года.

² Доклад генерала Эрдели о беседе с Томсоном 24 января.

³ Сношение от 7 декабря (Пуля) и телеграммы 31 декабря («Бритфорс») и 4 января (Пуля).

Добровольческой армии на Каспий для формирования противобольшевистских войск не встречает препятствий, так как «это действие на Северном Кавказе не входит в задачи английских войск и должно быть передано генералу Деникину. Но последний не должен вмешиваться в район к югу от линии Кизил-Бурун—Закаталы—Кавказский горный хребет—Туапсе»¹.

Таким образом, устанавливалась английская оккупация всего Закавказья.

Ввиду того что Англия, вопреки первоначальным заявлениям, отказалась двинуть свои войска против большевиков, а территория Закавказья была уже свободна от турок и германцев, такое решение лишено было всяких стратегических обоснований. Оно могло быть продиктовано мотивами только политико-экономическими: грузинский марганец, бакинская нефть и нефтепровод Баку—Тифлис—Батум сами по себе определяли вехи английской политики и английского распространения. Но этим обстоятельством далеко еще не исчерпывалось значение и ценность Закавказья. На очереди стояло объявление английского протектората над Персией, и Закавказье являлось естественной преградой против России и территорией, по которой пролегают пути, идущие из северной Персии к открытому морю через главный выход — Батум².

Закавказских английских представителей решение это, очевидно, не вполне удовлетворило. Генерал Томсон, заняв одним батальоном Петровск, продолжал оказывать моральную поддержку горскому правительству и принимал реальные меры к вытеснению русского влияния и русских формирований с Прикаспия. Вместе с тем он сообщил мне через генерала Эрдели³, что согласно полученным инструк-

¹ Телеграмма военной миссии 1 февраля 1919 года, № 74791; письмо генерала Бриггса 6 февраля и выборка из перечня сношений английской миссии. Эта линия проходила по южной границе Дагестана.

² Джульфа—Батум, Энзели—Баку—Батум.

³ Телеграмма от 25 января, № 85.

циям «все русские заводы, железные дороги и учреждения перешли к Азербайджану» и что «смотреть на Баку и Дагестан как на нашу (русскую) базу мы не можем». Это обстоятельство вызвало вновь представление генерала Бриггса своему правительству о необходимости соблюдать установленную разграничительную линию¹ и мой протест.

«Такая постановка вопроса, — писал я², — приводит не к объединению России, а к ее расчленению, лишает меня базы для противодействия наступлению со стороны Астрахани и связи с Уральским фронтом и Закаспийской областью. Если бы на такую точку зрения в отношении русского государственного добра, и в частности железных дорог, стали все мелкие случайные правительства, образовавшиеся на территории Русского государства, борьба Добровольческой армии была бы бесцельна и немыслима...»

Вслед за сим 11 марта пришел телеграфный ответ из Лондона, всецело подтверждавший точку зрения Уоккера — Томсона и притом в форме угрожающей. В нем говорилось³:

«Генерал Бриггс должен объяснить генералу Деникину, что:

1. В ответ на полное сочувствие, которое питается к нему в его усилиях освободить Россию от большевиков и которое проявляется не только на словах, но и на деле присылкой оружия, снаряжения и обмундирования в большом количестве в Новороссийск, от него ожидается, что он будет лояльно придерживаться общей политики союзников по отношению к маленьким государствам. Великобритания не намерена оставлять свои войска на Кавказе. Ее войска были посланы туда для приведения в исполнение условий перемирия и сохранения мира. Часть этой задачи уже исполнена с изгнанием немцев и турок. Что касается до второй, то генерал Деникин должен понять, что временное присутствие союзных войск в Закавказье обеспечивает его от на-

¹ 13 февраля 1919 года.

² 22 февраля 1919 года, № 293.

³ Копия телеграммы, присланной генералу Драгомирову при сношении британской миссии от 11 марта, № 154.

падения с тыла и дает в руки союзникам Каспийское море. Эти факты должны бы повлиять на него сосредоточить все возможные силы против большевиков в России. Вопрос об окончательном устройстве Кавказа во всяком случае не может быть решен до восстановления порядка в России, и Деникину следовало бы избегать всякого действия, предрешающего этот вопрос.

2. Поэтому его войска не должны были бы вступать в Дагестан, кроме как в случае действительных военных операций против большевиков, и его надо очень просить серьезно пересмотреть вопрос о назначении генерала Ляхова губернатором этого края. Правительство Его Величества смотрят на это назначение с большим неудовольствием. Линия, указанная в телеграмме Военного министерства за № 74791 от 1 февраля с. г., относилась всецело к действиям против большевиков.

3. Важно, чтобы генерал Деникин избегал всяких действий, военных или других, могущих увеличить существующее трение между его приверженцами и грузинами и другими кавказцами. С другой стороны, будут приложены все усилия, дабы эти народы сохранили нейтральное положение.

4. Полагаю, что теперь блестящая победа его войск на Тереке устранила большевистскую опасность в этом направлении. Генерал Деникин имеет возможность, если он будет снабжен необходимым военным материалом, нанести совместно с адмиралом Колчаком решительный удар большевизму, и было бы весьма прискорбно, если бы своим нетерпением и беря направление, ни в каком случае не приемлемое для Великобритании, он принудил Правительство Его Величества отказать ему в своей поддержке и остановить отправку ныне посылаемых запасов».

Из этого ультиматума, устраняющего нас от Каспийского моря, мы могли заключить, что вежи английского распространения намечены гораздо далее Закавказья: Петровск—Баку—Энзели — это уже ключи к обладанию Средней Азией, Красноводск — путь к закаспийскому хлопку...

Генерал Романовский по этому поводу беседовал с генералом Бриггсом, изложив ему вновь причины, побуждающие нас стремиться к Каспийскому морю и не допускающие мириться с существованием в Дагестане очага брожения всего Северного Кавказа — горского совета и правительства. Указывал на то, что особой нужды в «обеспечении от нападения с тыла» нет, ибо закавказские образования и горское правительство без содействия Англии для нас не представляются опасными.

Из последующих бесед своих с генералом Бриггсом и приехавшим в Екатеринодар 10 апреля главнокомандующим генералом Мильном, отнесшимся с большим вниманием к нуждам армии и нашему военно-политическому положению, я вынес впечатление, что оба они разделяют стратегические мотивы нашего стремления к Каспию. Во время совместной с генералом Бриггсом поездки в Чечню я сообщил ему доверительно, что отказаться от занятия Дагестана я не могу; однако же, избегая осложнений с английским командованием в Дагестане, я займу эту область только тогда, когда обстановка будет благоприятствовать мирному разрешению вопроса.

Но 11 апреля старший английский начальник в Петровске обратился к председателю горского правительства с письмом, которое проникло скоро в кавказскую печать и привело нас в полное изумление:

«Я получил приказание передать следующее правительству Горской республики. На британское предложение Деникин согласился не продолжать операцию, и не будет наступать на Дагестан. Генерал Ляхов будет смещен¹. Генерал Деникин сам устроил *modus vivendi* с чеченцами, ингушами, балкарцами и осетинами, и мир восстановлен в ожидании мирной конференции, которая решит вопрос о независимости и границах Горского государства. В ответ на это горское правительство должно позволить Добровольческой армии пользоваться Петровским портом как средством для укрепления Гурьева...»

¹ Отставка Ляхова, вызванная причинами, о которых я писал выше, досадно совпала с этим письмом.

В заключение говорилось, что «всякое нападение на генерала Пржевальского (в Петровске) будет объяснено британским командованием как враждебный против него акт».

Это искажение наших целей и намерений; носящее как будто следы доброжелательства, укрепляло пошатнувшееся окончательно положение горского правительства, вызвало с нашей стороны новые протесты и побудило генерала Бриггса послать в газеты опровержение, в котором он удостоверял, что «командующий британскими войсками в Петровске не имел никакого права делать заявления, подобные опубликованным, так как таковые лишены всякого основания»¹.

...

Невзирая на все противодействия, стратегическая директива вооруженных сил Юга ставила командующему войска Терско-Дагестанского края задачу ясную и определенную: «Продолжать очищение Северного Кавказа до линии Кизил-Бурун—Закаталы—Кавказский хребет, прикрывать пути от Астрахани вдоль побережья Каспийского моря и на Св. Крест и иметь наблюдение за побережьем Каспийского моря, не допуская десанта противника».

Необходимо было лишь дожидаться подходящего момента.

В начале мая обстановка сложилась окончательно в нашу пользу: Верхний Дагестан высказался за приход в область Добровольческой армии, весь Хасавюртовский округ заявил о своем подчинении, и горское правительство Коцева—Капланова пало. Грозненская колонна генерала Драценко продвигалась вперед без единого выстрела со стороны дагестанцев и 8 мая, совершив последний переход по железной дороге, появилась неожиданно в Петровске, приветствуемая восторженно всем русским населением города. 10-го генерал Драценко занял мирно и Дербент.

Появление русских произвело огромное впечатление в области и вызвало ряд важных событий. Прежде всего — политический переворот. 10 мая председатель горского

¹ Сношение генерала Бриггса 2 мая 1919 года, № 758.

правительства генерал Халилов обратился к генералу Драценко со следующей телеграммой:

«Правительство Гюрской республики во главе с генералом Халиловым, осведомившись о целях прибытия в Шамил-Калу (Петровск) Добровольческой армии, о взглядах ее командования на независимость означенного государственного образования и не желая, чтобы на этой почве между населением Дагестана и Добрармией происходили вооруженные столкновения, 23 мая в 10 часов вечера сложило свои полномочия. Дагестанская фракция парламента совместно с исполнявшим должность шейх-ислама и группой дагестанской интеллигенции, обсудив создавшееся положение и учитывая бесцельность взаимного кровопролития, постановила предложить парламенту: 1) отставку кабинета принять; 2) союзный Совет республики горцев Кавказа закрыть. Вместе с тем, принимая во внимание, что впредь до созыва дагестанского областного совета страна не может оставаться без власти, дагестанская фракция, представители народа и духовенство единогласно избрали временное дагестанское правительство в лице генерал-майора Халилова, предоставив ему самому создать временный совет из двух или трех лиц. Извещая о вышеизложенном, прошу Ваше Превосходительство не отказать сообщить, когда и где вам будет угодно переговорить о взаимных отношениях Дагестана и Добрармии».

Переговоры с Халиловым привели к признанию Дагестаном власти Добровольческой армии, с предоставлением области автономии на тех же началах, как и прочим горским народам. Прибывший в Темирхан-Шуру 21 мая главноначальствующий генерал Эрдели, встреченный с большим почетом, закрепил акт присоединения, и генерал Халилов впредь до созыва народного совета назначен был временным правителем Дагестана.

Не меньшее впечатление произвело занятие Дагестана на англичан. 28 мая английская миссия сообщила мне телеграмму военного министра Черчилля: «Занятие Дербента генералом Деникиным не способствует установлению

мира на Кавказе и потому противно его же интересам»¹. Одновременно, минуя екатеринодарскую миссию и меня, министерство отдало распоряжение английскому закавказскому командованию, в результате которого 3 июня наш начальник петровского отряда получил требование от имени «правительства Его Величества» отвести войска севернее «линии, которая начинается в 5 милях к югу от Петровска и идет параллельно Грозненской железной дороге». Вскоре разъяснилось основание этого требования: генерал Корри, сменивший Уоккера в должности «командующего британскими силами Закавказья», 29 мая сообщал председателям грузинского и азербайджанского правительств:

«От имени правительства Его Величества в Лондоне решено, что демаркационная линия между генералом Деникиным и кавказскими государствами должна быть следующая: от устья реки Бзыби к северу по этой реке до границы Сухумского округа, дальше восточнее по границам Кутаисской и Тифлисской губерний и Дагестанской области до пункта в 5 милях к югу от железной дороги Петровск—Владикавказ, оттуда к юго-востоку параллельно железной дороге до точки на побережье Каспийского моря в 5 верстах к югу от Петровска.

Генерал Деникин получил указания, чтобы войска его не переходили к югу от указанной линии, закавказские государства не должны переходить к северу от нее. Согласно вышеизложенному, грузинские войска должны отойти к югу от Бзыби. Закавказские государства должны воздержаться от всяких агрессивных действий против Добровольческой армии, кооперировать с генералом Деникиным доставкой ему нефти и других припасов и недопущением проникновения этих запасов большевикам. Неисполнение этих условий повлечет за собой в будущем полное прекращение британского расположения и поставит правительство Его Величества в невозможность воспрепятствовать генералу Деникину перейти к Югу от этой линии».

¹ Сношение 11 июня 1919 года, № 1210.

Это письмо было напечатано в азербайджанском офиц-иозе¹ и сопровождено правительственным сообщением о беспочвенности нападок прессы на англичан, вполне благожелательных к республике; при этом впредь за враждебные выступления против англичан правительство грозило суровой ответственностью...

Представлялось чрезвычайно странным, что о таком важном решении я узнал только через месяц и то из ноты азербайджанского правительства, требовавшего исполнения «предписаний» английского правительства...²

Генералу Эрдели я дал приказание требований англичан не исполнять и войска из Дербента не уводить. Азербайджанскому правительству через нашего представителя в Баку разъяснено было, что Главнокомандующий осуществляет верховную власть на территории, занимаемой армиями Юга России, и потому ему никто не вправе давать предписания, и что Дагестан, добровольно подчинившийся, покинут не будет. Одновременно и Азербайджану и англичанам разослано было вновь подтверждение, что Азербайджану с нашей стороны никакая опасность не угрожает. Наконец, английской миссии была послана новая нота протеста о недопустимости умалять престиж Вооруженных сил Юга России, резать Дагестан по живому телу в угоду кавказским республикам и создавать на нашем фланге и в тылу район, свободный для большевистских и противодобровольческих организаций³.

На этот раз протест, поддержанный вновь екатеринодарской английской миссией, имел успех, и новый английский командующий в Баку генерал Шательворт в начале июля сообщил азербайджанскому правительству об отмене после-

¹ При этом азербайджанское правительство скрыло от печати и от нас фразу в письме Корри, заключавшую английское требование, чтобы «закавказские штаты способствовали провозу через их территорию боевого снабжения как для Добровольческой армии, так и для Закаспия и Урала».

² Нота от 9 июня, № 45; получена в Екатеринодаре 24 июня.

³ Председателя Особого совета 2 июля, № 922, и начальника военного управления 27 июня, № 2523.

дней демаркационной линии и включении в зону Добровольческой армии всего Дагестана.

Этим эпизодом закончились наши столкновения с Англией по вопросам Северного Кавказа. Английская политика становится здесь отныне или нейтральной, или благожелательной к интересам Вооруженных сил Юга России. Придет время, и тот самый полковник Роулинсон, который руководил «военными силами горского правительства» и потворствовал его политике, обратится с воззванием к народам Северного Кавказа: «Правительство Англии поддерживает генерала Деникина и его цели... Английская миссия хорошо знает, что восстание горцев есть не национальное движение, а большевистское, и вызвано отдельными лицами, преследующими личные цели... Противодействие генералу Деникину будет рассматриваться как акт недоброжелательства к союзникам».

Эти поздние увещания не имели, впрочем, значения, так как в это время (сентябрь) английские войска покидали уже Баку и Тифлис...

Северный Кавказ был присоединен, но не замирен. Слишком много горючего материала накопилось в крае, чтобы разбушевавшаяся с началом революции стихия вошла так скоро в спокойные мирные берега. Отзвуки расцветшего было, но вскоре поблекшего воинствующего панисламизма; обострившиеся межплеменные счёты; упадок народного хозяйства и развившиеся, как никогда, абречество и мюридизм; темнота масс, живших нелепейшими представлениями и слухами; деятельность местных народных вождей — фанатиков и авантюристов, подымавших народ жестокими расправами с непокорными аулами, — всё это подогревало брожение изнутри. Извне с большой энергией и слепой ненавистью поддерживали его бежавшие за пределы нашей досягаемости члены бывшего меджлиса, все еще рядившиеся в атрибуты власти и народного избранничества, заключавшие союзы, подписывавшие договоры, раздававшие закавказские земли¹,

¹ Так, осенью 1919 года состоялось «единогласное постановление» меджлиса от имени Аджарии о присоединении Батумской области к Грузии...

наводнявшие территорию Кавказа своими агентами и пропагандой. Они находили средства и деятельную, совершенно открытую поддержку в новообразованиях Грузии и Азербайджана, питавших восстания деньгами, оружием, даже живой силой — офицерами и инструкторами. И пока, таким образом, фактические и мнимые правительства Кавказа готовили пришествие *третьей* силы с севера, их заграничные делегации подрывали всемерно в общественном мнении Европы авторитет Вооруженных сил Юга, стремясь лишить их моральной и материальной помощи.

На Северном Кавказе восстания не прекратились. Во второй половине июня они пронеслись по Ингушетии, горному Дагестану (Али-Хаджа), нагорной Чечне (Узун-Хаджи и Шерипов); затихнув в июле, они повторились в августе с новой силой в Чечне и Дагестане под руководством турецких и азербайджанских офицеров и при сильном влиянии советских денег и большевистской агитации, направляемой из Астрахани... И хотя восстания эти неизменно подавлялись русской властью, хотя они никогда не разгорались до степени, угрожающей жизненно нашему тылу, но все же создавали вечно нервирующую политическую обстановку, отвлекая внимание, силы и средства от *главного* направления всех наших стремлений и помыслов.

ГЛАВА XVI

НАША И АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В ЗАКАВКАЗЬЕ. БАТУМСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО. ЮГО-ЗАПАДНАЯ РЕСПУБЛИКА

Закавказская проблема стояла перед нами не менее остро, чем вопрос о Северном Кавказе. Главной целью моей было *удержание в государственной связи с Россией закавказской окраины или, по крайней мере, территориальное ограничение распада*. В этом стремлении своем я встретил противодействие и новообразований, и Англии.

С осени 1918 года в Батуме, Тифлисе, Баку и Эривани в полуофициальном положении находились представители

Добровольческой армии¹, связь с которыми была всегда до крайности затруднительной. Полученные ими лично и письменно указания от меня и военного управления относительно направления добровольческой политики сведены были позднее в общую инструкцию, данную мною генералу Баратову, когда в июле он был послан официально в Тифлис в качестве главного представителя моего в Закавказье. Эта секретная инструкция, помеченная датой 2 июля 1919 года, является, таким образом, истинным отражением всей нашей политики в Закавказье — от начала и до конца — и ключом к уразумению последовавших там событий.

ИНСТРУКЦИЯ

Главному представителю в Закавказье главнокомандующего Вооруженных сил Юга России

Вам надлежит осуществить следующие задачи и руководствоваться следующими основаниями.

А) По части военной

1. Принять все меры для скорейшего и полного вывоза из Закавказья в распоряжение главного начальника снабжения всех видов военного российского имущества, принадлежащего бывшему Кавказскому фронту.

2. Предложить всем русским офицерам, находящимся в Закавказье, прибыть в распоряжение дежурного генерала штаба главнокомандующего.

3. Принять меры к обеспечению остающихся в Закавказье семейств офицеров, отправляемых и находящихся в составе Вооруженных сил Юга России.

4. Принять все меры к обеспечению связи с Тифлисом.

Б) По части политической

Имея в виду, что все Закавказье в пределах границ до начала войны 1914 года должно быть рассматриваемо как не-

¹ «Тифлисский центр» негласно возглавлялся генералом от инфантерии Шатиловым; полковник Лазарев состоял при английском командовании в Баку и сносился с азербайджанским правительством; полковник Лесли состоял при армянском правительстве. С марта 1919 года в Батуме находился при английском командовании генерал Романько-Романовский.

отделимая часть Российского государства, Вам надлежит подготавливать почву для безболезненного воссоединения этих областей в одно целое с Россией под верховным управлением общероссийской государственной власти.

Что касается будущего государственного устройства, то, не предрешая частностей его до волеизъявления всего населения Российского государства, необходимо иметь в виду, что в решении этих вопросов примут участие представители всех областей и народов России и что широкая внутренняя автономия в делах местной, краевой и народной жизни составляет одно из оснований будущей государственной жизни России.

Одновременно с тем, *впредь до окончательного установления общегосударственной российской власти, допускается самостоятельное управление этих областей, ныне в них образовавшееся и существующее.*

В частности: а) по отношению к Грузии:

Главное командование Вооруженных сил Юга России требует полного очищения грузинскими войсками Сочинского округа, с отводом их за реку Бзыбь.

По выполнении этого неперемennого условия возможны два положения во взаимоотношениях с Грузией: 1) если ею будет признана принадлежность Грузии к российской государственности и прекращены гонения на русских людей, силою обстоятельств находящихся в Грузии, то возможно установление вполне дружелюбных отношений, с восстановлением свободного товарообмена и со снятием таможенных ограничений; 2) если же указанные выше в п. 1 условия Грузией осуществлены не будут, то, сохраняя нынешнее состояние товарообмена и таможенных ограничений, возможно лишь обоюдное обязательство на прекращение военных действий.

До отвода же войск из Сочинского округа за р. Бзыбь какие-либо иные взаимоотношения, кроме готовности к боевому противодействию против этого покушения на целостность российской государственности, не представляются возможными;

б) по отношению к Азербайджану:

Главное командование Вооруженных сил Юга России, считая Азербайджан неотделимой частью России, допуска-

ет временное самостоятельное управление Азербайджана впредь до окончательного установления общероссийской государственной власти и не имеет никаких намерений к переходу в наступление южнее границ Дагестанской области, если со стороны Азербайджана не будут проявлены какие-либо попытки к агрессивным действиям;

в) по отношению к *Армении*:

Вполне сочувствуя стремлениям армянской народности к ее объединению в этнографических границах и считая армян тесно связанными в их исторических и экономических интересах с единою, неделимою Россией, в пределы которой входит наиболее цветущая часть Армении, главное командование Вооруженных сил Юга России, так же как и в отношении Грузии и Азербайджана, допускает временное самостоятельное управление армянских областей впредь до окончательного установления общероссийской государственной власти, не имея никаких агрессивных в отношении Армении намерений, но всемерно стоя на страже единства российской государственности.

В связи с этим на Вашей обязанности лежит:

1. Охранение и защита интересов всего постоянного русского населения в Закавказье и православной русской Церкви;
2. Забота о русских беженцах, ныне водворенных на места своих постоянных жительств в Закавказье;
3. Периодическое осведомление Военного управления о военно-политическом состоянии края.

В) По части экономической на Вас возлагается:

а) содействие и обеспечение свободного хождения по всему Закавказью денежных знаков, устанавливаемых к обязательному обращению на всей территории Вооруженных сил Юга России;

б) в зависимости от выполнения временными властями Грузии и Азербайджана основ взаимоотношений, указанных выше в инструкции по части политической, подготовка соглашений по снятию таможенных границ и по установлению товарообмена, а также защита интересов гражданских управлений при Главнокомандующем в получении различных предметов и оборудования, принад-

лежащих Российскому государству, оставшихся в пределах Закавказья¹.

В Сочинском и Сухумском округах, насильственно захваченных грузинами, бесправное положение аборигенов и русского элемента, гнет грузинской власти, неумеренная грузинизация и разорительная экономическая политика создавали недовольство и брожение, готовые ежеминутно вылиться в восстание. Помимо принципиального непризнания захвата, добровольческая власть не могла оставаться равнодушной к тем расправам, которые чинились над русским, армянским, абхазским населением; не желавшим мириться с фактом захвата; к тем постоянным жалобам и призывам, которые раздавались оттуда. Не могла, не входя в слишком очевидную коллизию с провозглашенной идеей *единства* России, с традицией заступничества за элементы, тяготеющие к русской государственности. В эту распрю мы вовлекались невольно и неизбежно — не только в силу побуждений государственных, но и под напором единодушного в этом вопросе общественного мнения.

Было, впрочем, и исключение... Когда собравшийся в Тифлисе 1—7 июня искусственно подобранный «2-й закавказский съезд русских граждан» раскололся², большая часть его членов покинула съезд, а оставшийся социалистический блок совместно с представителями сектантских общин, получив крупную субсидию от грузинского правительства, отдал себя под покровительство его и грузинского Совета рабочих и солдатских депутатов. В вынесенной им резолюции говорилось о «лояльном отношении ко всем закавказским республикам», о федеративном объединении

¹ Подписано начальником военного управления Лукомским и начальником отдела генералом Вязьмитиновым; утверждено главнокомандующим.

² Причиной было исключение бакинских представителей — несоциалистов. Отколовшаяся несоциалистическая часть съезда образовала «Закавказский русский национальный комитет», поддерживавший по-прежнему связь с главным командованием Добровольческой армии.

их «с революционно-демократической Россией» и о том, что «в стремлении Добровольческой армии, исполняющей волю реакционных черносотенных сил, завоевать Закавказье, кроется смертельная опасность для всех закавказских народов и российской трудовой революционной демократии»... Это заявление, впрочем, не воспрепятствовало совету просить и у главного командования крупное денежное пособие...

Я требовал от Грузии очищения Черноморской губернии до ее южных границ по р. Бзыби и, чтобы создать столь желательный для нее «буфер», допускал нейтрализацию Сухумского округа с введением в нем местного абхазского управления.

От Азербайджана я требовал свободы сообщений по Каспийскому морю и приморской ветви Владикавказской, железной дороги, урегулирования торговых сношений (нефть) и недопущения снабжения советской России.

И только.

Насильственный захват территорий Грузии и Азербайджана не входил в мои планы и был политически нецелесообразен. Но правительства этих новообразований не могли или по тактическим соображениям не хотели отнестись с доверием к нашей политике. Официальная печать их с необыкновенным жаром подогрела ненависть к нам, возбуждала страсти, искажала до самоочевидной нелепости наши намерения и планы, облекая свою хулу не только против армии и ее вождей, но и против России в формы, по грубости и оскорбительности превосходящие даже большевистские плакаты. Такой же был нередко тон речей в парламентах.

И хотя при этих условиях все более нарастало в русском обществе и армии враждебное настроение против грузинского и азербайджанского правительств и лицам, стоявшим у власти, необыкновенно трудно было сохранять самообладание, попытки примирения интересов наших с закавказскими новообразованиями продолжались, и военно-политическая работа командования — явная и тайная — не выходила из рамок, начертанных в наказе Баратову.

В конце концов, главной, вернее, единственной причиной борьбы на Кавказе являлось противоположение идеи единой России идее полной независимости кавказских новообразований. Все остальное было лишь крупными или мелкими, важными или мало важными поводами.

...

Какие тайные инструкции давало английское правительство своим представителям в Константинополе и в Закавказье, и в какой мере последние вносили в свои заявления и деятельность элемент личного усмотрения, это мы узнаем не скоро, если вообще когда-либо узнаем. Но сопоставление того обильного, хотя зачастую противоречивого материала, которым располагало правительство Юга, определяло безошибочно основные вехи английской политики.

Осень и зима 1918 года прошли под знаком продолжения мировой войны. Поэтому военная экспедиция англичан в Закавказье не вызвала большого противодействия в социалистических кругах парламента и страны. Но к концу года, когда задача вытеснения германских и турецких войск и их влияния была выполнена, давление тред-юнионов и левой общественности, находившихся под сильным влиянием Москвы, значительно возросло, и английское правительство вынуждено было изменить официальные мотивы помощи противобольшевистским организациям. В одном из своих многочисленных объяснений в парламенте Ллойд Джордж излагал эти мотивы следующим образом.

«Вопрос о признании большевистского правительства никогда не поднимался и никогда не обсуждался. Большевистское правительство совершило тяжкие преступления против союзных подданных, что делает невозможным признание его, даже если бы оно было цивилизованным правительством. Другая причина заключается в том, что в этот самый момент они атакуют наших друзей в России.

Я чувствую отвращение ко всем большевистским учениям, мы оплакиваем их ужасающие последствия — голод, кровопролитие, разрушение, разорение и ужас; но во-

енная интервенция все же была бы поступком величайшей глупости.

Но меня спросят: в таком случае почему мы поддерживаем Колчака, Деникина и Харькова (?)¹. Я буду совершенно откровенен. Когда был подписан Брест-Литовский договор, обширные области и многочисленное население в России восстали против подписавшего этот договор правительства и по нашему побуждению образовали армии. Большевизм угрожал распространить свое господство на восставшее против него население, *которое было организовано по нашему требованию*. Если бы мы сейчас же по достижении поставленной нами цели сказали бы: «Спасибо, Вы нам больше не нужны. Пускай большевики режут вам горло», — мы были бы недостойны считать себя великой страной. Это наше дело помогать нашим друзьям, и потому мы их снабжаем материалами. Всякий, кто знает Россию, понимает, что она должна быть спасена ее собственными сынами. Единственное, что они просят, это чтобы их снабжали необходимым вооружением, дабы дать им возможность сражаться для своей защиты и освобождения. Поэтому я считаю, что помощь Колчаку, Деникину и Харьковцу вовсе не есть отклонение от основной политики Великобритании — невмешательства во внутренние дела другого государства.

Следующая задача нашей политики состоит в том, чтобы не допустить проявления вооруженного большевизма в союзных странах. Вследствие этого мы организуем силы всех союзных стран, окружающих Россию, от Балтийского до Черного моря и снабжаем эти страны необходимым снаряжением для установления преград против большевистского вторжения».

Заявление Ллойда Джорджа, повторенное не раз потом им самим, Черчиллем и Бонаром Лоу, в части, касавшейся роли Англии в создании белых армий, получило большое распространение в мировой прессе и было надлежательно использовано большевистской пропагандой. Широкое национальное

¹ Эпизод с «генералом Харьковским» долго служил предметом острот слов южных газет.

и патриотическое движение, возникшее самостоятельно по всей России, низводилось до степени служебного начала английских интересов.

Но пусть будет неправда, если она во спасение.

Итак, главной целью английского правительства, по словам его представителей, была «поддержка своих друзей».

Некоторый диссонанс в эти заявления вносили более откровенные речи представителей могущественного английского капитала... Так, в декабре 1918 года председатель 4 кавказских нефтяных компаний¹ на годовом собрании в Лондоне говорил:

«На Кавказе — от Батума до Баку и от Владикавказа до Тифлиса — в Малой Азии, Месопотамии, Персии британские войска появились и были приветствуемы народами почти всех национальностей и верований, которые взирают на нас, как на освободителей — одних от турецкого, других от большевистского ига. Никогда еще в истории наших островов не было такого благоприятного случая для мирного проникновения британского влияния и британской торговли для создания второй Индии или Египта. Но слабые голоса наших политических деятелей под пятой демократии глушат все эти стремления. Русская нефтяная промышленность, широко финансируемая и правильно организованная под британским началом, была бы ценнейшим приобретением истории...»

Официально англичане пришли в Закавказье с программой Верховного союзного совета: самоопределения народов по Вильсону, сохранения status quo в отношении границ до решения мирной конференции и невмешательства во внутренние дела новообразований. Поскольку и как проводились эти идеи в жизнь, мы видели и увидим в главах, посвященных жизни Кавказа. Однажды на один из моих бесчисленных протестов по поводу закавказской политики англичан екатеринодарская миссия прислала объяснение².

¹ «Bibi-Eibat Oil Company Ltd».

² Нота от 1 августа, № 1293, на имя начальника штаба главнокомандующего.

«Во время заключения перемирия с Германией, когда главные принципы, руководящие Мирной конференцией, должны были быть выработаны заранее, ни в одной части России не было правительства, которое могло бы считаться правительством объединенной России, и не было никакой связи между различными силами, борющимися против большевиков. Даже в районе, занятом теперь ВСЮР, Дон тогда притязал на самостоятельность, и на Кубани власть Главнокомандующего Добровольческой армией была очень ограничена. Россия, кроме как через Мурманск и Владивосток, была оторвана от сношений с союзниками. Принцип самоопределения мелких народностей был преобладающим; Грузия, Азербайджан, Армения и так называемое горское правительство имели своих представителей в Париже и Лондоне, которые требовали полного отделения от России. При таких обстоятельствах общие указания, даваемые британским войскам, первоначальная задача которых была принудить неприятеля к эвакуации Закавказья, заключались в том, чтобы в ожидании решения Мирной конференции охранять порядок и поддерживать правительство, находящееся у власти, пока оно будет вести себя подобающим образом.

Русские представители в Закавказье и даже командование ВСЮР, не сумев оценить эти основные принципы, часто обращались к британским военным властям в Закавказье с требованиями, которые шли вразрез с полученными ими распоряжениями и неминуемо ввели бы нас в войну с упомянутыми республиками, что было бы противно принципам, одушевляющим Мирную конференцию».

Фактическая обстановка вызывала, однако, сомнение в такой объективности.

Желая войти в непосредственные сношения с закавказскими английскими властями, я командировал в январе 1919 года генерала Эрдели в Батум, Тифлис, Баку и Закаспий. Его поездка дала много интересного материала, тем более что английские генералы, не искушенные в дипломатии и политике, были в достаточной мере откровенны.

Прежде всего — английский главнокомандующий генерал Мильн, посетивший в это время Закавказье, уклонился от встречи с генералом Эрдели под тем предлогом, что «при назначении Главнокомандующим войск Восточного фронта он не получил инструкции входить в сношения и переговоры с Добровольческой армией. На его обязанности было иметь переговоры с представителями закавказских народностей и областей по их вопросам и нуждам, и потому на территории Закавказья вести переговоры с Добровольческой армией он не может». Точно так же генералу Эрдели было сообщено, что «приезд его в Тифлис нежелателен, и поему английское командование не может взять на себя заботу об его приезде»¹.

Генерал-губернатор Батума Коллис объяснил последнее обстоятельство «происходящими сейчас важными событиями». По его сведениям, «грузинская республика будет признана союзниками как самостоятельное государство и, может быть, с полным отделением от России; на очереди стоит даже вопрос о том, присоединить или нет Батумскую область к Грузии». По этому вопросу генерал Мильн запрашивал мнение Коллиса, и последний был в большом затруднении; откровенно сознаваясь в своей полной неосведомленности об истории Аджарии и Батума.

Рамки *status quo*, по-видимому, несколько раздвигались...

Прождав разрешения на дальнейшую поездку целых две недели, Эрдели проездом через Тифлис был неожиданно приглашен Уоккером, с которым имел продолжительную беседу. Уоккер сообщил о существовании трех проектов разрешения судьбы Закавказья:

«1. Присоединение его к России в границах 1914 года с автономным управлением в различных областях.

2. Признание самостоятельности образовавшихся республик с полным отделением их от России.

¹ Донесения Эрдели 12 и 18 января, № 3 и № 5. Позднее на протест мой против такого оскорбительного отношения к представителю главного командования генерал Мильн выразил «сожаление по поводу происшедшего недоразумения», объяснив, что он не был уверен в полномочиях Эрдели... Сношение британской миссии 25 марта, № 134.

3. Образование соединенных штатов на Кавказе — с отделением от России или в конфедерации с ней».

И Уоккер и Томсон (в Батуме) были в высокой степени любезны, но высказались совершенно определенно, что поддержание идеи общей русской государственности не входит в их задачу, что на Добровольческую армию они смотрят только как на одно из противобольшевистских образований и никакого русского влияния в ущерб самостоятельному развитию местных «государств» в оккупированной зоне впредь до решения Мирной конференции не потерпят.

Эта идея могущественной и целебной силы «Мирной конференции» и ее компетенции разрешать самостоятельно, без самой России, ее судьбу проводилась чрезвычайно настойчиво *всеми* союзными представителями на Юге. Она встречала признание среди кавказских новообразований и казачьих самостоятельных групп и вызывала глубочайшее негодование среди всех национально мыслящих элементов русского общества. Протест и противодействие этому международному насилию были поэтому нашим правом и обязанностью.

Зима 1918—1919 года прошла в острых столкновениях на этой почве с английским правительством и командованием.

Останутся ли английские войска в Закавказье и надолго ли — это зависело, очевидно, от течения переговоров на Версальской конференции, от настроения парламента и рабочей партии, наконец от хода событий в самом Закавказье. Во всяком случае, до весны 1919 года надежды англичан на длительность и прочность их оккупации были еще велики. В этот период мы увидели наибольшее развитие их политики вытеснения русского влияния в крае, поддержания его раздробленности и создания почвы для перманентных конфликтов межплеменных и межправительственных, как будто для того, чтобы наличием их оправдать необходимость британской оккупации. Первое и второе достигались внушением закавказским новообразованиям мысли о неизбежности признания их самостоятельности и поддержкой их в столкновении

ях с Добровольческой армией; третье не требовало ни труда, ни искусства: горючего материала было слишком много, и стоило лишь поднести спичку, чтобы вызвать пожар.

...

В связи и в большой зависимости от направления английской политики протекала жизнь Закавказья.

В середине ноября англичане заняли Батум. Турецкая оккупация, длившаяся девять месяцев, оставила известные следы в политических настроениях города и области.

Во-первых, пестрое интернациональное население города-порта изменило свой состав после бегства весной 1918 года значительного числа русских и грузин, боявшихся турецкой расправы. В волне русского беженства уходил главным образом пролетариат и революционная демократия, и потому оставшееся население представляло довольно однородное и сплоченное ядро буржуазного и служилого элемента. Русский национальный совет в Батуме возглавлялся вначале генералом Терменом, а с ноября 1919 года — присяжным поверенным, лидером местных кадетов П. М. Масловым, фактическим основателем и душой совета. В городе существовали также молодежные национальные советы: грузинский, греческий, еврейский, польский и мусульманский.

Во-вторых, временное турецкое владычество с сопровождавшими его реквизициями, побоями, воинской и трудовой повинностью и жестокими мерами административного воздействия вызвало большое разочарование у местного аджарского населения, покончив надолго, если не навсегда, с основанным на исторических легендах тяготением его к Турции. Сообразно с этим усилились симпатии аджарцев к России. Местного «аджарского» сепаратизма в области не существовало вовсе¹, если не считать одного эпи-

¹ Такие «удивительные» факты приходится оговаривать ввиду того поветрия самоопределения, которое охватило российские народы. Немногим, вероятно, известно о кратковременном существовании суверенной «Ингерманландии» в юго-западном уголке Петроградской губернии, серьезно протезируемой соседним сувереном — Эстонией.

зода: потомок владетельного бека, полковник русской службы Джемал-бек поднимал народ, организовывал вооруженные четы и предлагал город Батум и свои услуги сначала Грузии, потом Турции, с тем, чтобы остальная территория Аджарии стала автономной областью под его наследственным правлением. Затея эта не имела никакого успеха, кроме пожалования Джемал-беку ордена и чина паши правительством султана. Картвелы по происхождению, мусульмане по вере — аджарцы сохраняли привитую им турками ненависть к грузинам.

Еще во время турецкого господства Русский национальный совет вошел в связь с командованием Добровольческой армии, признавая ее объединяющим центром и запрашивая директивы. Когда в Батуме появился генерал Уоккер, совет представил ему меморандум о положении края, громадной культурной роли русского населения в области в течение 40 лет и проект-схему административного ее устройства. Генерал Уоккер призвал председателя совета Маслова и предложил ему организовать «Совет по управлению Батумской областью» под руководством английского генерал-губернатора. По взаимному соглашению в состав совета для придания ему надлежащего авторитета в глазах смешанного населения города были назначены представители различных национальностей¹ во главе с русским председателем (Масловым) и его заместителем (Анисимовым). Все постановления совета подлежали утверждению военного губернатора, бригадного генерала Кука Коллиса.

«Совет по управлению», находясь в полном согласии с Национальным комитетом, так же, как и он, считал себя в подчиненных отношениях к главному командованию Юга и просил руководящих указаний. В основной цели, которую поставил себе совет, мы сходились вполне: «Необходимо отстоять Батумскую область с Батумом и сохранить этот первостепенной важности порт и единственный в своем

¹ 2 грузина, 1 грек, 1 мусульманин, 1 еврей, 1 поляк и 1 армянин, позднее еще 2 аджарца. По определению Маслова, только один грузин сепаратист, прочие все русофилы.

роде по красоте и богатству дарами природы край за Россией...» Маслов запрашивал: «Как поступать в тех случаях, когда английское командование отдает распоряжение, идущее в ущерб русским интересам? Проявлять ли уступчивость в предвидении лучшего будущего или категорически отстаивать свое мнение, не останавливаясь перед постановкой вопроса об отказе от власти?» Я отвечал: «Не задираясь по мелочам, в основных вопросах русской государственности прямо, открыто и резко защищать русскую идею, не останавливаясь ни перед чем».

Таковыми же категорическими и безапелляционными были притязания на Батум Грузии. Вся грузинская печать с необыкновенной страстностью относилась к батумскому вопросу, разжигая национальный шовинизм в своей стране, впадая не раз в истерику и, по обычаю, допуская бульварное сквернословие в отношении своих «врагов — русских». «Батум и мусульманская Грузия — наши, — писала «Сахалко Сакке»¹. — Они — мы. Они должны быть наши. Мы должны быть вместе, непременно вместе, иначе невозможна наша жизнь, наша независимость, наша национальность. Это — неизбежно, это главный очередной вопрос нынешнего дня... Мы должны осуществить это объединение, ничего для него не жалеть и принести в жертву все... Мы должны вернуть себе Батум...» Грузинское правительство наводняло город и область грузинами во главе с агитаторами и террористами; по области ходила безвозбранно шайка Аслам-бека, проповедуя вражду против России, побуждая аджарские селения к принятию грузинского подданства; отряды грузинских войск сосредоточивались к Нотанеби возле Батума, бряцая оружием и нервируя батумский совет.

Таким образом, в батумском вопросе столкнулись три стороны: Россия, Грузия и Англия. За кулисами стояла еще временно вышедшая из игры, побежденная, но не оставившая своих притязаний на Батум Турция. Территориально к первой группировке примыкали верхняя и нижняя Аджария, сохранявшие привязанность к своей метрополии, по-

¹ Орган грузинских социал-федералистов.

сылавшие с таким заявлением делегации к англичанам; ко второй — Кобулетский район и аджарцы города, поддававшиеся несколько грузинской пропаганде, в общем около 10% коренного населения. Политически к русской группе примыкали все прочие, кроме грузин.

Третья сторона — англичане — хранила в тайне свои намерения и цели, а видимая непоследовательность их заявлений и действий приводила в раздражение и нас, и грузин. Неопределенность положения «русского вопроса» на мирной конференции служила покровом этой непоследовательности. Так, английские представители высказывали не раз предположение, что Батум перейдет то к Грузии, то даже к Армении, питая тем грузинский шовинизм и создавая натянутое отношение к русскому направлению со стороны местного армянского совета. Английский губернатор устранял русскую администрацию в Артвинском округе и передавал ее темным туркофильским элементам, находившимся в связи с так называемой Юго-Западной республикой¹. В начале апреля он распустил «Совет по управлению», обвинив его в ведении «личной политики» и в неудачных финансовых мероприятиях, заместив все должности английскими офицерами, причем во главе гражданского управления был поставлен еврей Харрис — до войны маклер Лондонской биржи. Одновременно распоряжением губернатора спускался «с почестями» русский флаг, развевавшийся на батумо-грузинской границе, и заменялся британским, а в пограничном районе расклеивались объявления, что слухи о присоединении Батума к Грузии ложны и «Батум всегда останется Батумской провинцией...» (?)².

Англичане реквизировали богатые запасы нефти, бензина и другие в качестве приза, взятого «у немцев»; большие русские военные запасы — в качестве военной добычи, захваченной «у турок»; брали под свой «протекторат» Артвинскую опытную станцию и богатейшее Чаквинское

¹ См. ниже.

² Объявление за подписью капитана Крейна снято в районе Чаквы.

имение; устанавливали произвольный курс фунта, понизив вдвое местную валюту; сравнивали рубль с грузинской боной, уронив почти вдвое курс рубля. Одновременно они отдавали В.С.Ю.Р. большое количество ненужного им боевого имущества крепости, до некоторой степени принимали меры для облегчения населению продовольственного вопроса и помощи российским пенсионерам.

Граница с Грузией была свободна для въезда всех агитаторов и членов грузинской мафии, тогда как в отношении лиц, следовавших с территории Юга России в Батум, англичане установили требование персонального разрешения из Константинополя от штаба Мильна¹ и норму — не более 150 человек в один пароходный рейс, притом только *имущих*. В Новороссийске и других портах скопились поэтому толпы беженцев — в обстановке грязи, тифа и голода.

Англичане отдали Грузии «по техническим соображениям» участок железной дороги Батум—Нотанеби, и первым следствием этого было удаление всего русского железнодорожного персонала и появление в Батуме грузинского агитационного поезда со знаменательным девизом: «Кто не с нами, тот против нас». Шовинистическая литература на русском и местных языках наводнила край. Опытные грузинские агенты терроризировали русское население, преимущественно видных общественных деятелей, применяя угрозу подметными письмами, разбойные нападения и убийства, и русский национальный совет вотще взывал к английской власти о принятии более действенных мер охраны от злоумышленников. Наряду с этим английским губернатором разрешались повсеместно митинги, устраиваемые грузинами, с призывом присоединения к Грузии и выступления против Добровольческой армии. На мой протест по этому поводу английская миссия дала весьма оригинальное разъяснение²: «Британский губернатор, будучи уверен, что область настроена враждебно по отношению к грузинам, разрешил организовать собрания в Батуме, Артвине и др.,

¹ Нота от 22 февраля, подписанная полковником Кизом.

² Нота от 1 августа 1919 года.

чтобы дать возможность населению проявить свое недоброжелательное отношение к Грузии. Его политика увенчалась полным успехом¹. Губернатор, установив таким образом публично антигрузинскую ориентацию населения, запретил дальнейшие собрания».

Русское правление и Русский совет Батума неоднократно просили меня поставить в городе небольшой добровольческий гарнизон для охраны порядка и символического изображения государственной связи Батума с Россией. Англичане воспрепятствовали этому, но разрешили открыть в Батуме вербовочное бюро для комплектования Добровольческой армии. Взявший на себя эту работу генерал Натиев — аджарец по происхождению — возбудил против себя сильно и англичан, и грузин. Опасности для Грузии генерал Натиев не представлял никакой. Весь итог его работы выразился в привлечении 40 офицеров и 300 солдат — армянских беженцев, малопригодного элемента. В мае генералу Натиеву запрещены были всякие формирования и предположено было заменить его другим лицом. Но грузинская разведка приписывала Натиеву формирование «Закавказского корпуса», предназначенного для покорения Грузии, и грузины решили убрать его со своего пути. 15 июня Натиев и его адъютант, проходившие по людной улице города, были убиты наповал шайкой грузин во главе с офицером. Это событие глубоко возмутило русские круги и в ответ на мой протест вызвало весьма уклончивый ответ английской миссии: «Британскому военному губернатору известны те лица, которые убили генерала Натиева. Попытка задержать их была сделана, но они скрылись в Грузию. Не имеет смысла доносить о них грузинскому правительству, которое будет защищать своих агентов; но если они, как то ожидается, вернуться, то их арестуют»².

Так шли дела, писались ноты, заявлялись протесты — мною, батумским русским правлением, потом русским на-

¹ Собрания проходили не везде так благополучно, как уверяли англичане.

² Нота 1 августа, № 1293, полковника Киза.

циональным советом. Далеко не всегда они достигали практических результатов. Но иные средства, более активные, нам были недоступны: по бедности, материальной зависимости от англичан, по недостатку вооруженных сил и несклонности к методам, практиковавшимся грузинами.. Во всяком случае, наша борьба оказывала, без сомнения, сдерживающее влияние на темп сложного процесса — отрыва от метрополии русской окраины, но оставляя ее вконец беспризорной.

В конечном результате английская политика в Батуме вооружила против себя всех. Я просил английскую миссию разъяснить, «имею ли я в лице английского командования в Закавказье друзей или врагов?». Русский национальный совет констатировал, что, «к сожалению, ожидания и надежды русских людей, связанные с прибытием союзников — англичан, — не оправдались, ибо, по-видимому, они являлись сюда не для выполнения союзнических обязательств и помощи пострадавшей России, а для преследования своекорыстных интересов — не только экономических, но и политических»¹. Наконец, грузинское правительство и печать, в свою очередь, ополчились против англичан. «Здесь, в Тифлисе, — писал официоз правительства «Борьба», — произошло наше взаимное понимание (с английскими властями) и были изысканы один общий язык, одни общие пути. В Батуме имеет место диаметрально противоположная политика». Орган грузинских социал-революционеров «Шорма» изливал свою злобу: «Грузинское общество с радостью встретило весть о переходе Батума в руки англичан, так как оно надеялось, что благородное британское командование поймет, что Батум является сердцем Грузии, и последняя никому его не уступит, пока в ней будет жить чувство собственного достоинства. Добровольцы и Деникин поняли это, и поэтому Батум они превратили в гнездо интриг, подкупа и шпионажа. Не проходит дня, чтобы они не бросали в нас отравленные стрелы. И Грузия вынуждена переносить это унижение только потому, что этот бессо-

¹ Особое постановление 28 апреля 1919 года.

вестный и продажный народ опирается на престиж и авторитет Британии».

Такие изо дня в день повторяющиеся выпады некультурной, лишенной традиций и чувства меры грузинской прессы, поощряемой правительством¹, сыграли, без сомнения, немаловажную роль в наших взаимоотношениях.

...

Англичане потребовали от турецкого командования очищения русского Закавказья до границ 1914 года к половине января. В связи с этим в Карсской области на месте турецкого военного управления образовалась «Юго-Западная республика»². Правительство ее («Шуро»), исключительно из мусульман, было поставлено турками и находилось всецело в руках видных деятелей партии «Единение и прогресс» — Нури-паши (брат Энвера) и Халил-паши. «Республика» имела свои «войска» — тысяч 5—6 плохо организованных банд, в изобилии снабженных турками оружием и боевыми припасами; в составе их были турецкие офицеры и немало аскеров.

Англичане отнеслись с большим интересом к новообразованию, но хранили полное молчание относительно его будущей судьбы, приводя тем в крайнее беспокойство претендентов на Карсское наследие — Грузию и Армению. Со времени турецкого нашествия большая часть русского населения и почти все армянское население бежали из Карсской области, в которой образовалось фактическое преобладание турецкого элемента. Все земли, скот, сельскохозяйственный инвентарь, всякое добро беженцев попало в руки турок, и теперь «Юго-Западное правительство» противилось всеми способами возвращению беженцев.

Политическое положение «республики» к концу декабря было весьма сложное. В Карсе сосредоточились три власти: английский губернатор полковник Тимперлей, турец-

¹ Пресса находилась всецело в руках министра внутренних дел Рамишвили.

² Территория ее включала, кроме того, Артвинский округ (условно), Зачорохский край и Ахалцыкский уезд Тифлисской губернии.

кий — начальник 12-й дивизии и «Шуро»; там же находились и войска трех армий: английский гарнизон, турецкая дивизия и местные формирования. Турки, впрочем, вскоре ушли.

Политические настроения правительства и населения определялись неизбежностью предстоящей ликвидации, расчетов и расплаты и выражались совершенно определенно: «Если не турецкая, то только русская власть». Делегация, встречавшая в Карсе первых английских представителей, приветствовала их непривычными для английского уха словами: «Мы рады вас видеть как союзников, победителей и как *дорогих гостей на русской территории...*». Мой представитель в Армении полковник Лесли, прибывший в Карс 31 декабря, был встречен на границе области депутацией от населения, в Карсе — представителями «Шуро» и турецкого командования. Все они выражали пожелания о скорейшем присоединении области к России и назначении русского губернатора как единственном бескровном выходе из запутанного положения межплеменной распри. С таким же заявлением дважды впоследствии правительство обращалось к англичанам и посылало делегации в Америку и Европу.

Английское командование не имело вовсе своей политики в карсском вопросе, или она была чересчур маккиавелистической; во всяком случае, по отношению к России — вполне определенной: генерал Уоккер ставил непременно условием возвращение русских беженцев в Карсскую и Батумскую области, чтобы они «не вели пропаганды большевистской и за воссоединение этих областей с Россией¹. Такие же приказы в Карсе отдавал английский губернатор. В то же время полковник Тимперлей, покровительствовавший полутурецкому правительству «Юго-Западной республики», тормозил возвращение в край армянских беженцев, и генерал Бич² заявлял армян-

¹ 13 января 1919 года. Из ответной речи Уоккера на приветствие Закавказского русского национального совета.

² Из штаба генерала Мильна, ведавший в Тифлисе разведывательным и политическим отделом.

скому правительству твердо и решительно, что Карсская область Армении не принадлежит»¹. Генерал Уоккер «не видел препятствий» к занятию грузинами Посхова², а когда грузинские войска Квинитадзе приступили к занятию этого участка, это вызвало вооруженное сопротивление мусульман и заявление карсского губернатора, что наступление грузин «будет считаться направленным против Великобритании...»

В конце марта обстановка круто изменилась: туркофильские тенденции англичан исчезли окончательно, сменивший Тимперлея новый губернатор Карса генерал Ассер сверг «Юго-Западное правительство», заключил в тюрьму его членов и видных турецких деятелей, и власть перешла единолично к губернатору и образованному им Совету смешанного национального состава. Совет правил только три недели. Пользуясь происшедшим замешательством, грузинские войска вторглись в северную часть «республики» и заняли Ахалцых и Ардаган, но по требованию англичан очистили последний. В свою очередь армянские войска с согласия англичан заняли всю Карсскую область, которая вошла в состав Армении, и в Карсе водворился армянский губернатор. Жизнь области, в которой причудливой мозаикой переплелись взаимно враждебные народности, где даже в наиболее благоприятных районах армяне составляли лишь относительное большинство населения³, приняла после этого иной колорит: там, где турко-татары давили армян, армяне стали давить турко-татар, и атмосфера ненависти становилась все напряженнее, все гуще...

Среди этой обстановки не менялись лишь судьбы русского населения, небольшими оазисами вкрапленного в область⁴. Не проявляя в отношении русских ни особенной вражды, ни племенной и религиозной нетерпимости, просто пользуясь

¹ Доклад генерала Томилова от 11 февраля 1919 года и свидетельство военного министра Армении генерала Карганова.

² Северо-западная часть Карсской области, спорная между турками, армянами и грузинами.

³ В двух уездах — Карсском и Кагызманском — 35—37%.

⁴ 32 селения, не более чем 12 тысяч оставшихся на местах жителей.

безвременьем, их грабили и притесняли и турки, и татары, и армяне. Карсский национальный совет обращал постоянно свои взоры на Екатеринодар, посылал туда горькие жалобы и искал там заступничество и экономическую помощь.

ГЛАВА XVII ГРУЗИЯ

Своеобразную картину представляла собой жизнь *Грузинской республики*.

Для европейского общественного мнения, благодаря усилиям грузинской заграничной делегации — это была маленькая культурная страна, окруженная недругами и героически борющаяся за свое существование, имеющая свободно избранное *социалистическое* правительство, пользующееся народным доверием; страна, истекающая млеком и медом и нуждающаяся только в признании «*de jure*» и в надлежащих границах, чтобы явить миру «чрезвычайно интересный пример нового демократического типа организации государства».

Действительность далеко не соответствовала этому идиллическому представлению.

Власть (правительство, парламент и Учредительное собрание) находилась в руках небольшой тесно сплоченной группы, члены которой обладали большим опытом революционной деятельности. Их связывало и племенное (большинство имеретины), и зачастую кровное родство, партийная принадлежность (социал-демократы меньшевики)¹ и общая работа по разрушению — вначале из подполья, потом с вершин — российской государственности². В их однородности и узком кастовом составе была и сила и слабость: внутренняя дисципли-

¹ В правительстве — все социал-демократы, кроме одного; в Учредительном собрании — 109 социал-демократов из общего числа членов 130.

² Главнейшие посты занимали: Ной Жордания — председатель правительства; Георгадзе — военный министр; Рамишвили — министр внутренних дел; Пегечкори — министр иностранных дел; Лордкипанидзе (акушер по специальности) — министр путей сообщения.

дина, с одной стороны, и оторванность от населения, отсутствие технически подготовленных сил — с другой. Грузинское крестьянство, составлявшее до 90% населения; получив добавочную землю за дорогую плату, не считало себя вовсе благодетельствованным. При первобытных способах землепользования, крайней бедности в сельскохозяйственных орудиях и инвентаре оно и не могло почувствовать сколько-нибудь заметного улучшения своего быта. Между тем общие условия жизни с каждым днем становились все тяжелее. Падали «бонь», росла дороговизна, усиливался товарный и продовольственный голод. Грузинские газеты отмечали новое растущее зло — nepотизм, кумовство, землячество, — наложившее отпечаток на все правительственные учреждения и приведшее к небывалому взяточничеству, спекуляции и хищениям.

Не устанавливался и правопорядок «Высокие фразы и лозунги, — писал орган национал-демократов «Сакартвело», — щедро бросаются правительством в народ, а последний жаждет мира и спокойствия и испытывает то тяжелое положение, когда личность человека не ограждена правосудием закона и самой администрации. К несчастью, деятельность нашей правящей партии всегда измеряется партийными расчетами, и только этим объясняется бесконечная анархия и беспорядки, существующие в нашей стране». Известная пристрастность в осуждениях политических противников, видевших причину зла в одном лишь правительстве, не исключает, вероятно, большей доли и его ответственности.

Грузия не выходила из финансово-экономического кризиса. Первое полугодие показало наглядно, что она живет исключительно русским наследством, не может свести бюджет, и это обуславливается не только лихолетьем, что было бы естественно и непредотвратимо, но и природной бедностью страны¹. Поэтому не только по мотивам политическим гру-

¹ Хлеба Кахетии и Карталинии не хватало на всю республику; садоводство и виноделие встречали конкуренцию районов, более близких к рынкам сбыта; угли имели лишь местное значение; лес по бездорожью не вывозился вовсе; фабрик и заводов не было; главный предмет экспорта, далеко не покрывавший ввоза, — марганец (добыча до 50 миллионов пудов в год).

зинские правители тянулись к сухумскому табаку, к батумским субтропическим культурам и к богатым Закаталам. Министр финансов Журули сводил государственную роспись теоретически с превышением в четыре раза расходов над доходами (600 миллионов и 150 миллионов), практически ожидал восьмикратного превышения расходов и представлял поэтому один за другим законы об усилении налогового обложения. Но так как население городов было ничтожно численно и очень бедно, налоговый пресс должен был прижать исключительно крестьян. А это было политически небезопасно и практически неосуществимо: деревня, как и везде, замкнулась в свой уклад, не платила налогов и не хотела нести государственных повинностей. Надежды на экономическую помощь Англии также не сбылись: англичане, ввиду непрочности положения, уклонялись от участия своим кредитом и капиталом в хозяйственном восстановлении Грузинской республики. В грузинской общественности английская экономическая политика производила такое впечатление, как будто «англичане хотят поставить Грузию перед собою на колени».

В Тифлисе наряду с правительственными учреждениями восседал Совет рабочих и солдатских депутатов — «полномочный орган» почти не существующего, во всяком случае ничтожного по численности, пролетариата Грузии. Этот тяжелый привесок составлял традицию социал-демократического правительства, с которой нельзя было рвать, не вступая в слишком большие противоречия со своей партийной идеологией, и к тому же опирался на «национальную гвардию». Оттуда предъявлялись невероятные экономические требования, с трудом удовлетворяемые правительством в ущерб вопиющим государственным нуждам. Туда грузинские правители несли еще свои утопии, свой деланный пафос и революционное словоблудие, которым после их русского опыта не могло быть более места ни на кафедре парламента, ни в практической деятельности правительства.

Вообще положение социал-демократических интернационалистов, ведущих шовинистическую политику, было

необыкновенно трудным, и вождь грузинских социал-демократов Жордания оправдывался перед русской социал-демократией, из состава которой вышли грузины, классической по своей изворотливости фразой: «Социал-демократическая партия Грузии является организацией не *национальной*, а *территориальной*, с призывом поддерживать независимость Грузии»¹. Достоинно внимания, что даже такая позиция правящей партии была неприемлема для грузинских национал-демократов, которые жестоко нападали на правительство за его пристрастие к русским меньшевикам — «к злосчастной русской демократии», которая «не является уже никакой политической силой в России». «Думать и заботиться ныне о восстановлении дружбы с Россией — это было бы не только осмеянием великого исторического акта, но и беспримерным политическим шантажом... Все счета со всем, что является русским, должны быть покончены»².

Совдеп являлся связующим звеном с советской Россией, отношения с которой официальной Грузией никогда не прерывались; тем более, что, кроме столкновения летом и осенью 1918 года в районе Сочи—Сухум, грузины вооруженной борьбы с большевиками не вели. Чхеидзе в Париже усиленно подчеркивал, что «Грузия никогда и не вступит в борьбу с советской Россией... Мы не согласны с большевизмом, но мы являемся противниками того, чтобы внешние силы препятствовали развитию советской республики...»³. Гегечкори в тифлисском совдепе должен был оправдываться против обвинения в «двусмысленной и соглашательской политике по отношению к Добровольческой армии в сентябре 1918 года»: «Правительство являлось врагом советской России, — говорил он, — из-за анархического характера советской власти»; теперь же выяснилось, что «советская власть все более эволюционирует в сторону социализма, и поэтому возможно и не-

¹ Из речи 4 декабря на объединенном заседании социал-демократических организаций.

² Орган национал-демократов «Питало Клдэ».

³ Апрель 1919 года.

обходимо выровнять единый фронт». В Москве находилась не признаваемая официально, но исполняющая некоторые консульские обязанности грузинская дипломатическая миссия. Москва и Тифлис обменивались какими-то подозрительными радиограммами. Большевистские комиссары, бежавшие с Северного Кавказа, пользовались в Тифлисе полной свободой, вниманием и были в тесном содружестве с тифлисским совдепом, снабжая его литературой и деньгами. Уже *post factum*, осенью 1919 года, по поводу большевистских восстаний министр иностранных дел Рамишвили докладывал Учредительному собранию давно известные истины: «Кавказский областной комитет большевиков действовал по директивам Москвы и прежде всего выполнял стратегические поручения московского правительства. В Грузии на организацию восстания большевиками было израсходовано 12 миллионов рублей»¹.

Это культивирование грузинскими социал-демократами большевизма велось отнюдь не для внутреннего потребления, а исключительно на экспорт: в глубоком нашем тылу образовался форпост большевизма, который имел в Тифлисе свой печатный орган, работал пропагандой, деньгами, формированием и посылкой агитаторов и интернированных красноармейцев на Черноморское побережье, в южную Осетию и вообще повсюду сеял вражду к Добровольческой армии. Это было для Грузии хотя и несколько опасно, но вместе с тем *полезно*. И грузинское правительство не прочь было расширить рамки противобольшевистского фронта привлечением в орбиту своего влияния другого сильного и влиятельного в Закавказье центра российского большевизма — Бакинской рабочей конференции. На призыв тифлисского совдепа к объединению для вооруженной борьбы с армиями Юга России (май—июнь) конференция откликнулась горя-

¹ «Колоссальность этой суммы, — говорил Рамишвили, — будет очевидна, если ее сравнить с расходами, произведенными всеми политическими партиями на выборах в Учредительное собрание — 500 тысяч рублей».

чим сочувствием и предложением немедленного, не позже половины июня, созыва всех совдепов Закавказья в Тифлисе.

Это предложение было неожиданным и слишком опасным, возбуждая мысль о троянском коне, так как ни бакинские организации, ни большевистские комиссары, принимавшие участие в заседаниях тифлисского совдепа, не слишком скрывали свои истинные намерения — водворение в Закавказье московской советской власти. Правительство Жордания согласилось вначале на созыв съезда, но при условии, чтобы темой его была исключительно «деникинская опасность»; потом предъявлены были новые условия, чтобы «бакинские рабочие предварительно признали руководство в борьбе с генералом Деникиным за правительством Грузии». Все эти требования подозрительно быстро и охотно принимались бакинцами... Разговоры тем не менее все затягивались, и наконец правительство взяло обратно данное на созыв съезда разрешение. Произошло это не без серьезной борьбы. Меншевистским лидерам пришлось самоотверженно тушить раздутый ими самими пожар: в бурном заседании тифлисского совдепа бакинские делегаты скорбели, что «рука бакинского пролетариата повисла в воздухе», и называли грузинских меньшевиков социал-предателями. Последние заявили, что «рука, протянутая большевиками, тянется к горлу грузинских меньшевиков» и что «Зурабов¹ и большевистские комиссары — тайные и явные агенты генерала Деникина». Так говорил командующий народной гвардией грузинский большевик Джугели, отрекаясь от русского большевизма. В результате тифлисский совдеп принял резолюцию, гласившую: переговоры выяснили коренные разногласия между пролетариатом Грузии и Баку; «коммунисты перед лицом деникинской опасности пытаются использовать момент для того, чтобы навязать демократии Грузии свою тактику, направленную к полному разрушению Грузинской республики; при таких условиях созыв Закавказского рабочего съезда в данный момент нецелесообразен». Тем

¹ Лидер большевиков в совдепе.

не менее заседание выразило уверенность, что, «независимо от всяких политических разногласий, в борьбе с денкинской контрреволюцией весь пролетариат Азербайджана и Армении выступит так же сплоченно, как и пролетариат Грузии».

Этот эпизод вызвал охлаждение, но разрыва не произошло. Большевистские организации и деятели прибегали для разрушительной работы вне пределов Грузии, Грузины пользовались ими, они пользовались грузинами. Их не хотели трогать, быть может, не смели — в предвидении всяких политических возможностей. Даже в ноябре, после ряда большевистских восстаний, когда Рамишвили испросил у Учредительного собрания¹ декрет против пришлых большевиков, он облек его в такую тонкую и туманную форму: «Временно для борьбы с анархией предоставить министру внутренних дел право запретить существование на территории Грузии такой партии, которая представляет часть иностранной партии и подчиняется руководству главных партийных органов, находящихся в иностранном государстве, если она действует против независимости Грузии или вмешивается в ее внутренние дела; и вместе с тем закрыть печатный орган подобной партии». Конечно, никаких санкций на арест и изгнание целых категорий русских граждан и закрытие русских газет, если они были не большевистского толка, от собрания не требовалось. Велик был страх грузинских правителей перед Москвой и не напрасен.

Для характеристики специфических приемов грузинской дипломатии нелишне заметить, что информированный ею начальник штаба Уоккера серьезно уверял полковника Зинкевича в существовании «документальных данных, что русское главнокомандование ведет в Грузии пропаганду большевизма»².

¹ Открылось 27 февраля. 13 марта им был санкционирован единогласно акт бывшего «Национального совета» о самостоятельности Грузии.

² Доклад начальника генерального штаба Армении полковника Зинкевича от 17 августа 1919 года.

Культивируя очаги брожения против Добровольческой армии, Грузия с равным вниманием относилась к комитету бежавших из Темирхан-Шуры бывших горских правителей, возглавленному Цаликовым, Джабагиевым и Богдановым, игравшими ранее видную роль в деле подчинения Северного Кавказа советской власти. На грузинские деньги они издавали свой печатный орган, вели агитацию и находились в тесном контакте одновременно с тифлисским совдепом и с эрзерумским штабом.

Партийная диктатура, nepoтизм, злоупотребления, голод, безденежье, бандитизм и прочие недуги, разъедавшие страну, ставились — правильно или неправильно — в вину правительству и подрывали доверие к нему в народе. Правительство Жордания не имело сторонников в партиях меньшинства¹ и тяготилось дорогостоящей, иногда слишком опасной поддержкой пролетариата (совдеп). Необходимо было отвлечь общественность и партии от внутренних больных вопросов и объединить вокруг себя и националистические, и большевистские элементы одной общей идеей, выполнением одной общей задачи.

Таким громоотводом, сулившим к тому же неограниченные и, вероятно, неповторимые возможности, благодаря замутившейся политической жизни России, стали *внешние завоевания* и в обратном преломлении — опять-таки препятствующая им «деникинская опасность».

Грузинские меньшевики-интернационалисты простирали свои руки к Закатальскому округу², населенному лезгинами; они подавляли вооруженной силой сопротивление Южной Осетии³, стремившейся к национальному объединению с Северной; устремлялись к Сочи, Батуму, Ардагану, к северным уездам Армении. Результатом такого националь-

¹ Социалистов-федералистов, национал-демократов и социал-революционеров.

² В составе Азербайджана.

³ Нагорные части Горийского и Душетского уездов Тифлисской губернии.

ного шовинизма и империалистических стремлений был целый ряд местных восстаний, грузино-армянская война и то хроническое состояние «вооруженного нейтралитета», прерываемого вспышками локальной войны на Черноморском побережье, которое в равной мере ослабляло и нас и грузин и доставляло торжество третьей стороне — московской власти.

Для ведения такой политики нужна была армия. Серьезного боевого испытания грузинская армия не имела; и потому от оценки ее боевых качеств я воздержусь. Численно в начале 1919 года она составляла около 8—10 тысяч, сведенных в две пехотных дивизии и одну кавалерийскую бригаду, с большим количеством артиллерии — до 100 орудий. Командный состав состоял исключительно из офицеров-грузин русской службы во главе с генералами Гедевановым, Квинитадзе и Эристовым. Независимо от этой регулярной армии, имелась еще «национальная гвардия» под начальством Джугели, находившаяся в большей зависимости от совдепа, чем от правительства. Численность ее простиралась до 10—12 тысяч, хотя более половины состава распускалось обыкновенно по домам. Комплектовалась она исключительно добровольцами по рекомендации социал-демократической партии, совдепа и профсоюзных организаций; относилась пренебрежительно к регулярной армии и враждебно к грузинскому офицерству и отличалась отсутствием дисциплины, бесчинствами и невысокими боевыми качествами. Правительство, тяготясь своими преторианцами, не решалось, однако, расстаться с ними и лишь в июне вошло с представлением в Учредительное собрание о реорганизации армии, которая должна была впредь состоять из 4 отдельных бригад, из которых только одна относилась к национальной гвардии.

Грузинская армия была очень бедна денежными ресурсами, но зато богаче всех армий Кавказа, не исключая и Добровольческой, артиллерией, боевыми запасами и военным снабжением, захваченными с бывшего Кавказского русского фронта. Настолько богаче, что все это в изобилии посылалось грузинским правительством сочинским повстанцам,

ингушским, чеченским и дагестанским сепаратистам, поднявшимся летом 1919 года против власти Добровольческой армии.

...

27 ноября 1918 года радиограмма из Тифлиса, составленная в специфических тонах грузинского пафоса, поведала «всем» «о предательском нападении на станции Воронцово на грузинскую пограничную стражу... армянских войсковых частей». Министр Тегечкори, свидетельствуя об исключительном миролюбии Грузии, заявлял «протест перед лицом всего мира» против «вероломных действий» армянского правительства.

Но дело обстояло несколько иначе.

В предыдущей книге «Очерков» я говорил о том, как летом 1918 года Грузия при содействии германцев односторонним актом — вторжением своих войск — разрешила спорный вопрос о владении Борчалинским уездом с относительным большинством армянского населения¹ и объявила о включении в состав своих границ армянских территорий, оккупированных тогда турками². В октябре, ввиду частичного очищения турками Лори, армяне заняли его, вступив в вооруженное столкновение с грузинами, быстро улаженное.

Вскоре после этого грузинское правительство предложило армянскому разрешить спорные вопросы на Кавказской конференции в Тифлисе, созываемой 27 ноября. Опасаясь, что армяне останутся там в меньшинстве, эриванский парламент потребовал первоначально договориться о спорной границе между собой (то есть грузины с армянами). Грузины согласились, послав в Эривань с надлежащими полномочиями своего дипломатического представителя Мдивани.

Тем временем началась эвакуация турецких войск, и турецкое командование в последний раз перед уходом своим сыграло злую шутку над обоими своими историческими вра-

¹ По данным 1916 года — 43,5% армян, 1,5% грузин.

² Ахалкалакский уезд Тифлисской губернии, Казахский уезд Елизаветпольской и часть Александропольского уезда Эриванской губернии.

гами: армянское правительство было извещено, что турки очистят занятые районы 23 ноября, после чего армяне могут вступить в него; такое же сообщение сделано было грузинам, но срок был указан 21 ноября. Когда двинулись армяне, они встретили в спорных районах грузин. 22-го грузинский генерал Макаев, вступив без боя в Ахалкалаки¹, доносил своему правительству: «Население встретило радостно, с хлебом-солью». Войска его двинулись дальше на юг, вытесняя армянские части, согласно приказу не вступавшие в бой.

Между тем в Борчалинском уезде вдоль железной дороги Тифлис—Александрополь армянские селения, не вынеся бесчинств и реквизиций грузинских гарнизонов, начиная с 27 ноября стали восставать поголовно и во многих местах прогнали грузин. Для усмирения восставших двинулись грузинские войска с бронепоездами и приступили к расправе, в которой местами приняло участие и татарское население.

Армянское правительство дважды обращалось с протестом в ультимативной форме в Тифлис² и, не получая ответа, по единогласному решению парламента 30 ноября предписало своим войскам «занять армянскую часть Борчалинского уезда, до реки Храм без объявления войны».

Только 4 декабря получен был ответ грузин. Возлагая всю ответственность «за братоубийственное столкновение» на армянское правительство, не приславшее в Тифлис своих делегатов, где их тщетно ждали³, Грузия предла-

¹ В Ахалкалакском уезде, по данным 1916 года, армян было 76,4%, грузин — 7,3%.

² Телеграммы от 20 и 29 ноября; министра иностранных дел и министра-председателя.

³ Это заявление находилось в противоречии с нотой от 17 ноября грузинского дипломатического представителя Мдивани, который между прочим писал, что он уполномочен грузинским правительством на окончательное разрешение вопроса о границах, соглашение по каковому вопросу он представит на утверждение правительства. Официоз грузинского правительства «Борьба» (18 декабря) уверял, впрочем, что соглашение с Мдивани было достигнуто и он возвращался с проектом его в Тифлис, когда армянское правительство послало свой ультиматум.

гала «прекратить враждебные действия, занять старые границы и созвать армяно-грузинскую конференцию»¹. В тот же день последовал ответ армянского правительства, требовавшего вновь предварительного вывода грузинских войск из армянской части Борчалинского уезда, так как «правительство Армении не может оставаться безучастным зрителем того, как войска соседнего государства бесчинствуют в принадлежащей Армении территории и расстреливают граждан Армении». Вмешательство англичан², предложивших перемирие, с тем чтобы до заключения мира обе стороны оставили спорные области (Лори и Ажалкалаки), также не увенчалось успехом: армянский парламент принял предложение, но грузины не ответили и не прислали своих делегатов в назначенный день и пункт³. И война продолжалась. Одновременно по всей Грузии под предлогом того, что «армяне производят повсюду тайную мобилизацию», были предприняты репрессии против армян. А все лица, «подданные Эриванской республики призывного возраста, то есть от 18 до 45 лет», были объявлены военнопленными и направлены в концентрационные лагеря в Кутаис⁴. Войска генерала Силюкова в течение двух недель нанесли грузинам ряд серьезных поражений, захватили три бронированных поезда, 28 орудий, до 75 пулеметов, несколько сот пленных и военные склады, и в середине декабря подошли на переход к Тифлису. Но 16-го они потерпели неудачу у Шулавера и отошли на 10 верст к Садахло. В это время вторично, уже в ультимативной форме, англичане потребовали прекращения военных действий, назначив срок — полночь на 19-е. В этот день противники, торопясь

¹ Радиограмма Гегечкори.

² Капитан Грин, посланный генералом Томсоном. Уоккер прибыл в Тифлис позднее.

³ 6 декабря на станции Самаин ожидали капитан Грин и армянские делегаты.

⁴ Грузинское правительственное сообщение от 16 декабря. В одном из заседаний армянского парламента подсчитывали потом громадные деньги, нажитые с богатых армян на этом предприятии грузинской администрацией.

каждый создать более благоприятное для себя стратегическое положение, вели встречный жестокий бой, к полночи явно склонившийся на сторону армян.

Условия, предписанные воюющим сторонам, были тяжелы и несправедливы по отношению к Армении: войска ее отводились в исходное положение, существовавшее до начала военных действий, тогда как грузины оставались на занятой линии; в Борчалинском уезде введена была смешанная армяно-грузинская администрация, а в Ахалкалакском, сплошь населенном армянами, — грузинская под контролем англичан.

Как будто нарочно создавались очаги брожения и недовольства.

Хотя сношения наши с Арменией, даже дипломатические, совершенно не налаживались, но грузинское правительство считало само или, может быть, с умыслом внушало англичанам, что совпавшее по времени частичное продвижение добровольцев в Сочинском округе к станции Лоо и армянское наступление в тифлисском направлении являлись «общим широко задуманным планом против Грузинской республики». И генерал Уоккер открыто грозил министру иностранных дел Армении Тигратяну, что «если армяне совместно с Добровольческой армией нападут на Грузию, он со своими войсками выступит на ее защиту»¹.

С осени 1918 года, после разрыва переговоров с Грузией, войска Добровольческой армии на Черноморском побережье занимали передовыми частями село Лазаревское, между Туапсе и Сочи, имея перед собой у станции Лоо грузинскую национальную гвардию генерала Кониева.

Положение русских войск было ненормальным в военном отношении («ни мира, ни войны») и весьма тягостным в морально-политическом. В Сочинском округе продолжалось спешное расхищение грузинами русского казенного и частного имущества, всевозможные притеснения, аресты и высылки элементов, тяготевших к России, и вместе с

¹ Свидетельство военного министра Армении генерала Карганова.

тем оказывалось покровительство большевикам и проводилось вооружение их. Шли повальные грабежи и разбои. Десятипроцентный сбор натурой со всех продуктов сельского хозяйства и товаров вызвал прекращение подвоза и торговли и усилил еще больше голод. Население Сочинского округа целым рядом депутатий и письменных постановлений обращалось в Екатеринодар с просьбой об избавлении от грузин. С той стороны фронта слышна была часто ружейная пальба, временами артиллерийская. Прорывавшиеся через грузинский кордон русские и особенно армяне → жители окрестных селений — приносили на наши передовые посты рассказы о творимых над ними расправах и просьбы о помощи. В то же время из Сочи приходили воззвания и газеты российской революционной демократии («Свободная Мысль»¹ Цвангера и гагринские «Телеграммы»), жалкие по содержанию, от имени «всего населения» поддерживавшие грузинскую оккупационную власть и одновременно с приведением демагогических посулов грузинских комиссаров обливавшие потоками грязи Добровольческую армию.

9 декабря, в связи со вспыхнувшей армяно-грузинской войной, неожиданно для нас началась эвакуация грузинских войск из Сочинского округа. Я приказал войскам продвигаться вперед и, не вступая в бой с грузинами, занимать оставляемую ими территорию Черноморской губернии. 16 декабря грузины оставили станцию Лоо, которая и была занята нашим полком. Дальнейший отход грузинских войск приостановился, и противники стояли на реке Лоо в течение целого месяца, не вступая в бой.

Через несколько дней перехваченные документы разъяснили несколько обстановку: 15 декабря «командующий Приморским фронтом» генерал Кониев сообщил населению², что «правительством приказано освободить Сочинский округ от войск Республики Грузии», но «всем административным учреждениям и должностным лицам (надлежит)

¹ Орган сочинского комитета социал-демократической рабочей партии.

² Приказы №№ 11 и 12.

оставаться на своих местах и продолжать исполнение служебных обязанностей». 16 декабря Кониев пояснил мотивы этого распоряжения: «Сочинский округ по соглашению с англичанами признается нейтральным. В силу этого соглашения вступление вооруженных войск какой бы то ни было армии или государства на территорию округа не может иметь места... Управление в округе остается грузинским».

Такое вмешательство англичан, без предварительного согласия главного командования и даже без уведомления его, вызвало у нас протест, обращенный к генералу Пулю. Ввиду того что Сочинский округ составляет искони неотъемлемую часть русской Черноморской губернии, генерал Драгомиров от моего имени просил содействия Пуля по немедленному введению русских войск и русской администрации во всем округе. Это обращение, равно как и ряд других — по вопросам о расхищении грузинами имущества и притеснениях русских людей в Сочинском округе, — оставлялось Лондоном и Константинополем без ответа. Вместе с тем 9 января мы получили через английскую миссию сообщение генерала Уоккера¹ о том, что он «получил инструкции поддерживать грузин, пока их поведение (?) удовлетворительно», и поэтому «дальнейшее продвижение войск Добровольческой армии в Сочинском округе без предварительного сношения с генералом Уоккером не должно иметь места». Это требование английского начальника дивизии, о существовании которого мы тогда узнали впервые, вызвало вновь мое обращение к Мильну², в котором я подтверждал, что «в этом крае должна быть немедленно водворена русская власть» и что я «не могу допустить с его стороны подобное несправедливое отношение к русским интересам».

Между тем на почве притеснений грузинами вспыхнуло восстание армянских селений³, охватившее весь прифронтовой и адлерский районы. В наши руки попала телеграмма ко-

¹ Письмо, подписанное полковником Кизом, № 129.

² Письмо от 14 января, № 45.

³ В Сочинском округе 36% сельского населения составляли армяне.

миссара Хочолава, после заседания с участием генерала Кониева доносившего правительству выяснившиеся причины восстания, которое легко было бы предотвратить, «если бы местные власти в лице комиссаров, а также регулярные войсковые части стояли на должной высоте». «Мне самому, — писал он, — пришлось лично видеть результаты ряда недопустимых деяний, хищений и грубого отношения к населению со стороны солдат». Хочолава, ввиду грозных событий, 17 января требовал «или уходить, или закрепить положение» и получил ответ правительства, что оно «в ночном заседании (на 18-е) постановило Сочинский округ не очищать». Грузинские войска предприняли широкую карательную экспедицию; в течение нескольких дней шли бои, грузинская артиллерия громила армянские села; к нам доходили вопли о помощи. Дабы положить конец этому кровопролитию, я приказал войскам Приморского отряда занять Сочинский округ.

24 января войска наши с боем перешли реку Лоо и заняли Сочи, где были встречены с большою радостью населением. В течение ближайших четырех дней добровольцы очистили от грузин весь Сочинский округ, и начальник дивизии генерал Черепов, дойдя до реки Бзыби, послал грузинам телеграмму о прекращении им военных действий ввиду окончания возложенной на него задачи. Генерал Кониев и его начальник штаба полковник Церетели были взяты в плен; в Сочи интернировано 43 офицера и 700 солдат, причем офицерам оставили оружие, а солдаты были обезоружены. Все воинские чины и оружие были отправлены морем в Грузию. Тем временем начались репрессии со стороны грузин: старик генерал Шатилов и другие наши представители в Тифлисе, многие русские офицеры, даже из числа не имевших отношения к Добровольческой армии, в Сухуме, Поти повсеместно были арестованы и ввергнуты в тюрьмы; грузины также арестовали и выслали президиум заступившегося за русских офицеров русского национального совета (Лебедева и Шубинского), вообще усилили репрессии в отношении русских граждан¹ и в моральном и в матери-

¹ Заявление Уайта 8 февраля, письмо его 7 февраля и телеграмма начальника штаба Романовского 10 февраля, № 02072.

альном отношении. Так, в четверг на страстной седмице грузинская милиция вторглась в Тифлисский кафедральный собор во время богослужения и потребовала прекращения службы. Несмотря на единодушный протест клира и молящихся, служба была закончена, после чего грузины опечатали собор и отняли его у русского прихода. 24 февраля грузинское правительство обнародовало закон, по которому были конфискованы земли русских земледельцев, бежавших в свое время от турецкого нашествия и не успевших к сроку, указанному в законе, именно к 1 февраля, то есть на 23 дня ранее опубликования самого закона, вернуться в места своей оседлости. Это было уже прямо надругательством и над русскими людьми, и над правом.

Под влиянием нашего наступления начались воостания абхазцев и армян в Сухумском округе, и представители его вновь обратились ко мне с просьбой избавить абхазский народ от насилий, могущих вызвать кровавую смуту. 1 февраля я отправил телеграмму генералам Мильну и Уоккеру (№ 176), указывая необходимые и неотложные меры для умиротворения Абхазии и устранения поводов взаимных столкновений наших с Грузией: «1) Объявить Сухумский округ нейтральным; 2) немедленно вывести оттуда грузинские войска и администрацию; 3) возложить поддержание порядка на абхазские власти, свободно ими самими выбранные, и на военные отряды, сформированные из абхазцев»...

Сочинский эпизод принял совершенно неожиданный для нас оборот. 3 февраля нашей радиостанцией принята была телеграмма «всем, всем» из Тифлиса, подписанная военным министром Георгадзе. В ней обычным стилем грузинской дипломатии наше наступление названо было «актом самочинного грубого насилия и вероломства». «Сочинский округ занимался нами, — писал министр, — по соглашению и настоянию(!) английского командования... 31 января (нового стиля) грузинским правительством было получено от английского командования в Константинополе письменное заявление, что со стороны генерала Деникина не будет предпринято ника-

ких враждебных действий против Грузинской республики»... Вслед за сим генерал Уоккер сообщил грузинскому правительству телеграмму «верховного союзного командования», что «Британское правительство приказало (!) генералу Деникину вывести свои войска из Сочи». При посещении Уоккера 8 февраля делегацией парламента, принесшей ему благодарность по поводу этого решения, Уоккер заявил: «Последнее время отношение грузинской печати к Великобритании очень часто меняется... Несмотря на это, великобританское правительство, если и имеются какие-либо нарушения его политики в Грузии, всегда готово исправить таковые к выгоде грузинского народа»... Посланный Уоккером полковник Уайт прибыл в Сочи и предъявил требование о немедленном выводе войск Добровольческой армии из Сочинского округа, в котором «будет установлен английский контроль». Но получил ответ, что «Сочинский округ очищен не будет»¹.

... ..

Английская миссия генерала Пуля, которую очевидно не информировали ни Константинополь, ни Тифлис, находилась в весьма неловком положении. Генерал Уоккер выразил крайнее возмущение против деятельности екатеринодарского представителя генерала Пуля, не предотвратившего этот эпизод, и в беседе с одним из чинов Добровольческой армии заявил, что Пуль, очевидно, совершенно не осведомлен о направлении «политики Его Величества» и должен получить указание в Константинополе. Генерал Пуль был вызван в Константинополь и к нам не вернулся.

Сменивший его 3 февраля генерал Бриггс, к нашему удовлетворению, оказался истинным и благородным другом России. Проявляя исключительную заботливость в деле снабжения русских армий, относясь горячо и искренне к нашим нуждам, невзгодам и успехам, он вместе с тем оказывал неизменно большую моральную поддержку и

¹ Нужно заметить, что и «грузинские граждане», и просто грузины, пребывавшие на территории ВСЮР, никогда не подвергались никаким ограничениям, и тем из них, которые состояли на государственной службе, предоставлено было продолжать ее.

командованию, и русской идее. Везде, где ему приходилось выступать — на Донском кругу, среди кубанских самостоятельных, на Чеченском съезде, — мы слышали от него полные достоинства и спокойствия призывы к единству, к поддержанию государственной связи с Россией. Он был добрый англичанин и исполнительный подчиненный. Но не раз, исполнив свой долг — предъявив мне в сухой и настойчивой форме неприятные для нас требования Лондона, — в тот же день (мне это стало известно впоследствии документально) кроме моего отказа посылал и свой личный обоснованный протест против распоряжений Лондона.

Только с приездом генерала Бриггса пришли запоздалые ответы на мои обращения к генералу Мильну¹. Мильн писал, что письма мои препровождены «правительству Его Величества». Британия «не имеет намерения вмешиваться в дела образованных в Закавказье правительств». Мильн охотно поддерживал бы русские интересы в Грузии, но это невозможно ввиду позиции, занятой русскими в сочинском вопросе; просил «прийти к дружелюбному соглашению с Грузией». Но одновременно я получил через генерала Бриггса ноту ультимативного характера²:

«Я получил указание Военного министерства предложить Вам немедленно прекратить операции против Сочи. Затем обратить Ваше внимание на постановление Мирной конференции от 24 января, в силу которого захват силою спорной территории будет серьезно вменен в вину захватчику.

Если генерал Деникин не согласится ожидать решения из Парижа и не воздержится от перехода в район южнее линии Кизил-Бурун—Закаталы и далее по Кавказскому хребту до Туапсе на Черном море, то правительство Его Величества может оказаться вынужденным задержать (или отменить) помощь оружием, снаряжением и одеждой».

¹ Письмо от 29 января 1919 года, полученное 3 февраля.

² От 6 февраля.

Всё это было уже слишком поздно. Запоздалое вмешательство англичан не соответствовало ни русским интересам, ни достоинству русской армии, ни просто справедливости. Путем личных бесед с генералом Бриггсом и предъявлением ряда документов, относящихся к сочинскому вопросу, я приобрел в нем фактического защитника наших интересов. При этом установлено было, что главное командование никогда не давало никому заверения или обещания не занимать Сочинский округ. Такое ложное убеждение, повлекшее за собой приведенную выше ноту Мильна, создано в Константинополе из-за доклада Уоккера, *post-factum* оправдывавшего его тем выводом, который был им сделан из слов, сказанных якобы генералом Эрдели во время их беседы 20 января: «Генерал Деникин не имеет никаких агрессивных намерений относительно Грузии и, более того, не мог бы осуществить их, если бы хотел». Донесение генерала Эрдели от 20 января (№ 6) и последующий доклад категорически опровергали и факт произнесения им этой фразы¹ и возможность ошибочного толкования Уоккером нашей позиции в сочинском вопросе. Эрдели заявил тогда вполне определенно: «Мы думаем не о завоевании, а о возвращении принадлежащего нам по праву», и на вопрос Уоккера, удовлетворило ли бы нас установление русской администрации в Сочинском округе, но с грузинскими войсками, Эрдели ответил категорически: «Нет, войска должны быть выведены, и округ занят нами»².

¹ По смыслу фраза была бы правильной в отношении этнографической Грузии, но не Черноморской губернии.

² В ноте от 25 января генералу Уоккеру Гегечкори излагал этот эпизод следующим образом: «Нотой от 31 января—1 февраля (нового стиля) за № 124-5 Ваше Превосходительство сообщили мне по поручению высшего британского командования, что великобританское правительство предложило генералу Деникину соблюдать целостность грузинского правительства (республики?) и воздержаться от вмешательства в его внутренние дела. Грузинское правительство считало, что эта нота является для нас достаточной гарантией».

Таким образом, гарантии Грузии даны были Уоккером за два дня до встречи и разговора с Эрдели.

Результатом всех этих событий было следующее: генерал Уоккер вскоре покинул свой пост; в Гаграх появилась рота англичан во главе с полковником Файнсом, ставшая по реке Бзыби, между расположением обеих сторон, с которых взято было обещание не возобновлять военных действий и не переходить реку; англичане признали *status quo*, не облекая признания в декларативные формы, чтобы не подчеркивать некоторый урон, понесенный британским престижем¹.

Непосредственные отношения с грузинским правительством у нас решительно не налаживались. Грузины внушали англичанам, что я «отказываюсь принять грузинских представителей»². Это было совершенно неверно. Гегечкори в январе 1919 года сообщал доверительно некоторым лицам, не без намерения осведомить Екатеринодар, что им посылается дипломатическая миссия в составе «политических врагов правительства» (?)³ к кубанскому правительству, но с главной целью «завязать *конфиденциальные* сношения с Добровольческой армией»⁴. Попытки сближения сделаны были и путем посылки в середине февраля к генералу Эрдели, находившемуся в то время в Баку, князя Амилахвари, который от имени Жордания и Гегечкори зондировал по-

¹ Официальное признание границы по реке Бзыби было сделано впервые в ноте генерала Корри грузинскому правительству 29 мая 1919 года, то есть два месяца спустя после того, как грузины перешли ее (см. ниже).

² Из письма генерала Мильна 29 января 1919 года.

³ Первоначально предполагено было послать А. В. Мдивани (социалист-федерал), генерала Имнадзе и полковника князя Амилахвари (оба правые). Первый грузинский посланец на Кубань Чхенкели еще в ноябре добивался от грузинского правительства «мандатов и присылки делегации на основах взаимности» (радиограмма его от 4 ноября, № 22/340).

⁴ Доклад заместителя председателя Закавказского русского национального совета Семенова от 16 января и доклад поручика Полупнина от 26 марта, № 62.

чуву относительно вступления в сношения с Добровольческой армией. Эрдели, обобщая свои впечатления, объяснял эту перемену тем, что «в Грузии замечается поворот к нам, сильное недовольство англичанами и тревога за будущее; боязнь, что англичане съедят Грузию и весь Кавказ и что единственная опора — это мы и Россия». Если известные круги и поддерживают непримиримость, сепаратизм и ненависть к Деникину, Колчаку, то «в массе все больше и больше наблюдается поворот к нам, (который) по-видимому, начинает учитываться руководящими кругами...»¹. Не без влияния на изменение настроения было, конечно, и тяжелое экономическое положение Грузии, отрезанной от производительных районов Северного Кавказа.

Какие бы ни были мотивы, руководившие грузинскими правителями, этот поворот был встречен у нас с полным удовлетворением. И прибывший 10 февраля в Екатеринодар грузинский «уполномоченный» на Кубани Вачейшвили телеграфировал своему правительству о полученной гарантии неподвижения добровольцев дальше Бзыби, о прекращении военных действий и о возможности начать переговоры; просил «срочно, по радио мандата правительства на имя Чичинадзе, Вачейшвили и Кижнадзе для ведения переговоров со штабом Добровольческой армии»².

Проходили недели, а Тифлис молчал.

Первая пора растерянности прошла, благоразумие смолкло вновь, и грузинские меньшевики не рисковали не только примирением с главным командованием, но даже вступлением с ним в официальные дипломатические отношения дать оружие в руки своим политическим противникам — социал-федералам и национал-демократам — и «скомпрометировать» себя в глазах грузинс-

¹ Письмо к генералу Драгомирову от 15 февраля 1919 года.

² Вачейшвили имел еще с декабря полномочия от правительства «на заключение экономического договора по принципу товарообмена, не связывая заключение договора с вопросом о Сочинском округе» (телеграмма военного министра Георгадзе). Такая постановка вопроса встретила категорический отказ главного командования.

кого совдепа, русской революционной демократии и главное... Москвы.

На Сочинском фронте возобновилось прежнее, чрезвычайное опасностями положение: ни мира, ни войны.

Весна 1919 года была периодом тяжелых боевых испытаний для армий Юга: оставление французами Одессы, потеря почти всего Крыма, критическое положение Донского фронта и угроза Тихорецкой со стороны Царицына требовали сосредоточения всех сил на угрожаемых направлениях. Получив письменное ручательство генерала Бриггса, что «ввиду занятия британскими войсками линии реки Бзыби исключается всякая возможность каких бы то ни было наступательных действий со стороны грузин против Добровольческой армии»¹, я ослабил значительно Сочинский фронт. Между тем вскоре оттуда начали приходить тревожные сведения: грузины мобилизовали два возраста, вооружали интернированных в Веро большевиков и отправляли их в Сухумский округ, подвозили к Бзыби тяжелую артиллерию и понтоны. Во второй половине марта грузины сосредоточили за Бзыбью 5—6 тысяч штыков и до 20 орудий, явно готовясь к нападению. На глазах у английской роты грузины строили второй мост через Бзыбь, и на протест по этому поводу начальника нашего отряда генерала Бурневича полковник Файнс ответил, что «это военному делу не относится» (?). Английские посты пропускали беспрепятственно с грузинского на наш берег всех желающих, не исключая и грузинских солдат, требуя только, чтобы они были безоружны. Был даже случай, что на глазах у английского офицера и караула грузинские солдаты на нашем берегу захватили добровольца — поручика Бенуа, абхаза по происхождению — и увели его через мост в свое расположение.

Вновь начинались какие-то странные недоразумения, которые английская миссия при всем желании предотвратить не могла, так как части 27-й английской дивизии подчинялись командованию в Тифлисе.

В то же время при содействии грузин в Сочинском округе поднималось восстание *зеленых*.

¹ Нота от 18 февраля 1919 года.

Это движение имеет свою сложную историю, на которой я остановлюсь в другом месте; здесь же ограничусь лишь указанием на особые местные черты его характера. Революционные организации обосновавшихся в Черноморье российских социалистов, совместно с покровительствующими им грузинскими властями, усиленно внушали крестьянам мысль, что при содействии англичан округ может быть «нейтрализован», и это избавит их от реквизиций, податей, налогов, вообще от несения всяких государственных повинностей, в том числе и от набора. И потому, когда объявлена была в середине марта мобилизация 4 призывных возрастов, военнообязанные стали уходить поголовно в леса, там организовались в отряды, снабжаемые в изобилии оружием и патронами от грузин. И 26 марта поднялось вооруженное восстание в деревне Пластунской, распространившееся вскоре на весь район Сочи—Красная Поляна—Адлер. А 31-го были закончены и приготовления грузин к переходу в наступление.

Ему предшествовали два странных обстоятельства. 24 марта полковник Файнс обратился к начальнику нашего передового отряда с запросом, «получены ли им приказания о выводе русских войск из Гагринского района»; и если нет, то просил «обратиться к генералу Деникину за соответствующим приказанием». А 3 апреля, то есть накануне наступления грузин, получена была телеграмма генерала Мильна, извещающая о том, что «грузины предполагают атаковать (добровольцев), хотя им известно, что это явится актом враждебным по отношению к (англичанам)». Миссия добавляла¹, что генерал Мильн предпринимает шаги, дабы этому воспрепятствовать, и советовала удержать наши черноморские отряды «от враждебных действий и отвести войска к северу как можно дальше».

4 апреля получена была мною телеграмма грузинского Главнокомандующего генерала Гедеванова².

«Во избежание возможности кровопролитного столкновения между грузинской и Добровольческой армиями не-

¹ Нота № 344 от 3 апреля.

² Отправлена *первого* апреля по телеграфу через англичан.

обходимо немедленно разрешить вопрос об установлении пограничной линии, которою, по нашему мнению, является река (не расшифровано)¹.

Для того чтобы я имел возможность совместно с Вами действовать против общего врага — большевиков — и для сглаживания существующих между русскими и грузинами неприятных недоразумений, нужно Ваше срочное согласие по этому вопросу. Ваше согласие даст мне возможность обеспечить Ваш тыл так, как Вам будет желательно, и убедить наш народ в Вашем дружественном отношении к нему»².

Из протокола заседания 8 мая 1919 года, в присутствии генерала Бриггса.

И словно в разъяснение истинного смысла происходящего через несколько дней мы прочли воззвание от «Штаба национальной гвардии» Джугели всем сочинским «товарищам»:

«...Цель предательского врага — выбить из наших рук доблестное красное знамя, восстановить деспотизм, торжество темных сил и раздавить нашу свободу и демократию.

...Объединившись и тесно сомкнувшись вокруг красного знамени с оружием в руках, будем биться насмерть с силами реакции, наступающими (!) на революционную Грузию.

Долой черную реакцию!

Да здравствует революционная демократия!

Да здравствует социализм!»³

¹ Оказалось — Мехадырь.

² Самый факт перехода грузин в наступление генерал Гедеванов объяснял впоследствии следующим оригинальным образом: «Когда мы стояли на реке Бзыби, в Сочинском округе произошли волнения. Причины их мы не знали (!) и думали, что там имеет место большевистская пропаганда. Чтобы остановить распространение восстания, мы решили перейти в наступление».

³ Воззвание датировано 7 апреля. По поводу его генерал Гедеванов заявил впоследствии, что национальная гвардия «подчинена непосредственно правительству», а ему лишь «в тактическом отношении... и многие вопросы она решает самостоятельно». Из того же протокола.

В тот же день, когда получена была телеграмма Гедеванова, с рассветом грузинские войска, перейдя беспрепятственно линию английских постов и реку Бзыбь, ударили на слабый наш передовой отряд — Кавказский офицерский полк генерала Ушака. Ушак отбил атаку; но вскоре обнаружилось, что все высоты в тылу заняты зелеными, и отряду почти в полном окружении пришлось отходить за реку Мзымту, пробиваясь с большими потерями. Сухопутное сообщение с Сочи было отрезано. Только 7 апреля высланные из Сочи подкрепления расчистили тыл отряда от повстанческих банд и овладели Адлером и Пластунским — центром восстания, после чего оно пошло на убыль и вскоре замерло. Грузины продвинулись до Мзымты, но вскоре оттопили, остановившись за рекой Мехадырь, и начали расправу с армянскими селами...

Ввиду открытия военных действий грузинами я приказал закрыть границу, выслать всех грузинских официальных представителей за пределы Вооруженных сил Юга и воспретить заход наших судов в грузинские порты. Войскам Черноморья приказано было перейти в наступление и выбить грузин из Сочинского и Сухумского округов.

Начались приготовления по сбору сил и подготовка дивизии¹. Тем временем генерал Бриггс, принимавший горячее участие в наших делах, снесясь с Константинополем, сообщил мне, что Главнокомандующий (генерал Мильн) считает действия грузин «прямым нарушением данных британскими властями указаний» и посылает британские войска для предотвращения дальнейших продвижений². Ввиду этого генерал Бриггс просил меня не предпринимать наступления, выражая твердую уверенность в мирном разрешении вопроса.

Англо-грузинские переговоры затянулись. Грузинское правительство опять, как в начале года, выразило пожелание...

¹ К 20 апреля в Сочинский район удалось стянуть всего до 2800 тысяч пьков при 13 орудиях. Ослаблять главные фронты не представлялось возможным, а слабый в то время Черноморский флот был занят у Акманайских позиций (Крым).

² Нога 8 апреля, № 66387.

ние начать переговоры с главным командованием при посредстве английского представительства. Генерал Бриггс взял на себя лично эту миссию и в начале мая поехал в Тифлис, ознакомившись предварительно с моими требованиями¹. После двух заседаний 8 и 10 мая (в Батуме и Тифлисе), выяснивших, между прочим, что инициатором приглашения был генерал Гедеванов, по-видимому искренно стремившийся к примирению с Добровольческой армией, генерал Бриггс пришел к заключению, что он «напрасно потерял время, так как у грузин не было желания идти на уступки».

Основное требование об очищении грузинами Черноморской губернии отводом войск за Бзыбь было отвергнуто²; о нейтрализации Сухумского округа тем более они не хотели и слушать. Потому дальнейшие прения имели чисто академический характер, выясняя лишь общие взгляды грузинского правительства на отношение к России вообще. Вероятно с большим удивлением и впервые грузинские правители услышали из уст английского генерала такие фразы: «Англичане и итальянцы уйдут, но Россия останется навсегда; и дружеские отношения с нею — это лучшее, что может быть... Лига наций еще не вылилась в определенную форму... Мирная конференция закончится, Россия же будет великой и могущественной, и вы подготавливаете себе не особенно благоприятную будущность... Генерал Деникин (считает, что) не имеет права и полномочий изменять границы областей России до Всероссийского народного собрания,

¹ Не повторяю их, так как они были изложены в инструкции Баратову; прибавил пожелание нейтрализации Сухумского округа, не ставя, однако, вопрос этот ультимативно.

² Генерал Гедеванов мотивировал необходимость границы по Мехадьри тем, что тогда «мы (грузины) будем владеть узким коридором, удобным для прикрытия Грузии от находящихся с нами в войне или недружелюбно настроенных к нам армий» (!).

Гегечкори: «Мы хотим иметь такую границу, которая нас вполне обеспечит от проникновения большевизма».

Рамшвили: «Линия эта — естественная граница Абхазии».

Протокол заседания 10 мая 1919 года.

которое одно может разрешить этот вопрос». К сожалению, позиция генерала Бриггса была не особенно прочной, когда Гегечкори не без иронии предложил ему вопрос: «Мы желали бы слышать, — это мнение лично генерала Бриггса или ... британского командования?». Так как «мы имеем сведения, что вопрос о границах будет разрешен не на Всероссийском собрании, а на Парижской мирной конференции... Мы имеем уверенность, что Британское правительство поддержит нашу независимость от России».

Эта уверенность во всемогуществе Мирной конференции была у грузинских правителей очень прочной, а перспектива решить вопрос своего суверенного существования и территориального распространения при отсутствии России слишком заманчивой... Этим обстоятельством в гораздо большей степени, чем стратегическими соображениями, обоснована была та торопливость, с которой велись грузинские захваты, та цепкость, с которой ивались приобретаемые ими границы «Великой Грузии». Поставить Мирную конференцию перед свершившимся фактом — это казалось самым главным. Вопрос же о «народном волеизъявлении» представлялся уже более легким: для этого существовали такие влиятельные факторы, как усиленная колонизация, национальная гвардия и... Мцхетский замок.

12 мая генерал Бриггс вернулся из поездки, а 23-го прибыл из Лондона в Новороссийск его заместитель генерал Хольман. Приезд последнего был полной неожиданностью для генерала Бриггса, которого британское правительство не известило о предстоящей смене. 30-го мы провожали с душевным сожалением «друга России и нашего друга», заслужившего глубокое уважение в русском обществе и в армии.

Роль генерала Бриггса на этом не кончилась. Он защищал интересы России и армий Юга в Лондоне — в военном министерстве и парламенте; ездил в Бухарест и Варшаву убеждать Братиано и Пилсудского в необходимости общих усилий для освобождения Европы от мировой угрозы русского большевизма, необходимости кооперации с

Вооруженными силами Юга¹. Осенью 1919 года он вновь посетил Ростов, Харьков, Киев, желая возобновить связь с русскими армиями для наиболее целесообразной помощи им.

Удаление генерала Бриггса казалось странным и необоснованным, так как преемник его, генерал Хольман, с первых же шагов своих стал вести ту же дружественную нам политику.

...

Все на Черноморском побережье осталось по-прежнему. Генерал Мильн, будучи у меня 9 апреля, заявил, что он потребовал отхода грузин за Бзыбь; то же повторила английская миссия 12 июня. Но, видимо, британский авторитет был уже недостаточен ни для предупреждения, ни для ликвидации столкновения. Или, вернее, Лондон не желал подкрепить его аргументом более веским, чем бумажные ноты.

Грузины остались на Мехадыри. Между правительствами ВСЮР и Грузии по-прежнему не существовало официальных отношений. Граница была закрыта. А войска двух армий стояли на побережье друг против друга в постоянной боевой готовности, рискуя каждую минуту тем, что в силу какого-либо непредвиденного случая «заговорят сами» ружья и пушки.

ГЛАВА XVIII АЗЕРБАЙДЖАН

Взаимоотношения наши с другой закавказской «державой» — Азербайджаном — носили еще более оригинальный характер. Между нами не было никаких территориальных споров, никаких посягательств на ту границу, за которой самоопределился Азербайджан. «Самостоятельность» его правительства до Всероссийского учредительного собрания была признана мною с самого начала... Армия Юга ни разу не угрожала границам Азербайджана. В ответ на это мы встретили злобу и ненависть правительства и правящей партии, так

¹ При некотором противодействии со стороны министра иностранных дел Керзона.

сказать а ргіогі, тягчайшие оскорбления по адресу командования, правительства и армии в официальной печати, в официальных речах и актах; наконец, бессильное бряцание оружием и открытую поддержку — материальную, финансовую, вооружением и формированиями — наших недругов. Эта «глава» нашей истории, когда она творилась, была расплыта во времени и в массе событий и впечатлений. Теперь, когда она пишется и появилась возможность сосредоточиться на ее содержании, становится еще более ясным долготерпение и миролюбие командования и правительства Юга и выдержка армии. Бывали неоднократно моменты, когда занятие всей территории Азербайджана в военном отношении не представляло затруднений, и этим положен был бы без сомнения конец волнениям на Северном Кавказе... Политика Азербайджана являлась как будто сплошной провокацией в этом отношении главного командования. Но за этим актом явно виделась перспектива всеобщего закавказского пожара, в котором легко было опалить зарождающуюся мощь армий Юга. На чаши весов поставлено было: на одну — достоинство вождей и Армии, на другую — успех белого движения.

... Естественно, что вторая перетянула.

...

Все в Азербайджанской республике было искусственным, «ненастоящим», начиная с названия, взятого заимобразно у одной из провинций Персии. Искусственная территория, обнимавшая лезгинские Закаталы, армяно-татарские Бакинскую и Елисаветпольскую губернии и русскую Мугань и объединенная турецкой политикой в качестве форпоста пантюркизма и панисламизма на Кавказе... Искусственная государственность, так как на этих землях, лежавших на пути великого переселения народов и подвергавшихся воздействию разнообразных культур сменявшихся завоевателей, жили всегда разрозненные мелкие племена¹, враждовавшие друг с другом и доныне еще сохранившие черты кочевого быта. Наконец, искусственно держалось и Азербайджанское

¹ В XVIII и XIX веках на предгорьях располагались мелкие ханства: Дербентское, Кубинское, Шемахинское, Бакинское, Талышинское, Шушинское, Нухинское, Ганжинское и Елисуйское в Закаталах.

правительство: первоначально волею Нури-паши, потом генерала Томсона и в дальнейшем — просто по инерции.

Когда в Баку появились англичане, туркофильское правительство хана Хойского, не имевшее решительно никакой опоры в стране и почти никакой вооруженной силы, покорно ждало решения своей участи. Генерал Томсон, не получив, по-видимому, указаний из Лондона, стал первоначально на точку зрения «российской державности» и стремился к построению временной коалиционной власти чисто административного характера в составе представителей трех главных национальностей, населяющих край, — русских, татар и армян¹. Томсон обратился прежде всего за содействием к русской общественности, но встретил там такой непримиримый антагонизм, что соглашение оказалось невозможным.

Русская организованная общественность представлена была в то время в Баку следующими группами: 1. *Русский национальный комитет*, возникший инициативным порядком и потом пополнивший свой состав кооптацией различных общественных организаций (союз офицеров, учителей, «русского демократического общества» и т.д.). Возглавлялся комитет² лидером местных кадетов Подшибякиным, именовал себя беспартийным, но в целом разделял кадетскую идеологию и всецело поддерживал Добровольческую армию. Комитет считал возможным войти в состав правительства лишь при условии «признания принципа единой России и разрешения вопроса о самостоятельности Азербайджана (только) Всероссийским Учредительным собранием». 2. *Совет славяно-русского общества* — организация, созданная лицами, прибывшими из Тифлиса³, находившимися в близких отношениях к азербайджанскому министру внутренних дел

¹ В Бакинской и Елисаветпольской губерниях по данным 1917 года числилось: русских — 96 тысяч, армян 344 тысячи, татар — 1019 тысяч.

² Позднее назвал себя «Советом».

³ Доклад мне комитета от 12 августа, № 354, так говорит о его происхождении: «В Баку был командирован инженер Виноградов, который, завязав связи с приходами и найдя поддержку в лице настоятелей двух наиболее значительных церквей, приступил к организации общества, что ему и удалось с успехом выполнить».

и получавшими субсидии от правительства. Политическая физиономия его была крайне неопределенна (с уклоном вправо), тактика — соглашательская. Комитет «откликнулся с чувством глубокого удовлетворения на призыв мусульманских руководящих кругов принять участие в политической жизни Азербайджана», надеясь тем «еще более укрепить русское влияние и сознание необходимости единения с великой Россией»¹. 3. «Прикаспийское правительство», созданное Бичераховым, в составе русских и армянских социал-революционеров, переехавшее из Петровска и претендовавшее на управление Северным Кавказом и Прикаспием, включая Бакинскую губернию и «Закаспийскую республику». «Правительство» считало себя в духовной связи с «Комучем» и Уфимской директорией и полагало необходимым свергнуть азербайджанское правительство и установить свою власть. 4. Наконец, левые организации — партия «эсеров-интернационалистов», рабочие, профессиональные союзы, объединенные в «рабочей конференции», не говоря уже о чисто большевистских, — проповедовали и работали деятельно в пользу установления советской власти.

Соглашение между русскими меньшевистскими организациями не состоялось. Точно так же безрезультатными оказались совещания, устроенные Русским национальным комитетом с представителями татар и армян, из-за решительной непримиримости татар.

При таких условиях Томсон решил опереться на существующее азербайджанское правительство. В составе его дано было два места русским и одно или два армянам; точно так же в созываемом парламенте русским было предоставлено 10 мест, несколько мест армянам и евреям и по одному грузинам и полякам. Представителей этих «национальных меньшинств» предложено было избрать соответствующим национальным советам. В состав правительства и парламента от русского населения вошли только члены «Славяно-русского общества»².

¹ Там же.

² Пять в парламент и двое в правительство: министр финансов Протасьев и министр продовольствия — председатель общества поляк Лизгар.

Правительство хана Хойского в большинстве своем состояло из членов партии «Муссават», и путем административного воздействия такое же большинство получилось в парламенте.

13 декабря на торжественном заседании парламента председатель его объявил, что он «остановился на хане Хойском как на лице, наиболее достойном формировать новое правительство». Хан Хойский прочел декларацию, в которой определена была «первая и важнейшая задача» правительства: «Единодушное желание, которое было высказано здесь (в парламенте) представителями всех фракций, а именно — о независимости Азербайджана, — правительство всемерно будет стараться разрешить окончательно», что, однако, не исключает возможности «свободному Азербайджану вступить в теснейшую связь с другими государствами, образовавшимися на территории России, а также и самой Центральной Россией». А через два дня генерал Томсон октроировал рожденную им власть особой «Прокламацией»: «Ввиду образования коалиционного азербайджанского правительства под председательством хана Хойского сим объявляю, что союзное командование будет оказывать полную поддержку этому правительству как единственной местной законной власти в пределах Азербайджана».

И политические партии в Азербайджане, пришедшие на свет только в 1918 году, были какими-то ненастоящими. Их было три: Муссават, Иттихад и Пюммет. Совершенно невозможно определить программы и идеологии первых двух. По составу своему правящая партия Муссават включала среднюю буржуазию и третий элемент, многие представители которого недавно вышли из рядов российской кадетской партии. Иттихад комплектовался крупной тюркской буржуазией, помещиками и духовенством. Если первых по русской терминологии можно назвать «кадетами» с социалистической личиной, не мешавшей им поддерживать феодальный земельный строй, то вторым приличествует имя «октябристов». Партия Муссават проявляла исключительную враждебность по отношению к России, перенесенную всецело на

Добровольческую армию, панисламизм и тяготение к Турции. Партия Иттихад весьма сочувственно отнеслась к туркам во время их кратковременной оккупации, перенесла свое благоволение на англичан, когда они были в силе, не оставляя в то же время сношений с русским национальным комитетом и мысли о возвращении к России. Обе партии разделяли со всем тюркским населением ненависть к армянам, проявляя ее широко и в административной практике.

Самой малочисленной и наименее влиятельной была партия Гюммет — откровенно большевистская. Вся остальная крайне немногочисленная вообще тюркская интеллигенция оставалась пассивной политически, именовалась «беспартийной», составляла лояльную оппозицию правительству в парламенте и склонялась скорее к русской ориентации.

Во внутренней жизни политика правительства сводилась к восстановлению русского права, суда и русских учреждений, так как народ без культуры и правительство без идеологии не могли и приступить к созданию новых форм жизни. Неудержимое стремление к национализации перевернуло только вверх ногами иерархическую лестницу: из низов без всяких стажей и цензов, не исключая и морального, всплыли на поверхность татары-муссаватисты, захватив все видные и выгодные материально посты, а русские — люди науки, техники и с административным опытом — скатились вниз, в силу тяжелых материальных условий мирясь с подчиненным положением. Ими, однако, держался весь механизм административного управления. Неоднократные приказы правительства о замещении должностей лицами тюркского происхождения или владеющими, по крайней мере, тюркским языком оставались мертвой буквой из-за неимения своих служилых кадров и даже попросту образованных людей. И русский язык оставался по-прежнему языком государственным. Не прошел и выработанный правительством закон о подданстве — юридически безграмотный, имевший в своей основе нелепое положение, что азербайджанскими подданными признаются все те лица, которые сами или их родители ро-

дились в Бакинской и Елисаветпольской губерниях. Единственная область, в которой национализация имела известный весьма печальный успех, это была школа, где бывшие российские кадеты начали с установления в младших классах обучения на тюркском языке и изъятия преподавания русской истории и географии. Парламент, по примеру Грузии, вотировал учреждение в Баку университета. Но так как весь ученый персонал его поневоле оказался русским, то «Союз трудовой интеллигенции» протестовал против его открытия на том основании, что университет станет орудием русификации и что открытие его возможно только после полной национализации средней школы.

Национализация административного аппарата¹ привела к тому, что в глазах населения «старый полицейско-бюрократический режим» оказался гуманнейшим. Насилие, произвол и повальное взяточничество превзошли всякие ожидания, а в районах с преобладающим населением «национальных меньшинств», особенно армянского и русского, создали невозможные условия существования. К правительству Армении, в Русский национальный комитет, в Особое совещание стекались жалобы поработанных «меньшинств». Дома, поля, инвентарь, имущество людей, бежавших от турецкого нашествия и теперь вернувшихся, были захвачены татарами, и положение беженцев оказалось безвыходным. «Мы обили все пороги, — писали мне молокане Шемахинского уезда. — Нагайки и тюрьма — единственный ответ, который получают потерпевшие... Нас грабят в деревнях, грабят на дорогах, грабят на работах, грабят и в столице — городе Баку, доводя до отчаяния»².

Губернии Бакинская и Елисаветпольская находятся в исключительно благоприятных условиях по своим колос-

¹ Автор в данном случае, употребляя слово «национализация», имеет в виду переход всех школ на обучение только на азербайджанском языке и создание административного аппарата только из азербайджанцев. — *Прим. ред.*

² Прошение поверенных молокан на основании приговоров, выданных обществами 18—22 июня 1919 года.

сальным природным богатствам¹, и поэтому правительству Азербайджана было легче, чем другим, справляться с финансово-экономическим вопросом. Но поставить рационально бюджет правительство не могло или не сумело, и базой его, как и во всех новообразованиях, служил печатный станок. В 1918 году Азербайджан находился в этом отношении в зависимости от Грузии, пользуясь общими закавказскими бонами, печатавшимися в Тифлисе², а в 1919 году стал печатать свои, в неограниченном количестве, свободно субсидируя и меджлис горских народов. Эти боны имели, впрочем, хождение только в самом Азербайджане и отчасти в Дагестане. Но по мере переполнения нефтяных приемников и застоя в вывозе нефти из-за блокады Астрахани падала ценность жидкого золота, падал и курс азербайджанских бон, вызывая усиление дороговизны, невзирая на наличие других богатейших ресурсов края.

Англичане проявили исключительное внимание к каспийскому судоходству и к бакинской нефти, взяв в свои руки управление судоходством, нефтяное дело и Бакинское отделение государственного банка. Весьма характерно, что, удалив с территории Азербайджана русские войска и лишив нас военной флотилии, Томсон неоднократно обращался к генералу Эрдели, предлагая принять в ведение главного командования Юга военный порт в Баку и все морские учреждения, а также принять на средства русской казны содержание команд судов и личного состава Бакинского портового правления. При явном недружелюбии английского командования, враждебности азербайджанского правительства, невозможности иметь свою портовую администрацию и какую-либо вооруженную силу, на кото-

¹ Они видны из следующего неполного перечня: хлопок, масла, нефть, рыбные промыслы, цинк, свинец, сера и т.д.

² Правительство бедной и зависимой от азербайджанского ввоза Грузии стремилось удержать в своих руках эмиссию, дававшую ей большие выгоды. По первое мая 1919 года на долю Грузии пришлось 380 миллионов рублей, Армении — 240 миллионов рублей и Азербайджана — 160 миллионов рублей.

рую можно было опереться, такое предложение имело вид злой иронии.

...

И армия Азербайджанская была ненастоящей. Те формирования, преимущественно из турецких добровольцев, которые вместе с войсками Марсала-паши брали Баку, под давлением англичан были распущены, и правительство приступило к формированию новых частей под руководством генералов русской службы Мехмандарова (военный министр), Сулькевича (бывший крымский правитель), Али-Ага-Шахлинского (начальник артиллерии)¹ и других. К весне 1919 года была сформирована одна пехотная дивизия, одна конная бригада и три батареи, общим числом номинально 12—15 тысяч, фактически — не более 3—5 тысяч. Ввиду того, что мусульмане Закавказья не несли никогда воинской повинности, эта армия не имела никаких кадров и строилась совершенно заново. Кроме высших командных постов, все офицерские должности занимали русские офицеры (90%), а из числа остальных — тюркского происхождения. — большинство сохраняло традиции русской армии и симпатии к России.

В силу крайнего нерасположения закавказских татар к регулярной службе формирование армии решительно не удавалось, а повальное дезертирство расстраивало окончательно ее ряды. И генерал Мехмандаров однажды в парламенте вынужден был заявить, что это армия небоеспособна и не в состоянии противостоять армии Добровольческой².

Положение русских офицеров, ввиду шовинистической политики правительства, было тягостным и весьма щекотливым. Еще в конце декабря 1918 года возгорелся спор между Закавказским русским национальным советом и генера-

¹ Последние двое оказались крайними русофобами. Шахлинский успел даже послужить туркам и участвовал во взятии ими Баку.

² Разведка определяла силы, могущие быть выставленными против Добровольческой армии, за выделением войск на армянский и ленкоранский театры, в две с половиной тысячи.

дом Лебединским¹, прощрявшим поступление русских офицеров в азербайджанские войска, «дабы вывести офицеров из тяжелого материального положения». Спор поступил на мое разрешение. Принимая во внимание, что пути в Добровольческую армию не были заказаны никому, и с другой стороны — что русскому офицерству неместно было вооруженной рукою создавать враждебную России азербайджанскую государственность, я высказался против поступления русских офицеров в азербайджанскую армию. Позднее, в июне, когда Азербайджан готовился к войне с нами, положение там русского офицерства стало вконец невозможным. При посредстве моего представителя в Баку офицерству отдано было секретное распоряжение о переходе в Добровольческую армию. Оно было исполнено не только большим числом русских офицеров, но и частью грузин и мусульман, что еще более расстроило ряды азербайджанских войск.

В конечном итоге положение азербайджанского правительства определялось четырьмя факторами: присутствием английских войск; лояльной оппозицией Иттихада и беспартийных; враждебностью армянского народа; полною аполитичностью; темнотой и инертностью тюркского народа; в котором революция не произвела тогда еще никаких социальных сдвигов; она усилила только бытовое явление — абречество (попросту разбой), — лишенное социальных мотивов и искусно направляемое правительством в сторону национальной нетерпимости, религиозного фанатизма и территориальных захватов. Наконец, большое давление оказывал на власть многочисленный и организованный бакинский пролетариат, который был резко враждебен «реакционному правительству тюркских феодалов, буржуазии и паразитического духовенства» и под интернациональными лозунгами проводил идею единства всероссийской советской власти. И только в одном интересе обоих противников сходились вполне — в противодействии «деникинской опасности». При этом пролетари-

¹ Председатель ликвидационной комиссии бывшего Кавказского фронта.

ат откровенно заявлял, что он готов в этом вопросе идти вместе с «реакционным правительством», в расчете, что «потом мы справимся сами с ханами — Хойскими и Усуббековыми»¹. Вероятно, в силу этой общности настроений правительство терпело большевистские организации, прессу² и пропаганду, выступая против них активно при помощи англичан только во время всеобщих забастовок, имевших место в декабре и в мае.

В марте на почве казнокрадства двух министров (один из них — Лизгар) пало правительство хана Хойского и образовалось новое, под председательством Усуббекова, из состава той же партии — Муссават, но с участием социалистов. В декларации нового правительства (апрель 1910 года) говорилось о предстоящем признании республики державами Согласия и «вступлении ее в семью культурных народов». Угрозой ее самостоятельности, по словам декларации, является «Добровольческая армия, нахлынувшая уже на Северный Кавказ и залившая кровью снеговые вершины Дагестана, намереваясь вновь поработить как горцев, так и нас». Но поглощение Азербайджана не удастся: «Кровавый урок (?), данный горными орлами насильникам Добровольческой армии, подтверждает это». Декларация выражала желание установить мирные отношения с соседями, в том числе и с советским российским правительством, и разрешить полюбовно острые пограничные вопросы с Грузией и Арменией. Особенное благоволение было проявлено по отношению к Дагестану — «второй родине Азербайджана», и особенный гнев — против самоопределившейся русской «Ленкоранской республики»³.

¹ Бакинская рабочая конференция Азербайджана, Дагестана и Закаспия. Май 1919 года.

² «Земля и Воля» — левый эсеровский орган, «Набат» — орган профессионального союза большевиков, «Заря» — тюркских и русских большевиков, «Искра» — социал-демократов.

³ Ленкоранский и Джеватский уезды Бакинской губернии (русская Мугань).

Завести товарообмен с советской Россией не удалось: английская флотилия продолжала тесную блокаду Астрахани. Пограничные споры с более сильной в военном отношении Грузией окончились соглашением. Ленкоранскую республику, пока она находилась во власти большевистского совета¹, тесно связанного с бакинскими рабочими организациями, правительство не трогало. Безучастно относились к этому вопросу и англичане. Но когда в конце июля советское правление было свергнуто народным ополчением под начальством полковника Ильяшевича, в Ленкорань посланы были азербайджанские войска и... английские офицеры; первые силой, вторые своим авторитетом и угрозами принудили ленкоранцев подчиниться Азербайджану².

Такую же энергичную деятельность проявляло правительство в Карабахе, Зангезуре и Нахичевани, где в течение нескольких месяцев шла резня армян татарами и бои между армянскими четами и татарскими, которые снабжались деньгами и оружием из Баку³, добровольцами и патронами — из Турции.

¹ От середины мая до конца июля 1919 года. И при советском, и при несоветском правлении Ленкорань признавала себя «неотъемлемой частью единой России».

² В инструкции, данной английским командованием своему уполномоченному капитану Роану, были, между прочим, и такие параграфы:

§ 2. Вы объясните мусульманскому народу, что все законные действия азербайджанского правительства пользуются поддержкой британских властей.

§ 4. Что касается русских, офицеров и других лиц, не являющихся постоянными жителями Мугами, то вам надлежит содействовать азербайджанским властям на предмет водворения их в Петровск или другое место».

Заключение Роана: «Я просил бы вопрос этот разрешить миролюбиво. В противном случае пострадает много невинных... Я вынужден следить за выполнением законных требований азербайджанских властей...»

Из протокола заседания.

³ Участие в этом движении азербайджанского правительства было установлено перехваченной армянами перепиской официальных лиц

Это был один из этапов широко задуманного и настойчиво проводимого движения, руководимого Кемаль-пашой. Высокая Порта и «непокорный» Кемаль находились в полной связи и единении с Азербайджанским правительством. К нашему изумлению, какие-то тайные нити шли из Эрзерума и в Тифлис. По крайней мере армянское правительство и английское командование убежденно говорили о существовании переговоров и даже договора между Гегечкори и прибывшим в Тифлис видным деятелем Энверовской партии Кязим-беем, которого англичане арестовали. Грузины и турки за счет армянского народа искали путей ко взаимному соглашению и даже в остром вопросе о Батуме находили якобы компромиссный выход: грузинское управление и турецкие гарнизоны.

С возникновением предположений на Мирной конференции об аннексии турецких вилайетов в пользу Греции и Армянской республики пантюркистское движение на Кавказе приобрело еще более интенсивный характер и организованные формы. Созванный в начале июня в Эрзеруме съезд делегатов анатолийских вилайетов, в котором приняли участие и представители грузинских районов, создал новое правительство с Кемалем во главе и вынес резолюцию, призывавшую к борьбе против отторжения турецких областей, дышавшую ненавистью к грекам и армянам и злобой против англичан. Уже в конце 1918 года турецкие штабы (XV корпуса) в Эрзеруме, Ване, Баязете и Хопа организовали широкое снабжение населения оружием; турецкие паши, сотни офицеров, тысячи аскеров «выходили в отставку» и шли в повстанческие отряды, возникавшие не только на территории Турции, но и за ее пределами в районах этнографического расселения мусульман Армении и Азербайджана — в Ольты, Кагызман, Нахичевань, Шушу и т.д.

Замечательно, что при всем этом наши представители отовсюду, где приходилось иметь сношения с турецкими властями и командованием, доносили о больших симпатиях и предупредительном отношении, которое проявляют турки к русским и России. Создавалось впечатление, что пантюркисты Азербайджана — *plus royalistes, que le*

гои¹ — черпают свое вдохновение исключительно в ненависти к усыновившей их России, тогда как национализм и религиозный фанатизм подлинной Турции стали орудиями борьбы ее за свое существование, находившееся под действительной угрозой после ее военного поражения.

К весне 1919 года волнения в Карабахе усилились, и англичане сочли нужным выступить там в качестве миротворцев.

Командующий английскими войсками в Баку полковник Шательворт собрал в Шуше 23 апреля съезд представителей четырех уездов и предложил ему подчиниться «впредь до решения Мирной конференции» Азербайджану в лице назначенного правительством губернатора Салтанова. Съезд вынес резолюцию о недопустимости подчинения Салтанову, «продолжавшему кровавую политику Турции», и просил ради физического сохранения армянского населения о назначении английского губернатора. Шательворт не согласился и отдал приказ о признании «законной власти Салтанова». Июнь, июль, август в Карабахе продолжались поэтому столкновения, в которых особенно жестоко пострадало население Шуши и ее окрестностей. В этих фактах армяне видели прямое попустительство англичан, азербайджанского правительства и парламента, который гласно стал на сторону насильников, отвергнув предложение, внесенное армянской фракцией, выразить осуждение участникам Шутинской резни.

...

С главным командованием Юга у Азербайджана не было вначале ни общей границы, ни официальных сношений. Мой представитель в Баку полковник Лазарев состоял при английском командующем; представитель Азербайджана в Екатеринодаре Рустамбеков — при кубанском правительстве. Со времени продвижения нашего к Владикавказу и Грозному отношение к нам азербайджанского правительства, парламента, печати, политических организаций становилось все более враждебным, а реальная помощь восставшим горцам и горскому меджлису все более явной и

¹ Более роялистского толка, чем король.

значительной. По инициативе парламента возникла «интерпартийная комиссия», которая 17 апреля обратилась к народу с воззванием.

«Граждане, братья Азербайджана!

На Северном Кавказе свободолюбивые горцы, верные заветам своих предков и принципам свободы и независимости малых народов, истекают кровью в неравной схватке с реакционными силами Деникина и К°. Геройская защита горцами своей независимости должна пробудить в гражданах Азербайджана сознание, что генерал Деникин, представитель мрака и порабощения, не пощадит самостоятельности и Азербайджана. Святой долг каждого мусульманина — своевременно прийти на помощь братьям горцам.

Интерпартийная комиссия формирует на помощь горцам Азербайджанский добровольческий отряд под руководством опытных офицеров.

Граждане, записывайтесь в ряды добровольцев! Запись производится в здании парламента».

Занятие добровольческими войсками в мае Петровска и Дербента вызвало и в Азербайджане, и в Грузии взрыв нового озлобления, смешанного с чувством страха. Большевистский «Набат» так определял произведенное этими событиями впечатление: «Деникинцы заняли Петровск и Дербент, они стучатся в двери Баку. Воскресный номер «Азербайджана» вышел без единого слова об этих убийственных для трудовых масс Азербайджана фактах. Усуббековское правительство потеряло голову перед грозной опасностью и предалось, кажется, восточной апатии. Стамбул заснул перед грозой!»

Считая задачу ВСЮР с занятием Дагестана выполненной, я приказал полковнику Лазареву передать азербайджанскому правительству следующее: «Мы считаем Азербайджан частью России. До восстановления в России Верховной власти допускаем самостоятельное существование Азербайджана». Позднее, в середине мая, я телеграфировал вновь, что «мои войска в Азербайджан не вступят и не перейдут южнее линии главный хребет — Кизил-Бурун, если не будет враждебных действий со стороны Азербайд-

жанского правительства»¹. Полковник Лазарев позволил себе проявить личную инициативу: передавая мою телеграмму Усуббекову, он выпустил первую фразу («Мы считаем Азербайджан частью России») и в препроводительном письме от имени главного командования развил теорию конфедерации, признав безусловную самостоятельность Азербайджана и пояснив, что «когда Россия будет освобождена от большевиков, то входить в соглашение с вновь образовавшимися государствами будет делом народного собрания или той верховной власти, которой все вооруженные силы, борющиеся против большевиков, передадут свои права»².

Усуббеков огласил в парламенте две мои телеграммы в изложении Лазарева и заявил, что «парламент и он не верят этим заявлениям. Что же касается взгляда Добровольческой армии на независимость Азербайджана, то он для республики неприемлем, так как в конечном итоге сводится к присоединению ее к России». К тому же вскоре последовала известная уже нота генерала Корри, требовавшая отвода добровольческих войск до линии в 5 верстах южнее Петровска, и определенное заявление бакинского английского командования, что пока мы «не исполним требования британского правительства, англичане (добровольцам) ни в чем помогать не будут»³. И правительство заняло вновь непримиримую позицию, парламент вотировал новые кредиты на армию и бряцал оружием, печать еще резче ополчилась против Добровольческой армии, а рабочая конференция протягивала руку правительству для борьбы с общим врагом, требуя полномочий на формирование «рабочих отрядов».

Ввиду такого соответствия настроений и задач Закавказская конференция, заседавшая в Тифлисе для разрешения территориальных споров, предложила Грузии заключить военный союз трех республик для борьбы против

¹ Телеграммы от 28 апреля, № 0124; 18 мая, № 07389, и 12 июня, № 08637.

² Письмо от 21 мая, № 98. Истинный текст моих телеграмм не мог вызвать никаких сомнений, так как он тотчас был дан официально в печать. Лазарев был заменен полковником Палицыным.

³ Доклад полковника Лазарева 24 июня 1919 года, № 210. Как известно, это требование было отменено.

Добровольческой армии. 3 июня между Грузией и Азербайджаном заключен был договор¹, обязывающий «договаривающиеся государства выступить совместно всеми вооруженными силами и военными средствами против всякого нападения, угрожающего независимости или территориальной неприкосновенности... республик»². Параграф 10 договора предусматривал право Армении «в двухнедельный срок присоединиться к этому соглашению». Но Армения присоединиться не пожелала. Устами своего представителя на конференции, министра иностранных дел Тиграняна, она заявила: «Едва ли перед Добровольческой армией стоит вопрос о занятии всего Закавказья... Армяне видят другую для себя опасность — именно со стороны Турции. От этого соглашения пахнет кровью. Такие союзы крепки, когда сами союзники живут между собой в мире и согласии. Этого армяне не видят: В Карабахе льется армянская кровь (Азербайджан)... Армению стараются заморить голодом (Грузия), предоставив в ее пользование всего 400 железнодорожных вагонов...»

Заключением этого договора окончательно закрепились группировка действующих на Кавказе сил.

ГЛАВА XIX

АРМЕНИЯ. РЕЗУЛЬТАТЫ АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

После дипломатического поражения, понесенного в войне с Грузией, положение *Армении* стало еще более тяжелым. Окруженная со всех сторон врагами³; связанная с внешним миром единственной ветвью железной дороги

¹ Подписали со стороны грузин — Гегечкори, Рамишвили, генералы Гедеванов и Одишелидзе; со стороны Азербайджана — Джафаров, генералы Мехмандаров и Сулькевич.

² Генерал русской службы грузин Одишелидзе был назначен общим главнокомандующим.

³ Территорию Армении до конца апреля 1919 года составляла Эриванская губерния, исключая Нахичеванский и Шаруро-Даралагезский уезды, образовавшие татарскую «Аракскую республику».

(Эривань—Александрополь—Тифлис), продолжение которой находилось в руках грузин и которая к тому же в любой момент могла быть перерезана борчалинскими татарами¹; разоренная революцией и турецким нашествием; переполненная беженцами со всех областей Закавказья и из Турции, не пропускаемыми в места своего поселения ни англичанами, ни турками, ни татарскими республиками, — страна буквально задыхалась. Из русского наследия, стоя в стороне от важнейших стратегических направлений и составляя по территории всего лишь 5% Закавказья, она получила очень немного. Организм ее изнурял недостаток, иногда полное отсутствие трех важнейших элементов борьбы за существование: *хлеба, денег и оружия*.

... Такое катастрофическое положение страны обусловило деятельность парламента и правительства, сводившуюся к изысканию способов удовлетворения этих насущных нужд ее и к поискам той внешней силы, которая могла бы хоть временно обеспечить ее существование.

... В период турецко-германского нашествия стремление к России армянских правящих кругов было единодушным. Оно сохранилось и в первое время английской оккупации, но вскоре поблекло под влиянием настойчивого и резкого воздействия англичан. Английские представители — Уоккер, Бич и другие — ополчились против русофильства армян, прибегая к давлению и запугиванию и, с другой стороны, рисуя армянам заманчивые перспективы самостоятельного существования соединенных русской и турецкой частей Армении с выходом к Черному морю... Генерал Уоккер официально в резкой форме ставил в упрек армянскому правительству его тяготение к России, нахождение на службе Армении русских офицеров и, в частности, присутствие в Эривани добровольческого представителя². Все это, по словам Пападжанова³, «создало у многих армян

¹ В ноябре 1918 года у Армении было всего 4—5 паровозов и 60 вагонов. Остальной состав был угнан грузинами.

² Доклад начальника генерального штаба Армении 17 августа 1919 года.

³ Лидер армянской народной партии, член парижской делегации.

опасение: не потому ли англичане лучше относятся к грузинам, что те определенно отвернулись от русских?».

Когда в конце декабря парламент обсуждал наказ делегации, посылаемой в Париж, прежнего единства мыслей не оказалось. Правящая партия дашнакцутюнов разделила свои голоса: часть стояла за автономию или федерацию обеих Армений с Россией; другая требовала «Великой и независимой Армении» с Киликией и выходами к Черному и Средиземному морям. Это был американский проект, рожденный фантазией победителей, живших тогда еще иллюзиями своего могущества. Он приводил бы к соотношению на новой территории мусульманского населения к армянскому как четыре к одному. Армянская «народная партия» (либеральная) высказалась за воссоединение с Россией; к ней присоединились социал-революционеры, в то время как социал-демократы, связанные тесно с грузинскими, поддерживали отделение от России вне зависимости от того или другого решения судьбы страны¹.

Наказа делегации я не знаю, но, по свидетельству одного из членов ее, настроение их было далеким от утопий. «Армянский народ достаточно истек кровью, он стремится к спокойствию и мирному развитию... Правительство и народ вполне сознают, что самостоятельно Армения существовать не может... Сознавая свою слабость, мы не думаем предъявлять никаких требований и помиримся со всем, что решит конференция»². Без сомнения это решение находилось в полном соответствии с настроением армянского народа, который, сохраняя явное, даже усилившееся пережитыми несчастьями тяготение к России, готов был, однако, признать над собой чей угодно протекторат («хоть черта», как говорили в народе), какую угодно власть, лишь бы она избавила от голода и физического истребления.

Официально никаких деклараций о разрыве с Россией правительство пока не объявляло.

Вскоре обнаружилось, что надежды на англичан не оправдались. С декабря до конца марта политика англичан

¹ Последние две партии были совсем малочисленны.

² Доклад генерала Томилова о беседе с Пападжановым...

была явно недружелюбна Армении. Ни финансовой, ни экономической помощи от них Армения не получила; боевого снабжения — также, под предлогом «строгого нейтралитета Англии». Сотни тысяч беженцев по-прежнему задыхались на площади неполных трех уездов. Армяно-грузинская распря была разрешена с явным пристрастием в пользу грузин. Росло разочарование и вместе с тем усиливались вновь два течения общественной мысли и народных симпатий, идущие одно к России, другое — к великой заатлантической республике, о всесильном заступничестве которой появились и некоторые фактические данные, и еще больше легенд.

В конце апреля, в связи с обострившимися англо-турецкими отношениями и возросшим панисламистским движением в Средней Азии, англичане изменили свою тактику: при их вооруженном содействии пали две суверенные татарские республики — «Юго-Западная» и «Аракская», занятые затем армянами, и присоединена армянская «республика Андроника» — народного героя, официально «отступника», предвосхитившего роль д'Аннунцио и Жерарковского и обосновавшего свою суверенную власть на официальной территории Азербайджана¹. Таким образом, в начале апреля Армения занимала всю Карсскую область, всю Эриванскую и юго-западную часть Елисаветпольской губернии.

Эти события вернули вновь симпатии армян к англичанам, но ненадолго: категорический отказ англичан в дальнейшем от реального заступничества за армянский народ во время кровавых событий в Карабахе и Зангезуре, когда англичане заявили, что вооруженной помощи не окажут, а «используют лишь свой моральный авторитет», окончательно подорвал доверие и симпатии армян к англичанам. Председатель правительства Хатисов² с горечью и недоумением говорил генералу Уоккеру: «Мы удивляемся, что в то время как в Лондоне нас уверяют в любви к армянам, здесь мы ви-

¹ Зангезурский и Шушинский уезды Елисаветпольской губернии.

² Первым председателем был Качазнуни, командированный в середине января в Америку за хлебом и протекторатом.

дим отношение обратного свойства. Мы ждали союзников как избавителей, теперь приходится разочароваться в этом». А политические деятели Армении пришли понемногу к безнадежному заключению, что «англичане стараются создать буфер против России из Азербайджана и Грузии и уничтожить Армению из тех соображений, что последняя будет служить проводником русского влияния, могущего провести к Средиземному морю»¹.

Между тем в Армению прибыла американская благотворительная миссия, которая вместе с идеей «Великой Грузии» с ранней весны принесла с собой настрадавшемуся от голода и эпидемий населению более реальные ценности — хлеб, рис, медикаменты и медицинскую помощь. Впечатление от этого филантропического шага было огромно, надежды неумеренны, и поэтому в парламенте и в правительстве смолкли всякие трения и колебания, и установилось полное единство ориентации — «на Америку». 15 мая глава правительства Хатисов, основываясь на постановлениях состоявшегося в конце марта в Эривани съезда турецких и русских армян, объявил торжественно стране, что «согласно воле всего народа правительство провозглашает Армению на вечные времена объединенной (турецкая и русская) и независимой». «Правительство Армении в Закавказье, — говорилось в особом акте, — в настоящее время объявляет себя правительством объединенной Армении с установлением в качестве формы правления демократической республики». Парламент — бывший «Национальный совет», образованный в свое время путем соглашения политических партий, — был распущен, а новый, «всенародный», предполагалось созвать в июле.

Весьма интересны мотивы, приведенные на решительном заседании парламента, заставившие дашнакцутюнов переменить «русскую ориентацию на американскую»: «Цель независимости — стремление собрать весь армянский народ, чтобы уберечь его от рассеяния по всему свету подоб-

¹ Из доклада нашего представителя в Эривани полковника Зинкевича от 4 октября 1919 года, № 36.

но евреям. Для этого нужна площадь, освобожденная от мусульман, и нужен покровитель, который защитил бы и поднял экономически будущую Армению. Россия, как страна людей... равно относящихся ко всем нациям, не позволит армянам выселить татар. Что же касается экономической помощи, то она может быть оказана Россией только через 15 лет»¹.

Армянские деятели, не искушенные в политической игре мировой дипломатии и плохо осведомленные, играли на руку пантюркистскому движению, подогревая фанатизм турок. Они не понимали, что в Согласии нет ни одной державы, которая пожелала бы проливать кровь за армян; что появившийся вслед за благотворительной миссией американский полковник Хаскель — «Верховный комиссар Антанты в Армении» — приехал с широкими полномочиями² и... с заранее предрешенным постановлением «не посылать ни одного американского солдата в Армению». «Моральный авторитет Америки» должен был остановить кровопролитие в воинственных странах ближнего Востока, где только сила внушала к себе уважение, страх и покорность...

...

Увеличение территории Армении в апреле, устранив чрезмерную скученность населения, имело, однако, два неблагоприятных последствия: увеличение числа голодных ртов и введение в организм страны новых значительных контингентов враждебного ей мусульманского населения.

Американская помощь была спасительной, но далеко не достаточной. В финансовом отношении республика зависела от Грузии, получая закавказские боны из тифлисской экспедиции. Это обстоятельство становилось критическим в такие моменты, как, например, в дни армяно-грузинско-

¹ Из доклада начальника генерального штаба Армении полковника Зинкевича от 17 августа 1919 года.

² В официальном уведомлении меня о назначении «Верховного комиссара» было указано, что «на Киликию власть его не распространяется».

го конфликта, когда у военного министра Армении (к 30 декабря) оставалось в казне 220 тысяч рублей! Страна нищая, не имевшая экспорта, не могла решиться на выпуск своих денежных знаков, заранее обреченных на полное обесценивание. Поэтому, когда в июле были израсходованы закавказские боны, правительство «независимой Армении» прибегло к средству совсем незаконному, но весьма показательному: от имени Эриванского отделения *Российского* государственного банка было выпущено на несколько сот миллионов «чеков». Эти чеки, имевшие подзаголовок «специальный текущий счет республики Армении», спасли страну от банкротства и имели обращение весь период ее самостоятельного существования¹.

Недостаток вооружения и, главным образом, боевых припасов был еще более чувствителен и препятствовал надлежащему развитию «армянской армии»². Она состояла из дивизии пехоты (клету — из трех отдельных бригад), бригады артиллерии, конного полка и небольших технических частей. Состав ее, определенный штатами для «мирного времени» в 22 тысячи человек и для «военного» — в 44 тысячи, фактически терпел большие колебания, не превышая никогда 10—15 тысяч. Было одно время, непосредственно после армяно-грузинской войны, когда за отсутствием продовольствия и боевых припасов дивизию пришлось довести временно до 4 тысяч.

Июльские события застали армянскую армию в беспомощном положении: полное отсутствие запаса винтовок и наличие всего лишь 300 тысяч трехлинейных патронов ограничили ее боеспособность и лишали всякого смысла мобилизацию.

Между тем весь юг и юго-восток страны были объята восстанием мусульман. Оно подкатывалось с юга к Эрива-

¹ Этот «подлог» обратил на себя внимание Особого совещания, но ввиду безвыходности положения Армении решено было не чинить ей препятствий, чтобы не обесценивать чеки.

² Командовали ею последовательно генералы русской службы Силиков и Назарбеков; в составе армии было много русских офицеров.

ни, угрожало Карсу и Александрополлю и в нейтральной зоне у Садахло¹ нависло грозной опасностью прерывания единственной питательной артерии страны...

Армян резали по всему Закавказью, по Анатолии и Киликии, а Верховный комиссар отвечал на обращенные к нему недоуменные вопросы, что «вопрос о мандате на Армению еще не решен» и что в настоящее время делаются «глубокие изыскания», от которых будет зависеть решение. Генерал Харборд с огромной американской миссией совершал в это время путешествие на Диарбекир—Эрзерум—Муш—Карс—Эривань—Тифлис для «изучения армянского вопроса с точек зрения этнической, экономической, финансовой, военной и прочих».

Перед несчастным народом с особенной остротой встанет вопрос об его существовании. Суровая действительность рассеет все иллюзии об иностранной помощи, и мы увидим вновь резкий поворот общественного мнения в сторону России.

Сообразно с переменами армянским правительством «ориентаций» менялись взаимоотношения его с Добровольческой армией.

Во время германо-турецкой оккупации из Армении приезжали негласно посланцы правительства, боявшегося «скомпрометировать» себя в глазах завоевателей. Они свидетельствовали о верности Армении русской государственности и просили помощи. В ноябре в Екатеринодар прибыл уже официально полковник Власьев, имевший титул «представителя Армянской армии при Добровольческой армии». Он также описывал яркими красками русофильски настроения в Армении, в частности особенное расположение там к Добровольческой армии. Власьев просил о сформировании и отправке через Батум армянского отряда, о помощи хлебом и боевыми припасами, о помощи армянским беженцам и возвращавшимся с запада бывшим военнопленным. На основании этих данных в конце ноября генерал Драгомиров послал в Эривань полковника Лесли с полномочиями «войти в сношения с представителями

¹ Станция железнодорожной линии Эривань—Тифлис.

Армянской республики по вопросам политическим» и с письмом генерала Драгомирова министру иностранных дел, в котором указано было на желательность «делегирования представителей Армянской республики в город Екатеринодар с целью информации о своих местных нуждах».

.. Если пришлось сильно разочароваться в екатеринодарских информациях. Прибыв в Эривань в самый разгар надежд на спасительницу Англию, он был встречен чрезвычайно холодно, и доморощенные армянские дипломаты вовсе недвусмысленно дали ему понять, что «лучше подождать, не открывая свои карты, так как неизвестно, кто сильнее, кто настоящая Россия — вы, Колчак или большевики». От Власьева армянское правительство отреклось, заявив, что он был только «разведчиком военного министерства, а не представителем». Состоявший в то время начальником штаба армянской дивизии полковник Зинкевич передавал, что правительство не решается послать своего представителя в Добровольческую армию, «боясь скомпрометировать себя в глазах союзников, на случай, если вопрос о переходе Армении под протекторат другой державы является вопросом решенным или возможным». Не последним аргументом был, вероятно, и страх «скомпрометировать» себя и в другом направлении: весной парламентом принято было постановление, без всякого видимого повода, о «невмешательстве армян в борьбу Добровольческой армии с советской Россией».

Хотя увлечение английской ориентацией прошло и после небольшого периода сомнений и колебаний симпатии Армении всецело перешли к Америке, но в русском вопросе ничего не изменилось. «Хаскель потребовал от правительства Армении, — сообщал полковник Зинкевич, — чтобы оно не сносилось с Главнокомандующим помимо него. Кроме того, в тех случаях, когда американцы видят проявление симпатий к России, они убеждают армян, что Россия никогда больше не будет великим государством и что поэтому на нее нельзя рассчитывать в смысле помощи»¹.

В результате с марта до августа между Арменией и главным командованием Юга никаких официальных сноше-

¹ Доклад 30 сентября 1919 года, № 7.

ний не было, хотя в Екатеринодаре находился посол Армении при кубанском правительстве Сагателян¹. Негласно, однако, он бывал у меня и у генерала Драгомирова, просил не ставить в вину его правительству ту позицию, которую оно *вынуждено* было занять в отношении Вооруженных сил Юга, находясь в полнейшей зависимости от внешних сил и не желая раздражать Грузию, и без того «сдавлившую армянам горло»². Я ответил, что сочувствую несчастному армянскому народу, понимаю щекотливое положение правительства и не придаю значения задевающим нас декларациям.

По мере наших ограниченных возможностей мы оказывали некоторую помощь Армении, главным образом заботами об ее беженцах и их реэвакуации. Отправка хлеба через Грузию была невозможна, и транспорт с ним, посланный в январе 1919 года, был захвачен или не пропущен грузинами. Впрочем, в июле, в самую тяжелую минуту, нам удалось переправить в Эривань с огромными трудностями, минуя Грузию, через Батум на Ардаган по сухопутью транспорт с несколькими миллионами патронов.

Осенью изменилась вновь «ориентация» и в связи с этим — отношение к нам. В августе приехал в Екатеринодар «начальник генерального штаба Армении» полковник Зинкевич, который вернулся в Эривань уже в качестве «военного представителя Вооруженных сил Юга России», встреченный там «подчеркнуто торжественно, по высшему ритуалу».

Таким образом, наш «союз с Арменией», который так пугал грузин и не нравился англичанам, принадлежал к одной из грузинских легенд. Но она сослужила нам несомненно большую службу, отвлекая силы и умеряя в значительной степени воинственный пыл Азербайджана и Грузии, считавших свой тыл при наступлении на север открытым для удара армянской армии.

•••

Первое полугодие английской оккупации Закавказья показало наглядно, что ни одна из тех задач, которые провозгласили англичане или которые приписывались им об-

¹ Член Государственной Думы, кадет.

² Владение выходом Эриванской ветви железной дороги.

публичным мнением Юга России и закавказских новообразований, выполнена не была. Край пылал в огне восстаний и межплеменной вражды, не мог считаться ни «обеспеченным тылом Вооруженных сил Юга», ни «прочным барьером, прикрывающим Персию», ни (в силу общего разочарования английской политикой) «благоприятной ареной для английской колонизации».

К весне 1919 года русская политика англичан несколько изменилась. Внутренние политические затруднения в Англии, осложнения с Турцией, трения в Верховном совете и, по-видимому, подозрительность и соревнование держав Согласия поставили на очередь вопрос об уходе англичан из Закавказья и замене их итальянцами. Появились уже итальянские квартиры и военные миссии, посетившие Баку, Батум и Тифлис и очаровавшие закавказских правителей своими взглядами и щедрыми обещаниями...

К этому времени отношения наши с англичанами начали несколько налаживаться. Военное снабжение шло в широких размерах; екатеринодарская миссия по-прежнему поддерживала нас в спорных вопросах; генерал Мильн, посетивший Екатеринодар 10 апреля, воспринял лично нашу точку зрения на взаимоотношения с закавказскими новообразованиями; адмирал Сеймур проявлял полное доброжелательство в вопросах помощи нам силами английского флота, принимавшего участие в обороне Акманайских позиций; наконец, высшее командование в Тифлисе и Батуме было сменено, и екатеринодарская миссия ставила это обстоятельство в связь с предстоящим изменением всей английской политики в Закавказье.

Новый генерал-губернатор Баку Шательворт — один из крайних русофобов того времени, — пригласив моего представителя, доверительно развивал ему свои мысли¹:

«Ваше общественное мнение склонялось к тому, что англичане, оккупировав Закавказье, хотят его удержать за собой как путь в Индию и местонахождение нефти. Это неверно, так как здесь мы являемся отрезанными от всех

¹ Доклад 5 июня 1919 года.

наших баз, и если бы впоследствии Россия атаковала нас, мы не могли бы защищаться. Туркестан в совершенно другом положении: он представляет для нас большой интерес как преддверие Индии и плацдарм против Афганистана. Но мы там не хотим основываться, чтобы не увеличивать наших владений и так как предпочитаем жить в дружбе с восстановленной Россией. Доказательством этого вам может служить то обстоятельство, что мы вывели оттуда почти все наши войска и отказали в просьбе Закаспийского правительства помочь им людьми в борьбе с большевиками. Что же касается Закавказья, мы отлично понимаем, что вся культура здесь исключительно русская и что оно ни экономически, ни политически без России существовать не может. Если бы мы остались здесь дольше, возможно, что народы Закавказья не захотели бы вернуться к вам, а предпочли бы остаться под британским владычеством, так как мы постоянно балуем подвластные нам народы, наводняя рынок деньгами и сравнительно дешевым, хорошим товаром, а также предоставляя им полное самоуправление, поддерживая вместе с тем порядок и справедливость. Этого не будет. Мы скоро уйдем отсюда, и нас заменят итальянцы. Картина переменится. Их главная цель будет эксплуатировать страну, так как Италия — страна бедная, и им нужно поправлять свои финансовые дела. Не знаю наверное, но возможно, что она даже получит мандат на Закавказье. В таком случае, очевидно, содержание оккупационных войск будет отнесено на местные средства. Итальянцы будут усиленно вывозить нефть на льготных условиях. Вы сами понимаете, что это не привлечет ни правительства, ни население на их сторону; народ начнет естественно тяготеть к России, и все закавказские республики сами вернуться к вам».

Побуждения, заставлявшие англичан, по словам Шательворта, покинуть Кавказ, — глубоко мудрые и политически дальновидные — вызывали у нас решительные сомнения. Мы видели причины в других явлениях: на страже русских интересов стали неожиданно и независимо от своего отношения к России тред-юнионы и мировая конкуренция... Во

второй части своей беседы Шательворт был, однако, несомненно прав: итальянская оккупация сулила нам новые горшые беды. Мы не питали никакого доверия ни к доброжелательности к нам политики Италии, ни к ее материальной незаинтересованности, ни к политической устойчивости итальянской армии. В перспективе рисовалось еще большее поощрение центробежных сил, экономическая эксплуатация, хаос во внутренней жизни Закавказья, подготовляющий пришествие большевизма, и наряду со всем этим — прекращение материальной помощи Вооруженным силам Юга.

И потому, когда английская миссия неофициально осведомила нас, что англичане могли бы задержать свой уход до осени, если бы поступило соответствующее заявление от главного командования, я, выбирая из двух зол меньшее, послал генералу Бриггсу письмо, в котором, отметив со стороны английских представителей поддержку идеи русской государственности, просил уведомить его правительство, что замена английских войск будет встречена (у нас) с сожалением.

Не знаю, где и как использовано было это письмо и имело ли оно вообще какое-либо значение, но в конце июня мы получили телеграмму из Лондона¹: «Черчилль просит предупредить о неизбежности, вследствие настроения рабочих, постепенного отзыва войск со всех фронтов, начиная с зимней кампании. Помощь всяким снабжением обещал продолжать в прежнем размере». 12 июля английское военное министерство сообщило, что эвакуация начнется 15 августа; одновременно начальник итальянской миссии в Закавказье уведомил, что отправка итальянских войск взамен британских не будет иметь места.

Мое письмо было признанием только заслуг местных английских представителей, но отнюдь не доброжелательства к русским интересам английского правительства. Летом и осенью 1919 года мы увидим наряду с возрастающим русофильством английских военных кругов Екатеринодара и Константинополя, связанных с Черчиллем, в области

¹ Поверенного в делах в Лондоне К. Набокова.

внешней политики Лондона все то же хитросплетение помощи и противодействия, все то же лавирование между Россией, советской властью и «наследниками России»; все те же «две Англии», «две руки», из которых, по признанию Бьюкенена, одна оказывала помощь белому движению, в то время как другая отрывала западные лимитрофы и закавказские республики, отталкивая тем патриотические элементы России.

Разительным и символическим диссонансом прозвучат слова двух англичан, сказанные осенью на разных концах старого мира — в Тифлисе и Лондоне.

Покидая Закавказье, командующий английскими войсками генерал Кори дал интервью журналистам, в котором, протестуя против обвинения англичан «в разжигании самостийных стремлений», заявил: «Единственной целью, преследуемой англичанами, было всеми силами удержать Грузию и Азербайджан от выступления против Добровольческой армии. Прикрываясь принципами самоопределения, англичане должны были охранять окраины до того момента, пока Россия, встав на ноги, могла бы шутя собрать все то, что от нее отпало».

И словно в насмешку над иллюзиями, покрывая «звонкие дисканты» поборников такого «политического сентиментализма», раздастся из Лондона «фундаментальный бас» «реальной политики»:

«Адмирал Колчак и генерал Деникин ведут борьбу не только за уничтожение большевиков и восстановление законности и порядка, но и за единую Россию. Этот лозунг неприемлем для многих народностей... Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании... Один из наших великих государственных деятелей лорд Биконсфильд видел в огромной, великой и могучей России, катящейся подобно глетчеру по направлению к Персии, Афганистану и Индии, самую грозную опасность для Великобритании империи»¹.

Чрезвычайно трудно определить извилистую разделительную линию между «двух Англий», двух морально-поли-

¹ Речь Ллойда Джорджа в парламенте 17 ноября 1919 года.

тических идеологий английской общественности. Но опыт полуторагодового правления убедил меня в том, что кроме ненависти Биконсфильда и беспринципности Ллойда Джорджа в Англии есть течения, есть люди и народные слои, которым не чужды общечеловеческие основы морали даже в политике, которые не относятся к России только как к угрозе английскому владычеству в Азии или к объекту беспощадной колониальной эксплуатации.

С этой Англией у новой России найдется еще общий язык.

ГЛАВА XX

УКРАИНА: ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИКИ С ПАДЕНИЕМ ГЕРМАНИИ. БОРЬБА ПАРТИЙ. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

После опубликования германского мирного предложения (от 22 и 29 сентября) в правящих кругах Украины наступило полное смятение и растерянность. Неизбежность и близость падения центральных держав требовали спешных мер для закрепления шаткого положения украинской государственности и существующей власти и спешной политической перестраховки. Между тем эти же предвидения усилили напор на власть извне со стороны всех сил, ей враждебных.

Украинский национальный союз (УНС) предъявил тотчас гетману требование об образовании нового демократического правительства из состава членов союза, сводившееся к фактическому возрождению покойной директории. Этот шаг нашел энергичную поддержку германской оккупационной власти и вместе с тем, путем сношений Винниченко с Москвою, был обеспечен некоторыми гарантиями со стороны совета комиссаров. УНС торопился захватить власть в свои руки, чтобы поставить державы Согласия перед свершившимся фактом.

Германцы, готовясь к уходу, старались также создать себе обстановку, благоприятную в ближайшем будущем. Интересы самой Украины, как и России, были им глубоко чужды

и безразличны. Они поддерживали и насаждали там те силы, которые могли быть союзны им и противопоставлены державам Согласия или, по крайней мере, могли бы создать последним большие затруднения. Поэтому генерал Гренер¹, продолжая широкое покровительство большевистским организациям на Украине, вместе с тем потребовал от гетмана создания «национального правительства» путем удаления из кабинета «русофильских элементов» и включения членов УНС.

Эти домогательства встретили противодействие: в кабинете, среди некоторых членов его — по мотивам самосохранения; в российской общественности — в силу побуждений национальных; в союзе хлеборобов, «Протофисе» — из-за опасения прихода к власти социалистического правительства.

Под напором всех этих влияний гетман колебался, и переговоры о реконструкции кабинета затягивались. Но в начале октября произошло событие, вызвавшее министерский кризис и ускорившее развязку вопроса.

На Украине шла безвозбранно, на глазах у всех, большевистская пропаганда и организация восстания. Извне ими руководила «девятка»² во главе с Пятаковым и Бубновым, которая обосновалась в Курске, формировала кадры «повстанческой армии», организовывала новые повстанческие отряды на территории Украины и помогала деньгами и оружием уже существующим. В самом Киеве такую же работу вела «мирная делегация» Раковского, советское консульство и военный эксперт делегации бывший полковник Егоров, а в Одессе организующий центр создал Дыбенко. Большевистские центры подготовляли повсеместно «революционные комитеты», производили учет сил и вербовку красноармейцев (якобы для Восточного фронта) настолько открыто, что адреса регистрационных бюро зачастую не были секретом и объявления об их функциях появлялись иногда в печати. Обеспокоенные этим явлени-

¹ Начальник штаба оккупировавшей Украину германской группы.

² Из состава бывшего в начале года «рабоче-крестьянского правительства Украины».

ем украинские власти пробовали бороться с ним, что удалось отчасти в Одесском районе, занятом австрийцами, но в зоне германской оккупации встречало решительное противодействие военной германской власти.

Неоднократные представления по этому поводу генералу Гренеру успеха не имели. Украинский Совет министров телеграммой от 11 октября обратился к германскому правительству «с настойчивым указанием и предостережением, что при таких условиях (правительство) слагает с себя ответственность за могущее произойти восстание большевиков и что в значительной степени (оно) должно будет обвинить в этом вредящую деятельность германских властей на Украине».

Это обращение также никакого успеха не имело.

Министр внутренних дел Кистяковский счел себя вынужденным наконец произвести арест Егорова, Дыбенко и обыск в помещении делегации и консульства. Результатом был ряд новых арестов и изъятие важных документов, которые установили широкий организационный план большевистского восстания, тесный контакт делегации Раковского с председателем УНС Винниченко и полную осведомленность (если не прямое соучастие в этом)... немецкого штаба. Произошло крупное столкновение: временный заместитель барона Мумма советник Тиль в крайне резкой форме потребовал немедленного освобождения арестованных, возвращения захваченной переписки и... удаления с поста министра Кистяковского.

Первым результатом этого эпизода был демонстративный выход в отставку 9 министров, заступившихся за Кистяковского и подавших гетману записку «о необходимости совместной борьбы объединенными силами всех частей бывшей России с большевиками». Вторым — капитуляция гетмана и назначение по соглашению с Гренером и Винниченко нового министерства, в составе которого остались Лизогуб (председатель) и самостийники прежнего кабинета и вошло пять кандидатов УНС из числа социалистов-федералистов. В новом составе правительства было обеспечено вполне преобладание резко самостийного и германофильского течения.

Лизогуб от имени нового правительства делал боевые заявления о том, что отныне он будет «стремиться к более резкому выявлению лица Украинской державы». Но фактически, под гнетом грозной обстановки, деятельность правительства носила следы растерянности и нерешительности. Положение его было действительно необыкновенно трудным.

Мирные переговоры с советской Россией прервались. Раковский уехал в Москву. Еще 10 октября генеральный консул Украины Кривцов прислал из Москвы тревожную телеграмму о возможности «радикального изменения политики совнаркома по отношению к Украине», так как «с аннулированием Брестского договора все обязательства совнаркома отпадают; следовательно, отпадает и обязательство заключения (с ней) мирного договора». Совет комиссаров слал грозные ультиматумы по поводу оскорбления своей делегации и грозил репрессиями. В «нейтральной зоне» сосредоточивались две советские дивизии; большевистские отряды появились в северных уездах Черниговской и Харьковской губерний. И хотя заместитель Раковского, Мануильский, уверял, что это «сепаратные акты недисциплинированных частей» и что советы не имеют никакого желания, «по крайней мере в настоящий момент», воевать с Украиной, но положение Северного фронта, лишенного украинских войск и прикрытого только колеблющейся уже «стеной» германских штыков, становилось критическим.

В то же время внутри страны шла тайно и явно деятельная работа украинских социалистов, объединенных в УНС, которые спешно (к 4 ноября) созывали «Национальный украинский конгресс» из состава отделов союза, чтобы путем симуляции воли народной принять окончательно падающую из рук гетмана власть. Вероятно в противовес, гетман также торопил правительство с созывом «Державного сейма», чтобы закончить выборную кампанию до немецкого исхода. Сколько-нибудь правильные выборы в назначенные сроки были абсолютно невозможны, но к прибытию войск Согласия, казавшемуся несомненным, «голос народа» должен был сказать решительное слово. При этом все три

группы (немцы, гетманское правительство и УНС) по разным побуждениям сходились в одном — в стремлении «утвердить самостоятельность Украинской державы».

Международное положение Украины было не менее шатким; перемена внешних декораций требовала поэтому исключительной осторожности.

2 октября украинский посол в Берлине барон Штейнгель телеграфировал в Киев: положение безнадежно и «повелительно диктует нам необходимость войти в сношение с Согласием, которое одно в состоянии обеспечить державе ее интересы. Имею точные сведения, что Согласие не встретит препятствий для оккупации Украины, если об этом просить».

Сообразно с двойственным притяжением мировых центров, и внешняя политика Украины пошла по расходящимся дорогам. Министр иностранных дел Дорошенко, не терявший еще надежды на Германию, отправился в Берлин с целью добиться содействия в вопросе «допущения представителей самостоятельной Украины на Мирный конгресс». Туда же отправился товарищ председателя УНС Никовский... Гетман в грамоте своей от 17 октября «стоял на почве независимости Украинской державы и на ее строжайшем дружественном нейтралитете», выражал надежду, что и державы Согласия «признают наш государственный суверенитет». Лизогуб позволил себе даже некоторую угрозу по адресу Согласия¹: «Украинское правительство заявляет, что оно будет всячески бороться со всеми проявлениями извне, которые были бы направлены к нарушению нейтралитета Украины». Но в то же время, с согласия германского командования, готовились уже посольства в Париж (Н. М. Могилянский), в Америку (Коростовец) и в Яссы (генерал Дашкевич-Горбатский)². Насколько сильны были тогда еще (конец октября) в правительстве германофильские течения и иллюзорные

¹ Беседа с представителями печати, оглашенная в газетах 16 октября.

² Первый — товарищ державного секретаря; второй — бывший русский посланник в Китае; третий — бывший начальник штаба гетмана.

надежды на силу германских штыков, можно видеть из письма Н. М. Могилянского к заместителю министра иностранных дел Палтову. Могилянский просил «отложить отъезд миссии *minimum* на две недели: к этому времени, быть может, выяснится международная конъюнктура». Могилянский определял и «свой идейный багаж», как «глубокого сторонника немецкой общественности, солидарности и культуры». «Наибольшей угрозой будущему, — писал он, — я считаю «большевизм» Вильсона и зарывающихся в упоении момента французов... Экономический союз с Англией и Францией считаю фантазией... Наше будущее — как Украины, так и России — в добросовестных тесных отношениях с Германией. Это определено географией, историей и здравым смыслом»¹.

Быстро развивавшееся наступление союзников на Балканах заставило правительство спешно командировать в Яссы Коростовца, который, «не претендуя на признание Соглашением Украины», вступил в деловые сношения с его представителем в лице французского посланника графа Сент-Олера. В предъявленной последнему вербальной ноте² правительство Украины, высказывая опасение, что военные действия могут быть перенесены на ее территорию, просило избавить от этого нового несчастья пострадавшее и без того население; заверяло державы Соглашения в своем строгом нейтралитете и готовности «принять с большим удовлетворением всякое предложение сотрудничества в целях сохранения порядка и безопасности в стране». Сент-Олер, не отказываясь от «частных сношений», ответил, что

¹ Письмо от 24 октября 1918 года. Это письмо небезынтересно сопоставить со статьей Н. М. Могилянского в «Архиве Русской Революции» (т. XI, 1923 год), в которой он описывает «нашествие иноплемёнников», политику хищной эксплуатации Украины и разложения России немцами, свое предвидение «близкого и конечного разгрома немцев»; наконец, свое в то время «глубокое одиночество» среди политических деятелей Украины, сохранивших «иллюзорное сознание обеспеченного спокойствия за немецкими штыками».

² От 2 ноября нового стиля 1918 года.

«отношение держав Согласия к Украине будет зависеть от той помощи, которую украинское правительство окажет им (союзникам) в восстановлении порядка в России».

...

Мирное предложение Германии всколыхнуло, конечно, и общественную жизнь на Украине, и в особенности в Киеве. Оно вызвало громадный подъем в политических организациях и во многих произвело полный переворот «ориентаций» и тактики.

Прежде всего изменилось отношение к существованию гетманской власти тех групп, которые были ее опорой. «Союз хлеборобов» на всех съездах — уездных, губернских, в главном Совете — спешил отречься от украинской самостоятельности. 1 октября гетмана посетила делегация Союза¹, которая внушала гетману идеи о временном характере самостоятельности Украины, о необходимости равноправия русского языка с украинским, недопустимости социалистического правительства, и главное — об единстве России. Гетман бранил немцев, со всем соглашался, призывал к терпению. На 1 ноября по новому стилю в Киеве был назначен всеукраинский съезд хлеборобов, но правительство (знамение времени!) препятствовало созыву той организации, которая была восприемницей рожденного немцами гетманства. Только после заверения руководителей съезда, что вопрос об единой России подниматься не будет, заседания его были разрешены. В отношении социальном съезд раскололся, по существу распался, на почве непримиримого отношения помещиков к вопросу об отчуждении земель, невзирая на то, что крестьянство ставило требования более чем умеренные: сохранение частной собственности и *выкуп части помещичьей земли*. В отношении политическом, хотя и косвенным путем, съезд проявил полное единодушие: он горячо приветствовал гетмана, посетившего заседание, и в тот же день еще более бурными овациями встретил речь Пуришкевича об... единой России.

Киевский «Протофис», с его «интернационализмом», германофильством и неизменной поддержкой гетманской

¹ Граф Гейден, Ненарокомов, Дуссан и другие.

политики, потеряв почву под ногами, переживал период растерянности. Он присоединился официально к позиции Союза хлеборобов, искал сближения с Национальным центром; дружил с гетманом и будировал в отношении социалистического правительства; поддерживал близкие отношения с немецким штабом в надежде, что не все еще потеряно, и делал уже неудачные попытки военных формирований для защиты Киева и Украины.

Так или иначе, гетман мог убедиться в лояльном отношении к нему лично Союза хлеборобов, «Протофиса», но ни на какую поддержку с их стороны ни самостоятельности, ни своему правительству рассчитывать более не мог. Одно еще сближало их — это стремление сохранить германскую оккупацию. В середине октября, после переговоров с германским командованием, веденных профессором Пилленко, от имени Союза и «Протофиса» послана была телеграмма Вильсону с просьбой оставить германские войска на Украине. Это обстоятельство вызвало большое возмущение в широких кругах российской общественности и еще более уронило в их глазах престиж обеих организаций. Точно так же была временно выбита из колеи деятельность «Монархического блока» и союза «Наша Родина», связанных с организацией «Южной», «Астраханской» и «Северной» армий: в связи с переменой германского правительства и новым курсом в украинском вопросе («национализация и демократизация») немцы прекратили всякий денежный отпуск и поддержку этих организаций. Первые две армии из-за полной невозможности дальнейшего самостоятельного существования перешли на иждивение Дона.

Монархический блок сохранял близкое общение с гетманом и находился в контакте с Красновым. Ввиду полной неудачи, постигшей правых в Киеве, Замысловский был отправлен в Ростов, где к началу ноября он собирал монархический съезд, стараясь привлечь на него «представителей Добровольческой и Кубанской армий». Там должен был образоваться «единый фронт», имеющий лозунгом «великую, единую и неделимую Россию, на основе законопреемственной монархии». Что касается ориентации, «то этот воп-

рос, — по словам Замысловского¹, — при революции, вспыхнувшей в Германии, следует признать утратившим свою остроту, ибо ориентироваться на государство, находящееся в состоянии революции, явно невозможно».

Киев в это время (осенью 1918 года) продолжал вбирать в себя всю соль российской буржуазии и интеллигенции. Сюда постепенно перекочевывали из Москвы и отдельные деятели, и целые организации. Здесь происходили сложение и дифференциация сил, падение одних и нарождение других группировок, которые затем, перенеся свою деятельность на Юг России, играли известную роль в его судьбе.

«Совещание членов законодательных палат», не разрывая окончательно с германскими кругами, с которыми вел переговоры в Берлине посол Совещания барон Розен на тему об «естественном союзе монархической Германии и монархической России против гегемонии Англии», решило командировать своего представителя и к союзникам с «выражением восторга по поводу близкого окончания войны.. беспримерными подвигами героических народов», и за помощью, которая должна была выразиться: «1) в быстрой реальной поддержке Добровольческой армии; 2) в занятии обеих столиц хорошо дисциплинированными и дружелюбно к России настроенными войсками; 3) в сохранении в оккупированных Германией областях ее гарнизонов до замены таковых союзническими или имеющими быть образованными русскими». Из письма видного участника совещания барона В. Меллер-Закомельского я неожиданно узнал, что «Совещание никогда не видело путей спасения России вне тесной связи с союзниками»².

Совещание значительно увеличилось численно поступлением новых членов — беженцев из советской России —

¹ Из письма Замысловского к генералу Лукомскому от 5 ноября.

² Письмо барона В. Меллер-Закомельского от 31 октября 1918 года и приложенный к нему «проект» телеграммы на имя российского посла в Париже Маклакова.

и сильно клонилось вправо. Среди крайних элементов нарастало неудовольствие по поводу присутствия в составе «бюро» совещания Милюкова и шла сильная агитация за его устранение, не увенчавшаяся, однако, успехом: 3 октября в собрании членов законодательных палат состоялось переизбрание «бюро», состав которого остался прежним, но был пополнен тремя членами из числа лидеров правых¹.

По мысли Милюкова, война была окончена, вопрос ориентации отпал, и не было поэтому более препятствий к объединению широкого фронта русской общественности. На том же заседании 3 октября было одобрено составленное Милюковым обращение к русскому обществу, в котором указывалось на необходимость «скорейшего создания авторитетного общероссийского представительства, которое могло бы встать на место советской власти». Главнейшими основами сведения воедино разрозненных усилий возрождения России ставилось: 1) «признание за Россией того территориального состава и той независимости в международных отношениях, которые Россия имела до временной потери своей государственности»; 2) взаимное общение военных организаций и местных правительств; «отказ от преследования отдельными частями каких-либо частных или местных интересов» и вместе с тем «отказ вновь образуемого целого от вмешательства в местные интересы и в деятельность местной власти, не оправдываемого интересами объединения...» Нормальным государственным строем для будущего обращение считало конституционно-монархический.

Этими теоретическими предпосылками, далекими от вожделений не только южных и западных лимитрофов, но и казачьих областей, собрание заранее ограничивало возможность широкого, в территориальном смысле, объединения.

Совет законодательных палат приступил к созданию «широкого общественного фронта», который на деле оказался весьма узким, включив по преимуществу правое крыло русской общественности, сановную бюрократию, круп-

¹ Вл. Гурко, Безак, Кръжановский.

ных аграриев и крупную буржуазию — элементы глубоко консервативные по своему прошлому, традициям и идеологии¹. Для придания реального значения и силы новому органу объединения Совет решил сделать попытку подчинить своему политическому руководству Добровольческую армию. С этой целью в Екатеринодар в середине октября были командированы г-да Вл. Гурко и Шебеко. В записке, врученной ими от лица Совета, мысль о значении объединенного органа (власти?) была выражена следующим образом:

«Этот политический орган, состоящий в тесном общении с Добровольческой армией и притом могущий все-сторонне, а потому правильно осветить предложения и настроения руководящих кругов населения страны и обладающий тем самым должным авторитетом, явился бы не только мощным сотрудником Добровольческой армии в деле воссоздания единой государственной власти в России, но представлял бы и для других культурных государств тот голос страны, с которым они считались бы и глашатаев которого неминуемо допустили бы на Мирный конгресс».

Я был в то время на фронте, руководя Ставропольской операцией, и послы Совета имели беседу с генералом Лукомским, который в своем докладе настоятельно советовал мне «опереться» на создаваемое объединение, высказывая опасение, что иначе «мы можем остаться в одиночестве». Не разделяя этих опасений, я ответил ему:

«Добровольческая армия отнюдь не может стать орудием политической партии — особенно партии с шаткой ориентацией. Строить «Южное объединение» и бросить его

¹ В составе государственного объединения были представители: 1) бюро совещаний законодательных палат; 2) церковного собора; 3) группы сенаторов; 4) группы земских и городских деятелей до-революционного состава; 5) группы торгово-промышленников; 6) финансово-банковская группа; 7) совет земельных собственников.

на полпути, чтобы начать новую комбинацию, нельзя. То, что предлагают они, было предложено Родзянко еще в Мечетке, строилось ими в Киеве, но неудачно. Противопологать сейчас эту комбинацию всем другим — нецелесообразно. Вооруженная сила никогда не «останется в одиночестве». Ее всегда пожелают!.. Во всяком случае, до решения вопроса об «Южном объединении» нельзя разрешать вопрос о новой комбинации, которая может только затруднить соглашения.

Если же эта комбинация возникнет сама собой без нашего участия; если она действительно будет иметь нравственный авторитет в стране и поддержит идеи и цели, преследуемые Добровольческой армией, — то тем лучше для всех нас и паче всего для России».

В то же время государственные и общественные деятели, собравшиеся к тому времени в Екатеринодаре¹, откликнулись на предложение образования «Государственного объединения» особой запиской, в которой обусловили целесообразность его тремя положениями: 1) избрать местом пребывания организации пункт, находящийся вне воздействия германских сил; 2) признать Добровольческую армию «Всероссийским государственным центром»; 3) повести борьбу с самостийностью Украины. В вопросе о «расширении фронта» организации мнения разделились. Меньшинство² высказало пожелание привлечь в нее демократические круги и те социалистические, которые группируются вокруг «Союза возрождения России» и «Земско-городского объединения», тогда как остальные участники совещания считали привлечение этих групп «неосуществимым и нецелесообразным, ввиду того глубокого различия во взглядах между ними и теми слоями населения, из представителей коих образуется предположенный совет». Возможно, — говорили они, — привлечение лишь тех демократических кругов, которые «отстаивают

¹ Н. И. Астров, М. М. Винавер, Н. Н. Львов, А. Н. Нератов, В. А. Степанов, С. Д. Сазонов и В. В. Шульгин.

² Первые два участника.

современный социальный строй всех культурных стран и отвергают принцип борьбы классов... Соглашение с организациями социалистических партий, быть может, и возможно и даже желательно, но исключительно лишь в деле общей борьбы с большевизмом»¹.

К концу октября образовался окончательно в Киеве «Совет государственного объединения», во главе которого стал барон В. Меллер-Закомельский; товарищами его были назначены А. В. Кривошеин, П. Н. Милюков и С. Н. Третьяков. Сообщая мне 31 октября о создании и задачах новой организации, председатель ее писал:

«Приступая ныне к своей работе, Совет государственного объединения России поручил мне сообщить Вашему Превосходительству, что он предоставляет все силы, знания и опыт объединившихся в нем лиц в распоряжение Добровольческой армии и будет всемерно счастлив, если он хоть в небольшой доле сможет облегчить армии ее великий ратный подвиг и ее славное служение нашему общему делу воссоздания великой, единой и неделимой России».

Я ответил благодарностью и пожеланием успеха и сообщил, что «не премину использовать живые силы и государственный опыт» членов Совета, и вместе с тем высказал пожелание, чтобы «круг политических и общественных групп, обществ и учреждений, примкнувших к Совету, был расширен, дабы Добровольческая армия могла опираться на возможно широкий беспартийный блок всех государственно мыслящих слоев русской общественности»².

В отношении гетмана Совет государственного объединения сохранил полную лояльность, находился с ним в частом общении и старался влиять также на направление его политики, но безуспешно.

...

Наряду с «Совещанием членов законодательных палат» и «Государственным объединением», являвшимися прямыми наследниками покойного «Правого центра», проявлял

¹ Позиция «Национального центра».

² Письмо от 26 ноября, № 834.

оживленную деятельность «Киевский национальный центр», по идеологии и задачам представлявший как бы областной отдел центра Московского или Всероссийского. К концу октября в Киев из Москвы прибыла группа московской организации — М. М. Федоров, профессор Новгородцев, Волков, Салазкин и другие, и таким образом установилось непосредственное общение между обоими центрами.

Национальный центр определил свое лицо как «общественно-политической организации, в состав которой входят представители всех несоциалистических политических партий, кроме крайне правых, всех общественных групп и прочих, при условии признания ими необходимости восстановления единой и неделимой России, борьбы с большевизмом, антинемецкой ориентации и верности союзникам»¹. Сохраняя московские традиции, Киевский Национальный Центр (НЦ) находился в «полном контакте» с Союзом возрождения, перенесшим также центр своей деятельности в Киев, и признавал «неприемлемым общение с Совещанием законодательных палат, так как эта организация скомпрометировала себя соглашениями с немцами». Таким образом, официально грань между двумя основными буржуазными группировками проходила как будто исключительно по «водоразделу» между Шпрее и Сеной, тогда как фактически уже и в то время ясно определилось их крупное *политическое* расхождение, запутываемое еще больше такими видимыми несообразностями, как вхождение в «Совещание» Милюкова и содружество с «центром» — Шульгина. Только в екатеринодарский период, после некоторой дифференциации, эти два общественных течения проявят окончательно настоящее свое содержание: одно — консервативное, другое — либеральное.

¹ Из киевских организаций к Национальному Центру примкнули: группа В. Шульгина (сам Шульгин находился с осени 1918 года в Екатеринодаре), Внепартийный блок русских избирателей, Клуб русских националистов, Общество «Русь», оппозиционное крыло кадетов с Ефимовским и Левитским и другие.

Киевский НЦ ставил своими ближайшими задачами: 1) борьбу с украинской самостийностью, 2) поддержку Добровольческой армии как организующего противобольшевистского российского центра, 3) осведомление союзников «об истинном положении дел на Украине». В своем обращении «к державам Согласия и руководителям Добровольческой армии»¹ центр развивал эти идеи: «Украинского государства никогда не было; «украинцы» — не нация, а политическая партия, взращенная Австро-Германией; огромное большинство населения Малороссии считает себя русским народом... и свято неизменно хранит верность союзникам растерзанной России; и Центральная Рада и гетманское правительство совершенно оторваны от страны». В заключение Центр умолял союзников и Добровольческую армию «спасти Малороссию от ига и тирании германской оккупации», заняв ее «одновременно с уходом немецких и австрийских войск Добровольческой армией и союзническими войсками... для спасения края от украинско-большевистской анархии и резни».

Исходя из тех же взглядов, НЦ вел борьбу против созыва гетманом «Державного сейма», считая это «покушением на верховные права русского народа», так как только «единая Россия в целом может решить судьбу и определить объем прав и обязанностей всех частей ее». Одновременно образована была смешанная комиссия из состава Московского («Всероссийского») и Киевского центров, с участием представителей от Совета государственных объединений, под председательством профессора Новгородцева, для составления проекта областной автономии.

К гетману и украинскому правительству Киевский НЦ относился с величайшей враждебностью. Когда в начале октября в Киеве распространились ложные слухи, что я веду переговоры о соглашении с Украиной, этот вопрос был поставлен на совещании Центра, которое единогласно постановило: «С изменником Скоропадским и с возглавляемой им Украиной никакие переговоры и соглашения недопустимы; слухи и известия о каких-то переговорах Доброволь-

¹ Резолюция «Центра» от 17 (30) октября 1918 года.

ческой армии со Скоропадским повергают деятелей НЦ в уныние и скорбь, ибо если Добровольческая армия признает Скоропадского и Украину, то это поведет к общему и окончательному признанию их и утверждению. НЦ в Киеве решил сосредоточить свои усилия исключительно на борьбе с украинской самостийностью»¹.

Такое же отношение было, конечно, к Украинскому национальному союзу. Назревающая опасность переворота, подготовляемого этим союзом во главе с Винниченко и Петлюрой, была очевидна. НЦ в ряде своих заседаний, обсуждая меры противодействия, признал откровенно свое бессилие и видел выход только в прибытии на Украину войск Добровольческой армии. В этом смысле я получал отсюда постоянные представления. Так же освещали вопрос и сотрудники «Азбуки» и сам Шульгин, который главную причину беспомощности Центра видел в отсутствии в Киеве лица, «способного властно и авторитетно руководить военными организациями». «Может быть, — говорил он, — вооруженная сила и нашлась бы, если бы нашелся энергичный генерал, снабженный от Добровольческой армии полной властью действовать по своему усмотрению, в зависимости от обстоятельств, и приказывать именем Добровольческой армии, обаяние которой сейчас очень велико». Шульгин считал негласного представителя нашего в Киеве генерала Ломновского² не подходящим для этой роли и настаивал на назначении нового лица, которое через НЦ «в кратчайший срок подчинит себе все тяготеющее к Добровольческой армии» («Особый корпус», «дружины» и т. п.). То же рекомендовалось в отношении Крыма³.

Подобных обращений ко мне и помимо этих организаций было немало — со стороны общественных деятелей

¹ Вообще связь Киева с Екатеринодаром была затруднительна, чем объясняются частые недоразумения и несогласованность действий и в военных, и в общественных организациях.

² Генерал Ломновский был в начале войны генерал-квартирмейстером в 8-й армии генерала Брусилова, потом доблестно командовал 15-й дивизией 8-го корпуса и 10-й армией.

³ Письмо от 28 октября генералу Драгомирову.

и просто обывателей, в глазах которых Украина Винниченко отличалась мало от Украины советской. Меня настойчиво втягивали в украинский водоворот, тогда как я считал, что задача эта для Добровольческой армии совершенно непосильна. В том необыкновенно сложном военно-политическом положении, в котором находилась Украина, одного престижа ДА было на мой взгляд совершенно недостаточно. Необходима была крупная вооруженная сила, которая могла бы поддержать или свергнуть гетманскую власть, разделаться с движением, поднятым УНС, и, главное, прикрыть северные рубежи Украины от готовящегося вторжения «Повстанческой» Красной армии Антонова-Овсеенко. Это мог бы сделать народный подъем, но его не было. Это могли выполнить легко союзники, но они не приходили. Что касается Добровольческой армии, то к концу октября *все решительно ее силы* — 30—40 тысяч — были собраны на полях Ставрополя, где в жестоких боях решались судьбы кампании и самой армии¹.

Посылать на Украину было некого.

...

Наконец, в Киеве проявляла оживленную деятельность третья крупная организация — «Союз возрождения России», стоявший как-то в стороне от других. Союз находился в «контакте» с НЦ и в плохом мире с партиями эсеров и социал-демократов меньшевиков, не прощавшими ему сотрудничества с буржуазными организациями; Добровольческую армию поддерживал «постольку-поскольку» и резко враждебно относился к украинской самостоятельности, к гетману и к УНС. Но методы действий Союза в отношении последних институций были намечены более решительные. Осведомители НЦ и «Азбуки», невзирая на «контакты» с Союзом возрождения, не знали ничего о конспиративной деятельности его, и только однажды в очередном докладе промелькнули сведения, что «в случае ухода немцев и попытки украинцев усилиться (?) СВ намерен вклиниться и захватить

¹ Как известно, только 7 ноября 1918 года наступил полный перелом в нашу пользу, и только в начале февраля окончилась Северокавказская операция.

власть по соглашению с НЦ». Это намерение звучало чрезвычайно странно как в силу «бескровно-мирного» настроения руководителей СВР, так и ввиду отсутствия тех активных сил, на которые мог бы опереться Союз. Только впоследствии мы узнали от одного из руководителей¹, что «группа *радикального офицерства* в Киеве, опираясь на политическую поддержку левых организаций, решила устроить переворот. Целью его было свержение Скоропадского и передача власти кругам, которые группировались вокруг Союза возрождения и должны были координировать свою деятельность с Уфимской директорией».

Тогдашний Киев и Уфимская директория! Нужно было обладать большой долей фантазии, чтобы строить такие комбинации. Но СВР относился серьезно к своей затее — настолько, что был даже намечен состав нового правительства во главе с Одинцом.

Станкевич, Одинец и другие лица вели какую-то тайную организацию офицерских дружин; вернее, материально поддерживали возникавшие самостоятельно, на что тратились суммы из французской субсидии. «Во мраке подполья и заговора, — говорит Станкевич, — политические контуры настолько терялись, что иногда после долгого разговора с каким-либо делегатом я вдруг убеждался, что передо мной стоит не мой единомышленник, а левый эсер или даже большевик»... Эти связующие нити Станкевич мог бы легко обнаружить и в другом направлении — ведущем к дружине генерала Кирпичова², полковника Винберга и даже к союзу «Наша Родина». Ибо «*радикального офицерства*» в природе не оказалось. Были лишь отдельные офицеры-радикалы, социалисты, даже большевики; были также люди, которым безразлично, от кого получать деньги. В конце концов, вся военная мощь Союза покоилась в большинстве случаев на тех самых офицерских дружинах, которые гетманское правительство предназначало для защиты Украины от большевиков, Национальный Центр — для противодействия самостийной Украине Винниченко—Петлю-

¹ В. Б. Станкевич. «Воспоминания».

² См. ниже.

ры, и Союз возрождения — для свержения гетманской власти.

Когда настало время действовать, у Союза возрождения не оказалось никаких сил.

...

19 сентября, обсудив внешнее и внутреннее положение страны, украинский Совет министров признал, что «внезапно возникшие международные события угрожают независимости, самостоятельности и самому существованию Украинской державы». И потому постановил «немедленно приступить к формированию украинской национальной гвардии».

Формирование вооруженной силы, на что гетманом получено было разрешение германского правительства еще в бытность его в Берлине, представляло, однако, непреодолимые трудности. Всеобщий набор, на котором настаивал военный министр Рагоза, не обещал никакого успеха и, по мнению гетманских кругов, мог дать ярко большевистский состав. Формирование классовой армии — «вольного казачества» из добровольцев-хлеборобов — имело уже плачевный опыт в виде почти разбежавшейся «сердюцкой» дивизии. Составленный в генеральном штабе проект формирования национальной гвардии при сечевой дивизии с ее инструкторами готовил явно вооруженную силу не для гетмана, а для УНЦ и Петлюры.. Вообще все формирования на национальном принципе встречали резкий, бурный протест в российском офицерстве, которое отнюдь не желало драться ни за гетмана, ни за самостоятельную Украину.

Ввиду таких настроений в начале октября гетман отдал приказ о формировании «Особого корпуса», подчиненного непосредственно ему, минуя правительство. Корпус этот предназначался «для борьбы с анархией в пограничной полосе». Во внутренней своей жизни он должен был руководствоваться «положением бывшей российской армии, действовавшим с 1 марта 1917 года»; чинам корпуса присвоена была «форма бывшей российской армии». Одновременно объявлена была регистрация всех офицеров и предупреждение о предстоящей мобилизации офицеров и

сверхсрочных унтер-офицеров (до 35-летнего возраста) по их желанию в украинские войска или в «Русский корпус».

Первая комбинация — в глазах офицерства — приводила к утверждению украинской самостоятельности внутри страны; вторая — к немедленному выходу на фронт для защиты ее же от внешних посягательств. И офицерство не пошло никуда. Идейное — по убеждению, беспринципное — по шкурничеству. В той и в другой среде начался сильный отлив из Украины: одних — в районы Русских добровольческих армий, других — в те края, где еще не было принудительной мобилизации, где можно было жить покойно, служить в ресторанах, зарабатывать «на лото» и спекулировать.

Ввиду полного провала правительственной организации и неудавшейся мобилизации пришлось прибегнуть к частной. По инициативе «Протофиса», «хлеборобов» и Киевской городской думы, при деятельном участии профессора Пиленко, графа Гейдена и Дьякова министр внутренних дел принял отвергнутое им ранее предложение вступить в соглашение с существовавшими в Киеве офицерскими обществами самопомощи и дать им средства и полномочия для формирования «дружин»; эти части предназначались прежде всего для охраны спокойствия и порядка в столице. Так возникли дружины полковника Святополк-Мирского, генерала Кирпичова, Рубанова, Голембиовского и других — частью чисто офицерские, частью смешанного типа, с добровольцами преимущественно из учащейся молодежи, которая вообще откликнулась на призыв по-разному: одни пошли в офицерские дружины, другие искали «более демократические формирования», третьи (и их было немало) заявили, что предпочитают советскую власть украинскому самостоятельности, и выжидали развития событий.

Численность офицерских дружин была незначительна — вряд ли превосходила 3—4 тысячи; организация далеко не совершенна: разбухшие штабы, неизбежные контрразведки и «отряды особого назначения» доминировали над «шттыками». Расплодились также многочисленные «вербовочные бюро» с громадными штатами, обширными реквизированными помещениями и автомобилями. Каждое из

них формировало не менее чем «армию» и имело в наличности 100—150 бойцов.

Кроме этих организаций в Киеве существовало еще офицерское общество «Свив»¹, стоявшее всецело на платформе Добровольческой армии и взявшее на себя на условиях вольного найма охрану арсенала, артиллерийских и интендантских складов и полигонов.

Министерства военное и внутренних дел конкурировали друг с другом, организуя вооруженные силы, и оба не были твердо уверены, в какую сторону повернуты будут их штыки.

ГЛАВА XXI УКРАИНА: ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ГЕТМАНСТВА

1 ноября я был поражен представленной мне лентой телеграфного разговора: генерал Ломновский из Киева передавал начальнику моего штаба генералу Романовскому:

«В местных газетах объявлен ваш приказ о подчинении всех войск на территории России генералу Деникину и мобилизации всех офицеров². Сейчас я был приглашен к гетману, который просил передать: сегодня командиры дружин и местных полков явились к нему и доложили о своем переходе в подчинение вам. Ввиду сложного и тревожного положения в Киеве осуществление этого может вызвать неурядицы. Необходимо выждать несколько дней: до прихода сюда войск Согласия. Теперь здесь идут формирования дружин, и отлив офицеров может повредить делу. Мы находимся в области слухов, мало ориентированы».

¹ «Союз взаимопомощи интеллигентных воинов».

² В «России» была перепечатана выдержка из этого приказа из «Голоса Киева» (31 октября) в такой редакции: «Сего числа я вступил в командование всеми военными силами. Все офицеры, находящиеся на территории бывшей (?) России; объявляются мобилизованными». В том месте, где многоточие, по докладу «Азбуки», цензура выпустила фразу: «на Украине и в Крыму».

« Генерал Романовский: «Приказа такого Главнокомандующий не издавал. Был приказ о мобилизации офицеров только на территории, занятой Добровольческой армией. Само собой разумеется, что войска на этой территории подчиняются Главнокомандующему. Таким образом, приказ, появившийся в киевских газетах, результат какого-то недоумения».

Я до сих пор не знаю автора этого приказа.

Через два дня получена была телеграмма украинского министра иностранных дел Афанасьева по тому же поводу, в которой он просил «разъяснить подлинный смысл («моего») приказа с сохранением авторитета власти гетмана... во избежание разрушения дисциплины в украинской армии».

Положение мое было весьма затруднительным. Нарождающаяся киевская вооруженная сила решительно отказывалась идти под знаменем гетмана самостийной Украины. Для поддержания патриотического подъема офицерства и сохранения края от вторжения большевиков до ожидаемого прихода союзников я решил дать киевским формированиям флаг Добровольческой армии. Поэтому я ответил Афанасьеву: «Приказа в редакции, появившейся в киевских газетах, я не отдавал. Генералу Ломновскому — представителю ДА в Киеве — приказано объединить управление всеми русскими добровольческими отрядами Украины, причем ему вменяется в обязанность всемерно согласовывать свои действия с интересами края, направляя все силы на борьбу с большевиками и не вмешиваясь во внутренние дела края»¹.

«Приказ главнокомандующего, — сообщила «Азбука», — произвел потрясающее впечатление. Все моментально, как по щучьему велению, словно картина в кинематографе, перевернулось. Тысячи людей сразу осмелели. С других тысяч людей сразу отлетала украинская одурь, и они вновь почувствовали себя русскими людьми... Ко всему этому, за приказом вырисовывалась вся мощь поддержки союзников и весь колоссальный престиж их... Все домыслы

¹ Телеграмма 4 ноября 1918 года, № 446.

огромного большинства Малороссии устремились навстречу союзникам и Добровольческой армии».

Если в нарисованной картине краски и сгущены, то нельзя отрицать, что весь этот эпизод дал некоторую опору и уверенность русским национальным элементам в Киеве и вместе с тем послужил одной из причин дальнейших серьезных политических событий.

...

29 октября Германия приняла тяжкие условия перемирия, продиктованные победителями, признав свое полное поражение.

26 октября французский посланник в Яссах граф Сент-Олер высказал Коростовцу пожелание, чтобы гетман «чем-нибудь проявил перемену германофильской политики и согласие (свое) поддержать работу союзников по восстановлению порядка в России».

1 ноября киевские военные начальники заявили гетману, что войска их выходят из его подчинения, являясь поборниками общерусских интересов.

Эти события произвели окончательный переворот в гетманской политике, результатом которого была «Грамота ко всем украинским гражданам и казакам», опубликованная 2 ноября. В ней говорилось:

«...После пережитых Россией великих потрясений условия ее будущего бытия должны несомненно измениться. На иных началах, на началах федеративных, должно быть воссоздано прежнее величие и сила Всероссийской державы, и в этой федерации Украине надлежит занять одно из первых мест.

...На этих началах, которые (я верю) разделяют и союзники России — державы Согласия, — которым не могут не сочувствовать все без исключения остальные народы не только Европы, но и всего мира, должна быть построена будущая политика нашей Украины. Ей первой надлежит выступить в деле создания всероссийской федерации, конечной целью которой явится как восстановление великой России, так и обеспечение экономического и культурного преуспеяния всего украинского народа на прочных основах национально-государственной самобытности.

...Вновь сформированному мною кабинету¹ я поручаю ближайшее выполнение этой великой, исторической задачи».

Об этих событиях гетман беседовал на другой день после опубликования «грамоты» с В. Маркозовым, явившимся за боевыми припасами для Добровольческой армии.

«В грамоте я ясно высказал то, что давно хотел (высказать), но не мог раньше, — говорил гетман. — Вы знаете, что они — «щирые» — хотели меня на днях арестовать, но я им сказал, что этого не стоит делать, так как беспорядки от этого еще больше усилятся; они и оставили эту мысль. Вообще, теперь очень тяжело. Я, собственно, не хотел еще перемены кабинета — хотел дожидаться ответа от Велико-го князя Николая Николаевича, но ответ задержался. А обстоятельства требовали на что-то решиться сейчас. Я ему писал², что прошу и предлагаю принять верховное командование всеми войсками бывшей России и управление. И в его лице объединить всех нас, генералов, а то мы только ссоримся. Когда бы он сделался не только Верховным главнокомандующим, но и Правителем, тогда я с радостью немедленно передал бы ему всю власть. К получению ответа хотелось приурочить и новый кабинет»³.

В том же разговоре гетман с горечью коснулся вопроса по поводу нежелания моего «с ним сообщаться»... Я решительно не мог, не могу и теперь стать на ту упрощенную точку зрения, которая разительную противоположность идеологии, стимулов и лозунгов движения претворяет в «ссоры генералов». Гетман не желал понять, что между идеологией «единой, великой и неделимой России» и той, которую до последних дней исповедовал гласно он, гетман: «Во всех взаимоотношениях, как с нашими ближайшими соседями, так

¹ Министерство Гербеля из лиц российской ориентации или воспринявших таковую (Кистьяковский).

² Или послал сказать — Маркозов точно не помнил.

³ Из письма В. Маркозова генерату Драгомирову от 18 ноября н. ст.

и со всеми другими мировыми государствами, мы стоим и будем стоять непоколебимо на почве самостоятельной и независимой Украинской державы»¹, — что между этими идеологиями лежит непроходимая пропасть, через которую не перекинуть мостика *слухами*, будто это лишь политическая игра, обман, средство, чтобы сквозь узкую щель украинского шовинизма пролезть легче в широкие ворота свободной российской государственности.

До конца сентября гетман не делал никаких шагов для сближения. Только с изменением положения центральных держав, 9 и 11 октября нового стиля, гетман при посредстве своего адъютанта графа Олсуфьева устроил встречу с представителем киевского Добровольческого центра полковником Неймиром, причем уверял последнего в своей русской ориентации, в необходимости личины самостоятельности как «единственной оппозиции большевизму» и в расположении своем к Добровольческой армии. Неймирк не получил никаких указаний от моего штаба и вел беседу от себя лично. В начале октября в Екатеринодар приехал Шидловский² и от имени гетмана предложил помощь оружием и снаряжением на условиях отказа моего от союзнической ориентации и признания «нейтралитета» в отношении Германии. Наконец, 21 октября, после свидания своего с гетманом на станции Скороходово, атаман Краснов писал генералу Лукомскому, что гетман «предполагает на этих днях обратиться к Добровольческой армии, Дону и Кубани, если возможно — к Тереку, Грузии и Крыму... выслать депутатов на общий съезд. Цель — выработка общего плана борьбы с большевиками и большевизмом в России».

Все эти попытки гетмана *самостоятельной и враждебной в отношении России Украины* я считал бесцельными. Но когда министр иностранных дел нового украинского правительства Афанасьев в телеграмме ко мне (3 ноября) заявил, что «украинские силы в согласии с Доном и парал-

¹ Из речи, сказанной министрам 23 октября, то есть за неделю до «грамоты» о федерации с Россией.

² Бывший член Государственного совета, харьковский губернский староста.

лельно с ДА направляются на борьбу с большевиками и на восстановление единства России», я ответил тотчас же: «Раз Украина стала на путь русской государственности, представляется необходимым войти в соглашение по вопросам единого фронта, единого командования для борьбы с большевиками и единого российского представительства на международном конгрессе»¹.

В середине ноября от донского правительства получена была вторая телеграмма Афанасьева, повторяющая предложение гетмана о съезде в Киеве, причем целью съезда ставилось «установление общего плана борьбы с большевизмом... разрешение вопросов, касающихся... отношений к нейтральным странам, к державам Согласия, к Германии и бывшим ее союзникам и установление прочной государственной власти в России». Генерал Драгомиров послал ответ о нашем согласии участвовать в съезде, но с указанием: 1) что ввиду военной обстановки (к Киеву подступал Петлюра) как место съезда предпочтительнее Екатеринодар или Симферополь; 2) что ДА не имеет никаких оснований пересматривать свое отношение к союзникам; 3) что участие грузинского правительства, враждебного России и Добровольческой армии, недопустимо.

Эта телеграмма в Киеве не была еще, очевидно, получена, когда Афанасьев разослал третью — с указанием срока съезда 5 декабря.

На этом наши сношения пресеклись, так как одновременно радио принесло известие, что гетман отрекся от власти и белый Киев агонизирует.

Последние акты гетмана, знаменуя полный разрыв с УНС², имели весьма важные последствия.

2 ноября в Киеве по городу было расклеено воззвание, призывавшее «граждан до зброи и до порядку» и объявлявшее о свержении гетмана, который «останним зрадницьким

¹ Телеграмма 4 ноября 1918 года, № 446.

² Впрочем, по сведениям Киевского Национального Центра, гетман не бросал попыток примирения с УНС до самого своего падения.

актом скасував самостийність Української Держави». От имени «организованной украинской демократии, вид всего активного народного громадянства, яке обрало нас» — было оповещено о переходе власти в руки «Директории самостийной Украинской Народной Республики» с «головой» Винниченко и членами Петлюрой, Швецом и Андреевским. В воззвании предлагалось гетману и его министрам уйти «негайно, без пролития крови», а офицерским организациям сдать оружие и выехать «куды хто охоча». В воззвании выражена была также уверенность, что «солдаты германського визволенного народу поставляться до боротьбы пригнеченого українського народу».

Директория переехала тайно из Киева в Белую Церковь, где находились галицийские сечевые части, собранные там для борьбы с Польшей. Петлюра, посаженный в свое время в тюрьму Кистяковским и выпущенный незадолго перед тем «национальным» правительством, принял звание «головного отамана»; на левобережной Украине «главнокомандующим» войсками директории стал Болбочан. В ночь на 5 ноября полк Болбочана арестовал в Харькове штаб Украинского корпуса, обезоружил офицерские дружины и при полном попустительстве немецких войск объявил там власть директории.

Силы восставших были невелики: два полка сечевых стрельцов, остатки дивизии серожупанников (бывших наших пленных) и гайдамацких кошей, некоторые изменившие части гетманских войск (бывшей дивизии Натиева), формируемые наскоро крестьянские банды — всего вначале не более четырех-пяти тысяч. Не ожидая накопления и сосредоточения своих сил, с имеющимися под рукой отрядами Болбочан из Харькова двинулся на Полтаву, которую и занял 14-го, а Петлюра из Белой Церкви через Фастов — к стольному Киеву.

Навстречу ему двинуты были из Киева несколько рот дружины Святополк-Мирского и сердюцкой дивизии, которые между станциями Мотовиловкой и Васильковом были разбиты и отошли к Жулянам, в 10 верстах от Киева. Здесь, получив подкрепление из состава других дружин, они заняли оборонительную позицию. Петлюровские войска,

продвинувшись к Боярке, также приостановились, очевидно ввиду недоразумений с германскими войсками: захват Фастовского узла прекратил совершенно эвакуацию немецких эшелонов, и в тылу у петлюровцев на этой почве начались вооруженные столкновения с немцами.

Противники стояли друг против друга — оба с ничтожными силами и оба не уверенные в своем успехе.

Германское правительство явно покровительствовало директории, хотя и объявило официально о своем нейтралитете. «Мы сохраняем нейтральное положение, — говорил приказ немецкого главнокомандующего от 3 ноября, — по отношению к внутренним политическим событиям на Украине. Однако спокойствие и порядок в стране неизбежно должны быть нами поддерживаемы силой оружия, дабы не было препятствия к вывозу наших войск. Надлежит особенно твердо сохранять за собой обладание путями сообщения». В этом духе киевская главная квартира старалась повлиять на солдатские советы, чтобы побудить войска к оказанию сопротивления. 14 ноября ей удалось двинуть против петлюровцев из состава киевского гарнизона 3 батальона с артиллерией к Фастову. Немцы легко опрокинули передовые части петлюровцев у села Белгородки, но вслед за сим на другой день представители штаба и солдатского совета заключили с ними перемирие. По договору, подписанному 19 ноября, петлюровцы предоставляли беспрепятственно пользование железными дорогами немцам и, кроме того, обязались: «Войска директории, впредь до прибытия представителей Антанты на Украину и впредь до заявления об отказе от этого соглашения, прекращают всякие оперативные действия в местностях, еще не занятых ими ко времени вступления в силу настоящего договора, главным образом приостанавливают дальнейшее продвижение к Киеву».

Это постановление было обосновано отчасти и решительными требованиями Энно — вновь назначенного в Киев французского консула «с особыми полномочиями». Энно из Ясс прибыл в Одессу и оттуда, начиная с 7 ноября, обращался к киевскому германскому штабу и гетманскому

правительству с рядом телеграмм от имени Согласия¹. В них сообщалось во всеобщее сведение: 1) «Державы Согласия признают существующее сейчас украинское правительство, возглавляемое гетманом»²; 2) «решение всех спорных политических и социальных вопросов, в особенности вопроса о самоопределении национальностей, будет детально рассмотрено после того, как военные силы держав Согласия и их политические представители прибудут в Киев»; 3) «всякое покушение на существующую власть будет строго подавлено»; 4) «немцы обязуются восстановить и поддерживать порядок в Киеве и во всем крае до прихода союзников»; 5) «державы Согласия ни в каком случае не допустят вступления войск Петлюры в Киев».

Между тем во всей Украине развивалось с необыкновенной быстротой движение, революционное в отношении гетманской власти, которую не хотел защищать никто, и бесформенное в своих политических контурах: УНС шел с молчаливого согласия Москвы и при дружественном нейтралитете германского командования за самостоятельность Украины — против гетмана; крестьянство поднималось за обещанную директорией «землю» — против помещиков и немцев; сельская беднота («незаможни») и городской пролетариат — против «буржуев» вообще, за советскую власть; деревня шла на город с целью поживы... Наряду с остатками гетманского «уряду» и органами, насаждавшимися петлюровскими атаманами, возникали поэтому повсеместно революционные комитеты и совдепы, а местами и новые формы самодовлеющих, ни от кого не зависимых анархических образований.

Винниченко объявлял декреты совершенно большевистского характера о социализации, национализации, изъятии буржуйских ценностей; эти призывы находили отзыв-

¹ 7, 9, 14, 20 ноября.

² Сообщение это, в связи с § 2 имевшее по смыслу условное временное значение, в официальном гетманском органе «Видродження» от 7 ноября было передано как окончательное признание Согласием «Украинской державы», которая войдет в федеративную связь с Россией.

чивую почву в крае, еще не прошедшем всего круга большевистского опыта, и претворялись в жизнь погромами, пожарами, разбоями, убийствами. По-прежнему, как и в начале года, в движении, поднятом на Украине, решительно не было национального момента. Директория разжигала социальный пожар в целях своего утверждения, бессильная потом локализовать его в целях своего существования. Полубольшевизм директории не удовлетворял никого и естественно катился по инерции в сторону большевизации советов. Люди, наблюдавшие жизнь Украины того времени, все наши осведомители — в один голос, задолго до переворота, предвещали правлению директории участь краткого и бесславного этапа по пути к большевизму, и по общему признанию этот этап, наконец осуществившись, носил наиболее анархический характер всех девяти «режимов», сменившихся на Украине.

Тревога немецкой главной квартиры оказалась не напрасной: повсюду поднималась волна ненависти против немцев, с которой директория совладать не могла; петлюровские и крестьянские банды нападали на немецкие эшелоны, грабили, оскорбляли и обезоруживали их. Местами немцы оказывали сопротивление, и тогда происходили вынужденные кровавые столкновения.

Петлюровские атаманы не разделяли германофильства директории. Григорьев, например, говорил с германскими властями таким языком: «Объявляю вам именем командующих мною рабочих войск, а также именем народа, восставшего против буржуазии, что вы не демократы, а предатели России. Если в течение четырех дней вы не покинете Николаева и Долинской, то ни один из вас не увидит своей родины: при первом же движении вы будете уничтожены бесследно, как мухи»¹.

Стремясь стихийно домой и желая обеспечить себе свободный путь, немцы, по частной инициативе местных комитетов или сохранивших авторитет военных начальников, помогали и вооружали то одну, то другую сторону. Так,

¹ Телеграмма 18 декабря совету солдатских депутатов г. Николаева и начальнику 15-й ландверной дивизии.

в Харькове они допустили занятие города Болбочаном, а к концу ноября заставили его отряды очистить город и вооружили организацию Добровольческого центра; в Бердичеве они вооружали повстанцев; в Полтаве они не позволили гетманским частям прервать путь двигавшимся из Харькова повстанцам, но через несколько дней разоружили овладевшие уже городом петлюровские банды «незаможного селянства», принявшие явно большевистский характер и угрожавшие их безопасности. Солдатские комитеты продавали оружие и петлюровцам, и большевикам, и гетманцам, и добровольцам. Солдаты зачастую отказывали в повиновении начальникам, бросали фронт и охрану железной дороги и уходили самовольно в ближайшие центры.

Немецких начальников многие обвиняли в маккиавелизме и предательстве, но обвинение это было нередко несправедливым: поведение немецких войск обуславливалось, кроме политики, развалом и стихийной тягой на родину.

Российское офицерство было сбито с толку, рассеяно, неорганизовано. Кое-где были отдельные, иногда доблестные, попытки сопротивления, лишённые, однако, общей идеи и растворившиеся бессильно в картине общего хаоса. Так, в Харькове, например, в течение одной недели произведено было три мобилизации: гетманская, петлюровская и добровольческая... В Полтаве перед приближением отрядов Болбочана состоялся многолюдный офицерский митинг, на котором громадное большинство участников на призыв гетманского военного начальства ответили, что «готовы сражаться исключительно с большевиками, и только в Полтаве, а против Болбочана не пойдут». Несомненно, наряду с «идеологией» во всех таких выступлениях немалую роль играло и «шкурничество».

Украинский хаос как нельзя лучше характеризуется положением злосчастного Екатеринослава, о котором сводка к середине ноября сообщала: «Город разделен на пять районов. В верхней части укрепились добровольческие дружины; в районе городской думы — еврейская самооборона; далее кольцом охватывают немцы; добровольцев, самооборону и немцев окружают петлюровцы, и наконец весь город — в кольце большевиков и махновцев».

С самого начала на всем движении Винниченко—Петлюры легла печать анархии, которая не оставляла его до окончательного крушения.

Петлюровско-немецкое соглашение не нарушалось до конца ноября, давая Киеву некоторую передышку и возможность собраться с силами.

Одновременно с обнародованием последнего акта гетман, порвав окончательно с украинскими национальными кругами, искал естественной опоры в русских организациях. На его попытки в этом отношении откликнулись «Протофис», «хлеборобы» и «монархический блок». «Совет государственной обороны» не хотел, по-видимому, связывать себя с режимом, уже обреченным, хотя устами Кривошеина доказывал, что «Скоропадскому можно все простить, даже оставить ему пожизненное гетманство, если он в дальнейшем будет служить верой и правдой единой России». На соединенном заседании бюро Московского («Всероссийского») и Киевского национальных центров, при участии представителей добровольческих организаций, 1 ноября под председательством профессора Новгородцева было решено единогласно, что какие-либо сношения с «изменником гетманом» недопустимы и аморальны. Еще неприемлемее, как мы знаем, была позиция «Союза возрождения», не оставившего мысли о вооруженном перевороте, и стоящих левее его организаций.

И гетман сделал надлежащие выводы: последний месяц его правления прошел под исключительным и полным влиянием блока крайних правых, разделяемым до известной степени с переменившим ориентацию министром внутренних дел Игорем Кистяковским.

Под влиянием «монархического блока» 5 ноября была опубликована «грамота» гетмана:

«Ввиду чрезвычайных обстоятельств общее командование всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины, я вручаю генералу от кавалерии графу Келлеру на правах главнокомандующего армиями фронта, с предоставлением ему сверх того прав, определенных ст. 28

Положения о полевом управлении войск в военное время¹.
Всю территорию Украины объявляю театром военных действий, а потому все гражданские власти Украины подчиняются генералу графу Келлеру».

Этим актом устранялось неудобство непосредственного подчинения «украинскому гетману» российских дружин, и вместе с тем последние косвенно выходили из распоряжения добровольческого командования. Имя графа Келлера должно было привлечь новые контингенты монархического офицерства, а флаг Добровольческой армии, который был весьма неприятен и гетману и правому блоку, но сохранялся ими неукоснительно, должен был примирять с фактом засилья правых умеренную часть общественности и офицерства.

Но граф Келлер понял свое назначение как скрытую капитуляцию гетмана и передачу ему диктатуры — «всей полноты военной и гражданской власти на Украине»². Сообразно с этим он образовал при себе «Совет обороны», по составу своему являвшийся бюро Монархического блока с Безаком во главе; начальником своей канцелярии назначил генерала Спиридовича.

Столь явный переход власти к «правым большевикам», как называла «Азбука» деятелей «Протофиса» и монархического блока, еще более возбудил против гетмана и украинского правительства прогрессивную и демократическую общественность.

В высокой степени достойный и храбрый генерал, граф Келлер как политический деятель был прямо опасен своими крайними убеждениями, вспыльчивостью и элементарной прямолинейностью. Уже на третий день по пришествии к власти он написал приказ — призыв о восстановлении монархии, от распространения которого его, однако, удержал «блок», считавший такое обращение к пылающей Украине преждевременным. Первые же шаги диктатора и «Совета обороны» привели в большое беспокойство украинское прави-

¹ Статья эта предусматривает известное подчинение местных органов исполнительной власти главнокомандующему на театре войны.

² Телеграмма его мне от 5 ноября, № 1.

тельство. И 13 ноября к графу Келлеру по поручению правительства явились министры Афанасьев и Рейнбот и заявили ему, что он неправильно понимает существо своей власти: ему не может быть подчинена власть законодательная, какую до созыва Державного сейма является Совет министров; что граф Келлер в своих воззваниях говорит только об единой России, игнорируя вовсе украинскую державу, тогда как правительство «стремится к созданию Украинского федеративного государства и от этой своей программы для воссоздания целой и неделимой России отказаться не может»¹. Граф Келлер предъявил ультимативное требование полноты власти и в тот же день получил гетманский приказ о своей отставке и о назначении его заместителем генерала князя Долгорукова. В своем прощальном приказе Келлер объяснял свой уход двумя причинами: «1) Могу приложить свои силы и положить свою голову только для создания великой, нераздельной, единой России, а не за отделение от России федеративного государства; 2) считаю, что без единой власти в настоящее время, когда восстание разгорается во всех губерниях, установить спокойствие в стране невозможно»².

И хотя по существу ничего не изменилось, так как у кормила власти остался тот же блок, возглавленный князем Долгоруковым — председателем военной монархической партии и товарищем председателя «блока», — но политическая неразбериха усилилась еще более: граф Келлер ушел потому, что не хотел бороться «за отделение от России федеративного государства». А новое командование?..

Ввиду быстрого распространения анархии на Украине и изолированного положения Киева прямое сообщение с ним Екатеринодара было нерегулярно, а с 11 ноября прервалось вовсе; и мой штаб получал кружными путями только отрывочные и случайные осведомления о происходящих там событиях. Взаимоотношения моего представителя генерала Ломновского — номинального начальника добровольческих дружин — с гетманскими властями были весьма неопреде-

¹ Из приказа графа Келлера от 14 ноября.

² Там же.

ленными. Как я уже говорил, граф Келлер в качестве «главнокомандующего Северной псковской армией» 2 ноября признал свое подчинение добровольческому командованию. Став через три дня «главнокомандующим войсками Украины», он дал неопределенное объяснение Ломновскому: «По вопросу об установлении общего фронта и единого командования он держится своего прежнего взгляда. Однако Украина столь тесно связана с Доном и столь зависит от него, что единое командование возможно только включая и Дон». По плану, одобренному гетманом и Келлером, предполагалось приступить к формированию особой «Юго-Западной армии» без фактического участия Ломновского, для чего просили все же «флаг Добровольческой армии». Ломновский категорически отказал¹.

Тем не менее взаимоотношения его с Келлером не нарушались. Генерал Ломновский, имея от меня общее указание предоставить добровольческие отряды в оперативном отношении высшей украинской военной власти в интересах борьбы и спасения Малороссии от большевизма, исполнял эту директиву с большой выдержкой, тактом и иногда с самопожертвованием. Эта позиция Ломновского подвергалась суровому осуждению Киевского национального центра, который считал, что при сложившихся обстоятельствах человек, обладающий большей волей, дерзанием и авторитетом, мог бы не допустить экспериментов гетмана и взять у него падающую власть и все руководство обороной. На место Долгорукова и «монархического блока», по их мысли, должен был стать Ломновский и Киевский национальный центр. Центр явно преувеличивал свое значение и возможности, особенно приняв во внимание, что полное неприятие им гетмана ставило вопрос о власти в прямую зависимость от внутреннего переворота.

Новый главнокомандующий князь Долгоруков с первых же шагов проявил враждебное отношение к Добровольческому центру, стремясь устранить всякое вмешательство его в дело формирования вооруженной силы. Его усилия были направлены не по надлежащему адресу. Военный Киев действительно представлял собой крайне неприглядное зрелище: всевозможные штабы и бюро комплектования Юж-

¹ Доклад генерала Ломновского по прямому проводу 11 ноября.

ной, Северной, Астраханской армий, Особого корпуса, тайных и явных организаций политических партий пухли, разрастались, конкурировали и враждовали друг с другом, способствуя распылению сил и легальному дезертирству. Ненормальность этого положения была настолько очевидной, что в осуждении его объединились, казалось бы, совершенные антиподы: в первый раз во второй половине ноября явилась возможность устроить в Киеве ряд совещаний из представителей 1) Добровольческого центра; 2) Монархического блока¹; 3) Совета государственной обороны²; 4) Национального центра³ и 5) Союза возрождения России⁴. На этих заседаниях вопросу об упорядочении комплектования в одних руках предпослан был вопрос объединения командования всеми русскими вооруженными силами. Монархический блок и Совет государственной обороны высказались за главнокомандующего силами Украины, Национальный центр и Союз возрождения России — за главнокомандующего Добровольческой армией. Соглашение не состоялось.

Генерал Долгоруков решил идти напролом. В ночь на 23 ноября он вызвал к себе генерала Ломновского и заявил ему:

— В дружинах Святополк-Мирского и Рубанова бунт. Там чуть ли не открыто говорят, что меня надо арестовать. Долг службы вынуждает меня арестовать вас. Я человек решительный.

Дальнейший ход этого дела так излагается генералом Ломновским⁵:

«Этот разговор происходил по пути в назначенную мне комнату, где я был арестован с приставлением часового.

Спустя час ко мне в комнату вошел Пиленко, по-видимому крайне расстроенный. Он стал говорить о своих патриотических чувствах и просил меня быть вполне откровенным. Я заверил его, что на откровенность мою он может

¹ Безак, Скарживский и другие.

² Шлиппе, Хрипунов и другие.

³ Демидов, Ефимовский и другие.

⁴ Одинец.

⁵ Рапорт от 24 ноября, № 182.

вполне положиться, но сказать я ничего не могу, так как решительно ничего не понимаю.

Тогда Пиленко стал говорить, что причиною всего — двойственное подчинение дружин, и во имя общего дела необходимо найти выход из создавшегося положения. Я объяснил Пиленко, что суть дела совершенно не в двойственном подчинении, так как дружины в оперативном отношении всецело подчиняются местному командованию... а исключительно в личностях.

Пиленко стал опять говорить о крайне тягостном положении Киева, что во имя общего русского дела необходимо найти все же выход, раз связь с генералом Деникиным прервана. На это я возразил, что теперь, с моим арестом, выход сам собою найден и для меня вопрос не в двойственном подчинении дружин, а в недопустимом, неслыханном факте ареста представителя главнокомандующего русской Добровольческой армии».

Между тем в дом князя Долгорукова прибыли приглашенные им общественные деятели — граф Гейден, князь Голицын, Масленников и генерал Шиллинг. Возмущенные случившимся, они потребовали от Долгорукова немедленного освобождения генерала Ломновского. На вопрос зашедшего к нему Шиллинга, как он думает поступить дальше, Ломновский ответил, что покинет Киев вместе с чинами своего штаба. На это Шиллинг сказал, что князь Долгоруков не видит препятствий к выезду. Но через некоторое время в комнату Ломновского вошли все перечисленные выше лица...

«Граф Гейден, очень взволнованный, обратился ко мне от имени общественных деятелей, умоляя меня, ради спасения в Киеве общего русского дела, в которое вложена громадная работа, не становиться в непримиримую позицию и согласиться аннулировать происшедшее; что отъезд представительства Добровольческой армии из Киева может повести к ужасным последствиям — к тому, что русские офицеры уйдут с занимаемых ими позиций и Киев вновь будет отдан во власть Петлюры и украинцев. Я ответил, что общее русское дело мне столь же дорого, как и им. Я отдаю себе совершенно

ясный отчет, к каким чреватым последствиям может повести выезд из Киева представительства Добровольческой армии, но не знаю, отдает ли себе ясный отчет князь Долгоруков, к каким последствиям может повести факт ареста представителя главнокомандующего и отъезд представительства.

На это граф Гейден сказал, что князь Долгоруков глубоко сожалеет о случившемся; что он погорячился, сказав, что не видит препятствий к выезду, и считает это совершенно невозможным».

После продолжительных переговоров генерал Ломновский заявил общественным деятелям:

«Ввиду крайне неустойчивого положения в Киеве и возможности перенесения гражданской войны внутрь города; ввиду того, что вопрос о недопущении повстанцев в город ставится чуть ли не всецело в зависимость от полного подчинения дружин, — я решил подчинить их во всех отношениях местному командованию, с тем, чтобы я был своевременно осведомляем о всех мероприятиях, касающихся этих дружин».

Все эти нелепые трения на верхах правления и командования становились немедленно достоянием широкой публики и производили глубоко деморализующее впечатление среди защитников Киева.

— Какова же, в сущности, идея борьбы?

Консул Энно чуть не ежедневно присылал телеграммы, что союзные войска идут, они уже близко, не сегодня-завтра будут в Киеве. Тогда положение ясно: продержаться несколько дней, а там вопрос разрешится союзниками и несомненно в пользу единой России. Стоявшие в совершенно непримиримой оппозиции к гетману «национальные центры» под влиянием смертельной опасности, угрожавшей Киеву, изменили несколько свою позицию: Всероссийский центр соглашался, что «до прихода русских и союзных сил — самое выгодное сохранить ту власть, которая пока существует, ибо всякий переворот явился бы новым условием для усиления большевистских настроений»; Киевский центр 7 ноября обратился к русским людям с призывом защищать порядок против банд Петлюры...

Но тот же Энно говорил о признании существующей власти гетмана. Добровольческое командование, отдавая дружины в распоряжение гетманского командования, как будто присоединялось к этому решению...

— Следовательно, защищать власть гетмана и украинской державы?

К тому же в первой телеграмме главнокомандующего Добровольческой армии к министру Афанасьеву говорилось о «борьбе с большевиками» и «невмешательстве во внутренние дела края». И хотя Ломновский пояснил, что обстановка с тех пор изменилась, что директория — это предтеча большевизма, но его понимали плохо:

— Следовательно, защищать гетмана от Петлюры?

В более радикальных кругах ставили вопрос в другой плоскости:

— Там — «вся власть советам»; здесь — «вся власть Протофису». Что лучше?

Эти и многие другие вопросы вызывали смуту в умах и приводили в уныние офицерство и учащуюся молодежь — почти единственный контингент защитников Киева. Да и мудрено было им разобраться в украинской проблеме, когда в среде со значительно большим политическим кругозором (например, в самом ядре Союза возрождения России) возникали такие недоуменные вопросы: «Кому помогать? Социальной реакции, воплощаемой Скоропадским и защищаемой немцами, или демократическому движению украинцев, идущих с максимализмом не только социальным, но и национальным, и открывающих дорогу максимализму настоящему (советскому)?»¹ В результате Союз выпустил воззвание против гетмана, требуя создания «демократической объединенной власти на Украине» и предостерегая от оказания помощи гетману.

Среди защитников Киева эти вопросы для одних были действительно вопросами совести и долга, для других (вероятно, большинства) — благовидным прикрытием своему оппортунизму или малодушию.

¹ Станкевич. «Воспоминания».

И в киевских казармах-общежитиях, и на позициях у Жулян царило подавленное унылое настроение. Люди жили в области фантастики и нервирующих слухов. Это настроение усугублялось еще потрясающим неустройством в организации, снабжении, довольствии, особенно на позициях. Там люди приходили к сознанию своей полной заброшенности и беспомощности.

...

Вопрос решили немцы.

30 ноября в Казатине между германским командованием и петлюровским штабом был заключен второй договор, в силу которого немцы обязались не препятствовать вступлению в Киев войск «Украинской народной республики». Взамен этого им была обещана «взаимная дружественная работа», содействие их эвакуации, в частности 10 транспортных поездов по трем направлениям — через Пинск, Сарны и Казатин.

Удельный вес директории после многих месяцев сотрудничества был хорошо известен немцам. Но этот исход обещал облегчить трудное положение немецких оккупационных войск и вместе с тем создать большие затруднения державам Согласия.

Когда немецкие батальоны, прикрывавшие Киев, прошли сквозь расположение киевских дружин, все поняли, что наступил конец.

По инициативе Национального Центра общественные организации, считая дело проигранным, обратились к председателю правительства Гербелю с предложением «поднять открыто над защитниками Киева флаг Добровольческой армии», передать командование генералу Ломновскому и разработать тотчас же вопрос об отходе из Киева добровольческих дружин. Гербель ответил, что у него «все готово», что «директория пойдет, вероятно, на условие разрешить выезд всего правительства, всех желающих и добровольческих частей на Дон»...

— У меня все готово; не мешайте только довести дело до благополучного конца¹.

¹ Из доклада Московского Национального Центра от 3 декабря.

Течение событий не соответствовало официальному оптимизму.

1 декабря галицийские сечевики Коновальца сбили киевские дружины и в тот же день к вечеру вошли в город.

Гетман 1 декабря подписал акт отречения и скрылся в Германию.

Правительство рассеялось¹.

Князь Долгоруков сдал войска на капитуляцию без всяких условий и отбыл в Одессу.

Трагически пал на улицах Киева генерал граф Келлер, заколотый петлюровскими солдатами.

Дружинники рассеялись по городу, и значительная часть их (более тысячи) засела в здании педагогического музея под охраной германских караулов. Благодаря заступничеству киевских организаций, консулов, телеграммам Энно в директорию и моим для главнокомандующих союзными армиями, правительство Винниченко приняло меры к освобождению части интернированных и к выезду остальных в Германию.

Поезда, следовавшие на юг, увозили цвет российской эмиграции и политических партий в новый, третий по счету этап, предназначенный им судьбою, — в Одессу.

Вся Украина была объята анархией.

ГЛАВА XXII

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДИКТАТУРА. ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ: СОСТАВ И ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ

На Юге России, на территории, освобождаемой Добровольческой армией, без какой-либо прокламации, самим ходом событий установилась *диктатура* в лице главнокомандующего.

Основною целью ее было свергнуть большевиков, восстановить основы государственности и социального мира,

¹ В Киеве остался председатель Гербель и министр юстиции Рейнбот, которых директория три месяца держала в тюрьме, предъявив им обвинение в «покушении на ниспровержение существующего строя».

чтобы создать тем необходимые условия для строительства земли соборной волею народа. Жизнь стихийным напором выбивала нас из этого русла, требуя немедленного разрешения таких коренных государственных вопросов, как национальный, аграрный и другие, окончательное разрешение которых я считал выходящим за пределы нашей компетенции. Худо ли, хорошо ли и что целесообразнее — это вопрос другой; но диктатуре *национальной*, к осуществлению которой стремились на Юге, свойственны иные задачи и иные методы, чем диктатуре *бонапартистской*.

«Непредрешение» и «уклонение» от декларирования принципов будущего государственного устройства, которые до сих пор вызывают столько споров, были не «теоретическими измышлениями», не «маской», а требованием жизни. Вопрос этот чрезвычайно прост, если подойти к нему без предвзятости: все три политические группировки противобольшевистского фронта — правые, либералы и умеренные социалисты — порознь были слишком слабы, чтобы нести бремя борьбы на своих плечах. «Непредрешение» давало им возможность сохранять плохой мир и идти одной дорогой, хотя и вперебой, подозрительно оглядываясь друг на друга, враждуя и тая в сердце — одни республику, другие монархию; одни — Учредительное собрание, другие — Земский собор, третьи — «законопреемственность».

Неужели спасение России не стоило того, чтобы на время отложить эти споры?

Что касается лично меня, то такая постановка вопроса нисколько не смущала мою совесть и была вполне искренна уже потому, что я решал твердо и говорил не раз: за формы правления я вести борьбу не буду.

Личный элемент в вопросе о диктатуре — тема для меня вообще слишком деликатная. Я коснусь только одной ее стороны.

В конце 1918 и в начале 1919 годов на роль диктатора и Верховного главнокомандующего выдвигался, как известно, определенными кругами, преимущественно правыми, Великий князь Николай Николаевич. Живя в Крыму, в Дюльбере, он оставался центром внимания этих кругов, из которых к нему обращались не раз, первонач-

чально — с просьбой о возглавлении армий Украинской, Южной и Астраханской¹. Все эти предложения Великий князь отвергал, справедливо видя в этом явную авантюру. Другие группы правых, в том числе «Государственное объединение», признавая в принципе верховное возглавление Великого князя весьма желательным, считали выступление его тогда на политическую арену несвоевременным и в местном масштабе несоответствующим. Его авторитет прибегался ими до того момента, когда все четыре фронта — Колчака, Деникина, Юденича и Миллера — приблизятся к Москве... Оттого подчинение мое адмиралу Колчаку в конце мая 1919 года, укреплявшее позицию всероссийского масштаба, занятую Верховным правителем, встречено было правыми кругами несочувственно. Что касается прочих политических групп, левее стоящих, там к возглавлению движения Великим князем относились отрицательно.

Я лично в непосредственных сношениях с великим князем не состоял. В Дюльбере его посетил официально генерал Лукомский и встретил там весьма радушный прием. Вообще Великий князь держал себя в отношении южной власти с величайшим тактом, стремясь не давать ни малейшего повода к каким-либо политическим осложнениям.

Весною 1919 года, когда обозначилась прямая угроза Крыму со стороны наступавших с севера большевиков, местопребывание там императорской семьи сделалось невозможным, о чем мною было сообщено в Крым. Незадолго до отступления наших войск к Акманаяу все лица императорского дома на английском военном судне выехали за границу. Великий князь Николай Николаевич поселился в С. Маргарите в Италии. Вскоре после вторичного овладения нами Крыма до моего сведения дошло, что он томится на чужбине и сожалеет, что не может жить в России. По моему поручению генерал Лукомский 7 июля сообщил Великому князю, что в данное время для него представляется полная возможность безопасного пребывания на Южном берегу Крыма. В начале сентября был получен ответ, что Великий князь «отказы-

¹ «Монархический блок», «Союз Наша Родина», гетман (накануне падения) и другие.

вает себе в счастье вернуться на Родину, так как приезд его в Россию неминуемо повлечет за собой всевозможные толки: о выступлении его как политического деятеля, чем еще больше осложнится общее положение дел». Впрочем, им не исключалась возможность жить в Крыму «частным лицом на общих основаниях по водворении полного порядка». Но въезд в Россию был обусловлен «совместным решением этого вопроса адмиралом Колчаком, генералом Деникиным и союзниками». Мы получили ответ этот в октябре, когда на Южном фронте назревала опасность, а на Восточном уже созрела, и вопрос о переезде затих.

Прочие лица императорской фамилии¹, находившиеся на Юге, в политической жизни никакого участия не принимали. Великий князь Андрей Владимирович обращался ко мне в ноябре 1910 года, выражая желание «вступить в ряды войск, борющихся за освобождение России». Я вынужден был ответить, что «политическая обстановка в данное время препятствует осуществлению его патриотического желания». На службе состоял только герцог Лейхтенбергский (младший) в Черноморском флоте, в чине капитана Ыранга; был дружен со Слащевым, который хотел использовать его для своих особых целей, до военного переворота включительно. Но безуспешно.

Особое совещание функционировало первоначально применительно к утвержденному 18 августа генералом Алексеевым положению и проекту нашей «конституции», выработанной для установления взаимоотношений с казачьими войсками. Жизнь раздвигала эти узкие рамки, облекая Особое совещание всеми функциями власти исполнительной и законодательной. Только 2 февраля 1919 года было утверждено и опубликовано «Положение об Особом совещании при Главнокомандующем ВСЮР», в основу которого положено, в

¹ Вдовствующая императрица жила в Крыму до первой эвакуации его. Великие князья Борис и Андрей Владимировичи, вырученные полковником Шкуро из Кисловодска, и мать их — Великая княгиня Мария Павловна — жили в Анапе. Великая княгиня Ольга Александровна жила также на Кубани в одной из станиц.

известной степени, совмещение круга деятельности Совета министров и старого Государственного совета¹.

Ни этим положением, ни каким-либо другим государственным актом не определялось существо власти Главнокомандующего, и только косвенно неограниченность ее вытекала из сопоставления отдельных статей законоположений. Точно также не предусматривался в законодательном порядке вопрос преемства власти — ни гласно, ни тайно. Только осенью 1919 года, под влиянием постоянных настойчивых сведений о готовящихся покушениях на мою жизнь, я счел себя обязанным указать своего преемника. Я составил «завещание-приказ» Вооруженным силам Юга о назначении главнокомандующим моего начальника штаба генерал-лейтенанта Романовского. Этим актом я готовил ему тяжкую долю. Но его я считал прямым продолжателем моего дела и верил, что армия (хотя в среде ее и было предвзятое, местами даже враждебное отношение к Романовскому) послушается последнего приказа своего главнокомандующего. А признание армии — всё. Приказ этот в запечатанном конверте лежал в моем несгораемом шкафу, и о существовании его знали, кроме меня, только два человека: сам И. П. Романовский и гене-

¹ Важнейшие статьи «Положения»:

1. При главнокомандующем, для содействия в делах законодательных и административных, состоят Особое совещание и ниже следующие ведомства (перечень их ниже).

3. В области управления подчиненного начальники управлений, управляющие отделами законов и пропаганды пользуются правами министров, применительно к учреждениям министерств (свод Законов, т. I, ч. 2, изд. 1892 г.).

9. В области законодательства и Верховного управления Особое совещание является совещательным органом при главнокомандующем.

10. На обсуждение Особого совещания поступают: 1) все законодательные предположения, за исключением касающихся тех предметов, кои предусматриваются статьями 96 и 97 Основных законов; 2) все правительственные мероприятия общего государственного значения; 3) все предположения о замещении высших гражданских должностей центрального и местного управления, за исключением должностей начальников управлений...

рал-квартирмейстер Плющевский-Плющик. Когда я сказал им об этом обстоятельстве, Романовский не проронил ни слова, и только на лице его появилась скорбная улыбка. Словно подумал: «Кто знает, кому уходить первым».

Я вполне уверен, что оба они сохранили тайну. Но некоторые изощренные умы проникали интуитивно за ее покровы. Так, когда в конце октября был отдан приказ о назначении на должность одного из двух «помощников главнокомандующего» генерала Романовского, неофициальная контрразведка отдела пропаганды, установившая тайное наблюдение за главнокомандующим¹, требовала от своего агента в Таганроге «разведать и быть все время au courant: как относятся к назначению генерала Романовского и как расценивается этот шаг в политическом отношении в кругах Ставки? Значит ли это, что генерал Романовский будет заместителем Главкома?»

Слух пошел, и борьба, проводимая против Романовского, усилилась.

Совмещение законодательных² и правительственных функций в лице Особого совещания, напоминавшее до извест-

Дела, подлежащие рассмотрению Особого совещания, вносятся в оное главнокомандующим, председателем Особого совещания, начальниками управлений...

На внесение в Особое совещание законодательных предположений начальники управлений... испрашивают предварительно разрешение главнокомандующего.

41. Постановления Особого совещания представляются председателем его на утверждение главнокомандующему.

В состав Особого совещания входили еще по должности: 1) начальник штаба главнокомандующего; 2) главный начальник снабжения; 3) главный начальник военных сообщений. Кроме того — без портфеля — несколько государственных и общественных деятелей.

Для разгрузки от маловажных дел было образовано малое присутствие, состоявшее из помощников начальников ведомств.

¹ Выяснилось впоследствии. Об этом позже.

² По существу Особое совещание было органом законосовещательным.

ной степени конструкцию Временного правительства, отвечая духу чистой диктатуры, имело и свои большие неудобства. Помимо естественного переплетения *закона и правительственного распоряжения* — переплетения, ослаблявшего силу и устойчивость закона, это совмещение заключало всю законодательную работу в четырех стенах Совещания, ослабляя связи ее с общественностью, заменяя трибуну «Освагом» и лишая Совещание должного авторитета. Зачастую необходимость мероприятия и причины, его вызвавшие, оставались неясными для массы, вызывая беспричинную подозрительность, искажая его смысл и цели. Даже меры, уже принятые и осуществляемые, ввиду технических затруднений не скоро становились известными в стране. Та политическая борьба, которая свойственна парламенту и которая велась среди политических организаций Юга, невольно врывается сквозь стены Особого совещания вместе с прениями по законодательству, претворяясь там в борьбу внутреннюю и поселяя рознь. А эту рознь в преувеличенном и извращенном виде разносила стоустая молва, возбуждая глухое недовольство в обществе и в армии. Наконец, работа законодательная и административная — в общих и частных заседаниях Совещания, в бесчисленных комиссиях и в ведомственных управлениях — была непосильна для членов Совещания. Она утомляла их и терзала нервы, приковывала к месту нахождения правительства и отрывала от действительной жизни в крае, от непосредственной осведомленности в делах подчиненных органов.

Чтобы услышать «глас народа», приходилось не раз важнейшие законодательные предположения давать в печать раньше утверждения их. Насущная потребность связи со страной чувствовалась многими и вызывала в свое время различные предложения¹. Я говорил уже о первой негласной по-

¹ Любопытна историческая справка, данная профессором Новгородцевым: «В апреле 1612 года по прибытии в Ярославль князь Пожарский и всех чинов люди, с ним бывшие, отправили грамоты по городам, прося прислать ополченцев и средства для казны, а также «изо всяких чинов людей человека по два, по три» для «земского совета». В грамотах выражалась просьба, чтобы города высказали мнение, как бы в такое трудное время не остаться безгосударными,

пытке Родзянко, еще в мае 1918 года, воскресить 4-ю Государственную Думу с присоединением к ней трех предшествовавших составов. В ноябре того же года он выступил уже гласно с призывом «к русским людям» создать «Национальный совет» в составе всех четырех Дум, Всероссийского церковного собора и Совета республики при Временном правительстве как «носящих символ законно избранных государственных учреждений». В качестве Национального собрания предлагал свою организацию в конце октября 1918 года Совет государственного объединения... Было и вовсе странное для настроений Юга стремление «Юго-Восточного комитета членов Учредительного собрания» под главенством Шрейдера провести в качестве верховной власти и вместе с тем законодательного органа уфимский «Комуч» (конец октября 1918 года).

Все эти комбинации были совершенно искусственны или носили узко политический характер, не могли иметь почвы и авторитета в стране и не отражали бы ее мнения. Вместе с тем принятие какой-либо из них еще более затрудняло бы возможность нашего объединения с казачьими областями, на которое еще не была потеряна надежда.

Идея создания особого законосовещательного учреждения имела своих последователей и в Особом совещании. Так, Н. И. Астров в марте 1910 года сделал заявление об образовании Совета из представителей местных самоуправлений; управляющий отделом законов К. Н. Соколов в мае представил мне записку об учреждении такого же органа, но «из лиц по назначению главнокомандующего», причем Особому совещанию в обоих случаях оставались бы функции Совета министров.

как стоять против врагов русской земли, как ссылаться без царя с иностранными государями и как устраивать впредь государственный порядок.

Согласно исследованиям профессора Платонова, такой «земский совет» или «земский собор» действительно состоялся в Ярославле, и земские люди принимали участие в делах государственных как по внешней, так и по внутренней политике».

Разделяя взгляд на необходимость представительного законосовещательного органа, я предполагал создать его из выборных представителей казачьих областей, горских округов и освобожденных от большевиков губерний; состав его предполагалось дополнить членами по назначению из числа людей науки и практики, включая широко и видных представителей таких демократических учреждений, как кооперативы, профессиональные союзы и т.д. Но до лета 1919 года казачьи области не шли на государственное объединение. Земское положение, могущее дать базу для выборов, все еще вырабатывалось, возбуждая бесконечные споры. Территория, подчиненная командованию, была невелика и могла бы дать представительный орган интеллектуально не выше губернского земского собрания... Когда же с июня наши пределы расширились до Днестра, Десны и Волги и, с другой стороны, когда «конференция Южнорусского союза»¹ выходила как будто на путь соглашения, в духе моих предположений был выработан комиссией проект «Высшего совета», созыв которого зависел только от срока окончания конференции. А она затягивалась безнадежно. Я хотел было назначить созыв, не дожидаясь соглашения с казаками; посоветовался с Особым совещанием, которое отнеслось к этому предположению отрицательно.

Конференция спорила о духе, о форме, о словах. Главным образом саботировали ее кубанские делегаты во главе с И. Макаренко — до тех пор, пока армии не покатались от Орла к Дону и далее к Кубани, когда весь вопрос потерял свое значение.

Что дал бы нам «Высший совет» в области устройства страны, неведомо. Считая и ныне образование его для того времени психологически и политически необходимым, я, однако, не уверен, что он не прибавил бы только лишнее звено в той цепи соборных опытов, которая началась «Демократическим совещанием» и «Советом республики»... Тем

¹ В составе представителей командования, Дона, Кубани и Терек. Об истории попыток создания Южно-русского союза я писал ранее.

более что три главнейших течения общественной мысли, представленные на Юге Советом государственных объединений, Национальным центром и Союзом возрождения России¹, невзирая на усилия многих своих членов, не находили обыкновенно ни общего языка, ни общего пути².

Особое совещание никогда не пользовалось расположением русской общественности и навлекало на себя суровую критику и тогда, и теперь. При этом оно находилось всегда под двойным обстрелом по обвинению, с одной стороны, в «черносотенстве», с другой — в «кадетизме». Формулы одинаково сакраментальные и «вины» одинаково непростибельные в глазах разных политических группировок. Преж-

¹ Общество «Государственного объединения России» возникло в Екатеринодаре в марте 1919 года: Председателем совета его был вначале Н. Н. Львов, потом Кривошеин. Общество явилось как бы областным отделом образовавшегося в Киеве «Всероссийского». Все члены «Всероссийского совета государственного объединения» во время своего пребывания в Екатеринодаре входили в состав местного Совета.

² «Всероссийский Национальный Центр» из Москвы перенес свою деятельность в Киев, а в начале 1919 года — в Екатеринодар. Во главе его стоял М. М. Федоров.

«Союз возрождения России» переходил последовательно из Москвы в Киев, Одессу и Екатеринодар. После Одессы в первое время организация эта расстроилась, представляя лишь немногочисленное общество отдельных видных членов Союза — Мякотина, Титова, Руднева, Пешехонова и других.

² Для характеристики политических групп Национальный Центр и Совет государственных объединений прислали мне списки лиц, желательных для назначения в Высший совет. В список Национального Центра кроме деятелей, примыкавших к нему, были включены представители торгово-промышленных групп и Союза возрождения России. Вообще в списке преобладали: общественно — третий элемент, политически — кадеты и умеренные социалисты.

В списке Государственного объединения были исключительно государственные и общественные деятели правого направления. В обоих списках фигурировали имена Н. Н. Львова, П. Б. Струве и В. В. Шульгина.

де всего было бы справедливым разложить историческую ответственность Особого совещания. Давая в свое время определенные указания по кардинальным вопросам законодательства и управления и утверждая все законоположения, прежде всего разделяю эту ответственность в полной мере я. Во-вторых, невзирая на отсутствие парламентаризма, общественное начало было далеко не чуждо Особому совещанию: все важнейшие законоположения, прежде чем попасть на рассмотрение Совещания, вынашивались в недрах двух основных политических организаций и в группе кадетской партии, по существу, впрочем, растворившейся в Национальном Центре. Их мнения преломлялись в прениях Совещания, в котором участвовали и видные представители организаций. Только Союз возрождения не имел там своего голоса, хотя косвенно принимал известное участие в обсуждении дел путем редких, правда, собеседований со мной и личных отношений с руководителями Национального Центра. И если в общем направлении политики Юга — в той *средней линии*, равнодействующей политических течений, к которой стремился я и которую в конце концов с уклоном вправо проводило Особое совещание, — организованная общественность не повинна, то во многих важных мероприятиях и ответственных назначениях есть немалая доля ее участия. Теперь, после всяческих переоценок и превращений, соблюдается часто библейский обряд умовения рук и прошлое как-то забывается...

Личный состав Особого совещания¹ слагался по признакам деловым, а не политическим, поскольку это зависело от меня. По условиям своей жизни и военной службы, главным

¹ К июлю 1919 года состав Особого совещания был следующий:

1. Председатель — генерал А. М. Драгомиров (беспартийный, правый).

2. Начальник военного управления — генерал Лукомский (беспартийный, правый).

3. Начальник морского управления — вице-адмирал Герасимов (беспартийный, правый).

4. Начальник штаба — генерал Романовский (беспартийный, либерал).

образом на окраинах, я имел ранее очень мало соприкосновения с миром государственных, политических и общественных деятелей и поэтому испытывал большое затруднение в выборе людей на высшие посты управления. Вначале мною практиковалась такого рода проверка: когда предлагали кандидатуру «справа», я наводил справки «слева», и наоборот. Потом этот порядок оформился, и все предложения о замещении своего состава и высших постов были возложены мною на Особое совещание, председатель которого представлял мне результаты выбора. Иногда мнения разделялись, и мне предлагали двух кандидатов. Я останавливал свой выбор на том, который казался мне выше по своему удельному весу, а ближайшие отчеты политических организаций комментировали этот факт (одни с удовлетворением, другие с неудовольствием) как результат влияния одной из

5. Главный начальник снабжения — генерал Санников (беспартийный, правый).

6. Главный начальник военных сообщений — генерал Тихменев (правый, член Совета государственного объединения).

7. Исправляющий должность начальника управления иностранных дел — А. А. Нератов (правый, член Совета государственного объединения).

8. Начальник управления внутренних дел — Н. Н. Чебышев (правый, член Национального Центра, впоследствии перешел в Совет государственного объединения).

9. Начальник управления юстиции — В. Н. Челищев (либерал, член Национального Центра).

10. » » земледелия — В. Н. Колокольцов (правый).

11. » » финансов — М. В. Бернацкий (беспартийный, бывший радикальный демократ).

12. » » торговли и промышленности — В. А. Лебедев (беспартийный).

13. » » продовольствия — С. Н. Маслов (правый, октябрист).

14. » » путей сообщения — Э. П. Шуберский (беспартийный, член Национального Центра).

15. » » народного просвещения, исполняющий должность — И. И. Малинин (либерал, член Национального Центра).

16. » » исповедания (назначен позже) — князь Г. Н. Трубецкой (правый, член Совета государственного объединения).

групп и «перемены правительственного курса». Существовало, однако, и ограничение круга лиц, допускаемых в состав Сопещания и на высшие должности, — оно относилось к крайним правым и ко всем социалистам. Я считал, что эти фланги могут быть в Совете, но не в правительстве. Этот взгляд разделяло и Особое совещание. Впрочем, некоторые члены Сопещания предлагали мне включить в состав его без портфелей, для создания известного декорума, «безобидных социалистов». Я считал, что этот шаг не поможет делу, не прибавит популярности Сопещанию в левых кругах, а в правых вызовет только озлобление. Решение это находилось в полном соответствии с позицией социалистов: центральные комитеты социал-демократов и социал-революционеров объявили Добровольческую армию силой враждебной, а эсеры готовили даже террористические акты против вождей белого движения. Что касается самой умеренной организации — Союза

17. Государственный контролер — В. А. Степанов (кадет, член Национального Центра).

18. Управляющий отделом законности и пропаганды — К. Н. Солов (кадет, член Национального Центра).

19. Управляющий делами Особого совещания — О. В. Безобразов (беспартийный, правый).

20. Член Особого совещания без портфеля — Н. И. Астров (кадет, член Национального Центра).

21. » » » » — М. М. Федоров (кадет, председатель Национального Центра).

22. » » » » — И. П. Шипов (правый).

23. » » » » — Д. И. Никифоров (правый).

24. » » » » — Н. В. Савич (октябрист, член Совета государственного объединения).

К этому времени вышел из состава член Особого совещания В. В. Шульгин. Генерала Савинкова сменил позже генерал Картаци; Чебышева — В. П. Носович, Колокольцова — А. Д. Билимович, Лебедева — А. И. Фенин, Шуберского — В. П. Юрченко.

В работах Особого совещания принимал участие П. И. Новгородцев, по причинам личного свойства не включенный официально в его состав, бывавший в нем редко и работавший главным образом в Национальном Центре и кадетской группе.

возрождения, то и он оставался непримиримым в отношении военной диктатуры и в силу этого обстоятельства весной 1919 года признал невозможным вхождение своих членов даже в состав Национального Центра.

Особое совещание по своему общему облику делилось на три группы: 1) беспартийную, но определенно правую группу генералов¹; 2) политических деятелей правого направления; 3) либеральную группу в составе четырех кадетов и примыкавших к ним Бернацкого, Челищева, Малинина, Носовича, отчасти и генерала Романовского². Существовали различные оттенки в умонастроениях членов каждой из этих групп. При решении различных вопросов указанные рамки то раздвигались, то суживались, но общее течение политической жизни Особого совещания вылилось ярко в два русла — *правое и либеральное*. Если первое («большинство») представляло собой довольно однородное целое, связанное общностью мировоззрения и психологии, то во втором (меньшинстве), наоборот, даже небольшая кадетская группа не отличалась обычным до того времени единством. Довольно распространенная версия справа о «кадетском засилии» лишена основания. «У нас не было ни лидера³, — говорит один из кадетов; — ни центрального комитета. Внутренняя спайка под давлением событий стала слабеть. Намечались различные течения, которые смущали и разошлись по которым мы не хотели. Партийная дисциплина при бывших условиях, конечно не могла существовать. У нас состоялось соглашение о том, что в Особом совещании мы не можем быть связаны мнением маленькой группы кадетов, собравшейся в Екатеринодаре. Отдельные члены партии в Особом совещании и других уч-

¹ Чтобы пояснить политический облик двух генералов, последовательно занимавших пост председателя Особого совещания — Драгомирова и Лукомского, можно указать, что до известной степени первый был близок по взглядам к В. В. Шульгину, а второй к А. В. Кривошеину.

² По условиям своей прямой должности в Особом совещании участвовал редко.

³ Кадеты предлагали мне вызвать П. Н. Милюкова, но армейские настроения не допускали его участия в правительстве.

реждениях (например, в Донском круге) действовали на свой страх и риск, за счет своего понимания слагавшихся условий и собственной совести».

Как бы то ни было, в Особом совещании осуществилась та коалиция двух политических направлений, к созданию которой после октябрьских дней стремились многие, в том числе Милюков в киевский период его деятельности. Эта коалиция соответствовала как будто соотношению слагаемых элементов белого движения на Юге и, во всяком случае, представляла предельный уклон «влево», допускаемый настроением армии и близких ей кругов. Вне этой комбинации представлялись две возможности: *однородное правое* или *однородное либеральное* правительство. Первое было бы спокойно принято армией, но более недоброжелательно в стране, особенно в казачьих областях. Оно имело бы в своем распоряжении, вероятно, элементы волевые и признанное возглавление в лице Кривошеина. Но успех такого правительства и прочность его были весьма сомнительны, особенно принимая во внимание ту психологию и то игнорирование огромного социального сдвига, который проявляли *до крушения Юга* даже умеренно-правые круги. Создание правительства второго типа было просто неосуществимым — в силу настроения офицерства, того натиска из правых кругов, который подрывал бы его существование и которому мирный по своей природе русский либерализм противостоять не мог.

Я должен, однако, оговориться. Собственно офицерство политикой и классовой борьбой интересовалось мало. В основной массе своей в классовом отношении оно являлось элементом чисто служилым, типичным «интеллигентским пролетариатом». Но, связанное с прошлым русской истории крепкими военными традициями и представляя по природе своей элемент *охранительный*, оно легче поддавалось влиянию правых кругов и своего сохранившего авторитет, также по преимуществу правого, старшего командного состава. Немалую роль в этом сыграло и отношение к офицерству социалистических и либеральных кругов в наиболее трагические для офицеров дни 1917 года и особенно Корниловского выступления¹. Эти влия-

¹ Об этом я писал в предыдущей книге «Очерков».

ния в известные моменты выводили из равновесия в общем аполитичное наше офицерство.

Таковы предпосылки появления на свет «коалиции» и «средней линии» в политике Юга.

Политика эта потерпела крушение.

Помимо личных ошибок правительства и правителя, в этом печальном исходе ясно обозначилась одна из причин его: возможная для мирного строительства в условиях нормальной жизни страны, полезная без сомнения для организации противобольшевистского движения и расширения фронта его участников, *коалиция в качестве силы действенной, правящей оказалась трудно применимой в дни революции, в дни борьбы.*

Особое совещание, состоявшее из лиц, преданных Родине, но по-разному понимавших ее интересы, не могло работать с должным единодушием.

После крушения Вооруженных сил Юга один из правых членов Особого совещания поделился со мной своими мыслями о причинах неудачи, постигшей нашу политику, «своей критикой и самокритикой»:

«По составу Особое совещание делилось на два политических лагеря, в нем боролись два миросозерцания.

Эта борьба прежде всего влияла на подбор лиц, когда считались не только с технической подготовкой, но главным образом с политическим тяготением. Наружно для Вас все было прикрыто государственными лозунгами, большинство знало закулисную сторону. Обе стороны (совещания) не свободны от греха.

Политика, проводимая аппаратом, заключавшим элементы для внутреннего трения, могла быть только компромиссной. Каждая из составных частей Особого совещания при обсуждении любого законопроекта социального значения стремилась отстоять свое миросозерцание и, сознавая, что не в силах провести его целиком, пыталась убедить другую на известные уступки.

Наша политика была поэтому осторожна, но лишена творческого авантюризма, решительности и напора. Она казалась недостаточно демократичной одним и слишком

слабой против непомерных домогательств черни — другим. Она не удовлетворила ни одно из течений, борющихся с оружием в руках.

Даже военная диктатура, для того чтобы быть сильной и устойчивой, нуждается в поддержке могущественного класса, притом активного, способного за себя постоять, бороться. Наша же средняя линия вызвала опасение одних классов, недоверие других и создала пустоту в смысле социальной опоры вокруг.

В результате диктатуре пролетариата и выпущенной из тюрьмы братии мы не смогли противопоставить диктатуры здорового и достаточно сильного класса, а масса была еще апатична, не подготовлена, чтобы активно с оружием в руках встать на защиту своих идеалов.

Правда, над всем доминировала идея диктатуры, которая теоретически должна давать общую линию поведения и направления. Но ясно, что Особое совещание могло эти указания усиливать или ослаблять при проведении в жизнь; мало того: оно могло влиять и влияло».

Действительно, «диктатура», проводя одни направляющие линии прямо и непреклонно, в других считалась с мнением Особого совещания, самоограничивая путем такой «внутренней» конституции свои неограниченные права. Постановления Совещания служили, во всяком случае в моих глазах, мерилom того, что можно было провести в жизнь без потрясений при тогдашних условиях и тогдашних исполнителях, причем необходимо заметить, что ни одно особое мнение либеральной группы не оставлялось без внимания. Впрочем, в постановлениях Особого совещания такие эпизоды официального протеста, заявляемого лишь частью группы, бывали не часто — обычно находилась компромисс. Иногда либеральная группа доводила до моего сведения в частном порядке через начальника штаба¹ о спорных сторонах принятого уже Особым совещанием решения. Толь-

¹ Так как стены имели глаза и уши, то эти посещения становились достоянием молвы и в глазах известных кругов ставились в большую вину генералу Романовскому.

ко несколько лет спустя я узнал о мотивах такой постановки вопроса, для меня совершенно неожиданных.

«Мы избегали навязываемого нам положения официальной оппозиции и, лояльно поддерживая диктатуру, не хотели разводиться около нее внутренней распрю. Первоначально мы действительно практиковали прием подачи «особых мнений». Эти особые мнения оказались, однако, весьма опасными и возымели довольно неожиданные последствия. Часть их была поддержана главнокомандующим. В результате по всей правой линии вспыхнуло резкое раздражение. Положение оказалось опасным — не для нас, а для главнокомандующего. Разлетелись слухи о том, что главнокомандующий идет по указке кадетов, и в частности двух кадетов Особого совещания. До нас это злобное раздражение дошло в виде зловещих слухов о возможных покушениях на главнокомандующего.. Мы решили прекратить систему особых мнений и прибегать к ним только в экстренных случаях, что и делалось».

Конструкция Особого совещания и соотношение в нем сил делали положение оппозиции весьма трудным.

«Развивать в нем большую работу, — пишет один из членов оппозиции, — в духе, не отвечающем правым устремлениям, было довольно праздным занятием.. Были ли мы, однако, безучастны к этому явлению? Искали ли выход? Утверждаю, что выход искали, положением чрезвычайно тяготились..» Прежде всего «мы стремились внести некоторое равновесие в Особое совещание и усилить в нем гражданский элемент, усилить нашу группу в Совещании с целью выправления его, как говорилось, «правого крена». Помню, как после одного из заседаний, изведенный пререканиями по одному из очередных спорных вопросов и видя, что пререкания проистекают из исключаяющих друг друга политических жизнепониманий, я обратился к двум правым членам Совещания с заявлением: «Кончим же это бесцельное и вредное топтание на месте. Берите на себя ответственность, мы отойдем и не будем больше пререкаться. Нужно, чтобы дело двигалось. В застое его гибель. Нужно выбрать курс и действовать». Мои собеседники согла-

сились, что положение тягостно, но отвергли мысль о том, что мы должны разойтись. Становилось все яснее, что для правого большинства мы были нужны как некоторое прикрытие».

В конце концов автор письма пришел к решению: «Мы не можем повлиять на ход правой политики, которая все более укрепляется в Добровольческой армии. Это для меня ясно. Ставлю себе, однако, задачу хотя бы несколько смягчить неизбежные резкости в условиях военного окружения, военной диктатуры в пору гражданской войны. Знаю, что эта задача весьма неблагодарная. Но уходить из Добрармии не буду».

Коалиция была необходима, а элементы, ее составлявшие, были органически несродны. В этом был глубокий трагизм положения.

И, наконец, отмечая первенство причин социального и политического характера в неудаче движения, третий весьма видный участник Особого совещания — правый, военный — говорит:

«Что касается того, какие течения преобладали в утвержденных главнокомандующим решениях Особого совещания — это вопрос спорный. Впрочем, это и несущественно. Дело не в правой или левой политике, а в том, что мы совершенно не справились с тылом».

Как бы то ни было, тяжелый воз правления шел в гору по ухабистой дороге и притом на тугих тормозах. Обе стороны винили в этом друг друга.

...

Программа правительства не объявлялась. Две речи, сказанные мною в Ставрополе и на открытии Кубанской рады, исчерпывали официальное изъяснение нашей идеологии и политического курса; они служили темой для пропаганды, политических дискуссий и экспорта за границу¹.

¹ В телеграмме Сазонову от 2 января 1919 года я писал: «Мы боремся за самое бытие России, не преследуем никаких реакционных целей, не поддерживаем интересов какой-либо одной политической партии и не покровительствуем никакому отдельному сословию. Мы не предпринимает ни будущего государственного устройства, ни путей и способов, коими русский народ объявит свою волю».

В их неопределенности и «непредрешениях» различные секторы русской общественности — одни с тревогой и подозрительностью, другие с признанием и надеждой — видели маскировку, скрывающую истинные побуждения и намерения. Из кругов умеренно социалистических и либеральных, из Крыма, Киева, Одессы, от «русского политического совещания» из Парижа шли все более настойчивые предложения «раскрыть лицо Добровольческой армии». Между тем «непредрешения» являлись результатом столько же моего убеждения, сколько и прямой необходимости.

В самом деле: «борьба с большевизмом до конца», «великая, единая и неделимая», «автономии и самоуправления», «политические свободы» — вся эта ценная кладь могла быть погружена на государственный воз явно при общем или почти общем (кроме федералистов и самостийников) сочувствии. Казалось, что с одной этой кладью под трехцветным национальным флагом можно будет довести этот воз до Москвы, а если там при разгрузке произошло бы столкновение разномыслящих элементов, даже кровавое, то оно было бы, во всяком случае, менее длительным и изнурительным для страны, чем большевистская неволя... Но идти дальше этого было уже труднее: в некоторых случаях пришлось бы вскрывать разъедавшее нас разномыслие.

Однажды осенью 1918 года по поводу толков о необходимости декларации оба моих ближайших помощника сказали мне, что работать под лозунгом Учредительного собрания они считают для себя невозможным. Это было убеждение, широко распространенное в военной среде и правых кругах, где понятия «учредилка» и «учредиловцы» встречали презрительное отношение. Но и в либеральных кругах в то время признание Учредительного собрания было далеко не безоговорочным. На кадетском съезде в Екатеринодаре мы слышали, например, из уст Милюкова такие слова: «Я против предрешения как форм, так и способов создания новой власти. Идея народовластия и свободного волеизъявления народов более чем поколеблена. Необходима крайняя осторожность по отношению к Учредительному собранию»...

Оставляя в стороне другие паллиативные решения, приходилось декларировать кому-либо «самозарождение» или

«законопреемственность», чтобы в минуту порвать слагавшееся с таким трудом, весьма непрочно сшитое единство военно-общественного фронта.

Это отношение к идее Учредительного собрания под влиянием разнообразных причин со временем начало вновь меняться — вероятно, не столько по убеждению, сколько по тактическим соображениям. Так, на заседании представителей Государственного объединения, Национального Центра, Союза возрождения и бюро «Советов объединения земств и городов Юга России»¹, представлявшем первую попытку объединения более широкого общественного фронта, возбужден был и этот вопрос. Протокол заседания говорит:

«Учредительное собрание как суверенный орган государственного строительства, возникший на основе народного волеизъявления, признано приемлемым в принципе, но не по наименованию членами всех представленных организаций. Члены Земско-городского объединения, Союза возрождения и Государственного объединения в лице Е. Н. Трубецкого² признают его категорически, оставляя и название. Член Государственного объединения Масленников считает неизбежным установление самого органа народного волеизъявления, не предвещая его названия. Член Национального Центра М. Федоров считает вопрос о наименовании несущественным, но предпочитает название «Народного собрания», настаивая при этом главным образом на установлении того момента выборов, который дал бы уверенность в разумном исходе голосования»³.

¹ Бюро выдвинулось на Симферопольском съезде.

² Только его лично. В собрании присутствовали еще члены Совета Государственного объединения В. Бобринский, А. Хрипунов, Л. Масленников.

³ Из протокола заседания 3 января 1919 года — Харьковское совещание партии Народной свободы в ноябре 1919 года высказалось за «доведение страны до Всероссийского Представительного собрания», против «попыток немедленного объявления постоянной формы государственного устройства» и против немедленного после свержения большевиков созыва Учредительного собрания.

Пока мужи совета, таким образом, искали путей, чтобы обойти не то острые углы взаимных отношений, не то друг друга, в армии эти трения находили также отклик, но гораздо более элементарный — одни проливали кровь, не мудрствуя лукаво, другие заявляли: «Мы за «учредилку» умирать не будем».

Поэтому я призывал армию бороться просто за *Россию*.

...

С большими еще трудностями проходил другой важный вопрос — *аграрный*. После долгих мук, споров, взаимных уступок Особое совещание подошло, наконец, к основным его положениям. В двадцатых числах марта 1919 года состоялись заседания под моим председательством, окончательно установившие руководящие основания. Это было еще очень немного, но, по крайней мере, дело сдвигалось с мертвой точки. Когда возник вопрос, в какой форме объявить о принятом решении во всеобщее сведение, один из членов Совещания высказал взгляд, что объявлять не следует вовсе; к нему присоединилась большая часть правых членов Совещания. Я выразил свое удивление и заявил, что принятые положения считаю обязательными, и они будут опубликованы в ближайший день. «Декларация» как результат этого обсуждения составлялась в Национальном Центре и принадлежит перу Н. И. Астрова. Я изменил ее редакцию, оставив сущность, и придал форму предписания на имя председателя Особого совещания¹.

«Государственная польза России властно требует возрождения и подъема сельского хозяйства.

Полное разрешение земельного вопроса для всей страны и составление общего для всей необъятной России земельного закона будет принадлежать законодательным учреждениям, через которые русский народ выразит свою волю.

Но жизнь не ждет. Необходимо избавить страну от голода и принять неотложные меры, которые должны быть осуществлены незамедлительно. Поэтому Особому совещанию надлежит теперь же приступить к разработке и состав-

¹ От 23 марта 1919 года, № 45.

лению положений и правил для местностей, находящихся под управлением главнокомандующего Вооруженными силами Юга России.

Считаю необходимым указать те начала, которые должны быть положены в основу этих правил и положений.

1. Обеспечение интересов трудящегося населения.

2. Создание и укрепление прочных мелких и средних хозяйств за счет казенных и частновладельческих земель.

3. Сохранение за собственниками их прав на земли. При этом в каждой отдельной местности должен быть определен размер земли, которая может быть сохранена в руках прежних владельцев, и установлен порядок перехода остальной частновладельческой земли к малоземельным. Переходы эти могут совершаться путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно за плату. За новыми владельцами земля, не превышающая установленных размеров, укрепляется на правах незыблемой собственности.

4. Отчуждению не подлежат земли казачьи, надельные, леса, земли высокопроизводительных сельскохозяйственных предприятий, а также земли, не имеющие сельскохозяйственного назначения, но составляющие необходимую принадлежность горнозаводских и иных промышленных предприятий; в последних двух случаях — в установленных для каждой местности повышенных размерах.

5. Всемерное содействие земледельцам путем технических улучшений земли (мелиорация), агрономической помощи, кредита, средств производства, снабжения семенами, живым и мертвым инвентарем и прочим.

Не ожидая окончательной разработки земельного положения, надлежит принять теперь же меры к облегчению перехода земель к малоземельным и поднятию производительности сельскохозяйственного труда. При этом власть должна не допускать мести и классовой вражды, подчиняя частные интересы благу государства».

В день отдачи предписания генерал Драгомиров передал мне просьбу председателя Совета Государственного объединения Кривошеина повременить с выпуском его до

представления проекта Государственного объединения, так как «такой государственной важности акт требует особого, подобающего случаю изложения». Ждать дольше я не хотел, и предписанию был дан ход. В полученном *post factum* проекте Кривошеина пункт, касавшийся непосредственно аграрного вопроса, был изложен в такой форме:

«6. Безотлагательная разработка мероприятий, имеющих главной целью обеспечить интересы широких народных масс и быстрый рост производительных сил страны. В этих видах, между прочим:

а) в области аграрных задач — постановка земельного дела в началах децентрализации в соответствии с особыми хозяйственными условиями отдельных районов; всемерное содействие образованию и скорейшему развитию мелкой земельной собственности; отмена ограничений в праве распоряжения крестьянскими наделными землями; широкое поощрение добровольных соглашений о переходе земли в крестьянские руки; создание примирительных земельных комиссий и принудительное, за справедливый выкуп, отчуждение земли во всех случаях, когда государственный интерес этого требует».

Так или иначе, провозглашен был столь страшный для многих принцип *принудительного отчуждения*.

Первым последствием издания аграрной декларации было крупное столкновение между Государственным объединением и Национальным Центром. Я уехал в Чечню, а декларация не появлялась в печати целую неделю. Задержка, по-видимому, произошла потому, что в это время в совместном заседании обеих групп шел горячий спор о целесообразности и своевременности издания декларации. Совет Государственного объединения устами главным образом Кривошеина доказывал: «Неправильно усиливать вновь рознь в антибольшевистском лагере, где и без того элементы мщениа играют большую и фатальную роль... Одни будут обвинять власть в демагогии, в стремлении их ущемить в угоду демократическим течениям, будут доказывать антигосударственность и экономическую нецелесооб-

разность меры, которую будут считать направленной против их классовых и личных интересов. А так как влияние этих элементов в армии и чиновничестве значительно, то последствием будет будирование против власти в лагере, на который она вынуждена опираться... С другой стороны, официальный документ, который не может обещать больше, чем уже дано большевистским декретом о земле, дает оружие для агитации и пропаганды с левой стороны — социал-революционеров и тайных агентов большевиков»... Представители Национального Центра возражали, что «с одними офицерами воевать больше нельзя, что нужно привлечь на свою сторону солдата или сделать его, по крайней мере, не враждебным... Необходимо немедленно парализовать агитацию, которую ведут большевики, будто новая власть идет восстанавливать старый режим, возвращать земли помещикам, метить и наказывать... Наконец, что нужны доверие и поддержка европейских демократий».

Обе стороны не пришли к соглашению и расстались еще большими врагами.

Появление аграрной декларации усилило те настроения, которые были созданы подготовительной борьбой. Так, например, газета «Великая Россия», руководимая тогда Н.Н. Львовым, после бурного заседания редакционной коллегии, на котором обсуждалось отношение к декларации, в конце концов напечатала ее в рубрике текущих дел («В Особом совещании») без всяких сопроводительных комментариев. Сильно и убежденно высказался тогда М. В. Родзянко, остерегавший меня «от опасного шага издания земельного закона (моей) единоличной властью».

«Я отлично отдаю себе отчет; — писал он мне, — что земледельческий крестьянский класс в России должен быть наделен землей за счет крупного землевладения.. Но нельзя признать права за случайно собранным Особым совещанием предвосхищать права неизбежного будущего Учредительного собрания, которое одно только вправе коснуться важнейшего права каждого гражданина — права собственности... Связанные с законопроектом сложные финансовые меры могут вызвать окончательное расстройство

в наших поколебленных финансах... Наконец, если законодательство, касающееся земельной реформы, пойдет по такому пути, то неизбежно окажется, что армия Ваша, адмирала Колчака, генерала Юденича, Северная и другие могут его разрешить на различных основаниях, и тогда в этом жгучем, наиболее важном вопросе страна будет заведена в такой тупик, из которого ее не выведет никакое Учредительное собрание...»

Эти взгляды, не слишком, впрочем, противоречившие духу декларации, разделялись и Союзом возрождения, который также считал, что «окончательное разрешение аграрного вопроса может последовать лишь по воссоединении России и только властью Учредительного собрания» и что «ныне возможны только временные меры для урегулирования земельных отношений». Но при этом Союз считал необходимым «предоставить крестьянам пользование той землей, которая находится в их фактическом владении». Этот же взгляд правительством адмирала Колчака был проведен фактически в жизнь в Сибири, где, правда, земельные отношения не имели вовсе той остроты, как в Европейской России¹.

Нельзя не привести и тот взгляд, который высказывало в те дни лицо, шедшее на смену власти. В конце марта генерал Врангель говорил: «Полагаю, что требования части общества, обращенные к армии, о провозглашении ее программы ошибочны. Армия по самой природе своей вне политики. Политической программы у армии не может быть. Мы должны завоевать порядок, при котором народ,

¹ «Все, в чем пользовании земля сейчас находится; все, кто ее засеял и обработал, хотя бы не был ни собственником, ни арендатором, имеют право собрать урожай. Вместе с тем правительство принимает меры для обеспечения безземельных и малоземельных крестьян и на будущее время, воспользовавшись в первую очередь частновладельческой и казенной землей, уже перешедшей в фактическое обладание крестьян. В окончательном же виде вековой земельный вопрос будет решен Национальным собранием». Из декларации Российского правительства, изданной 8 апреля 1919 года.

освобожденный от гнета и произвола, свободно выскажет свою волю».

...

Несравненно легче проходил рабочий вопрос, не вызывая ни такой страстности, ни такого разномыслия, как аграрный. В тот же день, 23 марта, на имя председателя Особого совещания было мною послано предписание.

«Русская промышленность разрушена совершенно, чем подорвана государственная мощь России, разорены предприятия и лишены работы и хлеба миллионы рабочего люда.

Предлагаю Особому совещанию приступить немедленно к обсуждению мер для возможного восстановления промышленности и к разработке рабочего законодательства, приняв в основу его следующие положения.

1. Восстановление законных прав владельцев фабрично-заводских предприятий и вместе с тем обеспечение рабочему классу защиты его профессиональных интересов.

2. Установление государственного контроля за производством в интересах народного хозяйства.

3. Повышение всеми средствами производительности труда.

4. Установление 8-часового рабочего дня на фабрично-заводских предприятиях.

5. Примирение интересов работодателя и рабочего и беспристрастное решение возникающих между ними споров (примирительные камеры, промысловые суды).

6. Дальнейшее развитие страхования рабочих.

7. Организованное представительство рабочих в связи с нормальным развитием профессиональных обществ и союзов.

8. Надежная охрана здоровья трудящихся, охрана женского и детского труда, устройство санитарного надзора на фабриках и заводах и в мастерских; улучшение жилищных и иных условий жизни рабочего класса.

9. Всемерное содействие восстановлению предприятий и созданию новых в целях прекращения безработицы, а

также принятие других мер для достижения той же цели (посреднические конторы по найму и прочее).

К обсуждению рабочего законопроекта надлежит привлечь представителей как от предпринимателей, так и от рабочих. Не ожидая окончательной разработки и осуществления рабочего законодательства, во всех случаях текущей жизни и административной практики по мере возможности применять эти основные положения, и в частности оказать государственное содействие к обеспечению рабочих и их семейств предметами первой необходимости за счет части заработка».

«Рабочая декларация» была принята обществом и печатью также без особой страстности. В екатеринодарский период борьбы торгово-промышленный класс не имел в кругах, близких к армии и Особому совещанию, таких сторонников своих интересов, как аграрии.

В результате обеих деклараций образованы были две комиссии: для разработки земельного вопроса — под председательством начальника управления земледелия Колокольцова, и для разрешения рабочего вопроса — под председательством М. М. Федорова.

...

Настойчивые пожелания о необходимости общей политической декларации правительства Юга для Западной Европы приходили от русского политического совещания из Парижа и от екатеринодарских иностранных представителей. В. Маклаков подсказывал и общие основные начала ее: «Временный характер военной власти, имеющей целью по восстановлению единства и порядка обеспечить свободное выражение народного суверенитета (?)... В земельном вопросе — правовое урегулирование совершающегося стихийного процесса... Утверждение самобытного устройства и развития народностей в пределах органически единой России в формах автономий или федерации» и т.д.

В начале апреля председатель Особого совещания генерал Драгомиров доложил мне, что генерал Бриггс настойчиво просит объявить декларацию, которая могла бы рас-

сеять предубеждение о реакционности южной власти, создавшееся в демократических кругах Европы, и дала бы возможность искренним друзьям Добровольческой армии оказывать ей более серьезную помощь. Генерал Бриггс предложил и проект декларации, которая могла бы, по его словам, удовлетворить английскую Рабочую партию¹. По существу почти все положения этого проекта были приемлемы и в той или другой форме объявлялись командованием, но внесение в проект «Национального собрания» шло значительно дальше «непредрешения»... И то обстоятельство, что оно не возбудило протеста в правом секторе Особого совещания, означало уже большой сдвиг.

10 апреля была составлена в несколько измененной мною редакции и послана английскому, французскому и

¹ Проект Декларации.

Наши враги утверждают, что мы реакционная сила, ведущая борьбу для восстановления старого режима.

Это неправда.

Мы, Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России и члены Особого при нем совещания, имея в виду опровержение возводимого на нас обвинения в реакционности, торжественно объявляем, что мы преследуем нижеследующие цели.

1. Уничтожение большевистской тирании и восстановление порядка.

2. Восстановление могущественной единой и неделимой России.

3. Созыв Национального собрания на основах всеобщего и тайного голосования.

4. Установление широкого местного самоуправления в областях, которые того пожелают.

5. Немедленные земельные реформы в соответствии с нуждами каждой местности.

6. Гарантии полной гражданской свободы и свободы вероисповедания.

7. Рабочее законодательство, обеспечивающее защиту трудящихся классов от эксплуатации их капиталом или государством.

(Текст в переводе с английского)

По-видимому, этот проект был известен заблаговременно французским и американским представителям. В английском тек

американскому представителю нота, подписанная мною и всеми членами Особого совещания¹.

Вряд ли эта декларация имела какое-либо влияние на изменение международного положения Юга. В отечественных же политических кругах она не удовлетворила никого. Органы важнейших противобольшевистских группировок высказались сдержанно, но явно не сочувственно. «Великая Россия» нашла, что обещаний дано слишком много, и «исполнение их принадлежит самой жизни русской — такой бурной, такой взбаламученной, что нет никакой возможности предвидеть, в каком реальном размере будет осуществлена эта декларация». «Утро Юга» находило, что сказано слишком мало и слишком неопределенно, особенно в части, касающейся Народного собрания, в рамки которого «может вместиться даже булыгинская дума»... А «Свободная

сте фраза «Народное собрание» имела начертание «National Assembly»; во французском — «Assemblée Nationale» — понятие, имевшее совершенно определенный смысл — Учредительного собрания (1789 и 1871).

¹ О последнем просил усиленно Бриггс.

«Прошу Вас довести до сведения Вашего правительства о том, какие цели преследует командование Вооруженных сил Юга России в вооруженной борьбе с советской властью и в государственном строительстве.

1. Уничтожение большевистской анархии и водворение в стране правового порядка.
2. Восстановление могущественной единой, неделимой России.
3. Созыв Народного собрания на основах всеобщего избирательного права.
4. Проведение децентрализации власти путем установления областной автономии и широкого местного самоуправления.
5. Гарантия полной гражданской свободы и свободы вероисповедания.
6. Немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения.
7. Немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего защиту трудящихся классов от эксплуатации их государством и капиталом».

речь» в изысканных, но туманных выражениях отдала преимущество «простым, но исполненным патриотического одушевления и не отравленным партийным буквоедством» словам, сказанным ранее¹, в сравнении с декларацией, «вызванной дружественной любознательностью союзников». И успокаивала умы взыскующие: «Не приспело еще время, не сложилась еще та обстановка, при которых можно пустить в обращение новые, отлитые пытливым проникновением в туманную даль отчетливые представления».

Можно было подумать, что и те и другие являются обладателями верного средства спасения страны, но таят его до времени под спудом, не желая открыть своей тайны непосвященным.

Создавался понемногу политический тупик, из которого могли вывести только победы армии.

ГЛАВА XXIII

ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ: ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И САМОУПРАВЛЕНИЕ; РАБОЧЕЕ И АГРАРНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Вопрос о национальностях и связанный с ним вопрос о территориальном устройстве Российского государства разрешались в полном единомыслии мною и всеми членами Особого совещания: единство России, областная автономия и широкая децентрализация. Наши отношения к западным лимитрофам выражались только в декларативных заявлениях; с Украиной, Крымом, Закавказскими республиками и казачьими областями нас связывали многочисленные нити во всех областях жизни, борьбы и управления. О них я говорю в соответствующих главах. Эти взаимоотношения были очень трудны и ответственны, а среди управлений Особого совещания не было органа, который мог бы руководить ими: управление иностранных дел старалось всемерно уклониться от этого дела, полагая, что принятие в

¹ «Непредрешения» — речь моя на открытии Кубанской рады.

свое ведение сношений с новообразованиями послужит косвенным признанием их суверенитета; управление внутренних дел по всей своей структуре и психологии было не приспособлено к работе такого рода. В конце концов сношения с новообразованиями вел лично я совместно с председателем Особого совещания при посредстве его канцелярии и при содействии начальника штаба и начальника военного управления — в части, касающейся военных обстоятельств и военного представительства¹. На еженедельных заседаниях Особого совещания под моим председательством я знакомил членов его с принятыми мерами и зачастую обращался за советом, не встречая никогда сколько-нибудь серьезных расхождений².

Областное автономное устройство предполагалось не только в отношении территорий, населенных инородцами, но и русских. В январе 1919 года по инициативе В. В. Шульгина возникла «комиссия по национальным делам»³, бюджет которой был отнесен на счет ВСЮР. Целью своей комиссия поставила сбор и разработку материалов для защиты русских интересов на Мирной конференции и для выяснения отношений России к национальным движениям, а также исследование вопроса об автономном устройстве ее, в частности Юга. Работы комиссии отразились на административном разделении территории ВСЮР на области⁴. В плане предстоявшего устройства страны нам представлялась последовательная цепь самоуправлений от сельского схо-

¹ Любопытно, что в правительстве адмирала Колчака этот вопрос также вызывал сомнение: он был разрешен вначале возложением сношений с новообразованиями (в том числе с правительствами Юга, Севера и Юденичем) на министерство иностранных дел, а с осени 1919 года — на министерство внутренних дел.

² События на Кубани осенью 1919 года, связанные с казнью Калабухова, как увидим позже, протекали без участия Особого совещания.

³ Председателем был избран В. В. Шульгин. В работе комиссии принимали участие профессор И. А. Линниченко, М. А. Ляпунов, А. Б. Билимович, П. И. Новгородцев и др.

⁴ Харьковская, Киевская, Новороссийская и Северный Кавказ.

да до областных дум, снабженных в подготовительный период расширенными значительно правами губернских земских собраний и впоследствии получающих функции местного законодательства из рук будущего Народного собрания. Но линия фронта далеко еще не выражала пределов фактического распространения войны. Вся небольшая вначале территория Добровольческой армии являлась, по существу, театром военных действий. Это обстоятельство побуждало к принятию исключительных мер для временного усиления и централизации власти на местах. Временные положения «О гражданском управлении и о государственной страже», выработанные Особым совещанием по схемам Национального Центра и выпущенные в марте 1919 года, должны были считаться с этим обстоятельством и поневоле ограничивать общественную инициативу. Трех ступеням административной лестницы — главноначальствующему, губернатору и начальнику уезда — по принадлежности был предоставлен надзор за состоянием и деятельностью всех правительственных установлений¹ и мирных самоуправлений. Гражданская стража, имея полувоенную организацию, находилась в двойном подчинении: местным гражданским начальникам и, через командиров губернских бригад, «командующему государственной стражей» — помощнику начальника управления внутренних дел, на которого возлагалось высшее руководство деятельностью стражи по предупреждению и пресечению преступлений. Главноначальствующий кроме высшего надзора за управлением нескольких губерний или области имел в своем подчинении войска и должен был согласовать действия военных и гражданских властей. Ему предоставлялись исключительные права и принятие чрезвычайных мер в случаях, угрожающих государственному порядку.

После восстановления и утверждения порядка и полного успокоения в губерниях с начальствующими должны быть

¹ Для главноначальствующего и губернаторов — за исключением судебных мест и контроля; для начальников уездов — за исключением, кроме того, учебных заведений.

сложены все чрезвычайные полномочия и прекращалось действие исключительного положения.

... Это устройство, удовлетворявшее правые и либеральные круги, вызвало жестокую критику в революционной демократии. Она находила в идее такого управления только «административное усмотрение, полицейскую опеку и произвол»; мы видели в нем необходимые условия, обеспечивающие интересы борьбы и армии. Она считала это реставрацией; мы — временной мерой, долженствующей расчистить путь для утверждения покоя и нормальных форм самоуправления.

... В конце концов, центр тяжести вопроса был не столько в системе, сколько в людях...

Но жизнь перевернула вверх дном все наши умозаключения и не оправдала ожиданий: наше гражданское управление не внесло законности и порядка, возбудив большое разочарование у населения.

На высших ступенях гражданской иерархии в должностях главноначальствующих находились генералы, командовавшие армиями в данных районах. Это положение имело свои достоинства и недостатки, тождественные с совмещением в дореволюционное время должностей генерал-губернатора и командующего войсками округа. При них были помощники по гражданской части и «советы» представителей ведомств. Имея функции только высшего надзора, деятельность главноначальствующего проходила на виду и была доступна в известной мере прямому воздействию центра. Но дальше, в области практического управления, дело обстояло хуже, получив лишь внешние признаки реставрации. Управляющий внутренними делами Чебышев ставил губернаторов почти исключительно из числа лиц, занимавших эти должности до революции, желая «использовать их административный опыт». Это были люди (некоторые, по крайней мере), быть может, вполне подготовленные, но по психологии и мировоззрению, навыкам, привычкам столь далекие, столь чуждые свершившемуся перевороту, что ни понять, ни подойти к нему они не могли. Для них все было в прошлом, и это прошлое они старались возродить и в формах, и в духе. За ними следом по-

тянулись низшие агенты прежней власти: одни — испуганные революцией, другие — озлобленные и мстящие. Они приходили в районы, для них незнакомые, пережившие уже не один режим, с населением, потерявшим уважение к закону и власти и недоверчивым, с жизнью, выбитой из колеи, насыщенной взаимными обидами и классовой враждой. Уезды кишели шайками «зеленых», всевозможных атаманов и остатками рассеявшихся красноармейцев, до крайности затруднявшими передвижение и общение губернских и уездных властей с деревней. Управление внутренних дел, как оказалось, централизовало в своих руках все формирования отрядов государственной стражи для особого подбора их и даже назначения низших полицейских агентов, отчего по многим неделям губернии оставались без полицейской охраны. Катившиеся по краю театра войны или ближайшему ее тылу войсковые части и своевольные начальники нарушали распоряжения гражданских властей. Жизнь гражданской администрации, как и всего служилого элемента Юга, была неприглядной из-за нищенского содержания и толкала на искушения. Наконец, изменчивость боевого счастья бросала целые территории из рук в руки, и у многих администраторов не было зачастую времени устроить свой район. Только Ставропольская и Черноморская губернии были в наших руках более года; в них правили часто сменявшиеся военные губернаторы, в назначении которых управление внутренних дел не было повинно; но и там дело обстояло так же плохо, если еще не хуже.

«Нет людей!». Эта жалоба не сходила с уст интеллигенции и со страниц печати. В. Шульгин с горечью писал о том явлении, что «в гражданском управлении выявилось русское убожество, перед которым цепенеет мысль и опускаются руки... Ряды старых работников страшно поредели, а новых нет как нет». С ним соглашалась вполне «Свободная Речь», но при этом добавляла: «Нет людей? Но там ли их ищут, где надо?.. Пока о местах и влияниях спорят люди, зараженные прошлым, будь то сановники или «самовлюбленные нарциссы общности», ничего путного получить не может... Главное внимание долж-

но быть обращено на более молодые поколения... Надо хотеть и уметь искать»¹.

Нельзя сказать, чтобы мы не искали. Много раз я обращался к управлению внутренних дел с требованиями — изменить систему комплектования гражданской администрации, привлечь общественных деятелей — земских и городских, местных людей, пользующихся уважением и авторитетом. Однажды летом, после повторного резкого напоминания, ко мне пришел Пильц, временно замещавший Чебышева, и доложил: ввиду моего приказа он обратился списьюм к лидерам либеральных организаций и к некоторым видным общественным деятелям с просьбой указать лиц, могущих заместить открывающиеся посты начальников губерний. Прошло 2—3 недели и... не отозвался никто. Это было тем более странно, что и Чебышев, и сменивший его в июле в должности начальника управления внутренних дел Носович — оба были назначены по рекомендации либеральной группы именно Национального Центра.

Положение создавалось довольно безотрадное.

Наши противники слева винили не только людей, но и систему. В противовес единоначалию выдвигалась децентрализация власти путем передачи ее местному самоуправлению или «полубуржуазным советам». Это расхищение власти имело уже место в опыте Временного правительства, когда самозародившиеся «общественные», «революционные» комитеты и «советы рабочих и солдатских депутатов» произвели полный хаос в управлении, порвав всякие связи мест с центром. Этот опыт был повторен отчасти и с таким же неуспехом самарским «Комучем». Наконец, его же ввела в широких размерах советская власть с первых дней своего существования и с первых же дней начала упорную борьбу против «самовластия мест», пока путем давления, подлогов, подтасовок не обратила выборное начало в фикцию, посадив на местах своих послушных и всесильных агентов.

Такой опыт в районах с колеблющимся настроением, где даже сама идея борьбы не пользовалась всеобщим признанием, представлялся невозможным.

¹ Август 1919 года.

Положение на местах и общее состояние нашего тыла становилось между тем катастрофическим.

...

В силу указанных раньше причин законы выходили из Особого совещания с большим опозданием.

Серию компромиссов между двумя крыльями Совещания открыло положение об «упрощенном управлении городским хозяйством» и таком же управлении для земства. Впредь до новых выборов деятельность земских собраний и городских дум, изживших себя и с 1 января потерявших юридическое право существования, не восстанавливалась, и все обязанности их возложены были на управы в составе ранее действовавших, избранных по закону Временного правительства. Но губернаторам предоставлено было право устранять из их состава тех лиц, которые будут признаны не соответствующими своему назначению. Так как последние управы были почти сплошь социалистического состава, часто даже с уклоном в сторону большевизма, то губернаторы довольно широко пользовались своею властью, переходя, вероятно, не раз пределы государственной необходимости.

Закон об общественном управлении городов, выработанный комиссией Астрова, сохранял демократические принципы, был принят общественным мнением благожелательно и только в среде левых социалистов вызвал обвинение в стремлении власти «урезать права органов самоуправления, стеснить свободу общественной деятельности».

Закон этот был утвержден мною в марте, опубликован только в мае, и вследствие задержек, чинимых управлением внутренних дел, первые выборы в городах происходили только в сентябре.

Земское положение постигла худшая участь. Никогда еще разница двух мировоззрений не была столь велика, как в этом вопросе. С самого начала рассмотрения вопроса в комиссиях Особого совещания между двумя крыльями его начались сильнейшие трения. «Мы тратили время и нервы, — говорит либеральный член Совещания, — на споры и отражение ожесточенных натисков справа в вопросе о том, каким может быть теперь земство. Исходя из положения «о культурном значении для деревни просвещенно-

то помещичьего класса», они требовали построения земских учреждений с этим элементом в основе. На заявления наши, что этого класса уже нет, что он разбит в процессе революции, что земство в новой эпохе должно быть немедленно демократическим, наши оппоненты доходили до крайней степени раздражения».

Волость являлась первоосновой государственного устройства новой России, предрешающей состав всех высших представительных органов страны, и тем социальным базисом, на который должна была опереться временная власть в период борьбы. Помещичий дворянский класс в силу неизбежных исторических причин уходил. На кого же опереться? Либеральное меньшинство требовало принятия законопроекта, близкого к созданному Временным правительством. Правое большинство остановилось на куримальной системе выборов¹. «Одни намечали будущим правящим классом, — говорит один из правых членов Особого совещания, — козьяйственного мужика и откровенно исповедовали это. Другие не говорили откровенно о своем идеале, но прямая, тайная и всеобщая подача голосов ведет к господству пролетариата и «лиц либеральных профессий». Вопрос ставился ясно и грубо: *Колумбаев или Тимошенко?*² И в зависимости от всей старой психологии, выработанной десятками лет предреволюционного времени, ответ был ясен для каждой из сторон».

Ввиду полного расхождения Особого совещания вопрос был сдан в согласительную комиссию под председательством Носовича и вышел из нее в виде компромиссного решения: куримальная система отвергалась, но вводился ценз уплаты минимальной ставки земских сборов. Опасаясь, что введением прямого подушного обложения земство может расширить выборное право до всеобщности, правые категорически отклонили компромисс. В середине августа я

¹ 1-я курия — платящие минимальную ставку земских сборов; 2-я — лица, владеющие двойным наделом 1861 года или уплачивающие соответствующую сумму сборов. Вторая курия облегчала возможность проведения в земство помещиков.

² Тимошенко — известный кубанский демагог; социалист-революционер, دکатившийся до большевизма.

сделал попытку примирить непримиримое и назначил заседание под своим председательством, предоставив обеим сторонам пригласить на него сторонних лиц по их усмотрению. На этом заседании правое крыло было значительно усилено Кривошеиным, всецело поддерживавшим курьяльскую систему. «С проведением аграрной реформы Россия делает прыжок с пятого этажа на мостовую. Надо подстлать соломы, чтобы не разбилась». Кривошеин коснулся и общего направления нашей политики, считая ее «левый уклон» и непровозглашение в свое время «единственно спасительных лозунгов» чреватых опасными последствиями. Я ответил более резко, чем полагалось для официального заседания, что весной 1918 года производилось сильное давление с целью провозглашения этих лозунгов, и если бы это было сделано тогда, то мы давно уже были бы побеждены, а я не имел бы возможности беседовать с Кривошеиным в Ростове о государственном устройстве России.

Соглашение не состоялось. Споры продолжались. Я разрешил их, к сожалению, слишком поздно, утвердив закон в духе постановления комиссии Носовича:

— Ни Колупаев, ни Тимошенко, а некто третий, чей облик не отразился еще ясно в зеркале бытия.

•••

С апреля шли работы по составлению двух важнейших социальных законопроектов.

Комиссия М. М. Федорова к июлю разработала ряд либеральных законопроектов о профессиональных союзах, рабочих комитетах, об органах охраны труда, о 8-часовом рабочем дне, о примирительных камерах и страховании рабочих. В конце августа в Ростове было созвано совещание с участием представителей от промышленников и рабочих для рассмотрения этих законопроектов. Рабочая делегация тотчас после открытия заседания пожелала огласить резолюцию «Южного совета профессиональных союзов» — организации, всецело захваченной социал-демократами меньшевиками, отошедшими временно от чисто политической работы и перенесшими ее в область профессионального движения. Резолюция гласила:

«Лишь при режиме демократической республики, лишь при последовательном проведении принципа всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для рабочего класса и его организаций открывается возможность успешной борьбы как за ближайшие, так и за конечные цели рабочего движения и создаются условия действительной охраны интересов трудящихся и защиты государственной властью интересов большинства населения.

Исходя из этих положений, рабочая делегация считает совершенно безнадежной всякую попытку сколько-нибудь удовлетворительно разрешить сложные вопросы социального законодательства в обстановке непрерывной гражданской войны и полного отсутствия законодательных учреждений, признанных свободной волей населения».

На этой фразе Федоров прервал докладчика, лишив его слова, после чего делегация рабочих покинула совещание. Состоявшийся через несколько дней съезд профессиональных организаций Северного Кавказа одобрил поведение делегатов — «товарищей, стойко стоявших на своем ответственном посту», — и призывал всех «товарищей теснее сплотиться вокруг своих классовых организаций и не идти ни на какие ухищрения реакции разбить единство рабочего класса путем подкупа части рабочих и фальсификации (?) их общественного мнения».

Было ясно участие Москвы в этих действиях и постановлениях. Оно подтвердилось впоследствии попавшей к нам инструкцией коммунистическим организациям Юга: «Необходимо принять меры, чтобы соглашение между правительством и рабочими не состоялось, учитывая всю важность последствий для правительства Деникина, если бы этот первый шаг увенчался успехом. Данный случай является благодарной почвой для демонстрирования классового антагонизма».

Пришлось комиссии продолжать свои работы об устройстве судьбы рабочих без их участия. Работы эти протекали в обстановке ведомственных трений. Причем, по словам Федорова, «обнаружилась тенденция членов комиссии... к пересмотру законопроектов по существу... и ко внесению

поправок, направленных к ограничению прав рабочих; и в этом отношении замечания представителей ведомств шли значительно дальше пожеланий промышленников».

В результате часть законопроектов была утверждена мною только в конце ноября, другая не была закончена до эвакуации Ростова. Рабочее законодательство постигла та же участь, что и многие другие наши начинания: они осуществились слишком поздно.

Комиссия Колокольцова приступила к разработке земельного вопроса, привлекая многочисленных сведущих людей и со стороны. В комиссии наметились сразу три течения: левое эсеровского типа с определенным стремлением к полной ликвидации помещичьего хозяйства; крайне правое, стремившееся выиграть время и отстоять интересы класса; наконец, среднее, искавшее путей для введения стихийного процесса в русло государственных интересов. По-видимому, ведомство Колокольцова принадлежало ко второму течению. Еще в процессе подготовительной работы мне приходилось обращать внимание на внесение проектов, в корне расходящихся с духом декларации. «Правые, — говорит один из участников комиссии, — были идеологами и страстными, убежденными защитниками восстановления помещиков на их землях. Люди писали на бумаге свои чаяния и мечты, не считаясь с тем, что можно было сделать в новых условиях и чего сделать было уже нельзя. Они представляли цифры и неопровержимые данные, касающиеся теории вопроса. Вот государственный интерес, — говорили они, — и нам нет никакого дела до того, что кто-то говорит о революции. Революция пройдет. Россия останется. Наше решение должно быть для России, а не для революции».

Колокольцовская комиссия закончила свою работу в начале июля. «Земельное положение», составленное ею, в общих чертах имело следующие основания: помещичья земля свыше известной нормы продается добровольно или отчуждается в собственность крестьян за выкуп; норма не подлежащих отчуждению частновладельческих земель, в зависимости от местности, — от 300 до 500 десятин; целый ряд изъятий в отношении культурных и заводских хозяйств еще

более уменьшал общую площадь переходящих к крестьянам земель; отчуждению не подлежали земли городов, земств, монастырей, церковные, духовных учреждений, ученых и просветительных обществ. По мере занятия отдельных местностей должны были немедленно вступать в распоряжение своими угодьями казна, банки, города, церкви, монастыри, переселенные вышние учреждения, а также, во многих случаях, частные собственники — как, например, землями, не использованными захватчиками или «находившимися в чужом пользовании в течение времени не большего, чем необходимо для одного озимого и одного ярового урожая».

Наконец, Положение предусматривало, что земельные органы приступят к отчуждению только по истечении трех лет со дня восстановления гражданского мира во всей России!

Проект этот был мною отвергнут. Колокольцов оставил пост. Проект был передан на рассмотрение новой комиссии под председательством начальника управления юстиции Челющева.

Замечательно, что даже это творение — акт отчаянной самообороны класса — вызвало смятение в правых организациях. На проект Колокольцова, ставший известным Совету Государственного объединения, последний отозвался немедленно письмом Кривошеина и постановлением от 14 июля: «Намечаемое законопроектом огульное принудительное перераспределение владений возбуждает серьезное опасение в том, что проведение его в жизнь породит тяжелые продовольственные последствия для государства и экономическое обессиление его». Совет успокаивал себя только тем, что в течение трехлетнего срока «непредложные законы экономического развития укажут правильные пути для будущего русского сельского хозяйства». И рекомендовал ограничиться возобновлением деятельности Крестьянского банка и созданием землеустроительной и землемерной организации, которые «внесут в деревню успокоение вернее и скорее, чем самые красноречивые обещания!». А Совет Всероссийского союза земельных собственников утверждал даже, что «по сведениям, идущим из деревни, народ сознает ныне глубокую мо-

ральную разницу между своим и чужим и относится к захвату как к действию преступному и не могущему быть терпимым при восстановлении законной власти».

Не видели или умышленно закрывали глаза?

Были, впрочем, и редкие исключения: в Харькове союз земельных собственников в августе принял резолюцию о необходимости скорейшего издания земельного закона в духе моей декларации, ввиду того, что дальнейшая проволочка может вызвать опять брожение среди крестьян.

Тем временем подходил сбор урожая, и необходимо было дать временные нормы для надлежащего его использования. Злополучный «третий сноп», введенный еще в период нашего походного законодательства на клочке Ставропольской губернии для урожая 1918 года, сохранился в неприкосновенности. В Особом совещании был составлен и мною утвержден ряд положений, имевших тройную цель: обеспечение сельскохозяйственного производства, сохранение принципа собственности и по возможности меньшее нарушение сложившихся в деревне взаимоотношений. Закон об урожае оставлял его за посеявшим и требовал уплаты аренды владельцу в размере $\frac{1}{2}$ урожая хлеба, $\frac{1}{2}$ трав и $\frac{1}{6}$ корнеплодов; закон о посевах на 1919—1920 годы вменял в обязанность лиц, «в действительном пользовании коих земля находится», пахать и сеять, обещая «обеспечить интересы засеивщиков при сборе урожая»; закон об аренде предоставлял фактическим обладателям земли (захватчикам) продолжать пользование ею на 1920 год по договору или без договора, ограничивая известными пределами подесятинную арендную плату. Последующими законоположениями уменьшались нормы натурального арендного взноса ($\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{10}$) и облегчалась возможность дальнейшего пользования землей, подводя под «право захвата» некоторые юридические обоснования.

Правый член Особого совещания, одинаково уважаемый за прямоту и искренность обоими флангами, впоследствии говорил: «Из всех мер Особого совещания наиболее неудачной, наибольшей ошибкой были законы о хлебном налоге¹ и о «третьем снопе». Оба эти закона вышли из пра-

¹ См. ниже.

вого крыла Особого совещания и вполне на его совести». Это вмешательство власти в острые аграрные взаимоотношения не встретило тогда достаточно сильного отпора в не-социалистической общественности Юга. «Третий сноп» вызывал в буржуазной печати горячие споры о нормах, о деталях, но за редкими исключениями эти споры не колебали принципа. Не раз, когда я приносил в Особое совещание свои мучительные сомнения в правильности такого нашего курса, я слышал не только справа, но иногда и слева совершенно бесспорные *юридически* истины, что отношение российских законов к захватам гораздо суровее и что колебание принципа собственности грозит большими потрясениями.. Наконец, «демократический» Дон и сугубо «демократическая» Кубань в своем законодательстве об использовании урожая 1918—1919 годов придерживались тех же принципов, что и «реакционное» Особое совещание¹.

А тем временем за войсками следовали владельцы имений, не раз насильно восстанавливавшие, иногда при поддержке воинских команд, свои имущественные права, сводя личные счеты и мстя. И мне приходилось грозить насильникам судом и напоминать властям их долг — предупредить новые захваты прав, но не допускать самочинного разрешения вопроса о старых. В местностях, где уже наступило какое-то успокоение, некоторые землевладельцы возвращались в свои поместья и вносили вновь элементы брожения непомерным вздутием арендной платы.

Комиссия Челищева перерабатывала земельный проект при участии нового начальника управления земледелия профессора А. Билимовича, в значительной степени под его влиянием. Но со времени подчинения моего адмиралу Колчаку

¹ Приказ Донского атамана от 5 июня 1918 года и кубанского краевого правительства от 13 июня 1918 года. Согласно последнему, например, в случае, если запашка владельца, а семена посеивщика, последний получал пол-урожае. Если то и другое владельца, то урожай целиком переходил к нему, а незаконный посеивщик получал оплату своего труда. В июле 1919 года донским правительством издано постановление, в силу которого захватчик уплачивал владельцу земли «арендную плату, существовавшую осенью 1918 года».

сама возможность издания земельного закона стала спорной по существу.

Телеграммой от 28 августа, определявшей пределы моей власти, верховный правитель уведомил меня, что «общее руководство земельной политикой принадлежит российскому правительству». На этой почве между Особым совещанием и омским правительством завязалась переписка, в результате которой последовала на мое имя в особо секретном порядке телеграмма адмирала Колчака от 23 октября, № 1005.

«Телеграмма Нератова относительно предоставления Вам самостоятельности в земельном законодательстве заставляет меня с полной искренностью высказать возникающие у меня опасения. Я считаю недопустимой земельную политику, которая создаст у крестьянства представление помещичьего землевладения. Наоборот, для устранения наиболее сильного фактора русской революции — крестьянского малоземелья — и для создания надежной опоры порядка у малообеспеченных землею крестьян необходимы меры, укореняющие в народе доверие и благожелательность к новой власти. Поэтому я одобряю все меры, направленные к переходу земли в собственность крестьян участками в размерах определенных норм. Понимая сложность земельного вопроса и невозможность его разрешения до окончания гражданской войны, я считаю единственным выходом для настоящего момента по возможности охранять фактически создавшийся переход земли в руки крестьян, допуская исключения лишь при серьезной необходимости и в самых осторожных формах. Глубоко убежден, что только такая политика обеспечит необходимое сочувствие крестьян освободительной войне, предупреждая восстания, и *устранит возможность* разлагающей противоправительственной пропаганды в войсках и населении. Основные принципы принимаемых правительством мер одновременно Вам сообщаются. Конструкция изданных здесь постановлений по земельному вопросу не всегда удачна и допускает улучшения и даже изменения, но я глубоко убежден в необходимости твердого соблюдения их основных принципов.

Обстановка, где нет острого земельного вопроса, позволяет отнестись к нему с объективной спокойной стороны. Думаю, что ссылка на руководящие директивы, полученные от меня, могла бы оградить Вас от притязаний и советов заинтересованных кругов.

Сердечно желаю Вам дальнейших успехов — как военных, так и в не менее важных делах гражданского и политического устройства.

Адмирал Колчак».

С тех пор работа земельной комиссии получила чисто академическое значение. Земельное положение было выработано в начале ноября, и я приказал отдать его в печать, чтобы подвергнуть критике широких общественных кругов. Положение отличалось от колокольцовского лучшей юридической формулировкой, осторожностью и стиранием острых углов, но основные его мысли были те же. Вот некоторые из его основ: добровольные сделки в течение двух лет; принудительное отчуждение по истечении этого срока; оставление за частными владельцами усадеб, лесов, открытых недр и земли от 150 до 400 десятин — на основании твердых максимумов или особой прогрессии; отчужденные земли могли быть проданы исключительно лицам, занимающимся земледельческим трудом, преимущественно местным; максимальные нормы для покупающих землю были установлены от 9 до 45 (на севере) десятин.

Проект Билимовича—Челищева, при всех его спорных сторонах, представлял попытку проведения грандиозной социальной реформы и, если бы был осуществлен до войны и революции в порядке эволюционном, законным актом монарха, стал бы началом новой эры, без сомнения предотвратил бы революцию, обеспечил бы победу и мир и избавил бы страну от небывалого разорения. Но с тех пор маятник народных вождений качнулся далеко в сторону, и новый закон не мог бы уже оказать никакого влияния на события и, во всяком случае, как орудие борьбы был совершенно непригоден.

Для характеристики общественных настроений могут послужить те отзывы по поводу проекта, которыми полна была печать. Правые органы видели в нем «огульное унич-

тожение помещичьего землевладения», и Н. Н. Чебышев, бывший член Особого совещания, писал в «Великой России»: «Отнять землю от хозяйственно образованного человека, любовно удесятерившего долгим трудом и затратами производительность земли, и отдать ее невежде, развращенному бездельем, сельскому хулигану — это тяжкая несправедливость, ничем не оправдываемый грех»... И грозил, что «в придачу к Махно мы получим Дубровских».

«Свободная речь» признавала «общую схему», спорила о деталях и решительно уклонялась от моральной ответственности: «Нам ясно, что силы будущей России — это мелкокрестьянская буржуазия... Мы понимаем, что эти силы должны служить главной основой власти... Но... можно ли спасти хоть что-нибудь и что именно — это может решить только власть... Если она признает, что во имя будущей России нужно санкционировать ликвидацию чуть не всего помещичьего землевладения — пусть будет так». Харьковский съезд партии кадетов также уклонился от конкретного определения своих взглядов на земельную реформу.

Умеренно социалистические органы видели в проекте «стремление сохранить помещичье землевладение, и притом не в виде исключения, а как общее правило». И стояли твердо *против* проведения аграрной реформы до Учредительного собрания.

Только группы, стоявшие еще левее, требовали немедленно и полного черного передела. Но они находились вне фронта противобольшевистской борьбы — в стане наших врагов или сохраняли дружественный нейтралитет к советской власти.

Достоинно удивления, как мало внимания уделяла печать всех направлений, увлеченная этими теоретическими интеллигентскими спорами, настроениям подлинной жизни деревни, крестьянства, как мало она стремилась проникнуть в замкнутый круг мужицкой стихии. Только официальные осведомители с упорством верующих (или сильно желающих) изо дня в день твердили:

— Мужик хочет «хозяина» и «синюю бумажку» — нотариальный акт на купленную землю...

Таким образом, вся обстановка, создававшаяся на Юге России в 1919 году, психология общественности, соотношение

сил и влияний решительно не способствовали проведению в жизнь в молниеносном революционном порядке *радикальной аграрной реформы*. Не было ни идеологов, ни исполнителей. Все, — что можно было (и, вероятно, должно) это соблюсти «непредрешение», отказаться вовсе от земельного законодательства, приняв колчаковскую программу узаконения безвозмездного пользования захваченной землей впредь до решения Народного собрания, рискуя разрывом с правыми кругами и, следовательно, осложнениями в армии.

Только новороссийская катастрофа, нанеся оглушительный удар белому движению, открыла многим людям глаза на тот геологический сдвиг, который совершился в России. Только тогда стало складываться впечатление, будто «у многих землевладельцев зреет сознание необходимости жертвенного подвига». Возможно. У одних, быть может, искреннее, у других — продиктованное безнадежностью положения и поисками новых, хотя бы «демагогических», средств для продолжения борьбы.

Только после этого несчастья у многих развёрзлись уста, и они свидетельствуют наперерыв, что «знали», «предвидели», «предостерегали» — они, ничего не предвидевшие, слепые и глухие...

ГЛАВА XXIV

ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ЮСТИЦИИ, ПРОСВЕЩЕНИЯ; ПРОПАГАНДА. ЦЕРКОВЬ

Один из наиболее серьезных вопросов, составлявший огромный тормоз всем начинаниям Юга, отражавшийся, без сомнения, на нравственном облике войск и на неудачах фронта, был вопрос финансовый.

Хаос в денежном обращении противобольшевистского Юга слагался исторически, от постоянных изменений его политической карты. По мере освобождения новых территорий мы получали и новые «наследства», все более усложнявшие вопрос. Кроме кредитных билетов, выпущенных

ростовской экспедицией, имели хождение деньги общегосударственные («царские» и «керенские»), советские («пятаковские»), украинские (карбованцы и гривны), крымские, разменные денежные знаки, выпущенные городскими самоуправлениями и в разных местах Кавказа советской властью; гарантированные чеки отделений Госбанка, облигации старых займов, краткосрочные обязательства госказначейства и т.д., и т.д., вплоть до векселей, учтенных финансовой комиссией состоявшей при полковнике Шкуро во время его партизанских действий в районе Минеральной группы.

Такое положение было явно нелепо и требовало тех мер, о которых говорили постоянно российская печать, финансовые совещания, съезды торгово-промышленников и др.: объединения системы денежного обращения на всей территории освобожденной России, унификации денежных знаков, воссоздания единого Государственного банка и единого эмиссионного права.

К этому мы стремились всемерно, но по условиям политическим (суверенности областей) достигнуть этого не могли.

Управление финансов принимало меры к упорядочению денежного обращения с известной осторожностью, так как они отражались сильно на интересах населения, вызывая всегда неудовольствие в массах. Деньги местного хождения заменялись постепенно. Но обмен советских денег оказался нерациональным и совершенно непосильным. Когда после занятия Харькова в целях облегчения положения неимущего люда был произведен первый раз частичный обмен «пятаковских» денег по 500 рублей на человека, это вызвало громадные злоупотребления. Деньги возили целыми возами вслед за наступающей армией даже из районов ранее освобожденных. Управление финансов прекратило размен и аннулировало все советские денежные знаки, сделав исключение лишь для некоторых выпусков местного хождения на Кавказе: в отношении их определен был краткий срок и нормы обмена.

Наши денежные ресурсы долгое время находились в полной и тягостной зависимости от Дона, так как добиться справедливого распределения эмиссии ростовской экспедиции управление финансов не могло. Как распоряжалось

донское правительство выпускаемыми кредитными билетами, видно из следующей справки.

Всего выпущено с 1 января 1918 года по 15 октября 1919 года:

в миллионах рублей.....	9202
Из них выдано:	
Крымму.....	45
Тереку.....	80
Кубани.....	601
Главному командованию.....	3982 ¹
Дону.....	4493

Только к осени 1919 года управление финансов приступило к выпуску своих денежных знаков, оборудовав экспедицию в Новороссийске, потом — к печатанию их в Киеве, Одессе и Симферополе². Но, отчасти не желая колебать привычные для населения донские знаки, отчасти не справляясь с техническими затруднениями, финансовое ведомство выпускало свои знаки в размерах ограниченных и, во всяком случае, совершенно не удовлетворявших текущей потребности.

И «донские», и «добровольческие» деньги не имели за собой никакого покрытия, и хождение их основывалось исключительно на распоряжении властей, на инерции и доверии населения. Золотой запас России находился в то время в руках адмирала Колчака — 652 миллиона рублей, у большевиков — 147 миллионов, в Париже у союзников — 320 миллионов. За границей нам был открыт адмиралом Колчаком небольшой кредит. Все усилия получить заем или кредит у союзников были безуспешны. Правительственные круги Согласия, связанные своей социалистической демократией; оказать нам серьезную экономическую помощь не могли. Насколько можно было понять из частных разговоров, иностранные правительства, быть может, и рискнули бы оказать нам

¹ На содержание всех армий, кроме Донской, и флота и на 12 губерний и областей, находившихся к осени в составе нашей территории.

² Всего выпущено правительством Юга и Донской экспедиции до марта 1920 года около 30 миллиардов рублей.

крупный кредит, но ценою таких тяжелых концессий, которые, на мой взгляд, сводились к распродаже России. Финансовые круги стран Согласия, независимые от политических партий, не приходили на помощь, не доверяя прочности положения Юга, и еще по одной причине, о которой один из наиболее крупных русских финансистов и банковских деятелей писал из Парижа¹: «Представители русских финансов, промышленности и торговли не имеют не только общего плана работы, но даже желания принести минимальную жертву — свои узко личные интересы — для блага родины... При таком положении руководящие финансово-экономические круги Антанты предпочитали воздержаться от помощи, не имея уверенности, будет ли она оказана кому следует и как следует».

При всех этих условиях оздоровление денежного обращения могло быть достигнуто только мерами внутреннего характера.

Тем временем освобожденная территория росла с каждым днем, с чрезвычайной быстротой росли и расходы. Вооруженные силы поглощали огромные средства. Деньги нужны были и на содержание совершенно разоренных городов и земств, и на восстановление промышленности. Станок выбрасывал все больше бумажных знаков; в стране тем не менее ощущался денежный голод. Цены росли непомерно, а рубль все падал и падал.

В печати и специальной литературе, на совещаниях и съездах шли горячие споры по поводу необходимости денежной реформы. Существовали три главных течения в этой области: 1) восстановление сделок за золотую валюту с сохранением обесцененного бумажного рубля; 2) девальвация и 3) повышение внутренней стоимости рубля путем изъятия у населения излишних денег мерами налогового обложения. Начальник финансового управления М. В. Бернацкий придерживался этой третьей системы, считая в создавшихся условиях невозможной коренную реформу. Его поддерживали в этом направлении многие ученые-экономисты, в том числе академик Струве, профессор Мануйлов,

¹ Сентябрь 1919 года.

Ельяшевич и другие. Расхождение было только в вопросах о пределах эмиссии. На этой же точке зрения стояло дважды собираемое финансовое совещание и совещание торгово-промышленников (октябрь 1919 года), которое, «признавая в будущем неизбежность общей денежной реформы», предостерегало «от всяких преждевременных и частичных опытов в этом направлении».

И правление нажимало налоговый пресс. Комиссия Астрова создавала законы по принципам демократизма, облагая прямыми налогами имущие классы, прирост прибыли у предприятий, разницу старой и новой цен на недвижимость и т.д., — законы, популярные среди демократии, вызывавшие острые споры между двумя крыльями Особого совещания, но дававшие мало дохода казне по причине общего оскудения, малой законопослушности населения и расстройств налогового аппарата. В то же самое время Бернацкий проектировал косвенные налоги — весьма непопулярные, но сулившие казне существенные выгоды. Бюджет 1920 года исчислял доходные статьи в таких предположительных цифрах: от прямых налогов и пошлин — по миллиарду, от косвенных налогов — 18 миллиардов.

Тем не менее все время, и особенно с осени 1919 года, мы не выходили из крайне тяжелого финансового положения.

Трудно решить, какая система была бы лучше. Поправила ли бы дело неограниченная эмиссия или, наконец, вся совокупность военно-политической обстановки исключала возможность существования иной финансовой политики и более здорового рубля. Но результаты нашего трагического безденежья в политическом и военном отношении играли роль поистине роковую. Если еще в районах, пользовавшихся более продолжительное время миром, жизнь, вопреки всему, кое-как приспособлялась к таким условиям, то на территориях, вновь занимаемых армиями, она становилась невыносимой.

Вот что телеграфировал мне главноначальствующий Киевской области генерал Драгомиров через два месяца после занятия нашими войсками Киева:

«В Государственном банке ни копейки. Все военные заводы, предприятия сокращают производство. Самые неотложные работы по заготовке топлива для железных дорог прекращены из-за отсутствия денег и отказа рубщиков работать в кредит. Задолженность войск громадная. Не получая денег, продовольствия, войска переходят на незаконные реквизиции... Посланных мне 150 миллионов едва хватит на расплату со старой задолженностью.. Если не получу до среды денег и не будет выслана новая порция в 100—150 миллионов, буду вынужден объявить контрибуцию, что будет лучше, чем тот ужас, который мы переживаем от безденежья. Киев, 27 октября».

Конечно, киевский эпизод был явлением исключительным, но безденежье нас давило всегда и во всем. Что касается собственно *обесценения* рубля, то, сравнивая положение у нас с судьбой денежного обращения центральных держав, пораженных войной и революцией, и в особенности советской России, приходишь к заключению, что состояние нашего рубля было еще не наихудшим. Если даже после катастрофического отхода армий за Дон, в январе 1920 года, Новороссийская биржа определяла курс франка в 100—150 рублей, а на внутреннем рынке фунт хлеба стоил там 20 рублей, то, следовательно, инфляция далеко не достигла своих конечных пределов.

Струве высказывал взгляд, что «никакая реформа денежного обращения, взятая сама по себе, к оздоровлению русского рубля не приведет»; что «лучшая денежная политика — это политика экономическая, восстановление нашей промышленности».

Эти две области были тесно связаны между собой и с общим политическим положением, взаимно влияя и скользя друг друга, страдая общими недугами.

Лоскутность территории возродила порядки средневековья, отгородив таможенными заставами друг от друга все новообразования, и только Россия, в образе управляемых главным командованием земель, держала открытыми свои границы. Новообразования вводили строгий товарообмен,

устанавливали запретительные меры, регистрационные и иные сборы, стремясь развить свою самостоятельную промышленность и торговлю, нарушив совершенно слагавшиеся многими годами торговые и экономические отношения и естественный товарообмен. На этой почве возросли в больших размерах спекуляция, дороговизна и взяточничество. Бывали случаи, что проходившие через Екатеринодар в Новороссийск грузы должна была сопровождать воинская команда, чтобы «протолкнуть» их через кубанские заставы.

В течение целого года мы стремились к экономическому объединению Юга России и к снятию областных рогаток, но безуспешно. Еще 14 декабря 1918 года между представителями Добровольческой армии, Дона и Кубани был заключен договор о таможенном союзе, оставленный новообразованиями без исполнения. 27 апреля 1919 года заключено было новое соглашение, с присоединением к нему Терека, о создании общего совета для регулирования внешней торговли, но и оно не было одобрено Радой и Кругом. Ввиду особенной непримиримости кубанского правительства, осенью 1919 года управление торговли и промышленности вело отдельные переговоры с донским правительством и также безуспешно.

Между тем из местностей, находившихся под управлением главного командования, свободно уходила произведенная в них продукция без всякого товарного эквивалента. Установление нами ввозных пошлин теряло смысл из-за донских и кубанских «отдушин» — Ейска и Таганрога. Наше регулирование вывоза не достигало цели, так как Дон вывозил за границу не только свои товары, но и те запрещенные для экспорта, которые он получал на территории Добровольческой армии. Дон экспортировал антрацит в Константинополь, когда Одесса оставалась без воды и света; Кубань заключала договор с враждебной нам Грузией о поставке ей хлеба, когда рядом страдала от голода Черноморская губерния.

Чтобы побудить казачьи правительства к скорейшему упразднению рогаток, осенью было отдано распоряжение установить и у нас таможенные границы и поставить кордон в Керченском проливе. Эта мера, подчиняя экспорт новообразований ведению распределительных органов

Особого совещания и воспроизводившая только практику новообразований в течение целого года, вызвала большое возбуждение в казачьих правительствах и получила тенденциозное название «блокады Дона и Кубани». Круг и правительство Дона, однако же, пошли на объединение; южнорусская конференция 17 ноября решила немедленно снять все рогатки. Но Законодательная рада и кубанское правительство после страстных дебатов, после ожесточенных нападок на Особое совещание, вовлекавших в наш спор станицы и кубанские войсковые части, заявили, что «запрещение вывоза и ввоза (ввоз не ограничивался вовсе) заграничных товаров они считают покушением на экономическую самостоятельность Кубанского края». И не считают возможным участвовать в органе, регулирующем внешнюю торговлю, впредь до отмены всех запрещений. Изнурительная экономическая борьба с Кубанью продолжалась, и внутренние рогатки ее были сняты фактически... только с отступлением армий за реку Кубань.

Политика управления торговли и промышленности, возглавленного Лебедевым, в области внутренней торговли являлась вначале продолжением политики российских правительств в период мировой войны, ограничивая свободу торговли предметами, необходимыми для снабжения армии, в интересах борьбы. Точно так же ведомство продовольствия оставляло в силе хлебную монополию и твердые цены на хлеб. В начале августа 1919 года все эти ограничения были отменены и восстановлена свободная торговля хлебом и всеми продовольственными припасами. Для обеспечения армии установлена была государственная хлебная повинность — по 5 пудов с десятины. Операция обставлена была весьма неудачно: установленные цены ко дню ссыпок оказались низкими, а очередной денежный кризис понудил управление финансов ограничить выплату наличными деньгами только одной четверти поставленного населением хлеба, остальную часть — квитанциями.

Эта мера встречена была деревней весьма враждебно и послужила предлогом для агитации против Добровольческой армии.

Восстановление свободы торговли в значительной мере тормозилось крайним расстройством транспорта. В июне

на освобожденной территории было 4475 верст железнодорожных путей, в сентябре их стало 15 678 верст. Почти $\frac{1}{4}$ всей русской железнодорожной сети составляли дороги, разрушенные большевистским хозяйством и гражданской войной. Для поднятия транспорта нужно было время, и в тот срок, который давала стратегическая обстановка, ведомство путей сообщения справиться с этим не могло. Оттого, например, к августу на донских коях скопилось 90 миллионов пудов угля при наличии общего угольного голода в стране; в Батайском узле образовался затор во много сот цистерн, парализовавший большую добычу грозненской нефти, и т.д.

Экспортная политика ведомства торговли и промышленности покоилась на системе точного учета, регулирования и бронирования к частному экспорту целого ряда предметов сырья¹. Эта политика имела целью удовлетворить прежде всего снабжение армии и насущную потребность страны, предупредить выкачивание из нее необходимых предметов внутреннего потребления и избежать спекулятивного вывоза. Но в осуществлении этих идей мы, вероятно, переходили пределы необходимости, задерживая в стране те запасы, которые наш транспорт передвинуть не мог. К тому же ведомство стремилось, не ограничиваясь ролью регулирующего начала, брать на себя скупку, извлечение и экспорт забронированного сырья для создания государственного валютного фонда. Кроме обвинений в крупных злоупотреблениях, ничего более эта система не принесла. Только в конце ноября, после замены главы ведомства Лебедева инженером Фениным, экспорт разрешенных к вывозу предметов был передан частной торговле, с отчислением известной части вырученной валюты в казну.

Ввиду больших нареканий на управление торговли и промышленности и видя, что с делом мы не справляемся, я пригласил на совещание в августе в Ростов видных деятелей промышленности и торговли — экономистов и кооператоров, проживавших на Юге. Я обратился к присутствующим с просьбой помочь правительству разрешить важный вопрос

¹ Хлеб, шерсть, руда, железо, сода, поташ и другие.

восстановления промышленной жизни страны. Но, к удивлению своему, я услышал, что собрание в основных чертах разделяет политику ведомства, а панацеей для поднятия промышленности и обеспечения страны считает льготы, казенные субсидии и широкий государственный кредит предприятиям¹. Эти положения повторил съезд торгово-промышленников, собравшийся позднее в Ростове, выразив уверенность, что «управление финансов приложит все зависящие от него усилия, чтобы все свободные средства были направлены на финансирование промышленности и торговли».

Что касается кооперации, эта форма хозяйственной организации не была надлежаще использована ни для совета, ни для дела. Нужно, однако, заметить, что некоторое предубеждение, сложившееся в Особом совещании против кооперации, имело известное основание: кооперативы все более удалялись от прямого своего назначения — хозяйственного обслуживания населения; деятельность многих из них носила все более спекулятивный характер, и в то же время захваченные социалистическими партиями кооперативы, обладая крупными средствами, становились нередко сильными аппаратами их пропаганды. Что же касается украинских организаций, которые под именем «спилжок», «споживчих товариств» и других группировались вокруг центральных органов — «Днипрсоюз» и «Украинбанка», — они являлись почти повсеместно очагами самостоятельной и петлюровской агитации.

Это заигрывание политики над экономикой отмечено было трезвыми голосами самих кооператоров на съезде в Харькове (в октябре) акционеров Московского народного банка. Но, во всяком случае, кооперативы в основу своей деятельности клали частную инициативу и труд в большей степени, нежели государственные кредиты.

Как бы то ни было, ни внутренний, ни заграничный рынки не дали сколько-нибудь достаточных средств для фронта, для борьбы, для создания надлежащего настроения в занимаемых областях.

Все наше финансово-экономическое положение, таким образом, было безотраднo — отчасти по вине людей, а еще

¹ Голоса кооператоров я или не слышал, или не помню.

более из-за стихийных условий жизни. Значило ли это, что успех борьбы безнадежен? Отнюдь: по ту сторону фронта было неизмеримо хуже и тягостнее.

...

В условиях меньшего общественного внимания, хотя столь же трудных духовно и материально, протекала деятельность тех ведомств, которые или мало, или вовсе не вовлекались в политическую и социальную борьбу.

Управление юстиции во главе с Челищевым бережно собирало и восстанавливало судебные учреждения. Личный состав их так же, как и в военном ведомстве, подвергся проверке в отношении его участия в деятельности большевистских органов — не столько в невольном сотрудничестве, сколько в приятии большевистской идеологии и практики. Обследование, проведенное без нарушения принципа несменяемости судей, не возбудило такого озлобления, как это было в военной среде, и дало в общем весьма благоприятные результаты в отношении нравственной физиономии служителей русского суда.

Благодаря более развитому чувству государственности в правительствах Дона и Терека явилась возможность осуществить на освобожденной территории единство высшей кассационной власти и надзора за правительственным аппаратом в лице «Донского» сената, преобразованного в «Правительствующий»; точно так же Новочеркасской судебной палате были подчинены Ставропольский, Владикавказский и вновь образованный Черноморский окружные суды. Только кубанское правительство и в этом вопросе соблюло самостоятельные начала, воспротивившись объединению, делая попытки создать все элементы суда в пределах области и, вследствие оппозиции этому чинов судебного ведомства, оставив край до самого своего падения бессудным.

Ведомство юстиции восстанавливало закон, внося только необходимые поправки в нормы процессуального и материального права, вызванные исключительной обстановкой. Не избежало оно все же вторжения политики в вопрос большой важности: «Об уголовной ответственности участников установления советской власти и лиц, содействовавших ее распространению и упрочению». В конце июля со-

стоялось постановление Особого совещания о введении указанного закона. Закон предусматривал смертную казнь для лиц, «виновных в подготовке захвата государственной власти Советом народных комиссаров», — участников и пособников; прочих «виновных в содействии и благоприятствовании советской власти» закон карал в зависимости от меры вины в пределах от каторжных работ до штрафа в 300 рублей; лица, виновные в преступлении *«вследствие несчастно сложившихся обстоятельств, опасения возможного принуждения или иной достойной уважения причины»*, освобождались от ответственности вовсе.

Закон по духу выражал суровое осуждение коммунизму и коммунистам как разрушителям русского государства. В отношении их он был беспощаден. Что касается массы населения, так или иначе попадавшей в круговорот вольного или невольного сотрудничества с большевиками, закон давал возможность широкой и безболезненной ликвидации вопроса, ибо почти всю некоммунистическую часть населения, почти весь миллионный кадр «спецов» можно было подвести под третью категорию. И хотя практика судебно-следственных комиссий, руководствовавшихся ранее измененной 108-й статьей Уложения, и потом нормальных судебных учреждений была весьма гуманна (во всяком случае, гуманнее общественного настроения), сам факт выхода этого закона считается многими, в особенности теперь, большой политической ошибкой. Один из тогдашних законодателей, вспоминая прошлое, пришел к убеждению, что таким путем «был упрочен стан красных: люди, которые играли в поддавки и сочувствовали саботажу, начали вести игру серьезную, ибо в игре — они стали так думать — была их голова»... Несомненно, редакция закона неправильна и давала пищу для кривотолков; впечатление он должен был произвести неблагоприятное. Мне кажется только, что это настроение невольных сотрудников советской власти несколько сгущено: сомнительно, чтобы люди, привыкшие к юрисдикции «народных судов» и застенка «чрезвычайки», страшились очень нормального русского суда. Особенно если принять во внимание, что июльский закон был опубликован во всеобщее сведение только в конце октября, ког-

да наше наступление кончилось, и он не мог уже получить широкого распространения.

Деятельность лиц судебного ведомства проходила в обстановке исключительно трудной, не давшей возможности оказать надлежащее влияние на изнанку жизни, на оздоровление тыла. Во всяком случае, в то время, когда мораль считалась предрассудком и преступление явлением заурядным; когда преступники стали почти неуловимы из-за разрушения органов розыскных и полицейских, из-за страха, сковывавшего уста свидетелей, из-за непроезжих дорог в силу бандитизма и повстанчества; когда вся страна стала территорией гражданской войны, с ее извращениями закона и права; в обстановке нищеты и лишений — деятельность судебного ведомства тем не менее стояла на должной высоте.

Ведомство народного просвещения под управлением Малинина и под руководством профессора Новгородцева, не ломая основ и уклада и не прокладывая новых путей, работало упорно над восстановлением русской школы и улучшением положения учителя. В то бурное время оно почти не привлекало к себе общественного внимания. Только однажды выступление управления по украинскому вопросу, о чем будет изложено позже, вызвало большие дебаты и приобрело большое политическое значение.

В стороне от других ведомств стояло одно — по существу бескровно-мирное, но призванное играть огромную роль как средство борьбы: *отдел пропаганды*.

В сентябре 1918 года генерал Алексеев учредил «Осведомительное отделение» при председателе Особого совещания, поставив во главе его Чахотина¹. Задачи, поставленные отделению, заключались «в осведомлении командования о политическом положении, осведомлении населения о работах и задачах Добровольческой армии и пропаганде ее идей». Первоначально отделение состояло из двух бюро — печати и информационного. Сведения добывались весьма примитивно — «путем опроса лиц, учреждений и приезжих из разных мест, привлекаемых в бюро особыми плакатами». С первых

¹ Впоследствии стал сменовеховцем.

же шагов учреждение, разраставшееся неимоверно в своем составе, приняло несерьезный характер, обратившись вскоре в убежище для безработной интеллигенции и вместе с тем в новый орган контрразведки — только мелкой, чисто обывательского масштаба. Во «внутренней информации» можно было, например, прочесть о том, что «лицо, не пожелавшее назвать себя, сообщило фамилии следующих лиц, ведущих большевистскую агитацию в станице Смоленской (следует перечень)». В «информации внешней» встречались довольно любопытные сведения о ходе мирных переговоров (осенью 1918 года):

«Лансинг передал ответ Вильсона на ноту Германии... что для ведения переговоров необходимо: 1) гарантия превосходства союзных войск на фронте, 2) прекращение Германией своих действий на суше и на море, которые названы «бесчеловечными», и 3) сокращение до бессилия той власти, которая нарушила общий мир и управляет Германией».

Что же касается агитации, то устная была в то время до крайности элементарна, а графическая ограничивалась почти одним распространением листовок, которые не раз вызывали к себе вместо сочувственного отношения насмешливое.

К началу 1919 года чахотинское учреждение успело проявить свою несостоятельность в полной мере, и Особое совещание постановило учредить новый *отдел пропаганды*, отпустив на него весьма крупные средства, чтобы с первых же шагов поставить широко это важное дело. Главная задача, возлагавшаяся на отдел, состояла в распространении по всей территории России и за границей правдивых сведений как о большевизме, так и о борьбе, которая велась против него на Юге.

Пост управляющего отделом был предложен Н. Е. Парамонову — кадету, донскому деятелю, который соединял в себе опыт политической и издательской работы. После больших дебатов внутри Совещания и переписки с Донским атаманом центр деятельности пропаганды был перенесен в Ростов, как пункт, допускающий мощное техническое оборудование отдела.

С первых же шагов деятельности нового главы пропаганды начались его трения с Екатеринодаром, главным образом из-за его желаний «повернуть руль влево».

«Мне левизна особенно необходима, — писал он, — и я очень огорчен, что у меня туго подвигается набор видных сотрудников, стоящих теоретически в рядах социалистических партий, но по своему настроению и по кредиту в широких демократических кругах могущих принести нам большую пользу. Окружение себя сотрудниками из кадетов и правого крыла будет коренной ошибкой. Привлечение видных более левых элементов — необходимое условие успеха».

Можно было говорить о необходимости «полевения» *политического курса*, но самодовлеющее «полевение» *пропаганды* внесло бы еще большее расхождение между словом и делом и запутало бы окончательно и без того необыкновенно сложные политические взаимоотношения, существовавшие на Юге.

После ряда трений, осложненных раздельным существованием отдела пропаганды и центра управления (Ростов и Екатеринодар), которое препятствовало личному общению и взаимному пониманию, Парамонов оставил свой пост. Управление его продолжалось всего месяц, причем большую часть времени Парамонов вынужден был уделять заседавшему тогда Донскому кругу, в составе которого он играл видную роль в качестве лидера оппозиции. И новый управляющий отделом К. Н. Соколов принял по существу наследие Чахотина.

Первые же впечатления Соколова от знакомства с «Освагом» были удручающие. Настолько, что возникал даже вопрос — не лучше ли разрушить вовсе старое здание и построить новое. Соколову даны были большие средства и полномочия для реорганизации учреждения.

Отдел пропаганды тем не менее не поднялся.

Я не могу не признать, что и техника, и внутренняя ценность работы много выросли по сравнению с первыми опытами Чахотина; что деятельность нашей пропаганды, в особенности осведомительная, своими тщательно обоснованными обзорами оказывала помощь правительству; что в рядах ведомства было немало лиц с установившейся

высокой литературной репутацией и честным политическим стажем; что, наконец, не один десяток смелых сотрудников пропаганды пал на своем посту от руки большевиков. Но в конечном результате работа отдела пропаганды принесла больше вреда, чем помощи, прежде всего из-за самого факта всеобщего отрицательного отношения к нему и недоверия ко всему, что носило печать «Освага».

Я остановлюсь только на важнейших органических причинах неуспеха этого учреждения.

Прежде всего, проповедуя единство России, оно нашло жесточайших врагов в стане национального и областного сепаратизма и среди всех принципиальных противников правительства. Оно встречало противодействие и осуждение не только в аналогичных учреждениях новообразований, но и в наших крупных штабах и учреждениях, желавших эмансипироваться от отдела пропаганды и вести свою агитацию, свое осведомление. Та официальная идеология, с которой шли за армией органы пропаганды, вступала иногда в большое противоречие с заявлениями войсковых начальников, вызывая разброд в определениях целей борьбы и недоверие у населения. Практика некоторых войсковых частей, проходивших с карами и мстью, не вязалась с проповедью порядка и мира. Эти объективные причины, не зависевшие от отдела пропаганды, далеко, однако, не исчерпывали вопрос.

Личный состав отдела часто не удовлетворял минимальным условиям технической подготовки и полезности работы. Необходимость быстрого развития сети учреждений пропаганды, недостаток людей, часто полная невозможность для руководителей дела ознакомиться с политическим и моральным багажом привлекаемых работников — все это приводило к тому, что на общем поле деятельности встречались элементы совершенно разнородные: почитаемый писатель, честный журналист, серьезный ученый и наряду с ними — продавец пера и мысли, будирующий против власти социалист-полубольшевик, крайний правый, неблагополучный по связям с Распутиным, наконец шарлатан — «йог» и «провидец», начинавший ткать новую паутину вокруг членов династии... Остов действующих лиц пропаганды обрастал невероятным количеством вторых

персонажей из числа не находивших другого применения своему труду представителей интеллигенции и бюрократий, бронированных от военной службы молодых людей, дам и девиц, придававших сумбурный характер всему учреждению. Усилия мои расчистить его встречали упорное сопротивление: штатные должности упразднялись, но вырастали нештатные — «секретных сотрудников».

Общая линия правительственной политики если и выдерживалась внешне этим пестрым конгломератом работников пропаганды, то во всех интимных, трудно поддающихся оценке и контролю действиях и их отношениях не раз произвольно нарушалась и искажалась. Оттого действительность подносила такие, например, сюрпризы: в одном из важнейших узлов начальник агитационного отдела рекомендует своим подчиненным «проповедовать директорию», так как он «против диктатуры шавнокомандующего»... Из другого по освобожденным только что крупным городам Малороссии командирится для агитации адвокат Зарудный¹, который, к удивлению слушателей, ведет пропаганду в пользу Керенского, возбуждавшего тогда общественное мнение Европы против белых армий и вождей, и почти в оправдание большевизма. С другой стороны, один из секретных отделов центрального ведомства пропаганды поддерживал тесную связь и субсидировал негласными суммами «Союз русских национальных общин»² — правую организацию, враждебную политике командования.

Это был не сплоченный общностью взглядов и идеологии орган, а «парламент мнений», недостаточно связанный внутренней дисциплиной и сознанием нравственной ответственности.

К «Освагу» в обществе привыкли относиться с легким пренебрежением еще со времен Чахотина. «Осваг» не любили и потому не хотели замечать и некоторых положительных сто-

¹ Бывший министр юстиции Временного правительства, ныне советский служащий.

² На средства союза издавался в сентябре 1919 года в Ростове еженедельный погромный листок «В Москву», закрытый вскоре донским правительством.

рон его деятельности; не прощали ему и промахов, всегда возможных в нервной обстановке гражданской войны, в особенности когда эти промахи носили комический оттенок. И то, чего не могли сделать справедливое возмущение или, наоборот, злоба и зависть, то довершила *насмешка* — это отточенное и ядовитое оружие общественного мнения.

Насмешка доконала «Осваг».

Я очертил вкратце правительственную деятельность, касаясь главным образом важнейших сторон ее, преимущественно тех, которые имели прямое и непосредственное влияние на течение и исход борьбы. В этой сжатой схеме поневоле опущены положительные стороны, существенные детали тяжелой большой и полезной работы правительства и подчиненных органов в обстановке исключительно тяжелой морально и полной физических лишений. Власть тогда была не целью, не удовлетворением, а подвигом.

И этот подвиг очень многие несли, по крайнему своему разумению, честно и бескорыстно.

Пронесшаяся над русской землей буря, задевшая все основы человеческой жизни, не прошла бесследно и для православной церкви. Церковная жизнь настоятельно требовала устроения. И перед властью стали некоторые осложнения в политическом (автокефалия украинской церкви) и бытовом отношении, выходявшие далеко за пределы самой церковной жизни и неразрешимые без нарушения канонов. По инициативе протопресвитера Шавельского я обратился в начале марта к православным иерархам, прося их созвать совещание, с целью разрешить вопрос о высшем церковном управлении. После долгих трений и колебаний 20 мая в Ставрополе состоялся наконец Поместный собор из епископов, выборного духовенства и мирян, который учредил «Временное высшее церковное управление»¹, принявшее на себя высшую церковную власть на Юго-Востоке России «до установления правильных сношений со Святейшим Патриархом».

¹ Из 7 членов, под председательством архиепископа Донского — Митрофана.

Вместе с тем в Особом совещании учреждено было управление исповеданий, во главе которого стал князь Г. Трубецкой; и в сентябре опубликована была декларация о взаимоотношениях церкви и государства.

«В твердом убеждении, что возрождение России не может совершиться без благословения Божия и что в деле этом православной церкви принадлежит первенствующее положение, подобающее ей в полном соответствии с исконными заветами истории, признаю необходимым установить нижеследующее:

В согласии с новыми началами, на которых создается государственная жизнь России, и в соответствии с постановлениями Всероссийского поместного собора, православная церковь свободна и независима в делах своего внутреннего распорядка и самоуправления.

Впредь до выработки особых по сему предмету законоположений, учрежденному ныне временному управлению исповеданий надлежит иметь наблюдение за соответствием постановлений власти православной церкви в делах, касающихся с областью государственных и гражданских правоотношений, с существующими общими государственными узаконениями. Через его посредство осуществляется поддержка, оказываемая государственной властью церкви в ее материальных и иных нуждах.

В своих отношениях к инославным и иноверным исповеданиям временное управление исповеданий должно руководствоваться началами свободы совести и веротерпимости, предоставляя каждому признанному в государстве исповеданию, в полном соответствии с общими государственными началами, свободу самоуправления в делах внутреннего, чисто религиозного характера, не соприкасающихся с областью государственных и гражданских правоотношений. В борьбе с общим врагом, разрушающим начала государственности, все эти исповедания призываются содействовать среди своих последователей общей задаче оздоровления и воссоединения России».

Собор обратился с бодрящим словом к народу, вождям и армии и с увещанием к красноармейцам.

Но и в этот вопрос не преминула вмешаться политика: крайние правые группы пытались придать этому начинанию специфический политический оттенок. После неудачи, постигшей Пуришкевича и Востокова, которых не допустили выступить на Соборе с весьма боевым «сыновним обращением», эти группы охладели к Собору и к Высшему церковному управлению, огульно заподозрив его в «кадетизме». Что касается левых партий, они отнеслись также с большой подозрительностью к «поповской мобилизации» и к «втягиванию духовенства в политическую жизнь». Обвинения эти были неосновательны. Духовенство вовлекалось иногда в политику, но не властью, а своим участием в политических организациях. Церковное управление не раз предупреждало проповедников «от скользких путей политической пропаганды», не разумея под этим, конечно, выступлений против гонителей веры и церкви — большевиков.

Присутствуя при открытии Собора, в своей речи я высказал и свой взгляд на задачи его и духовенства.

«В эти страшные дни одновременно с напором большевизма, разрушающим государственность и культуру, идет планомерная борьба извне и изнутри против Христовой церкви:

Храм осквернен. Рушатся устои веры. Расстроена жизнь церковная. Погасли светильники у пастырей, и во тьме бродит русская душа, опустошенная, оплеванная, охваченная смертельной тоской или тупым равнодушием.

Церковь в плену. Раньше у «приказных», теперь у большевиков.

И тихий голос ее тонет в дикой свистопляске вокруг ел живого тела нашей Родины.

Необходима борьба.

И я от души приветствую Поместный собор Юга России, поднимающий духовный меч против врагов Родины и церкви...

Работа большая и сложная.

Устроение церковного управления и православного прихода. Борьба с безверием, унынием и беспримерным нравственным падением, какого, кажется, еще не было в истории русского народа... Борьба с растлителями русской

души — смелым пламенным словом, мудрым деянием и живым примером... Укрепление любви к Родине и к ее святыням у тех, кто в кровавых боях творит свой жертвенный подвиг».

К сожалению, невзирая на усилия многих достойных пастырей, церковная проповедь оказывала мало влияния на массы: сеятели были неискусны или нива чрезмерно густо заросла плевелами...

ГЛАВА XXV

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ЮГА. ПАРИЖСКОЕ ВОЕННОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО. «РУССКИЙ ВОПРОС»

В конце октября в Екатеринодар прибыл бывший российский министр иностранных дел Сазонов и занял пост начальника управления иностранных дел в Особом совещании. Назначение его принято было общественным мнением сочувственно. Самостийные круги хотя и будировали несколько, но признавали авторитет Сазонова. Не протестовали и умеренно левые, а «Утро Юга» приветствовало даже назначение Сазонова — под тем, однако, условием, чтобы он опирался на «всероссийскую демократическую власть».

Вопрос замещения этой должности имел большое значение для Юга ввиду общего стремления к объединению российского представительства на предстоящей Мирной конференции. Мы жили иллюзиями, что голос наш будет там услышан...

Отражением взглядов южной российской общественности на характер и задачи этого представительства является «Памятная записка», поданная правительствам держав Согласия через екатеринодарских их представителей¹. Главнейшие положения записки заключались в следующем:

¹ Записку подписали: Астров, Винавер, Милюков, Степанов и Шульгин.

«1. Советское правительство не только не имеет права представлять Россию... но само существование этой банды убийц и разбойников... не должно быть терпимо.

2. Россия просит союзников поспешно прийти ей на помощь... Мы надеемся, что в этой войне за гуманность и справедливость будут совместно действовать союзные и местные (русские) войска.

3. Эфемерные государственные образования... приобретшие мнимую независимость... не могут принимать участия в процессе освобождения и объединения России, пока они не откажутся от своих притязаний на отдельное существование. Они не должны претендовать на отдельное национальное представительство.

Необходимо осторожно относиться к притязаниям отложившихся областей, вроде Украины, Дона, Литвы, Прибалтийских губерний, Кавказских республик и даже Финляндии, независимость которой не была признана Временным правительством... Будучи представлены отдельно, они усилили бы только элементы разложения и слабости.

4. Настоящая Россия может быть представлена только единой делегацией, объединяющей все элементы, оставшиеся здоровыми среди разрушения.

Есть два центра объединения ее сил — на северо-востоке и юго-востоке России».

Преимущество записка отдавала второму — в силу близости к проливам, экономических условий Юга, существования там Добровольческой армии и притока «опытных и солидных государственных людей... которые начинают уже образовывать составные части будущего правительства, способного сложиться в будущем путем добровольного соединения с другими действующими центрами...»

5. Не ожидая конца этого слияния, «наши бывшие послы... могли бы представлять Россию и ее интересы... Несколько других, лучше осведомленных о недавних событиях, присоединятся к ним в качестве представителей тех центров объединения, о которых упомянуто выше».

Таким образом, в вопросах внешнего представительства сходилась довольно широкий фронт правой и либеральной общественности, не было в этом отношении и серьезного расхождения с умеренно-левыми; наконец, и правительство Юга разделяло эти взгляды.

С целью разработки вопросов, связанных с предстоящей конференцией, в ноябре учрежден был при управлении иностранных дел «Совет по делам внешней политики» под председательством Сазонова. В Совете должны были принять участие А. А. Нератов, М. М. Винавер, П. И. Новгородцев, Г. Н. Трубецкой и Г. А. Казаков. Предложено было включить в состав его по одному представителю от Дона и Кубани, но обе «державы» уклонились, причем бывший в то время атаман генерал Краснов, отнесясь вообще отрицательно к предложению, требовал «паритета» для Дона и Кубани: «Если бы я мог согласиться на то, чтобы на шесть представителей Добровольческой армии явился один представитель Донского Войска, то донские казаки (?) с этим никогда не согласятся...»¹ Времени для споров не было, и я поручил представительство Юга в Париже единолично Сазонову. По сообщении этого решения новообразованиям к нему присоединились Крым и Дон, причем атаман настаивал лишь на включении в состав парижской делегации в качестве советников назначенных им лиц, что не встретило препятствий.

С Кубанью вышло сложнее. На основании постановления Рады правительство Быча накануне своего ухода в отставку избрало заграничную делегацию «для широкой информации и защиты интересов края». В состав ее вошли сам Быч, Савицкий, Намитоков — все члены «черноморской группы». Эта делегация пожелала взять на себя и представительство на Мирной конференции, независимо от правительства. В результате препирательств и компромисса была послана в Париж одна делегация — «правительственная», но в состав ее были включены Быч и его спутники и добавлены еще два члена: доктор Долгополов (от правительства) и Д. Филимонов (от атамана). И хотя в наказе, данном делегации, было указано, что она посылается «для содействия общему представителю го-

¹ Письмо к генералу Драгомирову от 30 ноября, № 060.

сударства Российского С. Д. Сазонову», но предварительные прения о наказе выяснили полную непримиримость Бьгча и его единомышленников с такою точкой зрения¹.

В середине декабря Сазонов уехал в Париж, снабженный наказом, выработанным в Особом совещании и утвержденным мною. Этот наказ касался исключительно внешнего положения русского государства и основной задачей признавал восстановление *status quo ante bellum* в отношении русских владений, за исключением земель, имеющих отойти к независимой Польше.

Внешне обстановка складывалась как будто благоприятно. В начале января 1919 года адмирал Колчак назначил Сазонова министром иностранных дел омского правительства, и таким образом в его лице объединено было представительство Юга и Востока. Но, приехав в Париж, Сазонов застал там уже существующее представительство, говорящее от имени России, не признанное в этом качестве союзниками и, в частности, французским правительством, но персонально находившееся с ним в некоторых сношениях. Это было так называемое «Русское политическое совещание в Париже», во главе с князем Львовым².

¹ В наказе были, между прочим, такие пункты:

«3. Если, однако, вопрос о государственном устройстве России будет поставлен на международной конференции, то делегация должна настаивать на установлении в государстве Российском федеративной республики свободных народов и земель, с признанием за Кубанским краем прав отдельного штата.

4. ...Если бы дело воссоздания России и борьбы с большевизмом было признано задачей, не допускающей международного вмешательства, то ввиду своеобразия культуры и социального уклада Кубанского края настаивать на установлении действительных международных гарантий против нападения и распространения на Кубанский край советской власти».

² В составе его к началу 1910 года были: Маклаков (посол во Франции), Гирс (посол в Италии), Бахметьев (посол в Америке), Извольский (бывший министр иностранных дел), Чайковский (председатель архангельского правительства), Савинков, Коновалов, Иванов (эсер), Титов («Союз возрождения»).

Приезд Сазонова был встречен весьма несочувственно: в парижских пробольшевистских газетах под влиянием русских левых кругов появились статьи по адресу «недобитого царского министра» и «нежеланного гостя». Клемансо уклонился от приема Сазонова; члены Политического совещания стали настойчиво убеждать его, что имя его одиозно для французской демократии, что изолированное выступление его невозможно, так как с ним никто из правящих кругов разговаривать не станет.. И Сазонов уступил без борьбы, войдя рядовым членом в состав Политического совещания, о чем я узнал много позднее.

В первых числах января состоялся обмен телеграммами Сазонова и Маклакова с Омском, в результате которого адмирал Колчак писал мне: «Согласно этим телеграммам, я от себя и от имени правительства, образовавшегося на территории Сибири и Урала, уполномочил представительство России (на Мирной конференции) в составе князя Львова, Сазонова, Маклакова и Чайковского. Полагаю, что Вы не разойдетесь со мной в этом важном вопросе»¹. Я не противоречил.

В состав Политического совещания должно было войти также по одному представителю Дона и Кубани. Но когда после долгих блужданий появилась наконец в Париже делегация Быча, на соединенном заседании донской и кубанской делегаций было решено не входить в состав Совещания по следующим мотивам: «Вступление в состав Совещания связало бы делегации в их выступлениях и переговорах с союзниками или с другими государственными образованиями; с другой стороны, не дало бы практически полезных результатов, ибо, по собранным сведениям, к Совещанию со стороны демократических сфер установилось отрицательное отношение, а в сферах правительственных к голосу Совещания совершенно не прислушиваются». Донцы вскоре вернулись на Дон, из состава кубанской делегации вышел, подав протест против ее решения, Долгополов, а Быч со своими тремя товарищами² остался надолго в Париже, примк-

¹ Письмо от 11 января 1919 года, полученное мною в марте или в начале апреля.

² Двое — Калабухов и Д. Филимонов — вернулись также осенью.

нув к наиболее непримиримым и враждебным России самостоятельным организациям. В первом же своем «меморандуме» державам Согласия делегация Быча заявила, что «наилучшей для себя помощью кубанцы считали бы прекращение гражданской войны, но это невозможно, ибо советская власть добровольно не откажется от притязаний на Кубанский край» и что «кубанцы ведут войну исключительно оборонительную». Делегация просила «всякой амуниции для своей армии», а «прежде всего, главное всего — моральной поддержки в борьбе с большевизмом как слева, так и справа (черносотенством)».

Совещание имело совершенно неопределенные функции. Выделенные из состава его четыре члена (князь Львов, Маклаков, Сазонов и Чайковский) только и имели по существу право представительства сибирского и екатеринодарского правительств. Обращения к союзным державам и Мирной конференции подписывали иногда Сазонов и Чайковский от имени трех объединенных правительств, иногда все четыре лица — от имени Совещания. В непосредственном ведении его находились «Экономическое совещание» (Рафалович), бюро прессы (Саблин), канцелярия и посольство:

В подведомственные отношения и в финансовую зависимость от Политического совещания стали также учреждения генерала Щербанева, который взял на себя представительство, кроме армий Юга, еще и Восточной и Западной (Юденича). Кроме штаба, его организация состояла из отдела заготовок и снабжения (генерал Гермоиус), отдела, ведавшего личным составом русских военнопленных и бывших во Франции русских бригад (адмирал Погуляев), и военно-исторического и статистического комитета (генерал Палицын). Содержание этих учреждений стоило Совещанию 125 тысяч франков ежемесячно, деятельность же по многим причинам была весьма ограничена. Для Юга, по крайней мере, мало ощутима. Главная задача, которую поставил себе генерал Щербачев, — формирование армий в Чехии и Сербии из контингентов русских военнопленных и местных добровольцев — из-за общих политических условий, психологического

состояния наших военнопленных и отсутствия средств¹ не имела никаких результатов.

Политическое совещание представляло далеко не однородное целое. Об общем характере его один из видных участников Совещания говорит:

«В той работе, которая совершается здесь в Париже русским центром, нужно различать две стороны: 1) отстаивание единства, целостности и суверенитета России, которые должны быть дороги всем русским, независимо от их политического направления, и 2) тенденцию при помощи сильных внешних покровителей, союзников, спасти русскую «демократию» и русскую «революцию». Так как союзники требуют от нас «демократизма», а некоторые русские элементы здесь и все инородцы только и делают, что доносят союзникам на «антидемократизм» русского национального движения, и в частности Парижского политического совещания, то мы все, каковы бы ни были наши политические убеждения, вынуждены считаться с этой атмосферой. Но для одних это внешняя неотвратимая обстановка, в которую в силу исторического несчастья вдвинуто дело восстановления России, для других — желанная поддержка их собственных «левых» аспираций, которые, как это они не могут не чувствовать, потерпели позорное фиаско».

Практически это столкновение взглядов давало такую картину работы (март 1919 года):

«Три четверти времени уходит на бесполезную грызню между собой, заподозривание друг друга в злых замыслах. Если это продлится еще некоторое время и выйдет наружу, то мы совершенно погубим себя. И мы это здесь понимаем, и в последнюю минуту самые, казалось бы, непримиримые останавливаются. Так, здесь назревал и чуть не разразился

¹ Генерал Щербачев совместно с экономическим совещанием Рафаловича исчислили и представили французскому министерству финансов смету в 69½ миллионов франков в месяц на финансирование этих предприятий.

большой конфликт между Сазоновым и представителями общественного мнения, которые находили, что он слишком отстал и недостаточно считается с духом времени. Всем стало ясно, что если нечто подобное разразится, если ссора между русскими в момент Мирного конгресса выйдет наружу, то всякое уважение к нам пропадет, и, может быть, надолго».

Впрочем, решения, — говорит участник, — вырабатывались почти всегда «единодушные, то есть... компромиссные».

Париж и Западная Европа жили главным образом теми готовыми умозаключениями, которые им подсказывала русская эмиграция, и прежде всего ее политический центр — Париж. По словам князя Львова¹, общественное мнение союзных держав «оценивало наши правительства в такой постепенности по демократизму»:

«Первым стоит архангельское. Оно не возбуждает сомнений в реакционности, главным образом благодаря Чайковскому и потому, что оно не сильно и не так существенно.

Затем омское, которое после переворота Колчака вызвало бурю негодования, но когда выяснилась позиция Колчака, опирающегося на демократически-радикальные слои, все-таки с ним мирятся. Здесь нам в этом деле удалось рассеять сомнения.

Что же касается южного, то оно прямо считается реакционным. В доказательство приводится все что угодно: приглашение всех старого режима министров (?), наличие множества генералов, представительство Сазонова, отсутствие в составе правительства социал-демократов, отношение к Донскому кругу и Краснову, коего, как антитезу Добровольческой армии, выставляют как истинно-демократическое начало, и, наконец, само офицерство, которое кутит и поет «Боже, царя храни».

Союзники терялись в тех противоречивых до крайности мнениях, которые исходили от русской эмиграции. Среди той взаимной ненависти, непонимания, наветов и обли-

¹ Письмо его ко мне от 20 февраля 1919 года.

чений друг друга в самых тяжелых, не только политических, но и уголовных преступлениях...

Париж стал сборищем политических деятелей всех рангов и направлений, в том числе людей особого типа — коммивояжеров от политики, обивавших все пороги со своими жалобами и проектами, со своим вздутым ослепленным самомнением, своим «я», доминировавшим над интересами борьбы и Родины¹.

Революционная демократия в огромном большинстве вложила меч в ножны и ополчилась против реакции, которая «идет на штыках колчаковских и деникинских армий»². К ним присоединились всецело представители многочисленных лимитрофов — непримиримые и озлобленные. Весь этот лагерь вел сильнейшую борьбу «против Колчака и Деникина», имея особенный успех среди социалистов Запада. Если бы все же эта реакция могла быть донесена до Кремля, насколько свободнее вздохнул бы тогда русский народ!

В кругах, близких к Политическому совещанию, признавалась всецело идея «борьбы до конца». Но отношение их к борющимся силам было неодинаково. В нем обозначилось течение, ослаблявшее не раз позицию Юга и отозвавшееся, несомненно, на настроениях французов, косвенно на событиях в Одессе и Крыму: «за Колчака, против Деникина». К нему примкнули, по-видимому, и оба наших представителя — Сазонов и генерал Щербачев. Казалось в высшей степени странным это привнесение со стороны элемента борьбы и соперничества в отношения двух людей; отличавшихся глубокой искренностью, единомыслием и стремлением к единению.

Думаю, что немалую роль в этом вопросе сыграли два обстоятельства: с одной стороны, непризнание Екатеринодаром руководящей роли за Политическим совещанием, с другой — большие стратегические успехи восточных армий в начале 1919 года, в то время как армия Добровольческая, покончив с Северным Кавказом, только еще по-

¹ См. книжки Маргулиеса, Марголина, Кирдецова и других.

² Керенский, Минор, Зензинов, Аргунов и другие обратились даже с «манифестом» к демократическим правительствам Запада, приглашая их не оказывать поддержки адмиралу Колчаку и мне.

ворачивала с тяжелыми боями на север. Во всяком случае, летом, с выходом Вооруженных сил Юга России на московские пути, изменится и отношение Совещания, хотя общее направление политики южного правительства не претерпит изменения.

Вообще, во внешних и внутренних взаимоотношениях главную роль играл успех.

Опираясь на представительство таких реальных сил, как Восток и Юг России, Совещание получало известный вес в общественном мнении, но само оно к силам этим относилось с некоторым высокомерием, как к правительствам «провинциального масштаба». Считая себя органом всероссийского значения, Совещание заняло самодовлеющее положение и в отношении иностранцев, и в отношении представляемых им сил, стараясь руководить действиями последних. Не знаю, как отнеслось к этому омское правительство, но южное отнеслось отрицательно. Между прочим, в самый разгар нашей борьбы с кубанскими самостийниками, в начале апреля, князь Львов от имени Совещания прислал мне телеграмму с резким осуждением деятельности южного правительства:

«Совещание считает необходимым, учитывая критическое положение, создавшееся для дела спасения России, сообщить, что в союзных странах, как и вообще в Европе, демократические течения чрезвычайно усилились; не считаться с ними ни одно правительство не может... Те сведения, которые поступают с Юга от официальных представителей местных правительств, от общественных деятелей самой различной политической окраски, от агентов союзников о взаимоотношениях между местными правительствами и Добровольческой армией, усиливают позицию тех, кто защищает здесь большевиков, и ослабляют тех, кто может и хочет оказать нам помощь. Совещание бессильно чего-либо здесь добиться, если на местах не будут учитывать указанной обстановки... Всякий слух о раздорах военных властей с местными правительствами и выборными правительственными организациями, внесение политических соображений в военное дело, а тем более обнаружение реакционных симпатий, стремления к политической реставрации, отобранию земель от крестьян-

ян, хотя бы со стороны отдельных лиц, близких к Добровольческой армии, — все это убивает сочувствие и доверие к национальному движению... Недостаточно только избегать подобных ошибок; надо установить явно дружелюбные отношения к краевым правительствам, иметь в составе правительства популярные имена, восстановить и поддержать широкий политический фронт и сделать так, чтобы большевики были изолированы в своей борьбе со всей Россией».

О содержании этой телеграммы одновременно с нами была поставлена в известность Парижем и Кубанская законодательная рада, поместившая ее на страницах газет самостоятельного направления. Это обстоятельство заставило меня предать гласности и мой ответ.

Париж. Министру Сазонову.

«По поводу телеграммы № 669 Маклакова передайте князю Львову, что я интересуюсь политической обстановкой и отношениями к России, установившимися в Париже. Вместе с тем признаю совершенно бесполезным намерение руководить действиями екатеринодарского правительства со стороны лиц, оторванных от России, не знающих и не понимающих вовсе той обстановки, в которой совершается в ней трудное дело государственного строительства.

Деникин».

Эта переписка ухудшила значительно отношения русского Парижа к Екатеринодару, но, во всяком случае, привела их в полную ясность.

Мало-помалу стало выясняться, что правительство Юга, по существу, не имеет в Париже *никакого* представительства. Ни в смысле защиты наших интересов, ни в осведомлении Запада о деятельности и боевых успехах армий Юга, ни даже простого опровержения тех вздорных слухов и небывлиц, которые распространялись нашими недругами.

С парижским политическим совещанием я не сношлся. Официальные отношения между управлением иностранных дел Юга и Сазоновым хотя и продолжались, но существенного значения не имели. Реальная политика, касавша-

яся не только интересов Юга и борьбы его, но и некоторых вопросов общегосударственных, велась непосредственно в Екатеринодаре. И так как до осени 1919 года иностранные державы держали при командовании Юга исключительно военные миссии-то, естественно, многие вопросы проходили мимо нашей дипломатии, разрешаясь главным образом мною совместно с председателем Особого совещания и отчасти начальником военного управления. Общее направление внешней политики, с которым Особое совещание знакомилось еженедельно на заседаниях в моем присутствии, не вызывало никогда розни среди его членов.

•••

Наши ожидания не сбылись: русское представительство не было допущено на Мирную конференцию ни с решающим, ни с совещательным голосом. Политическое совещание и делегация («четверка») по собственной инициативе, иногда по приглашению столпов конференции, отзывались на животрепещущие вопросы, связанные с судьбами русской державы, декларациями, записками, иногда личными неофициальными беседами, но их выступления встречали внимания немногим больше, чем «манифесты» Керенского и «меморандумы» державных лимитрофов.

Было бы ошибочно и несправедливо, однако, отрицать значение этой «декларативной работы» русского парижского представительства. Среди разноязычной толпы могильщиков России, для которой они изобрели эпитет «бывшей», среди громкого гомона «наследников», деливших заживо ее ризы, нужен был голос национального сознания, голос предостерегающий, восстанавливающий исторические перспективы, напоминающий о поправленных правах русского государства.

Это было важно психологически и не могло не оказать сдерживающего влияния на крутые уклоны руководителей Мирной конференции, на колеблющиеся общественные настроения Запада.

Об этих настроениях русский посол в Париже Маклаков писал на Юг:

«Пять лет войны и напряжения всех сил вызвали реакцию... Когда было заключено перемирие, все бросились от-

дышать по-своему: люди состоятельные стали одеваться, раздеваться и танцевать, забыв о всяких ограничениях; рабочий люд стал требовать сокращения рабочего дня и повышения заработной платы... В некоторых странах в миниатюре повторяется то, что происходит в России — рабочий труд не окупает уже рабочей платы, и рабочие становятся пенсионерами государства... Вместе с тем политические претензии рабочего класса и вообще широких демократических масс, как принято у нас выражаться, очень возрастают. Везде правительства, представляющие правящие классы, чувствуют себя на вулкане; везде против них идут претензии тех, кто хотел бы занять их положение, смотрят с завистью и предубеждением на всякое социальное неравенство и преимущество и потому к нашему большевизму относятся с нескрываемой симпатией. «Конечно, — говорят они, — там много дикости и глупости, но общая идея нам нравится...»

Везде, где демократия начинает чувствовать свою силу, находятся и демагоги. И вот здешние демагоги, которые пока еще не победили, но приобретают сторонников с каждым днем, находят слишком благодарную почву и в медлительности мирных переговоров, и в безвыходном положении правящих классов перед финансовыми затруднениями, и в неумении их выйти из войны неповрежденными...

Не в этом настроении, не в этой атмосфере можно создать что-нибудь прочное и идти водворять порядок в России.

Заставить сейчас, после заключения перемирия, их (союзников) войска сражаться за Россию — это выше сил какого бы то ни было правительства. А главное, здесь сейчас начинается такая кампания — демагогическая, взывающая к желанию покоя и мира, изображающая всех антибольшевиков реакционерами и реставраторами, — что союзные правительства боятся дать сражение своим большевикам на непопулярном сейчас лозунге интервенции»¹.

В конечном результате, все более ясное понимание реальной опасности русского большевизма правящими клас-

¹ Март—апрель 1919 года.

сами и, с другой стороны, равнодушие или даже отчасти сочувствие в то время к нему масс на Западе привели к непонятной, извилистой и губительной для нас политике держав Согласия в русском вопросе. Первым ее последствием был отказ от всех торжественных обещаний и деклараций, провозглашенных под влиянием военной психологии победителей: по инициативе Вильсона, с одобрения Ллойда Джорджа и при отрицательном отношении Клемансо состоялось постановление Мирной конференции, переданное нам по радио 12 января:

«Союзные представители подчеркивают невозможность заключения мира в Европе в случае продолжения борьбы в России. Поэтому союзники приглашают к 15 февраля сего года все организованные политические группы, находящиеся у власти или стремящиеся к ней в европейской России и в Сибири, не более трех представителей от каждой группы, на Принцевы острова в Мраморном море для предварительных переговоров, где будут присутствовать и представители союзников. Финляндия и Польша, как автономные единицы, в переговорах не участвуют. Союзники считают, однако, необходимым до переговоров заключение перемирия между приглашенными группами и прекращение всяких наступательных действий. Союзники уверяют в своих дружественных чувствах к России и русской революции».

Это был первый серьезный удар национальному русскому движению со стороны союзников.

За посылку своих представителей на Принцевы острова высказались только совет комиссаров, Эстония и... Одесса. Полагая, что термин «организованные группы, стремящиеся к власти» имеет прямое к ним отношение, одесские буржуазные и социалистические организации (Совет государственной обороны, Союз возрождения, Отдел Национального Центра¹, Земско-городское объединение и другие) после

¹ Главный комитет Национального Центра в Екатеринодаре отнесся с полным осуждением к предложению «Принкипо», о чем послал свое постановление союзному командованию.

обсуждения вопроса в ряде заседаний и после споров о числе мест избирали уже своих кандидатов.

Почти все остальные группы отнеслись к предложению резко отрицательно. В Екатеринодаре ему вначале просто не поверили. Так же было и в Омске, где адмирал Колчак, по словам Гинса, заявил иностранным представителям, что предложение «неясно по содержанию и искажено», а поэтому он как правитель «не будет вовсе на него отвечать», а в качестве главнокомандующего «отдает приказ войскам, что разговоры о перемирии с большевиками распространяются врагами России и что он готовится к наступлению». С осуждением отнеслась к проекту и большая часть английской и французской печати. Наконец, 1 февраля Сазонов и Чайковский от имени трех объединенных правительств обратились к Мирной конференции с меморандумом: «высоко ценя побуждения, внушившие союзникам их предложение», они вынуждены заявить, что «не может быть речи об обмене взглядами по сему поводу с участием большевиков, в которых совесть русского народа видит только предателей... Между ними и национальными русскими группировками невозможны никакие соглашения».

Под влиянием почти единодушного в этом вопросе общественного мнения проект «Принкипо» был быстро похоронен. Керзон в палате лордов проводил его надгробным словом: «Правительство не может объявить войну большевикам, так как это вызвало бы необходимость содержать большую оккупационную армию. Оставить же Россию мы также не можем — это была бы политика эгоистичная. Вот почему предложен на конференции принцип прекращения военных действий в России, но вовсе не признание большевистского правительства. Разговаривать с разбойниками — не значит признать разбой».

Идея интервенции отпала. Последние неудачные и немощные попытки ее в Одессе и в Крыму вызвали в русском обществе резкую перемену во взглядах на спасительность интервенции вообще, ксенофобию и — в известных кругах — возврат германофильских симпатий. Державы Согласия ограничились материальной помощью, но и в этой области не достигли единства: Америка отошла в сторону, Франция оказала помощь

преимущественно лимитрофам, Англия — и лимитрофам, и белым русским армиям. Если правительства в направлении помощи руководствовались исключительно субъективно понимаемыми интересами своих стран — спасением от распространения воинствующего большевизма, — то западные демократии исходили из более идилических соображений: длинный ряд лет инородцы и российские либеральные и социалистические круги заносили на Запад свою психологию, свои обвинения «царского» режима и возбуждали симпатии к «угнетенным» им народам России; теперь пресса, пропаганда и личные воздействия представителей национальных образований еще более подогревали симпатии к «угнетенным».

«Глубокая пропасть, — писал Маклаков, — образовалась между воззрениями той части русских, которая, не ослабевая, продолжает национальную защиту России, и настроениями Запада — не только западных врагов, но и друзей России. Если бы кто-нибудь здесь стал говорить, что Россия будет унитарна, что... местная автономия отдельных национальных территорий... будет дана сверху единым Учредительным собранием и что пределы этой автономии могут им изменяться, то на него посмотрели бы как на реакционера и чудака».

Между тем именно так смотрели на взаимоотношения к новообразованиям и екатеринодарское и омское правительства. Парижское совещание пошло несколько дальше, и от его имени, за подписью «четырех», представлена была Мирной конференции декларация (май 1919 года), в которой державам предлагалось признать, что

«все вопросы, касающиеся территории Российского государства в его границах 1914 года, за исключением этнографической Польши, а также вопросы о будущем устройстве национальностей, живущих в этих пределах, не могут быть разрешены без согласия русского народа. Никакое окончательное решение не могло бы, в связи с этим, состояться по этому предмету до тех пор, пока русский народ не будет в состоянии выявить свободно свою волю и принять участие в урегулировании этих вопросов».

Что касается теоретических взглядов «новой России»; декларация поясняла, что «она»

«не понимает своего восстановления иначе, как на основе свободного сосуществования составляющих ее народов, на принципах автономии и демократии и даже в некоторых случаях на условиях взаимного соглашения между Россией и этими народностями, основанного на их *самостоятельности*».

И эта формула оказалась неприемлемой. Новообразования требовали немедленной и полной самостоятельности. Частные сношения отдельных членов Соединения и инородческих делегаций были решительно безрезультатны. Официальных не установилось вовсе, так как новообразования соглашались признавать Соединение только за представительство «Великороссии». Лишь однажды представители Литвы и Белоруссии (?) приняли помощь государствоведов Соединения при определении восточной границы Польши, оказанную им в целях ограждения российской территории от польского захвата.

Узнав об обмене мнений между адмиралом Колчаком и Верховным советом в дни, когда предполагалось признание, шесть «государств» — Эстония, Грузия, Латвия, Северный Кавказ, Белоруссия и Украина — тотчас же поспешили уведомить, что «всякие постановления органов русской государственной власти не должны иметь никакого отношения к ним». И кубанская делегация не преминула обратиться также с просьбой признать Кубань «независимым государством», допустить представителей ее к участию в работе Мирной конференции и принять «Кубанскую республику» в число членов Лиги наций.

Мирная конференция не взяла на себя разрешения русского вопроса. Она признала лишь «неотчуждаемую независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской империи», в смысле отказа Германии от всяких притязаний на них.

Из Парижа нам писали часто: помощь союзников недостаточна потому, что борьба Юга и Востока не популярна среди

европейских демократий; что для приобретения их симпатий необходимо сказать *два слова*: «Республика и Федерация».

Этих слов мы не сказали. Но если бы другая власть допустила такое вмешательство извне в русские дела и вышла из рамок непредрешения коренных вопросов государственного устройства России до народного — в той или другой форме — волеизъявления, что изменилось бы в истории прошлого? Сомкнули бы с нами свои ряды искренно и бескорыстно армии новообразований, отравленных сладким ядом мечты о полной своей независимости? Пошли бы полки генерала Уоккера на Царицын и стрелки генерала Анзельма на Киев? Наконец, воспряли ли бы духом российские армии, идя в бой за «Федеративную республику»?

Конечно, нет.

Не декларациям и формулам дано было повернуть колесо истории.

Balaton-Lelle
(Венгрия).
1924 г.

ГЛАВА XXVI

ЯССКОЕ СОВЕЩАНИЕ. ЗАХВАТ ОДЕССЫ ПЕТЛЮРОВЦАМИ. НАЧАЛО ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ И ПЕРЕХОД ВЛАСТИ В ОДЕССЕ К ДОБРОВОЛЬЧЕСКОМУ КОМАНДОВАНИЮ. ПРАВЛЕНИЕ УКРАИНСКОЙ ДИРЕКТОРИИ

Если зимою 1918—1919 годов события на Кавказе протекали при известном участии Англии, то западнее меридиана Керчи они находились в большой зависимости от французской политики.

Как известно, 5 декабря 1917 года Франция признала Украинскую республику (правление Центральной рады) *de facto*, и в Киеве появился французский «генеральный комиссар», генерал Табуи. Но с заключением Брест-Литовского мира и с немецкой оккупацией эта связь порвалась: миссия Табуи покинула Украину, и с марта 1918 года край этот офи-

циально считался «в поле зрения» французского посланника в Яссах, графа Сент-Олера. Там же был и центр французского осведомления по Юго-Западу России, причем начальник разведки, состоявший ранее при Табуи, офицер Энно, перенес свою деятельность из Киева в Кишинев. Этому лицу досталось играть видную роль в южнорусских событиях в период разгрома немцев; с его именем связано тесно много разбитых иллюзий и несбывшихся надежд.

Энно был знаком по Киеву с В. Шульгиным и воспринял его точку зрения в русском вопросе. В этом направлении он и действовал — с большой энергией и увлечением, превышая не раз свои полномочия, преломляя колеблющиеся и неясные настроения союзных правительств сквозь призму своих личных чувств и пожеланий.

6 октября Энно обратился с письмом к Шульгину, находившемуся в то время в Екатеринодаре. В этом письме он определял общее политическое положение и намерения союзников:

«Германия близка к концу.

Ее политике — расчленения России, ее желанию — сохранить силу Брест-Литовского мира, мира, при помощи которого разорванная на части Россия попала бы в экономическом отношении на бесчисленное число лет в немецкие руки, ее преступной тактике — поддержать в России террор большевиков, ею же созданный, — союзники хотят противопоставить политику воссоздания России. Союзники отказываются признать Брест-Литовский мир и по-прежнему продолжают считать Россию своей союзницей. В их программу входит освобождение провинций, захваченных немцами, и восстановление Великой России, совершенно необходимой для политического равновесия, ибо только она одна может создать гарантию против возможности новой войны в ближайшем будущем.

Пример сепаратных государств, выделившихся из прежней России и заключивших союз с Германией, только укрепляет Согласие в этих мыслях.

Экономические интересы, которые союзники имеют в России, заставляют их во всяком случае заняться ею.

Итак, в Россию придут армии, чтобы предложить ей мощную и дружественную помощь — материальную и экономическую.

Естественная программа Согласия сводится к нижеследующему: воссоздать *Единую и Неделимую Россию* и помочь восстановлению монархии, соответствующей желанию большинства русского народа.

Таковы вкратце предположения союзников относительно России. Такое изложение этих проектов базируется на официальных заявлениях политических деятелей держав Согласия».

Энно сообщал, что по его настояниям граф Сент-Олер приглашает Шульгина в Яссы, чтобы «без замедления разработать программу политических действий союзников в Малороссии, которые подготовили бы будущее их военное вмешательство». Вместе с тем Сент-Олер считал необходимым вступить в связь с влиятельными политическими деятелями Киева, «чтобы изучить все эти вопросы и обменяться мнениями». Энно прибавлял, что до прибытия Шульгина и без его советов он лично ничего предпринимать не будет.

Между тем события получили неожиданно быстрое развитие, и Энно решил действовать, не дожидаясь Шульгина. По его инициативе и с его участием состоялось 17 октября заседание под председательством русского посланника в Румынии Поклевского-Козелл, в составе наличных русских представителей — дипломатических, военных и Красного Креста. На этом заседании был избран комитет из шести лиц¹, которому поручено было немедленно пригласить в Яссы политических деятелей. По мысли Сент-Олера, как сообщил генерал Щербачев², предполагалось образовать в Яссах постоянное учреждение — «Русский национальный совет», при посредстве которого союзники могли бы узнавать

¹ 1) Поклевский-Козелл; 2) особоуполномоченный Красного Креста — полковник Ильин; 3) консул в Яссах Савинов; 4) генерал Новицкий; 5) назначенный французским вице-консулом в Киев Энно. Почетным членом комитета был избран генерал Щербачев.

² Письмо от 4 ноября 1918 года.

«все нужды, чаяния и запросы организованной и государственно настроенной русской общественности». По-видимому, этому учреждению предполагалось присвоить некоторые правительственные функции, так как генерал Щербачев оговаривал, что с открытием военных действий союзников и перенесением ставки союзного главнокомандующего на территорию России «этот национальный совет, конечно, сольется с Совещанием при Добровольческой Армии».

Выбор участников предполагаемого совещания был довольно случайный, так как членам комитета была предоставлена в этом отношении полная инициатива. Присутствовавшему на предварительном совещании генералу Кельчевскому, направлявшемуся к нам, поручено было просить главнокомандующего Добровольческой армией «командировать в Яссы политических деятелей по его усмотрению...». Кельчевский прибыл в Екатеринодар только в начале ноября, когда так называемое «Ясское совещание» состоялось уже фактически (1—10 ноября). В нем наряду с видными представителями русской общественности¹ приняли участие и посланники Англии, Франции и Северо-Американских Соединенных Штатов. Выехавший в Яссы Шульгин заболел в пути, по приезде туда слег в больницу и участия в Совещании не принял.

На первых же заседаниях обнаружилось полное расхождение русских представителей по вопросу о построении власти: буржуазная часть собрания стояла за диктатуру, социалисты — за директорию. В первой группе, кроме того, мнения разошлись и по вопросу о личности диктатора, на роль которого выдвигались великий князь Николай Николаевич и главнокомандующий Добровольческой армией. По совету английского военного агента Совещание согласилось оставить открытыми эти спорные вопросы и заня-

¹ От Совета государственного объединения — барон Меллер-Закомельский, Кривошеин, Милоков, Маргулиес и В. Гурко; от Национального Центра — Федоров и Чемберс; от Союза возрождения — Кровопусков, Титов, Бунаков-Фундаминский; персонально — Брайкевич, полковник Новиков, Савич, Пильц, Третьяков, Хомяков; по своей личной инициативе прибыли Шебеко, Демченко, Ф. Дитмар и В. Рябушинский.

лось исключительно обсуждением условий союзнической помощи. В меморандуме, подписанном всеми русскими членами Совещания и врученном 10 ноября иностранным послам, общий характер интервенции определялся вкратце следующими положениями:

«1. Единство России и, как следствие этого общего положения, — никаких независимых государств на ее территории, в границах до большевистского переворота. Никаких отдельных представительств в международных отношениях. Это единство России должно осуществляться без ущерба для свободы отдельных областей, образующих Россию.

2. Согласованные действия с союзниками для борьбы против большевиков.

3. Немедленная и мощная помощь Добровольческой армии генерала Деникина.

4. Немедленная замена немецких и австрийских гарнизонов вооруженными силами русских и союзников, в целях охраны порядка и образования прикрытия для формирования русской армии.

5. Действительная помощь, чтобы предпринять в кратчайший срок наступление на Москву и Петроград.

6. Единое командование, доверенное русскому военачальнику. Нужна немедленная помощь войсками и военным снаряжением.

Если союзники хотят видеть Россию сильной и крепкой, членом цивилизованных народов, если союзники не желают допустить вымирания населения севера и расхищения сокровищ юга, если союзники признают, что в течение первых трех лет войны Россия принимала широкое и славное участие в борьбе и тем самым содействовала победе союзников над общим врагом, если победоносная Антанта решила помочь России возродиться, — помощь должна быть оказана без замедления и в достаточном размере».

Еще до окончания работы Совещания в Киев был срочно командирован консул Энно, снабженный полномочиями от союзных послов и текстом «обращения» к населению Юга, составленным заранее членами Совещания; в этом обращении

пожелания, одушевлявшие Совецание, были выражены в форме торжественного обещания союзными правительствами своей немедленной помощи. Подобно тому как в Екатеринодаре — союзные генералы и офицеры, здесь, в Яссах, союзные дипломаты находились также под влиянием военной психологии, которая не могла освоиться с таким окончанием войны и с оставлением на произвол судьбы поверженной России. Оторванные от своих центров, они предпринимали некоторые серьезные дипломатические шаги на свой страх и риск в твердом убеждении, что эти шаги будут одобрены их правительствами и получат реальное осуществление.

Назревала большая и трагическая по своим результатам мистификация.

Положение Одесского района представлялось чрезвычайно сложным. В самой Одессе и близлежащих крупных пунктах — Херсоне, Николаеве и других — сосредоточено было около 50 тысяч германских войск — силы совершенно достаточные не только для того, чтобы прикрыть Новороссию, но и разгромить всю петлюровскую «армию». Но немцы сохраняли нейтралитет и оставались безучастными зрителями событий.

«Украинских» войск не было никаких. В Одессе находился штаб 3-го украинского корпуса и одни ничтожные кадры его. Командовал им генерал Стельницкий, который после отправленной им в Екатеринодар телеграммы о подчинении мне был смещен гетманом и заменен генералом Бискупским.

Единственной «силой» в Одессе был отряд добровольцев, около 1¹/₂ тысячи, который признавал свое подчинение Екатеринодару и находился в ведении адмирала Ненюкова — начальника одесского центра Добровольческой армии. Наравне с киевскими добровольческими дружинами и на таких же основаниях этот отряд был подчинен мною в оперативном отношении местному командованию. Но организация отряда была не закончена, боеспособность его невелика, а защищать «гетманскую власть от Петлюры» — как в упрощенном виде воспринимались события — желания было очень мало. Еще меньше было доверия к генералу Бискупскому.

В Одесском порту высаживалась еще польская стрелковая бригада, сформированная мною в Екатеринодаре и теперь возвращаемая на родину. Но поляки никакого желания

вмешиваться во «внутренние русские дела» не имели, да и в том запутанном политическом положении, которое созда-лось в Одессе, разобраться им было трудно.

Наконец, на одесском рейде стоял французский линей-ный корабль и два-три миноносца — эмблема союзной мощи и вестники грядущей помощи.

Киев был отрезан, связи с ним почти не было, и граж-данская власть в Одессе осуществлялась малоавторитетным и непопулярным гетманским градоначальником Мустафи-ным. Между тем город волею судьбы стал третьим этапом российского именитого беженства. Цвет интеллигенции и политических партий, конспирировавший ранее в Москве и потом бурно крутившийся в водовороте киевских собы-тий, волной революции выбросило на одесский берег. Город коммерческой и спекулянтской горячки стал новым цент-ром политического ажиотажа, борьбы союзов, «бюро», со-ветов, организаций «правительств», делегаций... Одесса на-сыщена была до предела привнесенной ими политикой, в которой вместе с искренними и патриотическими стремле-ниями переплелись темные побуждения политических мак-леров, авантюристов и людей с болезненной жаждой власти и влияния — какими угодно путями, какою угодно ценой.

Начались немедленно попытки образования государ-ственной власти на Юго-Западе, взамен отмирающей гет-манской. Приоритет в этом отношении взял на себя Совет государственного объединения во главе с бароном Меллер-Закомельским и Кривошеиным, предложившими себя для начала в качестве «Совещания по обороне» генералу Бис-купскому. Не имея никаких корней и никакой опоры в об-щественных и народных кругах города, совещание это вме-сте с «командующим войсками» могло лишь констатировать изо дня в день свое бессилие.

Энно в Киев не попал, так как в начале ноября войска Пет-люры захватили Фастов и подошли к Киеву, прервав его сооб-щение с Одессой. В качестве «особоуполномоченного фран-цузского правительства»¹ он рассылал из Одессы воззвания,

¹ Во французской транскрипции свое звание он определял в ка-честве «Consul de France — Kiew, chargé de mission».

обнадеживавшие население, и телеграммы, угрожавшие директории и немцам. Не найдя на месте иной власти, кроме призрачной уже гетманской, он поневоле призывал к поддержанию ее, что шло вразрез с яскими постановлениями и вызывало недоумение и горечь среди защитников Киева и Одессы. Тем не менее, первое время его угрозы производили известное впечатление в стане Петлюры и в киевском германском штабе, и благодаря им, главным образом, Киев держался еще некоторое время. Но проходили дни и недели, а обещания и угрозы не подкреплялись реальной силой. Пропадали вера и страх. И события потекли стороною мимо добрых намерений и неограниченных возможностей.

В конце ноября части петлюровцев заняли Раздельную, отбросив небольшие команды добровольцев, которые одновременно подверглись нападению и со стороны занимавших станцию немцев. Петлюровцы двинулись дальше. «Атаман» Григорьев угрожал уже и Николаеву. Энно посылал в Яссы одну за другой телеграммы, остававшиеся без ответа, и с целью выиграть время до прибытия ожидаемого десанта, с согласия русских общественных деятелей 25 ноября вступил в переговоры с директорией. Это был второй шаг, продиктованный безнадежностью положения, но вместе с тем подрывавший национальную идею борьбы и извращавший смысл союзной помощи. Директория использовала широко самый факт переговоров, не стесняясь применять и провокацию. Так, через три дня после посещения украинскими представителями Энно (28 ноября), при возобновившихся в Казатине переговорах между директорией и немецким командованием, украинские представители заявили колебавшимся еще немцам: «Положение вещей не позволяет нам отложить операцию против Киева. Поэтому директория не находит возможным допустить отсрочку ответа, каковая могла бы произойти при посылке, согласно желанию немецких уполномоченных, их представителей к Антанте. *Украинское республиканское правительство самостоятельно ведет переговоры с уполномоченными представителями Антанты, и на этом основании оно может заявить, что немецкая армия не имеет повода препятствовать вступлению украинско-республиканских войск в Киев*». Договор между пет-

люровцами и немцами заключен был 30-го, и в тот же день в киевских вечерних газетах появилось сообщение, оправдывавшее увод немецких войск, прикрывавших Киев, тем обстоятельством, что державы Согласия «признали директорию и позволили ее войскам занять Одессу...». На другой день сечевики Коновальца заняли Киев.

В кругах, близких к Энно, составилось убеждение, что фактическим виновником провокации был некто Мулен, бывший подчиненный Энно, застрявший в Киеве, работавший там в пользу Петлюры и распространявший сведения о признании директории Согласием.

Из Одессы обращались за помощью и в Добровольческую армию. 25 ноября я получил телеграмму за подписью Энно, Шульгина и других с изложением критического положения Одессы, которую «необходимо сохранить как базу союзного десанта», и с просьбой перебросить туда трехтысячный отряд. Добровольческая армия, насчитывавшая тогда в своих рядах 37 тысяч бойцов, вела тяжелые бои под Ставрополем, вместе с тем необходима была помощь Дону и обеспечение ростовского направления, и задача серьезной обороны Одессы являлась поэтому для нас совершенно непосильной. Я мог только обратиться вновь к генералу Франше д'Эспре с просьбой ускорить прибытие десанта. Его все не было. Помимо неопределенности политического курса и технических затруднений, во французском штабе, очевидно, плохо уясняли себе масштаб происходящих в России событий. Так, 3 декабря Энно получил от генерала Бертело телеграмму, в которой вместо известия об ожидаемом десанте заключалось распоряжение: «Прошу вас передать главарям большевиков, а также Петлюре и Винниченко, что я их делаю лично ответственными за всякое враждебное выступление и всякое стремление нарушить спокойствие в стране»...

Одесса понемногу ликвидировала «сопротивление». «Сообщение по обороне» заблаговременно отбыло в Крым; генерал Бискупский вошел в сношение с петлюровскими представителями о передаче им командования и города; адмирал Ненюков посадил добровольцев на пароход «Саратов», который вышел на рейд. Добровольцев обвиняли за это весьма жестоко. Вряд ли, однако, город с почти миллионным населе-

нием, в котором не оказалось ни инициативы, ни вождей, ни морального подъема, ни желания нести материальные жертвы для самозащиты, имел право обвинять эту горсть людей — плохо организованных и еще хуже снабженных.

Петлюоровские отряды 28 ноября без боя вошли в Одессу. Часть Николаевского бульвара была оцеплена постами из состава польского отряда и французских экипажей, образовав «нейтральную зону», над которой был поднят французский флаг. Петлюоровцы не пытались ее нарушить.

И длилось властвование их всего семь дней.

В нейтральной зоне нашли себе приют общественные деятели и официальные лица, не пожелавшие покинуть Одессу. В их числе были Энно и член Особого совещания Шульгин, вернувшийся по выздоровлении из Ясс, генерал Гришин-Алмазов¹, командированный мною в Яссы для ознакомления русского посла Поклевского-Козелл и иностранных представителей с положением дел на Востоке и возвращавшийся через Одессу; генерал Эрдели, командированный к союзному командованию, и адмирал Ненюков. На фоне общей растерянности Энно, Шульгин и Гришин-Алмазов не опускали рук и энергично искали выхода из положения, причем, по свидетельству Шульгина, душою их кружка и работы был Энно. Им принадлежала идея «французской зоны», по их же настоянию Ненюков согласился вручить командование добровольцами Гришину-Алмазову. Последний путем суровых мер остановил начавшуюся было панику, водворил в отряде дисциплину, и в ближайшие же дни добровольцы стали занимать внешнюю линию зоны, в которую понемногу начали пробиваться из города застрявшие там офицеры, броневики, даже артиллерийские части.

4 декабря подошли, наконец, первые транспорты французской десантной дивизии (156-й) во главе с бригадным генералом Бориусом.

На требование французского командования сдать город петлюоровцы ответили отказом. Генерал Гришин-Алмазов, чтобы не предоставлять французам чести «взятия» Одессы и не давать тем предлога для ее оккупации, предложил Бориусу для

¹ Бывший военный министр сибирского правительства. По увольнении в отставку в конце октября приехал в Екатеринодар.

обеспечения высадки французских войск очистить Одессу от петлюровцев силами добровольческого отряда. Предложение было принято с большим удовлетворением, и 5 декабря, после десятичасового боя, город был занят добровольцами, потерявшими при этом до 150 человек. Петлюровские войска, до 4 тысяч, ушли из Одессы, но продолжали занимать ее ближайшие окрестности, окружая город полукольцом.

Гришин-Алмазов, по предложению генерала Бориуса, занял пост военного губернатора Одессы и стал править от имени Добровольческой армии, донеся немедленно мне и ожидая утверждения. В официальном письме на мое имя, составленном в несколько торжественном тоне, он «заверял честным словом», что «нигде и ни при каких обстоятельствах не будет проводить политики иной, кроме указанной в (моих) директивах», и что «никогда и ни при каких обстоятельствах не изменит» Добровольческой армии и мне..

Это неожиданное приращение территории хотя и соответствовало идее объединения южной России, но осложняло еще более тяжелое в то время положение Добровольческой армии, возлагая на нее нравственную ответственность за судьбу большого города, обложенного неприятелем, требующего снабжения и продовольствия, а главное — города с крайне напряженной политической атмосферой.

Но трехцветный флаг был уже поднят над Одессой, и это обстоятельство обязывало.

Я утвердил Гришина-Алмазова в должности военного губернатора Одессы и прилежащего района и приказал произвести там призыв офицеров и двух возрастных классов, «руководствуясь условиями местной обстановки».

...

И в состав директории, и в состав украинского правительства вошли только украинские социалисты¹. Винниченко и председатель правительства Чеховский были выразителями крайнего — большевистского течения, в русле которого и протекала декретивная и законодательная дея-

¹ Партии украинских эсеров, социал-демократы и социал-самостийники. Партия буржуазная социал-федералистов в начале не была допущена к власти.

тельность власти, вызывавшая недоумение своей исключительной безграмотностью.

Национализация земли по декрету, требовавшему немедленной ликвидации помещичьего землевладения, осложнялась дополнительным приказом директории, обещавшим по окончании войны наделы и денежное пособие лицам, принимающим активное участие в борьбе в рядах армии. Только после удовлетворения этой потребности остальная земля должна была перейти в общий национальный фонд. В этих видах «казакам» (солдатам) полковое начальство выдавало особые «посвидчєння» на право пользования наделом. После опыта Центральной рады «национальный подъем» как возбудитель к борьбе был оставлен за полной непригодностью. «Земля» и «капиталы буржуев» были тем новым стимулом, которым народ привлекался в армию. Но деревня решала вопрос самостоятельно, без власти, а власть не решалась покончить с буржуазией. В своих демагогических декретах директория обрушивалась неизменно с угрозами на буржуазию, устранила ее от управления, широко практиковала аресты, систему заложников и конфискации, накладывала руку на сейфы, золото, драгоценности, выработывала нормы обложения контрибуцией, вводила даже суррогат «чрезвычайки» в виде «Верховной следственной комиссии» под началом отличавшегося своей жестокостью Ковенко. Приступили к разработке законов о принятии безработных на иждивение казны, о вселении рабочих в буржуазные квартиры, о национализации сахарных заводов и т.д., и т.д. Словом, Директория повторяла почти всю большевистскую программу, остановившись только перед прямым террором, который не декретировался свыше, но возникал стихийно в практике разнузданных войск и народных низов, направляясь по преимуществу против «панов и жидов». Еврейские погромы в краткий период директории были наиболее кровавы и жестоки.

Другое отличие от советского большевизма заключалось в социальной базе «украинского» движения. На конгрессе украинских социал-демократов Винниченко заявил, что если в советской России — диктатура рабочих, то на Украине должна быть установлена диктатура крестьянства, которое необходимо «пролетаризировать», превратить «из мел-

кобуржуазного в трудовое». Это-де вызывается не только соотношением сил, но и настроением галицийских сечевиков Коновальца — единственно надежного войска, которое не помирится с рабочей диктатурой.

Коновалец был действительно хозяином положения в Киеве, и засилье галичан в армии и правительстве создавало картину настоящей оккупации ими Украины. Галицийские сечевики были достаточно дисциплинированы и обучены. Слушались своих начальников, невзирая на крайне разношерстный их состав: там были, кроме русских галичан, румыны, венгры, немцы — разноязычный конгломерат бывшей австрийской армии. Дрались сечевики исправно и с презрением относились к разнузданным толпам «надднепрянцев». Но своим неистовым украинством, грубостью, реквизициями и грабежами они вызывали крайнее озлобление не только в великорусском, но и в малорусском населении, которое обзывало сечевиков «немцами».

Украинизация, начавшаяся с вывесок, в формах исключительно грубых и пошлых захватывала школу, церковь, печать и вызывала новую чистку служилого элемента во всех сохранившихся еще государственных учреждениях. Борьба с украинством была объявлена приказом Петлюры государственным преступлением, подлежащим ведению полевых судов, причем под понятие его подводилась всякая критика действий директории и поставленной ею власти. Приказ грозил ответственностью «по законам военного времени» и поручал наблюдение за исполнением его «всем чиновникам республики», вменяя им в обязанность «направлять виновных в ближайшие войсковые части или к коменданту». Точно так же «по законам военного времени» директория обещала карать «всякую агитацию и пропаганду лозунгов бывшего гетмана о федерации» (с Россией).

При всем этом члены директории именовали себя представителями демократии, а введенный ими государственный строй — демократической республикой. Национальный большевизм директории ни в городе, ни в деревне не нашел для себя почвы, но в значительной мере способствовал все более охватывавшему край большевизму советскому. Им окончательно прониклись украинские эсеры и професси-

ональные союзы, центральное бюро которых принимало живейшее участие в образовании киевского совета рабочих депутатов; к нему склонялась и более умеренная до того времени партия украинских социал-демократов. И в то время, когда Петлюра вел борьбу, хотя и безрезультатную, с большевизмом в армии, Винниченко и Чеховский потворствовали большевистскому движению в крае, совершенно открыто направляемому киевским советом рабочих депутатов под лозунгом: «Долой кулацко-офицерскую диктатуру! Долой кулацкий конгресс! Да здравствует власть советов на Украине».

На этой почве в недрах директории и правительства начался раскол, разделивший украинских деятелей на два враждебных лагеря: один — во главе с фанатиком, по определению одних, и совершенно беспринципным человеком, по словам других — Винниченко, и другой умеренный, допускавший сотрудничество с буржуазией — Петлюры.

Обманутые в своих ожиданиях немедленных благ — земли по «посвідченням» и вольного грабежа, войска Директории разошлись по домам, унося с собою ружья и пулеметы, иногда увозя даже орудия. Частью они были разоружены командованием, частью перешли в полном составе к большевикам. Военный министр Греков поведал впоследствии Трудовому конгрессу¹ о тяжелом положении на фронтах: «Мы одеваем людей, даем им деньги, а воевать они не хотят, покидают фронт. Только сечевые стрельцы (галичане), как каменная стена, стоят на фронте, но этих сил мало, их хватит ненадолго..» «Генералиссимус» Петлюра добавил, что главнейшая причина такого состояния армии — «несоответствующий состав офицерства, которое только и думает о повышении и об увеличении жалованья. Часто покидают фронт не казаки, а такие офицеры..»

Трудно было ожидать иного от армии, где люди, проникнутые украинским национализмом, считались единицами, а прочие были просто вольными или невольными наемниками. Все эти не помнящие родства «Иваниви и Петриви» балакали с грехом пополам на мове, боялись своих «казаков» и ждали только подходящего случая, чтобы бросить свой курень и «Вильну Украину».

¹ См. ниже.

Между тем опасность грозила со всех сторон.

К середине декабря с севера и востока, с фронта Лунинец—Курск—Купянск началось наступление большевиков на Киев. На западе, в Галиции шли жестокие бои галицийской армии (до 40 тысяч) с поляками, которые левым своим крылом двигались в владими́ро-во́лынском направлении. На юге и юго-востоке стояли войска французов, Добровольческой армии и Дона, которых петлюровский генеральный штаб считал также в числе противников Украины и намерения которых были для него не ясны... Против главного противника — большевиков — в Черниговский и Харьковский районы высланы были почти все наличные силы — около 14 тысяч галицийских сечевиков и 10—12 тысяч украинских гайдамаков. Прочие совершенно деморализованные украинские части неопределенной, никому не известной численности, подкрепленные 5—6 тысячами сечевиков, разбросанных малыми командами по 50—100 человек, составляли гарнизоны городов, железнодорожных узлов и прикрывали Во́лынь и юг.

В первые же дни правления директории были официально объявлены основные положения ее внешней политики: 1) дружественный нейтралитет в отношении германских войск; 2) дружба и согласие с советской Россией и 3) недопущение оккупации Украины союзниками. Вместе с тем во все страны Европы посланы были огромные миссии, в общем около 200 человек, для пропаганды идеи самостийной Украины, в поисках признания и помощи. За недостатком людей образованных среди правительственных партий, в состав этих миссий зачислялись в большом количестве социалисты-федералисты — представители буржуазии под более благозвучным именем «трудовой интеллигенции». Эти делегации, снабженные большими средствами и неукротимой фантазией, долгое время мистифицировали Европу в отношении стремительности «национального» движения, прочности правительства и силы «пятисоттысячной украинской армии».

Ни одно из принятых директорией положений не могло быть осуществлено. Ненависть к немцам была именно одним из стимулов, которые двигали восставший народ. Никакие правительственные распоряжения не могли повлиять на народные настроения. Германские эшелоны подверга-

лись нападением и ограблению, небольшие части избивались, связь корпусов с Киевом и Киева с Германией была прервана. Особенно тяжелым было положение германских войск отдаленного Харьковского района, для которого все пути были отрезаны. Ввиду этого представители советов солдатских депутатов и штаба 1-го немецкого корпуса были вынуждены войти в соглашение с советской властью об эвакуации через советскую Россию — ценною передачи большевикам оружия и артиллерии и прекращения охраны нейтральной зоны.

Пути к Киеву большевистской «Повстанческой украинской армии» были, таким образом, открыты.

Еще до начала восстания Винниченко вступил в соглашение с Советом комиссаров при посредстве киевской советской миссии Раковского на следующих основаниях: признание самостоятельности Украины, легализация коммунистической партии на Украине, но без права призыва к захвату власти, заключение союза против Согласия¹. Со стороны Советов это был только политический ход, и с первых дней директории вся московская печать с нескрываемым презрением относилась к «мелкобуржуазному течению», которое должно уступить место «диктатуре рабочего класса и беднейшего крестьянства».

Винниченко, не видя принципиальных расхождений с советской властью, шел на какие угодно уступки, лишь бы сохранить самостоятельность Украины и власть директории. «Единственный союзник Украины, — говорил он открыто, — советская Россия. Необходимо создать свой большевизм; только в этом случае мы останемся у власти — в наши дела большевики вмешиваться не будут». Но Москва не хотела ни самостоятельности, ни директории. Поэтому, когда было обеспечено невмешательство немцев и выяснена полная инертность французских войск на юге, Совет комиссаров решил покончить с фикцией украинской власти. 14 декабря в городе Екатеринославе местным революционным комитетом было поднято восстание, увенчавшееся захватом города. Одновременно 1-я повстанческая дивизия двинулась на Чернигов и 2-я на Харьков. После краткого боя с отрядами Болбочана советские войска 21 декабря вступили в Харьков,

¹ Из речи Винниченко на Трудовом конгрессе 12 января 1919 года.

а вслед за ними туда прибыло и «рабоче-крестьянское правительство Украины» во главе с Пятаковым¹.

По поводу развернувшихся событий между двумя потентатами по прямому проводу Москва — Киев произошел откровенный разговор².

Директория: «Известно ли Советской республике, что войска ее переходят демаркационную линию и ведут наступление на трудовую Украинскую республику, и какие шаги думает предпринять Советская республика, чтобы устранить это?»

Раковский. «Здесь у аппарата находится народный комиссар Чичерин, и ему о таких фактах ничего не известно».

Директория: «На Харьковском фронте войска под начальством Коцюбинского и Пятакова переходят демаркационную линию и ведут наступление на Украинскую народную республику».

Раковский: «Войска под начальством Коцюбинского и Пятакова не являются войсками Советской республики. Это войска большевиков Украины. Советская республика во внутренние дела Украины не вмешивается. Помощь ее самая минимальная. Она может только отчасти обслуживать технически эти войска, не больше, но с другой стороны препятствовать этому наступлению не собирается».

Директория: «Мы заявили по этому поводу протест. Украинская политика народной директории такова, что она равняется по общему демократическому фронту и идет в ногу с трудовыми элементами Украины, для каковой цели созывается Трудовой конгресс».

Раковский: «Трудовой конгресс является ни больше, ни меньше, как комедией. Дано 9 дней для производства выборов и агитации по этим выборам. При отсутствии организации у трудовых элементов, при наличии осадного положения и аннулирования всех свобод (!) — этот конгресс будет не авторитетен и признанием Советской республики пользоваться не

¹ Пятаков возглавлял временно; председателем правительства был назначен Раковский.

² У аппарата были с одной стороны члены директории, с другой — Раковский, Чичерин, Мануильский.

будет. Со своей стороны нам известны факты, что украинская народная власть препятствует развитию большевистского движения на Украине. Факты таковы, что — (перечислен целый ряд пунктов, где возникло большевистское движение, которое было задушено). Если в дальнейшем такой уклон политики Украинской народной республики будет продолжаться, то Советская республика оставляет за собою свободу действий».

В результате в конце декабря состоялось объявление Украиной войны советской России — обстоятельство, не вызвавшее никаких изменений на фронте и знаменовавшее лишь внутренний кризис: победу военной партии Петлюры — Коновальца — Грекова над Винниченко — Чеховским, и вместе с тем окончательный поворот в сторону Согласия.

«Трудовой конгресс» открылся в составе около 350 делегатов, в том числе 50 галичан. «Крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции»¹. Выборы протекали в условиях анархии, железнодорожной разрухи и административного произвола, при полном абсентеизме деревни и бойкоте рабочих организаций; состав — преимущественно социалистический, причем до 40% членов принадлежало к «селянским спилкам» — полуправительственным учреждениям, близким к украинским социалистам-революционерам.

На торжественном заседании 10 января единогласно был одобрен и оглашен акт о воссоединении Галиции с Украиной. На дальнейших заседаниях Директория и правительство в речах Чеховского, Петлюры, Винниченко и других нарисовали безнадежное положение «державы»: армии нет, власти нет, враги кругом, ни с Москвой, ни с Антантой к согласию не пришли. Директория и правительство считают конгресс источником верховной власти и готовы передать ее — кому он прикажет.

«Армия» Антонова-Овсеенко заняла уже большую часть Черниговской и Полтавской губерний, атаман Григорьев в

¹ Первоначально в качестве «трудовой интеллигенции» допускались только такие профессии, как фельдшеры, школьные учителя, конторщики и т.д. Затем директория распространила право участия на докторов, профессоров и т.д. Численность и значение этой группы на конгрессе были ничтожны.

Новороссии с числившимися в его подчинении 15 тысячами при 40 орудиях передался на сторону большевиков¹, передовые части 1-й повстанческой дивизии, наступавшей из Чернигова, заняли Козелец, а большевистские банды появились уже у Бровар, верстах в 20 от Киева. При такой обстановке революционная демократия обсуждала судьбы края, являя картину, гнетущую своим однообразием, повторяющуюся на всем протяжении революции. Основные мотивы всех речей: 1) вся власть советам; 2) мир с советской Россией (которая мириться не желает); 3) «победить большевиков можно легко, опираясь на всероссийскую и мировую демократию»; 4) национализация фабрик и заводов; 5) демократизация директории, правительства и конгресса... Кажется, только один Старух, представитель Галицийского блока, говорил трезвым голосом: «В этот момент следует думать только о защите страны. Священный долг конгресса — создать возможно скоро дисциплинированную армию. Украинцы Галиции поклялись бороться за землю и волю, но необходимо, чтобы крестьянство Украины также приняло участие в борьбе. Довольно разговоров. Надо действовать. Надо бороться против красного империализма, надвигающегося с севера...»

Но крестьяне не видели, очевидно, никакой разницы между Винниченко и Раковским, а «земля и воля» из Харькова предлагалась им в формах не менее обольстительных, чем из Киева. И они решительно не шли в армию директории.

Еще в одном вопросе конгресс высказал полное единодушие — в отказе от какой бы то ни было интервенции Согласия. Слухи о том, будто генерал Греков заключил в этом смысле договор с французским командованием², вызвали возбуждение на конгрессе, и Грекову пришлось опровергать эту «провокацию»: «Это неверно, — говорил он, — я не мог заключить договора, так как Согласие не признало директории, считая, что она находится в тайной связи с немецкими спартакотцами и русскими большевиками. Француз-

¹ Фактически у него было едва ли более 4—5 тысяч.

² Большевики в своих прокламациях перечисляли и «15 пунктов» состоявшегося якобы договора — отголосок условий, поставленных фактически французами в порядке частных переговоров.

ское командование с большой охотой слушает меня, когда я заявляю, что мы решили собственными руками отвоевать свою свободу и что мы не нуждаемся в иностранных силах, но отказывает, когда я прошу военный материал, боясь, чтобы он не был употреблен против Согласия...»

По тем речам, которые раздавались на конгрессе, можно было думать, что собрание свергнет директорию и возьмет власть в свои руки. Но этого не случилось. 14 января, в связи с безнадежным положением, нарисованным властью, слухами о приближении большевиков к Киеву и появлением на улицах города ушедших с позиций частей, произошла сильнейшая паника. Началась хаотическая эвакуация всех правительственных и военных учреждений. Разбежались министры и чиновники. Настроение стало окончательно подавленным, и официальная газета директории «Украинская Ставка» писала: «После того, что нам пришлось видеть вчера в украинских государственных и общественных учреждениях, нам стыдно смотреть людям в глаза. Там такая бездна страха, такая дикость перепуганного зверя, такое отсутствие образа человеческого, что от стыда можно с ума сойти...» Под влиянием такого настроения конгресс, приняв большинством голосов «селянских спилок» резолюцию о доверии к директории, неожиданно закрылся, и члены его спешно разъехались. Из своего состава Конгресс оставил в комиссии 41 члена «с законодательными и контрольными функциями» для опеки над Верховной властью и постановил образовать «трудовые рады из рабочих и крестьян» для контроля над местной властью (правительственными комиссарами).

Директория отдала Киев без боя и переехала в Винницу, отправив правительственные учреждения частью в Каменец-Подольск, частью в Галицию. А 23 января передовые части 1-й советской дивизии «повстанцев» входили в город с большой осторожностью и... недоумением, так как ни близко, ни далеко никаких серьезных сил у большевиков не было.

Все эти события послужили основанием для непримиримого отношения командования Добровольческой армии к директории — отношения, вызывавшего не раз суровое осуждение в центробежных кругах, особенно на Кубани.

ГЛАВА XXVII

ПЕРВЫЕ ШАГИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ВЛАСТИ
В ОДЕССЕ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМ РУССКИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В ближайшие две-три недели после занятия Одессы налаживалась еще только связь ее с Екатеринодаром, и генерал Гришин-Алмазов правил почти независимо от Особого совещания, находясь под влиянием Шульгина. Для гражданского управления он создал «правительственный аппарат» во главе с Пильцем (он же управляющий внутренними делами), в составе восьми отделов, в том числе юстиции, путей сообщения (одна железнодорожная станция), финансов и т.д. Под предлогом затруднительности сношений с Екатеринодаром, что было отчасти справедливо, одесская власть стремилась упрочить тахітис своей самостоятельности, в то время как Екатеринодар проводил идею ведомственного подчинения органам Особого совещания. На этой почве начались недоразумения. Несогласованность планов продовольственного, топливного, товарообмена, морских перевозок и т.д. особенно тяжело отражалась на положении осажденного города, жившего исключительно подвозом. В этом деле в равной мере были виноваты одесский сепаратизм, екатеринодарский централизм и личные эгоистические устремления многих торгово-промышленников, пароходовладельцев и стоявшего за ними финансового мира. Но больше всего, конечно, — блокада петлюровцами города.

К случайно зародившейся власти отнеслись вообще с некоторым предубеждением, и не только в Одессе, но и в Екатеринодаре. Гришина-Алмазова не знал у нас никто. Смущали некоторые неудачные назначения его сотрудников; вызывали возражение самостоятельное распоряжение эмиссией одесской экспедиции и широкие ассигнования государственных средств; большие штаты и крупные по екатеринодарским масштабам оклады; назначение «месячного пособия» всем состоящим на государственной и общественной службе и рабочим — прием, не могущий быть примененным на всей территории Добровольческой армии и отзывавшийся дема-

тогией; выдача крупных по тому времени сумм на агитационную работу Совета государственного объединения — организации недоброжелательной по отношению к Добровольческой армии, и т.д. К тому же одесские осведомители указывали постоянно на непопулярность, якобы, Гришина-Алмазова и связывали между прочим его деятельность, как оказалось потом — совершенно неосновательно, с работой Совета государственного объединения, вероятно, благодаря активному участию в этой организации и покровительству ей председателя одесского «правительства» Пильца.

Под влиянием всех этих обстоятельств я послал Гришину-Алмазову телеграмму, в которой, указав на ненормальность служебных взаимоотношений его и «правительственного аппарата, с Екатеринодаром, потребовал¹:

«1. Ваш правительственный аппарат немедленно расформировать.

2. Для управления городом Одессой и прилегающим районом пользоваться нормальными органами одесского градоначальства.

3. Немедленно прекратить крупные ассигнования из казны без моей санкции.

4. Упразднить должности заведующих отделами и установить немедленное подчинение местных органов суда и управлений Особому совещанию по соответствующим отделам.

5. Считаю желательным для обсуждения принципиальных дел гражданского ведомства приглашать представителей Одесского городского и Херсонского земского самоуправлений²».

Я полагал возможным вернуть Одессу в положение градоначальства, с тем чтобы после расширения района учредить там, областное управление с более широким кругом компетенции и власти.

Моя телеграмма вызвала большое волнение в правящих и

¹ Телеграмма от 27 декабря, № 1425.

² Указанное в § 5 было сделано по ходатайству одесских демократических организаций, переданному мне по телеграфу посетившим Одессу генералом Лукомским.

политических кругах Одессы и целый ряд откликов. Энно, свидетельствуя о полной лояльности Гришина-Алмазова и его «правительства», просил об отмене распоряжения, которое «вызовет беспорядки в Одессе и парализует французское командование в его сношениях с гражданской и военной властью». Шульгин в телеграмме генералу Драгомирову счел принятые меры актом недоверия к нему лично как главному инициатору созданной схемы управления. Говорили по аппарату с генералом Драгомировым Гришин-Алмазов и Пильц. Все они указывали на крайне плохую связь с Екатеринодаром, необходимость поэтому большей самостоятельности местной власти и недопустимость чрезмерной централизации. Говорил также инженер Демченко¹ «от имени своих политических единомышленников — Совета государственного объединения, Национального центра (?) и финансово-промышленных организаций. Осуждая главным образом стремление Екатеринодара руководить экономическими и финансовыми вопросами, касающимися Одессы, он между прочим сообщал²:

«Этими днями вернулись из Бухареста князь Куракин и Маргулиес, которые вели там переговоры с графом Сент-Олером и генералом д'Анзельм. Последний в ближайшее время должен быть в Одессе. Французы заявили — считают необходимым, чтобы *при командующем всеми французскими войсками, штаб которого будет в Одессе, был или совет из представителей различных политических течений, или образовано специальное Южнорусское правительство для контактной работы*, где будет распространяться французское влияние. Ввиду этого после приезда их из Бухареста, в связи с теми приказаниями, которые они привезли от военного и дипломатического ведомства, последние дни у нас было соединенное совещание представителей умеренных и левых групп, т. е. Совета государственного объединения, Национального центра и Союза возрождения России, которые пришли

¹ Демченко пользовался плохой репутацией в отношении своей финансовой деятельности; играл большую роль за кулисами одесского «правительственного аппарата».

² Разговор с членом Особого совещания Шуберским 29 декабря.

кединогласному решению о необходимости создания немедленно правительства, которое охватит весь юг России, где раньше была власть гетмана; при этом правительство, которое есть в Добровольческой армии, должно считаться общероссийской властью. В этом новом правительстве министр иностранных дел и военный должны назначаться генералом Деникиным, а остальные министры намечаются соглашением между Советом государственного объединения и Национальным центром, с одной стороны, и Союзом возрождения и Земским городским союзом — с другой стороны».

Образование нового правительства считалось в Екатеринодаре нарушающим идею объединения русских областей. Поэтому генерал Драгомиров сообщил Гришину-Алмазову, что «никаких претензий у Особого совещания быть всероссийской властью никогда не было, нет и теперь». Что главнокомандующий, возглавив Вооруженные силы Юга России, считает необходимым на Юге единство военной и гражданской власти и не допускает образования в Одессе особого «правительства». Генерал Гришин-Алмазов в свою очередь заверил, что идея эта возникла без всякого его участия и даже без его ведома и что он лично не допустит никаких перемен.

Между тем Совет государственного объединения счел, очевидно, откровенность Демченко преждевременной. Телеграммой от 30 декабря председатель Совета барон Меллер-Закомельский удостоверял, что «сообщенные Демченко сведения касаются лишь предварительной теоретической разработки вопроса о временной организации власти на юго-западе, причем все соображения по этому поводу решено было представить генералу Деникину на одобрение через делегацию от Совета». Одним из главных оснований необходимости создания правительственной власти на месте являлась, по его словам, уверенность, что «в условиях оккупации, полной неожиданностей и препятствий, отсутствие на месте полномочного аппарата власти привело бы неминуемо к фактическому переходу ее в руки командного состава десантного отряда».

И в телеграмме Демченко, и в заверениях барона Меллера-Закомельского оказалось много неточностей. Четыре организации по вопросу построения власти не только не пришли «к

единогласному решению», но, как увидим ниже, расходились в нем коренным образом; идея создания новой власти «при командующем французскими войсками» принадлежала не французам, а исходила из недр Совета государственного объединения; вопрос вышел далеко за рамки «теоретической разработки», так как 14 декабря Советом государственного объединения были посланы в Бухарест М. Маргулиес и князь Куракин с целью воздействовать на французских представителей, и в частности на штаб генерала д'Анзельма, собиравшийся переехать в Одессу, и предложить им изложенную выше схему власти, с кандидатами в правительство из состава Совета государственного объединения. Маргулиес с князем Куракинским заявили французам «о желательности образования Юго-Западного правительства хотя бы сперва в форме *совета при французском командовании*». На этой форме они остановились как на «наиболее приемлемой для французов...»¹. Эту идею поддерживали и послы Совета, командированные в Париж, Бухарест и Константинополь (Шебеко, князь Урусов и Молов). По крайней мере, такие взгляды высказывали они по возвращении в Одессу на общественных собраниях.

После всех переговоров и доклада генерала Лукомского, вернувшегося из Одессы, я послал военному губернатору в изменение телеграммы № 1425 новое распоряжение:

«1. Сохранить ныне действующее при Вас Совецание исключительно в качестве совещательного органа без правительственных функций, каковые принадлежат лишь Вам в пределах полномочий, коими Вы облечены.

2. Для неотложных расходов испросите необходимый Вам аванс, в пределах которого разрешаю производить финансовые операции на надобности, по которым своевременно не может быть получено разрешения финансового отдела Особого совещания.

3. Общее управление финансами, торговлей и промышленностью, транспортом сухопутным и морским, а также учреждениями суда должно регулироваться директивами соответствующих управляющих отделов Особого совеща-

¹ *Маргулиес «Год интервенции».*

ния, при мне находящегося, коим присвоены министерские права. В случаях неотложной необходимости принимайте чрезвычайные меры, донося немедленно мне. Все остальные указания телеграммы № 1425, не отмененные настоящей телеграммой, остаются в силе.

№ 1. Екатеринодар. 1 января».

Эта «конституция» существовала до самого переворота, устроенного французами, видоизмененная несколько в конце января с назначением генерала Санникова «главнокомандующим и командующим войсками Юго-Западного края», с предоставлением ему больших полномочий. Его же усмотрению был предоставлен вопрос о существовании и деятельности «совещания» при военном губернаторе Одессы. Генерал Гришин-Алмазов был оставлен в своей должности.

Гражданское управление Одессы с большим трудом начало было налаживаться. По мере выяснения обстановки создавалось большее взаимное понимание, и централизм Екатеринодара принимал более умеренные формы. Многие главы ведомств (военного, морского, финансового, торгово-промышленного) побывали в Одессе, чтобы войти в личное общение с местной властью и устранить возникшие трения. Сотрудничество военного губернатора с городским головой Брайкевичем и председателем земского управления Бутенко — по свидетельству Брайкевича протекавшее в большом согласии — приближало власть к местной жизни и нуждам. Эти взаимоотношения выдержали благополучно и некоторое испытание: в начале января в Одессу была послана телеграмма о роспуске думы, срок которой истек 1 января, и о ведении городского хозяйства управой впредь до созыва новой думы по выработываемому в Особом совещании закону¹. Это *общее* распоряжение, касавшееся всей территории добровольческой армии, проходило везде безболезненно, так как Добровольческая власть в освобождаемых от большевиков районах в области городско-

¹ Ясское совещание также отрицательно относилось к «думам Временного правительства», считая необходимым «ввести всеобщее избирательное право в разумные пределы» путем повышения цензов — возрастного и оседлости.

го и земского самоуправления находила пустое место и только не восстанавливала дум и собраний; в Одессе же дума существовала, и поэтому там роспуск вызвал некоторое волнение и борьбу. Я оставил в покое одесскую думу. И должен признать, что от насквозь социалистического состава ее и вообще от местных бытовых и классовых организаций Добровольческая власть не испытывала и десятой доли тех затруднений, как от некоторых *пришлых* элементов — русских и иноземных.

...

Кроме обвинений в централизации добровольческую власть упрекали в том, что она «не идет навстречу организованной общественности». Между тем в Одессе не оказалось ни сколько-нибудь объединенной общественности, ни «общественного мнения». В этом политическом Вавилоне, как в фокусе, отразился разброд российской интеллигенции — весьма показательный и по своему значению выходящий далеко за пределы местной жизни. Здесь слагались окончательно те взаимоотношения, которые легли в основу всей дальнейшей междоусобной политической борьбы, раздиравшей противобольшевистский фронт.

Совет государственного объединения вел наиболее интенсивную работу, сумев придать себе значительный вес в глазах представителей французского командования. Его послы побывали в Константинополе, Бухаресте, Париже, Екатеринодаре — всюду, где только слагались центры влияния на события Юга. Пополненный «кооптацией» вновь приехавших лиц, довольно однородный по своему социальному составу, Совет в политическом отношении представлял более пеструю картину: уходя своими корнями вглубь германофильских кругов, прогетманских организаций, Протофиса и «хлеборобных» союзов, он был связан вместе с тем персональным совместительством с Национальным Центром, а член бюро Совета, «политический маклер» Маргулиес протягивал тонкие, рвущиеся нити между Советом и демократическими организациями.

Совет не углублял и не раскрывал свою идеологию, а ставил исключительно вопрос о власти. Попытки его подчинить своему влиянию Екатеринодар не увенчались успехом. Одесса представляла более благодарную арену для подобных экспериментов, но бюро Совета в те дни, когда решался впервые

вопрос об одесской власти, укрылось в Крым, и события потекли мимо него: появился «узурпатор» Гришин-Алмазов и за ним политическое руководство Шульгинской группы. Поэтому с первых же недель, когда не только не было еще «мертвящей централизации Екатеринодара», но не установилась с ним даже надлежащая связь, Совет государственного объединения повел борьбу за власть. Не имея иной опоры, кроме французского командования, Совет готов был идти и на французскую оккупацию и на «иностранные легионы». Готов был признать диктатуру в лице генерала Деникина и генерала д'Анзельма, лишь бы за нею стояла его власть. Когда французы указали на необходимость соглашения с демократией, Совет готов был пойти и на трехчленную директорию. Вопрос о конструкции власти не имел, по-видимому, в глазах Совета принципиального значения; опасаясь полного разрыва с Добровольческой армией, Совет в то же время готов был отказаться и от схемы Маргулиеса, и от идеи директории, принимая в чистейшем виде институт генерал-губернаторства, вернее, наместничества. В записке, поданной мне через князя Щербатова в начале февраля, пожелания Совета были высказаны в форме достаточно элементарной: «Представителем и носителем власти в Одессе и в оккупированном (?) французскими войсками районе должно быть лицо, назначенное генералом Деникиным по предварительному соглашению с французским командованием...» Это лицо «должно быть облечено почти неограниченными правами», в том числе правом всех назначений и широкого расходования кредитов — главным образом... на агитацию и пропаганду, находящуюся в теснейшей связи с «организацией (Совета?), работающей за границей»¹... «Необходимо организовать самую широкую и умело поставленную контрразведку...» Наконец, начальник края должен в своей деятельности «считаться с мнением руководящих общественных групп, дабы не увеличивать числа недовольных, способных нарушать созидательную

¹ Бюро Совета настойчиво и постоянно обращалось к Гришину-Алмазову, Санникову, Бернацкому за субсидиями на свою работу в Одессе и за границей, исчисляя потребность денежных средств десятками миллионов.

работу и обращением своим к французскому командованию затруднять и без того сложные взаимоотношения».

Если принять во внимание, что по мнению Совета и инспирированного им французского командования ни Гришин-Алмазов, ни Санников не удовлетворяли такому назначению, и обе стороны добивались всеми доступными путями назначения генерал-губернатором Одессы Пильца, то вся работа Совета государственного объединения теряет значительно в своем идейном обосновании¹.

Деятельность *Национального Центра* в Одессе протекала вяло. Те немногие члены главного комитета, которые находились в Одессе, являлись случайными представителями его, не снабженными ни должными полномочиями, ни информацией. 5 января, после приезда М. М. Федорова, приступили к некоторой организации: образовался «одесский отдел» Центра², поставивший своими ближайшими задачами «установить связь со всеми группами общественных деятелей в Одессе и партиями несоциалистического направления, а также направлять общественную работу руководителей Добровольческой армии, удерживая их от принятия мер, противных духу времени». Собрание установило характер своей будущей работы, в которой большое место отводилось «пропаганде за Добровольческую армию». Организация действительно горячо защищала интересы армии, поскольку оторванность от Екатеринодара не препятствовала ее добрым намерениям.

Но и после образования отдела, вследствие плохой связи с главным комитетом позиция его была недостаточно определена и удельный вес поэтому не очень велик. Не раз представителям отдела приходилось выступать от своего только имени, уклоняться от принятия решений или расходиться с центром. В своем послании в Екатеринодар Национальному Центру отдел писал однажды: «Отсутствие руководящих указаний

¹ В Совете государственного объединения были различные люди и различные течения. Я касаюсь здесь того течения, которое возобладало и проводилось в жизнь бюро Совета.

² Под председательством Юренева, в составе Родичева, Шульгина, Волкова, Энгельгардта, Новгородцева и других.

относительно главнейших вопросов текущего момента крайне затрудняет положение представителей отдела в четырехглавом совещании, так как все другие входящие в него организации имеют свои вполне определенные проекты, и только Национальный центр не имеет ничего определенного и должен ограничиться критикой чужих предложений¹.

Параллельно с одесским отделом Национального центра в Одессе возобновила свою деятельность и группа Шульгина — «внепартийный блок русских избирателей в Киеве», работавший последнее время в качестве «Киевского отдела Национального Центра»; группа пополнилась представителями других южных губерний и в конце января выступила под новым именем «Южнорусского Национального Центра», став в совершенно независимые отношения к Национальному Центру². Это расслоение явилось далеко не случайным и знаменовало отпадение от Национального Центра его правого крыла, искусственно выросшего в 1918 году на почве совместной борьбы с украинством и германофильством. И хотя Шульгин писал, что «после сформирования южнорусского Национального Центра предполагается возобновить тесную связь с Всероссийским Национальным центром, — связь, которая последнее время как-то ослабела», но фактически взаимоотношения их никогда больше не налаживались.

В своих ориентировках и переписке Шульгин и его сотрудники постоянно осуждали централистскую политику Екатеринодара («необходимую как принцип, но вредную как систему текущего управления»), были недовольны Санниковым и добивались полноты власти для Гришина-Алмазова. Но эти внутренние трения не выносились наружу, и группа повсюду — в печати, в совещаниях, в сношениях с французами — поддерживала добровольческую власть и в частности главнокомандующего, «как носителя дорогой нам идеи и вождя единственной реальной русской силы...».

С такой же прямолинейностью Шульгинская группа вела борьбу с украинством, «в каком бы виде оно ни проявлялось».

¹ Информация от 19 января 1919 года.

² Состав бюро: председатель В. В. Шульгин, заместитель Савенко, члены — граф Д. Гейден, Ефимовский, Грушевский (Е. Г.).

Союз возрождения России в начале 1919 года переживал наиболее тяжелые дни внутренней распри. Сама основная идея его возникновения, политики и тактики — сотрудничество с несоциалистическими, буржуазными группами — подвергалась яростным нападкам со стороны социалистических партий. Не говоря уже об украинских социалистах, в глазах которых политика государственного единства была недопустимой, его бойкотировали и русские социалисты, настойчиво требуя разрыва с несоциалистическими организациями и с Добровольческой армией. Комитет социал-демократов в Киеве вынес постановление о недопустимости вступления в Союз членов партии. Также отрицательно отнеслось «Южное совещание» партии эсеров: «Деятельность Союза возрождения в значительной мере является дезорганизующей силой демократии и способствующей безответственным персональным выступлениям политических деятелей, особенно вредным в условиях нашего времени» — говорила резолюция, предложенная Центральным комитетом, и требовала отозвания из Союза всех членов партии эсеров¹. Что касается Добровольческой армии, то «совещание» это постановило, что оно «не может призывать трудящиеся массы к поддержке Добровольческой армии в силу неприкрытых стремлений ее вождей к социальной и политической реставрации. Совещание требовало «безусловного подчинения армии демократической Южнорусской государственной власти...», без чего «партия эсеров может рассматривать армию только как силу, враждебную демократии».

Эти партийные узы тяжелым ярмом лежали на членах Союза возрождения, лишая Союз свободы действий и обрекая на бесплодность все усилия его умеренных и государственно мыслящих членов. Эти узы вносили в среду Союза неискренность и колебания. Союз утрачивал внепартийный характер своей организации. Мало-помалу от него откладывалось правое его крыло — кадеты², а постановление, принятое Союзом 16 марта и признававшее «невозможным участие членов его в организациях Национального центра» (в силу расхождения

¹ Одесса, февраль 1919 года. Резолюция собрала половинное число голосов.

² Вышли кадеты Степанов, Астров, Юрнев и другие.

в вопросе о диктатуре), наносило существенный удар самой идее блока социалистических партий с буржуазными.

В конце ноября 1918 года на Юге России создавалась еще одна организация — «Совет земств и городов Юга России», возникавшая в результате Симферопольского съезда. Хотя состав съезда был малочисленный и совершенно случайный, по преимуществу социалистический; хотя органы самоуправления, возникшие в 1917 году под гнетом революционного утара и засилия солдатчины, имели сомнительные права на народное представительство, — съезд высоко расценивал свое предназначение: «В деле создания... временной демократической государственной власти Юга России, — говорилось в его резолюции, — при отсутствии в данный момент высших органов народовластия и общегосударственного аппарата управления, земские и городские самоуправления, как избранные всем народом на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права и единственно уцелевшие органы правомерной государственной власти на местах — имеют право и обязаны являться выразителями воли избравшего их населения».

Вдохновителями и руководителями этого съезда были все те же лидеры Союза возрождения, и поэтому программы их были почти тождественны, деятельность однородна, превращая Совет в филиал Союза возрождения.

Съезд поручил избранному им Совету принятие всех необходимых мер к созданию временной государственной власти и восстановлению демократических органов самоуправления. В основание его резолюций были поставлены следующие основные положения: 1) необходимость ликвидации советской власти и борьба с «нарастающими в стране реакционными силами»; 2) единство России — в широких границах, исключая восстановление «централистского государственного строя и бесповоротное признание за каждой национальностью права на полное отделение от России; 3) проведение начал народовластия; 4) образование южнорусского центрального правительства «путем сговора политических и общественных групп на государственном совещании», в котором были бы равномерно представлены оба крыла российской общественности (ценз. и неценз.) — в форме директории; 5) помощь со-

юзников, не превращающаяся, однако, в «опасное вмешательство в наше внутреннее российское дело»¹; 6) признание Уфимской директории «мощным фактором в деле возрождения России» и слияние с нею впоследствии Юга «путем дружественного соглашения»; 7) снятие с очереди «ввиду разногласий» вопроса о роли и значении *первого* Учредительного собрания; 8) признание за Добровольческой армией государственных заслуг и ответственной роли — «служить на Юге России ядром для воссоздания российской народной армии» и отрицание как государственной власти — компетенции Особого совещания.

Только в одном вопросе существовало расхождение между обеими организациями: Союз возрождения относился совершенно отрицательно к украинской директории и самостоятельности, считая, что «в движении этом преобладают не национально-украинские, а социально-большевистские тенденции», и предостерегал французское командование от сближения с директорией. Совет земств и городов считал необходимым «вступить в сношения с политическими и общественными группами на Украине в целях демократического разрешения создавшегося положения» и уполномочил бюро Совета вести переговоры с директорией².

В письме своем ко мне бюро Совета земств и городов³ указывало, что «Съезд поставил себе целью способствовать объединению вне зависимости от партий и классов всех элементов русской общественности, готовых примкнуть к общей борьбе за воссоединение единой, независимой и демократической России». Это была теория. На практике Совет, как и Союз возрождения, разделяли партийные перегородки и опутывали партийные догматы. Партийные комитеты зорко следили за поведением своих сочленов в

¹ Резолюция, однако, в дальнейшем призывала союзников поддерживать демократию в противовес «ничтожного меньшинства», борющегося против народовластия.

² Постановление пленума Совета.

³ Состав бюро: эсеры — Руднев, Гоц, Макеев; социал-демократы — Я. Рубинштейн, Коробков; национал-социалисты Елпатьевский, Бернштам; кадеты Брайкевич, Кондратьев.

земско-городском объединении, и то же «Южное совещание партии эсеров», хотя и допускало бытие этой организации, но обвиняло ее в «оторванности от широких масс демократии» и требовало от своей фракции «вести работу в тесной связи с деятельностью партийных организаций».

Совет земств и городов прожил 4 месяца и вместе с падением Одессы закончил фактически свою деятельность.

Так или иначе генералы Санников и Гришин-Алмазов оказались единовременно под воздействием и опекой пяти расходящихся во взглядах политических организаций.

Идея «сговора общественных сил», столь популярная на всем протяжении смутного времени и столь безнадежная в своем осуществлении, нашла отражение и в деятельности одесских политических кругов. С конца декабря и до начала марта состоялся ряд совместных заседаний «четырех организаций»¹ для решения вопроса о создании временной российской власти и для определения основной ее программы. Весь ход переговоров и в особенности интимные подробности, которые стали известны, свидетельствуют, что этим актом стороны отдавали только лишь дань времени, сохраняя предубеждение и неискренность в отношении друг друга, сомневаясь в возможности сговора и как будто выискивая благовидный предлог для того, чтобы разойтись вновь и надолго. Материалом для обсуждения вопроса о построении власти послужил проект Союза возрождения, заключающийся вкратце в следующем:

1. Образуется государственное совещание, составленное из представителей краевых правительств и представительных органов, «четырех» межпартийных организаций, профессиональных союзов, кооперативов, торгово-промышленных организаций и политических партий.

2. Государственное совещание избирает директорию из *трех* лиц, в число которых входит главнокомандующий Добровольческой армией.

3. Директория как носительница верховной власти назначает деловое правительство.

¹ Совет государственного объединения, Национальный Центр, Союз возрождения, Совет земств и городов.

4. Государственное совещание, избрав директорию и опубликовав основные положения программы правительства, распускается.

5. Директория при первой возможности передает власть Учредительному собранию, перед которым только несет ответственность и которое определит форму государственного устройства и основные законы.

На этих положениях сосредоточилось все обостренное внимание совещания, так как декларации по аграрному, рабочему и другим вопросам приняты были только к сведению, не подвергаясь обсуждению.

Первоначально Совет государственного объединения не возражал принципиально против этой схемы, принятой также Советом земств и городов; а отдел Национального Центра, не имея указаний от своего главного комитета, ограничивался введением в нее поправок, в том числе требованием, чтобы в Государственном совещании была представлена Добровольческая армия и чтобы была точно отмежевана та область управления, в которой главнокомандующему предоставляется дискреционная власть. Но по мере выяснения в порядке осведомления социальных и политических расхождений договаривавшихся сторон вопрос о верховной власти приобретал все более острый характер и становился явно основным стержнем борьбы и раздора. На совместном заседании Совета государственного объединения и Национального Центра 11 февраля решено было добиваться предоставления «члену директории главнокомандующему» единоличной власти над армией, в том числе права всех назначений командного состава. Это требование встретило решительный отпор со стороны двух остальных организаций. Когда же на очередном заседании 25 февраля было оглашено полученное из Екатеринодара постановление главного комитета Национального Центра, отвергающее директорию и настаивающее на необходимости «единоличной военной власти, обладающей чрезвычайными полномочиями», это заявление вызвало решительный и окончательный разрыв.

О нем все организации поведали печати.

«Военная диктатура, — говорилось в декларации бюро Совета земств и городов, — может опереться в стране лишь

на немногочисленные группы из среды имущих классов, интересы которых она обязалась бы охранять. Народные массы справедливо усмотрели в диктатуре шаг к реставрации дореволюционного строя; с навязанной им новой властью никогда не примирятся и умеренно демократические круги. Несмотря на внешнюю полноту власти, единоличная диктатура, изолированная независимой общественностью, бессильна будет справиться со сложными задачами по организации нормального правопорядка, более чем когда-либо требующими величайшей самостоятельности общества и народа. Бюро возражает против позиции, занятой Национальным Центром, и Советом государственного объединения в земельном вопросе. Эти организации стремятся включить в программу деятельности временной южнорусской власти восстановление и охрану прав земельной собственности, причем Совет государственного объединения настаивает на вознаграждении землевладельцев за понесенные за время революции убытки. Усматривая в этом насильственное восстановление дореволюционных земельных отношений, бюро земств и городов считает, что это будет новым поводом для взрыва новой гражданской войны в деревне, обострения классовой ненависти и укрепления большевизма. Власть, которая руководствовалась бы исключительно интересами землевладельческого класса, была бы, по мнению бюро, губительной и антигосударственной».

Констатируя в свою очередь неудачу переговоров, Союз возрождения приписывал причины ее «большевистским настроениям масс, реставрационным замыслам и вождениям в среде земельных собственников и других имущих классов, центробежным стремлениям некоторых из южных краевых правительств ... и, наконец, явному нежеланию военных кругов, в частности главного командования Добровольческой армии, войти в соглашение с организованными общественными силами». И, угрожая решительно противодействовать этим тенденциям, рисовал план своих будущих действий:

а) усилить свою агитационную деятельность и организационную работу, стремясь привлечь к делу возрождения

России наибольшее количество демократических сил, с тем, чтобы, опираясь на эти силы, взять на себя активную роль в деле воссоздания русской государственности;

б) вступить в сношения с краевыми правительствами и национальными партиями и организациями, признающими необходимость воссоединения России, стремясь привлечь их к совместной и согласованной с союзом работе по возрождению России;

в) усилить информирование общественных и правительственных кругов Западной Европы и Америки о русских отношениях в целях привлечения их симпатии и активной с их стороны помощи делу русской демократии в ее борьбе за народовластие и свободу;

г) оказывать при наличии достаточно благоприятных политических условий свою поддержку новым русским военным формированиям, образуемым на демократических основаниях, как для того, чтобы увеличить количество сил, борющихся с большевиками, так и для того, чтобы обеспечить будущей общегосударственной власти на юге России кадры для создания родной армии».

Фактически в екатеринодарский и ростовский периоды Союз возрождения представлял собой довольно изолированную группу, оторванную и от социалистических партий, и от буржуазной общественности, стоявшую вне рамок действенной борьбы, играя роль лояльной оппозиции диктатуре.

Национальный центр протестовал против упрощенного толкования Советом земств и городов причин разрыва:

«По мнению некоторых групп, входивших в означенное совещание, расхождение их с Национальным Центром произошло по вопросам земельному и об образовании временной власти. Группы эти бросают Национальному Центру упрек в том, что он стремится к закреплению помещичьего землевладения, что он противодействует демократическому строю России и высказывается против него. По этому поводу представители Национального Центра видят себя вынужденными заявить, что мнение это не соответствует действительному положению вещей. Программные изложения Национального Центра по земельному, рабочему, а равно и общеполитическим вопросам свидетельствуют, что Нацио-

нальный Центр не мыслит будущей России иначе, как обновленной в духе широких демократических преобразований с уничтожением сословных различий, с глубоко идущими социальными реформами, с широкой децентрализацией управления. Национальный Центр стоит за обеспечение землею сельского населения. Восстановление же частных прав земельных собственников является вопросом права и суда, в области которых никакая временная власть не правомочна вторгаться. Задачей временной власти в этой области должно лишь служить предупреждение новых взрывов гражданской войны и классовой мести, установление на местах законных органов, которые бы беспристрастно разбирали возникающие споры из-за земли, не предвешая вопроса о правах на землю и оставляя этот вопрос всецело на суждение будущего Учредительного собрания. Национальный Центр считает, что расхождения по этому вопросу с другими группами уже потому не могли иметь существенного значения, что вопрос этот не был обсужден до конца. Существенным для Национального Центра является расхождение по вопросу об образовании временной власти. Национальный Центр считает, что в условиях борьбы с большевизмом необходима только сильная военная власть и правильная дисциплина для всех классов. В этом отношении Национальный Центр ссылается на опыт Уфимской директории. Военному командованию должны быть предоставлены чрезвычайные полномочия временного характера. Ничуть не возражая против демократических принципов в устройстве власти, Национальный Центр не может участвовать в создании коллегиальной власти, которая не может привести к спасению России».

Точно так же протестовал и Совет государственного объединения:

«Представители бюро Совета государственного объединения России настаивали на предоставлении главнокомандующему неограниченного права решать вопросы о назначении высшего командного состава армии и об объявлении отдельных местностей на военном положении, против чего категорически высказались социалистические группы.

При наличии непримиримого разногласия по означенному вопросу о создании власти отпала возможность дальнейшего соглашения. Поэтому участвовавшие в совещании группы ограничились изложением основных своих предположений по вопросам экономическим и социальным. Заявления эти, в том числе и заявления по аграрному вопросу, были без всякого обсуждения занесены в протокол заседания.

Вышеприведенные данные находят себе полное подтверждение в протоколах совещаний четырех общественных организаций. Эти данные свидетельствуют: 1) что прекращение совещаний общественных организаций было вызвано разногласием по вопросу об определении объема прав главнокомандующего русскими вооруженными силами и 2) что по аграрному вопросу между договаривающимися организациями не обнаружилось непримиримых разногласий, которые не могли бы быть устранены при дальнейшем совместном обсуждении этого вопроса, какового, однако, не последовало».

Наконец в полном согласии с Национальным Центром высказалась и группа Шульгина¹:

«Повторение опытов политики Керенского и Уфимской директории не принесет спасения измученной стране. Поэтому, признавая постановление о необходимости образовать для южной России директорию из трех лиц глубоко ошибочным и могущим иметь самые гибельные последствия для нашей страны, Южнорусский Национальный Центр призывает все патриотические элементы населения, отбросив все классовые соображения и помня только о государственной пользе, всемерно и безоговорочно поддерживать власть главнокомандующего Добровольческой армией».

Я был ориентирован достаточно подробно о ходе работ совещания «четырех организаций», и негласно — о предложенном демократией составе директории. Кроме главнокомандующего, который должен был войти в нее *ex officio*, назывались имена кадета Н. И. Астрова и эсера И. И. Бунакова-Фундаминского.

¹ «Южнорусский Национальный Центр», не участвовавший в переговорах.

Я отношусь с большим уважением к Н. И. Астрову; не знаю вовсе г-на Фундаминского, но судя по тому доверию, которым он пользовался юционной демократии, вероятно, что он был человеком достойным. Не буду входить также в сравнительную оценку преимуществ той или иной системы власти (директория, консулат, диктатура). Но меня поражала та схоластическая привязанность к формулам, та оторванность от действительной жизни, которую проявляла в этом вопросе демократия. Мне казалось, что для всех, кто наблюдал серьезно жизнь Екатеринодара, устремления казачьих правительств, настроения армии и близких ей кругов, должно быть совершенно ясным, что осуществление этой идеи безнадежно. Южную директорию постигла бы та же участь, что и Уфимскую. Только дни ее жизни были бы значительно короче и конец плачевнее. Во всяком случае, в силу господствовавших настроений главнокомандующий не имел бы возможности не только поддержать престиж, но даже и оградить самую жизнь члена директории, *еврея* Фундаминского.

ГЛАВА XXVIII

УКРАИНСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В ОДЕССЕ. ПОЛИТИКА ФРАНЦУЗОВ В ОТНОШЕНИИ УКРАИНСКОЙ ДИРЕКТОРИИ И ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА

Помимо перечисленных пяти организаций, в Одессе существовали органы всех политических партий — от блока крайних правых во главе с Пеликаном и Родзевичем до тайных большевистских ячеек, обладавших большими средствами и ведших разлагающую пропаганду в городе, среди французских матросов и солдат. Легальные российские партии в качестве таковых на авансцену одесских событий непосредственно не выступали, оказывая влияние и давление главным образом при посредстве «пяти организаций». Точно так же мало заметна была в городе с огромным еврейским населением явная политическая работа еврейских партий. Одесские осведомители указывали только на тайную совместную деятельность некоторых немецких банков и крупных еврейских

финансистов, поддерживавших украинское движение. Эта работа, видными участниками которой называли между прочими Марголина и Вольфсона, находилась в трагическом несоответствии с природой движения, с волной еврейских погромов, поднятой разлагавшимися войсками директории и прокатившейся по Украине и Новороссии в феврале—марте 1919 года. Эта же работа создала в добровольческих кругах довольно распространенное и слишком упрощенное объяснение направления французской политики на Юге — «еврейским золотом» и «еврейским засильем». Олицетворялось оно всемогущим тогда начальником штаба генерала д'Анзельма евреем Фрейденбергом¹ и его советчиками — Марголиным, Маргулиесом и другими видными представителями русского еврейства.

Наибольшую деятельность проявляли украинские группы. Делясь на несколько толков и течений, они обладали общими чертами — большой долей авантюризма и большой решимостью жертвовать интересами и Украины, и России.

В одно и то же время в Москве вел переговоры с советом комиссаров украинский посол Мазуренко, а в Одессе вступала в сношение с французским командованием целая плеяда украинских деятелей: военный министр генерал Греков, министр внутренних дел Мациевич, его товарищи Марголин и австриец Галип; представитель отколовшегося на ноябрьском съезде левого крыла хлебобобов Шемет и другие лица. Все они для подкрепления своей агитации пользовались большими средствами². Не признаваемые добровольческой властью и явно враждебные ей, они тем не менее пользовались, благодаря французам, полным иммунитетом в Одессе.

Эти официальные представители директории далеко, впрочем, не отличались единством. Военная группа (Петлюра, Греков, отчасти Галип), находившаяся в оппозиции к партии Винниченко, в поисках расположения французов готова была идти на внутренний переворот — очищение дирек-

¹ В транскрипции Марголина и Маргулиеса — «Фредамбер».

² Помимо большого запаса денежных знаков, перешедших от гетманского правительства к директории, Германия продолжала изготавливать бумажные деньги и снабжать ими директорию в значительных размерах.

тории от Винниченко и большевистских элементов и сближение ее с буржуазией, с сохранением, однако, самостоятельности Украины. По мере развала армии и правительства из этой комбинации вышел генерал Греков и стал вести свою особую линию, «жертвуя» уже и Петлюрой и являясь претендентом на роль главы директории или диктатора. В то же время его агенты стремились привлечь одесское офицерство и в особенности генеральный штаб на украинскую службу широкими денежными посулами и обещаниями «федерации и даже монархии». Они говорили также о возможности соединения армий под общим руководством добровольческого командования.

Украинская работа велась и в другом направлении.

Бывшие гетманские деятели — генералы Бискупский, Присовский, Долгоруков и другие, оставшиеся не у дел, сохранившие старые связи с немцами и завязывавшие новые — с французами, были враждебны к Добровольческой армии и в свою очередь сильно смущали офицерство. Бискупский, возглавлявший эту группу, стремился к образованию «краевого правительства с объединением национальностей» и к созданию особой украинской армии; в то же время он старался заинтересовать французов своим проектом разрешения аграрного вопроса в России: иностранный консорциум, скупающий у помещиков землю и перепродающий ее после parcelляции крестьянам с большим дивидендом... Трудно было определить, где в этом проекте проходят грани между фантастикой и потерей национального чувства.

Эта группа в силу финансовых, по-видимому, обстоятельств объединилась с другой, также крайне правой, представителями которой были: харьковский помещик, председатель отделения союза русского народа, Котов-Коношенко, претендовавший на гетманский «стол», и киевский помещик, бывший чиновник канцелярии генерал-губернатора Григоренко. Они играли роль представителей «Всеукраинской народной громады» и «Всеукраинского союза хлеборобов-собственников» — групп, отколовшихся от Всеукраинского союза хлеборобов на ноябрьском съезде. Это звание придавало им известный декорум «народных избранников» в глазах не разбиравшихся в русских делах французов.

От имени обеих организаций Котов-Коношенко подал докладную записку французскому командованию и генералу Санникову с изложением чаяний широкого фронта русско-украинской реакции и ее несложной программы: 1) верховная власть в Малороссии принадлежит «гетману, воеводе или Верховной краевой раде»; 2) при ней — «Верховный Совет из представителей Добровольческой армии, народной громады и хлеборобов-собственников»; 3) «краевая армия», созданная путем мобилизации «имущих классов при участии хлеборобческих громадянских организаций», с офицерским составом преимущественно «из местных офицеров-хлеборобов»; 4) лозунг — «неприкосновенность собственности на землю». Аграрный вопрос считался уже разрешенным «ввиду накопления капиталов в деревне, позволяющих крестьянам скупать землю», для чего требуется лишь «законное разрешение свободной купли-продажи земли».

Эти организации делали также попытки формирований, призывая в свои ряды офицерство и прельщая его крупными окладами, превосходившими значительно добровольческие.

Естественно, что у генерала Санникова ни Котов-Коношенко, ни его проект не встретили никакого сочувствия. Но французское командование в поисках «подлинно демократических» течений вело оживленные переговоры с ним и с Григоренко и в их кругах искало людей для нового правительства; в частности, Григоренко состоял неизменным кандидатом во всех французских комбинациях новой власти.

И хотя Бискупский, Котов и Григоренко являлись сторонниками и претендентами на возглавление государственной власти трех различных систем — краевого правительства, гетманства и директории, но это решение, по-видимому, не считалось существенным и не препятствовало нисколько их единению. По существу идеология всех этих лиц была одна и та же, как один и тот же денежный источник питал их деятельность.

Большое участие в этой группе принимали руководители киевского монархического блока; полной поддержкой пользовалась она со стороны «Протофиса», группы «Всероссийского союза земельных собственников» и нового крайне правого блока Полекана — Родзевича — Гижницкого. Григоренко установил тесный контакт с бюро Совета госу-

дарственного объединения и в то же время вел переговоры с группой генерала Грекова, протягивая нити к украинской директории... По игре судьбы сложная интрига ковала длинную цепь, противоположными концами своими захватывавшую Петлюру и... Пеликана.

Наконец, была еще одна строго конспиративная польско-украинская группа, внушавшая французам мысль об освобождении Украины при содействии Польши и о включении ее на автономных началах в состав Польского государства...

Если ко всему этому добавить, что одна и та же контрразведка обслуживала и немцев, и Украинскую народную громаду¹, и что по свидетельству Маргулиеса другая контрразведка («источник сведений») работала одновременно на французов, на Гришина-Алмазова и за особую плату «раньше их» делилась своими сведениями с бюро Совета государственного объединения², то получится довольно яркая картина того переплета борьбы, интриг, влияний, той политической свистопляски, которая мутила Одессу.

Картина была бы неполной, если бы я не коснулся другой области — социально-экономических отношений. В этой области по концентрации спекулянтских элементов и плутократии, по темпераменту и размаху Одесса превзошла, вероятно, тыловые центры всех фронтов. «С одной стороны безмерная нужда масс, — писала одесская газета, — с другой столь же безмерная расточительность... Буржуазия наша в чадю своих бумажных барышей и столь же полноценных развлечений как будто ничего не видит, не ударяет пальцем о палец, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить бедственное положение народных низов. Ее пир во время чумы продолжается с непрекращающимся блеском и треском. А роковое кольцо вокруг нее между тем все суживается и суживается...»

«Одесский омут». Так охарактеризовала печать бурно кипящий третий этап российской «контрреволюции».

¹ Почти каждая политическая организация того времени имела свой контрразведочный или осведомительный орган.

² На приобретение их бюро расходовало суммы из субсидии, полученной от военного губернатора через Пильца.

Положение французского командования в Одессе при создавшейся обстановке было поистине трудным. Множество людей совершенно противоположных взглядов ежедневно осаждали французский штаб; делегации, депутации, представлявшие непременно «народные массы», «демократию» или по меньшей мере «широкие слои общественности», внушали французам свои проекты спасения России, Украины или французского влияния, поражавшие своими противоречиями и приводившие французов в полнейшую растерянность. Различные авантюристы, проходимцы находили окольные пути через некоторых персонажей многолюдного французского штаба и совместно с ними создавали вокруг него нездоровую политическую и спекулянтскую атмосферу.

В первый месяц французской интервенции, пока старшим начальником был бригадный генерал Бориус — строевой офицер, не имевший вкуса ни к политике, ни к властвованию, фактическим руководителем французской политики на Юге оставался Энно. Поэтому в первых донесениях Гришина-Алмазова звучали уверенные ноты: «С французским командованием установились наилучшие отношения. Фактически распорядителем являюсь я».

Вскоре оптимизм исчез. Хотя генерал Бориус действительно не вмешивался в гражданское управление и проявлял вполне доброжелательное отношение к добровольческой власти, но тем не менее положение Одессы становилось невыносимым. Власть военного губернатора распространялась только на город, но уже предместья его и ближайшие деревни занимались петлоровскими отрядами; в их руках был даже городской водопровод. Отрезанная от источников своего питания, Одесса осталась без продовольствия и фуража. Цены росли неимоверно, и это давало пищу для недовольства масс и добровольческой властью, и французским командованием, престиж которого, высокий вначале, все более падал. Наконец, ничтожные размеры «зоны» не допускали сколько-нибудь серьезного развертывания наших сил, которые к январю насчитывали всего 1 600 штыков, 56 сабель при 10 орудиях.

Французский гарнизон Одессы состоял всего из бригады пехоты с артиллерией и техническими частями и конного полка. При полной инертности и ничтожестве противника

и эти силы были вполне достаточны для расширения зоны, тем более что в Николаеве разновремененно сосредоточилось до 25 тысяч германских войск, которых петлюровцы довели до отчаяния, отрезав им все пути, и на которых возможно было возложить, хотя бы временно, обеспечение Херсоно-Николаевского района.

Гришин-Алмазов, поддержанный мною перед главным французским командованием, настойчиво добивался продвижения французов первоначально хотя бы с целью захвата ближайших деревень, затем до линии Тирасполь—Раздельная—Березовка — Николаев—Херсон. Ограниченный этой линией район представлял прекрасную военно-хозяйственную базу; обеспечивая оборону города, открывая железнодорожную связь с Румынией, где осталось многочисленное русское имущество бывшего Румынского фронта, он отдавал бы в наши руки площадь, богатую хлебом и фуражом, особенно Николаевский и Херсонский уезды, являвшиеся ближайшим рынком Одессы.

Но генерал Бориус получил приказание занять *только* Одессу и решительно отказался продвигаться далее. Французское правительство не имело, по-видимому, никакого плана и колебалось. Командование боялось рисковать незначительными силами, не торопилось их увеличивать и явно стремилось к разрешению взятых на себя обязательств одним «моральным авторитетом» без пролития французской крови. Поэтому вместо военных действий продолжались нудные и безрезультатные переговоры с директорией. Энно, разделявший взгляды на этот вопрос русского командования и поддерживавший идею единства России, тем не менее при создавшейся обстановке считал необходимым использовать военные силы Директории, питая искренние, но совершенно нереальные надежды на возможность «кооперации» их с добровольцами.

Потеряв надежду на продвижение французов, Гришин-Алмазов предложил французскому командованию расширить зону своими силами, но получил категорический отказ.

Так прошел месяц. Одесса задыхалась в тесном кольце блокады, Директория понемногу распадалась, войска ее разлагались, силы одесских добровольцев не возрастали, а советские армии все ближе подвигались к Киеву.

...

В начале января в Одессу прибыл штаб французской дивизии во главе с генералом д'Анзельмом и начальником штаба полковником Фрейденбергом, а вслед затем высадились и новые части десанта. В последующих событиях личность генерала д'Анзельма ступала совершенно, так как всю политическую работу вел его начальник штаба. Энно был отстранен от дел и вскоре уехал в Париж, «перед тем как покинуть одесский котел», послав свои «искренние пожелания успеха Добровольческой армии». Взаимоотношения резко изменились. Фрейденберг, заранее предубежденный против Добровольческой армии, принял систему полного игнорирования власти и дискредитирования ее представителей. Вместе с тем он начал поиски такой комбинации, которая наиболее благоприятствовала бы французской оккупации. Эта деятельность Фрейденберга полна противоречий и видимых несообразностей в связи с целой гаммой влияний, интриг и давлений, которым он подвергался. Но наиболее явственные и серьезные из этих влияний исходили от трех звеньев противоестественной политической цепи: 1) Петлюра — Греков, 2) Греков — Котов — Григоренко, 3) Григоренко — Меллер-Закомельский — Маргулис. Политически это означало директорию, хлебоборбческую «Громаду» и Совет государственного объединения; в области устремлений — самостийность, русскую фальсификацию украинской директории и особое южное правительство. Все комбинации признавали верховное правление французов, и все отрицательно относились к Добровольческой армии.

Иногда эти влияния оказывались отдельно, иногда составляли *mixtum compositum* — наиболее уродливую форму, заводившую французское командование в тупик.

— *Pas une goutte de sang français*¹.

Этот стимул «интервенции» требовал каких-то посторонних сил для борьбы с большевиками и заставил французов обратить свои взоры на Украину. Но такая политика была явным продолжением германской, приводила не к воссозданию, а к расчленению России и не могла не смущать французов, заставляя их искать оправдания своим действиям в отвлечен-

¹ «Ни капли французской крови» (франц.). — *Прим. ред.*

ных сомнительных формулах. Так, генерал д'Анзельм говорил Шульгину: «Мы должны поддерживать все элементы порядка, а до партийных различий их — до того, кто стоит за монархию, кто против монархии, кто за единую Россию, кто против единой России, нам дела нет...»¹ Эту формулу исправил и детализировал Фрейденберг: «Франция непоколебимо верна принципу единой России. Но сейчас дело идет не о решении тех или иных политических вопросов, а исключительно о том, чтобы использовать для борьбы с большевиками все антибольшевистские силы, в том числе и силы украинцев». По его представлению, украинская и русская армии под руководством французов должны были идти совместно против Москвы. В этой комбинации, сочетавшей центробежные и центростремительные силы, украинский большевизм и буржуазно-демократическую «контрреволюцию», совершенно невыясненной оставалась, однако, *активность* роли связующего звена.

Оставляя в стороне идеологию, являлся вопрос — на какие реально украинские силы могло рассчитывать французское командование? То осведомление, которое давали многочисленные послы директории, наводнившие европейские центры и Одессу, страдало чрезвычайными, часто анекдотическими преувеличениями. Но французская разведка, представленная в Киеве Серкалем², давала правдивую и безнадежную картину украинского движения как не имеющего «моральной базы ни в народе, ни в интеллигенции», а «созданного известными политическими группами вопреки логике и реальному положению вещей»; характеристику директории и правительства, которые «в течение полутора месяцев ввергли Украину в совершенную анархию и упразднили последние признаки права, безопасности и здравого смысла»; оценку армии, в которой «только галицийские части являются элементом более или менее серьезным, а прочие войска не только не представляют

¹ Беседа 9 февраля 1919 года.

² Молва считала Серкаля, совместно с Муленом, виновником франко-петлюровского «флирта». Судя по донесениям Серкаля французскому правительству, с которыми я ознакомился, близость его к украинским правителям была скорее ловкостью разведчика, чем сотрудничеством с ними.

боевой силы, но являются весьма опасными своим большевистским настроением»; наконец, определение украинской политики, руководители которой, оставаясь враждебными к союзникам и особенно к французам, ввиду безвыходного положения «открыто спекулируют на их авторитете и на благополучно якобы протекающих с ними переговорах».

Эти сведения не оказали никакого влияния на французскую политику.

Тотчас по приезде генерала д'Анзельма (24 января) в Одессу был вызван генерал Греков, который в результате переговоров обязался снять блокаду города и восстановить прямое сообщение Киев—Одесса. В течение января и начала февраля, по мере высадки греческих дивизий, союзные войска продвинулись на линию Тирасполь (румыны)—Бирзула—Вознесенск (исключ.)—Николаев—Херсон. Позади этой линии долго еще оставались петлюровские части, не подчинявшиеся своему командованию, пока постепенно они не разбежались.

Переговоры с директорией продолжались. Главным камнем преткновения служило требование французов об уходе Винниченко, что, по словам члена директории Макаренко, угрожало «разрывом ее с социал-демократической партией, которая ни на какую замену другим лицом не согласится». Но большевики перешли вновь в наступление от Киева, и украинские войска покатались назад в паническом бегстве, расплываясь и теряя последние признаки организации, обозначая свой путь грабежами и кровавыми погромами.

Военные неудачи ускорили назревавший еще в Киеве внутренний переворот: Винниченко и Андриевский ушли из состава директории; ушел и председатель правительства Чеховский; образовалось новое правительство во главе с профессором Остапенко, пополненное значительно социал-федералистами. И в первых числах февраля за подписью Петлюры, Швеца, Макаренко и Остапенко французскому командованию была направлена нота следующего приблизительно содержания:

«Директория, признавая сделанные ею ошибки, просит французское командование о помощи в борьбе против большевиков. Директория отдает себя под покровительство Франции и просит представителей Франции взять на себя ру-

ководство управлением Украины в областях военной, дипломатической, политической, финансовой, экономической и судебной в течение всего времени, пока будет продолжаться война с большевиками; и, наконец, директория надеется, что Франция и другие державы Согласия проявят великодушие, когда после окончания борьбы с большевиками возникнут вопросы о территориях и нациях».

Во французском штабе приняли это обращение за полную капитуляцию.

Между тем вокруг д'Анзельма — Фрейденберга усилилось значительно влияние руководителей Украинской Громады в ущерб представителям Директории. Под этим влиянием и были составлены основы соглашения, имевшие целью сочетать идею Фрейденберга о триипостасной власти, стремления хлеборобческих групп и Совета государственного объединения: «1) Южная Россия разделяется на две части. Одна — губернии Киевская, Волынская, Подольская и впоследствии Черниговская, Полтавская и часть Харьковской — будет управляться Украинской директорией; другая будет называться Южнорусским краем под управлением русской власти; предполагается директория при участии представителя Добровольческой армии; 2) Оккупация всего района французскими войсками; 3) Власть Директории только гражданская; 4) Создается единый фронт против большевиков с французским генералом во главе; 5) Образуются смешанные международные оккупационные отряды франко-украинские и франко-русские; 6) Директории проводят аграрную реформу по программе кадетской партии (выкуп больших имений при иммунитете мелких и средних хозяйств); 7) Французы берут в свои руки управление финансами и железными дорогами».

Таким образом, назревала военная оккупация Францией Юга России со всеми вытекающими из нее последствиями. Насколько близка была к осуществлению эта идея, видно из того, что 8 февраля предполагалось подписание сторонами договора, и начальник французского пресс-бюро подготовлял уже к нему представителей одесской печати: «Соглашение является чисто военным, — говорил»

он. — Вопросы об единстве России и о признании Украинского государства в этом соглашении почти вовсе не затронуты... Решение французского командования использовать все силы, в том числе и украинцев, для борьбы с большевизмом непреклонно, и все препятствия и противодействия этой политике *будут сметены*».

Можно сказать с уверенностью, что главным препятствием к окончательному соглашению послужил вопрос личного состава Украинской директории, вокруг которого разгорались страсти, закрутился одесский «омут»... На протяжении двух-трех недель под давлением разносторонних влияний Фрейденберг трижды менял решение. Первоначально переговоры основывались на базе сохранения директории (кроме Винниченко и Андриевского) и пополнения ее «хлеборобами», в том числе Григоренко. Против этого плана восстали хлеборобская организация и Совет государственного объединения, не допускавшие участия Петлюры. На сцену вышел тогда блок грековской группы и Украинской Громады с *новой*, семичленной директорией, в состав которой должны были войти генерал Греков, Котов-Коношенко и Григоренко. Но возникшие крупные разногласия расстроили и этот план: блок распался, Громада раскололась, и Фрейденберг вернулся к прежнему своему плану — сохранить существующую директорию, изъяв лишь из ее состава Петлюру и пополнив «хлеборобами»¹. В таком виде были предложены окончательные условия Директории.

Фрейденберг, введенный в заблуждение окружавшими его честолюбцами, был очень удивлен, когда его проект не удовлетворил никого и прежде всего те самые круги, на которые он рассчитывал. Многолюдные собрания хлеборобов, состоявшиеся 15 и 19 февраля, вновь и категорически высказались против всякого сближения с украинцами; они выражали недовольствие добровольческим правлением² и

¹ Швец, Макаренко и «хлеборобы» — Григоренко, Мицко и Сидоренко.

² Большое значение имела обработка собраний. Так, когда председательствовал граф Лейден, собрание обыкновенно было благоприятно настроено к Добровольческой армии; когда же председательствовал Андро или Григоренко, настроения становились противоположными.

соглашались на создание «самостоятельной» местной власти «под покровительством французского командования» и «самостоятельной» вооруженной силы «под руководством французов». Не иначе, однако, как в согласии с командованием Добровольческой армии... Совет государственного объединения раскололся на группы — от сторонников прямой национальной политики Добровольческой армии до приемлющих Петлюру включительно (аграрии и крайние правые). Представитель последних профессор Левашов так мотивировал взгляды своей группы: «Ради спасения родины я готов примириться с желто-голубым флагом, ибо предпочитаю видеть спасенный край под желто-голубым, чем кладбище под трехцветным флагом...»

В результате бюро приняло решение в духе «хлебобобов». Ярко выступал против поддержки самостийной Украины и оккупационных тенденций Шульгин в личных беседах с французскими генералами, в постановлениях Южнорусского Национального Центра и в газете «Россия». Французское командование закрыло «Россию» на 8 дней, и это распоряжение вызвало возмущение не только в кругах, единомышленных Шульгину, но и в стане политических противников его: «Союз возрождения» обратился к французскому командованию с резким протестом по этому поводу. Французский штаб вступил в примирительные переговоры с Шульгиным, но последний отказался возобновить издание газеты, заявив, что делает это лишь тогда, когда «его совесть позволит считать французов такими же искренними нашими друзьями, какими мы считали их год тому назад, закрывая «Киевлянин» (с момента немецкой оккупации Украины).

В то же время с благословения Фрейденберга в Одессе начала выходить ярко самостийная и враждебная Добровольческой армии газета «Нові Шляхи».

На резко отрицательной точке зрения в отношении поддержки украинского движения стояли: одесское отделение Национального Центра и Союз возрождения. Последний, впрочем, в этом фазисе борьбы принимал мало участия и, по-видимому, не был надлежаще ориентирован в закулисной игре правого блока, так как, по свидетельству Мякотина, развернувшиеся затем события были для бюро Союза полной неожиданностью.

Наконец и директория решительно отказалась пойти на явное самоупражнение и удалить Петлюру. Она соглашалась только пополнить свой состав лицами не правее социал-федералистов и обязательно стоящими на точке зрения *самостийности* Украины.

Весь этот сумбурный период, вся сложная и подчас недостойная игра в области франко-украино-русских переговоров на фоне грозной военно-стратегической обстановки приобретала какое-то трагикомическое содержание.

Свадьба на погосте.

Ибо к середине февраля украинская армия рассыпалась окончательно, директория и правительство спешно эвакуировались частью в Проскуров и Каменец-Подольск, частью в Галицию, галичане враждебно относились к Директории, а в единственном еще до известной степени сохранившемся галицийском сечевом корпусе началось брожение против командира — Коновальца и ряд мятежных выступлений на почве отказа сражаться за не желающую защищать себя «Надднепрянскую Украину».

Под влиянием всех этих обстоятельств в середине февраля д'Анзельм — Фрейденберг, не разрывая с директорией окончательно, приостановили переговоры¹ и, оставив открытым вопрос о директории и Украине, вернулись к мысли о создании «самостоятельного», но подчиненного французам правительства для Новороссии. 15 февраля Фрейденберг вызвал Маргулиеса и на основании имевших место ранее переговоров с Советом государственного объединения предложил этой организации образование правительства. Началось обсуждение его состава. Разрыв с Добровольческой армией казался, однако, и тем и другим слишком рискованным. Поэтому и французское командование, и Совет государственного объединения с тех пор особенно настойчиво и всеми доступными путями стремились воздействовать в желательном им направлении на Екатеринодар, встретив с моей стороны решительный и резкий отпор.

¹ По словам Марголина, в середине марта французские представители заявили украинской миссии, что «переговоры о соглашении по телеграфному распоряжению из Парижа прерываются».

Идея франко-украинского альянса не была, впрочем, оставлена Парижем окончательно. Даже в конце марта, т. е. *после эвакуации Одессы и захвата большевиками почти всей Украины*, Быч¹, со слов Ф. Буйона, председателя французской парламентской комиссии по иностранным делам, сообщал на Кубань: «По имеющимся у Буйона сведениям... в настоящее время Петлюра сильнее, чем когда бы то ни было, и ему будет оказана всяческая помощь». И поэтому Быч внушал Раде, что «помощи надо ждать от Украины».

Расширение зоны ничуть не изменило положения. Французское командование отказало в разрешении ввести в ней добровольческую администрацию, оставив ее под управлением Директории. Вместе с тем в связи с предполагавшейся оккупацией Фрейденберг озаботился составлением кандидатских списков на административные должности до волостных старшин включительно для всей зоны².

Тем временем во внешней зоне, в городах и селах шло соревнование петлюровских властей и большевистских комитетов. В Николаеве существовало даже одновременно пять властей: городская демократическая дума, совет рабочих депутатов, комиссар директории, совет солдатских депутатов германского гарнизона и французский комендант. Нечего и говорить, что такая политика не благоприятствовала ни обороне Одесского района, ни хозяйственному использованию зоны. Она, кроме того, подрывала престиж Добровольческой армии, проявляясь иногда в формах грубо-оскорбительных. Так, при занятии Херсона местное французское командование обратилось к жителям с воззванием, в котором наряду с объявлением, что «державы Согласия берут Херсон под свое высокое покровительство», имелся и такой пункт (6-й): «На территории Херсона не будет допущено никаких формирований Добровольческой армии; в равной мере в г. Херсон не будет допущена никакая часть Добровольческой армии».

Точно такое же отношение французское командование проявило в вопросе снабжения Добровольческой армии.

¹ Был во главе кубанской миссии, находился тогда в Париже.

² Эту работу выполнил по поручению бюро Совета государственного объединения член крайне правой граф Стенбок-Фермор.

После демобилизации Румынского фронта в Одесском районе остались склады с огромным количеством военного снабжения и боевых запасов, в особенности в Тирасполе, Николаеве и близ Очакова на острове Березани. На просьбу Добровольческого штаба использовать это столь необходимое нам и бесспорно русское достояние французское командование отказало, ответив, что склады эти, «как не находящиеся в зоне Добровольческой армии, принадлежат директории». При внезапной эвакуации почти все это многомиллионное имущество было оставлено большевикам. Французы наложили также свою руку на черноморский тоннаж, обострив взаимоотношения и путая планы перевозок.

Французское командование, связанное переговорами с директорией, категорически воспрепятствовало нашей мобилизации в Одесском районе под предлогом «непопулярности Добровольческой армии» и могущих возникнуть на этой почве беспорядков. Между тем к генералу Санникову не раз являлись депутации крестьян, обещавшие поставить большие контингенты именно по мобилизации, так как идти добровольцами они не решались, опасаясь мести большевиков. Тем более обидными были неоднократные заявления чинов французского штаба в оправдание своих неудач: «Русские ничего не хотят делать сами для своего спасения, а хотят, чтобы мы за них проливали кровь». Не только из рядов французских солдат, но и из уст будущего маршала Франции бросалось нам суровое обвинение:

— К тому же русские изменили нам на фронте...

Одновременно по инициативе Андро¹ и Маргулиеса и при участии первого из них французы решили приступить к «более популярным» формированиям франко-русских отрядов, встретив в этом начинании сопротивление русских властей.

Под влиянием всех этих обстоятельств создались тягостные трения между русским и французским командовани-

¹ Бывший уездный предводитель дворянства по назначению (Волынская губерния); пригетмане — волынский губернский староста. Человек ловкий, авантюристического типа, правый, аграрий, работавший совместно с бюро Совета государственного объединения

ем, умеряемые только ожиданием приезда главнокомандующего генерала Бертело, который должен был разрешить все спорные принципиальные вопросы.

Бертело приехал в Одессу 30 января. В своих беседах с Санниковым, Шульгиным, митрополитом Платоном и другими он высказывал свой взгляд по русскому вопросу: 1) Единая Россия; 2) желание действовать в полном согласии с генералом Деникиным; 3) непризнание Украины; 4) Украина — австро-германское изобретение, а петлюровское движение — сродни большевистскому. Санникову он развивал свою мысль детальнее: вести переговоры с Украиной заставляет слабость сил; к концу апреля подойдет корпус волонтеров, тогда и покончим с самостийностью. Но судя по перехваченной телеграмме, адресованной директории, Бертело в духе прямо противоположном обнадеживал и директорию: «Генерал д'Анзельм все время подчеркивал, — так доносили послы директории Мациевич и Бачинский, — что французы не имеют намерения вмешиваться во внутренние дела Украины. В этом он полностью следует инструкции генерала Бертело. Обещал полную помощь Украине...»

В остальных вопросах Бертело всецело проявлял тенденцию к захвату всей власти военной и гражданской. Между прочим, когда Санников, протестуя против «франко-русских отрядов», сказал, что «об этом *желании* генерала Бертело он передаст главнокомандующему», то получил ответ:

— *Ce n'est pas mon desir, mais mon ordre*¹.

В результате, однако, Бертело выразил желание встретиться со мной в Констанце «через две недели», командировал в Екатеринодар Андро и двух чинов штаба д'Анзельма для доклада мне и проведения принятых французами решений и обещал до нашего свидания не предпринимать никаких серьезных изменений в Одесской зоне.

Обещание не было исполнено.

2 февраля появился приказ Бертело о назначении его заместителем на Юге России генерала д'Анзельма, на которого возлагалось руководство «всеми вопросами военной политики и администрации». Указывалось, что «в делах

¹ «Я не прошу, я приказываю» (франц.). — Прим. ред.

политического и административного характера» генерал Санников будет подчинен генералу д'Анзельму, который, однако, «не имеет права вмешиваться в подробности предпринимаемых мер, но должен согласовать их с вопросами военного характера». Точно так же Санников всецело подчиняется французскому командованию в отношении «применения русских войск».

По этому поводу я телеграфировал генералу Санникову¹:

«1. Во всех отношениях: военном, политическом, гражданском Вы подчинены мне и только от меня можете получать приказания.

2. Предлагаю Вам всемерно координировать свои действия с французским командованием.

3. Ввиду численного преобладания союзнических войск русские части Одесского района только в оперативном отношении подчиняются французскому командованию.

4. Детально взаимоотношения наши будут установлены при свидании моем с генералом Бертело».

Через два дня Санников телеграфировал мне о новом распоряжении французов:

«Сегодня генерал д'Анзельм по приказанию Бертело предъявил мне в категорической форме требование формирования бригад «Микст» на следующих основаниях.

1. Офицеры избираются мною преимущественно из числа местных уроженцев.

2. Солдаты по вольному найму от 200—300 рублей в месяц, все продовольствие наше.

3. Форма одежды французского образца, без погон.

4. В каждый полк будет назначено небольшое количество французских офицеров и унтеров-инструкторов.

5. Эти части в командном отношении Добрармии подчинены не будут».

Я ответил:

«Категорически воспрещаю Вам делать эксперименты с русскими войсками по чужой указке. Передайте, что я, главнокомандующий, не допускаю ничьего вмешательства в вопросы формирования Русской армии. Если бы кто-либо позво-

¹ 8 февраля, № 219.

лил себе сделать это, объявите, что исполнившие незаконное распоряжение будут мною преданы суду».

Вместе с тем по всем этим вопросам, кроме телеграфного протеста, я обратился с письмом к генералу Бертело¹, указывая на те «непоправимые и грозные последствия, которые повлекут за собой мероприятия, намеченные французским командованием»:

«Решение важнейших вопросов русской жизни представителями иностранной державы помимо меня и без участия назначенных мною представителей влечет за собою разрушение идеи единого командования и единства власти.

Идея формирования бригад («Микст») из русских людей с иностранными офицерами и подчиненных исключительно французскому командованию не может быть популярна, так как она идет вразрез с идеей воссоздания Русской армии, во имя чего борется лучшее офицерство.

Отказ в Юго-Западном крае от принудительной мобилизации разрушит совершенно созданную с таким трудом Добровольческую армию, перешедшую к принципу обязательной воинской повинности. Из областей, в коих формируются части путем призыва, лица, пожелавшие уклониться от службы, начнут уходить в места, где от этого принципа отказались. Разовьется дезертирство, и начнется развал частей.

Гражданская власть должна быть в руках лица, назначенного мною, которое даст все гарантии нормальной жизни союзным войскам и будет координировать свои действия с союзным командованием.

Нарушение этих основных принципов ставит на очередь тяжкий и волнующий русское общество вопрос — с чем пришли к нам союзники? На помощь ли истекающей кровью России или с целью оккупации, со всеми протекающими из нее тягчайшими для нас последствиями?».

В это время войска большевистского Южного фронта развивали успешно наступление, угрожая Таврии и Донецкому району, вызвав катастрофу на Дону. Командуя лично армиями, я, к сожалению, не имел возможности оставить Ставку и возложил поэтому на генерала Драгомирова поез-

¹ 17 февраля, № 62379.

дку в Констанцу и переговоры с генералом Бертелло. Последний уклонился, однако, от встречи с Драгомировым под предлогом, что «ожидает изо дня в день вызова в Париж для доклада о положении русских дел и принятия там определенного решения».

Тем не менее наша позиция оказала известное влияние на французское командование в Одессе. В течение месяца оно не приступало к выполнению намеченных планов, и только нетерпимость его к Добровольческой армии возрастала с каждым днем, создавая тягостную атмосферу взаимного раздражения. Фрейденберг в это время вел постоянные переговоры с бюро Совета государственного объединения об образовании власти. Большие колебания вызывали вопросы — быть ли «правительству» или «совету при командовании», и рвать ли с Добровольческой армией? В то же время в Екатеринодар прибывали гонцы, приходили письма, убеждавшие меня подчиниться требованиям французов. Показателем тогдашних одесских настроений даже в кругах, сочувствовавших Добровольческой армии, может служить письмо князя Е. Трубецкого к одному из членов Особого совещания:

«Положение не только критическое, но и страшное. Если генерал Деникин не уступит требованиям французского командования, то произойдет форменный разрыв между французами и Добровольческой армией, ибо положение создано нетерпимое, и требование французов, чтобы в зоне, ими занятой, гражданская власть, назначенная генералом Деникиным, подчинялась им, вполне резонно. Никакая армия не может в *сфере военных действий* ставить себя в зависимость от власти, ей не подчиненной.

А при несогласии я предвижу те же роковые последствия, как и барон Меллер-Закомельский. Это может кончиться полным отделением Украины. В самом деле, представьте себе, какое вследствие этого наступит положение. И Национальный Центр и Совет государственного объединения должны будут прекратить свою деятельность здесь, если (за отказом Деникина назначить генерал-губернатора по соглашению с Бертелло) власть будет захвачена французами. Что же будет тогда? *Единственными* сотрудниками французов по управлению

краем окажутся левые и самостийники, которые будут подбивать их на расчленение России *во имя принципов Вильсона*».

Благоприятное отношение к факту французской оккупации создалось и в управлении внутренних дел (Особое совещание). Начальник управления Чебышев под влиянием кругов Совета государственного объединения разработал и представил мне «схему» управления для Одессы, с фактической властью французского командующего, фиктивной — русского, с «заведующим гражданской частью», подчиненным обоим вместе, с «начальниками отделов» (министрами), подведомственными Особому совещанию и подчиненными «заведующему гражданской частью»: наряду с «советом управляющих» отводилось большое место «политическому совещанию» из представителей политических организаций, приглашаемых.. французским командующим, и т.д.

Все эти многоэтажные постройки одесских и екатеринодарских архитекторов поражали своей надуманностью и полным игнорированием военно-стратегической обстановки — все более и более грозной.

Если французское правительство отнеслось с большой небрежностью к выбору лиц, представлявших его первое время на Юге России, если в действиях этих лиц мы видели признаки поразительного понимания русской действительности, то исследование той обстановки, в которой протекала их деятельность, послужит для них перед судом истории смягчающим вину обстоятельством.

Гораздо тяжелее, однако, было положение русской власти в лице генерала Санникова и Гришина-Алмазова, усугублявшееся еще тем, что, кроме неустанного и тягостного воздействия политических и общественных групп, они испытывали на каждом шагу своеволие и гнет, подчас оскорбительное отношение французского командования. Было бы неправильным отрицать ошибки и самой русской власти. В одном из политических обзоров того времени о них говорится:

«Напряженная атмосфера требовала и особых методов управления. Широкая децентрализация местной власти, высокая активность ее во всех областях управления могли бы

в этих трудных условиях, вдали от руководящего центра и при отсутствии надежной связи с ним спасти положение. Но то и другое в значительной мере отсутствовало, особенно в период до назначения главноначальствующего. Но и в дальнейшем, даже при достаточном объеме власти главноначальствующего, картина почти не изменилась, и оба недостатка давали себя знать в каждом мало-мальски серьезном случае.

...Представители Добровольческой армии в Одессе не могли справиться с тяжелым положением... Они не проявили достаточного мужества и дипломатической изворотливости, чтобы выйти из создавшегося положения. Ко всему происходящему в Одессе они относились слишком формально, держались далеко от французского командования, очень легко раздражались его распоряжениями и не всегда умели скрывать свои чувства. Одним словом, необходимо с полной откровенностью признать, что они не нашлись в столь трудных обстоятельствах и вызывали неудовольствие даже со стороны кругов, ставивших своей задачей всемерную поддержку Добровольческой армии, ибо своими действиями зачастую выбивали у них из-под ног почву для ее защиты»:

В части, касающейся взаимоотношений с французами, эта оценка вовсе несправедлива. Начальствующие лица Одессы проявили и добрую волю и уступчивость до таких пределов, за которыми следовал бы явный ущерб не только достоинству, но и целесообразности.

Но «одесский омут» погубил и их, и идею французской интервенции, и самую Одессу.

ГЛАВА XXIX

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОДЕССКОЙ ЗОНЫ. ФРАНЦУЗСКАЯ ОККУПАЦИЯ. ПАДЕНИЕ ОДЕССЫ

В Одесский район все прибывали союзные войска, и к середине марта там было сосредоточено полторы французских дивизии, две греческих и польская бригада. Доброволь-

ческая бригада¹, невзирая на противодействие французов, к тому времени достигла состава 5 000 человек, по преимуществу офицеров. Это было очень мало, принимая во внимание наличие большого числа офицерства в южных городах и массы буржуазной молодежи призывного возраста. Добровольно поступали неохотно, потому что мало было патриотического подъема; был страх у одних и надежда у других, что дело обойдется и без их содействия. К тому же — кто хотел бороться, тот давно уже поступил в одну из действующих русских армий. Если в первый эпический период добровольчества в донских и кубанских степях старые полковники с молодым энтузиазмом становились с винтовкой в ряды, то теперь немногих прельщала роль рядового в немобилизованных частях, при отсутствии ближайших перспектив, при скудном окладе и бедном снабжении. Гетманские генералы считали зазорным подвергать рассмотрению комиссии свое прохождение службы² и в большинстве заняли враждебное положение в отношении Добровольческой армии, возбуждая против нее офицерство.

Тем не менее добровольческая бригада в руках одного из первых добровольцев, генерала Тимановского, человека исключительной храбрости, хотя и не организованная еще, представляла собой серьезную и надежную силу.

Вполне благоприятны были отзывы о греческих войсках, политически и морально вполне устойчивых, не утомленных войной, гордых своей ролью «защитников России» и желавших бороться с большевиками. Хотя и были боевые недочеты в греческих частях, но являлись они скорее результатом непонимания обстановки и плохого управления, находившегося в руках французов.

¹ Главным образом из кадров 4-й стрелковой и 15-й пехотной дивизии, расположенных до войны в Одессе и приобретших за время кампании исключительно высокую боевую репутацию. Сформировано было два полка пехоты, полк конницы, артиллерийская бригада, понтонный дивизион, броневые и авиационные части.

² Факт пребывания на гетманской службе сам по себе не вменялся в вину; расследовалась лишь политическая роль старших начальников и отношение их к национальной идее.

Менее благоприятно было состояние французских войск. В самом начале возникновения идеи интервенции, осенью 1919 года, генерал Франше д'Эспре в телеграмме, адресованной Клемансо, выражал сомнение в удаче похода «в обширную и холодную Россию»... «Мои солдаты, — писал он, — не возражающие против пребывания на востоке и охотно наступающие на Венгрию, предвкушая триумфальное вторжение в Германию, вряд ли согласятся участвовать в военных операциях, имеющих целью оккупацию России и Украины». Мир, демобилизация, родные очаги, от которых многие были оторваны несколько лет, и перспективы новой, малопонятной и, по-видимому, надолго затягивающейся войны вызывали среди французских «poilus» сильнейшую реакцию. Воевать они больше не хотели. Большевистская агитация — в самой Одессе издавалась подпольная газета «Одесский коммунист» на русском и французском языках при участии французских солдат и матросов — поддерживала это настроение. Дурным предзнаменованием служили эпизоды в Тирасполе и деревне Беляевке (начало одесского водопровода), где произошло выступление местных большевиков. Французские части не проявили ни устойчивости, ни желания драться, и восстание было подавлено при участии подошедших добровольцев. Неуверенность в своих войсках наложила совершенно пассивный отпечаток на стратегию французского командования, которое сосредоточивало все свои силы к Одессе... ближе к транспортам, выставив на дальних подступах лишь ничтожные заслоны.

Это положение не представляло опасности, пока перед фронтом были «нейтральные» петлюровские и местные большевистские банды. Хотя и тогда уже был случай, что под напором небольшой партии местных большевиков со стороны Вознесенска французский авангард бросил позицию... В середине февраля изменивший Петлюре атаман Григорьев повел наступление неорганизованными бандами силою в 1 700 человек с 3 орудиями на Херсон, занятый одним батальоном греков и ротой французов с 2 орудиями. Несколько дней длился бой, главной тяжестью своей легший на греков; под прикрытием прибывших на поддержку двух батальонов и огня судовых орудий союзный отряд, понесший большие потери, был посажен на транспорты и увезен в Одессу. Вслед за Херсоном,

уже без всякого давления противника, союзники с большой поспешностью бросили и Николаев, уведя бывший там отряд на судах также в Одессу, обнажив тем северо-восточные подступы к ней и остров Березань с его огромными артиллерийскими складами. Только выдвигение добровольческих частей к Очакову сохранило эти склады временно в наших руках. По требованию большевиков в Николаеве была оставлена неповрежденной мощная радиостанция, а тамошний французский представитель, свидетельствуя о высокой лояльности французов, заявил: «Наш уход вызван не нашей слабостью, а исключительно желанием не противодействовать воле населения».

Через несколько дней (в марте) союзники понесли новое поражение в Вознесенском направлении, у станции Березовки. Атакованные большевиками, они начали беспорядочное отступление, оставив 6 орудий, 5 танков, бросая раненых, обозы и амуницию. Выдвинутый из резерва греческий батальон остановил часть отступавших в переходе от Березовки, другие уходили дальше до самой Одессы. Эти события произвели тяжелое впечатление, подорвав всякую веру в желание или возможность союзного командования серьезно бороться против большевиков. Тем более, что на этом фронте наступали только один, а к концу два полка 2-й повстанческой дивизии и плохо организованные партизаны атамана Григорьева, бывшие петлюровцы. Вместе с тем и в глазах большевиков окончательно померк ореол боевой репутации союзников; действия советских войск становились все смелее, тон большевистской прессы, воззваний и приказов все наглее, находя отклик среди большевиков Одессы. Упало совершенно настроение французского офицерства, поставленного перед фактом падения дисциплины в солдатской массе и лишенной логического смысла стратегии. «Все союзные офицеры ругаются, — писал один из них. — По их мнению момент упущен, зубы надо было показать сразу, а не играть в бирюльки. Или не надо было вовсе приходить, или надо было сразу занять Юг крепко». А д'Анзельм — Фрейденберг в оправдание поражений доносили в Париж, что большевизм — движение народное, и большевистские войска по своим боевым качествам напоминают французские времен великой революции. На почве самоуверенности победителей в мировой войне, непонятной стратегии и неравномерного рас-

пределения боевой работы вскоре возникли и неприязненные отношения между французами и греками.

Под влиянием неудач французский штаб решил было оттянуть войска для непосредственного прикрытия Одессы и только благодаря настойчивым представлениям Гришина-Алмазова согласился удерживать фронт на линии Тирасполь (румыны) — Буялык (греки и небольшие части французов) — Очаков (русские добровольцы).

Кольцо вокруг Одессы вновь сжалось, повергая в уныние и безнадежность население злополучного города.

Казалось бы, такое положение обязывало французское командование к известной скромности и требовало необычайной осторожности, чтобы каким-либо внутренним потрясением не вызвать катастрофы...

В конце февраля штаб д'Анзельма получил исходившее от Пишона распоряжение — воздержаться временно от формирования русско-французских бригад на территории Добровольческой армии¹. Поэтому и в связи с распространившимися по городу тревожными слухами о разрыве с нами, Фрейденберг 28 февраля дал газетам довольно странное официальное разъяснение: «Служи преувеличены.. Добровольцы продолжают действовать в полном контакте с союзниками.. Ввиду того, что генерал Деникин издал приказ, в силу которого всякий офицер, вступивший в (смешанные) бригады, будет предан суду, французское командование, не желая, чтобы какое-либо новое формирование под его руководством влекло за собой гибель русских офицеров, признало необходимым отсрочить осуществление намеченного проекта».

Между тем в этот день, 28-го, вследствие распоряжения, полученного от Бертело, разрыв был предрешен окончательно².

¹ По-видимому, результат моей телеграммы Сазонову.

² К этому же времени вернулись из Бухареста и Константинополя послы Совета государственного объединения — князь Урусов, Шебеко и Молов, которые на различных собраниях проводили взгляды генерала Франше д'Эспре и Бертело на необходимость образования в Одессе особого правительства, независимого от Добровольческой армии и подчиненного французам.

На совещании, в котором приняли участие генерал д'Анзельм, полковник Фрейденберг и председатель бюро Совета государственного объединения барон Меллер-Закомельский, принято было решение объявить в Одесском районе осадное положение с переходом всей полноты власти к французскому командованию. Тут же намечен был и состав нового правительства под именем «Совета»: Андро (председатель и внутренние дела), Григоренко (земледелие, торговля и промышленность), Маргулиес (финансы); генерал Шварц (военное). Собравшийся в тот же день « пленум » Совета государственного объединения (40 человек) одобрил действия своего председателя и вхождение в « правительство » Маргулиеса.

Генерал Санников последние дни отсутствовал. « Третью неделю не получая никаких сведений из Екатеринодара »¹, он прибыл в Севастополь, чтобы оттуда переговорить с генералом Драгомировым по прямому проводу. По возвращении он был приглашен вместе с Гришиным-Алмазовым к генералу д'Анзельму, где им сообщено было состоявшееся решение. Их категорический протест не оказал никакого действия.

1 марта из трех приказов генерала д'Анзельма население Одессы узнало о свершившемся перевороте, для « сохранения престижа Добровольческой армии » облеченном в несколько туманные формы:

13 марта 1919 года.

« 1. Принимая на себя командование всей зоной, занятой союзными войсками, генерал д'Анзельм призывает всех к поддержанию порядка и к добросовестному исполнению гражданской и военной службы.

¹ Жалобы на отсутствие связи ввиду перерывов участка линии Одесса—Севастополь были постоянными; мои руководящие указания запаздывали, иногда не доходили вовсе; французская радиостанция не раз отказывала в приеме наших телеграмм; приходилось досылать их из Севастополя на посыльном судне. Вообще служба связи была такова, что только чьим-то злым умыслом, а не одними техническими несовершенствами можно было объяснить ее состояние.

Меры, необходимые для обеспечения города продовольствием, приняты.

2. Принимая во внимание затруднения в сношениях с установленными властями, принимая во внимание необходимость немедленно объединить все силы для защиты области, генерал, командующий союзными силами, объявляет осадное положение в зоне, занятой союзниками, начиная с 1 часа 15 марта.

Предлагается всем гражданским и военным частям неукоснительно исполнять, на основании законов военного времени, приказы генерала, командующего союзными силами.

3. Генерал, командующий союзными войсками, назначает своим помощником по гражданской части г. Андрольда (транскрипция перевода) Андро де Ланжерона, который вступит в исполнение своих обязанностей с 14 марта сего года в 12 часов дня.

Согласно предложению помощника по гражданской части, в случае необходимости будут назначены различные технические представители для исполнения различных обязанностей.

Генерал Бориус продолжает находиться во главе местного гарнизона.

Генерал Гришин-Алмазов продолжает командовать Добровольческой армией».

Сообщая мне о происшедшем, генерал д'Анзельм уверял, что это «лишь временная мера, вызванная грозным положением».

Получив первые неполные сведения о перевороте, я приказал генералу Санникову передать «самый решительный протест от моего имени» и вслед за сим по выяснении положения отправил ему телеграмму, с копией д'Анзельму и Бертело, следующего содержания:

«Передайте генералу д'Анзельму на его телеграмму от 17 марта следующее: я совершенно не допускаю установления никакой гражданской власти, кроме назначенной мною. Поэтому приказываю:

1. Ни в какие сношения с Андро не вступать, никаких распоряжений его не выполнять ни Вам, ни гражданским

властям. Какое бы то ни было участие в управлении краем Андрю как лица, не заслуживающего доверия, не допускаю.

2. Вам, сохраняя полную гражданскую власть, надлежит всемерно согласовать свои действия с французским командованием в интересах соблюдения порядка и обеспечения союзных армий.

3. В интересах борьбы с большевиками Вы как командующий войсками исполняете оперативные указания французского командования, но помимо Вас ни одно распоряжение не может быть отдано русским войскам.

4. В случае полного перерыва связи предоставляю Вам принятие чрезвычайных мер от моего имени с соблюдением достоинства России, интересов Добровольческой армии и края.

5. По поводу действий генерала д'Анзельма делается сношение с французским правительством», 18 марта № 389.

Между тем одесская общественность с редким единодушием, совершенно неожиданным для генерала д'Анзельма, проявила свое удивление и возмущение фактом французской оккупации. Даже круги, настроенные отрицательно к Добровольческой армии, в эти дни изменили свое отношение к ней, видя в происшедшем удар, нанесенный и русскому национальному достоинству, и русской организованной вооруженной силе. Прежде всего обратились к д'Анзельму с «меморандумом» официальные представители русской власти¹. Соглашаясь с тем, что ввиду осадного положения вся власть должна принадлежать старшему военному начальнику, в данном случае генералу д'Анзельму, который мог бы осуществлять ее через русского главноначальствующего, они протестовали против «узурпации» и «разрушения русского аппарата управления». Протестовал областной отдел Национального Центра. «Южнорусский Национальный Центр», высказывая свое негодование против французского командования в телеграмме, адресованной мне, полагал все же, что «все эти несправедли-

¹ Подписали: Митрополит Платон, генералы Санников и Гришин-Алмазов, члены Особого совещания Бернацкий, Лебедев, Шульгин.

восте, очевидно, продиктованные невежеством, надо терпеть, подавив раздражение. Разорвать с французами Добровольческая армия не может...» «Демократический фронт» в лице представителей Городской думы, Земско-городского общества Союза возрождения кадетов, национал-социалистов, эсеров и социал-демократов меньшевиков¹ заявил д'Анзельму:

«Если французское командование вместо добровольческого управления Одессой создаст правительственный орган под своей эгидой, это вызовет острое недовольство одесского населения. В теперешнем споре между штабом французских войск и Добровольческим командованием Одесская дума и наиболее влиятельные демократические и социалистические организации солидаризируются с Добровольческой армией против всяких попыток со стороны французского штаба устанавливать какую бы то ни было «Южнорусскую власть», имеющую характер колониального режима и нарушающую суверенитет России».

Союз возрождения, полагая, что никакого «правительства» в Одессе не нужно, но считаясь с фактом осадного положения, потребовал «для охраны интересов русского населения» образования совещания из представителей Добровольческой армии, думы и уездного земства. Наконец, в самом Совете государственного объединения произошел резкий, давно назревавший кризис. Под влиянием, главным образом, профессорской группы на многолюдном заседании 7 марта было высказано осуждение деятельности бюро и принято постановление, в котором, между прочим, говорилось: «Признавая, что в настоящее время на Юге России Добровольческая армия является единственной правомочной носительницей государственного единства, Совет считает крайне опасным и вредным для русского дела возникновение помимо ее согласия и участия каких-либо новых государственных властей и образований».

¹ Делегация в составе Титова, Фундаминского, Рубинштейна и Брайкевича 1 марта. «На чужой стороне». Статья Брайкевича.

С таким же единодушным осуждением общество отнеслось к «правительству» Андро. Часть приглашенных в него лиц наотрез отказалась; генерал Шварц, невзирая на настойчивые уговоры барона Меллер-Закомельского, Андро и Маргулиеса, колебался; Маргулиес, первоначально согласившись и приняв даже участие в составлении письменных актов переворота, засим отказался от вхождения в правительство под таким предлогом: «Я — инициатор особой южнорусской власти, я — инициатор комитета при французском командовании, я же служил для сношений с французами; если я буду назначен министром, вся моя предыдущая деятельность потеряет принципиальный характер и будет иметь вид личной интриги...» Дело сделано, пожинать плоды его и расплачиваться — это можно было предоставить другим... И Маргулиес спешно, 2 марта уехал в Париж, попросив на всякий случай «у секретаря... копию протокола того заседания бюро Совета государственного объединения, где единогласно, вопреки (его) отказу, было решено требовать (его) вступления в правительство при французском командовании»¹.

Из всех организованных групп новое «правительство» поддерживал только крайний сектор «Союза хлеборобов», и по-уполномочию его хлебороб, граф Стенбок-Фермор с особой делегацией объезжал влиятельных деятелей Одессы, склоняя их оказать поддержку Андро или, по крайней мере, не препятствовать ему и французам «спасти Россию».

Найти, однако, сотрудников в свой кабинет Андро не удалось.

Под дружным натиском общественного мнения французское командование совершенно растерялось. В ближайшие дни в печати появился ряд официальных «разъяснений», имевших целью представить события 1 марта в ином свете. Генерал д'Анзельм заявил в печати:

«Объявляя осадное положение, французское командование действовало исключительно в целях координации общих усилий для защиты области и обеспечения населения

¹ Маргулиес. «Год интервенции».

продовольствием. При этом отнюдь не имелось ввиду изменить наладившийся административный аппарат, установленный властью Добровольческой армии. Если назначение моим помощником по гражданской части г. Андро было сделано, не дождавшись одобрения генерала Деникина, то это объясняется исключительно создавшимися обстоятельствами, мешающими быстроте сношений с Екатеринодаром...

...В соответствии с французской практикой осадного положения при мне будет образован особый совет под названием «Комитета обороны и продовольствия». В состав этого комитета войдут нынешние представители ведомств или же лица, специально на то уполномоченные русской властью —

Добровольческим командованием, а также специалисты по отдельным отраслям, по моему особому приглашению. Повторяю, что Комитет обороны и продовольствия отнюдь не будет призван заменить нынешние власти, установленные генералом Деникиным, а будет являться исключительно вспомогательно-техническим аппаратом во время осадного положения, преследуя при этом основную цель — защиту Одессы и улучшение продовольствия ее населения. Первоначальная мысль о коллегии технических советчиков при моем помощнике по гражданской части ныне оставлена.

...Отмежевываться от Добровольческой армии отнюдь не входит в намерения французского командования. Напротив того — мы все время стремимся к тесному с нею сотрудничеству для наилучшего обеспечения нашей общей цели — защиты порядка и безопасности граждан».

Генерал Шварц, до того времени колебавшийся, «по настоятельным просьбам, — как он пишет, — всех политических, военных и промышленных организаций в Одессе», согласился «вступить в формируемую новую власть»¹.

И 6 марта генерал д'Анзельм отдал приказ (№ 42) о составе «Комитета обороны и продовольствия», состоящего под его председательством: 1) адмирал, командующий союзными си-

¹ В показаниях генерала Шварца есть ссылки на делегации от таких организаций, как Национальный Центр (Челноков и др.), Союз возрождения (Бунаков-Фундаминский, Пешехонов), Городская дума (Брайкевич), частью уже категорически опровергнутые в печати.

лами, 2) военный помощник, генерал Шварц, 3) командующий русскими войсками, генерал Гришин-Алмазов¹, 4) гражданский помощник Андро, 5) финансовый советник Молотков (отказался), 6) советник в отделе труда и продовольствия Рутенберг², 7) советник в отделе навигации адмирал Хоменко, 8) городской голова и 9) губернатор — по делам города и губернии. Последующим приказом (7 марта, № 43³) было разъяснено, что управление Добровольческими частями и полиция находятся в ведении генерала Гришина-Алмазова, а губернатор и администрация подчиняются Андро.

Неделя 1—8 марта прошла под знаком необычайного политического ажиотажа, полной неопределенности положения и двоевластия. Ожидался приезд генералов Франше д'Эспре и Бертело, которые должны были разрешить на месте окончательно судьбу одесской власти. Их приезду предшествовала полученная французским штабом телеграмма, подписанная Бертело:

«Париж решил:

1. Сосредоточить средства (*des moyens*) для защиты Одессы.

2. Продовольствие города будет обеспечено на миллион жителей⁴.

3. Генерал Франше д'Эспре принимает командование союзными войсками на Юге России»⁵.

Генерал Франше д'Эспре приехал 7 марта, очевидно, с заранее принятым решением. В беседе с чинами французского штаба не скрывал своего презрения к русским; был сух и почти груб с добровольческими властями; не принял

¹ Генерал Санников по возвращении из Севастополя не вступал в командование.

² Известный социал-революционер, убийца Гапона.

³ Приказы № 42 и 43, по-видимому, в печать не были даны.

⁴ В дальнейшем последовало разъяснение в печати: «Население будет снабжаться продуктами первой необходимости из складов... в Салониках и Константинополе. Хлеб, консервы всяких видов, мясо могут быть доставлены в первую очередь».

⁵ С этого дня генерал Бертело оставался командующим войсками только на Балканах.

представителей национальных центров; беседовал с Андро («вождь хлеборобов») и бароном Меллер-Закомельским, выразившим от имени Совета государственного объединения «счастье приветствовать прибытие славного вождя», проезд которого «воскресил надежду всех русских патриотов»; отнесся более внимательно, чем к другим, к делегации Союза возрождения, которой заявил:

«Целью пребывания французских войск на территории России является всемерное оказание помощи русскому народу в его стремлении к созданию в стране должного порядка. При этом, однако, союзники совершенно не имеют в виду вмешательство в русские дела. Они отнюдь не намерены создавать здесь колониальный режим. Все их старания будут направлены на то, чтобы помочь создать здесь такие условия порядка, при которых возможен будет созыв Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права».

И в тот же день отдал распоряжение генералу д'Анзельму, вылившееся в приказ последнего от 8 марта:

«По приказанию генерала Франше д'Эспре и в силу осадного положения:

1. Генерал Шварц назначен генерал-губернатором Одессы и командующим русскими войсками в союзной зоне.

2. Генерал Тимановский принимает командование русской Добровольческой армией в Одесском районе.

3. Милиция в прямом подчинении генерал-губернатора Одессы.

4. Вступление в должность должно быть произведено сегодня 21 марта нового стиля до 20 часов (8 часов вечера).

Генерал д'Анзельм, командующий союзными силами на Юге России.

Начальник штаба Фрейденберг».

Одновременно был объявлен упомянутый выше приказ (№ 42) о «Комитете обороны и продовольствия», с изъятием статьи, относящейся к Гришину-Алмазову, и другой приказ, громоздивший новую надстройку в франко-русском здании власти: «Чрезвычайный совещательный орган», под

председательством генерала д'Анзельма и в составе Шварца, Брайкевича и Бутенко...¹

Генералы Санников и Гришин-Алмазов были высланы из Одессы с ненужной грубостью: в экземпляре приказа, присланном Гришину-Алмазову, была приписка: «Завтра 9 (22) марта генерал Санников выезжает в Екатеринодар. Его сопровождает генерал Гришин-Алмазов».

В тот же день 8 марта генерал Франше д'Эспре послал мне письмо:

«Я застал в Одессе положение весьма серьезное, вследствие недоразумений, царящих между различными властями, в то время как неприятель стоит у ворот города.

Такое положение продолжаться не может. Ввиду этого, а также согласно правилам, генерал д'Анзельм объявил осадное положение.

Ввиду отдаленности и невозможности для нас встретиться или быстро снестись мною приняты следующие меры:

1. Генерал Шварц, которого знает и ценит вся Европа, принимает командование над всеми русскими войсками и будет исполнять обязанности генерал-губернатора.

Он Вам периодически будет представлять рапорты и отчеты, но будет принимать на месте те решения, которых требует серьезность положения.

2. Генерал Тимановский сохраняет командование бригадой Добровольческой армии.

3. Генералы Санников и Гришин-Алмазов предоставляются в Ваше распоряжение.

Таковые меры согласованы с желаниями союзных правительств, *в том числе и русского правительства.*

Я думаю, что эти мероприятия позволят нам восстановить положение здесь и работать совместно на воссоздание России, чего мы все желаем.

В ожидании удовольствия встречи с Вами я прошу Вас верить в искренность моих пожеланий успеха Вашей армии».

¹ Совещание фактически не собиралось.

В этом письме, которое больно задевало чувство национального достоинства и казалось предтечей более грозных событий, вызывало большое недоумение упоминание о «русском правительстве». Позднее недоумение разъяснилось: перед отъездом генерала Санникова Франше д'Эспре сообщил ему, что «в Париже образовалось русское правительство с князем Львовым во главе. Это правительство признано Францией и адмиралом Колчаком. По соглашению между этим правительством и французским — Франции предоставлено взять в оккупационное управление южную Россию»¹.

Откуда черпал французский главнокомандующий эти сведения и кто вообще был источником мистификации — мне неизвестно.

Приняв во внимание советы управляющего отделом иностранных дел о необходимости величайшей выдержки в создавшемся тяжелом положении, я порвал составленный мною в резком тоне протест и послал генералу Франше д'Эспре 14 марта телеграмму более чем сдержанную: «...Устранение назначенных мною властей, — писал я, — повергло меня в полное недоумение... Полагаю, что в этом деле кроется недоразумение, которое может вызвать серьезные последствия.. Поэтому считаю желательным скорейшее наше свидание...» Ввиду тяжелого положения на фронте я предлагал назначить встречу в одном из портов, «если возможно, не далее Севастополя»... Получил весьма учтивый ответ, что генерал «был бы счастлив встретиться со мною в Севастополе, но обстоятельства не позволяют ему в настоящее время покинуть главную квартиру...»

9 марта генерал Шварц «донес» мне о вступлении своем в должность и в тот же день осведомил одесскую печать, что он «готов подчиниться указаниям генерала Деникина и работать в полном дружном контакте, но оторванность от

¹ Командующий крымской Добровольческой армией генерал Боровский доносил мне также о разговоре с ним в Севастополе генерала Франше, который говорил ему: «Нет никакой Добровольческой армии или Сибирской, а есть одна русская армия, как решило образовавшееся в Париже русское правительство в составе Сазонова, Львова, Маклакова и генерала Щербачева». Телеграмма от 12 марта, № 744.

Екатеринодара и наличие высшего французского командования поставят его в необходимость вполне самостоятельно решать все военные вопросы».

Ответа от меня Шварц не получил.

Общее мнение всех одесских крутов — близких и ставших на стороне Добровольческой армии — было не доводить дела до окончательного разрыва с французами и покориться *force majeure*, во избежание катастрофы. Под влиянием этих настроений генералы Санников и Гришин-Алмазов, уезжая, отдали распоряжение — всем начальствующим лицам исполнять приказ французского главнокомандующего. Гражданские управления подчинились безболезненно генералу Шварцу.

Особую тревогу вызывала во мне судьба Добровольческой бригады генерала Тимановского. Еще 10 февраля на случай непредвиденных политических осложнений даны были указания Тимановскому и приказано обеспечить его денежным авансом, чего, к сожалению, одесский штаб не сделал. Ко времени переворота французское командование во избежание каких-либо волнений двинуло бригаду на фронт.

По получении сведений о перевороте начальнику штаба Добровольческих войск в Одессе генералу Мельгунову¹ было приказано «оставаться на месте, занимая выжидательное положение... В оперативном отношении подчиняться французскому командованию, оберегая Добровольческие части». Вместе с тем Особому совещанию и ставке указано было сноситься «не с самозванцами», а с лицами, назначенными ранее мною. Эти указания вследствие перерыва телеграфной связи, теперь уже окончательного, запоздали, но в таком же духе генералам Мельгунову и Тимановскому отдано было приказание, подписанное Санниковым и Гришиным-Алмазовым в день их отъезда. Тимановскому пришлось употребить большие усилия, чтобы уберечь от развала бригаду, попавшую отныне в крутоворот еще больших интриг, конкуренции и антагонизма.

Бригада прикрывала Одессу с северо-востока, занимая Очаков и подчиняясь непосредственно французскому командованию. 16 марта Тимановский получил приказание

¹ Вскоре был отстранен Шварцем от штаба под видом «повышения».

очистить Очаков, отойдя на ближайšie подступы к Одессе. Это отступление, без всякого давления противника и вопреки представлениям штаба генерала Мельгунова, служило тревожным предзнаменованием...

...

Усилия определенных русских кругов и французского командования увенчались успехом ценою глубокого падения русского престижа. Вся власть перешла в руки французов, которые обещали городу скорое прибытие «восьми линейных дивизий и французского добровольческого корпуса», снятие блокады и хлеб, а новой армии, формируемой Шварцем, — богатое снабжение. Я не буду останавливаться на краткой, всего трехнедельной деятельности новой власти. По свидетельству Брайкевича: «Новое правительство не укрепило положения Одессы. Напротив, день ото дня настроение разных социальных слоев населения резко менялось к худшему. Приблизительно на десятый день жизни правительства ухудшение настроений в рабочих кругах достигло такой степени, что прежнее правление профессиональных союзов, состоявшее почти исключительно из меньшевиков и находившееся в добрых отношениях с городским самоуправлением, было ниспровергнуто. При перевыборах попали исключительно большевики. На демократическом фронте был этим сделан чреватый важными последствиями прорыв»¹.

В военном отношении не вводилось никаких новшеств: французы и Шварц отказались и от «смешанных бригад», и от «украинских формирований»; объявили мобилизацию, которой в течение трех месяцев безнадежно добивалось командование Добровольческой армии. Огромнейший «штаб формирований», набранный главным образом из гетманского генерального штаба, приступил к организации кадров будущей Южнорусской армии. Откликнулось, по подсчетам Шварца, до 1 000 офицеров... преимущественно в старших чинах. Вероятно, среди этих лиц «последнего призыва» было немало элемента не вполне надежного, так как штаб Шварца требовал от Тимановского до 200 офицеров, взамен за обещанные солдатские пополнения.

¹ «На чужой стороне», V.

Окончилось все неожиданно и трагично.

20 марта генерал д'Анзельм, вызвав Шварца, объявил ему, что «им получен приказ Антанты об эвакуации Одессы совместно со всеми союзными войсками».

На подготовку эвакуации дано было 48 часов. Неофициально из французского штаба распространилась по городу версия о связи этого распоряжения с падением, якобы, кабинета Клемансо и приходом к власти социалистов.

Известие об эвакуации произвело в городе неопишущую панику. Если вообще положение на фронте, где против четырех сильных дивизий наступало не свыше 6—8 тысяч¹ ничтожных в боевом и моральном отношении банд, не давало никаких поводов к эвакуации, то 2-дневный срок ее являлся совершенно необъяснимым и невыполнимым. Это была уже не эвакуация, а бегство, обрекавшее десятки тысяч людей и вызывавшее невольно в их сознании мысль о предательстве.

Все расчеты тоннажа были фиктивными. Французы захватили большинство судов для своих надобностей, и поэтому спастись могли главным образом лица, связанные со штабом Шварца и правительством, а также богатая буржуазия. Судовые команды бастовали. Началась вакханалия грабежа и взяточничества. Брошены были огромные военные запасы — союзников и русские, оставлены все ценности в учреждениях государственного банка и казначейств, кроме иностранной валюты.

Среди разнородных чувств и восприятий, волновавших в эти дни население Одессы, было одно общее и яркое — это ненависть к французам. Оно охватывало одинаково и тех счастливых, которых уносили суда, и тех, что длинными вереницами, пешком, на пролетках и подводах тянулись к румынской границе; оно прорывалось наружу среди несчастных людей, запрудивших со своим скарбом одесские пристани и не нашедших места на судах, и в толпе, венчавшей одесские обрывы, провожавшей гиканьем и свистом уезжавших.

О бригаде генерала Тимановского забыли...

Пособие в виде шестимесячного содержания, назначенное Шварцем всем военным и гражданским чинам, добровольцам не выдали. Семьи их остались без всяких средств, на произ-

¹ В Одессу вступило не более 2 тысяч большевиков.

вол судьбы в Одессе. В бригаде также не было никаких сумм. Получив 21-го известие д'Анзельма об эвакуации, Тимановский приехал в Одессу, чтобы добиться обещанного Шварцем отпуска средств, но было уже поздно: генерал д'Анзельм по соглашению с большевистским советом рабочих депутатов в ночь на 22-е передал ему город, и с утра «самооборона» стала обезоруживать и расстреливать чинов Добровольческой армии и захватывать государственные учреждения.

Д'Анзельм все же, как доносил Тимановский, «обещал честным словом выдать 10—20 миллионов иностранной валютой на содержание добровольцев» вечером 23-го. Но когда, пробившись с боем по улицам Одессы на двух броневиках, во французский штаб явились посланные Тимановским офицеры, генерал д'Анзельм в деньгах отказал, ответив запиской: «... Деньги не могут быть выданы немедленно; для этого необходима казначейская операция, которая потребует 2—3 дней.. Бригада должна немедленно, минуя Одессу, двинуться на Овидиополь, где получит приказание о посадке». Впоследствии генерал д'Анзельм отрицал и свое обещание, и тот смысл, который придавал записке Тимановский. «Я не имел никакого основания выплачивать содержание русским добровольцам.. Генерал Шварц к этому времени уже покинул Одессу, государственный банк был закрыт.. Я ответил генералу Тимановскому, что один только генерал Деникин (!) мог бы выплатить содержание добровольцам.. но обещал узнать, не могло ли бы казначейство (большевистское?) выдать аванс...»¹.

Бригада уходила к Днестру, в Бессарабию:

Шесть тысяч человек начинали свою одиссею, длившуюся месяц² в обстановке необычайных физических лишений и морального унижения со стороны французов и румын. Когда жители Бессарабии, узнав о плачевном состоянии отряда, начали подвозить к его расположению продукты, румынские власти разгоняли их. И Тимановский, после семидневного мотания в устьях Днестра, вызванного сбивчивыми распоряжениями французского командования, сообщал д'Анзельму:

¹ Рапорт генерала д'Анзельма генералу Франше д'Эспре. 16 апреля, № 22.

² Первые части начали прибывать в Новороссийск 21 апреля.

«Если сегодня не будет доставлено продовольствие, то я уже завтра не могу отвечать за действия своих частей». Под влиянием этой угрозы французы обеспечили, наконец, отряд *половиной* французского солдатского пайка.

При посадке на суда в районе станции Бугаз французы велели оставить орудия, лошадей и всю материальную часть, собранную с таким трудом и любовью, и озлобленные до последней степени добровольцы привели ее в негодность и распустили по полю лошадей, которые могли еще двигаться, «чтобы не достались румынам». В Тульче по приказанию генерала Бертело румынской пограничной страже при участии французских частей поручено было разоружить бригаду на время пребывания ее в Румынии, но этот приказ был встречен добровольцами угрозой открыть пулеметный огонь.

«Исполняя все Ваши приказания по приказу генерала Деникина, — писал Тимановский д'Анзелму, — я никогда не мог предполагать тех незаслуженных оскорблений и унижений, которые выпали на меня и на подчиненные мне части. Неужели только за то, что Добровольческая армия одна осталась верной союзникам, когда фронт развалился...»

Французское командование не сочло нужным даже предупредить меня о готовящейся эвакуации Одессы. Я узнал об этом тяжелом событии только 26 марта.

ГЛАВА XXX

КРЫМСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ В КРЫМУ. РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ СИМФЕРОПОЛЕМ И ЕКАТЕРИНОДАРОМ. ФРАНЦУЗСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В СЕВАСТОПОЛЕ. ПАДЕНИЕ КРЫМА

В половине октября 1918 года в Екатеринодар приехал Н. Н. Богданов и от имени Таврической земской управы сообщил мне о предстоящем перевороте в Крыму: устранении Сулькевича и образовании власти из недр земского и городского самоуправлений, под председательством С. С. Крыма. Просил о назначении к тому времени ответственного лица

для организации в Крыму вооруженной силы именем Добровольческой армии и о посылке туда десантного отряда. Получил согласие.

В конце октября прислал мне письмо С. С. Крым, в котором сообщал об образовании «по поручению общественных организаций... Крымского краевого министерства». Просил вновь о добровольческом десанте и об осведомлении союзников о положении Крыма. «Министерство, впрочем, пребывало еще только в потенции: мы не у власти, так как генерала Сулькевича поддерживают немцы и часть татар»¹.

Только к 4 ноября немецкий генерал Кош удалил поставленное им правительство Сулькевича и передал власть «Совету министров Крымского краевого правительства»². Одновременно новое правительство вошло в соглашение с начальником центра Добровольческой армии в Крыму, генералом Боде, выступившим теперь открыто, и немецким командованием относительно порядка замены эвакуируемых немецких гарнизонов; «по соображениям политического характера» оно указывало на желательность высадки хотя бы незначительной части Добровольческой армии в Ялте и занятия Бахчисарая; «изолируя Севастополь».

В письмах С. С. Крыма устанавливались тождество «стремлений к возрождению Единой, Великой России, которую мы все призываем и которую все с нетерпением ждем», и необходимость при содействии армии борьбы со «скрытой и временно подавленной присутствием германских войск организацией анархических элементов Крыма...».

Я ответил письмом от 7 ноября:

«В данное время Добровольческая армия ведет кровопролитное сражение в районе Ставрополя и не может выделить для Крыма серьезных сил.

¹ Письмо от 29 октября.

² Министр-председатель С. С. Крым (кадет); юстиции — Набоков (кадет); внешних сношений — Винавер (кадет); внутренних дел — Богданов (кадет); народного просвещения — Никонов (эсер); труда и контроля — Бобровский (национал-социалист); снабжения и путей сообщения — Стевен (беспартийный); финансов — Барт (беспартийный).

Но помочь от души желаем. Поэтому я сделал распоряжение:

1. Немедленно выслать небольшой отряд с оружием в Ялту.
2. Другим отрядом занять Керчь.

3. В командование вооруженными силами вступить генерал-майору Корвин-Круковскому, которому даны следующие инструкции: русская государственность, русская армия, подчинение мне. Всемерное содействие Крымскому правительству в борьбе с большевиками. Полное невмешательство во внутренние дела Крыма и в борьбу вокруг власти.

4. Посланные части являются лишь кадрами, которые будут пополняться мобилизацией офицеров и солдат на территории Крыма. Дело это поручено «начальнику Крымского центра», генералу барону де Боду. В его распоряжение командированы соответствующие помощники по делу формирования и снабжения.

От души желаю Крыму мирной жизни, столь необходимой для творческой созидательной работы».

По просьбе Винавера «ввиду сильной агитации, враждебной Добровольческой армии, обвиняемой в реакционности, антисемитизме и антидемократизме», было передано официальное заявление, что армия прибывает «с исключительной целью поддержания порядка, не вмешиваясь во внутренние дела... не преследует реакционных целей... не предрешает будущей формы правления... относится с величайшим негодованием к попыткам восстановить одну национальность, один класс против другого...». Передавая это заявление в особом «обращении к населению», крымское правительство добавляло от себя, что 1) если обстоятельства местной жизни потребуют употребления силы, то таковое последует только с согласия краевого правительства и 2) что мобилизация, «имеющая всероссийское значение», будет произведена Добровольческой армией совершенно самостоятельно, лишь с ведома и при содействии краевого правительства.

Наконец, вопрос материального обеспечения армии был обусловлен ассигнованием крымским правительством 1 1/2 миллиона рублей «на первый месяц», и, как выяснилось

позже, снабжение должно было лечь почти всецело на добровольческую казну при некоторой только финансовой поддержке местного правительства.

Приведенной перепиской и заявлениями устанавливался характер наших будущих взаимоотношений — к сожалению, недостаточно определенно, давая впоследствии поводы для взаимных трений.

В морально-политическом отношении это был еще один шаг в сторону государственного объединения. Но в чисто стратегическом, кроме прикрытия военных портов и морских баз, занятие Крыма давало к тому моменту мало выгод: Крым требовал войск, снабжения и хлеба; отягчая тем положение главного фронта Добровольческой армии.

В середине ноября в Керчь и Ялту были переброшены первые незначительные части, усиленные в конце до 4—6 тысяч¹. Эти войска, с присоединением к ним местных формирований и добровольческих отрядов, отступивших с Украины, должны были развернуться в двухдивизионный Крымский корпус. Во главе войск Крыма поставлен был вначале генерал Боде, на которого кроме организации корпуса была возложена задача прикрытия Крыма постепенным выдвиганием заслона на линию нижний Днепр—Александровск—Бердянск. Восточнее этот заслон выходил в соприкосновение с выдвинутой туда дивизией генерала Май-Маевского, прикрывавшей Донецкий бассейн.

На севере области в это время начинался пожар: сменявшая гетманщину петлюровщина, с ее неизменными спутниками — атаманщиной и бандитизмом, в свою очередь расчищала путь надвигающимся армиям Южного советского фронта.

Правительство г-на Соломона Крыма, пробывшее у власти ровно 5 месяцев, являет собою законченный опыт демократического правления, хотя и в миниатюрном территориально масштабе, — правления, обладавшего суверенностью, полным государственным аппаратом и подобающими ему званиями. В части правительства поначалу существовала преувеличенная оценка своего значения, «как прототипа буду-

¹ Пехотный полк, конный полк, пластунский батальон, кадры двух конных полков, артиллерии и технических войск

щей Всероссийской власти». И министр внешних сношений Винавер в переговорах с екатеринодарскими кадетами поддерживал серьезно идеи самостоятельности Крыма, *преимущественной* важности крымского вопроса и недопустимости в этих видах «укрепления Особого совещания»¹. Из тех же, вероятно, соображений в начале декабря Винавер возбудил неожиданно считавшийся уже благополучно разрешенным вопрос об единоличном представительстве Сазонова в Париже и потребовал замены его делегацией с участием крымского представителя.

Правительство образовалось в результате сговора «всех политических партий и групп, представленных в земском собрании». В своей резолюции собрание (4—5 октября 1918 года) обязало новую власть: 1) содействовать объединению распавшейся России; 2) искать сближения с возникшими на ней тождественными государственными организациями; 3) восстановить гражданские свободы и распущенные городские и земские самоуправления и в дальнейшем руководствоваться демократическими началами; 4) немедленно назначить новые выборы на основании законов Временного Правительства, но с увеличением возрастного ценза до 21 года и ценза оседлости до 1 года (земского) и 1½ года (городского); 5) если в течение двух месяцев не будет создана единая всероссийская власть, созвать Краевой сейм по четырехчленной формуле и по пропорциональной системе.

Достоинно внимания, что фракции социалистов-революционеров и социал-демократов, приняв единогласно эту резолюцию, заявили, что воздерживаются от голосования ее в части, касающейся изменения избирательного закона, «по принципиальным соображениям», но, «считаясь с исключительным моментом... принимают активное участие в создании власти, оставляя за собою право борьбы за восстановление избирательного закона во всей его полноте».

Через месяц на новом съезде² правительство Крыма, давая отчет о своей деятельности, в числе своих заслуг указывало

¹ Телеграфная лента, 4 декабря 1918 года.

² «Съезд губернских гласных Крымского уезда, председателей уездного управления и городских голов». 27 ноября.

на отмену постановлений 1) о предании полевому суду виновных в умышленном повреждении полей и лугов и 2) об отмене права министра внутренних дел предавать военно-окружному суду лиц, совершивших преступления против личности и собственности с 25 октября 1917 года по 25 октября 1918 года. Мотивами такого правительственного благодушия, по признанию самих министров¹, были: 1) то обстоятельство, что вначале «Крыму не угрожала еще никакая *внешняя* опасность», и потому самая «возможность порабощения большевиками никому не представлялась реально», 2) «внутренние условия организации правительства, тесно связанного с демократическими слоями общества», и 3) убеждение самого правительства, что необходимо проводить «грань между активными большевиками и неосуществимой попыткой искоренить путем мер устрашения большевистское настроение масс». Председатель правительства Крым утверждал, что «очагом большевизма в Крыму был пришлый матросский элемент, которого сейчас нет (?), а поддаваться чувству мести правительство считало невозможным»².

С этой идеологией и с такими методами Крымское правительство выступило на борьбу с большевизмом.

Подобное же направление получил вопрос о формировании вооруженной силы. На том же съезде 27 ноября фракция социалистов-революционеров, отражая мнение всей революционной демократии, внесла резолюцию, чтобы «правительство и впредь со всей решительностью отстаивало полное невмешательство внешних сил, в том числе и Добровольческой армии, во внутренние дела Крыма», и «чтобы организуемая армия носила характер *территориальный*, была предназначена *лишь* для охраны спокойствия в Крыму и содержалась на принципе обязательности для всего населения». Под влиянием социалистических фракций правительство дало объяснение, что «до созыва Крымского сейма абсолютно не предвидится мобилизации».

¹ Из журнала заседания Совета министров.

² Разговор по Юзу с Н. И. Астровым.

А выборы в Сейм постановлено было произвести в марте 1919 года, т. е. через 4 месяца после вступления во власть правительства Крыма. Большевизм между тем, ничем не сдерживаемый, ширился и наглел.

Еще со времени немецкой оккупации Крым стал убежищем большевистских деятелей, бывших комиссаров, перешедших на полулегальное положение и никем не беспокоимых. На улицах разгуливали свободно люди, которых молва называла убийцами и палачами первых трагических дней большевистского господства в Крыму. Коммунистические организации выпускали листовки и прокламации, появлявшиеся в изобилии даже на улицах Симферополя; комячейки профессиональных союзов держали в напряженном состоянии рабочую массу, по существу инертную и умеренную, но легко поддававшуюся провокации на почве безработицы, дороговизны и голода. Бывали часто случаи забастовок, вооруженного нападения на транспорты, следующие в добровольческие части, взрывы барж с боевыми припасами, нападения и убийства офицеров и т. д. Социалистическая печать, постановления демократических учреждений обращались к населению с призывом воздержаться от поступления в Добровольческую армию. Уезды кишели шайками разбойников.

В середине ноября начальник формировавшейся Крымской дивизии генерал Корвин-Круковский распустил приказ о вступлении в трехдневный срок в ряды Добровольческой армии всех офицеров, под угрозой полевого суда за неисполнение. Этот приказ, отданный без ведома начальника Добровольческого центра и Крымского правительства, вызвал большое волнение в последнем, усмотревшем в приказе нарушение своей державности и введение юрисдикции, не допускаемой на территории Крыма. Через несколько дней последовало разъяснение, в силу которого призыв был объявлен необязательным. Войсковые части вернулись вновь к укомплектованию добровольцами.

Этот эпизод подорвал в сильной степени авторитет Добровольческой армии — демонстрацией ее слабости.

Крымская печать откликнулась резкими нападками на армию. Социал-демократическая пробольшевистская газета «Прибой» особенно сильно травила и армию, и правитель-

ство. «Бюро татарского парламента» заявило протест против призыва офицеров-мусульман и сообщало, что приступает само к формированию особых «мусульманских частей»¹.

В Крыму не было ни сознания назревавшей опасности, ни желания активной борьбы. И не было той силы, которая могла бы побороть общественное равнодушие. Вопреки всем теоретическим предпосылкам, правительство, поставленное демократическим собранием, не находило опоры в крае; низы его не знали и не чувствовали; татарская общественность находилась к нему в постоянной и резкой оппозиции; революционная демократия мирилась с ним ровно постольку, поскольку его существование гарантировало от пришествия добровольческой власти, и давила на его волю, ставя его между собою и Екатеринодаром, как между молотом и наковальней. О буржуазии и говорить не приходится, если принять во внимание, что даже екатеринодарские кадеты горячо обвиняли министерство Крыма в «коллекционировании» на его территории большевиков.

По тону социалистических газет и резолюций партийных, профессиональных организаций и демократических самоуправлений видно было идущее crescendo «полевание», как говорили сводки; оно нашло смелое и гласное выражение в городе-крепости, занятом сильным иностранным гарнизоном, — в «оплоте» Крыма. 16 февраля конференция правлений профессиональных союзов, собравшаяся в Севастополе, вынесла резолюцию:

«Конференция правлений профессиональных союзов, обсудив всесторонне вопрос о власти, находит, что при создавшемся теперь положении, как внутри области, так и на крымском фронте, на пролетариат и беднейшее крестьянство Крыма ложится революционный долг прийти на помощь героической Красной армии и общими силами низвергнуть ненавистное краевое правительство. Исходя из этого, конференция постановляет немедленно объявить всеобщую политическую забастовку с требованиями:

¹ На съезде 26 января татары высказали полное сочувствие идеям Добровольческой армии, не проявив его, впрочем, никакой поддержкой объявленного призыва.

- 1) удаление Добровольческой армии;
- 2) отстранение краевого правительства;
- 3) восстановление в Крыму советской власти;
- 4) освобождение всех политических».

Положение добровольческих войск в Крыму при таких настроениях в моральном отношении было чрезвычайно тягостным. Оно не способствовало ни притоку добровольцев, ни подъему в рядах тех, что дрались на полях Таврии, на Перекопе и Чонгаре. Скудость средств и неорганизованность снабжения еще более отягчали положение.

К сожалению, в крымских войсках также было далеко не благополучно. На верхах шел разлад. Сменивший генерала Боду генерал Боровский, имевший неоценимые боевые заслуги в двух кубанских походах, выдающийся полевой генерал, не сумел справиться с трудным военно-политическим положением. Жизнь его и штаба не могла поддержать авторитет командования, вызывала ропот, однажды даже нечто вроде бунта, вспыхнувшего в офицерском полку в Симферополе. Поводом к нему послужили авантюризм и хлестаковщина еставшего известным впоследствии капитана Орлова и его сподвижников, но причины лежали несомненно гораздо глубже — в общих неустроениях быта и службы. Вообще дисциплина, служебная и боевая работа новых офицерских частей оставляли желать многого. Развернутые до нормальных размеров, с солдатским укомплектованием, эти части несомненно дали бы хороший боевой материал. Но в настоящем своем виде они требовали не просто исполнения служебного долга, а нечто большее — подвига, лишения, тяжкого, для многих непосильного труда. А того энтузиазма, который в исключительной обстановке Первого похода создал и закалил «старые» офицерские полки, уже не было.

Некоторые из переброшенных в Крым добровольческих частей не отличались должной выдержкой и тактом и своим демонстративным проявлением не к месту и не ко времени монархических и противодемократических тенденций давали пищу для нападок. Эти тенденции были присущи особенно гвардейскому офицерству, но и питались они в свою очередь отношением населения к армии. Таким же направлением отличался находившийся в Ялте отряд для охраны

лиц Императорской фамилии, который одним своим назначением вызывал уже ропот социалистической демократии.

Немало темных элементов попадало и в войсковые части, иногда просто самозванцы прикрывались трехцветным добровольческим шевроном. В северной Таврии они угнетали население незаконными реквизициями, подчас грабежами, в крымских городах производили незаконные обыски, «выемки», налеты, набрасывая густую тень на облик всего добровольчества.

Безнаказанность большевистских главарей, большевистской пропаганды и агитации вызывала скрытые меры противодействия: частью по инициативе местных начальников, частью самочинно стали возникать негласные контрразведки. Временами печать сообщала и о кровавых самосудах (Ялта, Севастополь и др.), которые все приписывались также добровольцам и вызывали волнение среди демократии, резолюции протеста, забастовки и т.д. Часто это было большевистской провокацией, иногда действительно делом рук офицерства. Но виновники, несмотря на принимавшиеся меры, обыкновенно не обнаруживались или оставались безнаказанными, вероятно, в силу той психологии, которая стала присущей и старшим и младшим чинам и которая ярко сквозит в описании тогдашней жизни Севастополя одним из военных начальников:

«Офицерская среда уже не могла сдерживаться от самочинных арестов и даже убийств.

Проезжими офицерами был застрелен в районе вокзала какой-то человек, распространявший большевистские прокламации, которого французский комендант не ликвидировал. Через несколько дней после этого случая несколько добровольцев-офицеров арестовали самочинно бывшего матроса шофера Лензука, убившего в январе 1918 года генерала Чебазского и его сына и некоторых других офицеров, и при конвоировании арестованного в комиссариат застрелили его. Оба случая попали в газеты с призывом «под суд». Вслед за тем комендант крепости получил телеграфное предписание о предании военно-полевому суду означенных офицеров. Распоряжение это вызвало целую бурю ропота. Офицерство говорило: «Когда матросы расстреливали офицеров,

никто из начальства пальцем не шевелил для их спасения; когда пришли немцы и была возможность вылавливать и казнить убийц, этого никто не делал, и бывшие матросы и убийцы открыто и смело разгуливали по улицам Севастополя. И когда, наконец, несчастное настрадавшееся офицерство начало вылавливать подобный вредный элемент, то начальство моментально позаботилось о предании суду того же офицерства».

Шли дни за днями, с севера надвигались уже регулярные советские дивизии, а дело развертывания крымских частей («Крымско-Азовской Добровольческой армии»)¹ не двигалось. Это было тем более досадным, что в трех северных уездах Таврии², где политические настроения, в силу постоянного и близкого общения с повстанческими бандами, были значительно напряженнее, мобилизация проходила все же сравнительно благополучно, а в Донецком районе (небольшая юго-восточная часть Екатеринославской губернии) — в этой некогда цитадели южного большевизма — объявленный тотчас по вступлении туда 3-й дивизии первый призыв двух возрастных классов дал свыше 7 тысяч человек.

Я настойчиво с первых же дней требовал проведения мобилизации в Крыму и одновременно введения военного положения со всеми возникающими из сего последствиями для того, чтобы иметь реальную возможность проведения набора. Моя телеграмма о «промедлении и пассивности» правительства вызвала обиду и ссылку на «неподготовленность населения, не совсем дружелюбное отношение к Добровольческой армии, которое правительству приходится преодолевать, и главным образом непонимание населением мысли о принудительном призыве в Добровольческую армию»³.

Винавер упускал из виду, что «энтузиазма» в народе не было нигде — ни в «Красной», ни в «Белой» России, и что

¹ Так именованы были с 10 января войска Крыма, Таврии и Донецкого бассейна (Май-Маевский), подчиненные генералу Боровскому.

² Мелитопольский, Днепровский, Бердянский. В них была гетманская администрация, смененная потом военным управлением Добровольческого командования.

³ Винавер. Телеграфный разговор со Степановым.

правительство, рассчитывавшее только на «энтузиазм», шло по пути, уже пройденному ранее в масштабе всероссийском.

Возникшие спорные вопросы потребовали личных переговоров, которые в середине декабря состоялись в Симферополе¹, потом в Екатеринодаре². В результате мы пришли к ряду соглашений. Гражданская власть в трех северных уездах передана была крымскому правительству с сохранением там военного положения. Правительство подтверждало полную готовность идти навстречу интересам армии, уравнивать репрессии военно-судебных органов Крыма и армии, принять решительные меры против печати в отношении травли и огульного осуждения офицерства, а также против пропаганды идей большевизма и т.д. От применения полевой юстиции в отношении некоторых преступлений гражданских лиц и от введения военного положения впредь до переезда Ставки правительство уклонилось.

Перенос Ставки в Севастополь был решен под влиянием слагавшейся в декабре военно-политической обстановки и с целью избавить Ставку и кубанское правительство от нервирующей друг друга близости. Крымское правительство в этом случае добровольно слагало с себя верховную власть. Но ввиду преждевременных слухов об уходе правительства по обоюдному соглашению последовало официальное разъяснение, что «отношения командования армии и крымского правительства остаются на прежних основаниях», в будущем же «определятся взаимным соглашением и условиями, которые будут созданы фактом перехода штаба».

По этому поводу совершенно неожиданно я получил через французскую миссию уведомление генерала Франше д'Эстре: «..Нахожу, что генерал Деникин должен быть при Добровольческой армии, а не в Севастополе, где стоят французские войска, которыми он не командует». Я ответил, что в отношении армий Юга пользуюсь всей полнотой власти и избираю место стоянки, руководствуясь мотивами политическими, стратегическими и расположением подчиненных мне войск. Одновременно через Сазонова обращено было внимание французско-

¹ Поездка генералов Лукомского, Н. И. Астрова, В. А. Степанова.

² Приезд С. С. Крыма.

го правительства «на недопустимость ни по существу, ни по тону подобного обращения французского генерала».

Впоследствии, исключительно под влиянием изменившегося положения фронта, от мысли этой пришлось отказаться.

При таких условиях объявлена была сначала мобилизация офицеров до 40-летнего возраста, потом к 30 января призыв одного возрастного класса (родившихся в 1897 году).

Призыв не прошел.

Обескураженное такой неудачей, крымское правительство отказалось от борьбы и спешно отменило объявленный уже призыв двух следующих возрастов. Авторитету правительства, командования и самой идее борьбы с большевизмом этой демонстрацией нашего бессилия нанесен был непоправимый и окончательный удар.

Под влиянием ряда фактов из области попустительства большевикам и вмешательства в дело обороны я послал 16 марта Крымскому правительству предложение ультимативного характера — «отказаться от того гибельного пути, на который оно вышло, объявить военное положение и предоставить вытекающую из него власть командующему армией»... В противном случае я угрожал приказом генералу Боровскому «приступить к эвакуации добровольческих войск из Крыма».

В телеграмме моей было много чувства горечи и раздражения, но реальных результатов она принести не могла. Из последовавших постановлений правительства и беседы С. С. Крыма с генералом Боровским следовало, что правительство «готово всегда отменить свои постановления», готово «каждую минуту выйти в отставку — для пользы дела приняв на себя инициативу перед населением». Правительство утверждало, что оно «сделало все ему доступное, чтобы материально и нравственно поддержать Добровольческую армию, и с самых первых дней своего существования связывало свою судьбу с армией...». Отрицая возводимые на него обвинения, правительство, на этот раз не без основания, добавляло, что едва ли можно было ожидать такой меры, как отозвание армии из Крыма, ибо армия защищает не Крымский край, а общее российское дело¹.

¹ По телеграфной передаче Набокова 23 марта 1919 года.

В свою очередь генерал Боровский не имел никакого желания брать на себя бремя загубленной уже власти. Он доносил, что теперь уже поздно: введение военного положения, когда все силы выдвинуты на линию фронта, будет «покушением с негодными средствами». В качестве паллиатива под председательством Боровского был образован «комитет обороны» в составе председателя правительства, министров военного и внутренних дел и некоторых других лиц.

«Комитет обороны» — по длительному печальному опыту гражданской войны являлся всегда предтечей катастрофы.

• • •

Крымские части, вместо того чтобы разворачиваться и формироваться под прикрытием союзных войск, были выдвинуты на линию Каховка (на Днепре) — Феодоровка (впереди Мелитополя) и далее к востоку, входя в связь по железнодорожной линии от Бердянска с войсками генерала Май-Маевского. Имея перед собою многочисленные, до 10—12 тысяч, но плохо организованные повстанческие банды, наши части в течение 1½ месяца успешно боролись с ними.

В середине января армии Украинского советского фронта сосредоточились левым своим крылом в районе Александровск—Синельниково—Гришино, и можно было ожидать активных действий их и в крымском направлении. Для противодействия этому приходилось вывести все добровольческие части Крыма¹ на фронт в северную Таврию, и на основании категорических заявлений генерала Бертело о предстоящей помощи нам я просил его для обеспечения порядка в тылу занять хоть маленьким союзным гарнизоном ряд крымских городов. Генерал Бертело вновь обещал, но при этом потребовал три больших русских парохода, которые и были даны для «перевозки войск»².

Союзные войска, однако, не появлялись.

В начале декабря сошел на берег десант английской морской пехоты — батальон с пулеметами; через две-три недели он ушел, и в конце декабря в Севастополе высадился французский отряд — полк с двумя батареями, под начальством

¹ Не более 5 тысяч.

² Обмен телеграммами от 19 января и 4 февраля.

полковника Рюэ. Назначение отряда было совершенно непонятно. На фронт он идти не собирался. Рюэ держал себя начальником в Севастополе, резко в отношении коменданта и чинов Добровольческой армии, покровительственно в отношении членов правительства, которому давал неизменно обещания о грядущей помощи, поддерживая его иллюзии. Рюэ не принимал никаких мер в отношении севастопольских большевиков и вместе с тем не допускал «вмешательства в политическую борьбу» коменданта и добровольческих частей. Когда генерал Боровский под давлением бурных митингов и приостановки всех работ на Добровольческую армию ввел своею властью в крепостном районе военное положение, Рюэ, поддержанный Винавером, категорически запротестовал: он не может согласиться на «выступление добровольцев против демократии»; ничего не имеет против предоставления чрезвычайных полномочий министру внутренних дел, но силу даст только для подавления вооруженного выступления.

«Рабочий народ» требовал советской власти... Рюэ издавал обращение к населению, что он никакой большевистской власти не признает... На «Мирабо», французском броненосце, потерпевшем аварию и чинившемся в доке, делегация «мирных демонстрантов-рабочих» в то же время получала заверения от «товарищей французов», заинтересованных в нормальном течении работы, что они «никогда не подымут руки против голодающего рабочего»... Рюэ опровергал в газетах смысл данных делегации заявлений, и т.д., и т.д.

Севастополь — наша база — представлял собой котел, ежеминутно готовый взорваться. В результате одного из грандиозных митингов, на котором вынесена была вновь резолюция о ниспровержении правительства и армии, военные власти произвели несколько арестов, но городское самоуправление потребовало от Рюэ освобождения арестованных, и последний настоял на исполнении его требований. «После этого случая, — пишет начальник штаба крепости, — и вплоть до эвакуации Севастополя, если и производились аресты (даже убийства), то только самочинные...»

Между тем в конце февраля войска Украинского советского фронта, усиленные из резервов до 20—25 тысяч, перешли в наступление на фронте Юзовка—Волноваха—Бер-

дянк — Мелитополь, одновременно угрожая нашему левому флангу со стороны Херсона. В первых двух направлениях большевики потерпели неудачу. Но захватив Мелитополь и выйдя к Бердянску, они разъединили войска Крымско-Азовской армии, которая отошла частью на Мариуполь, частью на перешейки. 13 марта наши части, обойденные десантом от Геническа, оставили и Сальский перешеек (восточный).

Крым был отрезан от питавших его хлебом и углем районов.

Ввиду общего тяжелого положения на фронте вооруженных сил Юга помочь было нечем. Я хотел перебросить в Крым часть бригады Тимановского из Одессы, но генерал д'Анзельм, бросив к этому времени Николаев и Херсон и отводя союзные войска к Одессе, все же отказал мне в этом. В начале марта в Севастополе высадился полк греков, и после длительного воздействия на французское командование *две греческих роты* были двинуты на перешейки, где доблестно дрались.

Это было все, чем выразилась помощь союзников в Крыму.

12 марта прибыл в Севастополь генерал Франше д'Эспре. Прием им военно-морских начальников и членов правительства отличался грубостью. Он говорил раздраженно о «постыдном поведении русских офицеров, особенно за границей», о русской интеллигенции и буржуазии, которая «прячется за спины армии союзников (!)». Предупреждал, что «русские не должны думать, что союзники будут воевать за них, а должны сами идти на фронт...». Испытав до дна смирение своих невольных слушателей, генерал приказал все формирующиеся в Севастополе добровольческие части немедленно вывести на фронт, сменил Рюэ, назначил «командующим союзными войсками в Крыму» полковника Труссона и обещал, что если фронт продержится две недели, то им будет дана помощь.

Мы, русские, сами знали хорошо свои вины, но что — какое соучастие, какое самопожертвование — что давало право *им* быть нашими судьями?

Ожидание обещанной вновь помощи стало единственным стимулом всех упований крымского правительства. И даже уже после одесской эвакуации, обеспокоенное «усилением недружелюбного и подозрительного отношения к союзникам»,

правительство констатировало «максимум энергии Труссона» и «значительно большую активность со стороны союзников в деле обороны Крыма», убеждало Ставку проникнуться самой и внушить местному командованию «необходимость наибольшей степени доброжелательности по отношению к союзникам»¹. А в то же время командующий французской эскадрой адмирал Амет говорил нашему представителю: «Все обещания активной поддержки Добровольческой армии были даны лицами, недостаточно для этого уполномоченными и давно не бывшими во Франции, а потому незнакомыми с ее состоянием в настоящее время.. Вследствие распространенного там мнения, что «война окончена», у меня нет уверенности в возможности заставить наши части драться».

На перешейках шли бои вяло, без подъема, без воодушевления, с опасливой оглядкой на тыл. Вместо отправления в приемники (запасные батальоны) или переброски на другие фронты мобилизованные северной Таврии вливались на месте в боевые части. Не изжив большевизма, вынужденные драться против своих же односельчан, мобилизованных «атаманами» или большевиками, или участвовать в усмирении своих же сел, они дезертировали в большом числе.

Переправившись также у Алешек и Каховки, большевики силами до 15 тысяч продолжали наступление и овладели Перекопом. Успешные вначале контратаки наши не изменили положения. Части крымского фронта под натиском противника, по приказанию Ставки, начали отступление в направлении на Керчь, и 27 марта красные заняли узловую станцию Джанкой. Началась эвакуация Симферополя. Крым охватила паника, и человеческие волны в поисках спасения покатались к портам. Все свободные суда, находившиеся в распоряжении главного командования, были посланы к берегам Крыма для спасения беженцев.

Красные войска наступали в двух направлениях. Главные силы их преследовали отступавшие части крымских добровольцев, которые к середине апреля достигли Акманая. Здесь, в наиболее узком и обороноспособном месте Керченского по-

¹ Телеграфная беседа Набокова с Астровым 23 марта.

луострова, наши войска были остановлены и дали отпор противнику.

Другой небольшой отряд советских войск наступал от Джанкоя на Севастополь, не встречая сопротивления.

...

Между 30 марта и 2 апреля в Севастополе высадилось до 4 тысяч алжирских стрелков и сенегальцев, что вместе с прежним гарнизоном составило до 7 тысяч штыков при 8 орудиях. На рейде стояла союзная эскадра с мощной судовой артиллерией. Высшее командование в этом районе всеми французскими силами принадлежало французскому адмиралу Амету, на суше командовал полковник Труссон, который 28 марта объявил осадное положение и принял на себя всю власть в Севастополе.

Между тем местный большевистский революционный комитет с утра 29-го расклеивал уже по городу свои приказы и прокламации, требуя прекращения работ по эвакуации и воспрепятствования выходу в море кораблей. По инициативе того же комитета группа матросов подготовила взрыв огромного транспорта «Рион», наполненного несчастными беженцами, преимущественно женщинами и детьми. От взрыва бомбы пострадало более 100 человек (21 убит). К счастью, остальные заложенные бомбы были вовремя обнаружены и потоплены. Главные виновники взрыва скрылись, пособники... «при попытке бегства с корабля были убиты».

Суровая формула жуткого времени...

Все последовавшие действия французского командования клонились по существу к вырубке чинившегося «Мирабо». Хаотическая эвакуация напоминала одесскую и произведена была в весьма ограниченных размерах, так как все лучшие пароходы были расписаны под французские и греческие войска и грузы. 2 апреля адмирал Амет распорядился о немедленном оставлении Севастополя всеми чинами Добровольческой армии и прекратил в этот день фактически эвакуацию русских людей и нашего военного имущества. По распоряжению Амета адмирал Саблин должен был уйти с судами, которые он успел вывести, не позже вечера 3 апреля¹. В угоду севастополь-

¹ Донесение адмирала Саблина от 4 апреля.

скому «революционному комитету» французские власти наложили арест на продовольственные грузы Добровольческой армии, арестовали весь состав крымского правительства и под угрозами потребовали сдачи им краевой казны и возвращения севастопольскому — уже большевистскому — казначейству пособий, розданных по распоряжению правительства и коменданта несчастному служилому люду. Военное и морское имущество, неисправные суда, авиабазы и т.д. были брошены или подверглись разрушению — были союзниками «обезврежены, чтобы ими не воспользовались большевики»...

Французское командование принимало решительные меры, чтобы отмежеваться от всякого общения с российской «контрреволюцией» и тем облегчить предстоящие переговоры с большевиками.

В эти дни нашего национального несчастья ответственными представителями Франции, казалось, было сделано все, чтобы переполнить до краев чашу русской скорби и унижения. Вот, например, финальный эпизод, характерный для всей эвакуации... 3 апреля ушел последний русский пароход «Георгий», и на внешнем рейде стояли еще иностранные пароходы, приютившие беженцев. На одном из них — французском пароходе «Дюге-Труян» — находился начальник штаба крепости генерал Рерберг и чины штаба (с семьями), до последнего момента исполнявшие свои обязанности. 7 апреля получено было приказание с французского флагманского судна — всем русским офицерам покинуть французский корабль. «Приходилось, — пишет Рерберг, — попадать в руки большевиков или кидаться в море...» Выручил английский адмирал, принявший офицеров с семьями на свой транспорт.

2 апреля началось наступление большевиков на Корабельную слободку и Инкерманский водопровод, не занятый союзниками, который большевики и захватили к ночи, оставив город без воды. На следующий день встретились советские и французские парламентарии, и начались переговоры. Но большевики были требовательны, и два дня поэтому гремели орудия союзного флота, производя впечатление довольно внушительное на ничтожный численно большевистский отряд, подступивший к городу. 5-го все стихло: французы

заключили с большевиками перемирие, не нарушавшееся до 15 апреля, когда закончилась эвакуация французских и греческих войск. Печать сообщала о каких-то беспорядках среди французских матросов и солдат, о шествиях в городе с красными флагами, в которых будто и французы принимали участие, об усмирении манифестантов огнем, открытым цветными войсками и греками...

Корабли с беженцами шли в Константинополь, в Пирей, к берегам Черноморской губернии. Крымские правительственные учреждения высадились в Новороссийске и Туапсе, возбуждая вопрос об «иммунитете» в качестве представителей «союзной державы». Полагая, что роль крымского правительства уже закончена, я дал указание черноморскому губернатору считать чинов правительства и прибывающих учреждений его — частными лицами; Керченский уезд поступил в управление Особого совещания.

Там, на Акманайских позициях, устроенные и переформированные в дивизию части бывшей Крымско-Азовской армии, поддержанные с Черного и Азовского морей огнем орудий русского и союзного флотов, главным образом английских, в течение двух месяцев отстаивали упорно последний клочок Таврического полуострова, послуживший нам в начале июля исходным плацдармом для нового победного наступления.

И в этой тяжелой боевой работе мы не были оставлены попечением французского командования. 5 апреля, следовательно, уже после «Одессы» и «Севастополя», генерал Боровский получил чрезвычайно резкое и оскорбительное письмо от французского капитана 2-го ранга Бенета, назначенного «командующим отрядом судов для обороны Керченского полуострова». Бенет, на основании инструкции командующего флотом, между прочим писал:

«...Я должен быть поставлен в известность представителем генерала Деникина об отданном последним приказании о передвижениях Добровольческой армии. Эти передвижения могут быть допущены только по письменному распоряжению, подписанному представителем генерала Деникина и мною. В противном случае я буду противодействовать силой... Было бы также желательно сообщить генералу Деникину, что

союзники — хозяева моря и что на нем не должно делаться ничего без их на то согласия...»

Генерал Романовский сообщил французской миссии, что ввиду «явно вызывающего характера этого сообщения» главнокомандующий ВСЮР находит необходимым, чтобы капитан Бенет был немедленно отозван, так как исполнение им своих угроз может вынудить начальников добровольческих войск к действию артиллерией против французских судов.

Капитан Бенет, по уведомлению генерала Франше д'Эспре, был отчислен от должности¹. В сущности, он только слишком прямолинейно выполнил полученный приказ и выразил, хотя и в лапидарной форме, именно те взгляды и те отношения к нам, которые сложились прочно на верхах французского командования на Юге России.

ГЛАВА XXXI

ПРОТОКОЛ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. ИДЕЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ. ПРИЧИНЫ ЕЕ НЕУДАЧИ

Чем объяснить роковую для нас политику Франции в 1919 году и образ действий ее представителей на Юге России? На это могут дать исчерпывающий ответ архивы французских министерств. Но и в нашем распоряжении есть некоторые материалы, приоткрывающие завесу над этим больным вопросом.

До самого последнего момента французское правительство поддерживало и в своих генералах и в русских идею о вооруженной помощи.

Вернувшись из Одессы 10 марта после свидания с Франше д'Эспре, генерал Бертелло передавал русскому посланнику в Бухаресте Поклевскому-Козелл о «твердом решении францу-

¹ Телеграмма генерала Боровского от 5 апреля. Нота генерала Романовского от 16 апреля № 05320, нота полковника Корбейля от 27 апреля, № 1755.

зов сохранить Одесский район». Бертелло говорил о развертывании польской дивизии севернее Черновиц и 7 румынских по Днестру; о высадке в ближайшие дни в Одессе 9 батальонов французских волонтеров и следующих за ними 18 батальонах цветных войск; об изыскании тоннажа для снабжения Одессы, более 30 тысяч тонн в месяц. «Но все-таки, — писал Поклевский-Козелл, — я не заметил в нем (Бертелло) уверенности в том, что Одесса будет удержана»¹.

4 апреля нового стиля, т. е. *через день после объявления эвакуации Одессы*, в Париже, на Quai d'Orsay состоялась англо-французская конференция, на которой был выработан сообщая порядок осуществления французской интервенции. Статьи «протокола», составленного в результате обмена мнениями французским министерством иностранных дел и помеченного датой 11 апреля нового стиля, заключались в следующем:

«1. Высшее французское командование не будет чинить никаких препятствий к набору русских контингентов генералом Деникиным и офицерами, его представляющими, под условием, чтобы принимаемые к-таковому набору меры не имели бы результатом возникновение беспорядков в зоне, где французское командование ответственно за сохранение порядка.

2. Непосредственное командование над русскими частями, формируемыми на местах, примут русские офицеры, предпочтительно из армии генерала Деникина или из других организаций, в случае, если эти части, горя желанием сражаться против большевиков, не захотели бы служить в армии генерала Деникина.

Разумеется, эти части будут чисто русские, за исключением союзного или французского кадра, но они смогут получать помощь союзными инструкторами или техническими советчиками.

3. Русские войска, находящиеся во французской зоне и признавшие авторитет генерала Деникина, могут, по соглашению генерала Деникина с высшим французским коман-

¹ Письмо Поклевского-Козелл на имя Сазонова от 12 марта 1919 года, № 29.

дованием, быть использованы либо первым на его театре военных действий, либо быть окончательно предоставлены в распоряжение второго.

Русские войска, отказывающиеся от подчинения генералу Деникину, остаются в распоряжении высшего французского командования.

4. Генерал Деникин и высшее французское командование условятся, чтобы русское имущество, сложенное в зоне французских действий, было либо использовано при формировании русских войск этой зоны, либо предоставлено в распоряжение генерала Деникина.

Последний не будет препятствовать посылке во французскую зону припасов излишнего продовольствия (провиант и топливо), которые могли бы иметься в его собственной зоне.

5. Генерал Деникин и высшее французское командование будут взаимно держать друг друга в полном курсе своих операций и нужд посредством миссий для связи. Они будут по мере возможности оказывать друг другу взаимную поддержку.

6. Русские торговые суда, находящиеся в пользовании союзников, могут быть употреблены для русских военных перевозок и для продовольствия русских войск. Высшее французское командование не будет чинить никаких препятствий к применению для этой цели под русским национальным флагом русских судов, находящихся в Черном море, под условием, чтобы они обслуживались русским экипажем, подчиняющимся генералу Деникину. В пределах возможности эти суда, если придется, будут способствовать возвращению на родину русских солдат, находящихся вне русской территории.

Русские суда, правильно зафрахтованные дружественными правительствами, останутся в распоряжении этих правительств, кроме как в случае невозобновления таковыми контрактов по истечении их срока.

Русским военным судам, которые вооружены русским экипажем, подчиняющимся генералу Деникину, разрешается плавать под русским флагом».

Интересно, что текст этого протокола без предварительного сношения со мною и в форме императивной был прислан мне только через полтора месяца, после всех траги-

ческих событий Одессы и Крыма, завершившихся исходом французов, и после того, как на всех фронтах ВСЮР обозначился большой успех, предвестник скорого освобождения Новороссии и Крыма¹.

От моего имени отвечено было французской миссии²:

«Я очень благодарен за присылку мне протокола от 4 апреля, но несколько недоумеваю, как можно провести его в жизнь, приняв во внимание:

1) что на территории Вооруженных сил Юга России я осуществляю *Верховное командование* армиями, а на территории, занятой Добровольческой армией, — и *Верховное управление*,

2) что в операциях русских армий не предусмотрено участие французских войск».

Еще через месяц аналогичное уведомление пришло из британской миссии, с просьбой сообщить — не имеет ли генерал Деникин что-либо прибавить к ранее данному французам ответу. По этому поводу было сообщено³:

«Территория Крыма к данному времени освобождена исключительно частями ВСЮР и будет подчиняться в порядке Верховного управления Верховному правителю России, временно же главнокомандующему вооруженными силами на Юге России, генералу Деникину.

Далее, главнокомандующий, будучи крайне благодарен за всякую материальную помощь со стороны союзников, считает, что зоны французского и английского влияния

¹ Нота начальника французской миссии полковника Корбейля от 14 мая, № 1926. В ней было между прочим указано, что упомянутый протокол «является дополнением франко-английского договора от 23 декабря (нового стиля) 1917 года о зонах действий (*les zones d'action*) — французской и английской — договор, который остается в силе и в данное время».

Напомню границу «зон»: Константинополь—Керчь—Ростов—р. Дон; к востоку — английская, к западу — французская.

² Нота 20 мая, № 714, генерала Драгомирова.

³ Нота генерала Лукомского.

должны иметь значение лишь в смысле оказания *именно материальной помощи*, но право распоряжения русскими войсками как в той, так и в другой зоне в полной мере остается за главнокомандующим, генералом Деникиным».

Вся эта переписка свидетельствует, что руководители французской политики, невзирая на противодействие своей демократии, не оставляли все же идеи вмешательства в русские дела, притом в формах наиболее активных — *интервенции и оккупации*. Причины неосуществления этих попыток нужно искать, следовательно, в другой области.

Каково же было *официальное* объяснение событий?

Обращая мое «благосклонное внимание» на «недопустимое отношение к Франции, создавшееся в местностях Юга России», генерал Франше д'Эспре писал после катастрофы Одессы и Крыма:

«...Весьма прискорбно, что русское общественное мнение может верить тому, что оставление Одессы французским командованием было произведено им намеренно, хотя в его распоряжении имелось достаточно военных средств, которыми оно намеренно не воспользовалось. Вы так же хорошо, как я, знаете истинные причины эвакуации Одессы — те же, между прочим, что заставляют нас в настоящее время покинуть Севастополь. Эвакуация обоих этих городов произошла исключительно вследствие невозможности обеспечить их продовольствование, ввиду чего там готова была разразиться революция. С военной точки зрения мы никакого поражения не потерпели, и если бы не опасение обречь население этих двух городов на голод, мы бы остались на наших позициях прикрытия».

Объяснение оставления Одессы и Севастополя невозможностью продовольствовать эти города в устах стратега звучало слишком неубедительно. Ведь стремление удержать *только одни эти города*, даже без ближайших подступов к ним, и в военном и в политическом отношении было бы бессмыслицей. Ведь возможность обороны и продовольствия достигалась легко выдвижением вперед и занятием широких плацдармов. Источник той горечи и тех обвинений, кото-

рые неслись отовсюду по адресу союзников, был значительно глубже. Французов обвиняли за брошенные широко и щедро обещания и обманутые надежды, за оставление на произвол судьбы Новороссии и Крыма, за все отношение их и к русскому противобольшевистскому движению, и к русской армии, за ничем не оправдываемую и невыполнимую 48-часовую «эвакуацию».

Французский генерал не сделал того естественного вывода, который вытекал из его признания: при отсутствии возможностей и средств стоило ли вести опасную политическую игру?..

В той версии, которую передавал нам английский главнокомандующий генерал Мильн, посетивший Екатеринодар 11 апреля, заключался намек и на другую, более важную причину эвакуации:

«Вопрос об эвакуации Одессы был решен в Париже в Совете Десяти, на основании донесений генерала д'Анзельма и полковника Фрейденберга о катастрофическом положении продовольствия в Одессе и *прекрасном состоянии большевистских войск*. Англичане энергично протестовали против предложения немедленно эвакуировать Одессу, но французы настояли на своем, и приказ Совета Десяти о немедленной эвакуации был послан из Парижа, минуя Константинополь, непосредственно в Одессу».

Переоценка большевистских сил явилась несомненно результатом той психологической реакции, которую испытывала французская армия-победительница. Чрезвычайно ценным в этом отношении является свидетельство полковника генерального штаба Энкеля¹, близко соприкасавшегося со ставкой генерала Франше д'Эспре и установившего как с ним, так и с его штабом дружественные отношения. Вот как описывает он настроения штаба «главнокомандующего армиями на Востоке» накануне падения Одессы:

«Генерала Франше я здесь не застал.. Главнокомандующий выехал в Одессу и Севастополь для личного ознакомления на

¹ Во время войны полковник Энкель состоял русским военным агентом в Сербии при сербском короле и Салоникской армии. Ныне занимает высший пост в Финляндии.

местах с положением дел и вернулся сюда лишь 11-го. В ожидании его я повидал начальника штаба, начальников оперативного и разведывательного отделений и с каждым из них имел длинные беседы на интересующие нас темы. Наконец, с приездом главнокомандующего я дважды — 12-го и 13-го — подолгу беседовал с ним и, кроме того, имел весьма откровенные разговоры с сопровождавшими его в поездке офицерами генерального штаба, а равно с начальником здешней английской миссии генералом Бриджесом, представитель которого также ездил с генералом Франше. Французский майор генерального штаба, сопровождавший генерала Франше, начал изложение мне своих впечатлений словами: «Во-первых, я воочию убедился, что Украина — вздор. Буду поэтому называть эту часть России ее настоящим именем — Малороссией. Во-вторых, нам ясно, что между вами и нами не было до сих пор понимания друг друга, а следовательно и сердечности. Мы — доктор — не понимали вас — нашего пациента, а вы, заболев и позвав к себе доктора — нас, отнеслись к нему с подозрением в намерении воспользоваться вашей немощью для того, чтобы ограбить вас. Много ошибок было наделано нашими представителями на местах, но верьте мне, что причиной этих ошибок неизменно была трудность для названных представителей, подверженных сильным местным влияниям, разобраться в чрезвычайно сложных вопросах момента».

Как видите, такое начало, отражающее в себе взгляды главнокомандующего, является уже крупным шагом вперед, но переоценивать его отнюдь не следует... Помощь останется строго пассивной, а при известных условиях может и вовсе прекратиться. Для пояснения сказанного я коснусь ниже тех весьма существенных изменений в образе мышления союзников, которые произошли за мое отсутствие и которые красной нитью прошли через разговоры их со мной за эти дни.

Во-первых, французы, до сих пор одни стоявшие на точке зрения необходимости активного вмешательства в борьбу с большевиками в России, ныне, по-видимому, вовсе отказались от такой точки зрения. Убедившись в невозможности осуществить ее вследствие крайнего несочувствия ей общественного мнения и усталости армии, они помирились с возможностью потерять свои миллиарды в России. Во-вторых,

последние события на Юге России, в частности результат непосредственного соприкосновения с большевистскими войсками, произвели на французов сильное впечатление и вовлекли их в обобщения, едва ли оправдываемые теми немногими случайными явлениями и фактами, которые их поразили. Красные в боях под Николаевом и Херсоном якобы проявили качества, присущие лишь первоклассным войскам. Двинутые против них танки не произвели никакого впечатления и, несмотря на огромные потери противника, были им в большей части захвачены.

Красные в занимаемых ими пунктах водворяют и поддерживают строжайший порядок. Французов особенно поразило тщательно, по их словам, проверенный ими факт, что в Киеве, после царившей там анархии, полный порядок был восстановлен в 24 часа. Советские генералы собирают на своем пути офицеров и предлагают им вступить в «Русскую армию, сражающуюся за восстановление единой, великой России», и якобы имеют в этом направлении существенный успех.

Эти и другие сведения порождают в умах союзников вопросы и сомнения, парализующие уже и теперь их энергию в русском вопросе. Рассуждают они так: «На той стороне много видных генералов и офицеров, которые не могут быть большевиками, а между тем они работают вовсю по созданию сильного военного организма и по расширению границ Совдепии. Большевизм правее, вместо первоначальных интернациональных его лозунгов устами красных генералов провозглашаются национальные. Не перерождается ли первоначальное анархистско-коммунистическое движение в русское национальное, не повторяется ли история французской революции, т. е. не является ли организуемая ныне генералами с этой целью Красная армия решающим фактором в свержении Ленина и Троцкого и в создании твердой национальной власти?..»

Подобные вопросы занимают умы союзников, которые, как мне было сказано одним из наиболее авторитетных моих собеседников, не желали бы скомпрометировать себя перед национальным чувством будущей России¹.

¹ Выдержка из письма от 15 марта из Константинополя.

Я не знаю, насколько была искренней вера французов в преобразование «анархо-коммунистического движения в национальное», вера в «красных генералов» и в непобедимость банд Григорьева, к которым само советское командование относилось с нескрываемым пренебрежением. Но если даже эта вера была искренней, то вытекала она психологически не столько из оценки силы противника, сколько из сознания моральной неустойчивости своих собственных войск.

«Роилу» чрезмерно устал. Он не хотел уже более драться. Повергать его в гущу российского хаоса представлялось до крайности опасным...

•••

Страницы русско-французского альянса перевернулись, и книга захлопнулась вдруг, неожиданно, оставив надолго тяжелое чувство горечи, обиды и возмущения. Как реакция против всего случившегося, пронеслась по Югу волна возобновившихся германофильских симпатий. Не имея реальной почвы и не достигнув каких-либо конкретных результатов, она претворилась вскоре в одну из тем будирования и агитации против командования Юга.

Отношение к французам в обществе, печати, в армии становилось до крайности нервным и подчас вызывающим, угрожая дипломатическими осложнениями. Не скрою, что и мне лично нелегко было побороть в себе чувство горечи во имя соображений государственных. Последние взяли верх. И когда через некоторое время ко мне пришел полковник Корбейль, начальник французской миссии, подавленный всем случившимся, не желая никого оправдывать, делись только тем тяжелым моральным состоянием, в котором оказались чины французской миссии в Екатеринодаре, я сказал ему совершенно искренно:

— Что же делать. Что было, того не вернешь. Давайте общими усилиями восстанавливать те связи, которые так фатально нарушены теми или иными людьми, но которые диктуются насущными интересами обоих народов.

Содержание

ГЛАВА I. Крушение Германии и его ближайшие последствия для России.....	3
ГЛАВА II. Внутреннее и военно-политическое положение советской России к концу 1918 года.....	12
ГЛАВА III. Эвакуация австро-германских войск. Изменение политической карты России и организация противобольшевистских сил на Западе. Финляндия, Северо-Западная область, Эстония. «Северный корпус». Генерал Юденич.....	25
ГЛАВА IV. Латвия. Группа генерала фон дер Гольца. Литва. Польша. Идея объединенного Северо-Западного фронта.....	42
ГЛАВА V. Появление союзников на Юге России и их первые шаги. Планы интервенции.....	58
ГЛАВА VI. Кубань: правительство Быча и Чрезвычайная рада.....	72
ГЛАВА VII. Кубань: атаман Филимонов, правительство Сушкова и Законодательная рада.....	91
ГЛАВА VIII. Дон: события на Донском фронте в конце 1918 и в начале 1919 года. Борьба за единство военного командования на Юге.....	109
ГЛАВА IX. Дон: трагедия Донского фронта. Объединение Вооруженных сил Юга России. Уход атамана Краснова.....	127
ГЛАВА X. Добровольческая армия и флот. Силы, организация и снабжение.....	145
ГЛАВА XI. Моральный облик армии. «Черные страницы».....	163
ГЛАВА XII. Борьба на Северном Кавказе летом и осенью 1918 года.....	174
ГЛАВА XIII. Северокавказская операция Добровольческой армии.....	190
ГЛАВА XIV. Терек в 1919 году.....	204
ГЛАВА XV. Терско-Дагестанский край в 1919 году. Междоусобная борьба. Меджилис и англичане.....	217
ГЛАВА XVI. Наша и английская политика в Закавказье. Батумское генерал-губернаторство. Юго-Западная республика.....	246

ГЛАВА XVII. Грузия	268
ГЛАВА XVIII. Азербайджан	296
ГЛАВА XIX. Армения. Результаты английской политики	312
ГЛАВА XX. Украина: изменение политики с падением Германии. Борьба партий. Вооруженные силы	326
ГЛАВА XXI. Украина: последние дни гетманства	346
ГЛАВА XXII. Национальная диктатура. Особое совещание: состав и общее направление политики	366
ГЛАВА XXIII. Особое совещание: гражданское управление и самоуправление; рабочее и аграрное законодательство	396
ГЛАВА XXIV. Особое совещание: деятельность финансово-экономическая, юстиции, просвещения; пропаганда. Церковь	413
ГЛАВА XXV. Внешняя политика правительства Юга. Парижское военное и политическое представительство. «Русский вопрос»	433
ГЛАВА XXVI. Ясское совещание. Захват Одессы петлюровцами. Начало французской интервенции и переход власти в Одессе к Добровольческому командованию. Правление Украинской директории	450
ГЛАВА XXVII. Первые шаги Добровольческой власти в Одессе. Деятельность там русских политических организаций	470
ГЛАВА XXVIII. Украинские течения в Одессе. Политика французов в отношении Украинской директории и Вооруженных сил Юга	489
ГЛАВА XXIX. Военное положение Одесской зоны Французская оккупация. Падение Одессы	510
ГЛАВА XXX. Крымское правительство. Добровольческая армия в Крыму. Разногласия между Симферополем и Екатеринодаром. Французская интервенция в Севастополе. Падение Крыма	529
ГЛАВА XXXI. Протокол англо-французской конференции. Идея французской интервенции на Юге России. Причины ее неудачи	549